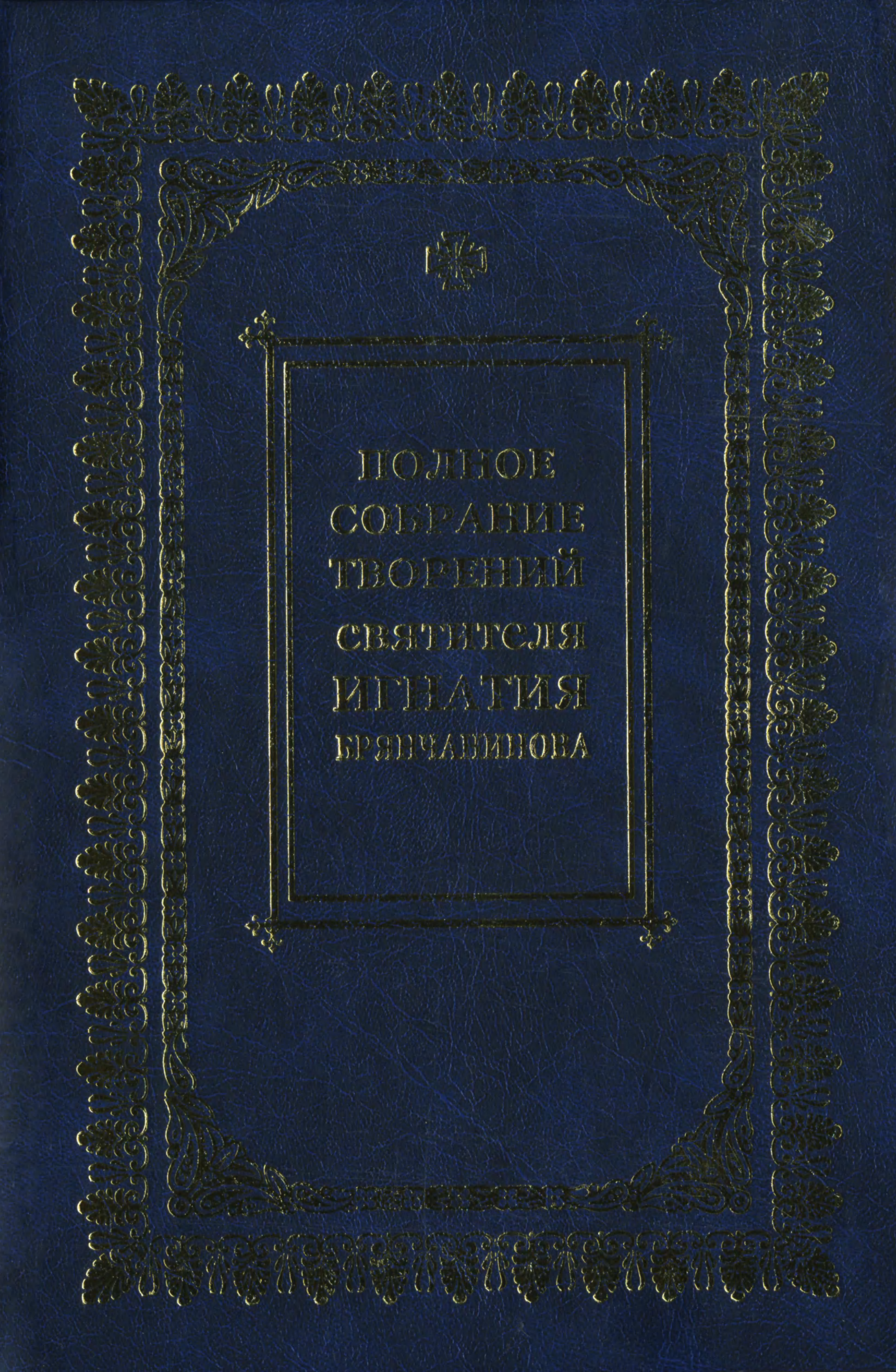
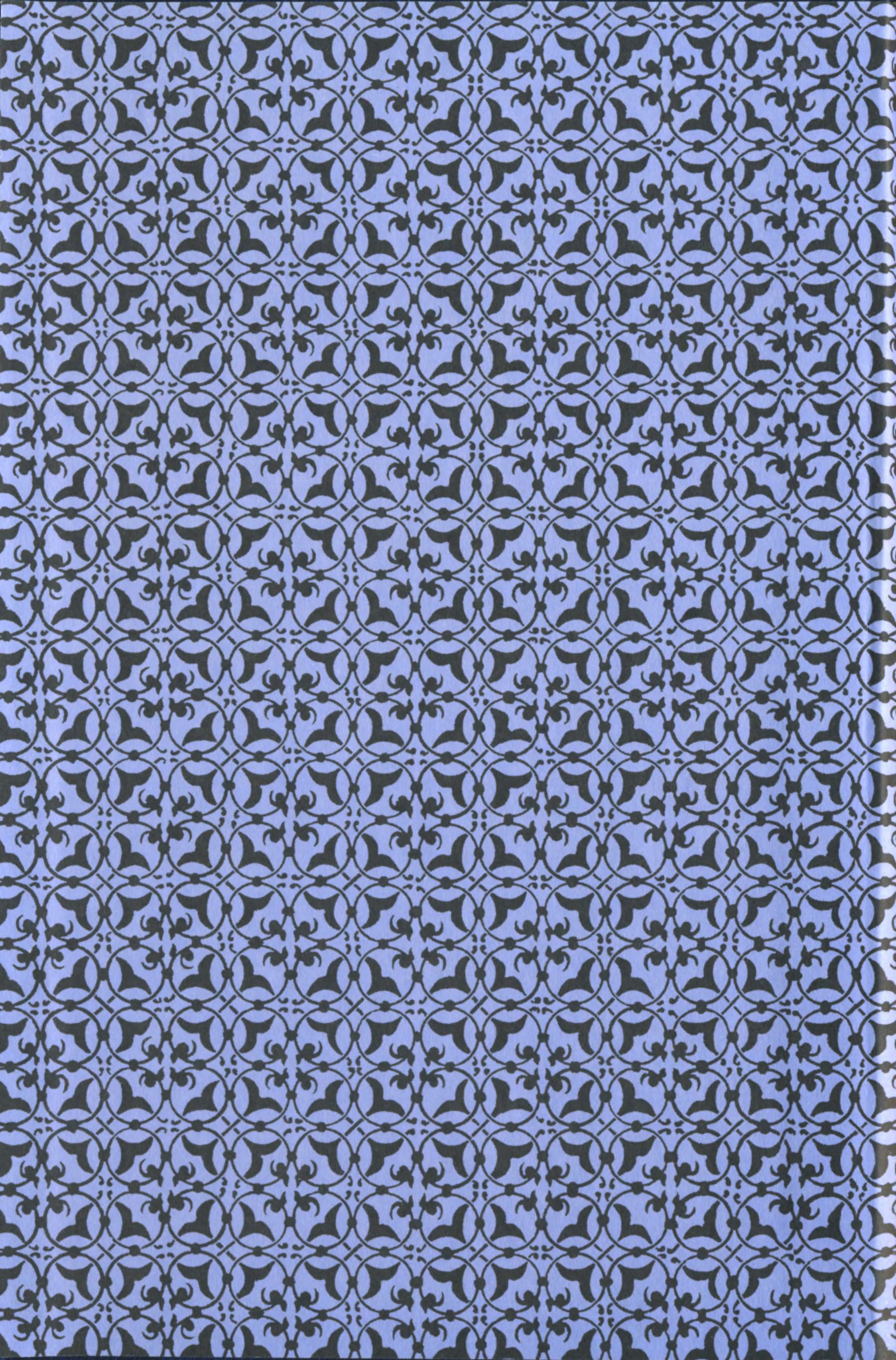
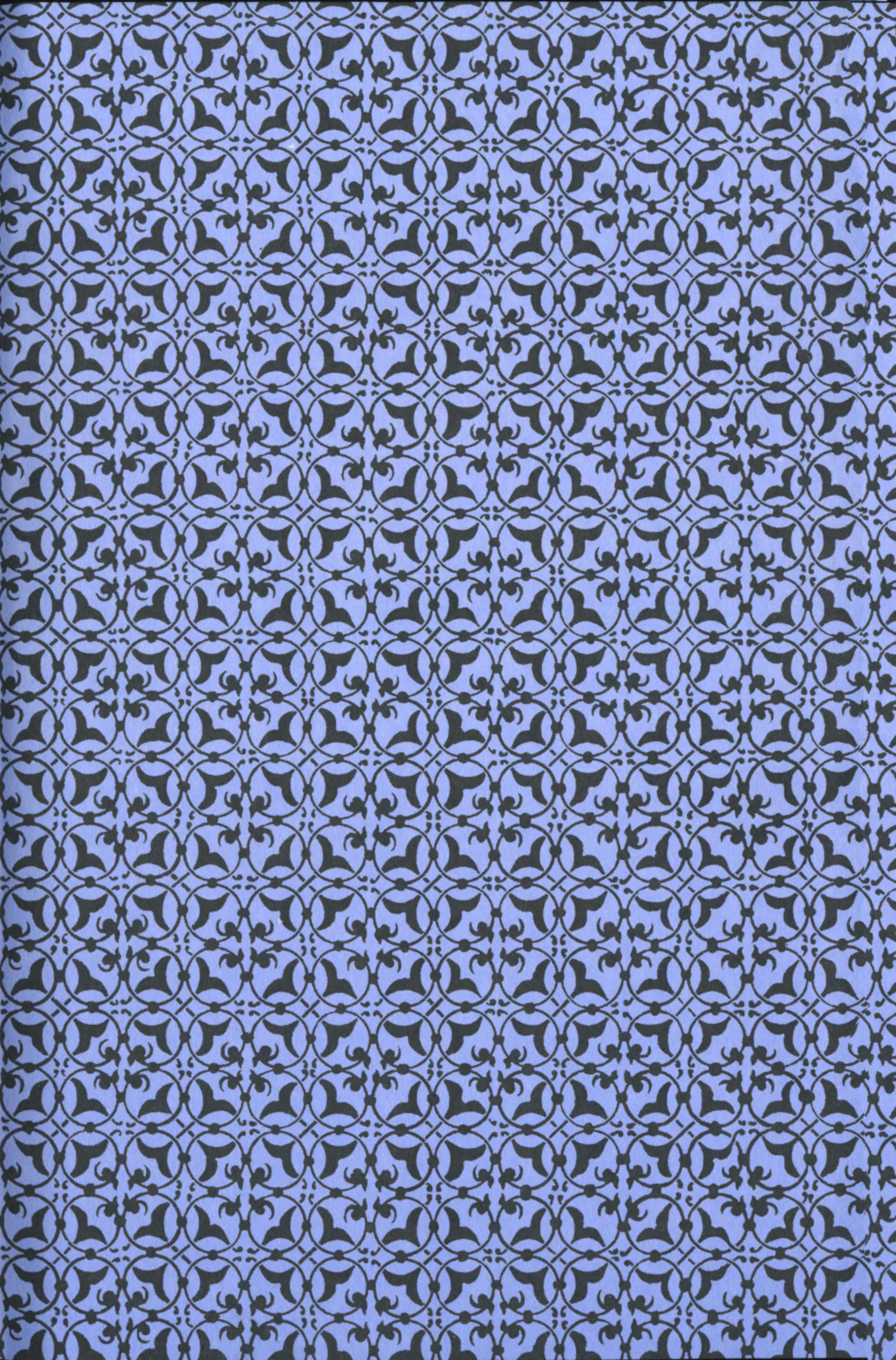

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ
СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ
БРЯНЧАНИНОВА

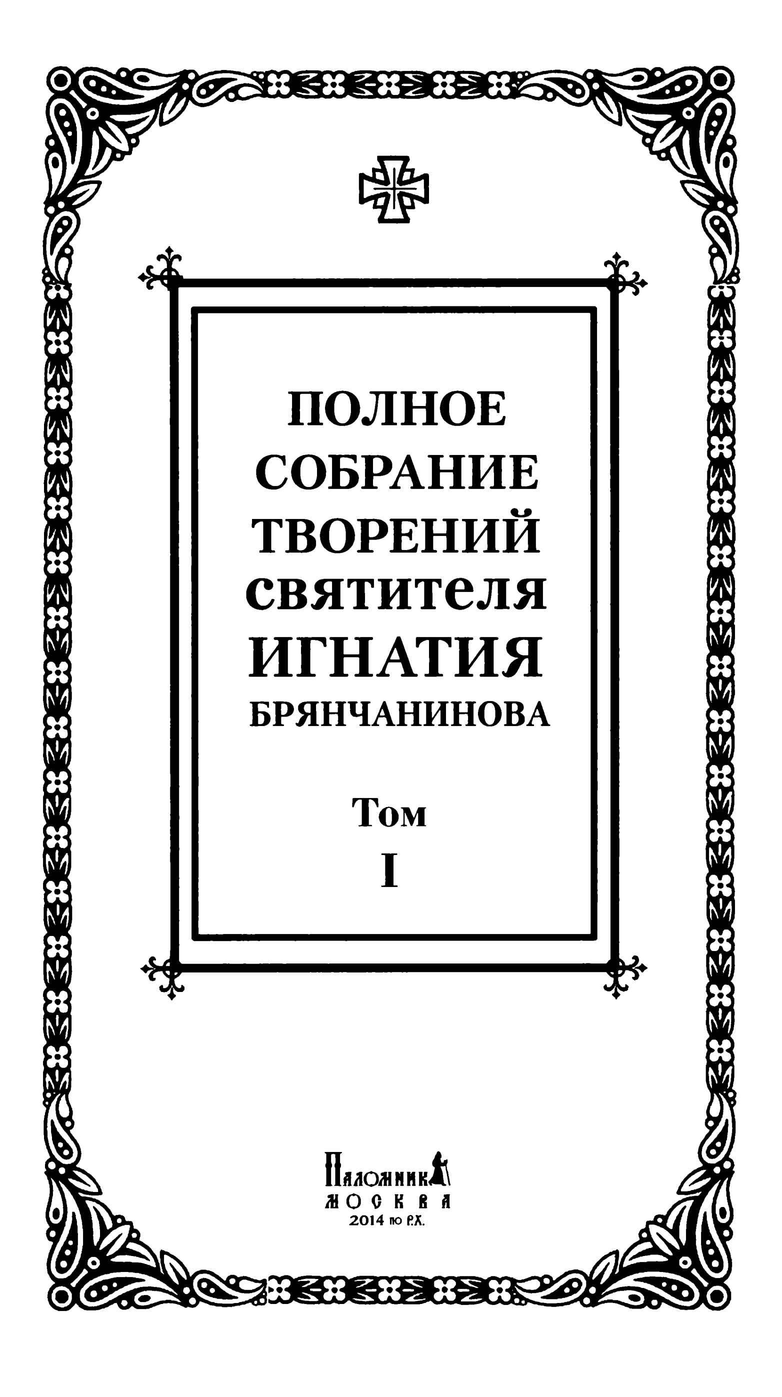




Полное собрание творений и писем святителя Игнатия Брянчанинова в восьми томах

Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова в пяти томах

Издание 2-е, исправленное и дополненное



ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ святителя ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том

I

Паломникъ
МОСКВА
2014 по Р.Х.

УДК 242
ББК 86.37.42
Б 89

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 10-09-0532

Общая редакция
О. И. Шафранова

Игнатий Брянчанинов, святитель
Б 89 Полное собрание творений и писем: В 8 т. / Общ. ред. О. И. Шафранова. — 2-е изд., испр. и доп.: Письма: В 3 т. — М.: Паломник, 2011; Творения: В 5 т. Т. 1. — М.: Паломник, 2014. — 656 с.

ISBN 978-5-88060-031-1

Второе издание Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова предваряет статья выдающегося специалиста по богословскому и нравственному учению Святителя, профессора Московской православной духовной академии, доктора богословия А. И. Осипова. В ней автор обращает внимание боголюбивых читателей на присущие настоящему времени трудности в понимании духовной жизни и предлагает ориентиры, на которые следует опираться для их преодоления.

В первом томе Полного собрания творений святителя Игнатия публикуются Аскетические опыты — первая часть, в Приложении — воспоминания о нем современников, а также роспись рода Брянчаниновых.

УДК 242
ББК 86.37.42

1-е издание вышло в 8 т. в 2001–2007 гг.:

составление и общая редакция
А. Н. Стрижёв

ISBN 978-5-88060-031-1

Предисловие

В 2001–2007 годах издательство «Паломник» впервые осуществило выпуск в свет Полное собрание творений выдающегося подвижника и духовного писателя святителя Игнатия Брянчанинова. При подготовке этого издания коллективом сотрудников была проделана большая работа по выявлению сочинений Святителя, не входивших ранее в собрания его творений, а печатавшихся отдельно или рассеянных в периодике, а также не бывших ранее в печати, хранящихся в архивах. Объем выявленных и включенных в публикацию текстов оказался весьма значительным и содержал помимо богословских и литературных произведений большой массив писем, а также воспоминания о Святителе его друзей и сотрудников и материалы, относящиеся к его служебной деятельности. Таким образом, Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова составило восемь достаточно обширных томов.

Издание было встречено с интересом и разошлось еще на стадии выпуска отдельных томов, то есть сразу же превратилось в библиографическую редкость. Учитывая это обстоятельство, издательство «Паломник» выпустило второе издание Полного собрания творений и писем святителя Игнатия Брянчанинова в восьми томах, исправленное и дополненное. При этом, приняв за основу первое издание, во втором внесены изменения в расположение материала. Во-первых, издательство намеренно приблизило содержание томов к их прижизненной публикации[1]. Это означает, что в каждом томе наличие и последовательность глав, их оглавления и отдельные комментарии к ним будут приведены в соответствие с изданиями 1865–1867 годов и 1870 года[2], когда расположение материала по томам определял сам святитель Игнатий Брянчанинов.

Что касается текстов, вновь включенных в Собрание, то они, как и в первом издании, помещены в приложениях к каждому тому.

---

[1] В изданиях 1886, 1905 и последующих годов содержание томов не совпадает с прижизненными изданиями. ‖ [2] «Отечник» был составлен преосвященным Игнатием, но вышел в свет после его кончины, в 1870 году.

Второе изменение в нынешнем издании по сравнению с первым касается писем святителя Игнатия и его корреспондентов, сосредоточенных теперь в специальных трех томах и выпущенных в свет несколько раньше, в конце 2011 года.

В результате этих изменений вновь изданное Полное собрание творений и писем святителя Игнатия Брянчанинова в восьми томах состоит теперь из:

Творения в 5 томах:

Том I. Аскетические опыты. Часть I.

Том II. Аскетические опыты. Часть II; Слово о Смерти.

Том III. Аскетическая проповедь.

Том IV. Приношение современному монашеству.

Том V. Отечник (Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их).

Письма в 3 томах:

Том I. Переписка с архиереями Церкви и настоятелями монастырей.

Том II. Переписка с монашествующими.

Том III. Переписка с мирянами.

Издательство «Паломник» полагает также, что читателям особенно полезно будет ознакомиться с предваряющей новое издание Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова статьей выдающегося специалиста по богословскому и нравственному учению Владыки Игнатия, заслуженного профессора Московской православной духовной академии, доктора богословия Алексея Ильича Осипова, в которой он подсказывает направления к изучению наиболее важных для нашего времени разделов его трудов.

При подготовке настоящего издания редакция стремилась придерживаться требований по соблюдению авторских особенностей написания и пунктуации. Все публикуемые материалы были тщательно выверены, к цитатам из Священного Писания даны русские соответствия по Синодальному переводу (выделены курсивом); упоминаемые в «Жизнеописании» исторические лица раскрыты и пояснены; редакционные вставки заключены в квадратные скобки. Текстологические принципы этого издания покоятся на следующих основаниях: духовные писания выдающегося деятеля Православия, ныне канонизированного, имеют общенациональное значение, представляя собою великий памятник русской культуры в целом и культуры русского языка в том числе. Поновление орфографических и пунктуационных норм не должно затрагивать языковых навыков писателя, сохраняя все значимое своеобразие его письменной речи, не нарушая и самых тончайших смысловых оттенков. Редакция с предельным вниманием стремилась также

соблюсти устойчивые графические особенности брянчаниновских текстов; и в то же время употребление строчных и заглавных букв, других зрительных элементов текста, например курсива и кавычек, по-возможности приведено в соответствие с современными нормами внешнего оформления текстов.

Издательство «Паломник» благодарит игумена Андроника (Трубачева), игумена Василия (Донец), Е. М. Аксененко, И. А. Виноградова, В. А. Воропаева, С. Г. Исакова, В. В. Каширину, В. О. Корхову, А. М. Любомудрова, А. П. Нахимова, И. Г. Родченко, Т. Н. Семенову, А. Н. Стрижёва, О. И. Шафранову за разыскания, подготовку и использование материалов в первом издании Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова.

А. И. Осипов

«Прямо ангельский ум»

В настоящее время в связи с оживлением интереса к наследию святых отцов возникает настоятельная необходимость иметь верные ориентиры в понимании их учения о вере и духовной жизни. Особенно насущным является, конечно, понимание духовной жизни, ибо для спасения христианину познаний в области вероучения требуется совсем немногих, духовная же жизнь изобилует такими законами, без знания которых она в лучшем случае окажется бесплодной, а может и привести его к гибели.

Но верное понимание духовной жизни в настоящее время очень затруднено. С одной стороны, появилось множество новых так называемых **духовных путей** «спасения», в которых разобраться неопытному человеку просто невозможно, с другой — становится всё сложнее найти опытного, **непрелестного** руководителя. И хотя о духовной жизни в Православии, на первый взгляд, достаточно говорит двухтысячелетний опыт Церкви в лице своих святых, однако его восприятие современным человеком, выросшим в условиях материалистической, бездуховной цивилизации, встречает немалые трудности. Существо их заключается в следующем.

Наставления о духовной жизни святыми отцами всегда давались в соответствии с уровнем тех, кому они предназначались. «Просто так», «для науки» отцы не писали. Поэтому многие их советы, часто обращенные к подвижникам высокой жизни, или даже к тем, которых в древности именовали **новоначальными**, оказываются полностью неприемлемыми для современного христианина — духовно нерожденного младенца — и потому крайне опасными. А разнообразие и неоднозначность этих советов, обращенных к людям разного духовного уровня, разных характеров и условий жизни способны легко дезориентировать неопытного христианина.

Избежать этих опасностей при чтении святых отцов, полагаясь только на свой разум, практически невозможно. Но и без святоотеческого руководства правильная духовная жизнь немыслима. Перед

лицом этого, казалось бы, неразрешимого тупика и выявляется вся значимость духовного наследия тех отцов, преимущественно ближайших к нам по времени, которые «переложили» предшествующий святоотеческий опыт духовной жизни на язык, доступный современному человеку, мало знакомому с этой жизнью и не имеющему, как правило, должного руководителя.

* * *

Святитель Игнатий — один из тех немногих подвижников-писателей, который особенно ясно и глубоко раскрывает самую сущность, самое сокровенное христианства: основные законы духовной жизни, опасности, встречающиеся на ее пути, условия богопознания. Всё это он дает применительно к психологии и духовным силам человека близкой к нам эпохи (XIX в.), мало чем отличавшейся по степени своей глубокой омирщенности от настоящей, что делает его творения исключительно ценными для современного христианина.

Сами эти творения явились плодом его истинно подвижнической жизни, его удивительной духовной цельности, полученной им от Бога, можно сказать, с рождения. Редкой отличительной чертой, характеризующей личность Святителя, является его особая ревность к духовной жизни, проявившаяся с самой ранней юности, которую не смогли угасить никакие внешние преграды. Напротив, они стали той укрепляющей силой, которая явилась залогом его усиленных подвигов и достижения многих духовных даров, проявивших себя в его замечательных аскетических творениях. Его образ просто покоряет своим поразительным стремлением к поиску истины и подвижническим служением ей до конца своей жизни. Он, имея самые блестящие возможности светской карьеры, всё бросает и избирает монашеский путь жизни, на котором пронес тяжелый крест оставленности всеми: гнев Императора, отречение родителей, изгнание вместе со своим старцем иеромонахом Леонидом (в схиме Львом) из нескольких монастырей, и — что, наверное, самое тяжелое — вопреки своему стремлению к уединенной жизни стать по приказу Императора настоятелем Троице-Сергиевой пустыни близ Санкт-Петербурга и заниматься совершенно чуждой ему высокопредставительской и церковно-административной деятельностью. Вся его жизнь была под знаком непрерывных гонений, унижений, зависти и бесчестий. Несмотря на всё это, он остался истинным подвижником, создавшим в назидание своим духовным потомкам бесценные творения, в которых раскрывает все основные вопросы духовной жизни применительно к условиям и силам своих современников. Эта особенность его «Аскетических опытов»,

написанных в XIX столетии, чрезвычайно важна теперь, когда и внешние условия жизни, и внутреннее состояние душ человеческих очень напоминают тот век.

Его творения явились для последующих поколений, по выражению преподобного Никона Оптинского, ***азбукой духовной жизни***, своего рода православной аскетической энциклопедией. Особенно ценны они тем, что написаны на основе тщательного изучения им святых отцов и испытаны в горниле личного духовного опыта. Его ***великий ум***, по высказыванию преподобного Макария Оптинского, а по словам преподобного Варсонофия Оптинского — ***прямо ангельский ум***, его редкие природные дарования и литературный талант, разносторонние познания во всех сферах культурной жизни своей эпохи, исключительное знание святоотеческих писаний, как и литературы католической, протестантской, и, что самое главное, его неуклонное стремление **к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе** (Флп. 3. 14) сделали его письменное наследие истинным сокровищем нашей Церкви, ценнейшим руководством в духовной жизни по сей день для всех ее чад, искренне ищущих спасения.

* * *

Святые отцы предвидели в последние времена голод слова Божия и предуказали спасительное средство, которое может помочь каждому христианину. Это средство кратко и ясно выразил святитель Игнатий: «*жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братий*». Его творения, этого опытнейшего духовного наставника, и представляют собой одно из таких драгоценных звеньев в цепи святых Отеческих писаний. Они имеют особую ценность для современного христианина, когда очень трудно найти, по его словам — уже 150-летней давности, — наставника непрелестного. Давая безукоризненно верный ключ к пониманию всего предшествующего святоотеческого наследия, они указывают истинный путь духовной жизни. Именно это делает его творения той путеводной звездой, которая способна вывести современного христианина их хаоса «духовностей» к истинному свету — Христу Спасителю нашему.

Из множества вопросов духовной жизни, рассматриваемых в творениях святителя Игнатия, здесь представим лишь некоторые, наиболее насущные в жизни современного христианина.

* * *

Вера во Христа

Первое и наиболее важное, что находим у святителя Игнатия, — это раскрытие сущности христианской веры и условий ее приобретения. При этом, что особенно полезно, он делает анализ причин ее фактического неприятия даже людьми, по-видимому, церковными.

Прежде всего, он обращает внимание на те духовные свойства, которые препятствуют вере и уничтожают ее даже в том человеке, в котором, кажется, она есть. Он вопрошает: «*Кто же не верует в Сына Божия? Не только тот, кто открыто, решительно отвергает Его, но и тот, кто, называясь христианином, проводит греховную жизнь, гоняется за плотскими наслаждениями, тот, у кого бог — чрево; тот у кого бог — золото; тот, у кого бог — земная слава; тот, кто почтил земную мудрость, враждебную Богу, как бы Бога*». «*Ненасытный искатель человеческой славы не способен к вере во Христа*» (ср. Ин. 5. 44).

Искажает и легко уничтожает веру рассудочное ее восприятие (*умовое*, по выражению святителя Феофана Затворника) — вера, приобретаемая чисто теоретическим, школьным изучением христианского вероучения. Такую веру святитель Игнатий называет мертвой, поскольку она не исцеляет души человеческой, не обращает ее взор к евангельским заповедям. Он пишет о ней очень определенно: «*Вера мертвая, признание Христа одним невольным умственным убеждением может быть и принадлежностью бесов!*»

Потому так критически Святитель относится и к той системе обучения, которая присутствует в духовных школах. С горьким чувством восклицает он: «*Сбывается слово Христово: в последние времена обрящет ли Сын Божий веру на земле! Науки есть. Академии есть, есть кандидаты, магистры, доктора богословия — право, смех, да и только, эти степени даются людям... Случись с этим богословом какая напасть, и оказывается, что у него даже веры нет, не только богословия. Я встречал таких: доктор богословия, а сомневается, был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не быль ли, подобно мифологической! Какого света ожидать от этой тьмы?!*»

Он делает чрезвычайно важный вывод, мало учитывающийся в духовно-школьном образовании: «*Постоянство в православном исповедании догматов веры питается и хранится делами веры и непорочностью совести*».

Святитель Игнатий подчеркивает ту существенную разницу, которая есть между изучающим христианство лишь умом и тем, кто изучает его исполнением заповедей и молитвой. Он пишет: «*Монахи достигают христианского совершенства, бесстрастия, ощутительного*

действия в себе Святого Духа, потому приобретают понятие о христианстве живое. И тени такого познания не может преподать никакая наука человеческая; все профессоры, магистры и доктора богословия, производимые университетами и академиями, суть невежды в сравнении с монахом, обновленным благодатью Божией за последование Христу исполнением заповедей Его».

Причиной такого различия является тот факт, что *умовое* изучение не очищает человека от страстей. И они, свободно развиваясь, растят в нем самомнение, мертвят душу, делают его тем самым неспособным к восприятию и переживанию Духа Божия и убивают в нем веру. Напротив, борьба со своим **ветхим человеком**, приводя христианина к видению своей греховности, смиряя его, открывает для Христа дверь его души. По закону духовному «*не сознающий своей греховности, своего падения, своей погибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином. К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою, кто признает себя достойным всех наград земных и небесных?*»

«*Для уверования во Христа и для принятия христианства нужны сознание своей греховности и покаяние; для пребывания в христианстве нужны зрение своих грехов, сознание, исповедание их и покаяние. Не потому ли свои проповеди Иоанн Креститель, Сам Христос и апостолы начинали с призыва*: **покайтесь и веруйте в Евангелие** (Мк. 1. 15)?»

Такое состояние сознания он рассматривает как необходимое условие для приобретения истинной веры, более того — самого ее начала в человеке: «*Начало обращения ко Христу заключается в познании своей греховности, своего падения; от такого взгляда на себя человек признает нужду в Искупителе и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния*».

В этих словах обращает на себя внимание глубоко духовная мысль о том, что не вера рассудка, а покаяние является первичным условием спасительной веры во Христа. Святитель подчеркивает: не в рассудочной вере в то, что Христос пришел, пострадал и воскрес, «*начало обращения ко Христу*», а в познании «*своей греховности, своего падения*», из которого только рождается истинная вера в Него. Он утверждает нечто прямо отличное от общепринятого в богословии мнения, по которому началом приобретения человеком веры является его рассудочное убеждение. Нет, говорит он, «*не сознающий своей греховности... не может уверовать во Христа*». Более того, проповедь христианства, апологетика, оторванные от проповеди духовных и нравственных начал жизни, могут обернуться для уверовавшего самыми худшими последствиями, о которых сказал Господь: **Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя**

одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас (Мф. 23. 15). Ибо вера во Христа — это не простое Его признание, но вера всему тому, о чем Он говорит и к чему призывает.

В утверждении Святителя *«не сознающий своей греховности... не может уверовать во Христа»* содержится основное и замечательно точное выражение православного понимания веры. Верующим, оказывается, становится и является лишь тот, кто видит свое духовное расстройство, страдает об этом, ищет очищения в покаянии. Только такой, смирившийся внутри себя человек способен к истинной, то есть спасающей, вере во Христа.

Видящий же себя духовно здоровым, добродетельным, разумным (да еще и знающим христианство) не может быть христианином и не является им, какое бы положение он ни занимал в Церкви. В качестве доказательства святитель Игнатий приводит красноречивый факт из истории земной жизни Спасителя, Который со слезами раскаяния был принят простыми, сознающими свои грехи евреями, но с ненавистью был отвергнут и осужден на жуткую казнь «умной», «добродетельной», всё знающей иудейской элитой: архиереями, фарисеями (ревностными исполнителями Закона Божия), книжниками (богословами).

Святитель постоянно возвращается к словам Спасителя: **Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию** (Мф. 9. 12, 13). И объясняет: «*На познании и сознании немощи зиждется все здание спасения*». Вне этого состояния, именуемого у Отцов *познанием себя*, невозможна вера во Христа, точнее, она оказывается самообманом и потому не способной ни духовно, ни нравственно изменить человека.

Как же приобретается человеком это спасительное познание себя, своего **ветхого** человека, открывающее необходимость Спасителя и, таким образом, рождающее веру в Него? Послушаем святителя Игнатия: «*Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, дозволяющий себе вкушение его — хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца. Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы с грехом, кто встал на доброй страже во вратах дома своего с обнаженным мечом — глаголом Божиим, кто отражает, посекает этим мечом грех, в каком бы виде он ни приближался к нему. Кто совершит великое дело — установит вражду с грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего*».

Он дает и такой практический совет: «*Кто отказался от осуждения ближних, помысл того естественно начинает видеть грехи и немощи*

свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних». Кратко основную свою мысль святитель Игнатий выражает следующими словами преподобного Симеона Нового Богослова: «*Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи*», то есть открывает, показывает ему подлинную печальную картину того, что находится и что происходит в его душе.

По существу, вопрос о том, как приобретается познание себя или видение своего **ветхого** человека является центральным в духовной жизни. Святитель Игнатий прекрасно показал его логику: только видящий себя погибающим нуждается в Спасителе; «*здоровым*» Он не нужен. Поэтому для хотящего верить во Христа правильно (ибо **и бесы веруют, и трепещут** (Иак. 2. 19), то есть для желающего вести правильную духовную жизнь, это видение своего греха является основной задачей и одновременно главным критерием истинности его духовного пути. Он неоднократно приводит замечательные слова преподобного Петра Дамаскина: «*Начало просвещения души и признак ее здравия заключается в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, подобные множеством своим морскому песку*».

Потому, говоря о вере во Христа, Святитель непрерывно обращается к самому главному в духовной жизни человека: «*Смирение и рождающееся из него покаяние — единственное условие, при котором приемлется Христос! ...Смирение и покаяние — единственное нравственное состояние, из которого можно приступить ко Христу, усвоиться Ему! ...Зараженных гордостным, ошибочным мнением о себе, признающих покаяние излишним для себя, исключающих себя из числа грешников отвергает Господь.* ***Они не могут быть христианами***» (выделено нами. — *А. О.*).

Добрые дела и подвиги

Отсюда становится понятным, почему Святитель большое значение придает вопросу о критериях в оценке добрых дел и подвигов человека. Что они необходимы — понятно, ибо это заповедано Самим Христом: **Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут** (Мф. 5. 7). Но и Господь, и всё святоотеческое учение предупреждают при этом, что добродетели и подвиги, не приводящие верующего к смирению, являются лжеподвигом, и вся жизнь становится лжедуховной (Мф. 5. 20 и др.). Апостол Павел именно эту мысль высказывает, обращаясь к Тимофею: **Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться** (2 Тим. 2. 5).

Он приводит замечательные слова святого Исаака Сирина: «*Воздаяние бывает... не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно будет утрачено, то первые будут*

напрасны...», то есть все труды и все добродетели, если не приведут к смирению, будут бесплодны и бессмысленны. При этом Святитель подчеркивает, что научает человека смирению труд исполнения заповедей Евангелия. Ибо понуждение себя к евангельской жизни воочию показывает ему, с одной стороны, невозможность исполнения их лишь собственными силами, с другой — их реальную исполнимость при неослабном понуждении себя к их исполнению, при осознании своей немощи и смиренном обращении к Христу. Так выясняется одна из сложных богословских проблем о соотношении веры и *добрых дел* в вопросе спасения — проблема, постоянно возникающая в диалогах между православными, католиками и протестантами.

Святитель Игнатий рассматривает этот вопрос с двух сторон: во-первых, в плане понимания необходимости Жертвы Христовой и, во-вторых, как условие достижения христианского совершенства. Выводы его, основывающиеся на святоотеческом опыте, очень необычны для человека внешнего, мирского, непонимающего законов духовной жизни. Он пишет: «*Когда бы добрые дела по чувствам сердечным доставляли спасение, то пришествие Христово было бы излишним*», «*Дела мнимо добрые, по влечению падшего естества, растят в человеке его "я", уничтожают веру во Христа, враждебны Богу*». «*Несчастлив тот, кто удовлетворен собственной человеческой правдой: ему не нужен Христос*», «*Таково свойство всех телесных подвигов и добрых видимых дел. Если мы, совершая их, думаем приносить Богу жертву, а не уплачивать наш необъятный долг, то добрые дела и подвиги соделываются в нас родителями душепагубной гордости*». Святитель завершает свою мысль: «*Великое душевное бедствие — дать какую-нибудь цену своему подвигу, счесть его заслугой пред Богом*».

Святитель Игнатий даже так пишет: «*Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения... ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград, земных и небесных*». Отсюда и его естественный вывод: «*Не ищи совершенства христианского в добродетелях человеческих: тут нет его; оно таинственно хранится в Кресте Христовом*». Ученик святителя Игнатия уже в XX в., игумен Никон (Воробьев), писал: «*Как часто настоящие даже добрые дела делаются для нас камнем преткновения и даже падения!*»

Оказывается, правда и добродетели **ветхого** и **нового** человека не взаимодополняют друг друга, а взаимоисключают, ибо первые превозносят человека в своих глазах, ослепляют его и тем «отнимают» у него Христа, вторые, напротив, открывают человеку его страсти, поврежденность его природы и тем смиряют его и приводят к Спасителю.

Таким образом, добродетели и подвиги, необходимые человеку для его спасения, при неправильном взгляде на них, что ими зарабатываются какие-то заслуги перед Богом, как учит католицизм, могут оказаться крайне вредными и губительными, ибо приводят человека к тщеславию, гордости и через это к отпадению от Христа. Следовательно, наставляет святитель Игнатий, «*надо сперва усмотреть грех свой, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне*». В качестве примера Святитель приводит оценку истинными подвижниками своих подвигов и добродетелей. «*Подвижник только что начнет исполнять их, как и увидит, что исполняет их весьма недостаточно, нечисто... Усиленная деятельность по Евангелию яснее и яснее открывает ему недостаточность его добрых дел, множество его уклонений и побуждений, несчастное состояние его падшего естества. Исполнение им заповедей он признает искажением и осквернением их*». Поэтому «*святые омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез*». Без осознания этой истины невозможно христианину правильно относиться ко всему, что делает, и понять то глубокое различие, которое существует между православной духовной жизнью и мирским о ней представлением.

Страсти и грехи

Эта тема самая знакомая каждому человеку, независимо от его отношения к ней. Она говорит о том, что на языке Священного Писания и творений святых Отцов называется **плотью** (но не телом), которая **желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся** (Гал. 5. 17). Ввиду огромности этого вопроса и определенной его понятности приведем лишь несколько высказываний Святителя, раскрывающих некоторые часто скрытые его стороны.

Прежде всего, он обращает серьезное внимание на так называемые навыки, то есть привычки, которым, как правило, мало кто придает какое-либо значение. Он пишет: «*Грехи, закосневая в душе, обращаются в навыки: столько же сильные, как природа, а иногда более сильные, нежели природа. Греховные навыки называются страстями... Вообще все страсти развиваются в человеке от послабления им; учащающееся послабление обращает наклонность в навык, а навык делает страсть насильственным властелином над человеком*». «*Убойся злых навыков,* — сказал преподобный Исаак Сирский, — *более, нежели бесов*».

Многие даже не подозревают об одном очень серьезном обстоятельстве, которое связанно с действием страстей в человеке, именно, что «*все страсти и все падшие духи находятся в ближайшем сродстве и союзе между собою*». «*Страстный не перестаёт совершать грех в мечтании и сердечном чувстве, чрез что поддерживает свое общение*

с темными духами и свою подчиненность им». То есть страсти, оказывается, являются проводником, через который душа человека входит в контакт с бесами и подвергается их злобному действию.

«*Чем обнаруживаются страсти?*» — задает он вопрос и отвечает: «*Помыслами, мечтаниями и ощущениями греховными*». И совсем не безопасно для человека дать им свободу, поскольку они прямо способствуют развитию страсти, влекут за собой порабощение ей, и тогда человек легко может впасть в совершение греха. Ибо «*страстность, произвольно приведённая в действие, после этого действует уже насильственно и против воли того, кто первоначально попустит ей действовать по произволению*» (Марк Подвижник).

Святитель Игнатий, ссылаясь на преподобного Нила Сорского, предупреждает монашествующих, что часто, особенно во время молитвы, даже «*за бесстрастными помыслами последуют страсти: допущенный вход первым бывает причиною насильственного входа вторых*». И поскольку «*страсти в иноках голодны, они, если будут оставлены без хранения, то кидаются с неистовством на предметы похотения, подобно хищным зверям, спущенным с цепей*». Поэтому он наставляет: «*Каждое сопротивление, оказанное требованию страсти, ослабляет ее постоянное сопротивление низлагать ее. Каждое увлечение страстью усиливает ее; постоянное увлечение страстью порабощает страсти увлекающегося ею*».

Назидательно его слово по поводу не прекращающегося в нас действия страстей: «*Не тревожься восстающими страстями: старайся по возможности противиться им; человек, доколе на земле и обречен в бренное тело, дотоле подвержен изменениям; то чувствует сердечный мир и спокойствие, не возмущаемое никакою страстью, то находится в обуревании страстями. Такая изменяемость научает нас самопознанию, смирению, научает прибегать непрестанно к помощи Божией*». Но при этом важно не забывать и напоминание преподобного Варсонофия Оптинского: «*Читая святых отцов, я узнал, что страсти столь же заразительны, как и болезни*».

Страсти — это скорби для человека, порабощенного им, которые в свою очередь являются причиной множества внешних скорбей и искушений, о правильном взгляде на которые и правильном к ним отношении святитель Игнатий писал: «*Если никакое искушение не может коснуться человека без воли Божией: то жалобы, ропот, огорчение, оправдание себя, обвинение ближних и обстоятельств суть движения души против воли Божией, суть покушения воспротивиться и противодействовать Богу*[1]*. Устрашимся этого бедствия!*»

---

[1] Святого Петра Дамаскина, книга 1. Добротолюбие. Ч. 3.

Монашество

Наибольшее внимание в своих творениях святитель Игнатий уделяет монашеству, которому посвящает специально целый том под названием «Приношение современному монашеству». Он пишет о монашестве (не как об институциональном явлении, а как об отречении от мира ради Христа) как явлении изначальном в Церкви (а не с IV лишь века), о духовных (а не общественных и политических) причинах его происхождения и назначения, неотмирности его задач. Тем с большей скорбью говорит он об утрате современным монашеством понимания сущности монашества и его значения в Церкви, особенностей монашеской жизни и опасностей, связанных с неправильным ее пониманием, об исчезновении ***умного***, молитвенного делания монаха, о характере его духовнической деятельности.

Он с горечью констатирует отступление современного монашества от заветов Отцов, поглощение его чисто внешней деятельностью, вовлеченностью в мирские сферы жизни в самых различных ее сторонах. Его суждения об этом часто поражают своей откровенностью, он сообщает о том, о чем не принято говорить в церковном обществе, у него нет попытки оправдания очевидных отступлений монашества от его изначальных основ. Не это ли явилось одной из причин, по которой его сочинения часто возвращались из издательств настолько перечеркнутыми, *измаранными*, что их уже невозможно было предложить к печати?

Критика им отрицательных сторон жизни монашества ценна тем, что она имеет непосредственное отношение к современному монашеству и исходит от истинного монаха, глубоко страдающего за него, а не от какого-то враждебного Церкви человека, стремящегося опорочить монашество.

Святитель Игнатий был убежден, что «*для Православной Церкви необходимо монашество: она не может существовать без него*». Но при этом он подчеркивал, что «*важность — в христианстве, а не в монашестве; монашество в той степени важно, в какой оно приводит к совершенному христианству*». Потому христианину, пришедшему в монастырь, но увидевшему, что его дух несовместим с монашеством, прямо рекомендует: «*Лучше выйти из монастыря и проводить в мире жизнь, соответствующую своему расположению, нежели, живя в монастыре с враждебным к нему чувством, проводить жизнь, нисколько не сообразную с монашескими правилами*». Он призывает с осторожностью относиться к тем восторгам, которые иногда высказываются о предполагаемом возрождении монашеской жизни. И даже так писал: «*Мнение разгоряченное слепцов, которые все видят в цветущем виде, не должно иметь никакого веса*».

Ниже приведем высказывания святителя Игнатия по некоторым из основных вопросов, связанных с монашеством. Как правило, они не нуждаются в комментариях.

Сущность и цель монашества. «*Спаситель мира указал два пути, два образа жизни для верующих в Него: путь или жительство, доставляющие спасение, и путь или жительство, доставляющие совершенство*».

«*Святой Иоанн Лествичник определяет монаха так: "Монах — тот, кто держится единственно Божиих уставов и Божьего слова во всякое время, на всяком месте, во всяком деле*" (Слово 1, гл. 4)».

«*Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений мира, соединить его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нем отселе Царствие Божие. Милость из милостей Царя царей — когда Он призовет человека к монашеской жизни, когда в ней дарует ему молитвенный плач и когда причастием Святаго Духа освободит его от насилия страстей и введет в предвкушение вечного блаженства*». «*...Монашество есть не что иное, как обязательство с точностью исполнять евангельские заповеди, монашеская жизнь есть не что иное, как жизнь по евангельским заповедям, где бы она ни проводилась, среди ли многолюдства или в глубочайшей пустыне*».

«*Монашество есть наука из наук. В ней теория с практикой идут рука об руку... Наука из наук, монашество доставляет — выразимся языком ученых мира сего — самые подробные, основательные, глубокие и высокие познания в экспериментальной психологии и богословии, то есть деятельное, живое познание человека и Бога, насколько это познание доступно человеку*».

Почему нужно монашество? «*Без монахов пропало бы христианство в мирянах. Вот сколь необходимо в Церкви Христовой совершенство, без коего и спасение с самой верой легко может утратиться и непременно утратится: ибо нужны чувства, обученные долгим временем в различении добра от зла. Сего совершенства достигали в первенствующей Церкви аскеты и мученики, после — монахи*».

Кто является монахом? «*Монахи суть те христиане, которые оставляют все по возможности земные занятия для занятия молитвой — добродетелью, высшей всех добродетелей, чтобы посредством ее соединиться воедино с Богом...*»

«*Монах значит уединенный, кто не уединился в самом себе, тот еще не уединен, тот еще не монах, хотя бы и жил в уединеннейшем монастыре... Уединение человека в самом себе не может совершиться иначе, как при посредстве внимательной молитвы, преимущественно же при посредстве внимательной молитвы Иисусовой*».

«Говорит святой Исихий Иерусалимский: “Отрекшийся от всего житейского, от жены, имения и тому подобного, соделал монахом лишь внешнего человека, а не внутреннего, который — ум. Тот — истинный монах, кто отрекся от пристрастных помыслов: удобно может он соделать монахом и внешнего человека, когда захочет”».

Поэтому, предупреждает Святитель, *«имеющим холодное и колеблющееся произволение строго воспрещено вступление в монашество».*

Состояние современного монашества. *«Ныне трудно найти монастырь благоустроенный! Во многих обителях воздвигаются различные здания значительных размеров, которые дают обители вид как будто процветания. Но это обман для поверхностного взгляда. Самое монашество быстро уничтожается. Душевный[1] подвиг почти повсеместно отвергнут; самое понятие о нем потеряно. Этого мало! во многих обителях совершенно потеряна нравственность».*

«Имеются в здешней епархии два женских монастыря: в них нравственность хороша, но телесный труд и многопопечительность о вещественном развитии уничтожают душевное[2] развитие».

«Положение их [монастырей] подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых апреля: снаружи снег как снег, а под низом его повсюду едкая весенняя вода: она съест этот снег при первой вспомогательной атмосферической перемене. Важная примета кончины монашества — повсеместное оставление внутреннего делания и удовлетворение себя наружностью напоказ. Весьма часто актерской наружностью маскируется страшная безнравственность».

«О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок. Отживает оно век свой вместе с христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить некому. Для этого нужны мужи духоносные, а ныне даже водящихся отчасти писаниями Отцов при объяснении их душевным разумом, каков был о. Макарий Оптинский, нет».

«В современном монашеском обществе потеряно правильное понятие об умном делании».

«Даже наружное благочинное поведение, какое введено было в Оптиной Пустыни отцами Леонидом и Макарием, почти всюду оставлено».

Чем вызван упадок монашества? *«Упадок нравственности монахов находится в теснейшей связи с упадком нравственности мирян; упадок нравственности в монастырях есть прямое последствие упадка нравственности и религии в среде мирян».*

---

[1] Понятие «душевный» в святоотеческой письменности часто обозначает «духовный». В данном месте речь идет о духовном подвиге. ‖ [2] См. предыдущую сноску.

«Когда гонения прекратились, то жизнь христиан посреди градов изменилась, ослабла. Веру христианскую принимали не всегда по одному убеждению, но весьма часто по обычаю; вступило в Церковь много гнилых удов, кои во время гонений тотчас бы обнаружились отпадением».

Правильная молитва

Непосредственно с темой монашества связанно учение Святителя о молитве, или об умном делании, о первостепенном значении которого в монашестве он писал: «*Без истинного умного делания монашество есть тело без души*».

Говоря, что «*молитва есть высшее упражнение для ума... Молитва есть глава, источник, мать всех добродетелей*», Святитель раскрывает те условия, при соблюдении которых только она является таковой. В противном случае, предупреждал он, она оказывается по меньшей мере бесплодной, а может привести и к впадению в глубокую прелесть: переживанию ложных сладостных состояний, видений, прозрений и т. п. Некоторые из этих условий молитвы, принимаемой Богом, достаточно известны: прощение ближних, отсутствие вражды к кому-либо, милосердие и др. Но многие находятся вне поля зрения большинства верующих. Поэтому услышать голос такого Учителя о правильной молитве — большое благо.

За два года до своей кончины он писал: «*В настоящее время — существенная нужда в правильной молитве, а ее-то и не знают! Не знают, что она должна быть орудием и выражением покаяния, (а) ищут наслаждения и восторгов, льстят себе, и орудием, данным во спасение, убивают свои души. Существенно нужно правильное понимание молитвы в наше время! Она — существенный, единственный руководитель в наше время ко спасению. Наставников нет!*» (29/1–1865). Поэтому «*научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно — и удобно наследуешь спасение*».

Прежде всего святитель Игнатий указывает на виды молитвы. Самая простая из них — устная, или гласная, молитва, которая произносится вслух или шепотом. Но «*устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко: потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвой Иисусовой* (Предисловие схимонаха Василия)».

Помимо устной молитвы он говорит еще о трех ее видах. «*От молитвы гласной многой,* — говорит священноинок (Дорофей, автор “Цветника”. — *А. О.*), — *истекает молитва умная, а от умной молитвы является молитва сердечная. Произносить молитву Иисусову должно не громким голосом, но тихо вслух себе одному*». «*Молитва называется*

умной, когда произносится умом с глубоким вниманием при сочувствии сердца; сердечной, когда произносится соединенными умом и сердцем, причем ум как бы нисходит в сердце и из глубины сердца воссылает молитву; душевной, когда совершается от всей души, с участием самого тела, когда совершается из всего существа».

Представим наиболее важные положения учения Святителя о молитве.

1. Молитва внешняя и внутренняя. «*Не только в процессе дыхания, но и во всех движениях тела должно наблюдать спокойствие, тихость и скромность. Все это очень способствует к удержанию ума от рассеянности*».

«*Кто молится устами,* — передает святитель Игнатий слова очень почитаемого им русского подвижника священноинока Дорофея, — *а о душе небрежет и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу и всуе трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию*».

«*...Одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутренней, не суть монахи* (преп. Серафим Саровский)».

«*Всякая молитва,* — сказал тот же великий Отец (св. Исаак Сирин. — *А. О.*), — *при которой не утрудится тело, а сердце не придет в сокрушение, признается недозревшим плодом, потому что такая молитва — без души*». Он же сказал: «*Молитвы памятозлобивых — посевы на камне*» (ср. Мф. 6. 14–15).

«*Количество молитвы определяется для каждого образом жизни его и количеством сил душевных и телесных*».

2. Смирение в молитве. В одном из писем святитель Игнатий говорит об одном из важнейших условий, при наличии которого лишь молитва принимается Богом. «*Сегодня,* — пишет он, — *я прочитал то изречение Великого Сисоя, которое мне всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: "Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога". Преподобный Сисой отвечал ему: "Это не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари"*». «*Высокое занятие,* — продолжает Святитель, — *непрестанное памятование Бога! Но это высота очень опасная, когда лествица к ней не основана на прочном камне смирения*». «*Для правильности молитвы надобно, чтобы она приносилась из сердца, наполненного нищеты духа, из сердца сокрушенного и смиренного*».

3. Внимание в молитве. «*Душа молитвы — внимание. Как тело без души мертво, так и молитва без внимания — мертва. Без внимания произносимая молитва обращается в пустословие, и молящийся так сопричисляется к приемлющим* **имя Божие всуе** (Притч. 30. 9)».

«Должно... совершать молитву со вниманием и благоговением с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали молитве».

«Достоинство молитвы состоит единственно в качестве, а не в количестве... Качество истинной молитвы состоит в том, когда ум во время молитвы находится во внимании, а сердце сочувствует уму».

«Особенно способствует сохранению внимания во время молитвы весьма неспешное произнесение слов молитвы».

«...Внимательная устная молитва сама собой переходит в умную и сердечную». «Без внимания молитва — не молитва. Она мертва! Она — бесполезное, душевредное, оскорбительное для Бога пустословие!»

4. Искание наслаждения в молитве. *«Не ищи в молитве наслаждений: они отнюдь не свойственны грешнику. Желание грешника ощутить наслаждение есть уже самообольщение. Ищи, чтобы ожило твое мертвое, окаменевшее сердце, чтобы оно раскрылось для ощущения греховности своей, своего падения, своего ничтожества, чтобы оно увидело их, созналось в них с самоотвержением. Тогда явится в тебе истинный плод молитвы: истинное покаяние». «Приноси Богу молитвы тихие и смиренные, а не пылкие и пламенные... Огонь нечистый — слепое, вещественное разгорячение крови — воспрещено приносить пред всесвятого Бога».*

5. Истинное наслаждение — в правильной молитве. Как часто упрекают христианство в том, что оно, призывая человека к видению поврежденности человеческой природы и своей греховности, к покаянию, к плачу о грехах, борьбе со страстями и пр., делает жизнь унылой и несчастной. Но такие упреки проистекают из полного непонимания того, что причиной всех наших бед являются именно страсти: эгоизм, зависть, гордость, алчность, упрямство, пьянство и прочие, им же несть числа. Они отравляют личную и семейную жизнь человека, приносят неисчислимые беды. И без борьбы с ними, покаяния и молитвы ничего доброго ожидать в жизни невозможно. Это самый основной закон человеческой жизни!

И напротив, в человеке, живущем по Евангелию, по мере очищения от страстей открывается реальное действие благодати Божьей, особая духовная радость — истинное человеческое счастье. О нем прекрасно сказал переживший его апостол Павел: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2. 9). История Церкви подтверждает это с огромной силой.

Святитель Игнатий пишет: *«Радость и веселие свойственны душе, ощутившей оживление, ощутившей избавление из плена, в котором*

держали ее грех и падшие духи, ощутившей осенение Божественной благодати, ощутившей, что действием этой благодати она представлена лицу Божию, возведена в непорочное и блаженное служение Богу. Радость и веселие так сильны, что Святой Дух приглашает ощутившего их к воскликновению. Как не воскликнуть от радости освободившемуся, ожившему, окрылившемуся, вознесшемуся с земли на небо?» И о своей настоятельской жизни в Троице-Сергиевой пустыни: «*Здесь я увидел врагов, дышащих непримиримою злобою и жаждою погибели моей; здесь милосердый Господь сподобил меня познать невыразимые словом радость и мир души; здесь сподобил Он меня вкусить духовную любовь и сладость в то время, как я встречал врага моего, искавшего головы моей, — и соделалось лице этого врага в глазах моих как бы лицом светлого Ангела*».

Замечательны и разнообразны слова Святителя о той радости, которую испытывает верующий в разных молитвенных состояниях своей души, когда живет действительно по-христиански:

— ***в покаянии.*** «*В слезах таинственно живет утешение, и в плаче — радость*», «*Утешение, радость, наслаждение, подаяние [других] даров суть последствия примирения души с Богом*»;

— ***в скорбях.*** «*Апостол заповедует при молитве благодарение... Таким благодарением вводится в душу чудное спокойствие, вводится радость, несмотря на то что отовсюду окружают скорби*»;

— ***в любви евангельской.*** «*Георгий, затворник Задонского монастыря, муж, достигший христианского совершенства, так говорит: “Хочу сказать несколько слов о сущности любви. Это — самый тончайший огонь, превосходящий всякий ум и легчайший всякого ума. Действия этого огня быстры и чу́дны, они священны и изливаются на душу от Святого, Вездесущего Духа. Этот огонь лишь коснется сердца, всякое помышление и чувство беспокойные мгновенно перелагаются в тишину, в смирение, в радость, в сладость, превосходящую все”*»;

— ***во внутреннем состоянии своей души и в отношении к ближним.*** «*Плоды истинной молитвы: святой мир души, соединенный с тихой, молчаливой радостью, чуждой мечтательности, самомнения и разгоряченных порывов и движений, любовь к ближним, не разлучающая для любви добрых от злых, достойных от недостойных, но ходатайствующая обо всех перед Богом*»;

— ***в святости***. Святые переживают «несказанное наслаждение тела радостью духовною».

«*Говорит преподобный авва Исаия Отшельник в поучении: Бог наш есть огнь поядаяй* (Евр. 12. 29). *Огнем растопляется воск и иссушается тина скверных нечистот: так и тайным поучением иссушаются скверные помыслы и истребляются из души страсти, просвещается ум, уясняется и утончается мысль, изливается радость в сердце*».

«Божии святые чудодействовали, воскрешали мертвых, предвозвещали будущее, упоены были духовною сладостью и вместе, смирялись, трепетали, видя с недоумением, удивлением, страхом, что Бог благоволил ущедрить персть, — персти, брению вверил Святого Духа Своего. О ужас! нападает от зрения этих таинств молчание на ум зрящий; объемлет сердце несказанная радость».

О чем и как должно молиться?

Прошения земных благ. *«Не будь безрассуден в прошениях твоих, чтобы не прогневить Бога малоумием своим: просящий у Царя царей чего-нибудь ничтожного уничижает Его».*

«Ищущий в молитве своей тленных земных благ возбуждает против себя негодование Небесного Царя».

«Многоглаголание, осужденное Господом в молитвах языческих, заключается в многочисленных прошениях о временных благах».

«Молитву соедини с благоразумным постом» и милосердием.

«Хочешь ли усвоиться Богу молитвой? Усвой сердцу милость... Принуждай сердце к милости и благости... доколе не ощутишь в себе человеколюбия, подобного тому, которое солнцем Своим сияет равно на злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя (ср. Мф. 5. 45)».

Во время богослужения. *«Даже при Богослужении полезно повторять краткую молитву в душевной клети: она не только не препятствует вниманию читаемым и поемым в храме Божием молитвословиям, но и способствует особенно тщательному вниманию им, удерживая ум от рассеянности».*

«В церкви никаких особенных молитв не читайте, а внимайте Богослужению. Хорошо приучиться к молитве мытаря, которая одобрена Господом и которую мытарь, как видно из Евангелия, произносил, находясь в церкви».

«В церкви иногда внимайте Богослужению, а иногда умом произносите молитву, не преставая внимать и Богослужению. Можно вместе и молиться умом, и внимать церковному молитвословию. Первое споспешествует второму, а второе первому».

«Во время церковных служб полезно упражняться молитвой Иисусовой».

О еретиках. *«О еретиках воспрещено молиться как бы о членах, принадлежащих к Церкви, почему и вынимать о них частицы как изображения участия в Церкви — не должно, молиться же об обращении их — можно».*

Молитва Иисусова

В силу большого значения в духовной жизни христианина молитвы Иисусовой Святитель уделяет учению о ней особое внимание. Его разъяснения по этому серьезному вопросу чрезвычайно важны для каждого верующего, желающего приобщиться к этому целебному средству. Ибо используемое верно, оно приводит человека к Самому Богу. И напротив, неправильное, неосторожное его применение может сделать верующего игрушкой бесов, духовным наркоманом. Здесь приведем несколько ценных мыслей о ней из его замечательной статьи в первом томе Творений «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником».

«В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца...

Начинают с середины те новоначальные, которые, прочитав наставление... данное отцами безмолвникам... необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее.

Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со вниманием и благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали молитве... Особенное попечение, попечение самое тщательное, должно быть принято о благоустроении нравственности сообразно учению Евангелия... Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями... может быть воздвигнут... невещественный храм богоугодной молитвы. Тщетен труд зиждущего на песке: на нравственности легкой, колеблющейся».

«Упражнение молитвой Иисусовой имеет два главнейших подразделения или периода, оканчивающиеся чистой молитвой... В первом периоде предоставляется молящемуся молиться при одном собственном усилии; благодать Божия несомненно содействует молящемуся благонамеренно, но она не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, сокровенные в сердце, приходят в движение и возводят делателя молитвы к мученическому подвигу, в котором побеждения и победы непрестанно сменяют друг друга, в котором свободное произволение человека и немощь его выражаются с ясностью.

Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться непарительно или, что то же, без развлечения, с сердечным

плачем и теплотой; при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом... Чтобы достичь второго состояния, необходимо пройти сквозь первое, необходимо выказать и доказать основательность своего произволения и принести плод в терпении (Лк. 8. 15)... Душой и целью молитвы в том и другом состоянии должно быть покаяние».

«Некоторые утверждают, что от упражнения Иисусовой молитвой всегда, или почти всегда, последует прелесть и очень запрещают заниматься этой молитвой. В усвоении себе такой мысли и в таком запрещении заключается страшное богохульство, заключается достойная сожаления прелесть».

«К преуспеянию в молитве покаяния должны стремиться все христиане... Напротив того, они (святые отцы. — *А. О.*) *строго воспрещают преждевременное усилие взойти умом в святилище сердца для благодатной молитвы, когда эта молитва еще не дана Богом».*

«Между сочувствием сердца уму и соединением ума с сердцем или схождением ума в сердце — величайшее различие».

«Для новоначального искание места сердечного, то есть искание открыть в себе безвре́менно и преждевременно явственное действие благодати, есть начинание самое ошибочное, извращающее порядок, систему науки (умного делания. — *А. О.*) *Такое начинание — начинание гордостное, безумное!»*

«Каждый поступок против смирения есть наветник и губитель молитвы».

«Господь дает чистую молитву тому, кто молится безленостно, много и постоянно своей оскверняемой развлечением молитвой (Лествица. Слово 28, § 21)».

«Не произноси молитв спешно, одну немедленно за другой, делай после каждой молитвы краткий отдых и тем способствуй уму сосредоточиваться. Безостановочное произнесение молитв рассеивает ум. Переводи дыхание с осторожностью; дыши тихо и медленно: этот механизм охраняет от рассеянности».

Прелесть

Учение о молитве, и особенно о молитве Иисусовой, у святителя Игнатия непосредственно соприкасается с предупреждением о серьезной опасности в духовной жизни, грозящей подвижнику, не имеющему ни опытного наставника, ни достаточных знаний святоотеческого учения, — возможности впадения в самомнение, мечтательность, в прелесть. Последний термин, часто употребляемый Отцами, замечателен тем, что точно вскрывает само существо этого явления — лесть себе, самомнение, мнение о своих благодатных дарованиях, о своем достоинстве, совершенстве, одним словом — гордость.

Святитель Игнатий так пишет об этом тяжелом духовном недуге: «*Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстящий себе и потешающий себя мнением заграждает этим мнением вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной благодати — открывает широко вход греховной заразе и демонам. Уже нет никакой способности к духовному преуспеянию у зараженных мнением*».

Он приводит следующие слова преподобного Григория Синаита (XIV в.): «*Прелесть, говорят, в двух видах является или, лучше, находит... — в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину... Первый образ прелести — от мечтаний. Второй образ прелести... начало свое имеет... в сладострастии, рождающемся от естественного похотения. В сем состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания... Бес непотребства, омрачив ум их сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица*»[1]. И делает такой вывод: «*вообще одна причина прелести — гордость*», указывая в связи с этим на единственное средство, которое может спасти от нее христианина: «*Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение... служит верным предостережением и предохранением от прелести... Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас*». В качестве яркого примера он приводит обращение Пимена Великого к собратьям по подвигу: «*Братия! поверьте: куда будет ввержен сатана, туда ввергнут и меня*».

В этом чувстве смиренного осознания своей греховности, своего недостоинства перед Богом Отцы видели то главное, что препятствует возникновению прелести у христианина. Святитель Игнатий пишет: «*Все святые признавали себя недостойными Бога; этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении. Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшие их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им... иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам*

[1] *Прп. Григорий Синаит.* Главы о заповедях и догматах. Гл. 131 // Добротолюбие. Т. 5. М., 1900. С. 214.

отверженным». Потому Святитель усиленно предупреждает каждого подвизающегося от искания каких-либо благодатных дарований, ибо в самом этом искании уже присутствует дух тщеславия и гордыни: «*Опасно преждевременное бесстрастие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественной благодатью! Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей*».

Нижеследующие высказывания Святителя дают возможность более детального понимания этого вопроса.

«*Все мы — в прелести. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть признавать себя свободным от прелести*».

«*...Прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину. Прелесть действует первоначально на образ мыслей; будучи принята и извратив образ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращает сердечные ощущения; овладев сущностью человека, она разливается на всю деятельность его, отравляет самое тело...*»

«*Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душой, целью молитвы*».

«*Склоняется, влечется наше свободное произволение к прелести: потому что всякая прелесть льстит нашему самомнению, нашему тщеславию, нашей гордости*».

«*Всем известно, какое душевное бедствие возникло для иудейских книжников и фарисеев из их неправильного душевного настроения: они соделались не только чуждыми Бога, но и исступленными врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются подвижники молитвы, извергшие из своего подвига покаяние, усиливающиеся возбуждать в сердце любовь к Богу, усиливающиеся ощущать наслаждение, восторг: они развивают свое падение, соделывают себя чуждыми Бога, вступают в общение с сатаной, заражаются ненавистью к Святому Духу. Этот род прелести... редко оканчивается сумасшествием и самоубийством, но растлевает решительно и ум, и сердце. По производимому им состоянию ума Отцы назвали его мнением*».

Обращают на себя внимание слова строгого предупреждения: «*усиливающиеся* ***возбуждать*** *в сердце любовь к Богу, усиливающиеся* ***ощущать*** *наслаждение, восторг*». Ибо любит Бога не тот, кто искусственно возбуждает в себе любовь, а очищающий сердце свое исполнением заповедей Его. Свт. Игнатий, объясняя это, приводит замечательные слова св. Исаака Сирина: «*Нет способа возбудиться в душе Божественной любви... если она не препобедила страстей*» (Слово 55).

«Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвой Иисусовой и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением, то есть неопустительным участием в церковных службах и неопустительным исполнением келейного правила... Они не могут избежать "мнения"[1]*, как это объясняет упомянутый старец Василий в предисловии к книге святого Григория Синаита...»*

«...Признающий за собой какое-либо доброе дело находится в состоянии самообольщения. Это состояние самообольщения служит основанием бесовской прелести».

«Надо каяться, молиться и охраняться от прелести, потому что в настоящее время большая часть желающих благочестно жить и мнящих о себе, что они живут благочестно, разгорячены вещественным разгорячением и находятся в большем или меньшем самообольщении».

Говоря обо всем этом, святитель Игнатий напоминает: *«Надо увидеть это, чтобы не быть обманутым актерами и актерством благочестия; увидев это, надо отвратить взоры от грустного зрелища, чтобы не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении, так как милость Божия еще дарует возможность спастись тем, которые произволяют спастись».*

Пре́лестность западного христианства

Обучаясь в Высшем инженерном училище, Дмитрий Брянчанинов, юнкер, затем молодой офицер, усиленно ищет ответа на мучительные для него вопросы о смысле человеческой жизни, об истинной религии. Ищет с большими трудностями, ибо его время в религиозном отношении было очень непростым: мистицизм, спиритизм, масонство, протестантство в разных видах и католицизм — всё это создавало атмосферу религиозного хаоса в сознании образованного человека. Нелегко было ему и в православной России найти православную веру.

Конечно, было множество храмов, монастырей, духовных школ всех уровней, но их существование было на задворках сознания светского общества. Да и трудно было в них найти человека, понимающего духовную жизнь. В инженерном же училище вообще никого не было, кто бы мог ответить молодому человеку на его вопросы. Он обращается к чтению философской и религиозной литературы, как русской, так и западной. И делает для себя чрезвычайной важности открытие, о котором впоследствии писал: *«Чтение Отцов с полной ясностью убе-*

[1] Самомнения, прелести.

дило меня, что спасение в недрах Российской Церкви несомненно, чего лишены религии Западной Европы, как не сохранившие в целости ни догматического, ни нравственного учения первенствующей Церкви Христовой». Промыслительно встретив духовно зрелых иноков в Александро-Невской Лавре и поддержанный ими, Дмитрий не только окончательно убеждается в истинности православной веры, но и твердо избирает путь монашеской жизни.

Для нашего времени, пронизанного экуменизмом и лжетолерантностью, его познания в области западной, особенно католической, духовности очень важны. Его суждения о ней, основанные на глубоком понимании духовного наследия Отцов Церкви и личном духовном опыте, отличаются замечательной точностью и часто бескомпромиссностью оценок.

Немаловажно и то обстоятельство, что он изучал западную, прежде всего католическую, мистическую литературу не только в переводах, но и в латинских подлинниках и указывает, в частности, на конкретные временные координаты отступления католических аскетов от опыта святых единой Вселенской Церкви: «*Преподобный Венедикт* [† 544], — пишет он, — *святой папа Григорий Двоеслов* [† 604] *еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард Клервосский* [XII в.] *отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная... мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют ни малейшего понятия. Эта мечтательность признана ими благодатью*».

Владыка Игнатий свидетельствует, что «*церкви инославные, хотя и украшают себя именем Церквей Христовых, хотя признают Бога, но не действующего, как бы мертвого (для мертвых и живой — мертв!), чем обнаруживают, что они поколебались, не устояли в истине*», что «*большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых, — по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее — молились и достигали видений, разумеется ложных, упомянутым мною способом* (воображением и мечтательностью. — *А. О.*). *Эти мнимые святые были в ужаснейшей бесовской прелести*».

Но более всего свт. Игнатий обращает свое внимание на глубокое искажение самих основ духовной жизни в католицизме и, в частности, на полную утрату в нем понимания главной аскетической истины — христианской любви. Он с негодованием пишет о том, что в сочинениях самых авторитетных святых Католической Церкви она изображается как откровенная плотская романтическая любовь к Христу со всеми

ее атрибутами. «*Многие подвижники,* — предупреждает он, — *приняв естественную любовь за Божественную, разгорячили кровь свою, разгорячили и мечтательность... Много было таких подвижников в Западной Церкви с того времени, как она впала в папизм, в котором богохульно приписываются человеку* (папе. — *А. О.*) *Божеские свойства*»

«Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не способен по нечистоте своей; за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвизающиеся находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг».

Суждения святителя Игнатия по поводу католической аскетической литературы очень насущны и для настоящего времени: «*Оживить чувства, кровь и воображение старались западные; в этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью. В этой стране все их видения. Читающий их непременно заражается духом прелести...*»

«*Сочинения западных писателей, написавших из состояния самообольщения, находят многочисленных читателей, переводятся не раз на русский язык, печатаются громкие похвалы; то, что исполнено смертоносного яда, одобряется и утверждается. Сочинения святых Отцов забыты! То, что они с давних времен святой Церковью признавались единым правильным руководством в подвижнической жизни, нисколько не принимается в уважение. Их сочинения критикуют, находят в них несообразности, противоречие священному Писанию. Всему этому причиной, что святые Отцы наставлены были Духом Святым*».

Поэтому Святитель настойчиво рекомендует избегать чтения западных аскетов: «*Займитесь чтением Нового Завета и св. Отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдает за святых)*». «*Подобно Малпасу, достигли в отшельничестве сильнейшей бесовской прелести Франциск д'Асиз* (Ассизский. — *А. О.*), *Игнатий Лойола и другие подвижники латинства, признаваемые в недрах его святыми*».

Большой популярностью в интеллигентской среде в то время пользовалась книга католического святого Фомы Кемпийского. Она мно-

гократно переводилась. О ней святитель Игнатий писал: «*В образец аскетической книги, написанной из состояния прелести, именуемой мнением, можно привести сочинение Фомы Кемпийского под названием Подражание Иисусу Христу. Оно дышит утонченным сладострастием и высокоумием*», «*В книге жительствует и из книги дышит помазание лукавого духа, льстящего читателям, упоевающего их отравой лжи, услажденной утонченными приправами из высокоумия, тщеславия и сладострастия. Книга ведет читателей своих прямо к общению с Богом, без предочищения покаянием... Книга производит сильное действие на кровь и нервы, возбуждает их — и потому особенно нравится она людям, порабощенным чувственности: книгой можно наслаждаться, не отказываясь от грубых наслаждений чувственностью. Высокоумие, утонченное сладострастие и тщеславие выставляются книгой за действие благодати Божией*».

«*Такого же мнения о "Подражании" был известный деятельной монашеской опытностью иеросхимонах Леонид*», другие Оптинские старцы, святитель Феофан (Говоров) и позднейшие подвижники благочестия.

(Насколько точную оценку дал Владыка этого искажения духовной любви, можно видеть на ярком примере одной из последних великих святых Католической Церкви Терезы Младенца Иисуса. В своей автобиографии она писала: «*Это было лобзание любви. Я чувствовала себя любимой и говорила: "Я люблю Тебя и вверяю Тебе себя навеки". Не было ни прошений, ни борьбы, ни жертв; уже давно Иисус и маленькая бедная Тереза, взглянув друг на друга, поняли все... Этот день принес не обмен взглядами, а слияние, когда больше не было двух, и Тереза исчезла, словно капля воды, потерявшаяся в океанских глубинах*»[1]. Эта «аскетическая любовь» молоденькой монахини, скончавшейся в 23-летнем возрасте, как и возведение ее папой Иоанном Павлом II в 1997 г. в высшее достоинство святости — Учителя Католической Церкви, свидетельствуют, до какой степени деградации дошло ее аскетическое учение.)

Владыка указывает на психические и нравственные последствия возникшего в католицизме ложного аскетизма: «*Поведение подвижников латинства, объятых прелестью, было всегда исступленное по причине необыкновенного вещественного страстного разгорячения. В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай...*

[1] Повесть об одной душе // Символ. Париж, 1996. № 36. С. 95.

Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, — даруются неожиданно, весьма редко... Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкою того пламени, которым разожжены прельщенные».

Другим очевидным следствием духовного повреждения католицизма явилась порожденная им западная культура, наполненная откровенно языческим духом. «*В новейшие времена*, — пишет Святитель, — *языческая жизнь явилась первоначально в недрах папизма; языческое чувство и вкус папистов выказываются с особенной яркостью в применении искусств к предметам религии, в живописных и изваянных изображениях святых, в их церковном пении и музыке, в их религиозной поэзии. Все школы их носят на себе отпечаток греховных страстей, особенно сладострастия; там нет ни чувства целомудрия и благопристойности, ни чувства простоты, ни чувства чистоты и духовности. Таковы их церковная музыка и пение»*.

Интересно отметить и решительное возражение Святителя против католического учения (заимствованного у Филона-иудея Александрийского (I век) и развитого французским философом Декартом) о полной невещественности духов (которое одно время разделял и святитель Феофан (Говоров), но впоследствии от него отказался[1]): «*...западные, принявшие в недавнее время много мнений чуждых и противных Православной Церкви, **недавно** приняли чуждое и противное ей учение о совершенной невещественности сотворенных духов, приписали им духовность в той степени, в какой имеет ее Бог»*.

Чудеса

Одним из очевидных проявлений прелестного состояния человека является искание им чудес и исцелений, сверхъестественных явлений, жажда духовных наслаждений, стремление к обладанию мистическими силами, страстное любопытство заглянуть в *тот* мир и прочие подобные душевные «запросы», которые всё с большей силой захватывают современных людей, в том числе и христиан. Это явление, конечно, не новое, им живет человек всю историю своего падшего существования. Однако по мере приближения к завершению бытия мира такая тенденция явно усиливается. Святые со всей силой всегда предупреждали верующих о ее гибельности. Ибо такие искания и ожидания явятся для многих христиан одной из причин принятия ими антихриста. Уже апостол Павел предупреждал: **беззаконник** [антихрист],

[1] См.: *Святитель Феофан (Говоров)*. Собрание писем. Изд. Псково-Печ. м-ря, 1994. Вып. 7. № 1217.

которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения (2 Фес. 2. 3, 4, 8–10).

Святитель Игнатий со всей силой говорит легковерным христианам о наступающем обмане этими чудесами: «*С течением времени, с постепенным ослаблением христианства и повреждением нравственности знаменоносные мужи умалялись. Наконец, они иссякли окончательно. Между тем человеки, потеряв благоговение и уважение ко всему священному, потеряв смирение, признающее себя недостойным не только совершать знамения, но и видеть их, жаждут чудес более, нежели когда-либо. Человеки, в упоении самомнением, самонадеянностью, невежеством, стремятся неразборчиво, опрометчиво, смело ко всему чудесному, не отказываются сами быть участниками в совершении чудес, решаются на это, нисколько не задумываясь. Такое направление опасно более, нежели когда-либо. Мы приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное зрелище многочисленных и поразительных ложных чудес, чтобы увлечь в погибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами*».

Он в одном из писем, говоря о нашем народе, особенно склонном придавать знакам, символам, предметам, любым сверхъестественным и непонятным явлениям характер неоспоримой религиозной истинности, предсказывает о страшной беде, которая грядет на него за эту легковерность: «*Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обуявшая соль* [Мф. 5, 13] *предвещает их и ясно обнаруживает, что* [наш] *народ может и должен сделаться орудием гения из гениев, который, наконец, осуществит мысль о всемирной монархии*». *Обуявшей солью* святитель Игнатий называет состояние Православия в России, *гением из гениев* — антихриста, и наш народ, увы, орудием его всемирного воцарения.

Как же христианину относиться ко всему, что предстает как чудо, а возможно, и является им? Святитель Игнатий, обращаясь к Священному Преданию Церкви, говорит о необходимости большой осторожности: «*Христианские аскетические наставники заповедуют не обращать особенного внимания на все вообще явления, представляющиеся чувствам душевным и телесным: заповедуют соблюдать при всех вообще явлениях благоразумную холодность, спасительную осторожность*».

Он дает замечательный совет: «*Святые Отцы повелевают подвижнику молитвы при случающихся явлениях вне и внутри себя пребывать равнодушным к ним и не внимать им, не признавая себя достойным*

видения святого. Они завещают, с одной стороны, не порицать явления, чтоб не подвергнуть порицанию святое, а с другой — никак не вверяться явлению, поспешно признав его истинным, чтоб не впасть в сеть лукавого духа». Это предупреждение не в меньшей степени распространяется и на любого христианина, оказавшегося перед лицом необычного явления. Данный совет может быть выражен кратко: «Не хули и не принимай!» Но... бесконечный поток зрителей и уверовавших в Лурд, Фатиму, Междугорье, Зейтуну и т. д.

Часто цитируемый Святителем преподобный Григорий Синаит (XIV в.) призывает: «*...никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме... Но узревший что-либо мысленно или чувственно и приемлющий то... легко прельщается... Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть... но паче похваляет его, как мудрого*».

Святитель Игнатий отвечает и на один для очень многих волнующий вопрос: «*Может ли иметь особенную достоверность знамение с небесе? ...Можно ли заключать, что знамение с неба есть непременно знамение от Бога? Из Божественного Писания видно противное*». Он при этом указывает на один из признаков истинного чуда: «*В чудесах Господа не было никакой суетности, никакого эффекта; ни одного чуда не сделано напоказ человекам; все чудеса прикрывались покровом Божественного смирения*».

В настоящее время, когда ложный мистицизм и всевозможные «чудеса» широкой рекой разливаются по всем странам мира (в США, например, почти 70 % населения заявляют, что имели опыт экстрасенсорных восприятий, а 42 % общались с умершими; у нас в России и в других странах огромное количество так называемых мирои кровоточащих икон, скульптур, появление изображений креста и иных знаков, букв, символов на теле человека и в самых неожиданных местах и т. д.), особенно важно помнить эти святоотеческие наставления.

Видения и откровения

Чудеса — лишь одна из сторон общей и очень насущной темы о критериях истинности религиозных переживаний, явлений, откровений, которые могут быть у верующего (и неверующего) человека. Этот вопрос касается сущности духовной жизни и прямо связан с пониманием условий познания *того* мира. По учению Отцов, любопытство, мечтательность, несерьезность в этой области, попытки любыми средствами проникнуть в духовный мир — равносильны самоубийству.

О последствиях таких действий говорит уже Сам Господь: *кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инуде, тот вор и разбойник* (Ин. 10. 1). А с разбойником известно, как поступают. Хорошо известно, например, что активно занимающиеся спиритизмом, как правило, кончают жизнь или самоубийством, или полным расстройством психики. К этому приводят человека и все прочие виды оккультизма[1]. Такими же последствиями грозит и неверная установка в духовной жизни, неправильное подвижничество, приводящее к прелести.

Незаконное проникновение в мир духовный порождает лжеоткровения, которые, увлекая людей легкомысленных, окончательно губят их и духовно, и телесно[2]. Из ярких примеров подобных «откровений» можно указать на многочисленные прорицания лжестарцев, так называемого «Богородичного центра» или «белых братьев», фантастический произвол которых в истолковании христианства красноречиво свидетельствует о природе и достоинстве этих «откровений».

Апостол Иоанн Богослов обращается ко всем христианам всех времен и народов: *«Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире»* (1 Ин. 4. 1). Что же необходимо для различения духов? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дан святителем Игнатием в его творениях, и особенно в статье «Слово о чувственном и о духовном видении духов».

Единственно законным путем вхождения в духовный мир и получения истинного знания (откровения) о нем является, учит он, правильная духовная жизнь, главнейший критерий которой — осознание человеком своей греховности и приобретение истинного смирения (ибо есть и ложное). «*По непреложному закону подвижничества*, — пишет свт. Игнатий, — *обильное сознание и ощущение своей греховности, даруемое Божественной благодатью, предшествует всем прочим благодатным дарам*», «*...первое духовное видение есть видение своих согрешений, доселе прикрывавшихся забвением и неведением*». «*Зрение недостатков наших — вот безопасное видение! Зрение падения и искупления нашего — вот нужнейшее видение*». «*Все святые признавали себя недостойными Бога: этим являли они свое достоинство, состоящее в смирении*». «*Начало просвещения души*

[1] Крайне отрицательно влияет на психику человека чтение оккультной литературы, таких, например, авторов, как Е. Блаватская, А. Безант, Рерихи, Р. Штейнер, Э. Шюре. Теперь выходит много подобной литературы: Р. Бах «Чайка по имени...», В. Сидоров «Семь дней в Гималаях», Л. Андреев «Роза мира», Гурьев «Записи диалогов с космическим разумом», С. Лазарев «Диагностика кармы» и др. Сюда же нужно отнести и серию книг В. Мегре о т. н. Анастасии «Звенящие кедры России». || [2] См., например: О лжеучениях... // ЖМП. 1992. № 6.

и признак ее здравия заключается в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, подобные множеством своим морскому песку, — сказал святой Петр Дамаскин». В Евангелии это состояние именуется нищетой духовной (Мф. 5. 3).

Духовная нищета, по учению всех святых Отцов, является тем необходимым состоянием души, при котором только возможно получение христианином истинного, то есть спасительного, откровения. Такое откровение Господь дает человеку не для удовлетворения любопытства праздного ума и пустого сердца, жаждущих узнать «что *там*», а единственно в целях спасения. Но и в этом случае *«только совершеннейшим христианам,* — пишет свт. Игнатий, — *преимущественно из иноков, сподобившимся прозреть душевными очами, был открыт мир духов: но таких христиан и в самые цветущие времена иночества было очень мало, по свидетельству преподобного Макария Великого. Свойство всех видений, посылаемых Богом, замечает святой Иоанн Лествичник, заключается в том, что они приносят душе смирение и умиление, исполняют ее страха Божия, сознания своей греховности и ничтожества. Напротив, видения, в которые мы вторгаемся произвольно, в противность воле Божией, вводят нас в высокоумие, в самомнение, доставляют радость, которая не что иное, как не понимаемое нами удовлетворение наших тщеславия и самомнения».*

«Относительно голосов и явлений нужна еще бóльшая осторожность: здесь ближе и зловреднее прелесть бесовская. Многие из святых и искусных Отцов были обмануты бесами, хитро скрывающими и обличающими свою ложь и тьму призраками истины и света; тем удобнее могут быть обмануты ныне и непонятнее. Нужно долгим временем и опытом приучить ум и сердце к отличению добра от зла, под какой бы личиной ни маскировалось зло. Поэтому святые Отцы заповедали, чтобы новоначальные не вверялись никаким гласам и явлениям, — но отвергали их и не принимали их, предоставляя дело суду и воле Божией, а для себя признавали смирение более нужным всякого гласа и явления. Глас Христов — Евангелие; будем вслушиваться в него и ему повиноваться». По какой причине подвижник может обмануться? Святитель отвечает: *«Все виды бесовской прелести... возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душою, целью молитвы».*

«Сродство между собой как добродетелей, так и пороков». Это еще один закон духовной жизни, на который, как правило, не обращается внимания. Святитель изъясняет его следующим образом: *«Необходимо знать возлюбленным братиям следующее: все благие помыслы и добродетели имеют сродство между собой; точно так же все грехов-*

ные помыслы, мечтания, грехи и страсти имеют сродство между собой. По причине этого сродства, — пишет он, — *произвольное подчинение одному благому помыслу влечет за собой естественное подчинение другому благому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первой. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, по изречениям отцов, не терпит пребывать бессупружной в сердце»*.

Не зная этого закона, человек часто не обращает внимания на так называемые «мелкие» грехи и *произвольно*, то есть без насилия страсти, совершает их. Но оказывается, что *«пренебрегающий мелочами мало-помалу нисходит в гибельное падение»*, — приводит свт. Игнатий слова преп. Исаии Отшельника. Под *мелочами* подразумеваются прежде всего всякие греховные или просто ничего, кажется, не значащие мысли, желания, слова, дела. *Гибельное падение* состоит в том, что человек, *пренебрегающий* такими *мелочами* духовного или нравственного характера, внутренне ослабевает, легко становится рабом сильных влечений и страстей и в результате уже *невольно* впадает в глупые и тяжкие поступки и грехи, ведущие к скорбям и трагедиям в жизни.

Поэтому он рекомендует: *«В духовном подвиге должно преимущественно вооружаться против начальных страстей (объядение, нега, развлечение, роскошь, сребролюбие, славолюбие, неверие); последствия их (сладострастие, печаль, гнев, памятозлобие, зависть, гордость, забвение Бога, оставление доброго желательства) будут уничтожаться сами собой»*.

О том, насколько важно знание и соблюдение этого закона, свидетельствуют приводимые святителем Игнатием следующие слова опытнейшего наставника в духовной жизни преподобного Исаака Сирина: *«Премудрый Господь благословил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь мать, рождающую добродетели, и устремишься к взысканию дщерей, прежде стяжания матери, то добродетели эти соделываются ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь»*.

Удивительные слова! Для духовно неопытного сама мысль о том, что какая-то добродетель может оказаться преждевременной или тем более смертельной для души ехидной, покажется просто странной, неразумной. Но именно таков один из строгих законов духовной жизни, открытый великим опытом святых.

«Святой Симеон Новый Богослов, рассуждая о случающейся безуспешности молитвенного подвига и о плевелах прелести, возникающих из него, приписывает причину и безуспешности, и прелести несохранению правильности и постепенности в подвиге. “Хотящие взойти, — говорит Богослов, — на высоты молитвенного преуспеяния, да не начинают идти сверху вниз, но да восходят снизу вверх, сперва на первую ступень лествицы, потом на вторую, далее на третью, наконец на четвертую. Таким образом, всякий может восстать от земли и взойти на небо”».

В четвертом томе своих творений, который Святитель назвал «Приношение современному монашеству», в главе десятой «Об осторожности при чтении отеческих книг о монашеской жизни», он предостерегает: *«Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая несвойственные им, возвышеннейшие добродетели».*

Духовник

Даже беглый взгляд на отдельные стороны духовной жизни показывает, насколько она непроста. Святые Отцы называли на иноческом ее уровне *наукой из наук, художеством из художеств*. Действительно, она требует от христианина знания ее законов, правильной молитвы, аскезы, отречения от міра, умения бороться со страстями и приобретать добродетели, знания критериев верного пути и признаков уклонения от него, правильного отношения к явлениям духовного мира и многого другого, что составляет жизнь *по Христу, а не по стихиям міра* (Кол. 2. 8). Она касается сокровенной жизни сердца, из которого исходят мысли, чувства, желания, очищающие или, напротив, оскверняющие всё существо человека (Мф. 5. 19). Духовная жизнь несводима ни к нравственности, ни к исполнению церковных предписаний. Ибо те и другие определяют только внешнюю, поведенческую сторону жизни верующего, которая может совсем не затрагивать внутреннего мира души.

Потому одной из самых насущных проблем, с которой сталкивается практически каждый верующий человек, это поиск духовного руководителя. У святителя Игнатия эта проблема рассматривается с самых разных сторон:

1. Прежде всего — кто может именоваться духовным наставником.

2. Оскудение в последние времена таких духоносных наставников, которые бы видели души людей и потому могли дать спасительные советы.

3. Необходимость большой осторожности в выборе духовного руководителя и огромной опасности принять бездуховного «старца» за старца.

4. Характер правильных взаимоотношений между духовником и пасомым: о жизни в послушании и по совету.

Приведем высказывания Святителя по этим вопросам.

1. Духовный наставник. «*В духовнике, по мнению моему, великое достоинство — простота, неуклонное последование учению Церкви, чуждое всяких своих умствований*».

«*Точно тогда исполняют обязанность свою наставники, когда они ищут, чтобы в душах, приводимых ими ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. Они желают умалиться во мнении своих водимых, лишь бы возвеличился для них Христос, тогда эти наставники ощущают полноту радости, как достигшие конца своих желаний. Напротив того, те, которые приводят вверенные их руководству души к себе, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодействуют*».

«*Те старцы, которые принимают на себя роль [старца]... в сущности, не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия. Старцы, которые принимают на себя роль древних святых Старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть*».

«*Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему* [Христу], *а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспеяния*».

2. Об отсутствии богодухновенных наставников. «*Святой Макарий Великий* [IV–V вв.] *говорил, что... встречаются души, соделавшиеся причастниками Божественной благодати... вместе с тем, по недостатку деятельной опытности, пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном... которое требуется истинным подвижничеством*». «*В монастырях употребляется о таких старцах изречение: “свят, но не искусен” и наблюдается осторожность в советовании с ними... чтобы не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев*». Св. Исаак Сирин говорит даже, что такой старец «*недостоин называться святым*».

Святитель Игнатий приводит также слова св. Григория Синаита, который «*решился сказать, что в его время вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки...*», и продолжает: «*Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Богодухновенных наставников нет у нас!*»

«*Отцы, отдаленные от времен Христовых тысячелетием, повторяя совет предшественников, уже жалуются на редкость богодухно-*

венных наставников, на появившееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и отеческие писания. Отцы, близкие к нашему времени, называют богодухновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещают в руководство Священное и Святое Писание, проверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшей осмотрительностью и осторожностью совет современных... братий».

«...Монашествующие первых веков христианства были руководимы Боговдохновенными наставниками, а ныне, замечает преподобный Нил Сорский согласно с другими позднейшими Отцами, монашествующие должны наиболее руководиться Священным Писанием и писаниями Отеческими по причине крайнего оскудения живых сосудов Божественной благодати».

«Видеть настоящее положение духовных руководителей необходимо, чтобы охраниться от обмана; вместе должно очень остеречься от осуждения их, непрестанно обращаясь к вниманию себе».

3. О выборе духовника. Святитель Игнатий, исходя из следующей мысли преподобного Иоанна Кассиана Римлянина (V в.): *«Полезно открывать свои помыслы отцам, но не каким попало, а старцам духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам. Многие, увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред»*, советует: *«Постарайся найти хорошего, добросовестного духовника. Если найдешь его — и тем будь доволен, ныне добросовестные духовники — великая редкость».*

Но предупреждает: *«Советник благочестивый, но неопытный, скорее, может смутить, нежели принести пользу. Не только из среды мирян — из среды монашествующих крайне трудно найти советника, который бы, так сказать, измерил и взвесил душу, с ним советующуюся, из нее, из ее достояния, преподал бы ей совет». «“Кому не извещается сердце, тому не открывай его”, — говорит великий наставник иноков преподобный Пимен, египетский пустынник».*

И делает очень важное предостережение: *«Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть диаволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи».*

И человеку, который уже имел некоторый опыт общения с духовниками, откровенно пишет: *«Не утомляй себя напрасно исканием*

наставников: наше время, богатое лжеучителями, крайне скудно в наставниках духовных. Их заменяют для подвижника писания Отеческие».

4. О взаимоотношениях духовника и пасомых. Часто мирские люди, не имеющие ни опыта церковной жизни, ни знания того, кто такой духовник и какие должны быть с ним отношения, но услышав святоотеческое учение о полном послушании в монастырях, становятся на этот путь. Этот вопрос чрезвычайно важен для многих в настоящее время.

О жизни в послушании святитель Игнатий говорит совершенно определенно: «*Иноческое послушание в том виде и характере, как оно проходилось в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постижение его и полное подражание ему сделались для нас невозможными: возможно одно благоговейное благоразумное рассматривание его, возможно усвоение духа его*».

Стремление к полному послушанию духовнику в наше время, пишет он одному из своих духовных чад, ошибочно: «*Напрасно Ваше желание — находиться в полном послушании у опытного наставника. Этот подвиг не дан нашему времени. Его нет не только посреди мира христианского, нет даже в монастырях. Умерщвление разума и воли не может быть совершаемо человеком душевным, хотя бы и добрым, и благочестивым. Для этого необходим духоносный отец: только перед духоносцем может быть явна душа ученика; только он может усмотреть, откуда и куда направляются душевные движения наставляемого им*».

И он разъясняет: «*И многие думали проходить послушание, а на самом деле оказалось, что они исполняли свои прихоти, были увлечены разгорячением. Счастлив тот, кто в старости своей успеет уронить слезу покаяния на увлечения юности своей. О слепых вождях и водимых ими сказал Господь*: **Слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут** (Мф. 15. 14)». «*Иноческое послушание процветало при обилии духовных наставников. С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания... вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтобы предмет ее был истинный и духовный; тогда она приводит к Богу. Вера в человека приводит к исступленному фанатизму*».

Поэтому Святитель предупреждает: «*Если же руководитель начнет искать послушания себе, а не Богу, — не достоин он быть руководителем ближнего! — Он не слуга Божий! — Слуга диавола, его орудие, есть сеть!* **Не делайтесь рабами человеков** (1 Кор. 7. 23), — *завещает Апостол*». Владыка отвечает и на одно из самых распространенных возражений со стороны ревнителей безрассудного послушания: «*Возразят: вера послушника может заменить недостаточество*

старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола (2 Фес. 2. 10–12)». И приводит слова одного из великих подвижников древней Церкви: «*Преп. Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, сожительство с которым оказывается душевредным, очевидно, по нарушению этим старцем нравственного предания Церкви*».

Святитель резко пишет о лжестарцах, жаждущих славы от пасомых и власти над ними: «*Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается неопытным новоначальным с безотчетливой доверчивостью, с плотским и кровяным разгорячением! Им нужен успех, какого бы ни был качества этот успех, какое бы ни было его начало! Им нужно произвести впечатление на новоначального и нравственно подчинить его себе! Им нужна похвала человеческая! Им нужно прослыть святыми, разумными, прозорливыми старцами, учителями! Им нужно напитать свое ненасытное тщеславие, свою гордыню!*»

Но если жизнь по послушанию в наше время уже невозможна, то как же быть христианину, ищущему правильного пути? На этот вопрос святитель Игнатий отвечает с исчерпывающей ясностью. Он пишет, что сейчас можно говорить лишь ***о жизни по совету***.

Это единственно возможный теперь характер жизни православного верующего: «*По учению отцов, жительство... единственно приличествующее нашему времени, есть жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братий; этот совет опять должно проверять по писанию отцов*».

Он приводит пример того, как вели себя истинные наставники: «*Преподобный Нил Сорский* [XV в.] *никогда не давал наставления или совета прямо от себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение отцов. Когда же... он не находил в памяти освященного мнения о каком-либо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений священномученика Петра Дамаскина, преподобного Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других отцов, особенно позднейших. Его держались... иеросхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий... Никогда не давали они советов от себя... Это давало советам их силу*».

Назидателен личный пример самого святителя Игнатия. Одному из своих адресатов, просящих его руководства, он писал: «*Знайте, что я не присваиваю себе никакой власти над Вами, но подавая Вам совет, предоставляю Вашей воле исполнить его или не исполнить. В том и дру-*

гом случае будьте мирны», *«На слова письма твоего: “возьми меня, добрый пастырь, и причти к овцам твоего стада”, ответ мой: “прими меня, ближний мой, в услужение тебе на пути твоем ко Христу”»*, *«Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всем, что ни предпримешь с благой целью, буди благословение Божие. У меня нет своего благословения: благословляю призыванием благословения Божия»*.

«Говорю только вопрошающим, и то когда уверен, что вопрошают искренно, по требованию души, а не мимоходом или по любопытству».

С кем же и как советоваться? Святитель отвечает: *«Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братиями; но усваивай себе советы их с крайней осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя!»* При этом объясняет: *«Совет не заключает в себе условия непременно исполнять его: он может быть исполнен и не исполнен»*.

Святитель Игнатий указывает на один очень важный психологический момент, присутствующий в отношениях «по совету»: *«Скромное отношение советника к наставляемому — совсем иное, нежели старца к безусловному послушнику»*.

Таков голос истинного духовного наставника по одному из наиболее болезненных вопросов духовной жизни.

* * *

Почему столь высок авторитет святителя Игнатия в понимании духовной жизни? Ведь о тех же вопросах писали и другие наши Отцы. Но, как возвестил Апостол: **Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе** (1 Кор. 15. 41). О *славе же звезды* Святителя свидетельствуют авторитетнейшие отечественные подвижники, и при этом в таких словах, которых они не произносили, можно сказать, ни о каком другом из наших святых писателях-аскетах. Поэтому да умолкнут хулящие его.

Вот некоторые из этих свидетельств.

Преподобный **Макарий** Оптинский (†1860) сравнивает святителя Игнатия даже с великим подвижником древней Церкви Арсением Великим. *«Был Великий Арсений, и у нас в России был бы свой Великий Арсений, если бы он пошел другой дорогой. Это — Игнатий (Брянчанинов).* ***Это был великий ум****»*[1].

Иногда неправильно понимают эти слова, думая, что свт. Игнатий сам изменил направление своей жизни. Но значение *другой дороги,*

---

[1] *Преподобный Никон Оптинский (Беляев).* Дневники. 1907–1910. СПб., 1994. Запись от 4 мая 1908 г.

упомянутой преп. Макарием, имеет совсем иной смысл, который с полной очевидностью открывается из откровенных признаний самого Святителя и из всей его подвижнической жизни на этом *другом* пути.

Святитель Игнатий, вопреки своему самому ревностному желанию уединения, затвора, жизни созерцательной, Промыслом Божиим по приказу императора был снят с этого пути и поставлен на *другую дорогу* — руководства столичным монастырем, а затем и епархией для духовного окормления множества людей, искренне ищущих правильной христианской жизни.

Вот что свт. Игнатий писал о своем назначении в Сергиеву обитель: «*Ни к чему в ней не прилепилось сердце, ничего мне в ней не нравится. Я занимаюсь устроением ее как обязанностью, принуждаю себя любить Сергиеву пустынь. Обитель эта совершенно не соответствует потребностям монашеской жизни. Одного прошу: чтоб развязали меня с Сергиевой пустынью. Всякое решение Святейшего Синода приму с благодарностью*».

В письме к архиепископу Илиодору он открывает свою душу: «*Я всегда желал глубокого уединения... С тою целью оставил я мир, с этой постоянною целью совершаю двадцатый год в монастыре*». Исполнение его заветной мечты затянулось почти на три десятка лет, когда, наконец, ему разрешили уйти на покой.

Так Россия Промыслом Божиим, устрояющим всё самое благое, получила вместо Великого затворника Арсения драгоценные творения великого Игнатия — истинного наставника всех ищущих драгоценной евангельской жемчужины (Мф. 13. 45–46).

Преподобный **Варсонофий** Оптинский († 1.IV. 1913) говорил: «*Когда я читаю его сочинения, я удивляюсь прямо* ***ангельскому уму****, его дивно глубокому разумению Священного Писания. Я как-то особенно располагаюсь к его сочинениям, они как-то особенно располагают к себе мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно евангельским светом*»[1].

«*— Вы не знаете, что было, когда хоронили еп. Игнатия?*

— Нет, Батюшка.

— Ангелы дориносили его душу и пели: "Архиерею Божий, святителю отче Игнатие". Вот была ангельская песнь...»[2]

Преподобный **Никон** (Беляев) Оптинский († 1931): «*Пятый том сочинений епископа Игнатия заключает в себе учение святых отцов применительно к современному монашеству и научает, как должно читать писания святых отцов. Очень глубоко смотрел епископ Игна-*

---

[1] *Преп. Никон Оптинский (Беляев).* Дневники. 1907–1910. Запись от 9 ноября 1908 г. ‖ [2] *Преп. Никон Оптинский (Беляев).* Дневники. 1907–1910. Запись от 4 мая 1908 г.

тий, и даже, пожалуй, глубже в этом отношении епископа Феофана. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта...»[1]

*«Сочинения преосвященного Игнатия необходимы, **они, так сказать, азбука духовной жизни**»*. С книгой еп. Игнатия «Приношение современному монашеству» он не расставался во время своего пребывания в калужской тюрьме. Ее передали ему туда по его просьбе. *«На полях этой книги, на оставшихся незаполненными страницах и на небольших, аккуратно вклеенных листочках бумаги имеются карандашные записи, сделанные рукой старца Никона»*[2].

Игумения **Арсения** (Себрякова, † 1903) о пятом томе сочинений святителя Игнатия: *«Я читаю этот том, и **как изречения святых Отцов**, так и взгляд на святое лицо Владыки действуют на меня необыкновенно хорошо». «Читала с большим удовольствием, с душевным утешением и назиданием. Дóроги слова самого Владыки»*[3].

Схиигумен **Иоанн** Валаамский (Алексеев, † 1958): *«Епископа Игнатия я читал еще новоначальным послушником, но все его слова помню и теперь: проходящим молитвенный подвиг просто житья нет от буквоедов. Ах, как справедливо сказал **мудрый епископ**, и это у него вытекало из своего духовного опыта»*[4].

Игумен **Никон** (Воробьев, † 1963): ***«Как я благодарен ему за его писания! Не понять и не оценить его — значит ничего не понимать в духовной жизни**. Смею сказать, что сочинения епископа Феофана (да простит мне св. владыка) — работы школьника по сравнению с трудами профессора — творениями епископа Игнатия (Брянчанинова)»* (Письмо от 18.02.1945). *«Все его писания взяты из Отцов и приспособлены для нас. Он пишет о самом нужном — о покаянии, которое есть единственная дверь ко всему доброму»* (Письмо от 15.XI.1950).

«Лучшего учителя для нашего времени нет» (Письмо от 1956 г.).

«Вот что самое дорогое хотел бы я Вам пожелать, если бы Вы спросили меня, — постоянно вникайте в Игнатия Брянчанинова и идите указанным им путем. Это — путь всех древних Отцов, путь, пройденный и самим Игнатием, проверенный им, как человеком нашего времени, развития, человеком наших недостатков и слабостей, нашего почти окружения. Это-то и делает его писания особенно ценными. Прибавьте к этому силу благодати Божией, явно в них ощутимую, ибо писались они не по произволу, а по особому внушению» (Письмо от 18.02.1945).

---

[1] *Преп. Никон Оптинский (Беляев)*. Дневники. 1907–1910. С. 165–166. || [2] Даниловский благовестник. 1995. № 7. С. 53. || [3] Путь немечтательного делания. М., 1999. С. 254, 360. || [4] *Игумен Иоанн (Алексеев)*. Загляни в свое сердце. СПб., 2002. С. 200.

Надписывая сочинения Святителя одному своему духовному чаду, игумен Никон завещал следующее: «***Для нашего времени нет лучшего путеводителя в таинственную Землю Обетованную, как творения епископа Игнатия Брянчанинова.*** *Его святыми молитвами да подаст тебе Господь войти в нее и обитать на ней. Храни эти книги до вхождения как необходимое и незаменимое руководство на пути, а если войдешь — как напоминание о долге благодарности своему великому учителю, епископу Игнатию*».

Архимандрит **Иоанн (Крестьянкин,** † 2006): «***Читайте святителя Игнатия, внимайте*** *прочитанному, и козни вражии не посмеют коснуться вас, следующих его советам*», «*Слушайте внимательно. Святитель Игнатий (Брянчанинов) отвечает нам*», «*Вот последнее* [его] *слово нам, живущим в столь трудные времена*»[1].

---

[1] «Духовная аптека» старца Иоанна (Крестьянкина). М., 2010. С. 55, 56, 57.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА,

составленное

его ближайшими

учениками

в 1881 году

Офортъ Дмитріева-Кавказскаго 1891 года *Живоп. Яковлева*

Архимандритъ Игнатій

Вступление

Истекло 12 лет[1] со дня мирной кончины приснопамятного Святителя — инока Церкви Русской XIX века, Преосвященнейшего епископа Игнатия Брянчанинова. Близко еще время его к нам, живы еще многие его современники, спостники, ученики, и между тем светлая личность свято почившего Святителя Божия высоко уже стоит над нами, светло светит нам светом христианских его добродетелей, подвигами строго иноческого его жития и аскетическими его писаниями. Краса иночества нашего века, Святитель является деятельным учителем иноков и не только в писаниях своих, но и во всей жизни своей представляет дивную картину самоотвержения, близкого к исповедничеству, борьбы человека со страстями, скорбями, болезнями, картину жизни, которая при помощи и действии обильной благодати Божией увенчалась победой, привлекла к подвижнику многие редкие дары Святого Духа. С благоговением следя за этим многострадальным и многоскорбным шествием подвижника к преуспеянию духовному и ясно созерцая при этом особое водительство Промысла Божия во всей его жизни, невольно ощущаешь живое познание веры в отеческое попечение о нас Бога, Творца и Спасителя нашего и проникаешься желанием подражать, по мере сил, этому, современному нам, образцу совершенства христианского. Предоставляя будущему биографу подробную и обстоятельную оценку плодотворной деятельности незабвенного Святителя, мы, в настоящую минуту, решились предложить только краткое жизнеописание в Бозе почившего Преосвященного Игнатия, составленное по запискам ближайших его учеников и воспоминаниям родного брата его Петра Александровича Брянчанинова, глубоко преданного ему в отношении духовном, разделявшего с ним уединение последних лет жизни его на

---

[1] Святитель Игнатий скончался 30 апреля 1867 года, следовательно, этот текст начат составителями в 1879 году. — *Ред.*

покое в Николо-Бабаевском монастыре и пользовавшегося полным доверием и любовью блаженного Святителя, так равно и по запискам сподвижника, друга его от ранних лет юности и до глубокой старости, Сергиевой пустыни схимонаха Михаила Чихачова, с которым начал он свой подвиг иноческий и вместе с ним проходил его до самого епископства, — друга, пред которым Святитель не таил ни одного из событий своей жизни, и, наконец, — главное — мы руководились собственными повествованиями архипастыря-инока о своих немощах, борениях, скорбях, чувствах и благодатных ощущениях, которые изложены им в его творениях. Все сочинения вообще, а духовно-нравственные преимущественно, обладают тем свойством, что в них вполне точно выражается внутренняя жизнь их авторов. Таким образом, сочинения дают обильный материал биографу для начертания характеристики лица, этой существенной части жизнеописания; но чтобы в неложных чертах изобразить жизнь Преосвященного Игнатия, надлежит самому изучить и испытать нечто такое, что он изучал и испытывал. Изучение же здесь так мало доступно, опыты столь исключительны, что всего менее зависят от собственных усилий и воли человека. Кто Промыслом Божиим поставлен на подобную дорогу и отчасти введен в горнило подобных испытаний, лишь тот может знать всю особенность таких опытов, и с этой стороны правильнее оценить деятельность представителя их. Жизнеописания особенно замечательных или передовых людей отличаются тем признаком, что в них, преимущественно, выказывается какая-нибудь одна сторона, с которой деятельность этих лиц особенно проявляется, которая отличает их резкими, характеристическими чертами и сосредоточивает на себе все внимание: это как бы лицевая сторона всей их деятельности, скрывающая за собой все прочие. В жизнеописаниях таких личностей необходимо схватывать этот признак и проводить его вполне от начала до конца жизнеописания; тогда оно будет иметь свойственную выдержку. В этом отношении жизнь Преосвященного Игнатия имеет особенное преимущество: она представляет такую отличительную сторону, которая совершенно выделяет его личность в ряду прочих, современных ему, духовных деятелей. Такую сторону его жизни составляет полное самоотвержение ради точного исполнения евангельских заповедей в потаенном иноческом духовном подвиге, послужившем предметом нового, аскетически-богословского учения в нашей духовной литературе, — учения о внутреннем совершенствовании человека в быту монашеском и

отношений его к другим духовным существам, влияющим на него как по внутреннему человеку, так и со стороны внешней, или физической. Вот та особенность, которая отличает Преосвященного Игнатия в ряду прочих духовных писателей нашего времени, — особенность резкая, однако не всеми точно усматриваемая, верно различаемая.

Глава I

Преосвященный Игнатий был избран на служение Богу от чрева матери. Такое избрание — удел весьма редких и нарочитых служителей Божиих — предзнаменовалось следующим обстоятельством. Родители Преосвященного сочетались браком в ранней молодости. В начале супружества у них родилось двое детей, но родители недолго утешались ими; оба детища умерли на первых днях младенчества, и юная чета пребывала долго бездетной. В глубокой печали о своем продолжительном бесчадии молодые супруги обратились к единственной помощи — помощи Небесной. Они предприняли путешествие по окрестным святым местам, чтобы усердными молитвами и благотворением исходатайствовать себе разрешение неплодия. Благочестивое предприятие увенчалось успехом: плодом молитв скорбящих супругов был сын, нареченный Димитрием, в честь одного из первых чудотворцев Вологодских — преподобного Димитрия Прилуцкого. Таким образом, очевидно, неплодство молодых Брянчаниновых было устроением Промысла Божия, чтобы рожденный после неплодства первенец, испрошенный молитвой, впоследствии сделался ревностным делателем ее и опытным наставником. Младенец Димитрий родился 6 февраля 1807 года в селе Покровском[1], которое было родовым имением его отца и находится в Грязовецком уезде Вологодской губернии. Будущий инок имел счастливую участь провести свое детство в уединении сельской жизни, в ближайшем соприкосновении с природой, которая, таким образом, явилась первой его наставницей. Она вселила в него наклонность к уединению: отрок часто любил оставаться под тенью вековых дерев обширного сада и там, одинокий, погружался в тихие думы, содержание которых, без сомнения, заимствовалось из окружающей природы. Величественная и безмолвная, она рано начала влиять на него своими вдохновляющими образами: она внушала

[1] Описание усадьбы Покровское см.: *Лукомский Г. К.* Вологда в ее старине. СПб., 1914. С. 303–312. — *Ред.*

его детской душе, еще не запятнанной житейской мелочностью, иные, более возвышенные стремления, какими бывает полна жизнь пустынная, она восхищала его сердце более живыми, чистыми чувствованиями, какие способно доставить только уединение. Отрок рано научился понимать этот безмолвный голос природы и отличать его от шума житейского. Явления домашней жизни не действовали на него впечатлительно, — он более углублялся в себя и среди изящной светской обстановки казался питомцем пустыни. Искра Божественной любви запала в его чистое сердце. Она сказалась в нем безотчетным влечением к иночеству, к его высоким идеалам, которыми так полна родная сторона, особенным расположением ко всему священному и истинно прекрасному, сколько это доступно для детского возраста. С этой ранней поры жизни дальнейший путь ее уже определился. Отрок духовно был отделен от мира. Такое настроение малолетнего Димитрия не могло рассчитывать на сочувствие со стороны родителей. Его отец Александр Семенович Брянчанинов, потомок древних дворян Брянчаниновых, фамилии весьма известной и чтимой в Вологде, был в полном смысле слова светский человек. Паж времени Императора Павла Петровича, он имел необыкновенно развитый вкус к изяществу в домашней обстановке и представлял собой совершенный тип современного передового русского помещика. Наследовав от своих родителей значительное имение, он должен был истощить большую часть его на уплату огромных долгов, после чего ему осталось около 400 душ крестьян да живописное село Покровское, издавна бывшее местопребыванием его предков, — родина будущего Святителя. Супруга его, мать Преосвященного Игнатия, София Афанасьевна происходила также из фамилии Брянчаниновых[1] и, как женщина замечательного образования, весьма благочестивая, памятуя, что муж есть глава, во всем подчинялась влиянию мужа, разделяя его взгляды и понятия. Александр Семенович по справедливости считался в числе передовых образованных помещиков своего времени и любил просвещение[2], а потому и детям своим старался дать по возможности основательное воспитание, чтобы приготовить из

---

[1] Отец Софии Афанасьевны, Афанасий Матвеевич Брянчанинов († 1786), служил в лейб-гвардии Семеновском полку, после выхода в отставку приобрел в Грязовецком уезде имения Осанино и Фомино. Дружил с литераторами, поэт М. Н. Муравьев посвятил ему несколько стихотворений. — *Ред.* ‖ [2] Все время жизни своей в с. Покровском он содержал постоянно на полном своем иждивении приходское двухклассное училище, в котором обучалось до 50 человек крестьянских детей.

них истинных сынов отечества, преданных престолу, верных Православию. Давая такое воспитание, он не чужд был честолюбия видеть впоследствии сыновей своих занимающими почетные должности на государственной службе. От проницательности юного Димитрия не могла укрыться эта черта, его родителя, черта, совершенно противоположная намерениям и стремлениям юноши, и вот начало внутренней борьбы, начало страданий и испытаний, сделавшихся потом уделом всей жизни почившего Владыки.

Все дети в семействе Брянчаниновых, братья и сестры Димитрия Александровича, воспитывались вместе, связанные взаимной дружбой, но все сознавали главенство Димитрия, и сознавали не потому только, что он был старший, а вследствие особого, высшего, так сказать, склада его ума и характера, вследствие нравственного его превосходства. Пользуясь всегдашним уважением от братьев и сестер и превосходя всех их в научных способностях и других дарованиях, Димитрий Александрович не обнаруживал ни малейшего превозношения или хвастовства. Зачатки иноческого смиренномудрия высказывались в тогдашнем его поведении и образе мыслей; по нравственности и уму он был несравненно выше лет своих, и вот причина, почему братья и сестры относились к нему даже с некоторым благоговением, а он, в свою очередь, сообщал им свои нравственные качества.

С возрастом религиозное настроение Димитрия Александровича обнаруживалось заметнее: оно проявлялось в особенном расположении к молитве и чтению книг духовно-нравственного содержания. Он любил часто посещать церковь, а дома имел обыкновение молиться часто в течение дня, не ограничиваясь установленным временем — утром и вечером. Молитва его не походила на урочное вычитывание, часто торопливое и машинальное, что так обыкновенно у детей; он приучался к внимательной молитве, которая начинается с благоговейного предстояния и неспешного произношения слов молитвенных, и так преуспевал в ней, что еще в детстве наслаждался ее благодатными плодами. Учась молиться внимательно, он с благоговением относился ко всему священному, внушая это благоговение и прочим своим братьям и сестрам; Евангелие всегда читал с умилением, размышляя о читаном. Любимой его книгой было «Училище благочестия» в пяти томах, старинного издания. Книга эта, содержащая краткое изложение деяний святых и избранные изречения их, весьма соответствовала настроению отрока, или, вернее, она настраивала его дух, предоставляя святым повествованиям и изречениям

духоносных мужей самим действовать на него, без посредства посторонних пояснений. Способности Димитрия Александровича были весьма многосторонни: кроме установленных занятий в науках, он с большим успехом упражнялся в каллиграфии, рисовании, нотном пении и даже музыке, притом на самом трудном инструменте, какова скрипка. Выучивая очень скоро свои уроки, свободные часы он употреблял на чтение и разные письменные упражнения, в которых также начинало выказываться его литературное дарование. Наставниками его в это время были профессора Вологодской семинарии и учителя гимназии. Домашним учителем был студент семинарии Левитский, живший в семействе Брянчаниновых. Он же преподавал и Закон Божий. Левитский отличался замечательным благонравием и основательным знанием своего предмета. Он так хорошо умел ознакомить своего ученика с начальными истинами богословия, что Димитрий Александрович до конца жизни сохранял благодарное воспоминание о нем.

Жизнь Димитрия Александровича в доме родительском продолжалась до 16-го года его возраста; этот первый период жизни уже был труден для него в духовном отношении тем, что внешние и внутренние условия жизни в доме родителей не допускали возможности открывать кому бы то ни было заветные желания и цели, наполнявшие тогда его душу. В заключение описания периода детства автора «Аскетических опытов» весьма назидательно привести собственное его поведание об этом детстве. Вот как трогательно он говорит о себе в статье «Плач мой»: «Детство мое было преисполнено скорбей. Здесь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имел кому открыть моего сердца; начал изливать его перед Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих. Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии; но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление. Мысль, часто парившая к Богу молитвою и чтением, начала мало-помалу приносить мир и спокойствие в душу мою.

Когда я был пятнадцатилетним юношей, несказанная тишина возвеяла в уме и сердце моем. Но я не понимал ее, — я полагал, что это обыкновенное состояние всех человеков»[1].

В конце лета 1822 года, когда Димитрию Александровичу шел шестнадцатый год от рождения, родитель повез его в С.-Петербург для определения в Главное инженерное училище, куда он был подготовлен домашним ученьем. Дорогой, близ Шлиссельбурга, отец вне-

[1] Аскетические опыты. Т. I. С. 540 наст. изд.

запно обратился к сыну с следующим вопросом: «Куда бы ты хотел поступить на службу?» Пораженный такой небывалой откровенностью отца, сын не хотел более скрывать от него своей сердечной тайны, которой до сих пор никому не открывал; сперва он испросил у него обещание не сердиться, если ответ ему не понравится; затем, с твердостью воли и силой вполне искреннего чувства, сказал, что желает идти «в монахи». Решительный ответ сына, по-видимому, не подействовал на отца; он или не дал ему значения на основании молодости отвечавшего, или не хотел возражать по кажущейся несбыточности желания, которое совершенно расходилось с планами, какие он строил о будущности своего сына. В Петербурге Димитрий Александрович сдал блистательно вступительный экзамен[1]. Благообразная наружность и отличная подготовка в науках обратили на молодого Брянчанинова особенное внимание Его Высочества Николая Павловича, бывшего тогда генерал-инспектором инженеров. Великий Князь приказал Брянчанинову явиться в Аничковский дворец, где представил его своей супруге, Государыне Великой Княгине Александре Феодоровне, и рекомендовал как отлично приготовленного не только к наукам, требуемым в инженерном училище, но знающего даже латинский и греческий языки. Ее Высочество благоволила приказать зачислить Брянчанинова Ее пенсионером. Сделавшись Императором, Николай Павлович и Императрица Александра Феодоровна продолжали оказывать свое милостивое расположение Брянчанинову. По сдаче экзамена Димитрий Александрович зачислен был в кондукторскую роту Главного инженерного училища, а действительная служба его стала считаться со дня принесения им присяги 19 января 1823 года. Успехи по наукам[2], отличное поведение и расположение Великого Князя выдвигали его на первое место между юнкерами-товарищами: к концу 1823 года, с переводом в верхний кондукторский класс, он был назначен фельдфебелем кондукторской роты; в 1824 году был переведен из юнкерских классов в нижний офицерский (что ныне Николаевская инженерная академия) и 13 декабря произведен в инженер-прапорщики. Редкие умственные способности и нравственные качества Димитрия Александровича привлекали к нему профессоров и преподавателей

[1] В этом году на 30 ваканций было 130 конкурентов. Из числа их Брянчанинов не только был первым, но исключительно он один удовлетворил требованиям для поступления во 2-й кондукторский класс. || [2] В самом непродолжительном времени Брянчанинов стал первым учеником своего класса и сохранил это место по наукам до самого выхода из училища.

училища; все они относились к нему с особенной благосклонностью, отдавая явное предпочтение пред прочими воспитанниками.

Наряду со служебно-учебной деятельностию Димитрий Александрович имел успехи и в светском обществе своими личными достоинствами. Родственные связи ввели его в дом тогдашнего президента Академии художеств Оленина[1]. Там, на литературных вечерах, он сделался любимым чтецом, а поэтические и вообще литературные дарования его приобрели ему внимание тогдашних знаменитостей литературного мира: Гнедича, Крылова, Батюшкова и Пушкина. Такое общество, конечно, благодетельно влияло на литературное развитие будущего писателя. Преосвященный Игнатий до конца жизни сочувственно отзывался о советах, какие ему давали тогда некоторые из этих личностей.

Описанный круг светского знакомства, к которому принадлежала имевшая большие связи тетка Димитрия Александровича А. М. Сухарева, только внешним образом влиял на жизнь молодого человека, внутренняя жизнь которого развивалась самостоятельно, независимо от родственных и общественных связей. Димитрий Александрович и в шуме столичной жизни остался верен своим духовным стремлениям, какие испытал в уединении отдаленной родины: он всегда искал в религии живого, опытного знания и, хранимый благодатью, не поддавался ни тлетворному влиянию чуждых учений, ни приманкам светских удовольствий. Вот с какой подробностью он сам в вышеприведенной статье «Плач мой» описывает тогдашнее свое душевное состояние: «Вступил я в военную и вместе ученую службу не по своему избранию и желанию. Тогда я не смел, не умел желать ничего, потому что не нашел еще Истины, еще не увидел Ее ясно, чтобы пожелать Ее! Науки человеческие, изобретения падшего человеческого разума, сделались предметом моего внимания: к ним я устремился всеми силами души; неопределенные занятия и ощущения религиозные оставались в стороне. Протекли почти два года в занятиях земных; родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая по Боге. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни! И точно — это было том-

[1] Алексей Николаевич Оленин (1763–1843) — археолог, филолог, график, держатель известного литературно-художественного салона. — *Ред.*

ление души, удалившейся от истинной жизни своей, Бога. Вспоминаю: иду по улицам Петербурга в мундире юнкера, и слезы градом льются из очей...

Понятия мои были уже зрелее, я искал в религии определительности. Безотчетные чувствования религиозные меня не удовлетворяли, я хотел видеть верное, ясное, Истину. В то время разнообразные религиозные идеи занимали и волновали столицу северную, препирались, боролись между собою. Ни та ни другая сторона не нравились моему сердцу; оно не доверяло им, оно страшилось их. В строгих думах снял я мундир юнкера и надел мундир офицера. Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было, приходя в храм Божий, стать в толпе солдат, в толпе простолюдинов, молиться и рыдать сколько душе угодно. Не до веселий, не до развлечений было юноше! Мир не представлял мне ничего приманчивого: я был к нему так хладен, как будто мир был вовсе без соблазнов! Точно их не существовало для меня: мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений, и догматических и нравственных»[1].

Глава II

Начало духовной деятельности, когда она предпринимается с определенной целью и становится преобладающей, чтобы затем сделаться вполне исключительной, сопровождается обыкновенно внутренней бранью помыслов и страстных чувствований. Брань эта столь сильна, что противостоять ей собственными силами нет никакой возможности, — нужна помощь Свыше. Димитрий Александрович обратился к молитве, творя ее внутренно, внимательно и непрестанно. Такая молитва, образуя внутреннего монаха, настраивает сообразно себе всю душевную деятельность человека, но такой молитве необходимо правильно обучаться, что и составляет предмет монашеского духовного делания. Он занимался умной молитвой и столь рачительно упражнялся в ней, что она творилась у него самодейственно. «Бывало с вечера, — рассказывал он впоследствии о себе, — ляжешь в постель и, приподняв от подушки голову, начнешь читать молитву, да так, не изменяя положения, не прекращая молитвы, встанешь утром идти на службу, в классы». Таким образом, будучи монахом по душе и еще на 16-м году жизни испытав благодатное действие молитвы, набожный сей юноша не мог

[1] Аскетические опыты. Т. 1. С. 540–541 наст. изд.

довольствоваться установленным в училище обычаем — только однажды в год приступать к Таинствам Исповеди и Святого Причастия, а нуждался в более учащенном подкреплении себя этой духовной пищей, потому для удовлетворения своего желания он обратился к законоучителю и духовнику училища. Такое необычайное среди юношества явление вызвало удивление духовника, особенно когда исповедающийся сказал, что «борим множеством греховных помыслов». Не делая различия между «греховными помыслами» и «политическими замыслами», о. протоиерей[1] счел своей обязанностью довести об этом обстоятельстве до сведения училищного начальства. Начальник училища генерал-лейтенант граф Сиверс[2] подверг обвиняемого юношу формальному допросу о значении помыслов, им самим признанных «греховными». Немецкое начальство[3], не уяснив себе значения этого выражения, за Брянчаниновым стало следить. Неосмотрительность духовника повергла Брянчанинова в тяжкую ответственность пред своим начальством и довела до болезненного состояния; он принужден был избрать себе другого духовника. Поэтому Брянчанинов обратился к инокам Валаамского подворья, стал ходить туда каждые субботу и воскресенье для исповеди и Святого Причащения и, наученный опытом, старался делать это скрытно от училищного начальства. В этом святом деле к нему присоединился товарищ по училищу Чихачов, из дворян Псковской губернии, одновременно с ним поступивший в училище и весьма любимый Государем Николаем Павловичем. Димитрий Александрович привязался к Чихачову самой искренней дружбой, несмотря на несходство их характеров: первый был серьезен, задумчив, сосредоточен в себе, другой — весельчак, говорун, с душой нараспашку. Чихачов предался Брянчанинову скорее как сын отцу, нежели как брат брату: таково было влияние Димитрия Александровича на своего сотоварища. Самое первое знакомство этих двух молодых товарищей полно умиления и истинно христианского характера. Однажды в дружеских разговорах Димитрий Александрович прервал веселую болтовню Чихачова, сказав ему: «Будь ты христианином!» —

[1] Алексей Иванович Малов (1787–1855) — протоиерей Исаакиевского собора при Адмиралтействе, масон, член Российской Академии; 1.II.1837 г. отпевал А. С. Пушкина в Конюшенной церкви. — *Ред.* ‖ [2] Егор Карлович Сиверс (1779–1827). С 1820 г. — директор Главного инженерного училища, с 1825 г. — генерал-лейтенант, сподвижник А. А. Аракчеева. — *Ред.* ‖ [3] Инспектором Училища был инженер генерал-майор Барон Эльснер, с трудом объяснявшийся на русском языке.

«Я никогда не бывал татарином», — возразил товарищ ему. «Так, — сказал первый, — да надо слово это исполнить делом и углубиться поприлежнее в него». С того времени оба они ходили к инокам на подворье, исповедовались и причащались, молились, назидались душеспасительными беседами, подвизались. Вот как эти хождения описывает в своих записках сам Чихачов, где откровенно говорит, какое они производили на него действие: «В одну субботу слышу приглашение от товарища своего идти к священнику. — “Зачем?” — “Да обычай у меня исповедаться, а в воскресенье приобщаться Святым Христовым Таинам; смотри и ты не отставай”. Бедная моя головушка пришла тогда в изумление и великое смятение. Страх и ужас: что и как, не готов, не могу! — “Не твое дело, а духовника”, — отвечает храбро товарищ и любовию своею влечет за собою. Юность и здоровье, и все внешние обстоятельства и вся обстановка, да к тому же и внутреннее сильное восстание страстей и привычек, разъяренных противодействием им, страшно волновали душу, и могла ли бы она своей немощью устоять, если б не была невидимая сила, свыше поддерживавшая ее? — И при всем этом, не будь у меня такого друга, который и благоразумием своим меня вразумлял, и душу свою за меня всегда полагал, и вместе со мною всякое горе разделял, не уцелел бы я на этом поприще, — поприще мученичества добровольного и исповедничества».

Иноки Валаамского подворья с любовью принимали молодых людей, потому что видели в них искреннее стремление к Богу и желание пути спасительного, но они, как люди без научного образования, по преимуществу ограничивавшиеся внешним подвигом, не могли удовлетворить вполне их духовных потребностей, почему и посоветовали молодым людям обращаться за душеназиданием к инокам Невской Лавры. Там в это время пребывали некоторые ученики старцев о. Феодора[1] и о. Леонида[2], мужей опытных в духовной жизни, получивших монашеское образование: первый — у известного старца Паисия Величковского, архимандрита Молдавского Нямецкого монастыря, а второй — у учеников его. Таковы были: монах Аарон, монахи Харитон, Иоанникий и другие. Молодые люди стали ходить к этим инокам; через них познакомились они с лаврским духовником о. Афанасием, который своим истинно отеческим, любвеобильным обхождением поддержал их живое

---

[1] Схимонах Феодор (1756–1822) — ученик архимандрита Паисия Величковского. — *Ред.* ‖ [2] Леонид (Лев Данилович Наголкин; 1768–11.X.1841), иеромонах, старец, с 11.VIII.1829 жил в Оптинском скиту. — *Ред.*

стремление к христианскому благочестию. Молодые люди радовались, найдя себе истинных наставников, понимавших их духовные нужды и могущих пользовать обильно. Они усугубили свою ревность к подвигам благочестия, участили посещения свои к инокам, услаждались богослужением Лавры, которое производило на них благое впечатление, потому что было величественнее и продолжительнее, чем на Валаамском подворье. Они совещались с иноками, как с духовными отцами, обо всем, что касается внутреннего монашеского делания, исповедовали свои помыслы, учились, как охранять себя от страстей, греховных навыков и преткновений, какими руководствоваться книгами из писаний святых Отцов и т. п. Добрые иноки, особенно о. Иоанникий и духовник о. Афанасий, делились с монахолюбивыми и любомудрыми юношами всем, что составляло достояние их многолетней духовной опытности. Часто Димитрий Александрович удивлял их своими вопросами, которые касались таких сторон жизни духовной, какие свидетельствуют о довольно зрелом духовном возрасте. Такая тесная дружба с иноками имела соответственное себе действие. Димитрий Александрович сделался совершенным аскетом по душе, обложил себя творениями святых Отцов, преимущественно подвижнического содержания, которые перечитывая с жадностью, еще более углублялся в самосозерцание и видимо охладел к светскому обществу. В «Плаче» своем так говорит он о себе:

«Пред взорами ума уже были грани знаний человеческих в высших окончательных науках. Пришедши к граням этим, я спрашивал у наук: что вы даете в собственность человеку? Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство верное, которое я мог бы взять с собою за пределы гроба! Науки молчали.

За удовлетворительным ответом, за ответом существенно нужным, жизненным, обращаюсь к вере. Но где ты скрываешься, вера истинная и святая? Я не мог тебя признать в фанатизме, который не был запечатлен евангельскою кротостию; он дышал разгорячением и превозношением! Я не мог тебя признать в учении своевольном, отделяющемся от Церкви, составляющем свою новую систему, суетно и кичливо провозглашающем обретение новой истинной веры христианской, через осмнадцать столетий по воплощении Бога-Слова. Ах! в каком тягостном недоумении плавала душа моя!..

И начал я часто со слезами умолять Бога, чтобы Он не предал меня в жертву заблуждению, чтобы указал мне правый путь, по

которому я мог бы направить к Нему невидимое шествие умом и сердцем. Внезапно предстает мне мысль... сердце к ней, как в объятия друга. Эта мысль внушала изучить веру в источниках — в писаниях святых Отцов. “Их святость, — говорила она мне, — ручается за их верность: их избери в руководители”. Повинуюсь. Нахожу способ получать сочинения святых угодников Божиих, с жадностью начинаю читать их, глубоко исследовать. Прочитав одних, берусь за других, читаю, перечитываю, изучаю. Что прежде всего поразило меня в писаниях Отцов Православной Церкви? — это их согласие, согласие чудное, величественное... Какое, между прочим, учение нахожу в них? — Нахожу учение, повторенное всеми Отцами, учение, что единственный путь к спасению — последование неуклонное наставлениям святых Отцов. “Видел ли ты, — говорят они, — кого прельщенного лжеучением, погибшего от неправильного избрания подвигов — знай: он последовал себе, своему разуму, своим мнениям, а не учению Отцов, из которых составляется догматическое и нравственное предание Церкви...”»

Мысль эта была для меня первым пристанищем в стране истины. Здесь душа моя нашла отдохновение от волнения и ветров. Мысль благая, спасительная! Мысль — дар бесценный Всеблагого Бога, хотящего всем человекам спастись и придти в познание истины! Эта мысль соделалась камнем основным для духовного созидания души моей! Эта мысль соделалась моей звездою-путеводительницею! Она начала постоянно освещать для меня многотрудный и многоскорбный, тесный, невидимый путь ума и сердца к Богу.

Таковы благодеяния, которыми ущедрил меня Бог мой! Таково нетленное сокровище, наставляющее в блаженную вечность, ниспосланное мне свыше от горнего Престола Божественной милости и премудрости... Бог, Сам Бог мыслию благою уже отделил меня от суетного мира. Я жил посреди мира, но не был на общем, широком, углажденном пути: мысль благая повела меня отдельной стезей, к живым, прохладным источникам вод, по странам плодоносным, по местности живописной, но часто дикой, опасной, пересеченной пропастями, крайне уединенной. По ней редко странствует путник.

Чтение Отцов с полною ясностию убедило меня, что спасение в недрах Российской Церкви несомненно, чего лишены вероисповедания западной Европы, как не сохранившие в целости ни догматического, ни нравственного учения первенствующей Церкви

Христовой. Оно открыло мне, что сделал Христос для человечества, в чем состоит падение человека, почему необходим Искупитель, в чем заключается спасение, доставленное и доставляемое Искупителем. Оно твердило мне: должно развить, ощутить, увидеть в себе спасение, без чего вера во Христа — мертва, а христианство — слово и наименование без осуществления его! Оно научило меня смотреть на вечность, как на вечность, пред которой ничтожна и тысячелетняя земная жизнь, не только наша, измеряемая каким-нибудь полустолетием. Оно научило меня, что жизнь земную должно проводить в приготовлении к вечности, как в преддвериях приготовляются ко входу в великолепные царские чертоги. Оно показало мне, что все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества — пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети[1].

Глава III

Духовные стремления юного подвижника, его ревность, усердие к молитве, выдерживали тяжкое испытание. Первыми врагами на пути спасения явились его домашние. Александр Семенович приставил для служения к своему сыну человека, который был предан ему до самозабвения. Это был старик лет 60-ти по имени Доримедонт, послуживший век свой верой и правдой своему господину. Он был, так сказать, надзирателем всех поступков Димитрия Александровича, и сообщал их Александру Семеновичу. Тяжелы были эти известия родителю. Он вспомнил тогда о выраженном на пути в Петербург желании сына и убедился теперь, что то не был детский каприз. Он тогда же написал обо всем начальнику училища графу Сиверсу, своему бывшему товарищу по службе в пажах, и просил его наблюсти за воспитанником Брянчаниновым; написал также родственнице своей Сухаревой, прося ее отвлечь его сына от предпринятого им намерения. Училищное начальство приняло свои меры, переведя Брянчанинова с частной квартиры в казенную, в стены Михайловского инженерного замка, под строгий надзор, а Сухарева — особа влиятельная — озаботилась довести до сведения тогдашнего митрополита Петербургского Серафима[2], что ее племянник Брянчанинов, любимый Государем Императором, свел знакомство с лавр-

---

[1] Аскетические опыты. Т. I. С. 546 наст. изд. || [2] Серафим (Стефан Васильевич Глаголевский; 1763–1843) — Петербургский митрополит с 1821 года, борец с крамолами и масонством. — *Ред.*

скими иноками, что лаврский духовник Афанасий склоняет его к монашеству, и что если об этом будет узнано при Дворе, то и ему — митрополиту — не избежать неприятностей. Митрополит призвал к себе духовника Афанасия и сделал ему строгий выговор, воспретив впредь принимать на исповедь Брянчанинова и Чихачова. Тяжелы были для Димитрия Александровича эти обстоятельства, которыми стеснялась свобода его духовной деятельности; он решился сам представиться митрополиту и лично объясниться. Митрополит сначала не верил бескорыстному стремлению юноши, когда тот в разговоре объявил ему свое непременное желание вступить в монашество; но потом, выслушав внимательно искренние заявления молодого человека, митрополит позволил ему по-прежнему ходить в Лавру к духовнику.

Таково было стремление Брянчанинова к жизни иноческой; это было не прихотливое желание представлять из себя оригинала в обществе, не было следствием простого разочарования жизнью, горечи и удовольствий которой он еще не успел испытать, — это было чистое намерение, чуждое всяких расчетов житейских, искреннее, святое чувство любви Божественной, которая одна способна с такой силой овладевать существом души, что никакие препятствия не в состоянии преодолеть ее.

Практика монастырской жизни определительно указывает, что чистосердечно избирающие ее готовы на всякие пожертвования и на совершенное самоотвержение. Вот какие чувства изливаются в «Плаче», где автор аскетических опытов говорит:

«Охладело сердце к миру, к его служениям, к его великому, к его сладостному! Я решился оставить мир, жизнь земную посвятить для познания Христа, для усвоения Христу. С этим намерением я начал рассматривать монастырское и мирское духовенство. И здесь встретил меня труд; его увеличивали для меня юность моя и неопытность. Но я видел все близко, и по вступлении в монастырь не нашел ничего нового, неожиданного. Сколько было препятствий для этого вступления! Оставляю упоминать о всех; самое тело вопияло мне: “Куда ведешь меня? я так слабо и болезненно. Ты видел монастыри, ты коротко познакомился с ними; жизнь в них для тебя невыносима и по моей немощи, и по воспитанию твоему, и по всем прочим причинам”. Разум подтверждал доводы плоти. Но был голос, голос в сердце, думаю, голос совести или, может быть, Ангела Хранителя, сказывавшего мне волю Божию, потому что голос был решителен и повелительный. Он говорил мне: это

сделать — твой долг, долг непременный. Так силен был голос, что представления разума, жалостные, основательные по-видимому убеждения плоти, казались перед ним ничтожными»[1].

Кроме случаев и обстоятельств, зависящих от воли людей, самая природа ставила препятствия благочестивым намерениям юного Димитрия. Весной 1826 года он заболел тяжкой грудной болезнью, имевшей все признаки чахотки, так что не в силах был выходить. Государь Император Николай Павлович приказал собственным медикам пользовать больного и еженедельно доносить ему о ходе болезни. Доктора объявили Димитрию Александровичу об опасности его положения, сам он считал себя на пороге жизни и частыми молитвами готовился к переходу в вечность. Но случилось не так, как предсказывали знаменитые врачи столицы; болезнь получила благоприятный переворот и послужила для больного опытным доказательством того, что без воли Божией самые настоятельные законы естества не сильны воздействовать на нас.

Все благочестивые упражнения Димитрия Александровича служили подготовкой для того решительного переворота, который он должен был совершить, чтобы осуществить свои давнишние намерения и желания. Но чтобы произвести этот переворот, то есть чтобы совсем порвать все связи с миром, нужен был человек, который бы содействовал этому разрыву, который бы силой своего духа увлек за собой, — нужен был свой Моисей, чтобы вывести нового израильтянина из Египта мирской жизни. Таким Моисеем явился для Димитрия Александровича вышеупомянутый иеромонах Леонид. О. Леонид отличался духовной мудростью, святостью жизни, опытностью в монашеском подвиге; под его руководством образовались многие истинные подвижники благочестия и наставники иночества. Об этом старце много наслышан был Димитрий Александрович от Лаврских иноков. Наконец представился случай познакомиться с ним. О. Леонид прибыл по делам своим в Петербург и остановился в Невской Лавре. Там, в одинокой беседе с этим представителем тогдашнего монашеского подвижничества, Димитрий Александрович почувствовал такое влечение к этому старцу, что как бы век жил с ним: это были великие минуты, в которые старец породил его духовно себе в сына... О впечатлении этой первой беседы Димитрий Александрович высказался после своему другу Чихачову так: «Сердце вырвал у меня о. Леонид, — теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу; ему предамся

[1] Аскетические опыты. Т. I. С. 547 наст. изд.

всею душою и буду искать единственно спасения души в уединении». После этой первой встречи Димитрий Александрович уже не принадлежал более миру, решительный переворот был произведен, требовалось только некоторое время, чтобы окончательно распутать мирские узы.

Вознамерившись совсем оставить службу и удалиться в монастырь, Димитрий Александрович сперва должен был выдержать великую нравственную борьбу: с одной стороны — с родителями своими, с другой — с сильными мира сего. Эта борьба стоила ему больших усилий. Как физические силы его подрывались постоянно болезнями, так теперь он должен был уготовиться нравственно, чтобы принять напор со стороны власти родительской и государственной, которые устремлялись подавить, сокрушить то, что для него было всего дороже и вожделеннее. Сугубую выдерживал он борьбу в молодых летах своих — физическую и нравственную; но как в первой он всегда торжествовал силой духа своего над слабостью плоти, так и во второй явился искусным и надежным борцом со стихиями земной жизни, обещавшей ему много сладостного, великого и славного. В этой последней борьбе окончательно выработался его твердый характер, необходимый для прохождения многотрудной иноческой жизни, требующей самоотвержения, особенной непоколебимости воли, неустрашимости, постоянства и готовности на всякую крайность. Вот та дверь, через которую приходилось вступить юному подвижнику на тесный и прискорбный путь иночества.

В июне 1826 года Димитрий Александрович получил трехмесячный отпуск от службы и для поправления здоровья отправился на родину, в дом своих родителей. Зная честолюбивое намерение своего отца и не желая притом огорчить родителей решительным объявлением им своей воли, Димитрий Александрович старался исподволь и осторожно приготовить их к предполагаемой перемене жизни. Но и это не помогло. Александр Семенович не мог примириться с мыслью о монашестве своего первенца. Он сердился на него, отказывал наотрез, отстранял его от себя как сына непокорного. Все должен был выносить кроткий и чувствительный юноша, послушный заповеди Спасителя: *Иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин*[1]. С глубокой скорбью, не получив желаемого согласия, он уехал из дома родительского в столицу.

[1] *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10. 37).

Здесь ему предстояла необходимость сначала сдать окончательный экзамен в Инженерном училище, что он исполнил в конце декабря, и хотя без конкуренции с товарищами по выпуску, сдавшими экзамен гораздо ранее, но по числу баллов он и тут сохранил свое первенство; затем, освободившись от зависимости училищной, он подал в отставку от службы. Тут встретила его новая буря: он должен был иметь дело с высшей властью, должен был отстоять свое заветное желание даже перед Монархом, которому всецело был обязан воспитанием, образованием и благодарностью за милостивое высокое к нему внимание. Трудно ему было убеждать мирских людей в правдивости своих духовных стремлений, понятных только некоторой горсти чернецов в Невской Лавре; тут нужна была решимость отважная; надо было противостоять лишь самоотвержением и силой воли, а не доводами и очевидными указаниями. Ясно, что спор был неравный: надлежало или поддаться, уступить, или показать пример непоколебимого мужества, доблести мученической, прямого исповедничества.

Государь Император Николай Павлович, узнав о поданной Брянчаниновым просьбе и о желании его идти в монастырь, поручил своему Августейшему брату Великому Князю Михаилу Павловичу отговорить всеми любимого воспитанника от такого предприятия. В первых числах января 1827 года Димитрий Александрович был потребован во дворец к Великому Князю. Там было собрано все высшее начальство Инженерного училища. 19-летний юноша с трепетным сердцем, но твердой волей предстал пред собранием. Великий князь сообщил ему, что Государь Император, зная его способности к службе, вместо отставки намерен перевести его в гвардию и дать такое положение, которое удовлетворит и его, Брянчанинова, самолюбию, и его честолюбию. Молодой человек сказал на это, что, не имея достаточных денежных средств, он не может служить в гвардии. — «Заботы об этом Государь изволит принять на себя», — прервал Великий Князь. «Расстроенное мое здоровье, — продолжал юноша, — о чем известно Его Величеству из донесений лечивших меня медиков, поставляет меня в совершенную невозможность нести труды служебные, и, предвидя скорую смерть, я должен позаботиться о приготовлении себя к вечности, для чего и избираю монашеское звание». Великий Князь заметил, что он может получить службу в южном климате России и что гораздо почетнее спасать душу свою, оставаясь в мире. Брянчанинов отвечал: «Остаться в мире и желать спастись — это, Ваше Высочество,

все равно, что стоять в огне и желать не сгореть». Несмотря на убеждения Великого Князя, прибегавшего и к ласке и к угрозе, Брянчанинов оставался тверд в своем намерении и просил оказать ему милость — уволить от службы. Тогда Великий Князь решительно возразил ему, что так как он остается непреклонен в своем упорстве, то объявляется ему Высочайшая воля: Государь Император отказывает ему в увольнении от службы и делает ему лишь ту милость, что предоставляет самому избрать крепость, в которую он должен быть послан на службу. Брянчанинов отклонил от себя добровольное избрание. Великий Князь обратился к графу Оперману, своему помощнику (по званию — генерал-инспектору инженеров); тот указал на Динабург. Великий Князь одобрил указание, и в тот же вечер состоялось назначение Брянчанинова в Динабургскую инженерную команду с приказанием в 24 часа выехать из Санкт-Петербурга к месту нового служения.

Начальником Динабургской команды был в то время генерал-майор Клименко; ему сообщено было о настроении Брянчанинова и предписано иметь строгий надзор за его поведением. Товарищи по службе сперва не совсем доверчиво относились к Димитрию Александровичу, но потом переменили свое мнение, увидев истинное благочестие, кротость и благоразумие его. Они даже сделались преданными ему, разделяя его труды по службе вследствие болезненного его состояния. Служебные занятия офицера Брянчанинова состояли в наблюдении за производством разных построек и земляных работ в крепости; он же до того был слаб здоровьем, что принужден был по нескольку недель сряду держаться безвыходно в квартире, а потому необходимо нуждался в помощи товарищей по исполнению служебных обязанностей. Одна только переписка с о. Леонидом поддерживала Димитрия Александровича в этом одиночестве духовном, так как и с любимым другом своим Чихачовым он был разлучен. Осенью 1827 года Великий Князь Михаил Павлович посетил Динабургскую крепость и, убедившись в физической несостоятельности офицера Брянчанинова к отправлению службы, склонился на его непременное желание получить отставку.

Глава IV

6 ноября 1827 года Димитрий Александрович получил вожделенную отставку. Он был уволен с чином поручика и немедленно чрез Петербург отправился в Александро-Свирский монастырь к о. Леониду, чтобы под его руководством начать подвиг иночества.

Прибыв в Петербург в одежде простолюдина, в нагольном тулупе, он остановился в квартире Чихачова. Здесь условлено было обоим поступить в монастырь — и, по возможности, немедленно. Чихачов тотчас написал прошение, выставляя причиной домашние обстоятельства, но не получил удовлетворения и должен был еще повременить на службе.

Выход из службы Димитрия Александровича совершился без ведома родителей, а потому, естественно, навлек на себя гнев их. Они отказали сыну в вещественном вспомоществовании и даже прекратили с ним письменные сношения. Таким образом, полная нищета материальная сопровождала вступление Димитрия Александровича в монастырь; он буквально выполнил заповедь нестяжания при самом начале иночества и вполне справедливо мог сказать с Апостолом, как истинный ученик Христов: *Се, мы оставихом вся и в след Тебе идохом*[1]. В «Плаче» своем он так выразил свои чувствования, с которыми вступал на этот новый путь жизни: «Вступил я в монастырь, как кидается изумленный, закрыв глаза и отложив размышление, в огонь или пучину, — как кидается воин, увлекаемый сердцем, в сечу кровавую, на явную смерть. Звезда-руководительница моя, мысль благая, пришла светить мне в уединении, в тишине, или правильнее, во мраке, в бурях монастырских»[2].

Беспрекословное послушание и глубокое смирение отличали поведение послушника Брянчанинова в монастыре. Первое послушание было назначено ему служить при поварне. Поваром был бывший крепостной человек Александра Семеновича Брянчанинова. В самый день вступления в поварню случилось, что нужно было идти в амбар за мукой. Повар сказал ему: «Ну-ка, брат, пойдем за мукой!» — и бросил ему мучной мешок, так что его всего обдало белой пылью. Новый послушник взял мешок и пошел. В амбаре, растянув мешок обеими руками и, по приказанию повара, прихватив зубами, чтобы удобнее было всыпать муку, он ощутил в сердце новое, странное духовное движение, какого еще не испытывал никогда: собственное смиренное поведение, полное забвение своего «я» так усладили его тогда, что он всю жизнь вспоминал этот случай. В числе прочих послушников он назначен был тянуть рыболовный невод в озере Свирского монастыря. Раз как-то невод запутался в глубине. Монах из простолюдинов, заведывавший ловлею,

[1] *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою* (Мф. 19. 27). ‖ [2] Аскетические опыты. Т. I. С. 547 наст. изд.

зная, что Брянчанинов хорошо умел плавать и долго мог держаться под водой, послал его распутать невод. Несмотря на сильный осенний холод, Димитрий Александрович беспрекословно исполнил приказание, которое отозвалось крайне зловредно на его слабом здоровье — он сильно простудился. Подобные случаи послушания и смирения сделали то, что вся монастырская братия стала с явным уважением относиться к Брянчанинову, отдавая ему предпочтение пред прочими, чем он очень тяготился, потому что, живя в среде монастырского братства, он даже старался скрывать свое происхождение и образование, радуясь, когда незнавшие считали его за недоучившегося семинариста.

Поступив в монастырь, Димитрий Александрович всей душой предался старцу о. Леониду в духовное руководство. Эти отношения отличались искренностью, прямотой, представляли совершенное подобие древнего послушничества, которое не решалось сделать шагу без ведома или позволения наставника. Всякое движение внутренней жизни таких послушников происходит под непосредственным наблюдением старца; ежедневная исповедь помыслов дает им возможность тщательно наблюдать над собой, она предохраняет новоначального инока от вредного действия этих помыслов, которые, будучи исповеданы, подобно скошенной траве, не могут уже возникать с прежней силой. Опытный взор старца-духовника обнаруживает самые сокровенные тайники души, указывает гнездящиеся там страсти и таким образом удивительно способствует самонаблюдению. Чистосердечная исповедь, всегдашняя преданность старцу и всецелое пред ним отсечение воли вознаграждаются духовным утешением, легкостью и мирным состоянием духа, какие свойственны бесстрастию.

Такой род начального подвижничества и в древнее время, когда духовными старцами обиловали пустыни и монастыри, был уделом немногих послушников, тем реже он встречается ныне, при заметном оскудении духовного старчества. Димитрий Александрович, как сказано, во всем повиновался воле своего духовного отца, все вопросы и недоумения разрешались непосредственно им. Старец не ленился делать замечания своему юному питомцу, вел его путем внешнего и внутреннего смирения, обучая деятельной жизни.

«Однажды зимой, — рассказывает И. А. Барков, человек весьма благочестивый и достойный всякого вероятия, — ко мне приехал из Свирского монастыря о. Леонид: был жестокий мороз и вьюга, старец приехал в кибитке. Когда вошел он ко мне, я захлопотал

о самоварчике и подумал: не один же старец приехал, вероятно, есть какой-нибудь возница, — и я стал просить старца, чтобы он позволил ему также войти. Старец согласился. Я позвал незнакомца, и немало был удивлен, когда предстал предо мною молодой, красивой наружности, человек, со всеми признаками благородного происхождения. Он смиренно остановился у порога. “А, что — перезяб, дворянчик, — обратился к нему старец и затем сказал мне: — Знаешь ли, кто это? Это Брянчанинов”». Тогда я низко поклонился вознице».

Такой крайне смиряющий образ руководства был предпринят о. Леонидом в отношении ученика своего, молодого офицера Брянчанинова, без сомнения, для того, чтобы победить в нем всякое высокоумие и самомнение, которые обыкновенно присущи каждому благородному и образованному человеку, вступающему в среду простецов. Старец поступал как нелицемерный наставник, в духе истинного монашества, по примерам святых Отцов; он постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения не могли не нравиться благородному послушнику, с искренней любовью к Богу предавшемуся иноческим подвигам.

Спустя год представилась надобность о. Леониду со всеми учениками переселиться из Свирского монастыря, по причине многолюдства этой обители, в другое место. Он направился в Площанскую пустынь Орловской епархии; Димитрий Александрович, в числе прочих учеников, следовал за старцем. В это время прибыл в Площанскую пустынь и Чихачов. Друзья обменялись сердечными приветствиями, порадовались, что опять соединились в тихом приюте монастырского уединения, и стали жить по-прежнему совокупно, связывая себя союзом святейшей дружбы. На такую жизнь вдвоем, отдельно от других учеников, благословил их и старец Леонид.

Глава V

Молодые послушники предались вполне подвижнической жизни: они держались уединения, избегали многолюдства, хранили себя всячески от вредных для безмолвия впечатлений окружающей среды, избегали ненужных встреч и лишних знакомств, чтобы держать себя в строгом молчании и блюдении ума. Все силы души были направлены у них к богомыслию и молитве. Отдельное помещение в монастырском саду, вне всяких сообщений, доставляло им желанный покой: молодые подвижники радовались сво-

ему отшельничеству. Так провели они зиму 1829 года. Димитрий Александрович, от природы наделенный способностью литературного творчества, любил созерцать картины природы и из них извлекать содержание для своего богомыслия, которое и изображал искусным пером. Здесь он написал свой «Сад во время зимы». К тому же роду литературного творчества принадлежит и другое его произведение: «Древо зимою пред окнами келлии», написанное немного прежде, в Свирском монастыре. В этих двух произведениях высказались взгляды и чувствования богомысленной души, предавшейся религиозной созерцательности, под влиянием молитвенных состояний, что испытывается лишь безмолвниками. Но недолго пришлось молодым отшельникам пользоваться мирным приютом в Площанской пустыне: им готовилось тяжкое испытание. Между строителем пустыни иеромонахом Маркеллом и старцем о. Леонидом возникли неудовольствия, вынудившие последнего оставить Площанскую пустынь и переселиться в скит Оптиной Введенской пустыни, находящейся в Калужской губернии. Брянчанинов и Чихачов также получили приказание немедленно выбыть из обители и отправиться *куда угодно*. Поскорбели монастырские братия на безвинное изгнание никому ничем не досадивших благонравных молодых послушников и проводили с чувствами глубокого сожаления и уважения за их тихую и строгую жизнь, дав им на дорогу пять рублей, собранных складчиной. Трудно было с тощим кошельком странствовать двоим товарищам по неизвестной стороне, не имея в виду определенного места; они старались, как можно, сократить свое путешествие и направлялись к Белобережской пустыне в той же Орловской губернии. На пути они были в Свенском монастыре, где в то время подвизался в затворе иеромонах Афанасий, один из учеников вышеупомянутого Молдавского старца Паисия Величковского. Димитрий Александрович посетил затворника и много пользовался его душеназидательной беседой о благотворности плача, о чем вспоминает в своих «Аскетических опытах», приводя слова затворника, глубоко запавшие в его душу: «В тот день, в который я не плачу о себе как о погибшем, считаю себя в самообольщении». Белобережская пустыня не приютила, однако ж, на жительство бедных странников, и они, продолжая путь далее, прибыли в Оптину пустынь, где поселился их старец о. Леонид с учениками. Настоятель Моисей не соглашался было принять их к себе, но старшая братия сжалилась над бедственным положением скитальцев и уговорила игумена не отгонять их. В мае

1829 года Брянчанинов и Чихачов поселились в Оптиной пустыне, держась того же порядка жизни, какой был у них заведен в Площанской обители.

Пребывание Димитрия Александровича и его товарища в Оптиной пустыне далеко было не таково, как в Площанской. Настоятель смотрел на них неблагосклонно, братия относились не совсем доверчиво. Приходилось много скорбеть им при уединенном образе жизни; самая пища монастырская, приправленная постным маслом дурного качества, вредно действовала на слабый и болезненный организм Димитрия Александровича. Они решились сами для себя изготовлять пищу; с немалым трудом выпрашивали круп или картофеля и варили похлебку в своей келлии; ножом служил им топор; готовил пищу Чихачов. Такая трудная и неблаговидная обстановка, конечно, не могла долго продолжаться: изнурительная слабость телесных сил была последствием ее для того и другого. Сперва пострадал от нее Димитрий Александрович, настолько, что не мог держаться на ногах; за ним ухаживал Чихачов, который был крепче его телосложением; но вскоре свалился и он, пораженный лихорадкою. Тогда за больным товарищем ухаживал Димитрий Александрович; он хотя усердно исполнял это служение, но тут же сам падал от конечного изнеможения.

Мать Димитрия Александровича была больна. Болезнь — предвестница смерти — обыкновенно изменяет расположение человеческого сердца. София Афанасьевна простила в душе поступок своего сына; материнское чувство заговорило в ней; она пожелала видеться с сыном. Александр Семенович под влиянием этого обстоятельства сам смягчился и написал сыну, что не будет препятствовать его намерениям: пусть он приедет к матери; и одновременно с письмом прислал за ним крытую бричку. Димитрий Александрович поспешил к родителям. Он отправился вместе с больным товарищем своим Чихачовым, так как Александр Семенович был столь внимателен, что не забыл пригласить и того. Но встреча в доме родительском была далеко не такова, какую обещало приглашение. Больная родительница Брянчанинова несколько поправилась здоровьем, и мирное чувство, внезапно явившееся в отце по поводу угрожавшего обстоятельства — болезни жены, — исчезло. Он принял сына холодно. Мать, хотя и была приветлива, но обошлась со сдержанностию. Таким образом, скитальничество из одного монастыря в другой, тяжкое положение в последнем, болезнь матери и вследствие ее мгновенная вспышка родитель-

ских чувств, — все это послужило только к тому, чтобы извлечь молодых людей из приюта святой обители и поставить на прежнюю дорогу лицом к лицу с мирским соблазном. Врагу человеческого спасения нет выгоднейшей сети, как оставление молодыми послушниками стен монастыря под какими бы то ни было благовидными предлогами. Самовольный выход из монастыря — всегда его затея.

Молодые люди расположились под мирским кровом в отдельном уединенном флигеле дома с намерением продолжать свои иноческие подвиги, обращаясь за духовными потребностями к местному сельскому священнику, считая свое пребывание здесь только временным. Но не так думал Александр Семенович. Он обратился к прежней своей мысли возвратить сына к мирской жизни и всеми мерами стал склонять его к поступлению на государственную службу; взоры родных и знакомых обращались к нему с тою же мыслию; мать, хотя внимала иногда учению сына о душеспасении и других высоких истинах христианской жизни, но не имела столько самостоятельности, чтобы отдаться вполне его внушениям. Вращающиеся пред глазами соблазны смущали подвижников; шумная толпа нарушала их безмолвие. Молодые люди стали тяготиться своим пребыванием среди мирян и помышляли о том, как бы им скорее выбраться из светского общества, несовместного с монашеством, и водвориться опять где-нибудь в монастыре. Проживя начало зимы 1829 года в селе Покровском, в следующем 1830 году, в феврале месяце, отправились оба друга искать себе удобного приюта в стенах монастыря; они направили путь свой в Кирилло-Новоезерский монастырь. В это время там жительствовал на покое архимандрит Феофан, знаменитый своею святою жизнию и примерным управлением обителию, а настоятельствовал игумен Аркадий, его присный ученик и подражатель его образа правления. О. Аркадий отличался простотой нрава; он провидел в двух молодых пришельцах дух истинного монашества и с любовию принял их в свою обитель. Но недолго радовались друзья новому месту жительства: неумолимая природа доказала им, что человек состоит не только из души, но и тела. Новоезерский монастырь расположен на острове обширного озера. Сырой климат от испарения воды наделяет жестокою лихорадкою непривычные и слабые организмы. Вскоре почувствовал его вредное влияние Димитрий Александрович; он заболел лихорадкою и три месяца испытывал ее мучительные симптомы без всяких медицинских пособий. Под конец

у него стали пухнуть ноги, так что он не мог вставать уже с постели. В июне, когда лихорадка особенно там свирепствует, родители прислали за сыном экипаж, чтобы привезти его в г. Вологду. Тяжело было это время для Димитрия Александровича: он вынужден был возвратиться опять туда, откуда хотел спастись бегством. В Вологде Димитрий Александрович поместился у своих родных и стал пользоваться медицинскими средствами от мучившей его лихорадки, которая так глубоко проникла в его организм, что оставила свои следы на весь остальной век. Чихачов, также пострадавший от климата Новоезерской обители, отправился в Псковскую губернию для свидания со своими родителями 13 августа того же 1830 года. Друзья расстались, чтобы каждому отдельно испытать свои силы в борьбе со стихиями мирской жизни.

Глава VI

Рука Промысла, доселе невидимо покрывавшая бесприютного скитальца, коснулась сердца Преосвященного Стефана, епископа Вологодского: архипастырь проник душевные стремления молодого Брянчанинова и расположился к нему. Преосвященный Стефан так полюбил Димитрия Александровича, что принял в нем самое живое участие, и эта любовь владыки была видимым знаком благоволения Божия к жертве сердца, которую приносил новый Авель: она возвещала благоприятный исход всех понесенных на пути к иночеству испытаний, потому что архипастырь держал в руке своей тот лавр, которым надлежало повить голову юного борца, измученного в брани с миром, плотью и диаволом. Оправившись от болезни, Димитрий Александрович не хотел возвратиться к родителям, а по благословению владыки поместился в Семигородной пустыне. Местность этой обители благоприятствовала восстановлению его здоровья; он с новой ревностью предался своим обычным духовным занятиям: богомыслию и молитве в тишине келейного уединения. Здесь написал он свой «Плач инока», в котором выразилось печалующее состояние души, усиленно стремящейся к Богу, но разбитой треволнениями жизни, вследствие чего уделом ее стал только плач на развалинах ее стремлений. Недолго пожил Димитрий Александрович и в Семигородной пустыне; вскоре, 20 февраля 1831 года, он был перемещен, по его просьбе, Преосвященным в более уединенный, пустынный Глушицкий Дионисиев монастырь, где и зачислен послушником. К этому времени относится первое знакомство Пре-

освященного Игнатия с бывшим настоятелем Николо-Угрешского монастыря архимандритом Пименом[1]. О. Пимен, тогда еще молодой купеческий сын, так описывает наружность послушника Брянчанинова: «В первый раз довелось мне увидеть Брянчанинова на набережной реки Золотухи (в Вологде): я был на левом берегу, а он шел по правому. Как сейчас вижу его: высокого роста, стройный и статный, русый, кудрявый, с прекрасными темно-карими глазами; на нем был овчинный тулуп, крытый нанкою[2] горохового цвета, на голове послушническая шапочка». Далее повествователь восхищается его благородной осанкой, скромной поступью, в высшей степени благоговейным предстоянием в церкви за богослужением и, наконец, самой беседой, которую описывает следующими словами: «Невзирая еще на молодые лета, видно было, что Брянчанинов много читал Отеческих книг, знал весьма твердо Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, "Добротолюбие" и писания других подвижников, и потому беседа его, назидательная и увлекательная, была в высшей степени усладительна»[3].

Между тем родитель Димитрия Александровича и во время пребывания его в Глушицком монастыре не переставал выражать желание исполнения своих требований: он настойчиво добивался того, чтобы сын оставил монастырскую жизнь и поступил в государственную службу. Тогда новоначальный послушник стал просить архиерея оказать ему милость и, ввиду семейных обстоятельств, поспешить постричь его в монашество. Преосвященный, зная хорошо духовное настроение Брянчанинова, решился исполнить его просьбу. Исходатайствовав разрешение Святейшего Синода, он вызвал Димитрия Александровича из Глушицкого монастыря в Вологду и велел готовиться к пострижению; вместе с тем он приказал ему хранить это в тайне от родных и знакомых, чтобы избежать каких-либо притязаний со стороны их, могущих воспрепятствовать делу, так как намеревался постричь его неожиданно для всех. Стеснительно было такое положение в столь важное время: готовящийся к пострижению вынужден был остановиться на постоялом дворе и среди мирской волны приготовляться к великому обряду.

28 июня 1831 года Преосвященный Стефан совершил обряд пострижения Брянчанинова в малую схиму в кафедральном

[1] Архимандрит Пимен (Петр Дмитриевич Мясников; 1810–1880) — известный подвижник и духовный писатель. Его обширные воспоминания изданы еще при жизни автора (М., 1877). — *Ред.* ‖ [2] Нанка — хлопчатобумажная ткань из толстой пряжи, обычно желтого цвета. — *Ред.* ‖ [3] Воспоминания архимандрита Пимена.

Воскресенском соборе и нарек Димитрия Игнатием — в честь священномученика Игнатия Богоносца, память которого празднуется Церковью 20 декабря и 29 января. Инок Игнатий сначала в первый, потом в последний из этих дней праздновал свое тезоименитство. Это имя Игнатия указывает еще на преподобного Игнатия — князя, Вологодского чудотворца, мощи которого почивают в Прилуцком монастыре, где покоятся мощи и преподобного Димитрия Прилуцкого — Ангела новопостриженного инока от Крещения. Таким образом, произведена над ним перемена имен двух чудотворцев, почивающих в одной обители. С именем одного, данным при Крещении, соединено воспоминание об обстоятельствах рождения, а имя другого наречено при пострижении, как бы в ознаменование сходства земной участи новопостриженного — с преподобным из княжеского рода. Родные Брянчанинова, прибывшие 28 июня в собор к богослужению, были крайне изумлены неожиданным священнодействием, зрителями которого они сделались. 4 июля того же года инок Игнатий был рукоположен Преосвященным Стефаном в иеродиакона, а 25 того же месяца — в иеромонаха и временно оставлен при архиерейском доме, который в Вологде находится при кафедральном соборе, в одной с ним ограде, образуемой стенами Кремля времен царя Иоанна Грозного. Для обучения священнослужению новорукоположенный был приставлен к городской церкви Спаса Обыденного под руководство священника Василия Нордова, впоследствии протоиерея и настоятеля Вологодского кафедрального собора.

Родители новопостриженного, разумеется, с неудовольствием отнеслись к этому событию, особенно Александр Семенович был поражен им; его воля, на которой он так упорно настаивал, — не состоялась: все планы относительно светской карьеры сына рушились, мечты о его блестящей будущности исчезли. Сын в глазах отца сделался бесполезным членом общества, утратившим все, что отец доставил ему воспитанием. Женское сердце, менее упорное в противодействиях обстоятельствам и всегда податливее на взаимности, расположило Софию Афанасьевну благосклоннее смотреть на поступок сына; но духовная сторона была также чужда ей, и мирские понятия брали верх. Все это, конечно, ничего не значило для монаха, который сам добровольно поставляет себя в положение, заставляющее забыть все мирские связи и родственные чувства; но обстоятельства инока Игнатия были не таковы, чтобы это неудовольствие родителей было для него нечувствительно. По

пострижении он должен был приютиться в загородном доме своего дяди и крестного отца Димитрия Ивановича Самарина и вынужден был принять денежное вспомоществование от одной из своих родственниц (г-жи Воейковой). Пребывание в Вологде заставляло его часто вращаться в кругу родных и знакомых; многие из них стали его посещать и требовали от него взаимных посещений к себе. Молодой годами, красивый наружностью, он интересовал все вологодское общество, все о нем говорили, все желали сблизиться с ним. Это необходимо вовлекало его в мирскую рассеянность и прямо противоречило тем обетам, какие он только что произнес у алтаря. Вся внешняя обстановка пустыннолюбивого инока была противна его влечениям, он соскучился городской молвой и стал просить покровителя своего, Преосвященного Стефана, отпустить его в Глушицкий монастырь; но Преосвященный, намереваясь дать ему место, соответственное его способностям и благочестивому направлению, а также приличное по отношению его к обществу, удерживал его при себе. В скором времени открылось такое место: в конце 1831 года скончался строитель Пельшемского Лопотова монастыря иеромонах Иосиф. Обряд погребения поручено было совершить иеромонаху Игнатию. 6 января 1832 года он был назначен на место умершего, а 14-го дано звание строителя, при чем возложен был на него набедренник.

Глава VII

Лопотов монастырь, основанный преподобным Григорием Пельшемским, Вологодским чудотворцем, находится в Кадниковском уезде Вологодской губернии, в 40 верстах от Вологды и в 7 от Кадникова, расположен на берегу реки Пельшмы, впадающей в Сухону, в местности лесной и болотистой. Монастырь был почти в разрушенном состоянии, так что предположено было его упразднить: церковь и прочие здания крайне обветшали, доходы были скудные, чувствовался недостаток в самом необходимом к продовольствию, а потому и братии было очень мало. Много надо было употребить трудов и забот, чтобы все исправить, обновить, пополнить скудость во всех отношениях. Новый настоятель не унывал; он принялся за дело с энергией. Вскоре потекли пожертвования от благочестивых жителей Вологды, чествовавших память преподобного Григория; монашествующие из тех монастырей, где проживал послушником строитель Игнатий, стали собираться в его обитель

и в короткое время составили в ней братство до 30 человек. Богослужение приведено в надлежащий порядок: обитель и внешне и внутренне обновилась, сделалась неузнаваема против того положения, в каком принял ее строитель Игнатий. Но чего стоило это ему самому?.. По рассказам одного очевидца, посетившего Лопотов монастырь в зиму 1832 года, строитель Игнатий помещался в сторожке у Святых ворот, когда производилась постройка новой настоятельской келлии.

Смягчилось сердце Александра Семеновича, когда он увидел молодого сына своего в таком сане, какой приличен старческому возрасту, следовательно, многое обещавшего впереди. Там, где не могла подействовать внутренняя, духовная сторона, взяла внешняя, и она вполне оказала благотворное влияние свое на Софию Афанасьевну. Строитель сын часто стал бывать в доме родителей: его могучему слову об истинах загробной жизни покорилось сердце матери, часто болевшей и чувствовавшей себя близкой к смерти. Мать напиталась духовными беседами сына; понятия ее изменились: из плотских сделались духовными; она благодарила Бога, что сподобил ее иметь первенца своего в числе Его служителей, тогда как прежде почитала это для себя великим несчастьем. Такая перемена с родительницей на пороге ее жизни несказанно радовала священноинока сына. Напутствованная его назиданиями и молитвами, София Афанасьевна мирно скончалась 25 июля 1832 года. Строитель Игнатий сам совершил обряд отпевания в храме села Покровского. Замечательно, что при этом богослужении сын не выронил ни одной слезы над бездыханным телом матери! И это происходило не от сдержанности, приличествующей предстоятелю священнослужения, или от холодности родственного чувства, а составляло особую черту духовного характера. Чувство в нем было живо, сыновняя любовь к матери — в своей естественной мере, но в нем душевный человек был заменен духовным; чувство плотского родства было вполне проникнуто духовной любовью, которая побуждала не о временной потере жалеть, а желать единственно блаженной участи усопшей — в вечности. Потому такие родственные чувства в иноке Игнатии никогда не обнаруживались своим обычным образом; они отражались в нем глубокой думой и молитвенным, безмолвным благоговением при полном внешнем спокойствии.

В Лопотовом монастыре строитель Игнатий имел утешение встретиться и опять соединиться по жительству с любимым сво-

им другом Чихачовым. Чихачов сделался деятельным помощником строителя Игнатия по устройству обители; он обладал отличным голосом, знал хорошо церковное пение и составил очень хороший певческий хор, который немало содействовал к привлечению в обитель многих богомольцев. Настоятель Игнатий облек его в рясофор и руководил в духовной жизни.

Вступив на новое поприще начальника иноческого общежития, о. Игнатий был в полном смысле слова Аввою общества иноков. Следующий отрывок из его аскетических сочинений изображает нам, каким духом он водился в деле назидания иноков: «Скажу здесь о монастырях российских мое убогое слово, слово — плод многолетнего наблюдения. Может быть, начертанное на бумаге, оно пригодится для кого-нибудь! Ослабела жизнь иноческая, как и вообще христианская, ослабела иноческая жизнь потому, что она находится в неразрывной связи с христианским миром, который, отделяя в иночество слабых христиан, не может требовать от монастырей сильных иноков, подобных древним, когда и христианство, жительствовавшее посреди мира, преизобиловало добродетелями и духовной силой. Но еще монастыри, как учреждение Святого Духа, испускают лучи света на христианство; еще есть там пища для благочестивых; еще есть там хранение евангельских заповедей, еще есть там строгое и догматическое, и нравственное православие; там, хотя редко, крайне редко, обретаются живые скрижали Святого Духа. Замечательно, что все духовные цветы и плоды возросли в тех душах, которые, в отдалении от знакомства внутри и вне монастыря, возделали себя чтением Писания и святых Отцов, при вере и молитве, одушевленной смиренным, но могущественным покаянием. Где не было этого возделания, там — бесплодие.

В чем состоит упражнение иноков, для которого — и самое иночество? Оно состоит в изучении всех заповеданий, всех слов Искупителя, в усвоении их уму и сердцу. Инок соделывается зрителем двух природ человеческих: природы поврежденной, греховной, которую он видит в себе, и природы обновленной, святой, которую он видит в Евангелии. Десятословие Ветхого Завета отсекало грубые грехи, Евангелие исцеляет самую природу, болезнующую грехом, стяжавшую падением свойства греховные. Инок должен при свете Евангелия вступить в борьбу с самим собой, с мыслями своими, с сердечными чувствованиями, с ощущениями и пожеланиями тела, с миром, враждебным Евангелию, с миродержателями, старающимися удержать человека в своей власти и плене. Всесильная истина

освобождает его[1]; освобожденного от рабства греховных страстей запечатлевает, обновляет, вводит в потомство Нового Адама всеблагой Дух Святый...»[2]

Преосвященный Вологодский Стефан, видя неутомимые и полезные труды строителя Игнатия по возобновлению и благоустройству Лопотовой обители, возвел его в сан игумена 28 мая 1833 года; но болотистая местность Лопотова монастыря уносила последние остатки здоровья, а наконец совсем уложила его на одр болезни. Чихачов томился душой за своего настоятеля и, не видя никакого другого исхода бедственному положению, осмелился предложить ему свою мысль — переселиться из Лопотова монастыря куда-либо в другое место. Мысль эта была одобрена игуменом, и решено было ехать Чихачову на свою родину, в Псковскую губернию, хлопотать о перемещении их в один из тамошних монастырей. Напутствованный благословением своего настоятеля, отправился Чихачов в преднамеренный путь. Приехав в Петербург, он обратился к графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской[3], с которой незадолго прежде имел случай познакомиться. Это было в первую его поездку из Лопотова монастыря, когда он ездил на свою родину для устройства дел семейных; тогда, в первый раз, встретил он графиню в Новгородском Юрьеве монастыре в келлиях настоятеля, знаменитого архимандрита Фотия[4]. Графиня ласково приняла Чихачова и пожертвовала в Лопотов монастырь несколько книг и 800 рублей денег. С тех пор Брянчанинов и Чихачов пользовались милостивым расположением графини Орловой, что продолжалось до самой ее кончины. На этот раз графиня Анна Алексеевна также радушно приняла Чихачова, дала ему помещение в своем доме, снабдила всем нужным и деятельно стала хлопотать о перемещении игумена Игнатия из Лопотова монастыря.

Чихачов, находясь в столице в кругу знатного общества, посещавшего графиню, намеревался уже возвратиться обратно в Лопотов монастырь, но графиня его удержала и советовала ему представиться Московскому митрополиту Филарету[5], который

---

[1] Ин. 8. 32. ‖ [2] См.: Аскетические опыты. Т. I. С. 419 наст. изд. ‖ [3] Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785–1848) — благотворительница Новгородского Юрьева монастыря и покровительница духовных писателей. — *Ред.* ‖ [4] Архимандрит Фотий (Петр Никитич Спасский; 1792–1838) — настоятель Юрьева монастыря, инициатор разгона Библейских обществ в России, борец с масонским влиянием на русскую жизнь. — *Ред.* ‖ [5] Святитель Филарет, митрополит Московский (Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867) — крупнейший деятель Русской Православной Церкви XIX столетия, выдающийся богослов. — *Ред.*

тогда находился в Петербурге. Чихачов явился на Троицкое подворье. Высокопреосвященный милостиво принял Лопотовского монаха и сказал: «Мне небезызвестны жизнь и качества игумена Игнатия», — и предложил тому настоятельское место в Николо-Угрешском третьеклассном монастыре своей епархии, если пожелает он туда переместиться, обещаясь потом доставить и лучшее. Чихачов поблагодарил милостивого владыку и осмелился выразить перед ним опасение, что игумену Игнатию неудобно будет самому проситься из Вологодской епархии, так как он пострижен лично Вологодским архиереем, который может оскорбиться таким поступком своего постриженца. «Хорошо, — сказал митрополит, — я сделаю предложение об этом в Синоде и надеюсь, что мне не откажут». На другой день был послан из Синода указ в Вологду к Преосвященному Стефану о перемещении игумена Лопотова монастыря Игнатия в Николо-Угрешский монастырь, куда, по сдаче своего монастыря, и предписывалось его немедленно отправить.

Преосвященный Стефан доброжелательно отнесся к этому событию. Напутствовав игумена Игнатия своим благословением на новое служебное место, он сделал следующий отзыв о нем в своем отношении к митрополиту Московскому от 28 ноября 1833 года: «Игумен Игнатий по пострижении в 1831 году, по указу Святейшего Правительствующего Синода, в монашество, состоя в числе братства третьеклассного Глушицкого монастыря, похвальными своими качествами и образованностью своей в науках всегда обращал на себя особое мое внимание, почему взят был в вологодский архиерейский дом и, по рукоположении во иеродиакона, а потом в иеромонаха, употребляем был для соборного священнослужения, где более и более замечая в нем отличные способности, украшаемые похвальным поведением, в 1832 году января 6-го, я определил его, Игнатия, на место умершего в Лопотове монастыре строителя иеромонаха Иосифа строителем, и он, будучи в сей новой возложенной на него должности, образом примерной своей жизни, учреждением в монастыре порядка, согласно правилам и уставам монастырским, точным наблюдением должного в монастыре благоприличия, обращая на себя от публики особенное внимание, успел возродить в почитателях святой обители усердие и тем достиг возможности Лопотов монастырь, пришедший уже в совершенный упадок и расстройство, привести ныне в короткое время в наилучшее состояние, как то: 1) заведением многоценных серебряных Святых сосудов, Евангелия и облачений и многих других для благолепия церковного

служащих вещей и 2) устроением настоятельских и братских келлий, а потом поправкой многих ветхих монастырских строений, каковая его, Игнатия, полезная для святой обители служба, а притом и отзывы публики о похвальных его качествах убедили меня сего года мая 28 дня, для поощрения его к дальнейшей таковой же службе, произвести в игумена, с оставлением в том же заштатном Лопотове монастыре настоятелем, о каковой его, игумена Игнатия, отлично-похвальной службе за нужное почел довести при сем до сведения Вашего Высокопреосвященства».

Чихачов, обрадованный столь успешным исходом своего ходатайства, отправился из Петербурга на родину в Псковскую губернию, чтобы навестить своих родителей. Здесь, вскоре по приезде, получает он письмо от графини Орловой-Чесменской, в котором она извещает его, что все события жизни игумена Игнатия и его самого дошли до сведения Государя Императора Николая Павловича и что Его Императорское Величество изволил вспомнить бывших своих воспитанников и приказал митрополиту Московскому вызвать игумена Игнатия не в Москву, а в Петербург, для личного представления ему, причем прибавил, что если Игнатий ему так же понравится, как и прежде, то он его митрополиту Филарету не отдаст. Высокопреосвященный Филарет, во исполнение этой Высочайшей воли, официальным письмом от 15 ноября 1833 года на имя Вологодского епископа Стефана, просил его как можно скорее отправить игумена Игнатия прямо в Петербург, а частным собственноручным письмом своим к игумену Игнатию требовал, чтобы он, нисколько не медля, прибыл к нему в Петербург на Троицкое подворье. «Это распоряжение должно быть исполнено безотлагательно, — писал Московский владыка, — потому что это воля не моя».

27 ноября игумен Игнатий сдал Лопотов монастырь своему казначею, а 30 ноября выехал в С.-Петербург. К этому времени возвратился туда и Чихачов, с нетерпением ожидавший приезда своего игумена. Приехав в столицу, игумен Игнатий немедля представился митрополиту Филарету, который приютил его на своем Троицком подворье, где и поджидал он времени, когда будет назначено ему явиться к Государю.

В назначенный день и час игумен Игнатий представился Государю в Зимнем дворце. Государь обрадовался, увидев своего воспитанника, «а радость, — пишет Чихачов, — предстать любимому Царю, полнота благодарного чувства за все его монаршие милости доводили до благоговейного восторга теплую душу инока верно-

подданного». После некоторых объяснений Государь изволил сказать: «Ты мне нравишься, как и прежде! Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь, — на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей». Затем он повел игумена на половину к Государыне Императрице Александре Феодоровне. Войдя к ней, спросил ее: узнает ли она этого монаха? На отрицательный ответ он назвал игумена по фамилии. Государыня очень милостиво отнеслась к своему бывшему пенсионеру и заставила благословить всех детей ее. Государь тут же изволил послать за обер-прокурором Синода Нечаевым, который доложил Его Величеству, что Сергиева пустынь имеет особое назначение: она отдана викарному епископу при С.-Петербургском митрополите, и доходами ее пользуется епископ взамен содержания от духовной администрации. Тогда Государь приказал справиться, как велика сумма дохода, получаемая викарным епископом от монастыря, и в этом размере производить ему выдачу суммы из кабинета, а монастырь сдать в полное управление назначенного им настоятеля. Обер-прокурор объявил Святейшему Синоду Высочайшую волю, и Преосвященному Венедикту, бывшему тогда викарным, дан указ Синода сдать пустынь игумену Игнатию, а самому получать 4 000 руб. ассигнациями содержания от кабинета. Тогда же, по распоряжению Синода, игумен Игнатий был возведен в сан архимандрита, что исполнено было в Казанском соборе 1 января 1834 года, а 5 числа того же месяца новый настоятель выехал в свою обитель в сопровождении Чихачова и только что принятого в келейники 22-летнего юноши Иоанна Малышева, который впоследствии, через 23 года, сделался преемником своего старца в настоятельстве обители с саном архимандрита.

Глава VIII

Намерение игумена Игнатия переселиться из Лопотова монастыря имело в основании чисто физическую причину. Его надломленному организму нужен был климат если не южный, то, по крайней мере, сухой, а не болотистый. Счастливый вниманием Московского владыки, он довольствовался бы Николо-Угрешским монастырем; но Державная воля поставила его на более широкую деятельность.

Местность Сергиевой пустыни в климатическом отношении не представляла даже тех удобств, какими обладал Лопотов монастырь. Береговая сторона Финского залива, волны которого разливаются в виду самой обители, никак не могла служить к восстановлению физических сил. В духовно-нравственном же отношении новое место жительства представляло гораздо более неудобств сравнительно с прежним; оно требовало сугубого духовного подвига, так как более было обстановлено тернием житейской молвы и суеты, которое неминуемо должно было уязвлять духовного человека. Только живая вера в Промысл Божий и добрая совесть в исполнении иноческого обета послушания, какое архимандрит Игнатий оказывал Царской воле, могли подкреплять его при вступлении на это новое поприще. Он вступал туда как истинный монах; враг личных интересов, он заботился единственно о благе вверенной ему обители. Как верноподданный и инок, он твердо решился в точности исполнить волю возлюбленного Монарха, сделав вверенную ему пустынь образцовой обителью во всех отношениях.

Сергиева пустынь, основанная в 1734 году и расположенная близ самого Петербурга, немного в сторону от нынешней Петергофской железной дороги, находилась, как сказано, под управлением викарных епископов. Такое административное положение далеко не благоприятствовало ее материальному состоянию, а близость столицы делала ее перепутьем для проезжающих столичных жителей, что весьма невыгодно влияло на духовный быт братства обители. Здания монастырские, начиная с церкви преподобного Сергия до последних монастырских служб, были давно запущены. В церкви, когда приступлено было к ее поправке, оказались годными только одни стены; согнивший внутри настоятельский корпус почти не существовал, он стоял запертым и не мог быть отапливаем; помещения новоприбывшему настоятелю вовсе не было, и он принужден был остановиться в инвалидном доме, устроенном при монастыре на иждивение графов Зубовых и состоящем на их содержании. Там ему отведены были две комнаты, в которых он и поместился с восемью человеками братии, собственно монахов; все найденное им до него бывшее братство обители состояло из тринадцати человек: восьми монашествующих, трех послушников и двух подначальных. Несмотря на такое незначительное число братии, в среде их не было порядка, приличествующего монастырю. Запущенность в материальном, распущенность в нравственном отношениях царили во всей силе. В таком положении застал Сер-

гиеву пустынь новый настоятель. Обитель требовала такого настоятеля. Судьбами Промысла, или молитвами преподобного Сергия, через сто лет от основания началось ее восстановление, как вещественное, так и духовное. Представительная личность настоятеля, его аскетическая духовность соответствовали положению обители и тому назначению, с каким он принял ее. Но труды и заботы по внешнему возобновлению и благоустройству и отношения всякого рода к высшим и низшим положили печать свою на болезненного и строгоподвижного инока. По собственному его признанию, скорби от человеков, постигавшие его доселе, были «умеренные». — «Чтобы испытать их, — говорит он в своем “Плаче”, — нужно было особенное поприще. Непостижимыми судьбами Промысла я помещен в ту обитель, соседнюю северной столице, которую, когда жил в столице, не хотел даже видеть, считая ее по всему несоответствующей моим целям духовным. В 1833 году я был вызван в Сергиеву пустынь и сделан ее настоятелем. Негостеприимно меня приняла Сергиева пустынь. В первый же год по прибытии в нее я поражен был тяжкою болезнию, на другой год — другою, на третий — третиею; они унесли остатки скудного здоровья моего и сил, сделали меня изможденным, непрестанно страждущим. Здесь поднялись и зашипели зависть, злоречие, клевета, здесь я подвергся тяжким, продолжительным, унизительным наказаниям, без суда, без малейшего исследования, как бессловесное животное, как истукан бесчувственный; здесь я увидел врагов, дышущих непримиримою злобою и жаждою погибели моей»[1].

Из этого очерка вступления о. архимандрита Игнатия в новую обитель видно, что его настоятельская деятельность с самого начала должна была делиться на две отрасли: по внешнему устройству и внутреннему благочинию. Первым делом настоятеля было возобновление храма преподобного Сергия и капитальное исправление корпуса настоятельских келлий. Вот что он писал в 1834 году в прошении своем к тогдашнему С.-Петербургскому митрополиту Серафиму о дозволении произвести в обители необходимые постройки и исправления: «Обозревая монастырские здания, я нашел оные безысключительно в весьма неблагоприятном положении. Такое состояние видели предместники мои в управлении монастырем преосвященные епископы Ревельские, и потому приготовили заблаговременно денежную сумму (до 50 тысяч рублей ассигнациями) и значительное количество кирпича, имея

[1] Аскетические опыты. Т. I. С. 551 наст. изд.

непременною целию починку ветхих и постройку новых зданий». Работы были начаты с разрешения С.-Петербургского епархиального начальства, которым дозволено употребить собранные 50 тысяч рублей ассигнациями и заготовленный кирпич. Графиня Орлова также много помогала своими щедрыми даяниями. Церковь и корпус настоятельских келлий, как однофасадные здания, были соединены новым двухэтажным корпусом, в верхнем этаже которого весьма удобно устроена была обширная братская трапеза, а в нижнем расположены кухня и пекарня и другие хозяйственные помещения». Во время производства этих построек, в том же 1834 году, летом, совершенно неожиданно посетил обитель Государь Император. Приехав из Петергофа около 6-ти часов пополудни, он один вошел в церковь и спросил встреченного монаха: «Дома ли архимандрит? Скажи, что прежний товарищ хочет его видеть». Пришел архимандрит в сопровождении неизменного товарища его о. Михаила Чихачова. Милостиво и ласково обошелся с ними Государь, спрашивал о третьем их товарище Федорове, вместе с ними поступившем в монастырь, и на ответ, что Федоров возвратился в мир и вновь на службе, заметил: «Видно, ему монастырский хлеб сух показался, а тебе, — обратился к Чихачову, значительно пополневшему, — пошел впрок». — В это же время приехали Государыня Императрица и Государь Наследник. Народу, естественно, собралось много, и весь этот народ был свидетелем того отеческого внимания, которое всегда составляло отличительную черту в отношениях покойного Императора к почившему владыке Игнатию. Затем Государь изволил подробно осматривать производившиеся постройки и нашел необходимым возобновить соборный храм, для чего велел архимандриту представить смету в порядке служебных инстанций. Представленная смета утверждена 25 декабря 1835 года, и по государственной росписи назначено было выдать из казначейства С.-Петербургской казенной палаты 96 808 руб. 19 коп. на поправление Троицкого соборного храма. Возобновление было окончено в 1838 году, а в 1842 году в этом храме были устроены богатые клиросы на сумму, пожертвованную Императрицей Александрой Феодоровной.

Первой заботой настоятеля по внутреннему духовному благосостоянию обители было установление во всем строгого порядка, согласно монастырским уставам: церковное богослужение стало совершаться в стройном чине, с величием и торжественностью, которые дополняли привлекательное хоровое пение, внятное чте-

ние, чинное стояние, поклонения по положению и вообще благообразные движения, благочинное пребывание в трапезе, весьма приличная одежда; а опрятность и чистота во всем придавали всей обстановке вид изящества, соединенного с простотой, которые облагораживали самые нравы иноков. Настоятель вникал в келейную жизнь каждого, настраивал к спасительному препровождению времени в чтении монашеских книг, к несению посильных трудов по послушаниям, проводил дух истинного монашества в братство, располагая всякого ко вниманию, к принятию совета и назидания в нравственной жизни, к устроению себя по руководству святоотеческих писаний. Он сообщал братству свой образ мыслей и взгляды на монашество, был отцом и наставником всех, принимая к себе на откровение помыслов, для созидания и настроения духовного. Двери келлии о. Архимандрита были открыты; к нему входили свободно от престарелых монахов-священнослужителей до юных послушников, вследствие чего все братство стало составлять одну великую семью, управляемую одним отцом, связанную союзом согласия и духовного единения, одушевляемую и руководимую высоким учением отца-наставника. Особенно, говорит Чихачов, помогало деятельности настоятеля его уменье выбирать людей и его знание сердца человеческого, которым он умел привязывать людей к делу, им доверяемому. Он искал развить в человеке преданность поручаемому ему делу и поощрял ее одобрениями и даже наградами и повышениями. Окружая себя людьми со способностями и силами, он быстро достигал своих целей и приводил намерения свои в точное исполнение.

Глава IX

Много было трудов, препятствий, неудач, скорбей и искушений как для самого настоятеля, так и для окружавшей его пришедшей с ним братии; самое неудобство местоположения монастыря, стоящего на бойком перепутье загородных жилищ столицы, было для них тяжелым внутренним крестом, незримым для очей мира. Здесь архимандрит Игнатий, опытно обучая своих духовных чад внутреннему крестоношению, которое бывает уделом всякого благочестивого христианина, а тем более инока, сам служил для них примером благодушного терпения и безропотного несения креста своего, в чем, при содействии благодати, достиг столь великой духовной силы, что такое крестоношение во многих случаях было для него

любезно. Так, продолжая вышеприведенную статью «Плача», он говорит о себе: «Здесь Милосердый Господь сподобил меня познать невыразимые словом радость и мир души; здесь сподобил Он меня вкусить духовную любовь и сладость в то время, как я встречал врага моего, искавшего головы моей, и соделалось лицо этого врага в глазах моих как бы лицом светлого Ангела. Опытно познал я таинственное значение молчания Христова пред Пилатом и архиереями иудейскими. Какое счастье быть жертвою, подобно Иисусу! Или нет! Какое счастье быть распятым близ Спасителя, как был некогда распят блаженный разбойник, и вместе с этим разбойником, от убеждения души, исповедовать: «Достойно по делом моим приемлю: *помяни меня, Господи, во Царствии Твоем*»[1]. В «Слове утешения к скорбящим инокам» духовный крестоносец так поучает тому предмету, который, можно сказать, составляет насущный хлеб истинного монашеского жительства: «Последуем Христу! Смиримся подобно Ему! Подобно Ему не откажемся прослыть льстецами и умоисступленными, — не пощадим чести нашей, не отвратим лица от заплеваний и ланит от заушений; не будем искать ни славы, ни красоты, ни наслаждений, принадлежащих миру сему; совершим земное странствование, как странники, не имеющие, где главу подклонить; примем, примем поношения, уничижения и презрение от людей, как неотъемлемые принадлежности избранного нами пути; будем явно и тайно бороться с помыслами гордыни, всеусильно низлагать эти помыслы нашего ветхого человека, ищущего оживить свое «я» под различными правдоподобными предлогами. Тогда Сын Божий, сказавший *вселюся в них и похожду*[2], явится в сердце нашем и дарует нам власть и силу связать крепкого, расхитить сосуды его, наступить на аспида и василиска, попрать их.

Отвергнем ропот, отвергнем жалобы на судьбу нашу, отвергнем сердечную печаль и тоску, от которых слабые души страдают более, нежели от самых скорбей. Отвергнем всякую мысль о мщении и воздаянии злом за зло. *Мне отмщение, Аз воздам*[3], — сказал Господь.

Хочешь ли переносить скорби с легкостию и удобством? — Смерть за Христа да будет вожделенна тебе. Эта смерть да предстоит непрестанно перед очами твоими. Умерщвляй себя ежедневно воздержанием от всех греховных пожеланий плоти и духа; умерщ-

---

[1] См.: *Помяни меня, Господи, когда придешь во Царствие Твое* (Лк. 23. 41–42). ‖ [2] *...вселюсь в них и буду ходить в них...* (2 Кор. 6. 16). ‖ [3] *Мне отмщение, Я воздам* (Рим. 12. 19).

вляй себя отвержением своей воли и отвержением самооправданий, приносимых лжеименным разумом и лукавою совестию ветхого человека; умерщвляй себя, живо представляя себе и живописуя неминуемую смерть твою. Нам дана заповедь последовать Христу, взяв крест свой. Это значит, что мы должны быть всегда готовы с радостию и веселием умереть за Христа...»

«Желающий умереть за Христа, какой напасти, какого оскорбления не претерпит великодушно?»[1]

Вместе с необходимыми постройками и учреждением порядков внутри обители настоятель архимандрит Игнатий должен был обратить свою деятельность и на другие отрасли ее благоустройства, именно на поземельную собственность и сельское хозяйство. По вступлении в управление монастырем он не нашел ни одного межевого знака на монастырской земле. По делопроизводству обители оказалось, что всей землей, которая была приобретена покупкой еще основателем пустыни, пользовались незаконно экономические крестьяне деревни Подмонастырской слободы, монастырь же имел лишь $25\,^1/_2$ десятин, занимаемых огородом и покосом, — и что все хлопоты монастыря о восстановлении его прав на эту землю, несмотря на неоспоримость его документов, остались безуспешными. В 1835 году архимандрит вошел с прошением о восстановлении на монастырской земле межевых знаков и о скорейшем разборе прав на владение землею, неправильно присвоенной крестьянами, а также о наделе монастыря лесным участком, согласно объявленному 4 июня 1835 года Высочайшему повелению, в силу которого монастыри, в видах поддержания их в способах существования, должны быть наделены для устройства земледельческого хозяйства примерно от 100 до 150 десятин земли. Спорное с крестьянами дело о земле решено в 1836 году тем, что хотя земля признана принадлежащей монастырю, но в видах затруднения выселиться с нее крестьянам, основавшимся на ней с 1765 года, положено, по соглашению с настоятелем, разделить землю на две части: восточную сторону, на которой стоит монастырь, по линии от севера к югу — отдать ему, а западную, на которой поселились крестьяне, уступить им. Согласие на эту уступку прекрасно выражено настоятелем в письме его к бывшему статс-секретарю о принятии прошений князю А. Н. Голицыну. «Ваше Сиятельство, — писал архимандрит, — обычное снисхождение ваше внушает мне смелость беспокоить вас покорнейшею просьбою, впрочем, весьма

[1] Аскетические опыты. Т. I. С. 346 наст. изд.

для вас легкою; она состоит в следующем: наша обитель давно ведет процесс о земле, по купчим, плану и межевой книге генерального межевания ей принадлежащей, но оспариваемой казенными крестьянами, которые самовольно на ней населились. Министр финансов, рассмотрев дело, хотя и нашел, что земля по всей справедливости принадлежит Сергиевой пустыне, однако, затрудняясь переселением крестьян, положил землю разделить так: сторону, на коей стоит монастырь, отдать монастырю, а на коей поселились крестьяне — крестьянам. Сие мнение его поступило в Комитет министров. Думаю, что преподобный Сергий лучше бы согласился уступить часть достояния своего, чем причинить огорчение крестьянам переселением их, чему простые сии люди не иначе повинуются, как предаваясь неутешной печали и горьким слезам. Посему и я, поверенный преподобного Сергия, как в сем деле, так и в прочих, до обители его касающихся, должен сообразаться с благоутробием своего Настоятеля и решением министра финансов быть довольным. Поддержите сие решение в Комитете министров. Вот в чем состоит вся просьба к вашему Сиятельству от поверенного обители преподобного Сергия».

Во время ведения дела о поземельном владении настоятель положил хозяйственные начала тем, что прекратил отдачу в арендное содержание небольшого участка земли, оставшегося во владении обители, завел на ней огородничество, улучшил садоводство, значительно прибавил яблонь в саду. Отрезанная в монастырское владение дача, с самого начала тяжбы остававшаяся без всякого возделывания, поросла кустарником и обратилась в болото. Очистка и осушка болота было делом одного года. Задумав обеспечить содержание монастыря введением рационального сельского хозяйства, архимандрит Игнатий просил у митрополита Серафима разрешение занять из капитала комиссии духовных училищ 45 000 руб., с рассрочкой уплаты капитала и процентов на 8 лет. Сумма эта нужна была на заведение скотоводства, земледельческих орудий, рабочих лошадей, найма людей и другие хозяйственные нужды и постройки. По Высочайшему разрешению комиссия отпустила только 30 000 руб., но вклад о. Михаила Чихачова, пожертвовавшего 40 000 руб. ассигнациями в личное, безотчетное распоряжение архимандрита, дал средство окончить это дело и достигнуть возможного расширения и улучшения скотоводства и всего сельского хозяйства. Монастырь стал пользоваться круглый год овощами со своих огородов; ржаного хлеба доставало нередко на весь

год, несмотря на значительно увеличивавшееся число братии, на огромный расход его для раздачи богомольцам в праздничные дни и на продовольствие всех монастырских рабочих; овса и сена было столько, что ежегодно продавалось на сумму от одной до полуторы тысячи рублей. Скотоводство доставляло для братской трапезы в изобилии молочные продукты; кроме хуторных земледельческих построек, стоивших до 20 000 руб. ассигнациями, с ригою для сушки хлеба и с сараями для клевера, — были сделаны и другие при обители необходимые деревянные постройки.

Улучшения и распространения хозяйства и доходы от богомольцев, во множестве стекавшихся в обитель, дали возможность содержать большее число братии, нужду в которой увеличивали как сами богомольцы, так и частые требования начальства о командировании на флотскую службу иеромонахов. Архимандрит стал просить в 1836 году епархиальное начальство об увеличении штата монашествующих шестью иеромонахами. Святейший Синод, на усмотрение которого представлено было это дело, 23 мая 1836 года постановил следующее определение: «Принимая в рассуждение, — писал Синод, — что Сергиева пустынь, находясь близ столицы, посещается многими богомольцами, что в ней при управлении нынешнего настоятеля нравственное состояние братии, благочестие и порядок между ними и в самом церковном служении ощутительно улучшаются и что монашествующие ее нередко командируются во флот для морских кампаний, Святейший Синод нашел справедливым и полезным вместо предполагаемого епархиальным начальством только увеличения в этой пустыне штата иеромонахов шестью человеками возвести оную из второго в первый класс, с присвоением ей штата людей и содержания, общего для монастырей первоклассных, и тем доставив пустыне способ приуготовлять большее число хороших монашествующих, поддержать достоинство ее во мнении народа, для богомоления туда стекающегося». — Это постановление, которым выражается признание высшим духовным правительством современного преуспеяния обители Сергиевской, было по Всеподданнейшему докладу Высочайше утверждено 3 июня 1836 года. Следствием этого было быстрое увеличение числа братии, дошедшего к 1837 году уже до 42 человек. Недоставало помещения для всех. Промысл Божий явил скоро помощь: около этого времени поступил в пустынь происходивший из петербургских купцов Макаров, скончавшийся в этой пустыне схимонахом. Он пожертвовал в пользу обители весь свой благопри-

обретенный капитал, составлявший 50 000 руб. ассигнациями. Из числа этой суммы употреблено 40 000 на построение в 1840 году внутри монастырской ограды большого деревянного на каменном фундаменте корпуса братских келлий; 10 000 поступили на удовлетворение существеннейших нужд обители.

Круг деятельности архимандрита Игнатия расширился еще назначением его 22 июня 1838 года благочинным всех монастырей С.-Петербургской епархии. Служение это он нес до самого выбытия его на епископскую кафедру. И на этом служении он приобрел общее доверие и уважение как настоятелей монастырей, так и монашествующей братии, соединяя для всех в лице своем и разумно твердого представителя власти административной, и, для искавших духовного совета, — старца, опытного руководителя, всегда готового с любовью помочь ближнему советом духовным и словом духовного утешения.

Глава X

Любовь к служению иночеству собственным примером и писаниями не сама собой возгорелась и пламенела в архимандрите Игнатии: он веровал в призвание свое Свыше к этому служению и относился к нему, как к Божественному делу, стараясь усугублять данный ему талант; а потому такая любовь в нем торжествовала над всеми превратностями жизни. В нем витал дух живой веры в Промысл Божий, что было ощутительно для всех знавших его и что видно ясно из его творений. Он признавал, что жизнь человека, всецело предающего себя водительству Провидения, располагается по некоему Божественному плану, первообраз которого начертан в священных событиях избранного народа Божия. Смотря на иноческую жизнь как на странствование по земной пустыне и приготовление ко входу в обетованную землю вечности, он учил, что надо соглядать эту вечность еще при настоящем земном существовании, чтобы обеспечить себе вступление в нее за пределами гроба. Это было не простое, поверхностное уподобление, а приобретенное духовной деятельностью сознание, разительные примеры чего он видел на себе самом; часто, когда естественный источник его благих желаний иссякал от зноя страстей и бурь житейских, он находил в себе новые ключи благодатных мыслей, внезапно истекавшие и обновлявшие изнемогшие силы; горечи жизни растворялись благодатной силой терпения и чрез это делались сладкими, приятными для

духовного вкуса. Он имел особенный дар смотреть на все духовно; малейшие случаи, ничтожные по-видимому обстоятельства часто получали у него глубокий духовный смысл и всегда находили отголосок в нравственном учении, которым он руководился; они доставляли обильную пищу его уму и сердцу, и нередко в дивной мелодии слова раздавались с его духовно-поэтической лиры. Таковы его произведения: «Блажен муж», «Песнь под сению креста», «Молитва преследуемого человеками», «Плач инока» и многие другие. Из таких особенностей духовного призвания и настроения явствует, что высказываться письменно было духовной потребностью архимандрита Игнатия.

Тщась раскрыть сущность монашеского жительства, архимандрит Игнатий подвизался олицетворить в себе самом и живописью слова изобразил другим духовную красоту нравов древнего египетского монашества, которое было идеалом его жизни. Иночествование, по учению и примерам святых Отцов, преимущественно египетских, было с детства заветной его мыслью. Руководимый этим учением, он питал беспримерную в наше время любовь к киновиальному[1] иночеству, и эта любовь была вполне осмысленна: он смотрел на новоначалие иноческое как на основание аскетической науки, где зарождаются и развиваются монашеские нравы; а вообще на монашество — как на науку из наук. В таком духе он наставлял всякого расположенного ко вступлению в иночество и силой собственного стремления к своим высоким идеалам производил могущественное влияние на юные, не испорченные жизнью души. Он охотно принимал таких в духовное родство с собой и руководил опытным духоносным словом своим, которое столь было действенно, что обращало сердца, отрешало от многолетних навыков, ослабляло привычки, изменяло нравы многих. Способностью принимать исповедь помыслов, что составляет весьма редкое явление в наше время, архимандрит Игнатий обладал в совершенстве; многосторонняя опытность, глубокая проницательность, постоянное и точное самонаблюдение делали его искусным в целении душевных струпов, к которым он всегда прикасался самым тонким резцом духовного слова. Умея владеть собой во всяких случайностях жизни, не падая духом в самых стеснительных обстоятельствах, он сообщал ту же твердость и тем, которые исповедовали ему свои помыслы: угнетавшая печаль после исповеди у него казалась им пустым призраком. Правильное воззрение на страстную природу

[1] Киновия — иначе общежитие, форма монастырского жития. — *Ред.*

человека — плод многолетнего самонаблюдения, изложенное им в статье «Отношение христианина к страстям его»[1], служило источником утешения для его питомцев; оно заставляло их при откровении помыслов высказываться с полной свободой, доверием и безбоязненно; они всегда слышали ответ, вполне примиряющий их с самим собой; часто пример из собственной жизни, приводимый старцем, или указание на какое-либо в книгах описанное событие так близко подходили к исповедываемому случаю, что не оставалось никакого сомнения или недоумения в душе исповедывающегося; ученик всегда уходил с утешением от старца.

Исповедь помыслов новоначальным иноком старцу всегда лежала в основах монашеского жительства; она входила, как непременное условие, в круг духовного воспитания архимандрита Игнатия. Борьба с помыслами мучительна, особенно в начале подвига, когда еще нововступивший не навык ратовать против них орудием молитвы; настроение себя по назиданию книги полезно и необходимо, — но недостаточно. Трудно юному управить себя по духовной стезе, не имея в виду примера; а враг особенно сильно ратует именно на тех, которые избирают монастырь с прямою целью спасения, отвергая все мирские преимущества и выгоды: для таких-то духовное руководство живым словом, при исповеди помыслов, — истинная находка; оно служит оплотом против наветов врага и делает собственную волю устойчивой. Все это хорошо в том случае, когда старец настолько мудр и опытен, что в состоянии уразумевать открываемые помыслы и постигать их причины и следствия; иначе его совет будет действовать разрушительно, как неверно поданное лекарство. Благоустроению духовного быта новоначального содействует и то обстоятельство, когда старец его находится во главе управления: где многоначалие или зависимость старца, там несвобода духовных отношений. Архимандрит Игнатий соединял в себе и то и другое, то есть и мудрость духовную и внешнюю власть, а потому жительство под его руководством и в его обители было драгоценным приобретением для искавших монашествовать разумно. Несмотря на свою болезненность, он принимал на себя труд ежедневно выслушивать исповедь помыслов; у учеников его было даже обыкновение вести дневную запись их, и они откры-

---

[1] Аскетические опыты. Т. II // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: В 5 т. Т. 2. М., 2014. С. 250–259. Эта статья была издана по смерти еп. Игнатия в 1870 году в брошюре: «Три статьи, не бывшие в печати, епископа Игнатия Брянчанинова». Ярославль, 1870.

вали свои помыслы чистосердечно, с прямотою, потому что старец был способен принимать такую исповедь вполне бесстрастно. Польза от исповеди помыслов была для всех очевидна. При этом старец не подвергал учеников своих тягостным испытаниям, а сообразовывался с физическими способностями каждого и умственным развитием, так что состояние под его духовным водительством было даже льготно, как в физическом, так и в нравственном отношении.

Вот мнение самого старца Игнатия об исповеди помыслов, основанное на строгом следовании учению святых Отцов: «Все Отцы согласны в том, что новоначальный инок должен отвергать греховные помыслы и мечтания в самом начале их, не входя в прение, ниже[1] в беседу с ними. Для отражения греховных помыслов и мечтаний Отцы предлагают два орудия: 1) немедленное исповедание помыслов и мечтаний старцу и 2) немедленное обращение к Богу с теплейшей молитвой о прогнании невидимых врагов. Преподобный Кассиан говорит: завсегда наблюдай главу змия, то есть начала помыслов, и тотчас сказывай их старцу; тогда ты научишься попирать зловредные начинания змия, когда не постыдишься открывать их, все без изъятия, твоему старцу. Этот образ борьбы с бесовскими помыслами и мечтаниями был общим для всех новоначальных иноков в цветущие времена монашества. Новоначальные, находившиеся постоянно при своих старцах, во всякое время исповедовали свои помышления, как это можно видеть из жития преподобного Досифея, а новоначальные, приходившие к старцу своему в известное время, исповедовали помышления однажды в день, вечером, как это можно видеть из "Лествицы" и других Отеческих книг. Исповедание своих помыслов и руководство советом духоносного старца древние иноки признавали необходимостию, без которой невозможно спастись... Наставления духоносного старца постоянно ведут новоначального инока по пути евангельских заповедей, и ничто так не разобщает его с грехом и началом греха — демоном, как постоянное и усильное исповедание греха в самих его началах. Такое исповедание уставляет между человеком и демоном спасительную для человека непримиримую вражду. Такое исповедание, уничтожая двоедушие или колебание между любовию к Богу и любовию к греху, дает благому произволению необыкновенную силу, а потому преуспеянию инока необыкновенную быстроту, в чем можно убедиться опять из жития преподобного Досифея. Те иноки, которые не могли действовать против

[1] Ниже́ — даже ни.

греха постоянною и учащенною исповедию греховных помыслов по неимению старца, действовали против него постоянною и учащенною молитвою»[1].

Глава XI

Зиму 1846 года архимандрит Игнатий пробыл безвыходно в келлии по причине тяжкой болезни, а с наступлением весны 1847 года он подал прошение о сложении с него настоятельской должности и увольнении на покой в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. Вместо увольнения на покой ему разрешен был только 11-месячный отпуск для поправления здоровья в указанный им Бабаевский монастырь. По отъезде архимандрита в этот отпуск, Государь Император, встретив однажды Чихачова, спросил о здоровье его товарища и приказал написать ему, что нетерпеливо ожидает его возвращения.

Летом 1847 года архимандрит Игнатий прибыл в Николо-Бабаевский монастырь, где и занялся серьезным лечением. Ему отведены были келлии, состоявшие из четырех маленьких комнат, в отдельном мезонине над келлиями настоятеля. Помещение это, разобщенное с прочим жильем, весьма удобно было для безмолвия. С одной стороны из окон келлии открывался величественный вид обширной местности, орошаемой рекой Волгой, и представлял усладительное зрелище для отшельника в минуты отдохновения. Здесь архимандрит Игнатий написал много духовных назидательных писем к разным лицам, в числе их ряд писем к некоему иноку Леониду, озаглавленных так: «К иноку, занимающемуся умным деланием». Здесь написана была статья «Бородинский монастырь», которая не вошла в собрание сочинений; поводом написания этой статьи служило посещение архимандритом Бородинского монастыря, на пути следования в монастырь Бабаевский по приглашению тогдашней настоятельницы, игумении Марии Тучковой. Через 11 месяцев, в 1848 году, архимандрит Игнатий возвратился в Сергиеву пустынь. Продолжительное безмолвие в пребывании уединенном, на Бабайках, расположило его еще более к совершенному отшельничеству, к которому он постоянно стремился.

Понеся великую утрату в кончине возлюбленного Монарха своего Государя Императора Николая Павловича и не оставляя наме-

[1] Приношение современному монашеству. Т. IV.

рения переселиться на покой, архимандрит Игнатий в 1856 году предпринял путешествие в скит Оптиной пустыни исключительно с целью устроить там желанное пребывание в безмолвии. Он уже совсем было условился с Оптинским настоятелем о приготовлении для себя келлии в скиту и о переделке ее, дал 200 рублей задатку и возвратился в С.-Петербург, где, по обстоятельствам, не от него зависящим, должен был на неопределенное время отложить исполнение своей мысли о переселении на покой и предать дальнейшую участь свою воле Божией.

В 1856 году скончался С.-Петербургский митрополит Никанор; назначенный на его место митрополит Григорий хорошо знал архимандрита Игнатия и даже состоял с ним в духовно близких отношениях, а потому в видах пользы для Церкви Божией предложил ему епископскую кафедру в Ставрополе Кавказском. По получении Высочайшего соизволения 23 октября 1857 года происходило в Святейшем Синоде наречение архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского, а 27-го — самая хиротония в Казанском соборе при весьма многочисленном стечении народа. На другой день новопоставленный епископ совершил Литургию в Лаврской Крестовой церкви и затем три дня следующего месяца провел в Сергиевой пустыне. 2 ноября посетила пустынь Великая Княгиня Мария Николаевна — «чтобы проститься с епископом Игнатием», как она изволила выразиться. 3 ноября, в воскресный день, епископ Игнатий отслужил в пустыне Божественную литургию, участвовал в общей братской трапезе и, простившись со всеми, окончательно оставил Сергиеву пустынь. Он переехал в Невскую Лавру.

4 ноября, по назначению вдовствующей Императрицы Александры Феодоровны, епископ Игнатий ездил в Царское Село для представления Ее Величеству. Государыня изволила принимать его в своем кабинете, причем пожаловала ему панагию, украшенную бриллиантами и рубинами, сказав: «С соизволения Государя даю вам эту панагию в память обо мне и о покойном Государе». 9 ноября епископ откланивался у Великого Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Иосифовны, при чем имел продолжительную духовную беседу с Великой Княгиней, а 10-го, в Царском Селе, имел счастье откланиваться сначала у Государя, потом у Государыни особо, на их половинах, при этом Императрице угодно было говорить с ним очень серьезно о монашестве вообще и о Сергиевой пустыне в особенности. 17-го Преосвященный участвовал в хиротонии Соловецкого архимандрита Александра

во епископа Архангельского и Холмогорского. В этом же Богослужении наместник Сергиевой пустыни иеромонах Игнатий возведен в сан архимандрита и по рекомендации епископа Игнатия и единодушному желанию братства назначен настоятелем пустыни.

Прожив в Сергиевой пустыне без двух месяцев двадцать четыре года, епископ Игнатий оставил ее в весьма цветущем состоянии. В его управление обитель украсилась тремя новыми великолепными храмами.

Из воспитанников по монашеству архимандрита Игнатия Брянчанинова Сергиева пустынь дала шестнадцать настоятелей: десять архимандритов, пять игуменов и одного строителя.

Глава XII

Епископ Игнатий в столь продолжительное настоятельствование свое в Сергиевой пустыне не только не скопил себе никакого капитала, но дошел до такой нестяжательности, что при отбытии своем не имел даже собственных средств на дальнюю дорогу. Он всегда был чрезвычайно щедр на милостыню; отказа не делал никому, если имел что подать; когда не случалось денег, то подавал вещами, так что келейные старались наделять просящих деньгами, сколько было возможно, предупреждая просителей от личных отношений к архимандриту. Поэтому, когда надо было выехать из Петербурга, епископ вынужден был прибегнуть за денежным вспомоществованием к одному близкому ему по духовным отношениям лицу, которое и снабдило его пособием в тысячу рублей. 25 ноября он оставил Петербург и 26-го прибыл в Москву, откуда ездил в Сергиеву Лавру. Пробыв в Москве с неделю, он отправился на Харьков и Ростов (на Дону), останавливался в губернских городах у епархиальных архиереев, по приглашению их литургисал в Курске и Харькове, заезжал в Святогорский монастырь и 24 декабря, утром, выехал из Бахмута еще по летней сухой дороге. В ночь на Рождество он был застигнут в степи страшной снежной метелью, которая подвергала его жизнь большой опасности. Только к семи часам утра, 25 декабря, он кое-как добрался до жилья, в санях, в которых выехали его отыскивать священнослужители ближайшего села, извещенные кучерами, оставившими экипаж в степи и верхами поскакавшими на звон колоколов искать помощи.

4 января 1858 года в четвертом часу пополудни епископ Игнатий прибыл в Ставрополь Кавказский. Архиерейского дома не было;

новоприбывший Владыка остановился в приготовленной для него квартире в доме купца Стасенкова. Существовал небольшой деревянный домишко, похожий на хижину, который лет за четырнадцать до этого подарил ставропольский купец Волобуев для временного помещения первого епископа Иеремии. К этой же хижине была пристроена столько же незатейливая половина из двух небольших комнат, названных залой и гостиной, — последняя служила вместе и моленной для архиерея, так как из нее были сделаны окошечко и входная дверь в пристроенную к этой хижине небольшую каменную церковь Крестовую. Тогда же и этот плохой домишко пришел в крайнее разрушение, так что граждане посовестились принять в него епископа; движимые благожеланием, они наняли для него приличную квартиру на свой счет. В день приезда Преосвященный принимал в своей квартире духовенство кафедрального собора, граждан с хлебом-солью и начальника губернии генерал-лейтенанта А. А. Волоцкого; вечером слушал дома всенощную, и на другой день (воскресный), 5 января, служил Литургию в рядской соборной церкви. В день Богоявления, по совершении Литургии, освящал воду в бассейне, расположенном в середине города, при значительном собрании войск, с окроплением знамен и при многочисленном стечении народа, который принял Владыку приветливо.

Епархия Ставропольская, совсем неустроенная, потребовала от Преосвященного Игнатия больших трудов. Она учреждена была около 1840 года. Первым ее епископом был Иеремия, который по ревности к православию слишком строго отнесся к раскольникам, которых весьма значительное число в Кавказском линейном казачьем войске. Вследствие этого Кавказское линейное начальство ходатайствовало об изъятии линейного казачьего населения из ведомства епархиального архиерея и о передаче в ведение обер-священника Кавказской армии. Таким образом, в только что учрежденной епархии из пятисот тысяч душ, составлявших ее паству, половина отошла из управления епископа, который никак не подозревал возможности такого отделения. Так как епархия эта была поставлена в разряд третьеклассных, то епископ ее должен был содержаться на жалованье в 285 руб. серебром в год. Ввиду того что такая сумма была крайне недостаточна для вновь открывшейся кафедры, которая требовала во всем необходимого устройства, Святейший Синод определил временно отпускать епископу из синодских сумм по 1 000 руб. серебром в год карманных денег и по 1 500 руб. серебром на содержание архиерейского дома, впредь до полного устроения кафедры.

Преосвященный Игнатий нашел в Ставрополе, как выше замечено, гражданским губернатором Волоцкого, Вологодского уроженца, своего сверстника по детству, с которым одновременно приехал в Петербург определяться на службу; начальником войск был генерал-лейтенант Филипсон, человек весьма благочестивый, а наместником — князь А. И. Барятинский. Вскоре Волоцкой уехал в отпуск и место его занял Ставропольский вице-губернатор П. А. Брянчанинов, родной брат епископа. При отправлении из С.-Петербурга обер-прокурор Синода граф А. П. Толстой уверял Преосвященного, что ему будут продолжать выдачу тех пособий от Синода, которые получали его предместники, но, несмотря на многократно повторенную просьбу, ни одного из помянутых прежде получаемых окладов ни разу не дали; между тем епископу было бы нечем жить, если бы особые случайные обстоятельства, как то: сближение сперва с товарищем детства, потом с родным братом — не дали возможности восполнять недостатки. Ко времени приезда епископа Игнатия на кафедру архиерейскому дому были даны только штатные служители, кусок земли пахотной, около двухсот десятин вдали от города, да лесная дача вблизи города, в который она входит одной частью своей, примыкая к Андреевской церкви, принадлежащей архиерейскому дому, при коей помещается ныне викарный епископ. С этой лесной дачей архиерейскому дому пришлось получить в свое ведение спорное дело с одним частным лицом, сделавшим в этой даче захват земли, на которой им устроен был кирпичный завод.

Первым делом епископа было благодарить граждан города за заботливость их о его помещении, причем он представил им неудобство жить ему, окруженному монахами, в светском доме семьянина, просил их помочь ему устроить хотя небольшое помещение при Крестовой церкви вместо вышеупомянутой развалившейся хижины. Граждане с усердием согласились. Тотчас собрана была сумма более 4 тысяч рублей, и с открытием весны началась постройка деревянного на каменном фундаменте дома о восьми комнатах с девятой — моленной. В этом доме поместились: архиерей, два иеромонаха, несколько послушников и прислуга. Одновременно с этим было сделано епископом сношение с гражданским губернатором о соглашении управления государственными крестьянами заменить штатных служителей, которые наряжались палатой, взносом ежегодно денег по местной уменьшенной справочной цене по 40 рублей в год за рабочего. Соглашение это, представленное Кавказскому наместнику, было утвержде-

но; точно так же по Высочайшему повелению, испрошенному наместником, заменены были и угодья, законом определенные архиерейским домам, ежегодным соответственным денежным окладом Кавказскому архиерейскому дому из оброчных сборов палаты государственных имуществ. Этим и ограничилось улучшение содержания епископа в бытность Преосвященного Игнатия на Ставропольской кафедре. Видя представления свои Святейшему Синоду об увеличении средств существования по разным причинам неуваженными, епископ Игнатий вошел об этом с ходатайством непосредственно к наместнику Кавказскому — князю Барятинскому, представив ему вполне положение епископа Кавказского, нищего, по тем средствам содержания, которые определялись ему лично (285 руб. серебром годового жалованья), и поставленного на такое административное место, которое непременно требует соответственной внешней обстановки и некоторой независимости в материальных средствах; при этом был представлен наместнику штат Таврической епархии, по примеру которой епископ просил определить содержание Кавказской кафедре. «Не для себя забочусь я об этом окладе, — писал Преосвященный Князю, — ибо меня несомненно уже не будет тогда, когда разрешится это мое представление, а забочусь для самого дела; лучше закрыть кафедру, чем оставлять ее в таком положении нищенском, понуждающем чиновников и лиц, какими обставлен епископ, искать неправильных средств к существованию». Это ходатайство, подкрепленное участием фельдмаршала, увенчалось успехом, но уже тогда, когда Преосвященный Игнатий оставил Кавказскую кафедру, теперь одну из самых обеспеченных в материальном отношении.

Первой заботой епископа Игнатия по управлению паствой было устроение богослужения в надлежащем церковном чине и восстановление должных отношений между духовенством и народом как в городах, так и в селах. Сам он в обращении с духовенством был приветлив, прост и прям, постоянно заботился о его быте, образовании и взаимных отношениях, приличествующих священному сану; внимательно входил в действия благочинных, в нравственное состояние тех, кои подвергались наказаниям и замечаниям, стараясь, сколько возможно, отделять служебную виновность лица от его семейных обстоятельств и всяких домашних нужд. В исходе августа Преосвященный объехал юго-восточную часть епархии, посетил города Моздок и Кизляр и селениями восточной части губернии возвратился в Ставрополь, где на зиму и перешел во вновь построенный дом.

Преосвященный Игнатий обращал свое внимание также и на воспитание юношества в подведомственных ему учебных заведениях. Так, он нашел необходимым ограничить меры наказания, бывшие в обычаях в этих училищах, предложением семинарскому правлению, чтобы воспитатели обращали более внимания на нравственную сторону взысканий, развивали в детях и юношах совестливость, как более гарантирующую их доброе поведение, и тщательно обсуждали правдивость наказаний, соразмеряя их с виновностью; чтобы самые наказания эти были разумно-человечные, без увлечения гневом или горячностью.

Глава XIII

С наступлением весны 1859 года Преосвященный Игнатий весьма сочувственно отнесся к делу об улучшении быта крестьян с уничтожением крепостного права. Его глубоко огорчило кривое толкование воли Государя-Освободителя, извращение смысла слов «свобода» — «воля», благоволением Монарха дарованных своим подданным. По этому поводу Преосвященным были сделаны два предложения, разосланные циркулярно по епархии: в том и другом излагался евангельский взгляд на дело, и предлагалось духовенству руководствоваться этим взглядом в случаях сношения с прихожанами, когда эти будут обращаться за советом или вразумлением касательно крестьянского вопроса.

Летом того же года Преосвященный объезжал западную часть своей епархии; посетил приходы и монастыри Черноморья и около двух месяцев прожил в Тамани. С осени он занялся приисканием и устройством нового помещения для семинарии, помещавшейся в наемном по контракту доме, тесном и неудобном, которому уже приближался исходный срок найма. При содействии местного гражданского начальства состоялся весьма выгодный наем на продолжительный срок частных домов под это заведение в нагорной и самой здоровой части города, рядом с церковью Святого Апостола Андрея Первозванного, что на архиерейской лесной даче, примыкающей в этом месте к главной торговой площади города. Множество следственных дел, тянувшихся производством, множество давних неудовольствий между прихожанами и духовенством и еще большее число дел, возникших от немирных столкновений уездных гражданских властей с духовными, или были окончены мирными соглашениями, или разобраны и решены; из множества

их осталось разве ничтожное количество неоконченных, так что вообще можно сказать, что епархия была приведена в полное благосостояние.

Но скорби не оставляли преследовать епископа Игнатия и в этом его положении, а кончина митрополита Григория лишила его ближайшего человека, принимавшего в нем дружеское участие. К тому же его постигла очень тяжкая болезнь: натуральная оспа, соединенная с сильной горячкой. Продолжительно тянулось его выздоровление, силы его стали заметно слабеть, он решился проситься прямо на покой в знакомый уже Николо-Бабаевский монастырь; в конце июля 1861 года подал о том рапорт в Синод и обратился с письмом к Государю Императору.

Вот содержание этого письма:

«Августейший Монарх,
Всемилостивейший Государь!

Чувствуя изнеможение сил от болезненности, продолжающейся около 40 лет, и постоянно питая в душе моей желание окончить дни в уединении, я подал в Святейший Синод рапорт, в котором, донося о состоянии своего здоровья, прошу об увольнении меня от управления епархиею и предоставлении мне в управление общежительного Николо-Бабаевского монастыря, на Волге, в Костромской епархии, по тому образцу, как это делалось для многих архиереев, уволенных от дел епархиальных. То милостивое внимание, которого удостаивали меня Ваши Августейшие Родители, называя меня своим воспитанником, дозволяет мне обратиться к Вашему Императорскому Величеству с всеподданнейшею и убедительнейшею просьбою. Не во внимание к какой-либо заслуге или достоинству, — коих нет у меня, — в память Ваших почивших Родителей окажите мне милость, повелите удовлетворить моему прошению, даруйте мне просимый приют, в котором я мог бы окончить в мире дни мои, вознося недостойные и убогие молитвы к Богу о благоденствии Вашем и всего Вашего Августейшего Дома, о покое и вечном блаженстве Ваших приснопамятных Родителей.

С чувствами верноподданническими благоговейнейшего уважения и совершеннейшей преданности имею счастье быть и проч.
24 июля 1861 года».

Августа 5-го состоялось увольнение с назначением пенсии по 1000 руб. в год; впоследствии она по Высочайшему повелению увеличена прибавкой 500 рублей.

19 сентября 1861 года Государь посетил Кавказ, но в Ставрополе не был, а осматривая вновь покоренные земли за Кубанью, спрашивал у графа Евдокимова (главная квартира которого была в Ставрополе) о Преосвященном и через него прислал ему орденские знаки Святой Анны 1-й степени, которые уже не застали Владыку в Ставрополе, а отправлены к нему по почте на новое место жительства.

При отъезде из Ставрополя, так же, как и прежде из Петербурга, у Преосвященного не имелось собственных денежных средств; он должен был опять прибегнуть к посторонней помощи, чтобы рассчитаться с некоторыми долгами и покрыть путевые издержки. На пути следования через Москву он остановился у старого знакомца своего Преосвященного Леонида, епископа Дмитровского, викария Московского, и прогостил у него за болезнью до двух недель. У него сделался нервный удар в правой ноге, и хотя принятыми медицинскими мерами и получил некоторое облегчение, но с того времени стал постоянно страдать слабостью этой ноги.

Во время пребывания своего на Кавказе Преосвященный Игнатий не оставлял своих духовно-литературных трудов. Кроме устно сказанных поучений, он написал здесь всю книгу «Приношение современному монашеству», составляющую 4-й том его творений. В ней преподает он современному монашеству советы жизни иноческой в правилах наружного поведения и во внутренней душевной деятельности применительно к тем многоразличным служениям, какие возлагаются на монашествующих в наше время. Составил слова: «О различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу», «О видении духов» и «О спасении и христианском совершенстве».

«Слово о видении духов» составлено Преосвященным на основании собственных опытов. Такого рода опыты он изведывал в течение большей половины своей духовной жизни и изображал их в своих книгах, смотря на них как с духовной, так и с физической сторон.

Глава XIV

В Николо-Бабаевский монастырь Преосвященный приехал 13 октября 1861 года. С ним прибыли: управлявший при нем Кавказским архиерейским домом игумен Иустин, присный духовный сын епископа; ризничий, иеромонах Каллист, из послушников

Сергиевой пустыни; иеромонах Феофан, состоявший духовником при Андреевской церкви Ставропольского архиерейского дома, из иноков Никифоровской пустыни Олонецкой епархии, и несколько послушников. Последние состояли на Кавказе под духовным руководством иеромонаха Феофана, который, равно как и игумен Иустин и иеромонах Каллист, пользовался сам советами и духовными наставлениями владыки Игнатия. Таким образом, все лица, прибывшие с Кавказа в Бабаевскую обитель, составляли одну духовную семью, и их дружный образ действий скоро повлиял на весь внутренний и внешний быт обители.

Николо-Бабаевский монастырь расположен на правом берегу реки Волги при впадении в нее небольшой речки Солонины, которая отделяет Костромской монастырский берег от границы Ярославской губернии. За обеими реками в этой смежной губернии монастырь владеет небольшими сенокосными лугами. Жители Ярославля издавна расположены к Николо-Бабаевскому монастырю и с особенным благоговением и верой чтут имеющуюся в нем святыню — чудотворную икону Святителя Николая. По-видимому выгодное положение обители, стоящей на полпути между двумя губернскими городами Ярославлем и Костромой и при одном из первых водных сообщений, должно намекать на материальное благосостояние ее, но на самом деле было не то: пришельцы с Кавказа застали этот общежительный монастырь всего с 60 рублями наличных денег, при двух тысячах рублей долгу, притом пред самым вступлением в зиму, без всякого запаса хлеба и заготовки дров; хлебопашеством в монастыре вовсе не занимались. Благоустроению обители много помогло то обстоятельство, что, еще до приезда Преосвященного Игнатия, бывший настоятель ее игумен Парфений, по собственному желанию и просьбе, был перемещен епархиальным начальством в Надеевскую пустынь той же Костромской епархии, и должность его была сряду занята игуменом Иустином; благочинным монастыря был назначен иеромонах Каллист, а иеромонах Феофан сделан вторым духовником. Чин богослужения, порядки келейного жительства, братская трапеза и жилища — все было поведено к улучшению. Заведено правильное хлебопашество на земле, принадлежащей монастырю, около 80 десятин, частью болотной, частью наносно-песчаной, для чего была произведена разбивка полей, прорыты канавы для осушки болот и через них болотная вода спущена в Волгу. Начата перестройка келлий, назначенных для самого

епископа, капитальное исправление корпуса братских келлий и настоятельских. Корпус этот, с одной стороны обращенный к Волге, — двухэтажный, с другой, внутрь монастыря, — одноэтажный; его нашли нужным сшить поперечными железными полосами, так как он от сырости места и от неравномерной осадки значительно истрескался в этом направлении. Гостиница для приезжающих, расположенная у самой ограды монастыря, была вся переделана внутри и прилично меблирована.

В первый год по прибытии Владыки Игнатия на Бабайки посетил его старинный друг М. Чихачов, и это свидание их было последним в жизни. Обоими признано было, что последнему не надо покидать своего места жительства Сергиевой пустыни, в которую он положил все свое состояние и пользовался в ней всеобщим уважением братства и теми удобствами, какие необходимы были для него в болезненной старости. В конце июня 1862 года приехал в Бабаевскую обитель на жительство родной брат Владыки П. А. Брянчанинов, испросив увольнение от службы с должности ставропольского гражданского губернатора, и поселился в монастыре на правах богомольца.

В мае 1862 года епископ Игнатий посетил Преосвященных: Платона в Костроме, Нила в Ярославле и Иринея в Толгском монастыре близ Ярославля; после этой поездки уже никуда не выезжал из монастыря, кроме прогулки в экипаже по окрестностям монастыря в хорошую погоду. В семь часов утра он пил чай, который признавал необходимостью, как средство, согревающее кровь, и говаривал: «Вот что значит старость, не напившись чаю и Богу неспособно помолиться». С 9 часов принимался за дела, или выходил к Литургии, или осматривал производящиеся работы; принимал посетителей, по большей части крестьян больных, пользовавшихся от Владыки медикаментами (гомеопатией). Таких больных стекалось очень много; один из келейников записывал имена их в книгу, лета и род болезни, а Владыка отмечал, какое кому дать лекарство, число приемов и диету, если таковая оказывалась нужной. Лечение шло успешно, но через три года было прекращено по причине многолюдного стечения больных, нарушавших уединение Святителя. В исходе 12-го часа дня Владыка обедал. Стол его был простой, и кушал он очень умеренно. В 3-м часу кушал чай, к которому всегда призывал кого-либо из братии, и завершал угощение душеспасительной беседой. После вечерни, до 8 часов, принимал всех имевших к нему духовную нужду иноков и послушни-

ков, а также и посторонних посетителей. С 8 часов вечера Владыка запирался в своих келлиях; он спал обыкновенно не раздеваясь, на ночь надевал валяные сапоги, по причине болезни ног, издавна простуженных. Такова была обстановка келейной жизни Преосвященного Игнатия на Бабайках.

С приездом Преосвященного Игнатия в монастырь стечение народа к богослужениям значительно увеличилось; церковь Святителя Николая, вмещающая не более 600 человек, стала тесна, вся монастырская братия и окрестные жители стали выражать желание построить новый храм вместо пришедшего в опасное состояние соборного храма Иверской Божией Матери, шестипридельного, в четырех приделах которого уже воспрещено было отправлять богослужение, так как образовались большие трещины по всем направлениям каменных сводов. Явился жертвователь — подрядчик каменных работ, ярославский мещанин Федотов, обещавший всю каменную работу исполнить своими рабочими безвозмездно и дать на начальное действие 1000 рублей. Преосвященный вызвал из С.-Петербурга знакомого ему архитектора, профессора Академии художеств И. И. Горностаева, и передал ему свою величественную идею нового храма, которую тот осуществил в своем проекте. Чтобы разобрать разрушавшийся соборный храм, надо было исходатайствовать через обер-прокурора Святейшего Синода Высочайшее разрешение; а также подлежало Высочайшему утверждению и разрешение постройки нового храма. Между тем монастырю необходимо было спешить разборкою храма, так как рабочие Федотова, в случае неразрешения, готовились отправиться в Петербург на свои заработки, тогда и Федотов вынужден был бы отказаться от обещанного, что составило бы большую потерю для храмоздателей.

В субботу на первой неделе Великого Поста Государь, по приобщении Святых Таин, благоволил вспомнить, что у обер-прокурора есть нужные к докладу дела, и потребовал представить их. Обер-прокурор, директор его канцелярии, начальник отделения, — все, через руки которых шло дело о Бабаевском храме, были в этот день причастниками. Государь принял во внимание пожертвования Федотова и благоволил разрешить разборку старого храма. В тот же день разрешение было передано по телеграфу через Ярославль в Бабаевский монастырь; вся братия монастыря были причастники, но Владыке об этом было доложено на другой день — в воскресенье Недели Православия после Литургии, которую он совершал

сам. Таким образом совершилось достойное замечания событие: первый шаг к сооружению нового храма был сделан лицами, которые все без изъятий только что сподобились причаститься Святых Христовых Таин, — видимый признак благословения Божия на начатое дело. С понедельника 2-й недели поста началась разборка старого храма; дело шло быстро, кирпич заготовлялся на заводах, устроенных при монастыре, добывался на месте дикий камень, который пошел в цоколь здания, распланирована была местность, так как новый храм воздвигался немного далее вглубь берега, размеры фундамента обозначены; твердый грунт не требовал свайных укреплений; предположено было с наступлением весны приступить к сооружению здания; ждали утверждения проекта, которое замедлилось. Министр путей сообщения находил, что архитектурные линии в нем слишком смелы, чтобы могли быть благонадежно исполнены; только по личным объяснениям архитектора Горностаева министерство согласилось на утверждение. Таким образом, проект храма в честь чудотворной иконы Иверской Божией Матери был приготовлен к всеподданнейшему докладу, который, в свою очередь, разными случайностями оттянулся до конца мая, и лишь в 21-е число того месяца, день празднования Божией Матери иконы Владимирской, Государь изволил утвердить проект. «Над построением храма Богоматери, — писал Владыка своему брату, — очевиден перст Богоматери. Даруется человекам труждающимся в деле помощь; вместе даруется им побороться с препятствиями и поскорбеть для их же душевной пользы, чтобы очистить дело от примеси тщеславия и других увлечений, чтобы оно было совершено в богомудром смиренномудрии. Таков обычный ход дел, покровительствуемых Богом».

Сооружению нового храма доставляли денежные средства расположенные к монастырю граждане городов Ярославля и Костромы. Преосвященный Ярославский Нил сочувственно отнесся к желанию граждан ежегодно переносить с крестным ходом чудотворную икону Святителя Николая из Бабаевского монастыря в Ярославский кафедральный собор. Костромской Преосвященный Платон выразил свое одобрение, и Святейший Синод, указом от 4 июля 1866 года, уважил и разрешил ходатайство Ярославского архипастыря. С тех пор икона эта носится ежегодно в Ярославль, встречаемая и провожаемая десятками тысяч жителей.

Глава XV

Живя на покое в Бабаевской обители, свободный от служебных обязанностей, Преосвященный Игнатий все свободные часы своего дня отдал пересмотру и пополнению своих аскетических сочинений. Труды по напечатанию их принял на себя поселившийся при нем родной брат его Петр Александрович. Между всеми изданными в это время сочинениями особенно замечательным является «Слово о Смерти», в первый раз напечатанное издателем журнала «Домашняя беседа» Аскоченским. Впоследствии составлено было Преосвященным Игнатием особое «Прибавление» к «Слову о Смерти»; это «Прибавление» вошло в издание «Аскетических опытов» в конце 2-го тома, а потом, вновь значительно пополненное автором, было издано вместе с «Словом о Смерти» отдельной книжкой по кончине его, в 1869 и 1880 годах.

Книгопродавец-издатель И. И. Глазунов, старинный знакомец владыки Игнатия, вошел с ним в соглашение о напечатании всех его сочинений, принимая издержки издания на себя, и тем ввел Преосвященного в усиленное занятие пересмотром, исправлением, пополнением и приведением в одно целое всех статей, писанных им в разное время в сане архимандрита, а потом и епископа. Таким образом составились первые два тома под названием «Аскетические опыты», изданные в 1864 году; последние два: «Аскетическая проповедь» и «Приношение современному монашеству», состоящее в советах наружного поведения и духовного делания, напечатанные в 1867 году, перед самой кончиной Владыки. Пятый том, под заглавием «Отечник», содержащий изречения святых Отцов и повести из жизни их, издан также Глазуновым уже по кончине составителя. В предисловии 1-го тома автор объясняет причины, побудившие его к изданию своих сочинений; именно: он признает себя обязанным дать христианскому обществу отчет в соглядании им земли обетованной, точащей духовные блага, какой является иноческая жизнь, проводимая по учению и преданию Восточной Церкви и созерцаемая в живых представителях ее. В этом предисловии говорится, что разнообразные статьи «Аскетических опытов» были составляемы по поводу возникавших вопросов в обществе иноков и боголюбивых мирян, находившихся в духовном общении с автором. Все они, в целом составе, изображают православный христианский подвиг в его порядке, постепенности; остерегают подвижника от увлечений и заблуждений, от несвоевременного

стремления к высоким духовным состояниям; научают полагать прочное основание на делании евангельских заповедей, на покаянии и покаянном плаче.

Здесь весьма уместно привести слова самого Преосвященного Игнатия, не раз в откровенных беседах повторенные им брату его, Петру Александровичу, — что он ни о каком духовном делании не говорил, а тем более не писал, не проверив своим собственным опытом того учения или делания и его последствий, которые он передавал слушателю или читателю, указывая в то же время на Писание Священное и Отеческие, говорившие о том же предмете, — что, впрочем, ясно усматривается и из самих творений его.

Глава XVI

Задолго до кончины своей Преосвященный Игнатий стал готовиться к ней и в разговорах своих часто касался распоряжений на случай смерти. За пять лет (в 1862 году) он сделал духовное завещание, засвидетельствованное 20 июля 1863 года в Костромской палате гражданского суда, коим все свои сочинения передавал в собственность и распоряжение брата своего Петра Александровича Брянчанинова. В августе 1864 года он говорил своему брату: «Матушка наша была так же больна предсмертно, как и я; все на ногах, и аппетит был порядочный; а пришло время — в три дня болезнь покончила все дело. Прошу, когда я буду умирать, не вздумайте посылать за доктором, дайте мне умереть христианином, — не подымайте суматохи. О кончине моей родных не уведомлять и к похоронам их не ожидать, а, предав земле, тогда уведомите... Я тебе говорю вперед, чтоб ты знал и чтоб об этом в час болезни предсмертной не забыть и не заботиться. О том, как и где похоронить меня, ничего не говорю и не завещаю потому, что не желаю связывать действий ближних, за пределами моей жизни, и притом в том, что никогда почти не исполняется».

Наступил 1866 год, — печатались 3-й и 4-й тома творений Преосвященного Игнатия, его «Аскетическая проповедь» и «Приношение современному монашеству», или «Советы»; между тем физические силы его самого видимо упадали, так что приезжавшие из Петербурга для посещения его духовные дети поражались той переменой, какая представилась им при виде духовного отца, изнуренного болезнью и преждевременной дряхлостью. Несмотря, однако же, на такое падение физических сил, душевная бодрость не

оставляла его. «Не бойтесь, — писал он одному из своих духовных чад, занимавшемуся корректурой издаваемых его сочинений, — я не умру до тех пор, пока не кончу дела своего служения человечеству и не передам ему слов истины, хотя, действительно, так ослабел и изнемог в телесных силах, как это вам кажется».

14 августа 1866 года посетили Николо-Бабаевскую обитель Их Императорские Высочества Государь Наследник Александр Александрович и Великий Князь Владимир Александрович. Владыка, поднося Цесаревичу святую икону Благоверного Князя Александра Невского, встретил его следующей речью: «Всемогущий Бог, в трудные времена России осенивший небесным благословением и небесною помощию Благоверного Великого Князя Александра Невского, да осенит этим благословением и этою помощию и Ваше Императорское Высочество в предстоящем Вам великом служении Богу и человечеству». Потом, вручая Владимиру Александровичу икону Святого равноапостольного Князя Владимира, сказал: «Ваше Императорское Высочество! В древности два Великих Князя — Равноапостольный и Мономах — носили имя Владимира. Благочестием, мудростию, мужеством ознаменовалась жизнь их. И ныне Великий Князь, носящий имя, вожделенное для России, да возрадует Россию этими качествами, столько благодетельными для народов, когда народы озаряются ими из святилища — из Царственного Дома». Келейная беседа Владыки с Высокими посетителями касалась монастырей. «Монастыри — лечебницы, — говорил Преосвященный, — это приют для людей, которые, сознав бессилие свое сохранить себя, душу свою, живя в мире, идут в это убежище и приносят в него свои понимания, свои привычки, свои пороки, свои страсти, развитые тем образованием, которое они получили в мире, — поэтому нравственное состояние монастырей находится в совершенной зависимости от нравственного настроения народа. Народ развращается, развращаются и монастыри. В них много вкралось предосудительного, много дурного; но, при всем том, они сохраняют характер свой — убежища желающим сохраниться от конечной погибели; они — больницы для душ безнадежно больных, они — приют верности Церкви Православной и престолу. Извольте, Ваше Высочество, обратить внимание на то обстоятельство, что нет другого сословия, кроме монашеского, в котором не было бы ковов на измену престолу. Монашество и монастыри потому особенно гонимы партиями злонамеренными, что они преданы вере и престолу

и поддерживают эти чувства в тех, которые сближаются с ними и подчиняются их духовному направлению. Одною ногою я уже стою в могиле и для себя ничего не ищу, мне нечего искать, а докладываю Вашему Высочеству сущую истину ради истины; умоляю, Ваше Высочество, поддерживайте монастыри по тому благу, которое приносит их существование». Их Высочества обошлись весьма благосклонно с Владыкой, утешили его своим вниманием к словам его. Посещение их оставило самое приятное впечатление в Преосвященном, он называл его своим окружающим «зрением восходящих светил».

Глава XVII

Зиму с 1866 на 1867 год Преосвященный Игнатий провел в заботах о приготовлении к печати избранных им изречений и повестей из жизни святых иноков, из которых составился 6-й том его творений, изданный уже по кончине его под наименованием «Отечник». С тем вместе он не оставлял продолжать и другие, частью начатые, частью пополняемые им, прежденаписанные статьи. В эту зиму он написал статьи «О терпении скорбей», «Об отношениях человека к страстям его», значительно пополнил «Разговор старца с учеником его о молитве Иисусовой».

Дни шли за днями, ничто внешне не изменялось. Окружающие привыкли видеть Преосвященного постоянно болящим, слабым в силах, но притом постоянно одетым, постоянно занятым работой за письменным столом или в молитвенном подвиге, — и ничто конкретно не выражало близости кончины его; хотя он жаловался иногда на боль сердца, на болезнь ног и другие недуги, но все это проходило как явления временные и довольно обычные, не изменявшие нисколько порядка дневных занятий. Несмотря на разнообразные недуги, о которых сообщал он окружающим, — никто никогда не слыхал его болезненного стона. Он не раз говорил, что, заставляя себя не стонать в болезнях, он приучал себя претерпевать все находящее, а по обычаю Афонских подвижников, не раздеваясь ни днем ни ночью, до самого часа кончины, он как бы скрыл от окружающих этим внешним порядком жизни и самую опасность своего положения.

16 апреля 1867 года, в день Светлого Христова Воскресенья, совершив Литургию, Преосвященный так утомился, что с трудом довели его до келлии. Нужен был ему получасовой отдых,

чтобы собраться с силами принять пищу. В этот же день объявил он окружающим, чтобы после вечерни никто его не беспокоил, ибо с этого часа дня он никого принимать не будет, объявив причиной этого распоряжения «необходимость свою готовиться к смерти».

На другой день, 17-го числа, день рождения Государя Императора Александра Николаевича, Преосвященный стоял Литургию в алтаре, но выходил служить благодарственный молебен, причем читал окончательную благодарственную молитву с таким сильным, глубоко благодатным выражением, что обратил общее внимание на это обстоятельство. Кто мог полагать, что это был последний выход Святителя из его келлий, — возвратившись в которые он уже более не выходил, хотя обычная жизнь его в трудах, в подвиге, в болезнях потекла неизменно обычной чредой.

21 апреля получены были присланные из Петербурга, только что вышедшие из печати 3-й и 4-й тома его творений. Преосвященный перекрестился и, дав славу Богу, не развернув, не посмотрев книг, приказал оставить их до приезда из Петербурга брата его Петра Александровича. Равнодушие это было совершенно противоположно заботливому и от природы деятельному характеру и прежнему вниманию Преосвященного к изданию его творений, на что он смотрел как на обязательное исполнение долга своего. Нельзя не заметить при этом, что так как приезд его брата был обстоятельством совершенно неопределенным, то помянутым распоряжением Преосвященный совершенно устранял себя от дела, которое в естественном порядке было ему, как пастыреначальнику и автору, ближайшим из всех его земных дел. Около этого времени, объясняя архимандриту Иустину свое духовное состояние, он передавал ему, что потерял всякое сочувствие ко всему земному, потерял даже внимание ко вкусу пищи, причем прибавил: «Я недолго потяну». Любимому своему келейнику Василию Павлову[1] он неоднократно повторял, что очень полезно просить Господа об извещении дня кончины. «Очень хорошо, — говорил он, — если кого Господь известит о приближающейся кончине, только эти извещения бывают почти всегда не точно определяемы, ради того, чтобы человек пребывал в непрестанном страхе. Святитель Тихон молил Господа: “Скажи мне, Господи, когда я умру?” — Ему и сказано было: “В день недельный”, — но не сказано, в какой именно. Значит — и готовься на каждое воскресенье».

[1] Впоследствии иеромонах Александро-Невской Лавры.

23 апреля, день воскресный, недели святого апостола Фомы, Преосвященный пролежал весь день на кровати по причине общего нездоровья. На другой день, в понедельник, он писал настоятелю Николо-Угрешского монастыря Московской епархии архимандриту Пимену, что он так слаб, что ждет смерти, — и далее говорит: «Вчера (в воскресенье) весь день пролежал, ждал смерти, а сегодня опять брожу».

Еще в Страстную седмицу Владыка сказывал, что у него был маленький удар, но так как он не оставил никаких следов болезненности, то обстоятельство это не возбудило никаких серьезных опасений. 25 апреля удар повторился. Архимандрит Иустин просил благословения послать за доктором, но Преосвященный с твердостью, в мирном и покойном настроении духа, сказал решительно: «Не надо! — повторил несколько раз. — Мне так легко — хорошо!»

27-го, в четверг, Преосвященный просил одного из присных своих, иеромонаха Каллиста, потереть его сосновым маслом; по окончании натирания он просил прощения у Каллиста и сказал, что принял от него эту услугу в последний раз. На вопрос иеромонаха: «Разве ему не нравится масло?» — отвечал: «Нет, но дни мои сочтены».

28-го, в пятницу, после обеда, Преосвященный по обычаю лег отдыхать, но вскоре встал, приказал подать чаю. Келейник Василий, заметив необыкновенную красноту лица, спросил о причине. Владыка объяснил это следствием слабого удара, который хотя не произвел никакого особого повреждения, но он вообще чувствует себя настолько нехорошо, что ожидает смерти. При этих словах, поразивших юношу скорбью и ужасом, первая мысль его выразилась вопросом: «Как мне жить без вас, Владыко, — ведь нынче очень трудно?» — Владыко ответил: «Да, батюшка, очень, очень трудно, так трудно, что ты себе и представить не можешь; и я думал о тебе и предал, как себя, так и тебя, воле Божией». — Когда пришел к нему старший келейник, заведовавший хозяйством его келейным, иеродиакон Никандр, и предложил послать за доктором, то Владыка отверг это предложение. Прежде он говорил не раз окружающим: «Когда я буду умирать, не посылайте за доктором, дайте мне умереть, как следует христианину — во внимании, не смущая и не рассеивая меня вашей тревогой». Архимандрит Иустин сказывает, что еще в начале прошлой зимы, по поводу разговора о лице, подвергшемся параличному удару, Владыка сказал: «И я умру ударом».

Архимандрит начал было возражать, говоря, что при его телосложении, худобе и образе жизни это невероятно, но Владыка, кратко подтвердив свои слова, переменил разговор. — К вечеру в пятницу Владыка успокоился и приказал на субботу приготовить ванну, но, встав поутру довольно бодрым, говорил, что ему лучше, и прибавив: «А вчера чуть не умер», — отменил распоряжение о ванне, сказав: «Уж не нужно».

В эти последние дни жизни своей Преосвященный был воодушевлен ко всем необыкновенной милостью, как бы растворенной жалостью. Эта милость и с ней неземная радость сияли на лице болящего. В один из этих последних дней Владыка, прощаясь с келейником своим, ответил на его поклон и прощание благоговейным поклоном до земли, сказав: «Ты меня, батюшка, прости». Полный благолепного смирения вид старца тронул келейника до слез. — В эти дни не раз говорил ему Владыка, что «ему трудно низводить ум к земным занятиям», и, уклоняясь от общения со всеми, он, видимо, уже не жил на земле.

30 апреля, в воскресенье, недели Жен Мироносиц, к 7 часам утра, келейник Василий, войдя в спальную[1] Преосвященного, нашел орлец[2] неубранным пред иконами, что случалось очень редко — большей частью Преосвященный, всегда употреблявший его при келейном правиле, сам убирал его. Умывшись, он, по обычаю, выпил Богоявленской воды и вышел в столовую комнату пить чай, приказав Василию скорее убрать спальную. Выпив две чашки чаю, он поспешил в свою внутреннюю келлию. В исходе 8-го часа, перед самым благовестом к поздней Литургии, Василий, войдя к нему с обычной молитвой, нашел его лежащим на кровати на левом боку, лицом к стене. Видя, что Владыка, всегда очень чуткий, не обращает внимания на вход его, келейник сначала приписал это особенно углубленному молитвенному деланию, что иногда с ним случалось. Постояв несколько, Василий повторил молитву, но — ответа не было. Вглядываясь пристальнее, он заметил, что рука Владыки покрыта смертной бледностью; подошел ближе и убедился, что Владыка уже скончался. Голова его, лежавшая на подушке, была несколько наклонена вперед, ладонь левой руки воздета кверху, как бы в молитве, правая рука, опущенная вдоль тела на кровать к стороне стены, лежала

---

[1] Владыка занимал всего две комнаты: приемную, она же и столовая, и кабинет, она же и спальная. ‖ [2] *Орлец* — коврик круглой формы, с вышитым на нем орлом, полагаемый под ноги епископам при богослужении и молитве.

близ раскрытого Канонника. Вообще благообразное положение тела было причиной, что келейник не мог скоро решиться признать его уже отшедшим в вечность. Смерть, придя к Святителю Христову, нашла ум его занятым молитвословием; начав оное на земле, он был призван к бесконечному славословию Бога — на Небо.

Давно готовился и ждал епископ Игнатий прихода смерти, вооруженный непрестанной молитвой именем Господа Христа Иисуса, и смерть, побежденная Христом, почтила жизнь во Христе, придя к рабу Христову сообразно с выраженным им его желанием в тишине уединения, в час молитвы, при внимании, углубленном в молитвословие, — избрала даже то положение телу, которое не нарушило бы благостояния отходившего Святителя, посвятившего всю жизнь свою духовным деланиям, заповеданным Господом: покаянию и плачу. Шедший этим путем не мог не придти к блаженствам, обетованным Евангелием за эти добродетели.

Лицо почившего Епископа, по перенесении тела на стол, сияло радостью светлой, неземной. На левом виске заметна была синяя жилка, спускавшаяся около уха по щеке полоской красноватого цвета, — вероятно, след пути, которым смерть вошла в тело.

Беседуя с одним из близких ему учеников о заповедях евангельских, сказал Святитель Игнатий: «Всякая явная добродетель — не моя добродетель, по учению Самого Господа, заповедовавшего всякое евангельское добро делать втайне». И точно, все величие всежизненного подвига его, в его неописанном объеме, осталось тайной его душевной клети, исповеданной и открытой, насколько то возможно было, в его сочинениях, но в полноте своей ведомой единому Богу. Этой таинственностью, отличительной чертой всей земной деятельности своей, по точному смыслу евангельских заповедей, запечатлел Преосвященный Игнатий и свой конечный, предсмертный подвиг. Сближая его поведание келейнику об извещении свыше Святителя Тихона о дне его кончины «в день недельный» с письмом Преосвященного к архимандриту Пимену, что он все Фомино воскресенье пролежал, ожидая смерти, и наконец, в день кончины (воскресенье), приказание его келейнику поспешить скорейшей уборкой его спальни, наводят на мысль, что и ему был открыт день его кончины и определен, подобно как и Святителю Тихону, «днем недельным».

Для утешения нам, осиротевшим духовным чадам своим, Владыка оставил определительное указание о земном пути своем, о том, куда стремился он жизнью, и куда — веруем — достиг. «Взят я, — говорит он в предисловии к 4-му тому сочинений своих, — восхищен с широкого пути, ведущего к вечной смерти, и поставлен на путь тесный и прискорбный, ведущий в живот. Путь тесный имеет самое глубокое значение: подъемлет с земли, выводит из омрачения суетою, возводит на Небо, возводит в рай, возводит к Богу, поставляет перед Лице Его в незаходимый свет, для вечного блаженства».

Замечательно, что в этот же праздник, воскресенье недели Жен Мироносиц, скончался и преподобный Нил Сорский, известный делатель умной молитвы; это сходство дней кончины как бы подтверждает замечаемое сходство внутреннего подвига нашего современного скитянина, как по нраву, так и по плодам их, с основателем в древности скитского жительства в России. Все это, конечно, может быть знаменательным не для всех: но те, которые ведают молитвенное подвижничество Святителя из личного с ним сопребывания или пользуются его писаниями, не могут не слагать этого в сердце в созидание священной для них памяти о своем духовном отце и наставнике.

Трое суток стояло тело епископа Игнатия в кельях его, неизменно сохраняя светлое выражение лица, затем оно было перенесено в соборную монастырскую церковь Святителя Николая. По миновании шести суток, 5 мая, в пятницу, совершена была заупокойная Литургия и отпевание Преосвященным Ионафаном, епископом Кинешемским, викарным Костромским. По его распоряжению отпевание совершалось по чину служения пасхального; по окончании отпевания он произнес надгробное слово и простился с почившим, за ним прощалось духовенство, сослужащие, монастырское братство и все присутствовавшие, во главе их — начальник Костромской губернии Т. С. Дорогобужинов. Затем тело в открытом гробе было обнесено с крестным ходом кругом церкви Святителя Николая и внесено в больничную монастырскую церковь Святителя Иоанна Златоустого и преподобного Сергия Радонежского, где после обычной литии закрыли крышу, и гроб был опущен в склеп за левым клиросом.

По общему отзыву, отпевание усопшего произвело на всех впечатление скорее церковного торжества, чем печального обряда. Ученики Владыки припоминали его слова: «Можно узнать, —

говорил он, — что почивший под милостию Божией, если при погребении тела его печаль окружающих растворена какою-то непостижимою отрадою».

Хотя все предшествовавшие погребению дни собрание народа было довольно значительно, но в день погребения, несмотря на разлив Волги, затруднявший переправу в монастырь заречным жителям, стечение народа было до 5 тысяч человек.

Блажени, яже избрал и приял еси, Господи!
Память их в род и род!

СВЯТИТЕЛЬ
ИГНАТИЙ
БРЯНЧАНИНОВ

АСКЕТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ

Часть I

Предисловие

Читатель, знакомый с Преданием Православной Восточной Церкви, легко усмотрит, что в предлагаемых его вниманию Опытах изложено учение святых Отцов о науке из наук[1], о монашестве, — учение, примененное к требованиям современности. Главная черта, которою отличается деятельность древнего монашества от деятельности новейшего, заключается в том, что монашествующие первых веков христианства были руководимы Боговдохновенными наставниками, а ныне — замечает преподобный Нил Сорский согласно с другими позднейшими Отцами — монашествующие должны наиболее руководиться Священным Писанием и писаниями Отеческими, по причине крайнего оскудения живых сосудов Божественной благодати. Объяснение этого направления и необходимости в нем составляет основную мысль Опытов на всем их пространстве.

Статьи, из которых состоит моя книга, написаны в разные времена, по разным причинам, преимущественно по поводу возникавших аскетических вопросов в обществе иноков и боголюбивых мирян, находившихся в духовном сношении со мною. Оканчивая земное странствование, я счел долгом моим пересмотреть, исправить, пополнить, собрать воедино и издать печатно все статьи, написанные мною в сане архимандрита[2]. Счел я долгом моим сделать это по двум причинам: во-первых, по той, что многие статьи распространились в рукописях с большими или меньшими

---

[1] Преподобный Кассиан Римлянин. Слово о Скитских Отцах и о рассуждении. Добротолюбие. Ч. 4. || [2] Святой Иоанн Дамаскин, к концу своей жизни уединившись в лавре преподобного Саввы, собрал все написанное им в течение жизни, тщательно пересмотрел и исправил, чтоб доставить сочинениям своим наибольшую отчетливость. Так поступил муж, исполненный Божественной благодати; тем более оказался обязательным этот образ действования для составителя «Аскетических опытов». Четьи-Минеи, 4 декабря. Житие святого Иоанна Дамаскина.

погрешностями; во-вторых, по той, что признаю себя обязанным представить христианскому обществу отчет по согляданию мною земли обетованной, точащей духовные дары и блага, — по согляданию монашеской жизни, какою она является в святом Предании Православной Восточной Церкви и какою Промысл Божий привел созерцать ее в некоторых живых представителях ее.

Затем остается мне просить у читателей снисхождения к моему скудоумию и молитв об убогой душе моей.

Епископ Игнатий.

1865 год.

О последовании Господу нашему Иисусу Христу

Аще кто Мне служит, Мне да последствует[1], сказал Господь. Каждый христианин обетами, произнесенными при Святом Крещении, принял на себя обязанность быть рабом и служителем Господа Иисуса Христа: последовать Господу Иисусу Христу непременно должен каждый христианин.

Назвав Себя Пастырем овец, Господь сказал, что *овцы глас* этого Пастыря *слышат, и овцы по Нем идут, яко ведят глас Его*[2]. Глас Христов — учение Его; глас Христов — Евангелие; шествие вослед Христа по пути земного странствования — деятельность, всецело направлённая по заповедям Его.

Чтобы последовать Христу, надо ведать глас Его. Изучи Евангелие и возможешь жизнию твоею последовать Христу.

Кто, родившись по плоти, *внидет* в *пакибытие*[3] при посредстве Святого Крещения и сохранит состояние, доставляемое Крещением, при посредстве жительства по Евангелию, тот *спасется*. Он *внидет* в богоугодное поприще земной жизни духовным рождением, и *изыдет* из этого поприща блаженной кончиной, и в вечности вечную, обильнейшую, сладостнейшую духовную *пажить обрящет*[4].

Кто Мне служит, Мне да последствует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет: и аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой[5]. Где находился Господь, когда Он произнес эти слова? Человечеством, соединенным с Божеством, Он находился посреди человеков, на земле, в юдоли их изгнания и страданий, пребывая Божеством

---

[1] *Кто Мне служит, Мне да последует* (Ин. 12. 26). ‖ [2] *...овцы слушаются голоса Его... овцы за Ним идут, потому что знают голос Его* (Ин. 10. 3–4). ‖ [3] ...возрождение (Тит. 3. 5). ‖ [4] *...пажить найдет* (Ин. 10. 9). ‖ [5] *Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почтит Отец Мой* (Ин. 12. 26).

и там, где находился от безначального начала. *Слово бе к Богу*[1] и в Боге. Это Слово возвестило о Себе: *во Мне Отец, и Аз в Нем*[2]. Туда достигает и последователь Христов: *иже аще исповесть* устами, сердцем и делами, *яко Иисус есть Сын Божий, Бог в Нем пребывает, и Той в Бозе*[3].

Аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой: побеждающему мир и грех, последующему Мне в земной жизни, *дам* в вечной жизни *сести со Мною на Престоле Моем, якоже и Аз победих и седох со Отцем Моим на Престоле Его*[4].

Отречение от мира предшествует последованию за Христом. Второе не имеет места в душе, если не совершится в ней предварительно первое. *Иже хощет,* сказал Господь, *по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю*[5]. *Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и матерь, и жену и чад, и братию и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик. И иже не носит креста своего и в след Мене грядет, не может Мой быти ученик*[6].

Многие приступают к Господу, — немногие решаются последовать Ему. Многие читают Евангелие, услаждаются, восхищаются высотою и святостию учения его, — немногие решаются направить поведение свое по правилам, которые законополагает Евангелие. Господь всем приступающим к Нему и желающим усвоиться Ему объявляет: *Аще кто грядет ко Мне,* и не отречется от мира и от себя, *не может Мой быти ученик.*

Жёстоко есть слово сие, говорили об учении Спасителя даже такие человеки, которые по наружности были последователями Его и считались учениками Его: *кто может Его послушати?*[7] Так судит о слове Божием плотское мудрование из бедственного

---

[1] *Слово было у Бога* (Ин. 1. 1). ‖ [2] *Отец во Мне и Я в Нем* (Ин. 10. 38). ‖ [3] *Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге* (1 Ин. 4. 15). ‖ [4] *Побеждающему дам сесть со Мною на Престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцом Моим на Престоле Его* (Откр. 3. 21). ‖ [5] *Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк. 8. 34–35). ‖ [6] *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником; и кто не несет креста своего и не идет за Мною, не может быть Моим учеником* (Лк. 14. 26–27). ‖ [7] *Какие странные слова! Кто может это слушать?* (Ин. 6. 60).

настроения своего. Слово Божие — *жизнь*[1], жизнь вечная, жизнь существенная. Этим словом умерщвляется *плотское мудрование*[2], родившееся из вечной смерти, поддерживающее в человеках вечную смерть: слово Божие, для погубляемых плотским мудрованием и произволяющих погибнуть от него, *юродство есть*. Оно *спасаемых сила Божия есть*[3].

Грех столько усвоился нам при посредстве падения, что все свойства, все движения души пропитаны им. Отвержение греха, сроднившегося душе, соделалось отвержением души. Такое отвержение души необходимо для спасения души. Отвержение естества, оскверненного грехом, необходимо для усвоения естества, обновленного Христом. Выкидывают из сосуда всю пищу, когда она отравлена ядом; сосуд тщательно вымывают, потом уже влагают в него пищу, долженствующую поступить в употребление. Пища, отравленная ядом, по всей справедливости и сама называется ядом.

Чтоб последовать Христу, предварительно отречемся от своего разума и от своей воли. И разум и воля падшего естества вполне повреждены грехом; они никак не примирятся с разумом и волею Божиими. Соделывается способным к усвоению себе разума Божия тот, кто отвергнет свой разум; соделывается способным к исполнению воли Божией тот, кто отречется от исполнения своей воли.

Чтоб последовать Христу, *возмем крест свой*. Взятием креста своего названа добровольная, благоговейная покорность суду Божию при всех скорбях, посылаемых и попускаемых Промыслом Божиим. Ропот и негодование при скорбях и напастях есть отречение от креста. Последовать Христу может только *взявший крест свой: покорный воле Божией, смиренно признающий себя достойным суда, осуждения, наказания*.

Господь, заповедавший нам самоотвержение, отречение от мира и ношение креста, дает нам силу исполнять заповедание Его. Решившийся на исполнение этого заповедания и старающийся исполнять его немедленно усматривает необходимость его. Учение, представлявшееся жестоким при поверхностном и ошибочном взгляде из плотского мудрования, является самым разумным, преисполненным благости: оно воззывает погибших к спасению, убитых — к жизни, погребенных во аде — на небо.

[1] Ин. 6. 63. ‖ [2] *Плотские помышления* (Рим. 8. 6). ‖ [3] *...для нас, спасаемых, — сила Божия* (1 Кор. 1. 18).

Нерешающиеся на произвольное отречение от себя и от мира насильно вынуждаются совершить то и другое. Когда придет неумолимая и неотразимая смерть, тогда они расстаются со всем, к чему были привязаны; самоотвержение простирают до того, что скидывают с себя самое тело свое, повергают его, оставляют на земле в снедь червям и тлению.

Самолюбие и привязанность к временному и суетному — плоды самообольщения, ослепления, душевной смерти. Самолюбие есть извращенная любовь к себе. Безумна и пагубна эта любовь. Самолюбивый, пристрастный к суетному и преходящему, к греховным наслаждениям — враг самому себе. Он — самоубийца: думая любить себя и угождать себе, он ненавидит и губит себя, убивает себя вечною смертию.

Осмотримся, развлеченные, отуманенные, обманутые суетою! Опомнимся, упоенные суетою, лишенные ею правильного самовоззрения! справимся с опытами, которые непрестанно совершаются пред очами нашими. Совершающееся пред нами непременно совершится и над нами.

Тот, кто употребил всю жизнь на снискание почестей, взял ли их с собою в вечность? не покинул ли здесь громкие титулы, знаки отличия, весь блеск, которым он окружал себя? не пошел ли в вечность единственно человек с делами его, с усвоенными качествами во время земной жизни?

Тот, кто употребил жизнь на снискание богатства, кто накопил множество денег, приобрел обширные пространства земли в свое владение, устроил различные учреждения, дающие обильный доход, жил в чертогах, сияющих золотом и мрамором, разъезжал на великолепных колесницах и конях, — взял ли это в вечность? Нет! он оставил все на земле, удовлетворившись для последней потребности тела малейшим участком земли, в котором одинаково нуждаются, которым одинаково удовлетворяются все мертвецы.

Кто занимался в течение земной жизни плотскими увеселениями и наслаждениями, проводил время с друзьями в играх и других забавах, пировал за роскошною трапезою, — устраняется наконец самой необходимостию от привычного рода жизни. Наступает время старости, болезненности, а за ними час разлучения души с телом. Тогда узнается, но поздно, что служение прихотям и страстям — самообольщение, что жизнь для плоти и греха — жизнь без смысла.

Стремление к земному преуспеянию — какое странное, какое чудовищное! Оно ищет с исступлением. Едва найдет,

как найденное лишается цены, и искательство возбуждается с новою силою. Ничем настоящим оно не довольно: оно живет одним будущим, оно жаждет только того, чего не имеет. Предметы желания приманивают к себе сердце искателя мечтою и надеждою удовлетворения: обманутый, постоянно обманываемый, он гоняется за ними на всем поприще земной жизни, доколе не восхитит его нежданная смерть. Как и чем объяснить это искательство, поступающее со всеми подобно бесчеловечному предателю и всеми владеющее, увлекающее всех? — В душах наших насаждено стремление к бесконечным благам. Но мы пали, и ослепленное падением сердце ищет во времени и на земле того, что существует в вечности и на небе.

Участь, постигшая отцов и братий моих, постигнет и меня. Умерли они; умру и я. Оставлю келлию мою, оставлю в ней и книги мои, и одежды мои, и письменный стол мой, за которым проводил я многие часы; оставлю все, в чем нуждался или думал нуждаться во время земной жизни. Вынесут мое тело из этих келлий, в которых живу как бы в преддверии к другой жизни и стране; вынесут мое тело и предадут земле, послужившей началом для тела человеческого. Точно то же постигнет и вас, братия, которые читаете эти строки. Умрете и вы: оставите на земле все земное; одними душами вашими вступите в вечность.

Душа человека стяжавает качества, соответственные своей деятельности. Как в зеркале изображаются предметы, против которых оно будет поставлено, так и душа запечатлевается впечатлениями соответственно своим занятиям и делам, соответственно своей обстановке. В зеркале бесчувственном образы исчезают при удалении предметов от зеркала; в словесной душе впечатления остаются. Они могут быть изглаждаемы и заменяемы другими, но для этого требуется и труд и время. Впечатления, составляющие достояние души в час смерти ее, остаются достоянием ее навеки, служат залогом или ее вечного блаженства, или ее вечного бедствия.

Не можете Богу работати и мамоне[1], сказал Спаситель падшим человекам, обнаружив пред человеками то состояние, в которое они приведены падением. Так врач поведает больному состояние, в которое он приведен болезнию и которого сам больной понять не может. По причине душевного расстройства нашего нам необходимо для спасения благовременное самоотвержение и отречение от мира. *Никтоже может двема господинома работати: либо*

[1] *Не можете служить Богу и богатству* (Мф. 6. 24).

единаго возлюбит, а другаго возненавидит: или единаго держится, о друзем же нерадити начнет[1].

Опыты постоянно утверждают справедливость того воззрения на нравственную болезненность человеков, которое выразил всесвятой Врач в приведенных нами словах, сказанных с решительною определенностию: за удовлетворением суетных и греховных пожеланий всегда следует увлечение ими; за увлечением следует плен, умерщвление для всего духовного. Допустившие себе последование своим пожеланиям и плотскому мудрованию увлеклись ими, поработились им, забыли Бога и вечность, истратили земную жизнь напрасно, погибли погибелию вечною.

Нет возможности исполнять вместе волю свою и волю Божию: от исполнения первой исполнение второй оскверняется, соделывается непотребным. Так благовонное, драгоценное миро утрачивает достоинство свое от ничтожной примеси смрада. Тогда только, возвещает Бог через великого Пророка, *благая земли снесте*, когда произвольно *послушаете Мене. Аще же не хощете, ниже послушаете Мене, меч вы пояст: уста бо Господня глаголаша сия*[2].

Нет возможности стяжать разум Божий, пребывая в плотском мудровании. *Мудрование плотское,* сказал Апостол, *смерть есть. Мудрование плотское — вражда на Бога: закону бо Божию не покаряется, ниже бо может*[3]. Что такое плотское мудрование? — Образ мыслей, возникший из состояния, в которое приведены человеки падением, направляющий их действовать на земле, как бы они были вечны на ней, возвеличивающий все тленное и временное, уничижающий Бога и все относящееся к богоугождению, отъемлющий у человеков спасение.

Отречемся от душ наших, по завещанию Спасителя, чтобы приобрести души наши! Отречемся произвольно от порочного состояния, в которое они приведены произвольным отречением от Бога, чтобы получить от Бога святое состояние обновленного человеческого естества вочеловечившимся Богом! Волю свою и волю демонов, которой подчинилась и с которою слилась наша воля, заменим волею Божиею, объявленною нам в Евангелии; мудрование плотское, общее падшим духам и человекам, заменим разумом Божиим, сияющим из Евангелия.

---

[1] *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть* (Мф. 6. 24). ‖ [2] *...будете вкушать блага земли, если послушаетесь... если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят* (Ис. 1. 19–20). ‖ [3] *Помышления плотские суть смерть... Плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут* (Рим. 8. 6–7).

Отречемся от имения нашего, чтобы стяжать способность последовать Господу нашему Иисусу Христу! Отречение от имения совершается на основании правильного понятия о нем. Правильное понятие о вещественном имуществе доставляется Евангелием[1]; когда же оно доставится, тогда разум человеческий невольно сознает всю правильность его. Земное имущество не есть наша собственность, как ошибочно думают никогда не думавшие об этом предмете: иначе оно всегда было бы и навсегда пребыло бы нашим. Оно переходит из рук в руки и тем само о себе свидетельствует, что дается лишь на подержание. Богу принадлежит имущество; человек бывает только срочным распорядителем имущества. Верный распорядитель с точностию исполняет волю доверившего ему распоряжение. И мы, управляя врученным на срок вещественным достоянием, потщимся управлять им по воле Божией. Не употребим его в средство удовлетворения нашим прихотям и страстям, в средство нашей вечной погибели: употребим в пользу человечества, так много нуждающегося, столько страдающего, употребим его в средство спасения нашего. Желающие христианского совершенства вполне оставляют земное стяжание[2]; желающие спастись должны подавать возможную им милостыню[3] и воздержаться от злоупотребления стяжанием.

Отречемся от славолюбия и честолюбия! Не будем гоняться за почестями и санами, употреблять к снисканию их способы непозволительные и унизительные, сопряженные с попранием Закона Божия, совести, блага ближних. Такие способы наиболее употребляются для приобретения земного величия искателями его. Зараженный и увлекаемый тщеславием ненасытный искатель человеческой славы неспособен к вере во Христа: *Како вы можете веровати,* сказал Христос современным Ему честолюбцам, *славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единаго Бога, не ищете?*[4] Если Промысл Божий предоставил нам земное могущество и власть, то соделаемся при посредстве их благодетелями человечества. Отвергнем лютый яд, столько опасный для духа человеческого: глупый и презренный эгоизм, претворяющий человеков, зараженных им, в зверей и демонов, соделывающий этих человеков бичами человечества, злодеями самим себе.

---

[1] Лк. 16. 1–31. ‖ [2] Мф. 19. 16–30. ‖ [3] *Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11. 41). ‖ [4] *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?* (Ин. 5. 44).

Возлюбим превыше всего волю Божию; предпочтем ее всему; все, противное ей, возненавидим ненавистию благочестивою и богоугодною. Когда восстанет поврежденное грехом естество наше против евангельского учения, выразим ненависть к естеству отвержением пожеланий и требований естества. Выражение ненависти чем будет решительнее, тем решительнее будет победа над грехом и над естеством, которым обладает грех, тем духовное преуспеяние наше будет быстрее и прочнее.

Когда люди, близкие к нам по плоти, вознамерятся отвлечь нас от последования воле Божией, окажем к ним святую ненависть, подобную той, какую оказывают волкам агнцы, не претворяющиеся в волков и не защищающиеся от волков зубами[1]. Святая ненависть к ближним заключается в сохранении верности к Богу, в несоизволении порочной воле человеков, хотя бы эти человеки и были ближайшими родственниками, в великодушном терпении оскорблений, наносимых ими, в молитве о спасении их, — отнюдь не в злоречии и не в однородных злоречию действиях, которыми выражается ненависть естества падшего, ненависть богопротивная.

Не мните, сказал Спаситель, *яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дщерь на матерь свою, и невесту на свекровь свою*[2]. «*Приидох,* — объясняет святой Иоанн Лествичник приведенные слова Господа, — *разлучити* боголюбивых от миролюбцев; плотских от духовных; славолюбивых от смиренномудрых; угождается Бог разделением и разлучением, когда оно совершается ради любви к Нему»[3].

Пророк назвал землю местом *пришельствия своего*[4], а себя пришельцем и странником на ней: *преселник аз есмь у Тебе,* сказал он в молитве своей к Богу, *и пришлец, якоже вси отцы мои*[5]. Очевидная, осязательная истина! истина, забываемая человеками, несмотря на очевидность свою! Я — *пришлец* на земле: вошел я рождением, выйду смертью. Я — *преселник* на земле: переселен на нее из рая, где я осквернил и обезобразил себя грехом. Переселюсь и с земли, из этого срочного изгнания моего, в которое я помещен Богом моим, чтобы я одумался, очистился от греховности, снова соделался способным для жительства в рае. За упор-

---

[1] Мф. 10. 16. См. житие великомученицы Варвары. Четьи-Минеи, 4 декабря. ‖ [2] *Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее* (Мф. 10. 34–35). ‖ [3] Лествица. Слово 3. ‖ [4] Пс. 118. 54. ‖ [5] *...странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои* (Пс. 38. 13).

ную, окончательную неисправимость я должен низвергнуться навечно в темницы ада. Я — *странник* на земле: странствование начинаю с колыбели, оканчиваю гробом; странствую по возрастам от детства до старости, странствую по различным обстоятельствам и положениям земным. Я — *пришлец и странник, якоже вси отцы мои.* Отцы мои были пришельцами и странниками на земле: вступив на нее рождением, они удалились с лица ее смертию. Исключений не было: никто из человеков не остался навсегда на земле. Уйду и я. Уже начинаю отшествие, оскудевая в силах, подчиняясь старости. Уйду, уйду отсюда по непреложному закону и могущественному установлению Создателя и Бога моего.

Убедимся, что мы — странники на земле. Только из этого убеждения мы можем сделать рассчет и распоряжение безошибочные для земной жизни нашей; только из этого убеждения можем дать ей направление верное, употребить ее на приобретение блаженной вечности, не на пустое и суетное, не на погубление себя. Ослепило и ослепляет нас падение наше! И принуждены мы насильно, в течение долгого времени убеждать себя в яснейших истинах, не нуждающихся, по ясности своей, в убеждении.

Странник, когда остановится на пути, в страннолриимном доме, не обращает на этот дом особенного внимания. К чему внимание, когда он приютился в доме на кратчайшее время? Он довольствуется одним необходимым; старается не истратить денег, которые ему нужны на продолжение пути и на содержание в том великом городе, в который он шествует; недостатки и неудобства претерпевает великодушно, зная, что они — случайность, которой подвергаются все путешественники, что ненарушимое спокойствие ожидает его на том месте, куда он стремится. Не привязывается он сердцем ни к какому предмету в гостинице, как бы предмет ни казался привлекательным. Не теряет он времени для посторонних занятий: ему нужно оно для совершения многотрудного путешествия. Постоянно углублен он в размышление о великолепной царской столице, в которую направился, о тех значительных препятствиях, которые должно преодолеть, о средствах, могущих облегчить путешествие, о разбойничьих засадах, наветующих путь, о несчастной участи тех, которым не удалось совершить этот путь благополучно, о счастливейшем положении совершивших его с желанным успехом. Пробыв нужное время в гостинице, он благодарит хозяина ее за оказанное ему гостеприимство, и, уйдя, забывает о гостинице или помнит о ней поверхностно, потому что хладно было к ней сердце его.

Стяжем и мы такие отношения к земле. Не растратим безумно способностей души и тела; не принесем их в жертву суете и тлению. Охранимся от привязанности к временному и вещественному, чтобы она не воспрепятствовала нам приобрести вечное, небесное. Охранимся от удовлетворения наших неудовлетворимых и ненасытных прихотей, от удовлетворения которых развивается наше падение и достигает страшных размеров. Охранимся от излишеств, довольствуясь только существенно нужным. Устремим все внимание к ожидающей нас загробной жизни, не имеющей уже конца. Познаем Бога, заповедавшего нам познание Его и дарующего это познание Своим словом и Своею благодатию. Усвоимся Богу в течение земной жизни. Он предоставил нам теснейшее соединение с Собою и дал на совершение этого величайшего дела срок — земную жизнь. Нет другого времени, кроме времени, определяемого земною жизнию, в которое могло бы состояться чудное усвоение: если оно не совершится в это время, то не совершится никогда. Приобретем дружбу небожителей, святых Ангелов и почивших святых человеков, чтобы они приняли нас *в вечныя кровы*[1]. Стяжем познание духов падших, этих лютых и коварных врагов рода человеческого, чтобы избежать козней их и сожительства с ними в пламени адском. Светильником на жизненном пути нашем да будет слово Божие[2]. Прославим и возблагодарим Бога за обильные блага, которыми преисполнен, в удовлетворение потребностей наших, временный приют наш — земля. Чистотою ума проникнем в значение этих благ: они — слабые образы благ вечных. Вечные блага изображаются ими так слабо и недостаточно, как изображаются тению предметы, от которых она падает. Даруя нам земные блага, Бог таинственно вещает: «Человеки! временный приют ваш снабжен разнообразными, бесчисленными благами, пленяющими, восхищающими и взор и сердце, удовлетворяющими до преизбытка потребностям вашим: заключайте из этого о благах, которыми снабжено ваше вечное жилище. Поймите бесконечную, непостижимую благость Божию к вам и, почтив земные блага благочестивым разумением и созерцанием их, не поступите безрассудно: не поработите себя им, не погубите себя ими. Пользуясь ими сколько нужно и должно, всеми силами устремитесь к приобретению благ небесных».

---

[1] *...в вечные обители* (Лк. 16. 9). ‖ [2] *Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей* (ср.: Пс. 118. 105).

Устраним от себя все ложные учения и деятельность по ним: овцы Христовы *по чуждем* гласе *не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа*[1]. Ознакомимся определенно с гласом Христовым, чтобы немедленно узнать его, когда услышим, и немедленно последовать Его велению. Стяжав в духе сочувствие к этому гласу, мы стяжем в духе отчуждение от чуждого гласа, который издается плотским мудрованием в разнообразных звуках. Едва услышим чуждый глас — побежим, побежим от него, по свойству овец Христовых, спасающихся от чуждого гласа бегством — решительным невниманием ему. Внимание ему уже опасно; за вниманием вкрадывается обольщение, за обольщением — погибель. Падение праотцов наших началось с внимания праматери к чуждому гласу.

Наш Пастырь не только призывает нас гласом, но и руководствует Своим образом жизни: Он *пред* овцами Своими *ходит*[2]. Он заповедал нам отречение от мира, отречение от себя, взятие и ношение креста своего: Он и совершил все это перед взорами нашими. *Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его*[3]. Благоволил Он принять на Себя человечество, хотя от племени царского, но нисшедшего по положению своему в разряд простого народа. Рождение Его совершилось во время странствования Его Святейшей Матери, для Которой не нашлось места в домах человеческих. Рождение совершилось в вертепе, в котором помещался домашний скот; колыбелию для Новорожденного послужили ясли. Только что пронеслась весть о рождении, как составился и заговор об убийстве. Младенец уже преследуется! Младенец ищется на убиение! Младенец бежит чрез пустыни в Египет от разъяренного убийцы! Детство Свое Богочеловек проводил в повиновении родителям, нареченному отцу и естественной Матери, показывая пример смирения человекам, погибшим от гордости и производимого ею непослушания. Лета мужеские Господь посвятил проповеди Евангелия, странствуя из града в град, из веси в весь, не имея собственного приюта. Одежду Его составляли хитон и риза. В то время как Он возвещал человекам спасение и источал на них Божественные благодеяния, человеки возненавидели Его, задумали и не раз покушались убить Его. Наконец они казнили Его как уголовного преступника. Он попустил им совершить ужаснейшее злодеяние, которого жаждало их

---

[1] *За чужими же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса* (Ин. 10. 5). ‖ [2] *...идет перед ними* (Ин. 10. 4). ‖ [3] *Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его* (1 Пет. 2. 21).

сердце, потому что восхотел казнию Всесвятого избавить от клятвы и казни вечных преступный род человеческий. Страдальческой была земная жизнь Богочеловека; окончилась она страдальческою кончиною. Вслед за Господом прошли в блаженную вечность все святые, прошли путем тесным и прискорбным, отрицаясь от славы и наслаждений мира, обуздывая плотские пожелания подвигами, распиная дух на кресте Христовом, который составляют собой для падшего человеческого духа заповеди Евангелия, подвергаясь различным лишениям, гонимые духами злобными, гонимые своей братией — человеками. Последуем Христу и сонму святых, шествовавшему за Ним! Богочеловек *Собою очищение сотворив грехов наших, седе одесную престола величествия на высоких*[1]. Туда призывает Он последователей Своих: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие*[2]. Аминь.

Видение Христа

Хочешь ли увидеть Господа Иисуса Христа? — *Прииди и виждь*[3], *говорит Его Апостол.*

Господь Иисус Христос дал обетование пребывать с учениками Своими до скончания века[4]. Он — с ними: в Святом Евангелии и Таинствах Церковных[5]. Его нет для тех, которые не веруют в Евангелие: они не видят Его, будучи ослеплены неверием.

Хочешь ли услышать Христа? — Он говорит тебе Евангелием. Не пренебреги Его спасительным голосом: уклонись от греховной жизни и слушай со вниманием учение Христово, которое — живот вечный.

Хочешь ли, чтобы тебе явился Христос? Он научает тебя, как это получить. *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам*[6].

---

[1] *...совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную престола величия на высоте* (Евр. 1. 3). ‖ [2] *...приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам...* (Мф. 25. 34). ‖ [3] *Пойди и посмотри* (Ин. 1. 46). ‖ [4] Мф. 28. 20. ‖ [5] Священномученик Петр Дамаскин говорит: «Христос сокровен в Евангелии. Хотящий найти Его должен продать все имение свое и купить Евангелие, чтобы не только найти Христа чтением, но чтобы принять Его в себя подражанием пребыванию Его в мире. Ищущий Христа, говорит святой Максим, должен Его искать не вне, но внутри себя, то есть телом и душою быть, как Христос, безгрешным по возможности человеческой». Святого Петра Дамаскина, кн. 1, статья «О четвертом видении». Добротолюбие. Ч. 3. ‖ [6] *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14. 21).

Ты усыновлен Богу Таинством Святого Крещения, ты вступил в теснейшее единение с Богом Таинством Святого Причащения: поддерживай усыновление, поддерживай единение. Чистоту и обновление, доставленные Святым Крещением, восстановляй покаянием, а единение с Богом питай жительством по Евангелию и по возможности частым причащением Святым Христовым Таинам. *Будите во Мне, и Аз в вас*[1], сказал Господь. *Аще заповеди Моя соблюдете, пребудите в любви Моей*[2]. *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем*[3].

Хранись от мечтательности, которая может тебе представить, что ты видишь Господа Иисуса Христа, что ты Его осязаешь, объемлешь. Это — пустая игра напыщенного, гордого самомнения! Это — пагубное самообольщение![4] Исполняй заповеди Господа — и чудным образом увидишь Господа в себе, в своих свойствах. Так видел в себе Господа святой апостол Павел: он требовал этого видения от христиан; тех, которые его не имели, называл не достигшими состояния, должного христианам.

Если ты проводишь жизнь греховную, удовлетворяешь страстям и вместе думаешь, что любишь Господа Иисуса Христа, то присный ученик Его, возлежавший на персях Его во время Тайной Вечери, обличает тебя в самообольщении. Он говорит: *Глаголяй, яко познах Его, и заповеди Его не соблюдает, ложь есть, и в сем истины несть; а иже аще соблюдает слово Его, поистине в сем любы Божия совершенна есть*[5].

Если ты исполняешь греховную волю твою и тем нарушаешь евангельские заповеди, то Господь Иисус Христос причисляет тебя

---

[1] *Пребудьте во Мне, и Я в вас* (Ин. 15. 4). ‖ [2] *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей* (Ин. 15. 10). ‖ [3] *Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6. 46). ‖ [4] Этот род самообольщения святые аскетические писатели называют *мнением*. Святой Иоанн Карпафийский определяет мнение так: «*Мнение* есть упитательство души тщеславием и суетное дмение ума». Иоанн Карпафийский. Гл. 49. Добротолюбие. Ч. 4. Об этом роде самообольщения святой апостол Павел говорит: *Никтоже вас да прельщает изволенным ему смиренномудрием и службою Ангелов, яже не уведе уча, без ума дмяся от ума плоти своея* [*Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом*] (Кол. 2. 18). Сказал святой Григорий Синайский: «Говорящие от своих помыслов прежде чистоты прельстились духом *мнения*. К таким относятся слова Притчей: *Видех мужа непщеваша себе мудра быти, упование же имать безумный паче его* [*Я видел человека, мудрого в глазах его. На глупого больше надежды, нежели на него*] (Притч. 26. 12). Святого Григория, гл. 128. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [5] *Кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины; а кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась* (1 Ин. 2. 4–5).

к числу не любящих Его. *Не любяй Мя,* говорит Он, *словес Моих не соблюдает*[1].

Не устремись безрассудно, не рассмотрев тщательно риз твоих, в ветхом, смрадном рубище на брак к Сыну Божию, на соединение с Ним, хотя ты и призван на этот брак, на который призван каждый христианин. Есть такие слуги у этого Домовладыки, которые свяжут тебе руки и ноги и ввергнут во тьму кромешную, чуждую Бога[2].

Слуги, власти которых предается дерзостный, не очищенный покаянием, напыщенный самомнением и высокоумием искатель любви и прочих возвышенных духовных состояний,— демоны, ангелы отверженные. Тьма кромешная — слепота духа человеческого, состояние страстное, плотское. Грех и падшие духи властвуют в человеке, находящемся в этом состоянии. Он лишен нравственной свободы: руки и ноги его связаны. Связанием рук и ног означается утрата способности к Богоугодному жительству и к духовному преуспеянию. В этом состоянии находятся все самообольщенные. Из этого бедственного состояния выходит человек с сознанием своего заблуждения, отвержением его, вступлением в спасительное поприще покаяния.

Труден выход из самообольщения. У дверей стоит стража; двери заперты тяжеловесными крепкими замками и затворами; приложена к ним печать адской бездны. Замки и затворы — гордость самообольщенных, глубоко таящаяся в сердце, тщеславие их, составляющее начальную причину деятельности их, лицемерство и лукавство, которыми прикрываются гордость и тщеславие, которыми облекаются они в личину благонамеренности, смирения, святости. Печать несокрушимая — признание действий самообольщения действиями благодатными.

Может ли находящийся в самообольщении, в области лжи и обмана, быть исполнителем заповедей Христовых, которые истина от Истины — Христа? Сочувствующий лжи, услаждающийся ложью, усвоивший себе ложь, соединившийся с ложью в духе, — может ли сочувствовать истине? Нет! он возненавидит ее, соделается исступленным врагом ее и гонителем.

Каково будет ваше состояние, несчастные мечтатели, мнившие о себе, что вы провели земную жизнь в объятиях Божиих, когда поразит вас изречение Спасителя: *Николиже знах вас; отыдите от Мене, делающии беззаконие*[3].

[1] *Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих* (Ин. 14. 24). || [2] Мф. 22. 11–13. || [3] *Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7. 23).

Истинный друг мой о Господе! Иди к Господу Иисусу Христу, приближайся к Нему путем евангельских заповедей; ими познавай Его; исполнением их оказывай и доказывай любовь твою к Господу Иисусу. Он Сам явит тебе Себя, явит в день и час, известные Единому Ему. Вместе с этим явлением прольет в сердце твое несказанную любовь к Себе. Божественная любовь — не что-нибудь, собственно принадлежащее падшему человеку: она — дар Святого Духа[1], посылаемый одним Богом в сосуды, очищенные покаянием, в сосуды смирения и целомудрия.

Вверь себя Господу, а не себе: это гораздо надежнее. Он — Создатель твой. Когда ты подвергся горестному падению, Он для тебя принял человечество, Себя отдал за тебя на казнь, за тебя пролил кровь Свою, Свое Божество доставил тебе: чего же еще Он не сделает для тебя? Приготовься для даров Его очищением себя: это твое дело. Аминь.

О чтении Евангелия

При чтении Евангелия не ищи наслаждения, не ищи восторгов, не ищи блестящих мыслей: ищи увидеть непогрешительно святую Истину.

Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия; старайся исполнять его заповедания, читай его делами. Это — книга жизни, и надо читать ее жизнию.

Не думай, что без причины священнейшая из книг, Четвероевангелие, начинается Евангелием от Матфея, а оканчивается Евангелием от Иоанна. Матфей научает более, как исполнять волю Божию, и его наставления особенно приличествуют начинающим путь Божий; Иоанн излагает образ соединения Бога с человеком, обновленным заповедями, что доступно одним преуспевшим на пути Божием.

Раскрывая для чтения книгу — Святое Евангелие, вспомни, что она решит твою вечную участь. По ней мы будем судимы и, смотря и по тому, каковы были здесь на земле по отношению к ней, получим в удел или вечное блаженство, или вечные казни[2].

Бог открыл Свою волю ничтожной пылинке — человеку! Книга, в которой изложена эта великая и всесвятая воля, — в твоих руках. Ты можешь и принять, и отвергнуть волю Создателя и Спасителя твоего, смотря по тому, как тебе угодно. Твои вечная жизнь и вечная

---

[1] Рим. 5. 5. || [2] Ин. 12. 48.

смерть в руках твоих: рассуди же, сколько нужно тебе быть осторожну, благоразумну. Не играй своею участию вечною!

Молись в сокрушении духа Господу, чтобы Он открыл тебе очи видеть чудеса, сокровенные в законе Его[1], который — Евангелие. Открываются очи — и усматривается чудное исцеление души от греха, совершаемое Словом Божиим. Исцеление телесных недугов и было только доказательством исцеления души, доказательством и для плотских людей, для умов, заслепленных чувственностию[2].

Читай Евангелие с крайним благоговением и вниманием. В нем не сочти ничего маловажным, малодостойным рассматривания. Каждая йота его испускает луч жизни. Пренебрежение жизни — смерть.

Читая о прокаженных, расслабленных, слепых, хромых и беснующихся, которых исцелил Господь, помышляй, что душа твоя, носящая многоразличные язвы греха, находящаяся в плену у демонов, подобна этим больным. Научайся из Евангелия вере, что Господь, исцеливший их, исцелит и тебя, если ты будешь прилежно умолять Его о исцелении твоем.

Стяжи такое расположение души, чтобы тебе быть способным к получению исцеления. Способны получить его сознающиеся в своей греховности, решившиеся оставить ее[3]. Горделивому праведнику, то есть грешнику, не видящему своей греховности, не нужен, бесполезен Спаситель[4].

Зрение грехов, зрение того падения, в котором находится весь род человеческий, есть особенный дар Божий. Испроси себе этот дар, и понятнее будет для тебя книга Небесного Врача — Евангелие.

Постарайся, чтобы Евангелие усвоилось твоему уму и сердцу, чтобы ум твой, так сказать, плавал в нем, жил в нем: тогда и деятельность твоя удобно соделается евангельскою. Этого можно достичь непрестанным благоговейным чтением, изучением Евангелия.

Преподобный Пахомий Великий, один из знаменитейших древних Отцов, знал наизусть Святое Евангелие и вменял ученикам своим, по откровению Божию, в непременную обязанность выучить его. Таким образом, Евангелие сопутствовало им повсюду, постоянно руководило их[5].

---

[1] *Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего* (Пс. 118. 18). || [2] Лк. 5. 24. || [3] Ин. 9. 39–41. || [4] Мф. 9. 13. || [5] Житие Пахомия Великого. Vies des Péres des déserts d'Orient par le R. P. Michel-Ange-Manin. Знал Евангелие наизусть святой Тихон Воронежский.

И ныне отчего бы христианским воспитателям не украсить памяти невинного дитяти Евангелием, чем засорять ее изучением Эзоповых басней и прочих ничтожностей?

Какое счастие, какое богатство — стяжание Евангелия памятию! Нельзя предвидеть переворотов и бедствий, могущих случиться с нами в течение земной жизни. Евангелие, принадлежащее памяти, читается слепым, узнику сопутствует в темницу, говорит с земледельцем на ниве, орошаемой его потом, наставляет судию во время самого присутствия, руководит купца на торгу, увеселяет больного во время томительной бессонницы и тяжкого одиночества.

Не дерзай сам истолковывать Евангелие и прочие книги Священного Писания. Писание произнесено святыми Пророками и Апостолами, произнесено не произвольно, но по внушению Святого Духа[1]. Как же не безумно истолковывать его произвольно?

Святой Дух, произнесший чрез Пророков и Апостолов Слово Божие, истолковал его чрез святых Отцов. И Слово Божие, и толкование его — дар Святого Духа. Только это одно истолкование принимает Святая Православная Церковь! Только это одно истолкование принимают ее истинные чада!

Кто объясняет Евангелие и все Писание произвольно, тот этим самым отвергает истолкование его святыми Отцами, Святым Духом. Кто отвергает истолкование Писания Святым Духом, тот, без всякого сомнения, отвергает и самое Священное Писание.

И бывает слово Божие, слово спасения, для дерзких толкователей его, вонею в смерть, мечом обоюдоострым, которым они закалают сами себя в вечную погибель[2]. Им убили себя навечно Арий, Несторий, Евтихий и прочие еретики, впавшие произвольным и дерзким толкованием Писания в богохульство.

На кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих[3], говорит Господь. Таков будь относительно Евангелия и присутствующего в нем Господа.

Оставь греховную жизнь, оставь земные пристрастия и наслаждения, отрекись души своей, тогда сделается для тебя доступным и понятным Евангелие.

Ненавидяй души своея в мире сем, сказал Господь, — души, для которой, от падения, грехолюбие соделалось как бы природным,

---

[1] *Никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым* (2 Пет. 1. 21). ‖ [2] 2 Пет. 2. 16; 2 Кор. 2. 15–16. ‖ [3] *На кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего перед словом Моим* (Ис. 66. 2).

как бы жизнию, — *в живот вечный сохранит ю*[1]. Для любящего душу свою, для того, кто не решается на самоотвержение, закрыто Евангелие: он читает букву; но слово жизни, как Дух, остается для него под непроницаемой завесой. Когда Господь был на земле пресвятою плотию, — многие видели Его и, вместе, не видели. Что пользы, когда человек смотрит телесными очами, общими у него с животными, а ничего не видит очами души — умом и сердцем? И ныне многие ежедневно читают Евангелие, и вместе никогда не читали его, вовсе не знают его.

Евангелие, сказал некоторый преподобный пустынножитель, умом чистым читается; понимается по мере исполнения заповеданий его самим делом. Но точного и совершенного раскрытия Евангелия невозможно стяжать в себе собственными усилиями: это — дар Христов[2].

Дух Святой, вселившись в истинного и верного служителя Своего, соделывает его и совершенным читателем, и истинным исполнителем Евангелия.

Евангелие есть изображение свойств нового человека, который — *Господь с небесе*[3]. Этот новый человек — Бог по естеству. Святое племя Свое человеков, в Него верующих и по Нему преобразившихся, Он соделывает богами по благодати.

Вы, которые валяетесь в смрадном и грязном болоте грехов, находите в нем наслаждение! Подымите главы ваши, взгляните на чистое небо: там ваше место! Бог дает вам достоинство богов; вы, отвергая это достоинство, избираете для себя другое: достоинство животных, — и самых нечистых. Опомнитесь! Оставьте болото зловонное; вычиститесь исповеданием грехов; умойтесь слезами раскаяния; украсьтесь слезами умиления; подымитесь от земли; взойдите на небо: вас возведет туда Евангелие. *Дондеже свет имате* — Евангелие, в котором сокровен Христос, — *веруйте во свет, да сынове Света* — Христа *будете*[4].

О чтении святых Отцов

Беседа и общество ближних очень действует на человека. Беседа и знакомство с ученым сообщает много сведений, с поэтом — много возвышенных мыслей и чувствований, с путешественни-

[1] *Ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12. 25). ‖ [2] Преподобного Марка Подвижника, О законе духовном. Гл. 32. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] *Господь с неба* (1 Кор. 15. 47). ‖ [4] *Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света* (Ин. 12. 36).

ком — много познаний о странах, о нравах и обычаях народных. Очевидно: беседа и знакомство со святыми сообщают святость. *С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши. И со избранным избран будеши*[1].

Отныне, во время краткой земной жизни, которую Писание не назвало даже жизнию, а странствованием, познакомься со Святыми. Ты хочешь принадлежать на небе к их обществу, хочешь быть участником их блаженства? Отныне поступи в общение с ними. Когда выйдешь из храмины тела, — они примут тебя к себе, как своего знакомого, как своего друга[2].

Нет ближе знакомства, нет теснее связи, как связь единством мыслей, единством чувствований, единством цели[3].

Где единомыслие, там непременно и единодушие, там непременно одна цель, одинаковый успех в достижении цели.

Усвой себе мысли и дух святых Отцов чтением их писаний. Святые Отцы достигли цели: спасения. И ты достигнешь этой цели по естественному ходу вещей. Как единомысленный и единодушный святым Отцам, ты спасешься.

Небо приняло в свое блаженное недро святых Отцов. Этим оно засвидетельствовало, что мысли, чувствования, деяния святых Отцов благоугодны ему. Святые Отцы изложили свои мысли, свое сердце, образ своих действий в своих писаниях. Значит: какое верное руководство к небу, засвидетельствованное самим небом, — писания Отцов.

Писания святых Отцов все составлены по внушению или под влиянием Святого Духа. Чудное в них согласие, чудное помазание! Руководствующийся ими имеет, без всякого сомнения, руководителем Святого Духа.

Все воды земли стекаются в океан, и, может быть, океан служит началом для всех вод земных. Писания Отцов соединяются все в Евангелии; все клонятся к тому, чтобы научить нас точному исполнению заповеданий Господа нашего Иисуса Христа; всех их и источник и конец — Святое Евангелие.

Святые Отцы научают, как приступать к Евангелию, как читать его, как правильно понимать его, что содействует, что препятствует к уразумению его. И потому сначала более занимайся чтением святых Отцов. Когда же они научат тебя читать Евангелие, тогда уже преимущественно читай Евангелие.

---

[1] *С праведным поступишь Ты по правде Твоей, и с мужем неповинным — по безвинности его. И с избранным поступишь, как с избранником...* (Пс. 17. 26–27). ‖ [2] Лк. 16. 9. ‖ [3] 1 Кор. 1. 10.

Не сочти для себя достаточным чтение одного Евангелия без чтения святых Отцов! Это — мысль гордая, опасная. Лучше пусть приведут тебя к Евангелию святые Отцы как возлюбленное свое дитя, получившее предварительное воспитание и образование посредством их писаний.

Многие, все, отвергшие безумно, кичливо святых Отцов, приступившие непосредственно, со слепою дерзостию, с нечистым умом и сердцем к Евангелию, впали в гибельное заблуждение. Их отвергло Евангелие: оно допускает к себе одних смиренных.

Чтение писаний Отеческих — родитель и царь всех добродетелей. Из чтения Отеческих писаний научаемся истинному разумению Священного Писания, вере правой, жительству по заповедям евангельским, глубокому уважению, которое должно иметь к евангельским заповедям, словом сказать,— спасению и христианскому совершенству.

Чтение отеческих писаний, по умалении духоносных наставников, соделалось главным руководителем для желающих спастись и даже достигнуть христианского совершенства[1].

Книги святых Отцов, по выражению одного из них, подобны зеркалу: смотрясь в них внимательно и часто, душа может увидеть все свои недостатки.

Опять — эти книги подобны богатому собранию врачебных средств: в нем душа может приискать для каждого из своих недугов спасительное врачевство.

Говорил святой Епифаний Кипрский: «Один взор на священные книги возбуждает к благочестивой жизни»[2].

Чтение святых Отцов должно быть тщательное, внимательное и постоянное: невидимый враг наш, ненавидящий глас утверждения[3], ненавидит в особенности, когда этот глас исходит от святых Отцов. Этот глас обличает козни нашего врага, его лукавство, открывает его сети, его образ действий; и потому враг вооружается против чтения Отцов различными гордыми и хульными помыслами, старается ввергнуть подвижника в суетные попечения, чтобы отвлечь его от спасительного чтения, борет его унынием, скукою, забывчивостию. Из этой брани против чтения святых Отцов мы должны заключить, как спасительно для нас оружие, столь ненавидимое врагом. Усильно заботится враг о том, чтобы исторгнуть его из рук наших.

---

[1] Преподобный Нил Сорский. Правила. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Притч. 11. 15.

Каждый избери себе чтение Отцов, соответствующее своему образу жизни. Отшельник пусть читает Отцов, писавших о безмолвии; инок, живущий в общежитии, — Отцов, написавших наставления для монашеских общежитий; христианин, живущий посреди мира, — святых Отцов, произнесших свои поучения вообще для всего христианства. Каждый, в каком бы звании ни был, почерпай обильное наставление в писаниях Отцов.

Непременно нужно чтение, соответствующее образу жизни. Иначе будешь наполняться мыслями, хотя и святыми, но неисполнимыми самым делом, возбуждающими бесплодную деятельность только в воображении и желании; дела благочестия, приличествующие твоему образу жизни, будут ускользать из рук твоих. Мало того, что ты сделаешься бесплодным мечтателем, — мысли твои, находясь в беспрестанном противоречии с кругом действий, будут непременно рождать в твоем сердце смущение, а в поведении неопределенность, тягостные, вредные для тебя и для ближних. При неправильном чтении Священного Писания и святых Отцов легко можно уклониться со спасительного пути в непроходимые дебри и глубокие пропасти, что и случилось со многими. Аминь.

Об удалении от чтения книг, содержащих в себе лжеучение

Опять приношу тебе, верный сын Восточной Церкви, слово совета искреннего, благого. Это слово не мне принадлежит: оно святых Отцов. Оттуда все мои советы.

Храни ум и сердце от учения лжи. Не беседуй о христианстве с людьми, зараженными ложными мыслями; не читай книг о христианстве, написанных лжеучителями.

Истине соприсутствует Дух Святой: Он — Дух Истины. Лжи соприсутствует и содействует дух диавола, который — ложь и отец лжи.

Читающий книги лжеучителей приобщается непременно лукавому, темному духу лжи. Это да не покажется тебе странным, невероятным: так утверждают светила Церковные — святые Отцы[1].

[1] «Никто да не читает, — сказал священномученик Петр Дамаскин, — не служащего к угождению Божию. Если же и прочтет когда что таковое в неведении, то да подвизается скорее изгладить его из памяти чтением Божественных Писаний, и из них именно тех, которые наиболее служат ко спасению души его, по состоянию, которого он достиг... Противных же сему книг никак да не читает. Какая нужда

Если ум твой и сердце ничем не исписаны, — пусть Истина и Дух напишут на них заповеди Божии и Его учение духовное.

Если же ты позволил исписать и исчеркать скрижали души разнообразными понятиями и впечатлениями, не разбирая благоразумно и осторожно — кто писатель, что он пишет, — то вычисти написанное писателями чуждыми, вычисти покаянием и отвержением всего богопротивного.

Писателем на твоих скрижалях да будет один перст Божий.

Приготовь для этого писателя чистоту ума и сердца благочестивою, целомудренною жизнию: тогда при молитвах твоих и при чтении священных книг неприметно, таинственно будет начертываться на скрижалях души закон Духа.

Только те книги о религии позволено тебе читать, которые написаны святыми Отцами Вселенской Восточной Церкви. Этого требует Восточная Церковь от чад своих[1].

Если же ты рассуждаешь иначе и находишь повеление Церкви менее основательным, нежели рассуждение твое и других, согласных с тобой, то ты уже не сын Церкви, а судья ее.

Ты назовешь меня односторонним, не довольно просвещенным, ригористом? — Оставь мне односторонность мою и все прочие недостатки: желаю лучше при этих недостатках быть послушным Восточной Церкви, нежели при всех мнимых совершенствах быть умнее ее и потому позволять себе непослушание ей и отделение от нее. Истинным чадам Восточной Церкви приятен будет голос мой.

Они знают, что хотящий получить небесную премудрость должен оставить свою собственную, земную, как бы она велика ни была, отречься от нее, признать ее, какова она и есть, буйством[2].

Земная мудрость — вражда на Бога: она Закону Божию не покоряется и не может покоряться[3]. От начала таково ее свойство; такою останется она до конца своего, — когда *земля же и яже на ней дела*, а с ними и земная мудрость, *сгорят*[4].

Святая Церковь позволяет читать книги лжеучителей только тем своим членам, которых мысль и сердечные чувства исцелены и просвещены Святым Духом, которые могут всегда отличить от

принять духа нечистого вместо Духа Святого? Кто в каком слове упражняется, тот получает свойство того слова, хотя этого и не видят неопытные, как видят имеющие духовную опытность». Святого Петра Дамаскина кн. 1, статья о рассуждении. Добротолюбие. Ч. 3. ‖ [1] При совершении Таинства исповеди положено спрашивать кающегося, не читает ли он книг еретических. — Требник. ‖ [2] 1 Кор. 3. 19. ‖ [3] Рим. 8. 7. ‖ [4] *Земля и вся дела на ней сгорят* (2 Пет. 3. 10).

истинного добра зло, притворяющееся добром и прикрытое личиной добра.

Великие угодники Божии, познавшие немощь, общую всем человекам, страшились яда ереси и лжи, а потому со всевозможным тщанием убегали бесед с людьми, зараженными лжеучением, и чтения еретических книг[1]. Имея перед очами падение ученейшего Оригена, искусного в любопрении Ария, красноречивого Нестория и других, богатых мудростью мира, погибших от самонадеянности и самомнения, они искали спасения и обрели его в бегстве от лжеучения, в точнейшем послушании Церкви.

Духоносные святые пастыри и учители Церковные читали писания богохульных еретиков, вынуждаемые к такому чтению необходимою нуждою всего христианского общества. Они словом сильным, словом духовным обличали заблуждения, возвестили всем чадам Церкви скрытую опасность в еретических писаниях, прикрытую великолепными наименованиями святости и благочестия.

Но мне и тебе необходимо охраняться от чтения книг, сочиненных лжеучителями. Всякому, не принадлежащему Восточной Церкви, Единой Святой, писавшему о Христе, о христианской вере и нравственности, принадлежит имя лжеучителя.

Скажи: как возможно позволить тебе чтение всякой книги, когда каждая читаемая тобой книга ведет тебя куда хочет, — убеждает соглашаться на все, на что нужно ей твое согласие, отвергать все, что ей нужно, чтобы ты отвергал?

Опыт доказывает, как гибельны последствия безразборчивого чтения. Сколько можно встретить между чадами Восточной Церкви понятий о христианстве самых сбивчивых, неправильных, противоречащих учению Церкви, порицающих это святое учение, — понятий, усвоенных чтением книг еретических!

Не оскорбись, друг мой, на мои предостережения, внушаемые желанием тебе истинного блага. Отец, мать, добрый воспитатель не будут ли страшиться за невинного, неопытного младенца, когда он захочет невозбранно входить в комнату, где между съестными припасами множество яда?

Смерть души бедственнее смерти тела: умершее тело воскреснет, и часто смерть тела бывает причиной жизни для души; напротив того, душа, умерщвленная злом, — жертва вечной смерти. Душу может убить одна мысль, содержащая в себе какой-нибудь вид богохульства, тонкий, вовсе не приметный для незнающих.

---

[1] Житие Пахомия. Patrologiae tom. LXXIII. Cap. 44.

Будет время, предвозвещал святой Апостол, *егда здраваго учения не послушают: но по своих похотех изберут себе учители, чешеми слухом: и от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся*[1].

Не прельщайся громким заглавием книги, обещающим преподать христианское совершенство тому, кому нужна еще пища младенцев; не прельщайся ни великолепным изданием, ни живописью, силою, красотою слога, ни тем, что писатель — будто святой, будто доказавший свою святость многочисленными чудесами.

Лжеучение не останавливается ни пред каким вымыслом, ни пред каким обманом, чтобы басням своим дать вид истины и тем удобнее отравить ими душу.

Лжеучение само по себе — уже обман. Им обманут прежде читателя писатель[2].

Признак книги истинно, существенно душеполезной — святой писатель, член Восточной Церкви, одобренный, признанный Святою Церковию. Аминь.

Истина и Дух

Не обольщайся самомнением и учением тех, обольщенных самомнением, которые, пренебрегая истиной Церкви и Божественным Откровением, утверждают, что истина может вещать в тебе самом без звуков слова и наставлять тебя сама собой каким-то неопределенным и неясным действием. Это — учение лжи и ее наперсников[3].

Признаки учения лжи: темнота, неопределительность, мнение[4] и следующее за ним, рождаемое им мечтательное, кровяное и нервное наслаждение. Оно доставляется тонким действием тщеславия и сладострастия.

Падшее человечество приступает к святой истине верой; другого пути к ней нет. *Вера от слуха, слух же глаголом Божиим*[5], научает нас Апостол.

Слово Божие — истина[6]; заповеди евангельские — истина[7]; всякий человек — ложь[8]. Все это засвидетельствовано Божественным

[1] *Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим похотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням* (2 Тим. 4. 3–4). ‖ [2] 2 Тим. 3. 13. ‖ [3] Фомы Кемпийского «О подражании Иисусу Христу», кн. I, гл. 3; кн. III, гл. 2. ‖ [4] Выше сказано, что так назван святыми Отцами известный вид самообольщения, почему и мы удерживаем это название. ‖ [5] *Вера — от слышания, а слышание — от слова Божия* (Рим. 10. 17). ‖ [6] *Слово Твое есть истина* (Ин. 17. 17). ‖ [7] *Все заповеди Твои — истина* (Пс. 118. 86). ‖ [8] *Всякий человек ложь* (Пс. 15. 2).

Писанием. Как же из того, кто — ложь, думаешь услышать голос святой истины?

Хочешь ли услышать его, — услышать духовный голос святой истины? — Научись читать Евангелие: от него услышишь истину, в нем увидишь истину. Истина откроет тебе падение твое и узы лжи, узы самообольщения, которыми невидимо связана душа всякого человека, не обновленного Святым Духом.

Тебе стыдно сознаться, падший горделивец, гордый в самом падении своем, что ты должен искать истину вне себя, что вход для нее в твою душу — чрез слух и другие телесные чувства! Но это — неоспоримая правда, обличающая, как глубоко наше ниспадение.

Так глубоко, так страшно ниспадение наше, что для извлечения нас из гибельной пропасти Бог-Слово принял на Себя человечество, чтобы человеки из учеников диавола и лжи соделались учениками Бога и Истины, при посредстве Слова и Духа Истины освободились от греховного рабства и научились всякой истине[1].

Мы так грубы, так чувственны, что нужно было, чтобы Святая Истина подверглась нашим телесным чувствам; нужны были не только звуки слова, но и исцеления недужных, ощутительные знамения на водах, древах, хлебах, чтоб мы, убеждаемые телесными очами, могли сколько-нибудь усмотреть Истину. Так омрачились наши очи душевные!

Аще знамений и чудес не видите, не имате веровати[2], упрекал Господь людей чувственных, просивших у Него исцеления телу и не подозревавших даже, что души их находятся в несравненно ужаснейшем недуге и потому нуждаются несравненно более в исцелении и небесном Враче, нежели тела.

И человек сознался пред Господом, что знамения, зримые телесными очами, привели его к вере, привели к зрению умом. *Вем,* говорил он Господу, *яко от Бога пришел еси учитель: никтоже бо может знамений сих творити, аще не будет Бог с ним*[3]. А человек этот имел ученость земную.

Многие очами видели Спасителя, видели Его Божественную власть над всею тварию в творимых Им чудесах; многие ушами своими слышали Его святое учение, слышали самих бесов, свидетельствующих о Нем; но не познали Его, возненавидели Его,

---

[1] Ин. 8. 31; ср. Ин. 16. 13. ‖ [2] *Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес* (Ин. 4. 48). ‖ [3] *Мы знаем, что Ты — учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес... никто не может творить, если не будет с ними Бог* (Ин. 3. 2).

посягнули на ужаснейшее злодеяние — на богоубийство. Так глубоко, так страшно наше падение, наше омрачение.

Кажется: достаточно прочитать одну главу Евангелия, чтобы познать говорящего в нем Бога. *Глаголы живота вечнаго имаши,* Господь и Бог наш, явившийся нам в смиренном виде человека, *и мы веровахом и познахом, яко Ты еси Христос, Сын Бога живаго*[1].

Вещает Само — истина: *Аще вы пребудете в словеси Моем, воистину ученицы Мои будете. И уразумеете истину, и истина свободит вы*[2]. Изучай Евангелие, и будет из него вещать тебе неподдельная, святая истина.

Может вещать истина и внутри человека. Но когда это? Тогда, когда, по слову Спасителя, человек облечется *силою свыше*[3]: *егда приидет Он, Дух Истины, наставит вы на всяку истину*[4].

Если же прежде явственного пришествия Святого Духа — удела святых Божиих — кто возмнит слышать внутри себя вещающую истину, тот льстит только своей гордости, обманывает себя; он скорее слышит голос того, кто говорил в раю: *будете яко бози*[5]. И этот-то голос кажется ему голосом истины!

Познавать истину из Евангелия и святых Отцов, посредством чтения причащаться живущему в Евангелии и святых Отцах Святому Духу — великое счастие.

Высшего счастия, — счастия слышать истину от Самого Пресвятого Духа — я не достоин! я не способен к нему! не способен выдержать его, сохранить его: сосуд мой не готов, не окончен и не укреплен. Вино Духа, если б было влито в него, расторгло бы его и само пролилось[6], а потому Всеблагий Господь мой, щадя немощь мою, долготерпит о мне[7] и не представляет мне в снедь сильного духовного брашна[8].

Сотник признал себя недостойным принять Господа в дом свой, а просил, чтоб пришло в этот дом всемогущее слово Господа и исцелило отрока. Оно пришло; совершилось знамение, совершилось исцеление отрока. Господь похвалил веру и смирение сотника[9].

Говорили сыны Израиля святому вождю своему и законодателю, говорили из правильного понятия о величии Божества, из понятия, от которого рождается в человеке сознание и познание ничтожества

---

[1] *Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого* (Ин. 6. 68–69). || [2] *Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин. 8. 31–32). || [3] Лк. 24. 49. || [4] *Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину* (Ин. 16. 13). || [5] *Будете, как боги...* (Быт. 3. 5). || [6] Мф. 9. 17. || [7] Лк. 18. 7. || [8] 1 Кор. 3. 2. || [9] Мф. 8, зач. 25.

человеческого: *Глаголи ты с нами, и да не глаголет к нам Бог, да не* [*когда*] *умрем*[1]. Смиренные и спасительные слова эти свойственны каждому истинному христианину: предохраняется христианин таким сердечным залогом от душевной смерти, которою поражает самообольщенных гордость и дерзость их. В противоположность истинному христианину, этому духовному израильтянину, вопиет в исступлении самообольщенный: «Сыны Израиля говорили некогда Моисею: говори ты к нам, и мы будем слушать; Господь же да не говорит к нам, чтоб нам не умереть. Не так, Господи, не так молю я! Да не говорит мне Моисей или другой кто из Пророков: говори Ты, Господи Боже, дарующий вдохновение всем Пророкам. Ты один, без них, можешь совершенно научить меня»[2].

Недостоин Господа, недостоин подражания тот, кто весь в сквернах и нечистотах, а глупым, гордостным, мечтательным мнением думает быть в объятиях Пречистого, Пресвятого Господа, думает иметь Его в себе и с Ним беседовать, как с другом[3].

Бог прославляемь в совете Святых, велий и страшен есть над всеми окрестными Его[4], говорит Писание; Он страшен для самих высших небесных Сил. Шестокрылатые Серафимы парят вокруг Его престола, в исступлении и ужасе от величия Божия произносят неумолкающее славословие, огненными крылами закрывают огненные лица: видел это тайнозритель Исаия[5]. Человек! благоговейно прикройся смирением.

Довольно, довольно, если Слово Божие, истина взойдет в дом души при посредстве слышания или чтения и исцелит отрока, то есть тебя, находящегося еще в младенческом возрасте по отношению к Христу, хотя по возрасту плотскому ты, может быть, уже украшен сединами.

Нет другого доступа к Истине! *Како же уверуют,* говорит Апостол, *егоже не услышаша? Како же услышат без проповедающаго? Вера от слуха, слух же глаголом Божиим*[6]. Замолкли живые органы Святого Духа: проповедует истину — изреченное Святым Духом — Писание.

Верный Сын Восточной Церкви! Послушай совета дружеского, совета спасительного. Ты хочешь познать основательно путь

---

[1] *Говори ты с нами... но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть* (Исх. 20. 19). ‖ [2] О подражании Иисусу Христу, кн. III, гл. 2. ‖ [3] О подражании Иисусу Христу, кн. III, гл. 1. ‖ [4] *Страшен Бог в великом сонме святых, страшен Он для всех окружающих Его* (Пс. 88. 8). ‖ [5] Ис. 6. ‖ [6] *Как веровать в Того, о Ком не слыхали? Как слышать без проповедующего?.. Вера — от слышания, а слышание — от слова Божия* (Рим. 10. 14, 17).

Божий, придти по этому пути к спасению вечному? — Изучай святую истину в Священном Писании, преимущественно же в Новом Завете и в писаниях святых Отцов. Непременно нужна при этом упражнении и чистота жизни, потому что только чистые сердцем могут зреть Бога. Тогда сделаешься, в свое время, в мере известной и угодной Богу, учеником и наперсником святой Истины, причастником неразлучного с Нею, преподаемого Ею Святого Духа. Аминь.

О молитве

Статья I

Нищим свойственно просить, а обнищавшему грехопадением человеку свойственно молиться.

Молитва — обращение падшего и кающегося человека к Богу. Молитва — плач падшего и кающегося человека перед Богом. Молитва — излияние сердечных желаний, прошений, воздыханий падшего, убитого грехом человека пред Богом.

Первое обнаружение, первое движение покаяния — плач сердца. Это — молитвенный голос сердца, предваряющий молитву ума. И скоро ум, увлеченный молитвою сердца, начинает рождать молитвенные помышления.

Бог есть единый источник всех истинных благ. Молитва есть мать и глава всех добродетелей[1], как средство и состояние общения человека с Богом. Она заимствует добродетели из источника благ — Бога, — усвояет их тому человеку, который молитвой старается пребывать в общении с Богом.

Путь к Богу — молитва. Измерение совершаемого пути — различные молитвенные состояния, в которые постепенно входит молящийся правильно и постоянно.

Научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно, — и удобно наследуешь спасение. Спасение является от Бога в свое время с неоспоримым сердечным извествованием о себе молящемуся правильно и постоянно.

Для правильности молитвы надобно, чтобы она приносилась из сердца, наполненного нищетою духа, из сердца сокрушенного и смиренного. Все другие состояния сердца, до обновления его

---

[1] Лествица. Заглавие Слова 28. Преподобный Макарий Египетский. Слово 3, гл. 1.

Духом Святым, признавай — каковы и точно они — несвойственными кающемуся грешнику, умоляющему Бога о прощении грехов своих и об освобождении — как из темницы и оков — из порабощения страстям.

Моисеевым законом предписано было израильтянам только на одном, назначенном от Бога, месте, приносить все их жертвы. И законом духовным назначено для христиан одно духовное место для принесения всех их жертв, в особенности же жертвы из жертв — молитвы. Это место — смирение[1].

Не нужны Богу наши молитвы! Он знает и прежде прошения нашего, в чем мы нуждаемся; Он, Премилосердый, и на не просящих у Него изливает обильные щедроты. Нам необходима молитва: она усвояет человека Богу. Без нее человек чужд Бога, а чем более упражняется в молитве, тем более приближается к Богу.

Молитва — причащение жизни. Оставление ее приносит душе невидимую смерть.

Что воздух для жизни тела, то Дух Святой для жизни души. Душа посредством молитвы дышит этим святым, таинственным воздухом.

Когда восстанешь от сна, — первая мысль твоя да будет о Боге; самый начаток мыслей твоих, еще незапечатленный никаким суетным впечатлением, принеси Богу. Когда отходишь ко сну, когда готовишься погрузиться в этот образ смерти, — последние твои мысли да будут о вечности и о царствующем в ней Боге.

Ангел открыл некоторому святому иноку следующий порядок мыслей в молитве, благоугодный Богу: «Начало молитвы должно состоять из славословия Бога, из благодарения Богу за бесчисленные благодеяния Его; потом мы должны принести Богу искреннее исповедание грехов наших, в сокрушении духа, в заключение можем предложить, впрочем, с великим смирением, прошения Господу о наших нуждах, душевных и телесных, предоставляя благоговейно исполнение и неисполнение этих прошений Его воле»[2].

Начальная причина молитвы — вера: *веровах, темже возглаголах*[3] молитвой моей к милосердому Богу, благоволившему заповедать мне молитву и давшему обетование внимать ей.

Вся елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам[4], возвестил Господь. И потому, отвергнув всякое

---

[1] По объяснению преподобного Пимена Великого. Алфавитный патерик. ‖ [2] Лествица. Слово 28, гл. 7. ‖ [3] *Я веровал, и потому говорил* (Пс. 115. 1). ‖ [4] *Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам* (Мк. 11. 24).

сомнение и двоедушие, неотступно пребывай молитвой при Господе, повелевшем *всегда молитися и не стужати си*[1], то есть не приходить в уныние от тесноты молитвенной, которая, в особенности сначала, тягостна, невыносима для ума, привыкшего блуждать повсюду.

Блаженна душа, которая молитвой непрестанно стучится в двери милосердия Божия и жалобами на *соперника* своего[2] — на насилующий ее грех — непрестанно утомляет Неутомимого[3]: она возрадуется в свое время о чистоте своей и о бесстрастии своем.

Иногда немедленно бывает услышано наше прошение; иногда же, по словам Спасителя, *Бог долготерпит о нас*[4], то есть нескоро исполняет просимое нами: Он видит, что нужно остановить на время это исполнение для нашего смирения, что нужно нам утомиться, увидеть нашу немощь, которая всегда обнаруживается очень резко, когда мы бываем предоставлены самим себе.

Молитва, как беседа с Богом, сама собой — высокое благо, часто гораздо большее того, которого просит человек, — и милосердый Бог, не исполняя прошения, оставляет просителя при его молитве, чтобы он не потерял ее, не оставил это высшее благо, когда получит просимое благо, гораздо меньшее.

Прошений, исполнение которых сопряжено с вредными последствиями, Бог не удовлетворяет; не удовлетворяет Он и тех прошений, которые противны Его святой воле, противны Его премудрым, непостижимым судьбам.

В противность определению Божию просил великий Моисей Боговидец, чтобы даровано ему было войти в землю обетованную, и не был услышан[5]; молился святой Давид, усиливая молитву постом, пеплом и слезами, о сохранении жизни заболевшему сыну его; но не был услышан[6]. И ты, когда прошение твое не будет исполнено Богом, покорись благоговейно воле Всесвятого Бога, Который, по недоведомым причинам, оставил твое прошение неисполненным.

Сынам мира, просящим у Бога земных благ для удовлетворения плотским вожделениям, возвещает святой апостол Иаков: *Просите, и не приемлете, зане зле просите, да во сластех ваших иждивете*[7].

Когда желаем предстать царю земному, то приготовляемся к этому с особенною тщательностию: изучаем, какое должно быть при беседе с ним настроение наших сердечных чувств, чтобы по порыву какого-

---

[1] *...всегда молиться и не унывать* (Лк. 18. 1). ‖ [2] Лк. 18. 3. ‖ [3] Лествица. Слово 7, гл. 11. ‖ [4] Лк. 18. 7. ‖ [5] Втор. 3. 26. ‖ [6] 2 Цар. 12. ‖ [7] *Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вождений* (Иак. 4. 3).

нибудь чувства не увлечься в слово или движение, царю неприятное; заблаговременно придумываем, что говорить ему, чтобы говорить одно угодное и тем расположить его к себе; заботимся о том, чтобы самый наружный вид наш привлек его внимание к нам. Тем более мы должны сделать приличное приготовление, когда желаем предстать Царю царей и вступить молитвой в беседу с Ним.

Человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце[1]; но в человеке расположение сердца наиболее сообразуется с положением лица его, его наружности. И потому давай при молитве самое благоговейное положение телу. Стой, как осужденный, с поникшею главою, не смея воззреть на небо, с опущенными вниз руками или сложив их сзади, как бы от связания веревками, как обыкновенно бывают связаны схваченные на месте преступления преступники. Звук голоса твоего да будет жалостным звуком плача, стоном уязвленного смертоносным орудием или терзаемого лютою болезнию.

Бог зрит на сердце. Он видит самые сокровенные, самые тончайшие помышления и ощущения наши; видит все прошедшее и все будущее наше. Бог — вездесущ. И потому стой на молитве твоей, как бы ты стоял пред Самим Богом. Точно ты стоишь пред Ним! ты стоишь пред Судьею твоим и полновластным Владыкой, от Которого зависит твоя участь во времени и в вечности. Употреби твое предстояние пред Ним на устроение твоего благополучия; не допусти, чтоб это предстояние, по недостоинству своему, послужило для тебя причиной казней, временных и вечных.

Намереваясь принести Богу молитву, отвергни все помышления и попечения земные. Не занимайся мыслями, которые тогда придут тебе, как бы они ни казались важными, блестящими, нужными. Отдай Божие Богу, а нужное для временной жизни успеешь отдать в свое время. Невозможно в одно и то же время работать Богу молитвой и занимать ум помышлениями и попечениями посторонними.

Пред молитвою покади в сердце твоем фимиамом страха Божия и святого благоговения: помысли, что ты прогневал Бога бесчисленными согрешениями, которые Ему явнее, нежели самой совести твоей; постарайся умилостивить Судью смирением. Остерегись! не возбуди Его негодования небрежением и дерзостию: Он благоволит, чтобы даже ближайшие к Нему, чистейшие ангельские Силы предстояли Ему со всяким благоговением и святейшим страхом[2].

---

[1] *Человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце* (1 Цар. 16. 7). ‖ [2] Пс. 88. 8.

Риза души твоей должна сиять белизною простоты. Ничего не должно быть тут сложного! Не должны примешиваться лукавые помыслы и ощущения тщеславия, лицемерства, притворства, человекоугодия, высокоумия, сладострастия — этих темных и зловонных пятен, которыми бывает испещрена душевная одежда молящихся фарисеев.

Вместо жемчугов и алмазов, вместо золота и серебра укрась себя целомудрием, смиренномудрием, слезами кротости и духовного разума, а прежде, нежели получишь эти слезы, — слезами покаяния; укрась себя младенческим, ангельским незлобием: вот драгоценная утварь! Когда увидит Царь царей на душе эту утварь, склоняются к душе Его милостивые взоры.

Прощение всех, всех без исключения обид, и самых тягчайших, — непременное условие успеха в молитве. *Егда стоите молящеся*, повелевает Спаситель, *отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша*[1]. «Молитвы памятозлобных — посевы на камне», — сказал преподобный Исаак Сирский[2].

Умеренное, благоразумное, постоянное воздержание от пищи и пития делает тело легким, очищает ум, дает ему бодрость и потому служит также приготовлением к молитве. Невоздержание чрева соделывает тело тяжелым, дебелым, ожесточает сердце, потемняет ум множеством испарений и газов, восходящих из желудка в мозг. Едва встанет пресыщенный или насытившийся на молитву, — сонливость и леность нападают на него, множество грубых мечтаний рисуются в его воображении, сердце его не способно придти в умиление.

Сколько вредно невоздержание, столько вреден, или еще более, неумеренный пост[3]. Слабость тела, происходящая от малоядения, не позволяет совершать молитв в должном количестве и с должной силой.

Количество молитвы определяется для каждого образом жизни его и количеством сил, душевных и телесных. Две лепты вдовицы, принесенные ею в церковь и составлявшие все имение ее, оказались на весах правосудного Бога большими, нежели значи-

---

[1] *И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших* (Мк. 11. 25–26). ‖ [2] Слово 89. ‖ [3] Преподобный Кассиан. Слово о рассуждении. Добротолюбие. Ч. 4.

тельные приношения богатых от избытков их. Так суди и о молитве: назначь себе количество ее соответственно силам твоим, помни премудрое наставление великого наставника подвижников: «Если ты понудишь тело немощное на дела, превышающие силы его, то этим влагаешь в душу твою помрачение и приносишь ей смущение, а не пользу»[1].

От здорового и сильного сложения взыскивается соответствующая молитва. «Всякая молитва, — сказал тот же великий Отец, — при которой не утрудится тело, а сердце не придет в сокрушение, признается недозревшим плодом: потому что такая молитва — без души»[2].

Будучи занят общественными обязанностями, а если ты инок, то — послушаниями, и не имея возможности уделять на молитву столько времени, сколько бы ты хотел, не смущайся этим: законно и по совести проходимое служение приготовляет человека к усердной молитве и заменяет качеством количество. Ничто так не способствует к преуспеянию в молитве, как совесть, удовлетворенная богоугодною деятельностию.

Исполнение евангельских заповедей настраивает ум и сердце к чистой, исполненной умиления молитве, а истинная молитва направляет мыслить, чувствовать, действовать по заповеданиям Евангелия.

Милосердие к ближним и смирение пред ними, выражаемые наружными делами и питаемые в душе, в совокупности с чистотою сердца, преимущественно от блудных помыслов и ощущений, составляют основание и силу молитвы[3]. Они — как бы *крыле*[4] ее, которыми она возлетает к небу. Без них молитва не может подняться от земли, то есть возникнуть из плотского мудрования: она удерживается им, как сетью или силком; она возмущается, оскверняется, уничтожается им.

Душа молитвы — внимание[5]. Как тело без души мертво, так и молитва без внимания — мертва. Без внимания произносимая молитва обращается в пустословие, и молящийся так сопричисляется к приемлющим *имя Божие всуе.*

Произноси слова молитвы неспешно; не позволяй уму скитаться повсюду, но затворяй его в словах молитвы[6]. Тесен и прискорбен этот путь для ума, привыкшего странствовать свободно по

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 85. ‖ [2] Его же. Слово 11. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слова 56 и 57. ‖ [4] Пс. 54. 7. ‖ [5] Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово о трех образах молитвы. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [6] Лествица. Слово 28, гл. 17.

вселенной; но путь этот приводит ко вниманию. Кто вкусит великое благо внимания, тот возлюбит утеснять ум на пути, ведущем ко блаженному вниманию.

Внимание есть первоначальный дар Божественной благодати, ниспосылаемый трудящемуся и терпеливо страждущему в подвиге молитвенном[1].

Благодатному вниманию должно предшествовать собственное усилие ко вниманию; последнее должно быть деятельным свидетельством искреннего желания получить первое. Собственное внимание обуревается помыслами и мечтаниями, колеблется от них; благодатное — преисполнено твердости.

Воспрещай себе рассеянность мыслей при молитве, возненавидь мечтательность, отвергни попечения силой веры, ударяй в сердце страхом Божиим, и удобно приучишься ко вниманию.

Молящийся ум должен находиться в состоянии вполне истинном. Мечтание, как бы ни было приманчивым и благовидным, будучи собственным, произвольным сочинением ума, выводит ум из состояния Божественной истины, вводит в состояние самообольщения и обмана, а потому оно и отвергается в молитве.

Ум во время молитвы должно иметь и со всей тщательностию сохранять безвидным, отвергая все образы, рисующиеся в способности воображения, потому что ум в молитве предстоит невидимому Богу, Которого невозможно представить никаким вещественным образом. Образы, если их допустит ум в молитве, соделаются непроницаемою завесою, стеною между умом и Богом. «Те, которые в молитвах своих не видят ничего, видят Бога», — сказал преподобный Мелетий Исповедник[2].

Если бы во время молитвы твоей представился тебе чувственно или изобразился сам собою в тебе умственно вид Христа или Ангела, или какого Святого, — словом сказать, какой бы то ни было образ, — никак не принимай этого явления за истинное, не обрати на него никакого внимания, не вступи с ним в беседу[3]. Иначе непременно подвергнешься обману и сильнейшему повреждению душевному, что и случилось со многими. Человек, до обновления его Святым Духом, неспособен к общению со святыми духами. Он, как находящийся еще в области духов падших, в плену и в рабстве

---

[1] Каллист и Игнатий Ксанфопулы. Добротолюбие. Ч. 4, гл. 24. ‖ [2] Сочинение «О молитве» сего угодника Божия помещено в книге «Класы» издания Оптиной Пустыни. ‖ [3] Преподобный Григорий Синаит. О прелести, главы зело полезные. Добротолюбие. Ч. 1.

у них, способен видеть только их, и они нередко, заметив в нем высокое мнение о себе и самообольщение, являются ему в виде Ангелов светлых, в виде Самого Христа для погубления души его.

Святые иконы приняты Святою Церковию для возбуждения благочестивых воспоминаний и ощущений, а отнюдь не для возбуждения мечтательности. Стоя пред иконою Спасителя, стой как бы пред Самим Господом Иисусом Христом, вездесущим по Божеству и иконою Своею присутствующим в том месте, где она находится. Стоя пред иконою Божией Матери, стой как бы пред Самою Пресвятою Девою; но ум твой храни безвидным: величайшая разница — быть в присутствии Господа и предстоять Господу или воображать Господа. Ощущение присутствия Господня наводит на душу спасительный страх, вводит в нее спасительное чувство благоговения, а воображение Господа и святых Его сообщает уму как бы вещественность, приводит его к ложному, гордому мнению о себе, — душу приводит в ложное состояние, состояние самообольщения[1].

Высокое состояние — ощущение присутствия Божия! Им удерживается ум от беседы с чуждыми помыслами, наветующими молитву; по причине его обильно ощущается ничтожество человека; по причине его является особенная бдительность над собой, хранящая человека от согрешений, даже самомалейших. Ощущение присутствия Божия доставляется внимательною молитвою. Много способствует к приобретению его и благоговейное предстояние перед святыми иконами.

Слова молитвы, одушевляемые вниманием, проникают глубоко в душу, убодают (уязвляют, колят), пронзают, так сказать, сердце и производят в нем умиление. Слова молитвы, совершаемой с рассеянностию, касаются как бы только поверхности души, не производя на нее никакого впечатления.

Внимание и умиление признаются даром Святого Духа. «Только Дух может остановить волны ума, разбегающиеся повсюду», — сказал святой Иоанн Лествичник[2]. Другой достоблаженный Отец сказал: «Когда с нами умиление, тогда с нами Бог»[3].

Достигший постоянного внимания и умиления в молитвах своих достиг состояния блаженств, называемых в Евангелии *нищетою духа* и *плачем*. Он разорвал уже многие цепи страстей, уже обонял воню свободы духовной, уже носит в недрах своих залог спасения.

---

[1] Слово преподобного Симеона о трех образах молитвы. ‖ [2] Лествица. Слово 28, гл. 17. ‖ [3] Иеромонах Серафим Саровский.

Не оставь теснин истинного молитвенного пути — и достигнешь священного покоя, таинственной субботы: в субботу не совершается никакого земного дела, устраняются борьба и подвиг; в блаженном бесстрастии, вне рассеянности, душа чистой молитвой предстоит Богу и упокоевается в Нем верою в бесконечную благость Его, преданностию Его всесвятой воле.

В подвижнике молитвы преуспеяние в молитве сперва начинает проявляться особенным действием внимания: от времени до времени оно неожиданно объемлет ум, заключает его в слова молитвы. Потом оно сделается гораздо постояннее и продолжительнее: ум как бы прилепится к словам молитвы, влечется ими к соединению с сердцем. Наконец, со вниманием внезапно сочетается умиление и соделает человека храмом молитвы, храмом Божиим.

Приноси Богу молитвы тихие и смиренные, а не пылкие и пламенные. Когда соделаешься таинственным священнослужителем молитвы, тогда взойдешь в Божию скинию и оттуда наполнишь священным огнем кадильницу молитвенную. Огнь нечистый — слепое, вещественное разгорячение крови — воспрещено приносить пред всесвятого Бога.

Священный огнь молитвы, заимствуемый из Божией скинии, — святая любовь, изливаемая в истинных христианах Духом Святым[1]. Силящийся совокупить молитву с огнем крови мнит, в самообольщении своем, обманутый мнением о себе, совершать служение Богу, а на самом деле прогневляет Его.

Не ищи в молитве наслаждений: они отнюдь не свойственны грешнику. Желание грешника ощутить наслаждение есть уже самообольщение. Ищи, чтоб ожило твое мертвое, окаменевшее сердце, чтоб оно раскрылось для ощущения греховности своей, своего падения, своего ничтожества, чтоб оно увидело их, созналось в них с самоотвержением. Тогда явится в тебе истинный плод молитвы: истинное покаяние. Ты восстенаешь пред Богом и будешь вопиять к Нему молитвой из бедственного состояния души, тебе внезапно открывшегося; будешь вопиять, как из темницы, как из гроба, как из ада.

Покаяние рождает молитву и в сугубом количестве рождается от дщери своей.

Наслаждение в молитве — исключительный удел святых избранников Божиих, обновленных Святым Духом. Кто, увлекаемый порывами крови, увлекаемый тщеславием и сладострастием, сочиняет

[1] Рим. 5. 5.

сам себе наслаждения, тот находится в горестном самообольщении. К такому сочинению очень способна душа, омраченная жительством по плоти, душа, обманутая и обманываемая своею гордостию.

Ощущения, порождаемые молитвой и покаянием, состоят в облегчении совести, в мире душевном, в примирении к ближним и к обстоятельствам жизни, в милости и сострадании к человечеству, в воздержании от страстей, в хладности к миру, в покорности Богу, в силе при борьбе с греховными помыслами и влечениями. Этими ощущениями, в которых, однако же, вкушение надежды спасения, будь доволен. Не ищи преждевременно высоких духовных состояний и молитвенных восторгов. Они совсем не таковы на самом деле, каковыми представляются нашему воображению: действие Святого Духа, от которого являются высокие молитвенные состояния, непостижимо для ума плотского[1].

Научись молиться от всего помышления твоего, от всей души твоей, от всей крепости твоей. Спросишь: что это значит? — Этого нельзя иначе узнать, как опытом. Старайся постоянно заниматься внимательною молитвою: внимательная молитва доставит тебе разрешение вопроса блаженным опытом.

Тягостным, скучным, сухим представляется молитвенный подвиг для ума, привыкшего заниматься одними тленными предметами. С трудом приобретается навык в молитве; когда же приобретается этот навык, тогда он делается источником непрестанного духовного утешения.

Молитва, как уже сказано выше, мать всех добродетелей: стяжи мать! с нею придут и чада ее в дом души твоей, соделают его святилищем Божиим.

Пред начинанием всякого дела приноси молитву Богу; ею привлекай благословение Божие на дела твои и ею суди дела твои: помышление о молитве останавливает от дел, противных заповедям Божиим.

Кто пред всяким делом и словом обращается молитвой к Богу о вразумлении, помощи и благословении, тот совершает жительство свое как бы под взорами Бога, под Его руководством. Навык к такому поведению удобен; ничего нет быстрее ума, сказал Великий Варсонофий, ничего нет удобнее, как возводить, при всякой встречающейся нужде, ум к Богу[2].

В трудных обстоятельствах жизни учащай молитвы к Богу. Вернее прибегать к молитвам, нежели к пустым соображениям слабого

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 55. || [2] Ответ 216.

человеческого разума, соображениям, которые по большей части оказываются несбыточными. Вернее опереться верою и молитвою на всемогущего Бога, нежели — шаткими соображениями и предположениями — на свой немощный разум.

Не будь безрассуден в прошениях твоих, чтобы не прогневать Бога малоумием твоим: просящий у Царя царей чего-нибудь ничтожного уничижает Его. Израильтяне, оставив без внимания чудеса Божии, совершенные для них в пустыне, просили исполнения пожеланий чрева — ***и еще брашну сущу во устех их, и гнев Божий взыде на ня***[1].

Приноси Богу прошения, сообразные величию Его. Просил у Него Соломон премудрости — получил ее, и с нею множество других благ: потому что просил благоразумно. Просил у Него Елисей благодати Святого Духа, сугубой пред великим учителем своим, и прошение его было принято.

Ищущий в молитве своей тленных земных благ возбуждает против себя негодование Небесного Царя. Ангелы и Архангелы — эти вельможи Его — взирают на тебя во время молитвы твоей, смотрят, чего просишь ты у Бога. Они удивляются и радуются, когда видят земного, оставившего свою землю и приносящего прошение о получении чего-нибудь небесного; они скорбят, напротив того, на оставившего без внимания небесное и просящего своей земли и тления.

Нам заповедано быть младенцами злобой, а не умом[2]. При молитве отвергается разум мира сего, многоглаголивый и кичливый: из этого не следует, чтобы принималось, требовалось в ней скудоумие. В ней требуется разум совершенный, разум духовный, исполненный смиренномудрия и простоты, выражающийся часто в молитве не словами, а превысшим слов молитвенным молчанием. Молитвенное молчание тогда объемлет ум, когда внезапно предстанут ему новые, духовные понятия, невыразимые словами этого мира и века, когда явится особенно живое ощущение присутствующего Бога. Перед необъятным величием Божества умолкает Его немощная тварь — человек.

Многоглаголание, осужденное Господом в молитвах языческих[3], заключается в многочисленных прошениях о временных благах, которыми преисполнены молитвы язычников в том изложении витийственном, в котором они предложены[4], — как будто ритори-

---

[1] ***...еще пища была в устах их, гнев Божий пришел на них*** (Пс. 77. 30–31). — Эта статья и следующие за ней две заимствованы из 5-го Слова святого Исаака Сирского. ‖ [2] 1 Кор. 14. 20. ‖ [3] Мф. 6. 7–8. ‖ [4] По объяснению блаженного Феофилакта Болгарского.

ческие украшения, вещественная звучность и сила слога могут точно так же действовать на Бога, как они действуют на слух и нервы плотских людей. Осуждая это многословие, Господь отнюдь не осудил продолжительных молитв, как представилось некоторым еретичествующим: Он Сам освятил продолжительную молитву, пребывая подолгу в молитве. *И бе об нощь* (то есть пребыл всю ночь) *в молитве Божии*[1], повествует о Господе Евангелие.

Продолжительность молитв угодников Божиих — не от многоглаголания, но от обильных духовных ощущений, которые являются в них во время молитвы. Обилием и силою этих ощущений уничтожается, так сказать, время, отселе преобразуясь для святых Божиих в вечность.

Когда делатель молитвы достигнет преуспеяния в своем блаженном подвиге, тогда разнообразие мыслей в псалмах и прочих молитвословиях делается несоответствующим его устроению. Молитва мытаря и другие кратчайшие молитвы удовлетворительнее выражают невыразимое, обширное желание сердца, и часто угодники Божии в такой молитве проводили многие часы, дни и годы, не ощутив нужды в разнообразии мыслей для сильной, сосредоточенной молитвы своей[2].

Молитвы, сочиненные еретиками, весьма сходствуют с молитвами язычников: в них многоглаголание; в них земная красота слова; в них разгорячение крови; в них недостаток покаяния; в них стремление на брак Сына Божия прямо из блудилища страстей; в них самообольщение. Чужды они Духа Святого: веет из них смертоносная зараза духа темного, духа лукавого, духа лжи и погибели.

Велико занятие молитвой! Святые Апостолы для молитвы и для служения Слову отказались от служения ближним в телесных их потребностях. *Не угодно есть нам,* сказали они, *оставльшим слово Божие, служити трапезам... Мы же в молитве и служении Слова пребудем*[3], то есть в беседе с Богом молитвой и в беседе о Боге с ближними, возвещая им Триипостасного Бога и вочеловечившегося Бога-Слово.

Занятие молитвой есть высшее занятие для ума человеческого; состояние чистоты, чуждой развлечения, доставляемое уму

---

[1] Лк. 6. 12. ‖ [2] Иеромонах Серафим Саровский, инок, особенно преуспевший в молитве, препроводил тысячу дней и тысячу ночей, стоя на камне и вопия ко Господу: *Боже, милостив буди мне, грешному!* — «Сказание о жизни и подвигах О. Серафима» (Москва, издание 1844 года). ‖ [3] *Нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах... Мы постоянно пребудем в молитве и служении Слова* (Деян. 6. 2, 4).

молитвой, есть высшее его естественное состояние; восхищение его к Богу, чему начальная причина — чистая молитва, есть состояние сверхъестественное[1].

В сверхъестественное состояние восходят только святые угодники Божии, обновленные Святым Духом, совлекшиеся ветхого Адама, облекшиеся в Нового, способные *откровенным лицем* души *славу Господню взирать, преобразующиеся в той же образ от славы в славу* действием Духа Господня[2]. Большую часть Божественных откровений они получают во время упражнения молитвой, как в такое время, в которое душа бывает особенно приготовлена, особенно очищена, настроена к общению с Богом[3]. Так святой апостол Петр во время молитвы увидел сходящую с неба знаменательную плащаницу[4]. Так Корнилию сотнику во время молитвы явился Ангел[5]. Так, когда апостол Павел молился в храме Иерусалимском, явился ему Господь и повелел немедленно оставить Иерусалим: *Иди, яко Аз во языки далече послю тя*[6], сказал Он ему.

Молитва заповедана Господом, так, как и покаяние. Конец молитвы, так, как и покаяния, указан один: вход в Царство Небесное, в Царство Божие, которое — внутри нас. *Покайтеся, приближися бо Царствие Небесное*[7]. *Царствие Божие внутрь вас есть*[8]. *Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется. Отец, иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него*[9]. *Бог не имать ли сотворити отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и нощь* и жалующихся на насилие, причиняемое им греховной заразой и бесами? *Глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре*[10]. Вход в Царство Небесное, которое Святым Крещением насаждено в сердце каждого христианина, есть развитие этого Царства действием Святого Духа.

Спеши молитвою, жаждущая спасения душа, спеши вслед Спасителя, сопровождаемого Его бесчисленными учениками. Зови вслед Его молитвою — подобно жене Хананейской[11]; не огорчайся продолжительным невниманием Его; претерпи великодушно и смиренно скорби и унижения, которые Он попустит тебе на пути молитвенном. Для успеха в молитве непременно нужна помощь от искушений. По вере твоей, за смирение твое, за неотступность

---

[1] Лествица. Слово 28. ‖ [2] Ср.: 2 Кор. 3. 18. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слово 16. ‖ [4] Деян. 10. 11. ‖ [5] Деян. 10. 3. ‖ [6] *Иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам* (Деян. 22. 21). ‖ [7] Мф. 4. 17. ‖ [8] Лк. 17. 21. ‖ [9] Лк. 11. 9–10, 13. ‖ [10] *Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре* (Лк. 18. 7–8). ‖ [11] Мф. 15. 22–28.

молитвы твоей Он утешит тебя исцелением беснующейся от действия страстей дщери твоей — исцелением твоих помышлений и ощущений, претворив их из страстных в бесстрастные, из греховных — в святые, из плотских — в духовные. Аминь.

Статья II

Свят, велик, душеспасителен подвиг молитвы. Он — главный и первый между подвигами иноческими. Все прочие подвиги — подвиги, служебные этому подвигу; предприемлются они для того, чтоб подвиг молитвы совершался успешнее, чтоб плоды молитвы были обильнее. «Глава всякого благочестивого жительства, — сказал преподобный Макарий Великий, — и верх всех добрых дел есть постоянное пребывание в молитве»[1].

Какое человеческое положение может быть выше, может сравниться с положением человека, допущенного к беседе молитвою с Царем царей, с Богом богов, с Творцом и полновластным Владыкой всех видимых и невидимых, вещественных и духовных тварей?

По важности упражнения молитвою это упражнение нуждается в значительном предварительном приуготовлении[2].

От желающих приступить к Царю царей Он требует благоугодных Ему образа мыслей и сердечного настроения, того образа мыслей и того сердечного настроения, при посредстве которых приблизились к Нему и благоугодили Ему все праведники Ветхого и Нового Заветов[3]. Без этого образа мыслей и сердечного настроения доступ невозможен, попытки и усилия к доступу тщетны.

Желающий приступить к Богу и усвоиться Ему постоянным пребыванием в молитве, осмотрись! Исследуй тщательно твой образ мыслей: не заражен ли ты каким-либо лжеучением? в точности ли и без исключений последуешь учению Восточной Церкви, единой истинной, Святой, Апостольской?[4] Если кто *Церковь преслушает,* сказал Господь ученику Своему, *буди тебе якоже язычник и мытарь*[5], чуждые Бога, враги Божии. Какое же может иметь значение молитва того, кто находится в состоянии вражды к Богу, в состоянии отчуждения от Бога?

Сознание своей греховности, сознание своей немощи, своего ничтожества — необходимое условие для того, чтобы молитва

---

[1] Слово 3, гл. 1. ‖ [2] Лествица. Слово 28, гл. 3. ‖ [3] Лк. 1, 17. ‖ [4] Требник. Последование исповедания. ‖ [5] *Если и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь* (Мф. 18. 17).

была милостиво принята и услышана Богом. Все Святые полагали в основание молитвы сознание и исповедание своей греховности и греховности всего человечества. Святость человека зависит от сознания и исповедания этой греховности. Тот, Кто дарует святость человекам за покаяние их, сказал: *Не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние*[1].

Желающий заняться подвигом молитвы! прежде, нежели приступишь к этому подвигу, постарайся простить всякому огорчившему, оклеветавшему, уничижившему тебя, всякому, причинившему тебе какое бы то ни было зло. Тот, пред Кем ты намереваешься предстать молитвою, повелевает тебе: *Аще принесеши дар* молитвы к горнему *олтарю* Царя царей *и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой*[2].

Приуготовь себя к молитве беспристрастием и беспопечением. От пристрастий — попечения. Удерживаемая пристрастиями, развлекаемая попечениями, мысль твоя не возможет неуклонно стремиться молитвою к Богу. *Не можете Богу работати и мамоне*; *идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше. Не пецытеся убо, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся? Ищите* прилежными, постоянными, исполненными умиления молитвами *Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам*[3]. Отторгни от земли и от всего земного ум и сердце твои, и не неудобно будет для тебя начать невидимое шествие молитвой к небу.

Если терпишь нищету, или угнетают тебя скорбные обстоятельства, или злоумышляет на тебя и гонит тебя враг твой, оставь без внимания — для того, чтоб твое внимание при молитве не было наветуемо никаким развлечением, никаким смущением, — оставь без внимания приносимые тебе воспоминания и помышления о нищете твоей, о обстоятельствах твоих, о враге твоем. Тот, у кого в полной власти и ты, и обстоятельства твои, и враг твой, говорит возлюбленным Своим: *Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Мя веруйте*[4].

---

[1] *Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9. 13). ‖ [2] *Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5. 23–24). ‖ [3] *Не можете служить Богу и мамоне (богатству). Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?», или «что пить?», или «во что одеться?». Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6. 24, 21, 31, 33). ‖ [4] Ин. 14. 1.

Егда молишися, завещавает Господь, *вниди в клеть твою и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, иже в тайне*[1]. В обществе ли ты человеков или находишься наедине, старайся постоянно углубляться во внутреннюю душевную клеть твою, затворять двери чувств и языка, молиться тайно умом и сердцем.

Возлюбив подвиг молитвы, возлюби уединение и вещественной келлии. Затворяй двери ее для себя и для других. Терпеливо переноси скуку затвора: она не замедлит замениться приятнейшим чувством. «Пребывай в келлии твоей, — сказали святые Отцы. — Она научит тебя всему»[2], то есть монашескому жительству, которое все сосредоточивается в молитве.

Возлюбив подвиг молитвы, возлюби молчание: оно сохраняет силы души неразъединенными, способными к постоянной молитве во внутренней клети. Навык к молчанию дает возможность к безмолвной сердечной молитве и среди шумящего многолюдства[3].

В жертву любви к молитве принеси наслаждения чувствами и наслаждения умственные, любознательность, любопытство; храни душу твою от всех внешних впечатлений, чтобы на ней напечатлелся, при посредстве молитвы, Бог. Его всесвятой, невидимый духовный Образ не терпит пребывать в душе, засоренной образами суетного, вещественного, преходящего мира.

Не любуйся видимой природой, не занимайся созерцанием красот ее; не трать драгоценного времени и сил души на приобретение познаний, доставляемых науками человеческими[4]. И силы и время употреби на стяжание молитвы, священнодействующей во внутренней клети. Там, в тебе самом, откроет молитва зрелище, которое привлечет к себе все твое внимание: она доставит тебе познания, которых мир вместить не может, о существовании которых он не имеет даже понятия.

Там, в глубине сердца, ты увидишь падение человечества, ты увидишь душу твою, убитую грехом, увидишь гроб, увидишь ад, увидишь демонов, увидишь цепи и оковы, увидишь пламенное оружие Херувима, стрегущего путь к древу жизни, возбраняющего человеку вход в обитель рая, — увидишь многие другие таинства, сокровенные от мира и от сынов мира[5]. Когда откроется это

---

[1] Мф. 6. 6. || [2] Алфавитный патерик. Преподобный Арсений Великий. || [3] Святой Исаак Сирский. Слово 41. || [4] Святой Иоанн Карпафийский, гл. 13. Добротолюбие. Ч. 4. || [5] Преподобный Макарий Великий. Слово 1, гл. 1. Слово 7, гл. 1.

зрелище, — прикуются к нему твои взоры; ты охладеешь ко всему временному и тленному, которому сочувствовал доселе.

«Ныне или завтра умрем», — сказал святой Андрей иноку[1], отвлекая его от привязанности к веществу и объясняя безрассудство такой привязанности. Очень верные слова! Очень верное изображение неопределенного срока нашей земной жизни! Не сегодня-завтра умрем. Ничего нет легче, как умереть. Самая продолжительная жизнь, когда придем к концу ее, оказывается кратчайшим мгновением. К чему же заниматься тем, что по необходимости должны будем оставить навсегда, оставить весьма скоро. Лучше молитвой изучить себя, изучить ожидающие нас жизнь и мир, в которых мы останемся навечно.

Уединение келлии и пустыня — обитель молитвы. «Вкусивший молитвы, — сказал святой Иоанн Лествичник, — будет убегать многолюдства: кто, как не молитва, соделывает любителя своего, подобно онагру (дикому ослу) пустыннолюбивому, свободным от потребности в обществе»?[2] Если хочешь посвятить душу твою в дело молитвы, удали себя от видения мира, откажись от общества человеческого, от бесед и от обычного принятия друзей в твою келлию, даже под предлогом любви. Устрани от себя все, чем прерывается и возмущается твоя таинственная беседа с Богом[3]. Пребывай на земле и в обществе человеческом как странник. Ты — странник. Земля — гостиница. Неизвестен час, в который будешь призван. Призыв неизбежен и неотвратим; отказаться или воспротивиться невозможно. Приготовь себя святой молитвой к радостному исшествию из гостиницы.

Молитва усвояет человека Богу. С невыразимою завистию и ненавистию взирают на ее действие падшие ангелы, перешедшие падением от усвоения Богу к страшной, безумной вражде к Нему. Разнообразными искушениями они стараются поколебать молящегося, отвратить от спасительнейшего подвига, исторгнуть у него то преуспеяние и блаженство, которые, без сомнения, доставятся подвигом. А потому желающий посвятить себя упражнению молитвою должен благовременно приготовиться к скорбям, чтобы не приходить в недоумение и смущение, когда они постигнут его, чтобы мужественно противостать им силой веры и терпения[4].

Демоны поражают инока, пребывающего в молитве, болезнями телесными, угнетают нищетою, недостатком внимания и

---

[1] Четьи-Минеи, 2 октября. ‖ [2] Лествица. Слово 27, гл. 56. ‖ [3] Заимствовано из 56-го Слова святого Исаака Сирского. ‖ [4] Преподобный Нил Синайский. О молитве. Добротолюбие. Ч. 4.

помощи человеческих, как они поразили и угнетали многоболезненного Иова, по Божию попущению. Но мы, подобно этому праведнику, благословим и возблагодарим Бога за попущенное Им, исполненное бесами[1], славословием и благодарением Бога совершим всесвятую волю Божию, объявленную нам Святым Божиим Духом: *О всем благодарите: сие бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас*[2].

Демоны подучают человеков вооружаться на делателя молитвы, осуждать его за странность поведения, за скудость полезной деятельности, — обвинять в праздности, лицемерстве и пустосвятстве, — приписывать ему намерения злые и коварные, действия порочные, — нарушать и возмущать его безмолвие, — принуждать к занятиям, противоположным его жительству, сопряженным с развлечением, рассеянностию, с нарушением сердечного мира. Зная начальную причину этих искушений, будем молиться, по заповеди Евангелия и по завещанию святых Отцов, о ближних наших, согрешающих в неведении и по увлечению; козни демонов разрушит Бог.

Искушая нас извне, демоны злодействуют и внутри нас. Когда удалимся в уединение, начнем заниматься молитвой, они возбуждают в нас разнообразные греховные пожелания, каковых доселе мы не ощущали, — волнуют наше сердце бесчисленными греховными помышлениями и мечтаниями, которые до сего времени никогда не являлись уму нашему: делают они это с той целью, чтобы мы, приведенные в недоумение и уныние, как не видящие никакой пользы от молитвенного подвига и уединения, оставили их[3]. Это действие бесов для подвижников, новых в подвиге, представляется собственным действием души: невидимые, злохитрые враги наши, совершая злодеяния, вместе хотят укрыться, чтобы исшествие из сетей, расставленных человеку, было для него невозможным, расстройство и погибель неизбежными[4].

Как демоны признают весьма важным для себя скрыть себя от человека, так для человека очень важно понять, что они — начальные делатели греха, источник наших искушений, — а не ближние наши, не мы, когда проводим жизнь в служении Богу, — не какой-нибудь случай. Усмотрев врагов, постепенно научимся, под руководством слова Божия, бдительно наблюдать над ними и над собою,

---

[1] Иов. Гл. 1 и 2. ‖ [2] *За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Иисусе Христе* (1 Сол. 5. 18). ‖ [3] Преподобный Нил Сорский. Слово 3. ‖ [4] Преподобный Макарий Великий. Слово 7, гл. 31.

с твердостию сопротивляться им. *Смиритеся,* наставляет нас верховный Апостол, *под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время, всю печаль вашу возвергше Нань, яко Той печется о вас. Трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити, емуже противитеся тверди верою*[1].

Эта борьба, эти нападения демонов на спасающихся и молящихся попущены Самим Богом, — суть следствия нашего произвольного падения, при котором мы подчинили себя власти демонов. Покоримся правосудному о нас определению Бога и подклоним главу под все удары скорбей и болезней, каковыми благоугодно будет Богу карать нашу греховность и наши согрешения во временной жизни, чтоб избавить нас от заслуженных нами вечных скорбей и болезней. Бог, попуская нам искушения и предавая нас диаволу, не перестает промышлять о нас; наказуя, не перестает благодетельствовать нам. *Верен Бог,* говорит Апостол, *иже не оставит вас искуситеся паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести*[2]. И диавол, будучи раб и творение Бога, искушает не столько, сколько ему хочется, но сколько попустит ему мановение Божие; искушает не тогда, когда ему захочется, но когда дается на то дозволение[3]. На Бога возложим, по совету Апостола, все попечение наше о себе, все наши печали, всю нашу надежду, а для этого участим и усилим молитву к Нему.

Попущение демонам искушать нас необходимо для нашего преуспеяния: противодействуя нашей молитве, они вынуждают нас изучиться особенно искусному употреблению этого меча. Мечом молитвы сокрушается огненный меч Херувима, стрегущего путь к древу жизни, и победитель соделывается причастником живота вечного[4]. По неизреченной премудрости Божией, *содействует злое благому намерением не благим*[5]. Когда в уединении нашем и при упражнении молитвой внезапно закипят в нас страстные ощущения и движения, нападут на нас лютые помыслы, предстанут нам в обольстительной живости греховные мечтания, — это знак пришествия врагов. Тогда — не время уныния; не время расслабления:

---

[1] *Смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас. Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5. 6–9). ‖ [2] *И верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10. 13). ‖ [3] Преподобный Макарий Великий. Слово 4, гл. 7. ‖ [4] Откр. 2. 7; Преподобный Макарий Великий. Слово 4, гл. 5. ‖ [5] Преподобный Макарий Великий. Слово 4, гл. 6.

время подвига. Воспротивимся врагам усиленной молитвой к Богу, и Он рассеет, прогонит врагов наших[1].

В невидимой брани не всегда и не скоро соделываемся победителями: победа — дар Божий, даруемый подвижнику Богом в свое время, известное единому Богу и определяемое единым Богом. Самые побеждения бывают нужными для нас. Здесь разумеются побеждения, происходящие от немощи и греховности нашей, а не от изменившегося произволения. Побеждения попускаются нам к нашему смирению для того, чтоб мы усмотрели и изучили падение нашего естества, признали необходимость в Искупителе, уверовали в Него и исповедали Его[2].

При таких побеждениях невидимые враги наши влагают нам стыд по причине побеждения, а по причине стыда — расслабление в молитвенном подвиге, недоверие к нему, мысль о оставлении его и о переходе к благой деятельности посреди человеческого общества. Не вдадимся в обман! С самоотвержением и бесстыдством откроем нашу язву пред всеблагим и всемогущим Врачом нашим, заповедавшим это спасительное для нас бесстыдство и обетовавшим увенчать его отмщением соперникам нашим[3]. Положим в душе своей завет: до конца жизни не оставлять молитвенного подвига, из среды его прейти в вечность.

Наша стыдливость при побеждениях чужда смысла: она — злая насмешка над нами врагов наших. Способен ли этот лист смоковничный — стыдливость с ее средствами — сокрыть согрешение человека от всевидящего Бога? Бог видит грех и без исповедания греха. Он ищет исповедания единственно для того, чтоб уврачевать. Если он завещал Апостолу Своему прощать согрешившего и кающегося брата *седмижды* на день, тем более Сам исполнит это над нами, непрестанно приносящими Ему молитву и покаяние[4].

Обратим тщательное внимание на нижеследующее: не двоедушие ли наше укрепляет врагов наших в борьбе с нами? не оно ли — причина частых побеждений наших? не сами ли мы упрочиваем власть и влияние наших врагов над нами, исполняя их волю исполнением наших плотских пожеланий, влечений, пристрастий? не прогневляем ли этим Бога, не удаляем ли Его от себя? не действует ли в нас миролюбие, оставляющее за нами наружность служителей

---

[1] Пример борьбы с восставшими страстями можно видеть в житии святой Иустины. Четьи-Минеи, 2 октября. ‖ [2] Преподобный Нил Сорский. Слово 3. ‖ [3] Лк. 18. ‖ [4] Лк. 17. 4.

Бога, отъемлющее существенное достоинство Божиих рабов, содеывающее в сущности врагами Бога?[1]

Муж двоедушен неустроен во всех путех своих добродетелей[2]: тем паче поколеблется он на пути возвышеннейшей, первенствующей добродетели — молитвы. Он отвергается Богом как ни теплый, ни студеный[3]. Он не возможет быть учеником истинной молитвы, приводящей учеников своих пред лице Божие для вышеестественного назидания, водящей их вослед Иисуса, если *не отречется всего своего имения*[4] — болезненных уклонений воли падшего человека к миру. *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми*[5]: только принадлежащие всецело Христу могут стяжать истинную молитву.

Ничтожное по-видимому пристрастие, невинная по-видимому любовь к какому-нибудь предмету, одушевленному или неодушевленному, низводят ум и сердце с неба, повергают их на земле между бесчисленными гадами и пресмыкающимися пространного житейского моря[6]. Святые Отцы уподобляют подвижника, преуспевшего в молитве, орлу, а мелочное пристрастие — петле силка; если в этой петле запутается один ноготь орлиной могучей лапы, то орел делается неспособным воспарить горé, делается легкой и непременной добычей ловца[7]: тщетны тогда и сила и отвага царственной птицы.

Иди, — наставляют нас святые Отцы, заимствуя наставление из святого Евангелия, — *продаждь* вещественное *имение твое и даждь нищим, и взем крест,* отвергнись себя противодействием твоим пристрастиям и твоей падшей воле[8], да возможешь помолиться невозмущенно и без рассеянности[9]. Доколе живы в тебе пристрастия, дотоле наветуют молитву смущение и рассеянность.

Необходимо сперва отрешиться от вещественного имущества, расстаться с миром, отречься от него: только по совершении этого отречения христианин может усмотреть свой внутренний плен, темницу, узы, язвы, умерщвление души[10]. Борьба с живущею в сердце смертию, совершаемая при посредстве молитвы, под водительством Слова Божия, есть распятие, есть погубление души для спасения души[11].

---

[1] Иак. 4. 4–5. ‖ [2] *Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих* (Иак. 1. 8). ‖ [3] Откр. 3. 16. ‖ [4] Лк. 14. 33. ‖ [5] Гал. 5. 24. ‖ [6] Пс. 103. 25. ‖ [7] Преподобный Авва Дорофей. Поучение 11, о еже скоро отсекати страсти. ‖ [8] Мф. 19. 21; 16. 24; Мк. 10. 21. ‖ [9] Преподобный Нил Синайский. О молитве, гл. 17. ‖ [10] Преподобный Макарий Египетский. Беседа 21, гл. 2–3. ‖ [11] Мк. 8. 35. — Опыты такой борьбы и распятия видим в жизнеописаниях преподобного Антония Великого, преподобного Макария Египетского и других святых иноков.

Молитву соедини с благоразумным постом: соединение этих двух духовных оружий заповедано нам Самим Господом для изгнания из себя демонов[1]. *Постяся, помажи главу твою и лице твое умый*[2], заповедал Спаситель. По объяснению святых Отцов[3], елей, которым по обычаю того времени помазывали голову, означает милость, которая должна пребывать на нашем духовном суде, как и Апостол сказал: *Облецытеся убо якоже избраннии Божии, святи и возлюбленни, во утробы щедрот, благость, смиреномудрие, кротость и долготерпение: приемлюще друг друга и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение: якоже и Христос простил есть вам, тако и вы*[4]. Лицо тела и души должно умывать слезами: они тогда появятся на глазах молящегося и постящегося, когда сердце его преисполнится милости к ближним, сострадания ко всему человечеству без исключений.

Хочешь ли усвоиться Богу молитвой? Усвой сердцу милость, которой заповедано нам уподобляться Небесному Отцу[5] и достигать благодатного совершенства[6]. Принуждай сердце к милости и благости, погружай, облекай весь дух твой в эти качества, доколе не ощутишь в себе человеколюбия, подобного тому, которое солнцем своим сияет равно на *злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя*[7].

Когда от души простишь всем ближним согрешения их, тогда откроются тебе твои собственные согрешения. Ты увидишь, сколько нуждаешься в милосердии Божием, сколько нуждается в нем все человечество: ты восплачешь пред Богом о себе и о человечестве.

Святые Отцы совмещают все делания инока, всю жизнь его в *плач*. Что значит *плач* инока? Это — его *молитва*[8].

Святой *Дух*, когда вселится в человека, *ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными*[9]. Божественный и пренебесный Дух, соделавшись как бы душою человека, молится и плачет о нем; Он ходатайствует за святых по воле Божией[10], потому что Ему единому вполне известна воля Божия. *Божия никтоже весть, точию Дух Божий*[11]. Господь, обещая ученикам Своим величайший дар, дар Святого Духа, сказал: *Утешитель, Дух Святый, Егоже послет Отец во имя Мое, Той вы научит всему*[12]; если всему, то и плачу и молитве.

[1] Мк. 9. 29. ‖ [2] Мф. 6. 17. ‖ [3] Благовестник. ‖ [4] *Облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы* (Кол. 3. 12–13). ‖ [5] Лк. 6. 36. ‖ [6] Мф. 5. 48. ‖ [7] Мф. 5. 45. Святой Исаак Сирский. Слово 1. ‖ [8] Святой Исаак. Слово 21. ‖ [9] *...ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными* (Рим. 8. 26). ‖ [10] Рим. 8. 27. ‖ [11] *Божьего никто не знает, кроме Духа Божия* (1 Кор. 2. 11). ‖ [12] Ин. 14. 26.

Он восплачет о нас, Он будет молиться о нас, мы же *о чесом помолимся, якоже подобает, не вемы*[1]. Так мы немощны, ограничены, омрачены и повреждены грехом![2]

Если Святой Дух, вселившись в нас, плачет о нас, тем более мы, до прийтия в себя этого всесвятого Странника, должны плакать о себе. Если состояние наше, по обновлении нас Святым Духом, достойно плача, — достойно плача по свидетельству Самого Духа, тем более оно достойно плача в ветхости своей, в падении своем, предоставленное самому себе. Плач должен быть неотъемлемым качеством молитвы нашей, ее постоянным, неразлучным спутником и споспешником, ее душою.

Кто соединяет с молитвой плач, тот подвизается по указанию Самого Бога, подвизается правильно, законно. В свое время он пожнет обильный плод: радость достоверного спасения. Кто устранил из молитвы плач, тот трудится в противность установлению Божию, тот не пожнет никаких плодов. Мало этого, пожнет терние самомнения, самообольщения, погибели.

Братия! Не попустим обмануть себя мысли ложной, смешной, безрассудной, гибельной: не устремимся к исканию наслаждений при молитве нашей! Не свойственно грешникам благодатное наслаждение; им свойствен плач: поищем его всеусердно, поищем этого сокровища — ключа ко всем духовным сокровищам.

Не имеющий плача находится в ложном положении: он обманут своею гордостию.

Святые Отцы называют плач вождем в духовном подвиге. Он должен предводительствовать всеми нашими благочестивыми помышлениями, направлять их к истинной цели. Помышление, не проникнутое плачем и не руководимое им, — помышление заблудшее[3].

Преподобный Пимен Великий сказал: «Все житие монаха должно быть плачем. Это — путь покаяния, преподанный нам Писанием и Отцами, которые сказали: плачьте! другого пути, кроме плача, нет»[4].

Другой великий Отец сказал: «Если хочешь угодить Богу, изыди из мира, отделись от земли, оставь тварь, приступи к Творцу и соединись с Богом *молитвою и плачем*»[5].

Иноки, живущие в многолюдных монастырях и желающие стяжать молитвенный плач, должны обращать особенное внимание на умерщвление своей воли. Если они будут отсекать ее и не обращать

[1] *Ибо мы не знаем, о чем молимся* (Рим. 8. 26). ‖ [2] Преподобный Макарий Великий. Слово 6, гл. 11; Слово 7, гл. 12. ‖ [3] Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 6. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. Сисой Великий.

внимания на грехи, вообще на поведение ближних, то приобретут и молитву и плач. Помыслы, собираясь в сердце, возбуждают в нем молитву и печаль по Богу, а печаль эта производит слезы[1].

При страшной скудости нашего времени в наставниках истинной молитвы изберем себе в руководителя и наставника плач. Он и научит молитве, и охранит от самообольщения. Все отвергшие плач, отлучившие его от молитвы своей, впали в самообольщение. Это утверждают святые Отцы[2].

Достигший посредством плача чистой молитвы помнит во время молитвы только Бога и греховность свою. Смерть и суд, долженствующий немедленно наступить после смерти, представляются ему наступившими. Он предстоит сердечным ощущением пред Судиею нелицеприятным и неумолимым в конечный день суда, пред Судиею, Который еще может быть умолен и может принять лицо плачущего на суде, установленном и предначатом молитвою. Он благовременно ужасается, недоумевает, трепещет, рыдает, стонет, чтоб избежать бесполезных ужаса, трепета, недоумения, рыдания, отчаяния, которые породит в отверженных грешниках окончательный приговор прогневанного навеки Бога. Он осуждает себя, чтоб не быть осужденным; признает себя преступником, достойным всех казней, чтоб отклонить от себя казни; исповедует грешником, чтоб получить праведность от десницы Бога, дающего эту праведность туне всем грешникам, сознающимся и раскаивающимся в греховности.

Заповедует Господь: *Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам*. Здесь указано не однократное действие, но постоянное; повеление распространяется на всю земную жизнь человека. *Всяк бо просяй* таким образом *приемлет, и ищай обретает, и толкущему* неотступно *отверзется. Отец, иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него*[3]. По самому обетованию необходимо тщательнейшее непрерывное делание: *не весте бо, когда Господь дому приидет, вечер, или полунощи, или в петлоглашение, или утро: да не пришед внезапу, обрящет вы спяща*[4].

«Невозможно, — замечает святой Иоанн Лествичник, — научить молитве желающего научиться ей одними словами»[5]. Учителя ее — опыт и плач. В сокрушении и смирении духа начнем подвиг

---

[1] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, ответ 282. ‖ [2] Преподобного Григория Синаита, о прелести, идеже и о иных многих предлогах. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] Лк. 11. 9–10, 13. Благовестник. ‖ [4] Мк. 13. 35–36. ‖ [5] Слово 28, гл. 64.

молитвы, вступим под руководство плача: Сам Бог, *даяй молитву молящемуся*[1], соделается нашим учителем молитвы.

Приидите ко мне, приглашает нас священная матерь всех добродетелей — молитва, *вси труждающиися* под игом страстей в плену у падших духов, *обремененнии* различными согрешениями, *и Аз упокою вы. Возмите иго мое на себе, и обрящете покой душам вашим*, исцеление вашим язвам. *Иго бо мое благо*[2], способно исцелять от согрешений, и самых великих[3].

Приидите, чада, приглашает нас священная матерь всех добродетелей — молитва, — послушайте меня: *страху Господню научу вас*[4]. Научу вас *страху Господню* самым опытом, внесу ощущение его в сердца ваши. Научу вас и *страху* новоначальных, которым *уклоняется всяк от зла*[5], и чистому *страху* Господню, *пребывающему в век века*[6], *страху,* которым страшен Господь *над всеми окрестными Его*[7], страшен самим пламенным Херувимам и преславным, шестокрылатым Серафимам. Оставьте бесплодную и напрасную привязанность ко всему преходящему, с которым вы должны и поневоле расстаться! оставьте увеселения и наслаждения обольстительные! оставьте празднословие, смехословие и многословие, опустошающие душу! вспомните, рассмотрите, удостоверьтесь, что вы здесь, на земле, кратковременные странники, что отечество ваше, вечная обитель — небо. Вам нужен туда верный и сильный вождь: этот вождь — я, не кто иной. Все святые, восшедшие от земли на небо, совершили шествие не иначе, как мною. Я открываю вступившему в союз со мною падение и греховность человека и извлекаю из них, как из глубокой пропасти. Я обнаруживаю пред ним князей воздушных, их сети и цепи, разрываю эти сети и цепи, поражаю и прогоняю этих князей. Я объясняю Творца сотворенному и Искупителя искупленному, примиряю человека с Богом. Я раскрываю пред учеником и любимцем моим необъятное величие Бога и ввожу в то состояние благоговения и покорности к Нему, в котором должны быть создания пред Создателем. Я насеваю в сердце смирение, я делаю сердце источником обильных слез; причастников моих соделываю причастниками Божественной благодати. Не оставляю руководимых мною, доколе не приведу их пред лице Божие, доколе не соединю с Богом. Бог — неисполнимое исполнение всех желаний в здешнем и будущем веке. Аминь.

---

[1] 1 Цар. 2. 9. ‖ [2] Мф. 11. 28–30. ‖ [3] Лествица. Слово 28, гл. 2. ‖ [4] Пс. 33. 12. ‖ [5] Притч. 15. 27. ‖ [6] Пс. 18. 10. ‖ [7] Пс. 88. 8.

Речь к братии по приобщении Святым Христовым Таинам

Возлюбленные о Христе братия! Ныне раздается в сердцах ваших утешительный глас воплотившегося Бога Слова: *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем*[1]. Ныне вы ощущаете исполнение этого гласа на самом деле! Поймите славу вашу, вникните в настоящее достоинство ваше: каждый из вас — сосуд Божественного таинства; каждый из вас — храм, в котором Сын Божий с предвечным Отцом Своим и поклоняемым Духом таинственно и вместе существенно обитает. Уже теперь вы не свои: вы — Божии. Вы куплены Богом ценою Крови Сына Его[2]. Не можете принадлежать ярму чуждому! если кто из вас доселе был темный грешник, тот отныне соделался праведником правдою Сына Божия.

Эта слава ваша, это богатство ваше, эта праведность ваша неужели пребудут в вас только до того времени, доколе вы во храме, или кратчайшее время по исшествии из храма? неужели вы опять предадитесь в работу тлению? неужели Иисус, вошедший Святыми Таинами в сердца ваши, принужден будет уклониться из них по причине множества помышлений, намерений, слов, дел греховных, которые вы допустите себе? Нет! да не совершится эта горестная измена Спасителю, это предательство Спасителя! Пребудьте храмом Божиим, служите вселившемуся в вас Господу тщательным исполнением Его святых заповедей — и Он пребудет в вас[3]: Он сохранит вас на пути земной жизни от всякого преткновения, введет вас безмятежною и нестрашною смертию в пристанище блаженной вечности. Аминь.

Речь сказана в Сергиевой пустыне, в церкви преподобного Сергия, в субботу первой недели Великого поста, 1840 года.

Дневный Апостол 1 февраля 1840 года

Некоторый инок, по неисповедимым судьбам Божиим, вступил в поприще искушений. В день вступления его в это поприще, на Литургии, читали 62 зачало 1-го Соборного послания Петрова: *Возлюбленнии, не дивитеся еже в вас раждежению ко искушению*

[1] *Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6. 56). ‖ [2] *...тела ваши суть члены Христовы* (1 Кор. 6. 15). ‖ [3] *Тело же... для Господа и Господь для тела* (1 Кор. 6. 13).

вам бываему и проч.[1] Особенно поразили инока слова, возглашенные Апостолом: *Время начати суд от дому Божия*[2]. Иноку показалось, что эти слова провозглашены именно для него. При наружном действии человеков и бесов, которые суть лишь слепые орудия Божественного Промысла, совершается таинственный, высший суд — суд Божий[3]. Если следствие этого суда есть наказание, то оно есть следствие правосудия. Если ж следствие правосудия есть наказание, то оно есть обличение виновности, обличение — от Бога. Напрасно же считаю себя праведным, несправедливо наказываемым, усиливаюсь хитрыми оправданиями, которые сам в совести моей признаю ложью, извинить себя, обвинить людей. Самозванец-праведник! обрати взоры ума на грехи твои, неведомые человекам, ведомые Богу — и сознаешься, что суды Божии праведны, а твое оправдание — бесстыдное лукавство. С благоговейной покорностию воздай славословие суду Божию и оправдай орудия, избранные Богом для твоего наказания. Мир Христов низойдет в твое сердце. Этим миром примиришься с твоими скорбями — с самоотвержением предашь воле Божией себя и все. Одно, одно попечение останется в тебе: попечение о точнейшем, действительном покаянии, разрушающем вражду между человеком и Богом, усвояющем человека Богу. Основание покаяния — сознание, полное сознание своей греховности.

Размышление о Вере

Изливаю глаголы сердца моего, тихо волнуемого радостию нетленною и несказанною. Братия! Приникните чистою мыслию в слова мои и насладитесь пиром духовным! Вера во Христа — жизнь. Питающийся верой вкушает уже во время странствования земного жизнь вечную, назначенную праведникам по окончании этого странствования. Господь сказал: *Веруяй в Мя имать живот вечный*[4]. Верою угодники Божии претерпели жестокие искушения: имея в персях богатство и наслаждение живота вечного, они вменяли ни во что жизнь земную с ее прелестями. Верою они принимали скорби и страдания, как дары от Бога, которыми сподобил их Бог подражать и причащаться Своему пребыванию на земле, когда Он благоволил единым из Лиц Своих принять естество наше

[1] *Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь...* (1 Пет. 4. 12). ‖ [2] *Время начаться суду с дома Божия* (1 Пет. 4.17). ‖ [3] Иов. гл. 1 и 2. Преподобного Макария Великого. Слово 4, гл. 7. ‖ [4] Ин. 6. 47.

и совершить наше искупление. Наслаждение безмерное, рождаемое верою, поглощает лютость скорби так, что во время страданий ощущается только одно наслаждение. Засвидетельствовал это великомученик Евстратий в предсмертной молитве своей, склоняя под меч голову. «Телесные мучения, — говорил он Богу, — суть веселия рабом Твоим!»[1] Верою святые погрузились в глубину смирения: они узрели чистым оком веры, что жертвы человеческие Богу — дары Божии в человеке, долги человека, ненужные Богу, необходимые, спасительные для человека, когда человек старается приносить, усугублять, уплачивать их. *Услышите, людие Мои,* говорит Бог, *и возглаголю вам, Исраилю, и засвидетельствую тебе: Бог, Бог твой есмь Аз. Не о жертвах твоих обличу тя: Моя бо есть вселенная и исполнение ея*[2]. *Что же имаши, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь?*[3] *Всякому, емуже дано будет много, много взыщется от него и емуже предаше множайше, множайше истяжут от него*[4]. Божии святые чудодействовали, воскрешали мертвых, предвозвещали будущее, упоены были духовною сладостию и, вместе, смирялись, трепетали, видя с недоумением, удивлением, страхом, что Бог благоволил ущедрить персть, — персти, брению вверил Святого Духа Своего. О ужас! Нападает от зрения этих таинств молчание на ум зрящий; объемлет сердце несказанная радость; язык изнемогает к поведанию. Верою вступили святые в любовь к врагам: око ума, просвещенное верою, неуклонно смотрит на Бога в Промысле Его, и этому Божественному Промыслу приписывает все внешние наведения. Так Давид, зревший пред собою *Господа выну,* чтоб пребывать непоколебимым в мужестве при всех скорбях и попущениях, усиливающихся поколебать и возмутить сердце[5], сказал о Семее, когда Семей проклинал его и кидал в него камнями: *Господь рече ему проклинати Давида. Что вам и мне, сынове Саруины,* помыслы гнева и мщения! *оставите его, и да проклинает! оставите его проклинати мя, яко рече ему Господь: негли призрит Господь на смирение мое*[6]. Душа приемлет искушения,

---

[1] Четьи-Минеи, 13 декабря. ‖ [2] *Слушай, народ Мой, Я буду говорить: Израиль! Я буду свидетельствовать против тебя: Я Бог, твой Бог. Не за жертвы твои Я буду укорять тебя... Моя есть вселенная и все, что наполняет ее* (Пс. 49. 7–8, 12). ‖ [3] *Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?* (1 Кор. 4. 7). ‖ [4] *От всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут* (Лк.12. 48). ‖ [5] Пс. 15. 8. ‖ [6] *Господь повелел ему злословить Давида. Что мне и вам, сыны Саруины? оставьте его, пусть он злословит... Оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему; может быть, Господь призрит на уничижение мое* (2 Цар. 16. 10, 12).

как врачевания своих недугов, благодарит Врача — Бога и поет: *Накажи [искуси] мя, Господи, и испытай мя, разжзи утробы моя и сердце мое*[1]. При таком рассматривании искушения люди и прочие орудия искушений остаются в стороне, как орудия. Нет на них злобы, нет вражды! Душа, славословящая Создателя, благодарящая Врача Небесного, в упоении несказанными чувствами начинает благословлять орудия своего врачевания[2]. И вот! внезапно возгорается в ней любовь к врагам; человек бывает готов положить душу за врага своего, — видит в этом не жертву, но долг, долг непременный раба неключимого. Отселе небо нам отверсто, — входим в любовь к ближним, ею — в любовь к Богу, бываем в Боге, и Бог бывает в нас. Вот какие сокровища заключает в себе вера — ходатай и податель надежды и любви. Аминь.

1840 года, Сергиева пустынь

Сад во время зимы

В 1829 году проводил я зиму в Площанской пустыне[3]. И поныне там, в саду, стоит уединенная деревянная келлия, в которой я жил с моим товарищем. В тихую погоду, в солнечные ясные дни, выходил я на крыльцо, садился на скамейку, смотрел на обширный сад. Нагота его покрывалась снежным покрывалом; кругом все — тихо, какой-то мертвый и величественный покой. Это зрелище начало мне нравиться: задумчивые взоры невольно устремлялись, приковывались к нему, как бы высматривая в нем тайну.

Однажды сидел я и глядел пристально на сад. Внезапно упала завеса с очей души моей: пред ними открылась книга природы. Эта книга, данная для чтения первозданному Адаму, книга, содержащая в себе слова Духа, подобна Божественному Писанию. Какое же учение прочитал я в саду? — Учение о воскресении мертвых, учение сильное, учение изображением действия, подобного воскресению. Если б мы не привыкли видеть оживление природы весной, то оно показалось бы нам вполне чудесным, невероятным. Не удивляемся от привычки; видя чудо, уже как бы не видим его! Гляжу на обнаженные сучья дерев, и они с убедительностию говорят мне своим таинственным языком: «Мы оживем, покроемся листьями, заблаго-

---

[1] *Искуси меня, Господи, и испытай меня: расплавь внутренности мои и сердце мое* (Пс. 25. 2). ‖ [2] Преподобный Макарий Великий. Беседа 37, гл. 2 и 4. ‖ [3] Этот общежительный монастырь находится в Орловской епархии, между городами Севском и Дмитровском, в 40 верстах от каждого.

ухаем, украсимся цветами и плодами: неужели же не оживут сухие кости человеческие во время весны своей?»

Они оживут, облекутся плотию; в новом виде вступят в новую жизнь и в новый мир. Как древа, не выдержавшие лютости мороза, утратившие сок жизненный, при наступлении весны посекаются, выносятся из сада для топлива, так и грешники, утратившие жизнь свою — Бога, будут собраны в последний день этого века, в начатке будущего вечного дня, и ввергнуты в огнь неугасающий.

Если б можно было найти человека, который бы не знал превращений, производимых переменами времен года, если б привести этого странника в сад, величественно покоящийся во время зимы сном смертным, показать ему обнаженные древа и поведать о той роскоши, в которую они облекутся весной, то он, вместо ответа, посмотрел бы на вас и улыбнулся — такой несбыточной басней показались бы ему слова ваши! Так и воскресение мертвых кажется невероятным для мудрецов, блуждающих во мраке земной мудрости, не познавших, что Бог всемогущ, что многообразная премудрость Его может быть созерцаема, но не постигаема умом созданий. Богу все возможно: чудес нет для Него. Слабо помышление человека: чего мы не привыкли видеть, то представляется нам делом несбыточным, чудом невероятным. Дела Божии, на которые постоянно и уже равнодушно смотрим, — дела дивные, чудеса великие, непостижимые.

И ежегодно повторяет природа пред глазами всего человечества учение о воскресении мертвых, живописуя его преобразовательным, таинственным действием!

1843 года, Сергиева пустынь

Добавление к этюду «Сад во время зимы»[1]

Еще, еще несколько слов о воскресении мертвых! скажу поведанное мне нелживыми устами некоторого подвижника, скажу для друзей моих, трудящихся в винограде сердечном. Есть книга, отверзающаяся для человека в его сердце, там, там суждено ему Богом слышать высочайшее учение, как и Господь сказал во Евангелии: *веруяй в Мя от чрева его* (то есть чрева души-сердца) *истекут источники воды живыя; сие же глаголаше*, объясняется святым Иоанном Богословом, *глаголаше о Духе, Егоже хотяху приимати верующие в Него*. Итак, Дух есть книга того сердца, в которое Он вселится.

[1] ОР РГБ. Ф. 425 (П. П. Яковлев). К. II. Ед. хр. № 9. Л. 16об.

Подвижник сей занимался долгое время Иисусовою молитвою в тайне душевной клети и ощущал в себе различные действия. Однажды, стоя в храме и углубляясь в молитву, он ощутил особенное обильное ее действие: все тело и кровь его возрадовались о Боге живе и погрузились в неизреченное наслаждение[1]. Тогда получил он опытное знание о воскресении мертвых и будущем блаженстве тела человеческого, о котором прежде знал и которому веровал, просвещенный учением Церкви. Если тело наше в сей жизни может не только избавиться от действия страстей, но и сделаться причастником духовных наслаждений благодати, то, имея в себе семя жизни вечной, не может не ожить и не взойти с душою в Небесное Царствие!

Древо зимою пред окнами келлии

Зиму 1828 года я провел в монастыре преподобного Александра Свирского. Пред окнами моей келлии стояло древо, разоблаченное морозами, как скелет, разоблаченный смертию. Уединение изощряет чувства, изощряет мысль; круг действия их расширяется. Между тем море, о котором святой Иоанн Лествичник говорит, что ему непременно должно взволноваться, волновалось[2]. Обнаженное древо служило для меня утешением: оно утешало меня надеждою обновления души моей.

Гласом моим, гласом ума моего, гласом сердца моего, гласом тела моего болезнующего, гласом немощей моих, гласом падений моих *воззвах*[3]: *Господи услыши молитву мою*[4], *вонми молению моему*[5], которое воссылаю Тебе из среды браней, потрясающих ум мой и сердце, из среды болезней, томящих и расслабляющих тело мое, из среды множества немощей, объемлющих все существование мое, из среды бесчисленных падений, которыми преисполнена жизнь моя. Услышавший Иону, молившегося во чреве кита, услышь меня, вопиющего из чрева беззаконий моих, из чрева адова. *Из глубины,* из бездны грехов, из бездны поползновений и искушений моих *воззвах Тебе, Господи! Господи,* услышь глас мой! *Изведи из темницы*[6] страстей *душу мою,* пролей в нее свет благодатный! Когда прольешь в нее этот свет, свет и светлый, и радостный, и живо-

[1] Мф. 6. 24. ‖ [2] Лествица. Слово 4, гл. 60. ‖ [3] Пс. 141. 2. ‖ [4] Пс. 142. 1. ‖ [5] Пс. 141. 7. ‖ [6] Пс. 141. 8.

творный, тогда будет она *исповедатися имени Твоему*[1]. — Действует в душе исповедание, возбужденное благодатию, превышающее ум и потопляющее его в неизреченной сладости своей; он, сошедши в сердечную клеть, затворившись в ней невниманием ко всему чувственному, произносит имя Твое, поклоняется имени Твоему, питается именем Твоим, объемлет имя Твое и объемлется им. Имя Твое, Слове Божий и Боже, соделывает для него излишними все прочие слова! *Избави мя от гонящих мя* бесовских помыслов и начинаний, *яко укрепишася паче мене*[2], паче произволения души моей, паче постижения ума моего! *Уны во мне дух мой, во мне смятеся сердце мое*[3]. *Объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя*[4]. Господи! Не на мою силу уповаю: падения мои научают меня познавать немощь мою. Ты, Господи, упование мое! Тогда только могу быть *в стране живых*[5], в стране святой правды Твоей, когда Ты, Господи, ниспошлешь в сердце мое благодать Твою, когда, вселившись в сердце мое, будешь *часть достояния моего*[6], моим единственным имуществом и сокровищем! Возрадуются святые Ангелы Твои, возрадуются лики благоугодивших Тебе человеков, увидя спасение мое. *Мене ждут праведницы, дондеже воздаси мне*[7] милость Твою не по множеству грехов моих, но по множеству Твоего человеколюбия. Аминь.

Дума на берегу моря

Кому подобен христианин, переносящий скорби земной жизни с истинным духовным разумом? Его можно уподобить страннику, который стоит на берегу волнующегося моря. Яростно седые волны подступают к ногам странника и, ударившись о песок, рассыпаются у ног его в мелкие брызги. Море, препираясь с вихрем, ревет, становит волны, как горы, кипит, клокочет. Волны рождают и снедают одна другую; главы их увенчаны белоснежною пеною; море, покрытое ими, представляет одну необъятную пасть страшного чудовища, унизанную зубами. На это грозное зрелище с спокойною думою смотрит таинственный странник. Одни глаза его на море, а где мысль его, где сердце? Мысль его — во вратах смерти; сердце — на суде Христовом. Здесь он уже предстоит умом, здесь он предстоит ощущением, здесь его заботы, здесь страх его: от этого

[1] Пс. 141. 8. ‖ [2] Пс. 141. 7. ‖ [3] *Уныл во мне дух мой, онемело во мне сердце мое* (Пс. 142. 4). ‖ [4] Пс. 114. 3. ‖ [5] Пс. 114. 8. ‖ [6] Пс. 15. 5. ‖ [7] *Вокруг меня соберутся праведные, когда Ты явишь мне благодеяние* (Пс. 141. 8).

страха бежит страх земных искушений. Утихнут ветры, уляжется море. Где холмились гневные волны, там расстелется неподвижная поверхность утомленных бурею вод. После усиленной тревоги они успокоятся в мертвой тишине; в прозрачном зеркале их отразится вечернее солнце, когда оно встанет над Кронштадтом и пустит лучи свои вдоль Финского залива, навстречу струям Невы, к Петербургу. Живописное зрелище, знакомое жителям Сергиевой пустыни! Это небо, этот берег, эти здания сколько видели увенчанных пеною гордых, свирепых волн? И все они прошли, все улеглись в тишине гроба и могилы. И идущие мимо и́дут, успокоятся также! Что так зыбко, так непродолжительно, как венцы из пены влажной!

Взирая из тихого монастырского пристанища на житейское море, воздвизаемое бурею страстей, благодарю Тебя, Царю и Боже мой! привел Ты меня в ограду святой обители! скрыл меня *в тайне лица Твоего от мятежа человеческа!* покрыл меня *в крове от пререкания язык!*[1] О том только печальна душа моя, о том смущаюсь неизвестностию, что пройду ли отсюду, с берега житейского моря коловратного, неверного, *в место селения дивна, даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания шума празднующаго*[2], вселюсь ли там в век века? Что ж до скорбей земных, — *на Бога уповах, не убоюся, что сотворит мне человек*[3].

1843 года, Сергиева пустынь

Восемь главных страстей с их подразделениями и отраслями[4]

1. Чревообъядение

Объядение, пьянство, нехранение и разрешение постов, тайноядение, лакомство, вообще нарушение воздержания. Неправильное и излишнее любление плоти, ее живота и покоя, из чего составляется самолюбие, от которого нехранение верности к Богу, Церкви, добродетели и людям.

2. Любодеяние

Блудное разжжение, блудные ощущения и пожелание тела, блудные ощущение и пожелание души и сердца (скоктание),

[1] *...под покровом лица Твоего от мятежей людских... под сенью от пререкания языков* (Пс. 30. 21). ‖ [2] Пс. 41. 5. ‖ [3] Пс. 55. 12. ‖ [4] Заимствовано из святых Отеческих писаний.

принятие нечистых помыслов, беседа с ними, услаждение ими, соизволение им, медление в них. Блудные мечтания и пленения. Осквернение истицанием (истечением). Нехранение чувств, в особенности осязания, в чем дерзость, погубляющая все добродетели. Сквернословие и чтение сладострастных книг. Грехи блудные естественные: блуд и прелюбодеяние. Грехи блудные противоестественные: малакия (рукоблудие), мужеложство, скотоложство и им подобные.

3. Сребролюбие

Любление денег, вообще любление имущества движимого и недвижимого. Желание обогатиться. Размышление о средствах к обогащению. Мечтание богатства. Опасение старости, нечаянной нищеты, болезненности, изгнания. Скупость. Корыстолюбие. Неверие Богу, неупование на Его Промысл. Пристрастия или болезненная излишняя любовь к разным тленным предметам, лишающая душу свободы. Увлечение суетными попечениями. Любление подарков. Присвоение чужого. Лихва (взятки, обман). Жестокосердие к нищей братии и ко всем нуждающимся. Воровство. Разбой.

4. Гнев

Вспыльчивость, приятие гневных помыслов; мечтание гнева и отмщения, возмущение сердца яростию, помрачение ею ума: непристойный крик, спор, бранные, жесткие и колкие слова, ударение, толкание, убийство. Памятозлобие, ненависть, вражда, мщение, оклеветание, осуждение, возмущение и обида ближнего.

5. Печаль

Огорчение, тоска, отсечение надежды на Бога, сомнение в обетованиях Божиих, неблагодарение Богу за все случающееся, малодушие, нетерпеливость, несамоукорение, скорбь на ближнего, ропот, отречение от креста, покушение сойти с него.

6. Уныние

Леность ко всякому доброму делу, в особенности к молитве. Оставление церковного и келейного правила. Оставление непрестанной молитвы и душеполезного чтения. Невнимание и поспешность в молитве. Небрежение. Неблагоговение. Праздность.

Излишнее успокоение сном, лежанием и всякого рода негой. Перехождение с места на место. Частые выходы из келлии, прогулки и посещения друзей. Празднословие. Шутки. Кощунства. Оставление поклонов и прочих подвигов телесных. Забвение грехов своих. Забвение заповедей Христовых. Нерадение. Пленение. Лишение страха Божия. Ожесточение. Нечувствие. Отчаяние.

7. Тщеславие

Искание славы человеческой. Хвастовство. Желание и искание земных почестей. Любление красивых одежд, экипажей, прислуги и келейных вещей. Внимание к красоте своего лица, приятности голоса и прочим качествам тела. Расположение к наукам и искусствам гибнущим сего века, искание успеть в них для приобретения временной, земной славы. Стыд исповедовать грехи свои. Скрытие их пред людьми и отцом духовным. Лукавство. Словооправдание. Прекословие. Составление своего разума. Лицемерие. Ложь. Лесть. Человекоугодие. Зависть. Уничижение ближнего. Переменчивость нрава. Потворство. Бессовестность. Нрав и жизнь бесовские.

8. Гордость

Презрение ближнего. Предпочтение себя всем. Дерзость. Омрачение, дебелость ума и сердца. Пригвождение их к земному. Хула. Неверие. Прелесть. Лжеименный разум. Непокорность Закону Божию и Церкви. Последование своей плотской воле. Чтение книг еретических, развратных и суетных. Неповиновение властям. Колкое насмешничество. Оставление Христоподражательного смирения и молчания. Потеря простоты. Потеря любви к Богу и ближнему. Ложная философия. Ересь. Безбожие. Невежество. Смерть души.

Таковы недуги, таковы язвы, составляющие собой великую язву, ветхость ветхого Адама, которая образовалась из его падения. Об этой великой язве говорит святой пророк Исаия: *От ног даже до главы несть в нем целости: ни струп, ни язва, ни рана палящаяся: несть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязания*[1]. Это значит, по изъяснению Отцов[2], что язва — грех (не частная, не на одном каком-нибудь члене, но на всем существе) — объяла тело, объяла душу, овладела всеми свойствами, всеми силами человека.

[1] *От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем* (Ис. 1. 6). ‖
[2] Преподобный Авва Дорофей. Поучение 1.

Эту великую язву Бог назвал смертью, когда, воспрещая Адаму и Еве вкушение от древа познания добра и зла, сказал: *воньже аще день снесте от него, смертию умрете*[1]. Тотчас по вкушению плода запрещенного праотцы почувствовали вечную смерть: во взорах их явилось ощущение плотское; они увидели, что они наги. В познании наготы тела отразилось обнажение души, потерявшей красоту непорочности, на которой почивал Дух Святой. Действует в глазах плотское ощущение, а в душе стыд, в котором совокупление всех греховных ощущений: и гордости, и нечистоты, и печали, и уныния, и отчаяния! Великая язва — смерть душевная; неисправима ветхость, происшедшая после потери Божественного подобия! Великую язву Апостол называет *законом греховным, телом смерти*[2], потому что умерщвленные ум и сердце вполне обратились к земле, служат раболепно тленным пожеланиям плоти, омрачились, отяготели, сами соделались плотию. Эта плоть уже неспособна к общению с Богом![3] Эта плоть неспособна наследовать блаженство вечное, небесное![4] Великая язва разлилась на весь род человеческий, соделалась достоянием злосчастным каждого человека.

Рассматривая великую мою язву, взирая на умерщвление мое, исполняюсь горькой печали! Недоумеваю, что мне делать? — Последую ли примеру ветхого Адама, который, увидев наготу свою, спешил скрыться от Бога? Стану ли, подобно ему, оправдываться, возлагая вину на вины греха? Напрасно — скрываться от Всевидящего! напрасно — оправдываться пред Тем, Кто всегда побеждает *внегда судити Ему*[5].

Облекусь же вместо смоковничных листьев в слезы покаяния; вместо оправдания принесу искреннее сознание. Облеченный в покаяние и слезы, предстану пред Богом моим. Но где найду Бога моего? В раю ли? Я изгнан оттуда, — и Херувим, стоящий при входе, не впустит меня! Самою тягостию плоти моей я пригвожден к земле, моей темнице!

Грешный потомок Адама, ободрись! Воссиял свет в темнице твоей: Бог нисшел в дольнюю страну твоего изгнания, чтоб возвести тебя в потерянное тобою твое Горнее отечество. Ты хотел знать добро и зло: Он оставляет тебе это знание. Ты хотел сделать-

---

[1] *...ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2. 17). ‖ [2] *Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?* (Рим. 7. 23–24). ‖ [3] Быт. 6. 3. ‖ [4] *Плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления* (1 Кор. 15. 50). ‖ [5] Пс. 50. 6.

ся яко Бог, и от этого сделался по душе подобным диаволу, по телу подобным скотам и зверям: Бог, соединяя тебя с Собою, соделывает тебя богом по благодати. Он прощает тебе грехи. Этого мало! Он изъемлет корень зла из души твоей, самую заразу греховную, яд, ввергнутый в душу диаволом, и дарует тебе врачевство на весь путь твоей земной жизни, для исцеления от греха, сколько бы раз ты ни заразился им, по немощи твоей. Это врачевство — исповедание грехов. Хочешь ли совлечься ветхого Адама, ты, который Святым Крещением уже облечен в Нового Адама, но собственными беззакониями успел оживить в себе ветхость и смерть, заглушить жизнь, соделать ее полумертвой? Хочешь ли ты, поработившийся греху, влекомый к нему насилием навыка, возвратить себе свободу и праведность? — погрузись в смирение! Победи тщеславный стыд, научающий тебя лицемерно и лукаво притворяться праведным и тем хранить, укреплять в себе смерть душевную. Извергни грех, вступи во вражду с грехом искреннею исповедию греха. Это врачевание должно предварять все прочие; без него врачевание молитвою, слезами, постом и всеми другими средствами будет недостаточным, неудовлетворительным, непрочным. Поди, горделивый, к духовному отцу твоему, — у ног его найди милосердие Отца Небесного! Одна, одна исповедь, искренняя и частая, может освободить от греховных навыков, соделать покаяние плодоносным, исправление прочным и истинным.

В краткую минуту умиления, в которую открываются очи ума для самопознания, которая приходит так редко, написал я это в обличение себе, в увещание, напоминание, наставление. А ты, кто с верой и любовию о Христе прочитаешь эти строки и, может быть, найдешь в них что-нибудь полезное себе, принеси сердечный вздох и молитву о душе, много пострадавшей от волн греховных, видевшей часто пред собою потопление и погибель, находившей отдохновение в одном пристанище: в исповедании своих грехопадений.

О добродетелях, противоположных восьми главным греховным страстям

1. Воздержание

Удержание от излишнего употребления пищи и пития, в особенности от употребления в излишестве вина. Хранение точное постов, установленных Церковию. Обуздание плоти умеренным

и постоянно одинаковым употреблением пищи, от чего начинают ослабевать вообще все страсти, а в особенности — самолюбие, которое состоит в бессловесном люблении плоти, живота и покоя ее.

2. Целомудрие

Уклонение от всякого рода блудных дел. Уклонение от сладострастных бесед и чтения, от произношения скверных, сладострастных, двусмысленных слов. Хранение чувств, особенно зрения и слуха, а еще более — осязания. Скромность. Отвержение помышлений и мечтаний блудных. Молчание. Безмолвие. Служение больным и увечным. Воспоминание о смерти и аде. Начало целомудрия — неколеблющийся ум от блудных помыслов и мечтаний; совершенство целомудрия — чистота, зрящая Бога.

3. Нестяжание

Удовлетворение себя одним необходимым. Ненависть к роскоши и неге. Милосердие к нищим. Любление нищеты евангельской. Упование на Промысл Божий. Последование Христовым заповедям. Спокойствие и свобода духа. Беспопечительность. Мягкость сердца.

4. Кротость

Уклонение от гневливых помыслов и от возмущения сердца яростию. Терпение. Последование Христу, призывающему ученика Своего на крест. Мир сердечный. Тишина ума. Твердость и мужество христианские. Неощущение оскорблений. Незлобие.

5. Блаженный плач

Ощущение падения, общего всем человекам, и собственной нищеты душевной. Сетование о них. Плач ума. Болезненное сокрушение сердца. Прозябающие от них легкость совести, благодатное утешение и радование. Надежда на милосердие Божие. Благодарение Богу в скорбях, покорное их переношение от зрения множества грехов своих. Готовность терпеть. Очищение ума. Облегчение от страстей. Умерщвление миру. Желание молитвы, уединения, послушания, смирения, исповедания грехов своих.

6. Трезвение

Усердие ко всякому доброму делу. Неленостное исправление церковного и келейного правила. Внимание при молитве. Тщательное наблюдение за всеми делами, словами и помышлениями своими. Крайняя недоверчивость к себе. Непрестанное пребывание в молитве и Слове Божием. Благоговение. Постоянное бодрствование над собой. Хранение себя от многого сна, изнеженности, празднословия, шуток и острых слов. Любление нощных бдений, поклонов и прочих подвигов, доставляющих бодрость душе. Редкое, по возможности, исхождение из келлии. Воспоминание о вечных благах, желание и ожидание их.

7. Смирение

Страх Божий. Ощущение его при молитве. Боязнь, рождающаяся при особенно чистой молитве, когда особенно сильно ощущаются присутствие и величие Божии, чтобы не исчезнуть и не обратиться в ничто. Глубокое познание своего ничтожества. Изменение взора на ближних, при чем они, без всякого принуждения, кажутся так смирившемуся превосходнее его по всем отношениям. Явление простодушия от живой веры. Ненависть к похвале человеческой. Постоянное обвинение и укорение себя. Правота и прямота. Беспристрастие. Мертвость ко всему. Умиление. Познание таинства, сокровенного в Кресте Христовом. Желание распять себя миру и страстям, стремление к этому распятию. Отвержение и забвение льстивых обычаев и слов, скромных по принуждению, или умыслу, или навыку притворяться. Восприятие буйства евангельского. Отвержение премудрости земной, как непотребной для неба. Презрение всего, что в человеках высоко и мерзость пред Богом[1]. Оставление словооправдания. Молчание пред обижающими, изученное в Евангелии. Отложение всех собственных умствований и приятие разума евангельского. Низложение всякого помысла, взимающегося на разум Христов. Смиренномудрие, или духовное рассуждение. Сознательное во всем послушание Церкви.

8. Любовь

Изменение во время молитвы страха Божия в любовь Божию. Верность к Господу, доказываемая постоянным отвержением вся-

[1] Лк. 16. 15.

кого греховного помысла и ощущения. Несказанное, сладостное влечение всего человека любовию к Господу Иисусу Христу и к поклоняемой Святой Троице. Зрение в ближних образа Божия и Христа; проистекающее от этого духовного видения предпочтение себе всех ближних и благоговейное почитание их о Господе. Любовь к ближним братская, чистая, ко всем равная, беспристрастная, радостная, пламенеющая одинаково к друзьям и врагам. Восхищение в молитву и любовь ума, сердца и всего тела. Несказанное наслаждение тела радостию духовною. Упоение духовное. Расслабление телесных членов при духовном утешении[1]. Бездействие телесных чувств при молитве. Разрешение от немоты сердечного языка. Прекращение молитвы от духовной сладости. Молчание ума. Просвещение ума и сердца. Молитвенная сила, побеждающая грех. Мир Христов. Отступление всех страстей. Поглощение всех разумений превосходящим разумом Христовым. Богословие. Познание существ бестелесных. Немощь греховных помыслов, не могущих изобразиться в уме. Сладость и обильное утешение при скорбях. Зрение устроений человеческих. Глубина смирения и уничиженнейшего о себе мнения...

Конец бесконечен!

О молитве Иисусовой

Беседа старца с учеником[2]

Отдел I
О молитве Иисусовой вообще

Ученик. Можно ли всем братиям в монастыре заниматься молитвою Иисусовою?

Старец. Не только можно, но и должно. При пострижении в монашество, когда новопостриженному вручаются четки, называемые при этом мечом духовным, завещавается ему непрестанное, денно-нощное моление молитвою Иисусовою[3]. Следовательно, упражнение в молитве Иисусовой есть обет монаха. Исполнение обета есть обязанность, от которой нет возможности отречься.

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 44. ‖ [2] Старцем называется в монастырях инок, руководствующий и наставляющий других иноков. ‖ [3] Предисловие схимонаха Василия Поляномерульского на главы блаженного Филофея Синайского. Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского, издание Оптиной пустыни (Москва, 1847 г.).

Мне сказывали старые монахи, что еще в начале нынешнего столетия в Саровской пустыне — вероятно и в других благоустроенных Российских монастырях — всякому поступавшему в монастырь немедленно преподавалась молитва Иисусова. Блаженный старец Серафим, подвизавшийся в этой пустыне и достигший великого преуспеяния в молитве, постоянно советовал всем инокам проводить внимательную жизнь и заниматься Иисусовою молитвою[1]. Посетил его некоторый юноша, окончивший курс учения в духовной Семинарии, и открыл старцу о намерении своем вступить в монашество. Старец преподал юноше душеспасительнейшие наставления. В числе их было завещание обучаться молитве Иисусовой. Говоря о ней, старец присовокупил: «Одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутреннею, не суть монахи»[2]. Определение очень верное! Монах — значит уединенный: кто не уединился в самом себе, тот еще не уединен, тот еще не монах, хотя бы и жил в уединеннейшем монастыре. Ум подвижника, не уединившегося и не заключившегося в себе, находится по необходимости среди молвы и мятежа, производимых бесчисленными помыслами, имеющими к нему всегда свободный доступ, и сам болезненно, без всякой нужды и пользы, зловредно для себя скитается по вселенной. Уединение человека в самом себе не может совершиться иначе, как при посредстве внимательной молитвы, преимущественно же при посредстве внимательной молитвы Иисусовой.

Ученик. Суждение старца Серафима представляется мне слишком строгим.

Старец. Оно представляется таким только при поверхностном взгляде на него; оно представляется таким недостаточному пониманию великих духовных сокровищ, сокровенных в Христианстве. Блаженный Серафим произнес не свое собственное мнение: он произнес мнение, принадлежащее вообще святым Отцам, принадлежащее Православной Церкви. Говорит святой Исихий Иерусалимский: «Отрекшийся от всего житейского, от жены, имения и тому подобного, соделал монахом лишь внешнего человека, а не и внутреннего, который — ум. Тот истинный монах, кто отрекся от пристрастных помыслов: удобно может он соделать монахом и внешнего чело-

[1] Наставление 32. Издание 1844 года, Москва. Старец Серафим родился в 1759 году, вступил в братство Саровской пустыни в 1778 году, скончался в 1833-м, 2 января. ‖ [2] Сведение это получено от самого советовавшегося лица, ныне архимандрита Никона, настоятеля первоклассного Георгиевского Балаклавского монастыря (1866 год).

века, когда захочет. Не мал подвиг соделать монахом внутреннего человека. Имеется ли в современном поколении монах, совершенно избавившийся от пристрастных помыслов и сподобившийся чистой, невещественной, непрестанной молитвы, что служит признаком внутреннего монаха?»[1] Преподобный Агафон, инок Египетского Скита, будучи спрошен, что важнее, телесный ли подвиг или подвиг внутренний, отвечал: «Человек подобен древу; телесный подвиг подобен листу древа, а внутренний — плоду. Но как в Писании сказано, что *всяко убо древо не творящее плода добра посекается и во огнь вметается*[2], то из этого явствует, что все тщание наше должно быть о плоде, то есть о хранении ума. Нужно и то, чтоб древо было покрыто и украшено листьями, чем изображается телесный подвиг»[3]. «О чудо! — восклицает блаженный Никифор Афонский, приведши слова преподобного Агафона в своем сочинении о духовном подвиге, — какое изречение произнес этот Святой против всех, не хранящих ума, а уповающих на одно телесное делание! всяко древо, *не творящее плода добра*, то есть блюдения ума, а имеющее один только лист, то есть телесный подвиг, посекается и *во огнь вметается*. Страшно, Отец, твое изречение!»[4]

Хранение ума, блюдение ума, трезвение, внимание, умное делание, умная молитва — это различные наименования одного и того же душевного подвига в различных видоизменениях его. Душевный подвиг переходит, в свое время, в духовный. Духовный подвиг есть тот же душевный, но уже осененный Божественною благодатию. Этот душевный или духовный подвиг Отцы определяют так. «Внимание есть сердечное непрестанное безмолвие, всегда и непрерывно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, дышащее Им, с Ним мужественно ополчающееся против врагов, исповедающееся Ему, Единому имеющему власть прощать грехи»[5]. Проще сказать — внутренним деланием, умным, душевным деланием, умной молитвой, трезвением, хранением и блюдением ума, вниманием называется одно и то же: благоговейное, тщательное упражнение в молитве Иисусовой. Блаженный Никифор Афонский уподобил эти наименования отрезанной части хлеба, которая, сообразно виду ее, может быть названа и куском, и ломтем, и укрухом[6]. Божественное Писание Ветхого Завета законополагает: *Всяцем хранением*

---

[1] Слово о трезвении, гл. 80 и 81. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [2] Лк. 3. 9. ‖ [3] Патерик Скитский. ‖ [4] Никифора Монашествующего Слово о трезвении. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [5] Святой Исихий Иерусалимский. Слово о трезвении, гл. V. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [6] Слово о трезвении. Добротолюбие. Ч. 2.

блюди твое сердце; от сих бо исходища живота[1]. *Внемли себе: да не будет слово тайно в сердцы твоем беззакония*[2]. Бодрствование над сердцем и очищение его повелевается особенно Новым Заветом. К этому направлены все заповедания Господа. *Очисти прежде,* говорит Господь, *внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее их чисто*[3]. Сосудами из хрупкого стекла и малоценной глины Господь назвал здесь человеков. *Исходящее от человека, то сквернит человека: извнутрь бо от сердца человеческа помышления злая исходят, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, татьбы, лихоимства, обиды, лукавствия, лесть, студодеяния, око лукаво, хула, гордыня, безумство. Вся сия злая извнутрь исходят и сквернят человека*[4]. Святой Варсонофий Великий говорит: «Если внутреннее делание с Богом, то есть осененное Божественною благодатию, не поможет человеку, то тщетно подвизается он наружным, то есть телесным, подвигом»[5]. Святой Исаак Сирский: «Не имеющий душевного делания лишен духовных дарований»[6]. В другом слове этот великий наставник христианского подвижничества уподобляет телесные подвиги, без подвига о очищении ума, ложеснам бесплодным и сосцам иссохшим: «Они, — сказал Святой, — не могут приблизиться к разуму Божию»[7]. Святой Исихий Иерусалимский: «Не имеющий молитвы, чистой от помыслов, не имеет оружия для брани: говорю о молитве, приснодействующей во внутренности души, о молитве, в которой призыванием Христа поражается и опаляется супостат, ратующий тайно»[8]. «Невозможно очистить сердце и отогнать от него враждебных духов без частого призывания Иисуса Христа»[9]. «Как невозможно проводить земную жизнь без пищи и пития, так невозможно без хранения ума и чистоты сердца, в чем заключается трезвение и что называется трезвением, достигнуть душе во что-либо духовное или освободиться от мысленного греха, хотя бы кто страхом вечных мук и понуждал себя не согрешать»[10]. «Если точно хочешь постыдить стужающие тебе помыслы,

[1] *Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни* (Притч. 4. 23). ‖ [2] *Берегись, чтобы не вошла в сердце твое беззаконная мысль* (Втор. 15. 9). По объяснению святого Исихия. Слово о трезвении, гл. 2. ‖ [3] *Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы была чиста и внешность их* (Мф. 23. 26). ‖ [4] *Исходящее из человека оскверняет человека. Ибо извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, — все это зло извнутрь исходит и оскверняет человека* (Мк. 7. 20–23). ‖ [5] Ответ 210. ‖ [6] Слово 56. ‖ [7] Слово 58. ‖ [8] Святого Исихия Слово о трезвении, гл. 21, 28, 109, 182, 168. ‖ [9] Святого Исихия Слово о трезвении, гл. 21, 28, 109, 182, 168. ‖ [10] Там же.

безмолвствовать в душевном мире, свободно трезвиться (бодрствовать) сердцем, то Иисусова молитва да соединится с дыханием твоим, — и увидишь это совершающимся по прошествии немногих дней»[1]. «Невозможно плавание кораблю без воды; и блюдение ума не возможет состояться без трезвения, соединенного со смирением и с непрерывающейся молитвою Иисусовою»[2]. «Если имеешь желание о Господе не только представляться монахом — и благим, и кротким, и постоянно соединенным с Богом, если имеешь желание быть истинно таким монахом, — всеусильно проходи добродетель внимания, которая состоит в хранении и блюдении ума, в совершении сердечного безмолвия, в блаженном состоянии души, чуждом мечтательности, что обретается не во многих»[3]. «Истинно и существенно монах тот, кто исправляет трезвение; и тот истинно исправляет трезвение, кто в сердце — монах (уединенный)»[4]. Такому учению святых Отцов служит основанием, как зданию краеугольный камень, учение Самого Господа. *Истиннии поклонницы,* возвестил Господь, *поклонятся Отцу духом и истиною: ибо Отец таковых ищет покланяющихся Ему; Дух есть Бог: и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися*[5].

Помню: современные молодости моей некоторые благочестивые миряне, даже из дворян, проводившие очень простую жизнь, занимались Иисусовою молитвою. Этот драгоценный обычай ныне, при общем ослаблении христианства и монашества, почти утратился. Моление именем Господа Иисуса Христа требует трезвенной, строго нравственной жизни, жизни странника, требует оставления пристрастий, а нам сделались нужными рассеянность, обширное знакомство, удовлетворение нашим многочисленным прихотям, благодетели и благодетельницы. *Иисус уклонися, народу сущу на месте*[6].

Ученик. Последствием сказанного не будет ли заключение, что без упражнения молитвою Иисусовою не получается спасение?

Старец. Отцы не говорят этого. Напротив того, преподобный Нил Сорский, ссылаясь на священномученика Петра Дамаскина, утверждает, что многие, не достигши бесстрастия, сподоби-

---

[1] Святого Исихия Слово о трезвении, гл. 21, 28, 109, 182, 168. ‖ [2] Святого Исихия Слово о трезвении, гл. 21, 28, 109, 182, 168. ‖ [3] Святого Исихия Слово о трезвении, гл. 115, 159. ‖ [4] Там же. ‖ [5] *Истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине* (Ин. 4. 23–24). ‖ [6] *Иисус скрылся в народе, бывшем на том месте* (Ин. 5. 13).

лись получить отпущение грехов и спасение[1]. Святой Исихий, сказав, что без трезвения нет возможности избежать греха в *мыслях,* назвал блаженными и тех, которые воздерживаются от *греха на деле.* Он наименовал их насилующими Царство Небесное[2]. Достижение же бесстрастия, освящения или, что то же, христианского совершенства, без стяжания умной молитвы невозможно; в этом согласны все Отцы. Цель монашеского жительства состоит не только в достижении спасения, но, по преимуществу, в достижении христианского совершенства. Цель эта предначертана Господом: *аще хощеши совершен быти,* сказал Господь, *иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и гряди в след Мене, взем крест*[3]. Отцы, сравнивая подвиг молитвы именем Господа Иисуса с прочими иноческими подвигами, говорят следующее: «Хотя и имеются другие пути и роды жительства или, если хочешь так назвать, благие делания, руководствующие ко спасению и доставляющие его тем, которые занимаются ими, хотя имеются подвиги и упражнения, вводящие в состояние раба и наемника (как и Спасителем сказано: *у Отца Моего обители многи суть*[4]), но путь умной молитвы есть путь царский, избранный. Он настолько возвышеннее и изящнее всех других подвигов, насколько душа превосходнее тела: он возводит из земли и пепла в усыновление Богу»[5].

Ученик. Направление современного монашества, при котором упражнение молитвою Иисусовою встречается очень редко, может ли послужить для меня извинением и оправданием, если я не буду заниматься ею?

Старец. Долг остается долгом и обязанность — обязанностию, хотя бы число неисполняющих еще более умножилось. Обет произносится всеми. Ни множество нарушителей обета, ни обычай нарушения не дают законности нарушению. Мало то стадо, которому Отец Небесный благоволил даровать Царство[6]. Всегда тесный путь имеет мало путешественников, а широкий — много[7]. В последние времена тесный путь оставится почти всеми, почти все пойдут по широкому. Из этого не следует, что широкий потеряет свойство вводить в пагубу, что тесный сделается излишним, ненужным для спасения. Желающий спастись непременно должен держаться тесного пути, положительно завещанного Спасителем.

---

[1] Устав скитский. Слово 1. ‖ [2] Святого Исихия Слово о трезвении, гл. 110 ср. с гл. 109. ‖ [3] Мф. 19. 21; Мк. 10. 21. ‖ [4] Ин. 14. 2. ‖ [5] Преподобные Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 98. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [6] Лк. 12. 32. ‖ [7] Мф. 7. 13–14.

Ученик. Почему называешь ты тесным путем упражнение молитвою Иисусовою?

Старец. Как же не тесный путь? Тесный путь в точном смысле слова! Желающий заняться успешно молитвою Иисусовою должен оградить себя — и извне, и внутри — поведением самым благоразумным, самым осторожным: падшее естество наше готово ежечасно изменить нам, предать нас; падшие духи с особенным неистовством и коварством наветуют упражнение молитвою Иисусовою. Нередко из ничтожной по-видимому неосторожности, из небрежности и самонадеянности непримеченных возникает важное последствие, имеющее влияние на жизнь, на вечную участь подвижника, — и *аще не Господь помогл бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя. Подвижеся нога моя: милость Твоя, Господи, помогаше ми*[1].

Основанием для упражнения молитвою Иисусовою служит поведение благоразумное и осторожное. Во-первых, должно устранить от себя изнеженность и наслаждения плотские во всех видах. Должно довольствоваться пищею и сном, постоянно умеренными, соразмерными с силами и здоровьем, чтобы пища и сон доставляли телу должное подкрепление, не производя непристойных движений, которые являются от излишества, не производя изнеможения, которое является от недостатка. Одежда, жилище и все вообще вещественные принадлежности должны быть скромные, в подражание Христу, в подражание Апостолам Его, в последование духу их, в общение с духом их. Святые Апостолы и истинные ученики их не приносили никаких жертв тщеславию и суетности, по обычаям мира, не входили ни в чем в общение с духом мира. Правильное, благодатное действие молитвы Иисусовой может прозябнуть только из духа Христова: прозябает и произрастает оно исключительно на одной этой почве. Зрение, слух и прочие чувства должны быть строго хранимы, чтобы чрез них, как чрез врата, не ворвались в душу супостаты. Уста и язык должны быть обузданы, как бы окованы молчанием: празднословие, многословие, особливо насмешки, пересуды и злоречие, суть злейшие враги молитвы. От принятия братии в свою келлию, от хождения в их келлии должно отказаться: должно пребывать терпеливо в своей келлии, как в гробе, с мертвецом своим — с своею душою, истерзанною, убитою грехом — молить Господа Иисуса о помиловании. Из могилы — келлии — молитва

[1] *Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания. Когда я говорил: «колеблется нога моя», — милость Твоя, Господи, поддерживала меня* (Пс. 93. 17–18).

восходит на небо: в той могиле, в которую скрывается тело по смерти, и в могиле адской, в которую низвергается душа грешника, уже нет места для молитвы. В монастыре должно пребывать странником, не входя в дела монастыря по самочинию, не заводя ни с кем близкого знакомства, ограждаясь при трудах монастырских молчанием, посещая неупустительно храм Божий, посещая в случаях нужды келлию духовного отца, обдумывая всякий выход из своей келлии, выходя из нее только по указанию существенной надобности. От любопытства и любознательности суетных должно отказаться решительно, обратив все любопытство и все изыскания на исследование и изучение пути молитвенного. Нуждается этот путь в тщательнейшем исследовании и изучении: он — не только путь *тесный*, но и путь *вводяй в живот*[1]; он — наука из наук и художество из художеств. Так именуют его Отцы[2].

Путь истинной молитвы соделывается несравненно теснее, когда подвижник вступит на него деятельностию внутреннего человека. Когда же он вступит в эти теснины и ощутит правильность, спасительность, необходимость такого положения, когда труд во внутренней клети соделается вожделенным для него, — тогда соделается вожделенною и теснота по наружному жительству, как служащая обителию и хранилищем внутренней деятельности. Вступивший умом в подвиг молитвы должен отречься и постоянно отрекаться как от всех помыслов и ощущений падшего естества, так и от всех помыслов и ощущений, приносимых падшими духами, сколько бы ни были благовидными те и другие помыслы и ощущения; он должен идти постоянно тесным путем внимательнейшей молитвы, не уклоняясь ни налево, ни направо. Уклонением налево называю оставление молитвы умом для беседы с помыслами суетными и греховными; уклонением направо называю оставление молитвы умом для беседы с помыслами, внешне благими. Четырех родов помыслы и ощущения действуют на молящегося: одни прозябают из благодати Божией, насажденной в каждого православного христианина Святым Крещением, другие предлагаются Ангелом Хранителем, иные возникают из падшего естества, наконец, иные наносятся падшими духами. Первых двух видов помыслы, правильнее — воспоминания и ощущения, содействуют молитве, оживляют ее, усиливают внимание и чувство покаяния, производят умиление,

---

[1] *...ведущий в жизнь* (Мф. 7. 14). || [2] Преподобный Кассиан Римлянин. Собеседование 2, о рассуждении; блаженный Никифор Афонский. Добротолюбие. Ч. 2, и многие другие Отцы.

плач сердца, слезы, обнажают пред взорами молящегося обширность греховности его и глубину падения человеческого, возвещают о неминуемой никем смерти, о безызвестности часа ее, о нелицеприятном и страшном Суде Божием, о вечной муке, по лютости своей превышающей постижение человеческое. В помыслах и ощущениях падшего естества добро смешано со злом, а в демонских зло часто прикрывается добром, действуя, впрочем, иногда и открытым злом. Последних двух родов помыслы и ощущения действуют совокупно по причине связи и общения падших духов с падшим человеческим естеством, — и первым плодом действия их являются высокоумие, в молитве — рассеянность. Демоны, принося мнимо духовные и высокие разумения, отвлекают ими от молитвы, производят тщеславную радость, услаждение, самодовольство, как бы от открытия таинственнейшего христианского учения. Вслед за демонскими богословием и философией вторгаются в душу помыслы и мечтания суетные и страстные, расхищают, уничтожают молитву, разрушают благое устроение души. По плодам различаются помыслы и ощущения истинно благие от помыслов и ощущений мнимо благих.

О, как справедливо называют Отцы упражнение молитвою Иисусовою и тесным путем, и самоотвержением, и отречением от мира![1] Эти достоинства принадлежат всякой внимательной и благоговейной молитве, по преимуществу же — молитве Иисусовой, чуждой того разнообразия в форме и того многомыслия, которые составляют принадлежность псалмопения и прочих молитвословий[2].

Ученик. Из каких слов состоит молитва Иисусова?

Старец. Она состоит из следующих слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Некоторые Отцы[3] разделяют молитву, для новоначальных, на две половины и повелевают от утра, примерно до обеда, говорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», а после обеда: «Сыне Божий, помилуй мя». Это — древнее предание. Но лучше приучиться, если то можно, к произношению цельной молитвы. Разделение допущено по снисхождению к немощи немощных и новоначальных.

Ученик. Помянуто ли о Иисусовой молитве в Священном Писании?

[1] Преподобный Нил Синайский о молитве, главы 17, 18, 142. Добротолюбие. Ч. 4. ‖ [2] Лествица. Слово 28, гл. 10. ‖ [3] Преподобный авва Дорофей, житие преподобного Досифея; преподобный Григорий Синаит. Добротолюбие. Ч. 1.

Старец. О ней говорится в Святом Евангелии. Не подумай, что она — установление человеческое: она — установление Божественное. Установил и заповедал священнейшую молитву Иисусову Сам Господь наш Иисус Христос. После Тайной Вечери, на которой сотворено величайшее из Таинств христианских — Святая Евхаристия, Господь, в прощальной беседе с учениками Своими пред исшествием на страшные страдания и крестную смерть для искупления ими человечества погибшего, преподал возвышеннейшее учение и важнейшие, окончательные заповеди. Между этими заповедями Он даровал дозволение и заповедание молиться именем Его[1]. *Аминь, аминь глаголю вам,* сказал Он Апостолам, *яко елико аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам*[2]. *Еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне. И аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю*[3]. *Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет*[4]. Величие имени Господа Иисуса Христа предвозвещено Пророками. Указывая на имеющее совершиться искупление человеков Богочеловеком, Исаия вопиет: *Се, Бог мой, Спас мой! Почерпите воду с веселием от источник спасения! И речеши в день он: хвалите Господа, воспойте имя Его: поминайте, яко вознесеся имя Его; хвалите имя Господне, яко высокая сотвори*[5]. *Путь Господень — суд: уповахом во имя Твое и память, еяже желает душа наша*[6]. Согласно с Исаиею предрекает Давид: *Возрадуемся о спасении твоем, и во имя Господа Бога нашего возвеличимся. Имя Господа Бога нашего призовем*[7]. *Блажени людие ведущии воскликновение* — усвоившие себе умную молитву — *Господи, во свете лица Твоего пойдут: и о имени Твоем возрадуются весь день, и правдою Твоею вознесутся*[8].

Ученик. В чем заключается сила молитвы Иисусовой?

---

[1] О безмолвии и молитве Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, гл. 10. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [2] *Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам* (Ин. 16. 23). ‖ [3] *И если что попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне* (Ин. 14, 13–14). ‖ [4] *Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна* (Ин. 16. 24). ‖ [5] *Вот, Бог — спасение мое... И в радость будете почерпать воду из источников спасения, и скажете в тот день: славьте Господа, призывайте имя Его... напоминайте, что велико имя Его* (Ис. 12. 2–4). ‖ [6] *И на пути судов Твоих, Господи, мы уповали на Тебя; к имени Твоему и к воспоминанию о Тебе стремилась душа наша* (Ис. 26. 8). ‖ [7] *Мы возрадуемся о спасении твоем и во имя Бога нашего поднимем знамя... Именем Господа Бога нашего хвалимся* (Пс. 19. 6, 8). ‖ [8] *Блажен народ, знающий трубный зов! Они ходят в свете лица Твоего, Господи, о имени Твоем радуются весь день и правдою Твоею возносятся* (Пс. 88. 16–17).

Старец. В Божественном имени Богочеловека, Господа и Бога нашего Иисуса Христа. Апостолы, как видим из книги Деяний их и из Евангелия, совершали великие чудеса именем Господа Иисуса Христа: исцеляли недуги, неисцелимые средствами человеческими, воскрешали мертвых, повелевали бесам, изгоняли их из одержимых ими человеков. Однажды, вскоре после Вознесения Господня на небо, когда все двенадцать Апостолов пребывали еще во Иерусалиме, два из них, Петр и Иоанн, пошли для молитвы в храм Иерусалимский. К вратам храма, называемым Красными, ежедневно выносили хромого от рождения и полагали на помосте: хромой не мог ни ходить, ни стоять. Поверженный у врат, страдалец просил у входивших в храм милостыню, которою, как видно, питался. Когда Апостолы приблизились к Красным вратам, хромой устремил к ним взоры, ожидая получить подаяние. Тогда святой Петр сказал ему: *сребра и злата несть у мене, но еже имам, сие ти даю: во имя Иисуса Христа Назорея востани и ходи*[1]. Увечный исцелился мгновенно, взошел в храм с Апостолами и громко прославлял Бога. Народ, пораженный удивлением, сбежался к Апостолам. *Мужие Израильтяне!* — сказал святой Петр собравшемуся народу, — *что чудитеся о сем? или на ны что взираете? яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити? Бог Авраамов и Исааков и Иаковль, Бог отец наших, прослави Отрока Своего Иисуса: и о вере имене Его, сего, егоже видите и знаете, утверди имя Его*[2]. Весть о чуде вскоре пронеслась до враждебного Господу Иисусу Синедриона[3]. Встревожился Синедрион вестию, схватил Апостолов, отдал под стражу, а на следующий день позвал их к суду пред полным собранием своим. Призван был и исцеленный хромец. Когда Апостолы встали посреди сонмища богоубийц, недавно заклеймивших себя казнию Богочеловека, во имя и именем Которого теперь совершено поразительнейшее чудо пред множеством очевидцев-свидетелей, — дан был Апостолам запрос: *Коею силою или коим именем сотвористе сие вы?* Петр, исполнившись Святого Духа, отвечал словами Святого Духа, которые заключались следующими: *Разумно буди всем вам и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назо-*

---

[1] *Серебра и золота нет у меня, а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи* (Деян. 3. 6). || [2] *Мужи Израильские! Что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит? Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса... И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете* (Деян. 3, 12–16). || [3] Синедрионом называлось верховное духовное судилище иудеев.

рея, Егоже вы распясте, Егоже Бог воскреси от мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав: несть бо иного имене под небесем, данного в человецех, о немже подобает спастися нам[1]. Запечатлелись молчанием уста врагов Божиих пред непреоборимою силою глаголов небесной истины; не нашлось многочисленное сонмище мудрых и сильных, что сказать и чем возразить на свидетельство Святого Духа, возвещенное двумя некнижными рыбарями, запечатленное небесною печатию — Божиим чудом. Синедрион прибегает к своей власти, к насилию. Несмотря на явное чудо, несмотря на свидетельство, данное истине Самим Богом, Синедрион запрещает настрого Апостолам учить о имени Иисуса, даже произносить это имя. Но Апостолы отвечали дерзновенно: *аще праведно есть пред Богом вас послушати паче Бога, судите: не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати*[2]. Синедрион опять не находит возражения, опять прибегает исключительно к своей власти, повторяет строгое воспрещение. Он отпустил Апостолов, ничего не сделав им, хотя и желал излить на них исступленную злобу: чудом всенародным связывались и настроение его, и действие. Петр и Иоанн, возвратившись к своим, передали им угрозы и воспрещение верховного судилища. Тогда двенадцать Апостолов и все члены новорожденной Иерусалимской Церкви пролили единодушно пламенную молитву к Богу: молитву противопоставили они силе и ненависти миродержителей — человеков и демонов. Молитва эта заключалась следующим прошением: *Господи! призри на прещения их и даждь рабом Твоим со всяким дерзновением глаголати слово Твое, внегда руку Твою простерти Ти во исцеления, и знамением и чудесем бывати именем святым Отрока Твоего Иисуса*[3].

Ученик. Некоторые утверждают, что от упражнения Иисусовою молитвою всегда или почти всегда последует прелесть, и очень запрещают заниматься этою молитвою.

Старец. В усвоении себе такой мысли и в таком запрещении заключается страшное богохульство, заключается достойная

[1] *Какою силою или каким именем вы сделали это?.. Да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав... Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян. 4. 7, 10, 12). ‖ [2] *Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали* (Деян. 4. 19–20). ‖ [3] *Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое, тогда как Ты простираешь руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса* (Деян. 4. 29–30).

сожаления прелесть. Господь наш Иисус Христос есть единственный источник нашего спасения, единственное средство нашего спасения; человеческое имя Его заимствовало от Божества Его неограниченную, всесвятую силу спасать нас; как же эта сила, действующая во спасение, эта единственная сила, дарующая спасение, может извратиться и действовать в погибель? Это — чуждо смысла! это — нелепость горестная, богохульная, душепагубная! Усвоившие себе такой образ мыслей точно находятся в бесовской прелести, обмануты лжеименным разумом, исшедшим из сатаны. Сатана восстал коварно против всесвятого и великолепного имени Господа нашего Иисуса Христа, употребляет в свое орудие слепоту и неведение человеческие, оклеветал имя *еже паче всякаго имене. О имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних*[1]. Запрещающим молиться молитвою Иисусовою можно отвечать словами апостолов Петра и Иоанна на подобное запрещение, сделанное Иудейским Синедрионом: *праведно ли есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите.* Господь Иисус заповедал молиться всесвятым именем Своим; Он дал нам бесценный дар; какое значение может иметь учение человеческое, противоречащее учению Бога, воспрещение человеческое, усиливающееся устранить и разрушить повеление Божие, отъять дар бесценный? Опасно, очень опасно проповедовать учение, противное тому учению, которое проповедано Евангелием. Такое начинание есть произвольное отлучение себя от благодати Божией, по свидетельству Апостола[2].

Ученик. Но старцы, мнение которых приведено мною, пользуются особенною известностию, признаются многими за опытнейших наставников в духовной жизни.

Старец. Апостол заповедал (правильнее — заповедал устами Апостола Святой Дух) отвергать всякое учение, не согласное с учением, которое *благовествовали* Апостолы, — отвергать и тогда, когда бы *Ангел с небесе* благовестил это несогласное учение[3]. Так выразилось Священное Писание не потому, чтобы кто-либо из святых Ангелов покусился противоречить учению Христову, но потому, что учение Христово, учение Божие, проповеданное Апостолами,

[1] *Имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних* (Флп. 2. 9–10). ‖ [2] Гал. 1. 8. ‖ [3] Гал. 1. 8–9. *Аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет. Якоже предрекохом, и ныне паки глаголю, аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет. [Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема.]*

вполне достоверно, вполне свято, не подлежит никаким изменениям, как бы ни представлялись эти изменения основательными недостаточному, превратному знанию и плотскому мудрованию. Учение Христово, будучи превыше суда и человеков и Ангелов, принимается одною смиренною верою и само служит тем камнем, которым испытуются все прочие учения.

Мнение общества человеков о наставнике монашества не имеет никакого значения, если учение этого наставника противоречит Священному Писанию и писанию святых Отцов, если оно содержит в себе богохульство. Монашество — наука из наук: надо знать ее, чтоб верно оценивать преподающего ее. Сказал преподобный Макарий Великий: «Многие, представляющиеся по наружности праведными, слывут истинными христианами; но одним художникам, и из них — основательно знающим художество, свойственно узнавать, точно ли эти праведники имеют знание и образ Царя, или же, может быть, вычеканено и напечатлено на них поддельно знамение неблагонамеренными людьми? одобрят ли или отвергнут их искусные художники? Если же не найдется искусных художников, то некому и исследовать злохитрых делателей, потому что и они облечены в наружность монашествующих и христиан»[1]. Блаженный Феофилакт Болгарский, объясняя слова Архангела Гавриила о Иоанне, Предтече Господнем, что он будет велий пред Господом[2], говорит: «Ангел обещает, что Иоанн будет велик, но пред Господом: потому что многие называются великими пред человеками, не пред Богом, а они — лицемеры». Если порочная жизнь и злонамеренность, прикрытые лицемерством, не узнаются миром, принимаются им за добродетель, тем непостижимее для него знание недостаточное, знание поверхностное, знание превратное. Мир высоко ценит телесные подвиги и лишения, не разбирая того, правильно ли, полезно ли употребляются они или погрешительно и в тяжкий душевный вред; мир особенно уважает то, что действует удачно на телесные чувства, что соответствует понятиям мира о добродетели и о монашестве; мир любит то, что льстит и угождает ему; *мир любит свое*, сказал Спаситель[3]. Скорее ненависть мира, злоречие мира, гонение им могут быть признаками истинного раба Божия: и это засвидетельствовано Спасителем[4]. Святые Отцы завещавают избирать наставника непрелестного, непрелестность которого должна познаваться по согласию учения и жительства

[1]Беседа 38, гл. I. ‖ [2] Лк. 1. 15. ‖ [3]Ин. 15. 18–25. ‖ [4] Ин. 15. 18–25.

его с Священным Писанием и с учением духоносных Отцов[1]. Они предостерегают от учителей неискусных, чтобы не заразиться их лжеучением[2]. Они повелевают сличать учение учителей с учением Священного Писания и святых Отцов; согласное принимать, несогласное отвергать[3]. Они утверждают, что не имеющие очищенного душевного ока и не могущие познавать древа по плоду признают учительными и духовными тщеславных, пустых и лицемеров, а на истинных святых не обращают никакого внимания, находя их не знающими ничего, когда они молчат, — гордыми и жестокими, когда говорят[4]. Рассмотри все Священное Писание и увидишь, что в нем повсюду возвеличено и прославлено имя Господне, превознесена сила его, спасительная для человеков. Рассмотри писания Отцов и увидишь, что все они, без исключения, советуют и заповедуют упражнение молитвою Иисусовою, называют ее оружием, которого нет крепче ни на небе, ни на земле[5], называют ее Богоданным, неотъемлемым наследием, одним из окончательных и высших завещаний Богочеловека, утешением любвеобильным и сладчайшим, залогом достоверным[6]. Наконец обратись к законоположению Православной Восточной Церкви и увидишь, что она для всех неграмотных чад своих, и монахов и мирян, установила заменять псалмопение и молитвословие на келейном правиле молитвою Иисусовою[7]. Что же значит пред единогласным свидетельством Священного Писания и всех святых Отцов, пред законоположением Вселенской Церкви о молитве Иисусовой противоречащее учение некоторых слепцов, прославленных и прославляемых подобными им слепцами.

Молдавский старец, схимонах Василий, живший в конце прошедшего столетия, изложил учение о молитве Иисусовой с особенною удовлетворительностию в замечаниях к сочинениям преподобных Григория Синаита, Исихия Иерусалимского и Филофея Синайского. Схимонах назвал замечания свои предисловиями или предпутиями. Название очень верное! Чтение замечаний подготовляет к чтению упомянутых Отцов, сочинения которых относятся наиболее к монахам, уже значительно преуспевшим. Замечания

---

[1] Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, о безмолвии и молитве, гл. 14. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Преподобного Симеона Нового Богослова, гл. 32. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] Преподобного Симеона Нового Богослова, гл. 33. ‖ [4] Преподобного Симеона Нового Богослова, гл. 70, 71, 72. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [5] Лествица. Слово 21, гл. 7. Слово 15, гл. 55. — Слово о трезвении святого Исихия, главы 28, 39, 62 и проч. — Преподобный Нил Сорский. Слово о блудном помысле. ‖ [6] Преподобные Каллист и Игнатий, гл. 10. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [7] Псалтирь с восследованием.

изданы Оптиною Пустынию вместе с писаниями Паисия Нямецкого, которого Василий был наставником, сподвижником и другом[1]. В предисловии на книгу преподобного Григория Синаита старец Василий говорит: «Некоторые, не знакомые опытно с умным деланием и мнящие о себе, что имеют дар рассуждения, оправдывают себя или, лучше сказать, отклоняют от обучения сему священному деланию тремя предлогами, или изветами: во-первых, отсылая это делание к святым и бесстрастным мужам, думая, что оно принадлежит им, а не и страстным; во-вторых, представляя совершенное оскудение наставников и учителей такому жительству и пути; в третьих, последующую этому деланию прелесть. Из этих предлогов, или изветов, первый — непотребен и несправедлив, потому что первая степень преуспеяния новоначальных монахов состоит в умалении страстей трезвением ума и блюдением сердца, то есть умною молитвою, подобающею деятельным. Второй — безрассуден и неоснователен, потому что за недостатком наставника и учителя Писание — нам учитель. Третий заключает в себе самообольщение: приводящие его, читая писания о прелести, этим же писанием запинают себя, криво объясняя его. Вместо того, чтоб из писания познавать прелесть и предостережение от нее, они превращают это писание и представляют его в основание к уклонению от умного делания. Если же ты страшишься этого делания и обучения ему от одного благоговения и простоты сердца, то и я, на этом основании, страшусь, а не на основании пустых басен, по которым *волка бояться, так в лес не ходить*. И Бога должно бояться, но не убегать и не удаляться от Него по причине этого страха». Далее схимонах объясняет различие между молитвою, совершаемою умом при сочувствии сердца и приличествующею всем благочестивым инокам и христианам, от молитвы благодатной, совершаемой умом в сердце или из сердца и составляющей достояние иноков преуспевших. Получившим и усвоившим себе несчастное предубеждение против молитвы Иисусовой, нисколько не знакомым с нею из правильного и долговременного упражнения ею, было бы гораздо благоразумнее, гораздо безопаснее воздерживаться от суждения о ней, сознавать свое решительное неведение этого священнейшего подвига, нежели принимать на себя обязанность проповеди против

[1] Оптина Пустынь оказала величайшую услугу отечественному монашеству переводом с греческого на русский, частью же изданием на славянском языке многих Отеческих сочинений о духовном монашеском подвиге. Да упомянется здесь, среди благословения, имя почившего блаженного старца упомянутой пустыни иеросхимонаха Макария, стоявшего во главе этого дела.

упражнения молитвою Иисусовою: провозглашать, что эта всесвятая молитва служит причиною бесовской прелести и душепогибели. В предостережение им нахожу необходимым сказать, что хуление молитвы именем Иисуса, приписывание зловредного действия этому имени равновесны той хуле, которую произносили фарисеи на чудеса, совершаемые Господом[1]. Неведение может быть извинено на Суде Божием гораздо удобнее, нежели упорное предубеждение и основанные на нем возгласы и действия. Будем помнить, что на Суде Божием мы должны дать отчет за каждое праздное слово[2]; тем страшнее отчет за слово и слова хульные на основной догмат Христианской Веры. Учение о Божеской силе имени Иисусова имеет полное достоинство основного догмата и принадлежит к всесвятому числу и составу этих догматов. Невежественное богохульное умствование против молитвы Иисусовой имеет весь характер умствования еретического.

Ученик. Однако святые Отцы очень остерегают занимающегося молитвою Иисусовою от прелести.

Старец. Да, предостерегают. Они предостерегают от прелести и находящегося в послушании, и безмолвника, и постника — словом сказать, всякого, упражняющегося какой бы то ни было добродетелию. Источник прелести, как и всякого зла, — диавол, а не какая-нибудь добродетель. «Со всею осмотрительностию должно наблюдать, — говорит святой Макарий Великий, — устрояемые врагом (диаволом) со всех сторон козни, обманы и злоковарные действия. Как Святой Дух чрез Павла всем служит для всех[3], так и лукавый дух старается злобно быть всем для всех, чтоб всех низвести в погибель. С молящимися притворяется и он молящимся, чтоб по поводу молитвы ввести в высокоумие; с постящимися постится, чтоб обольстить их самомнением и привести в умоисступление; со сведущими Священное Писание и он устремляется в исследование Писания, ища по-видимому знания, в сущности же — стараясь привести их к превратному разумению Писания; с удостоившимися осияния светом представляется и он имеющим этот дар, как говорит Павел: *сатана преобразуется во ангела светла*[4], чтоб, прельстив привидением как бы света, привлечь к себе. Просто сказать: он принимает на себя для всех всякие виды, чтоб действием, подобным действию добра, поработить себе подвижника и, прикрывая себя благовидностию, низвергнуть его в погибель»[5]. Мне случалось

---

[1] Мф. 12. 31, 34, 36. ‖ [2] Там же. ‖ [3] 1 Кор. 9. 22. ‖ [4] 2 Кор. 11. 14. ‖ [5] Слово 7, глава 9.

видеть старцев, занимавшихся исключительно усиленным телесным подвигом и пришедших от него в величайшее самомнение, величайшее самообольщение. Душевные страсти их — гнев, гордость, лукавство, непокорство — получили необыкновенное развитие. Самость и самочиние преобладали в них окончательно. Они с решительностию и ожесточением отвергали все душеспасительнейшие советы и предостережения духовников, настоятелей, даже святителей: они, попирая правила не только смирения, но и скромности, самого приличия, не останавливались выражать пренебрежение к этим лицам самым наглым образом.

Некоторый египетский инок, в начале IV века, сделался жертвой ужаснейшей бесовской прелести. Первоначально он впал в высокоумие, потом, по причине высокоумия, поступил под особенное влияние лукавого духа. Диавол, основываясь на произвольном высокоумии инока, озаботился развить в нем этот недуг, чтоб при посредстве созревшего и окрепшего высокоумия окончательно подчинить себе инока, вовлечь его в душепогибель. Вспомоществуемый демоном инок достиг столь бедственного преуспеяния, что становился босыми ногами на раскаленные угли и, стоя на них, прочитывал всю молитву Господню *Отче наш*. Разумеется, люди, не имевшие духовного рассуждения, видели в этом действии чудо Божие, необыкновенную святость инока, силу молитвы Господней, и прославляли инока похвалами, развивая в нем гордость и способствуя ему губить себя. Ни чуда Божия, ни святости инока тут не было; сила молитвы Господней тут не действовала — тут действовал сатана, основываясь на самообольщении человека, на ложно направленном произволении его; тут действовала бесовская прелесть. Спросишь: какое же значение имела в бесовском действии молитва Господня? Ведь прельщенный читал ее и приписывал действию ее совершавшееся чудо. Очевидно: молитва Господня не принимала тут никакого участия; прельщенный по собственному произволению, по собственному самообольщению и по обольщению демонскому употребил против себя духовный меч, данный человекам во спасение. Заблуждение и самообольщение еретиков всегда прикрывались злоупотреблением Слова Божия, прикрывались с утонченным лукавством; и в повествуемом событии заблуждение человеческое и бесовская прелесть, с тою же целию, прикрывались коварно молитвою Господнею. Несчастный инок полагал, что он стоит на раскаленных углях босыми ногами по действию молитвы Господней за чистоту и высоту своей подвижнической жизни, а он

стоял на них по действию бесовскому. Точно таким образом самообольщение и бесовская прелесть прикрываются иногда как бы действием молитвы Иисусовой, а неведение приписывает действию этой святейшей молитвы то, что должно приписывать совокупному действию сатаны и человека, — человека, предавшегося руководству сатаны. Упомянутый египетский инок перешел от мнимой святости к необузданному сладострастию, потом — к совершенному умоисступлению и, кинувшись в разжженную печь общественной бани, сгорел. Вероятно: или объяло его отчаяние, или представилось ему в печи какое-либо обманчивое привидение[1].

Ученик. Что в человеке, какое условие в нем самом делает его способным к прелести?

Старец. Преподобный Григорий Синаит говорит: «Вообще, одна причина прелести — гордость»[2]. В гордости человеческой, которая есть самообольщение, диавол находит для себя удобное пристанище и присоединяет свое обольщение к самообольщению человеческому. Всякий человек более или менее склонен к прелести, потому что *самая чистая природа человеческая имеет в себе нечто горделивое*[3].

Основательны предостережения Отцов! Должно быть очень осмотрительным, должно очень охранять себя от самообольщения и прелести. В наше время, при совершенном оскудении Боговдохновенных наставников, нужна особенная осторожность, особенная бдительность над собою. Они нужны при всех иноческих подвигах: наиболее нужны при молитвенном подвиге, который из всех подвигов — возвышеннейший, душеспасительнейший, наиболее наветуемый врагами[4]. *Со страхом жительствуйте*[5], завещавает Апостол. В упражнении молитвою Иисусовою есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца. Святейший Каллист, патриарх Константинопольский, живописуя духовные плоды этой молитвы, говорит: «Никто из ненаученных тайнам или из требующих млека, услыша высокое учение о благодатном действии молитвы, да не осмелится прикоснуться к нему. Возбранена такая несвоевременная попытка. Покусившихся на нее и взыскавших преждевременно того, что приходит в свое время, усиливающихся взойти в пристанище бесстрастия в несоответствующем

---

[1] Четьи-Минеи. Житие преподобного Пахомия Великого, 15 мая. || [2] Гл. 131. Добротолюбие. Ч. 1. || [3] Преподобный Макарий Великий. Беседа 7, гл. 4. || [4] Преподобный Макарий Великий. Слово 3, гл. 2. || [5] 1 Пет. 1. 17.

ему устроении, Отцы признают не иначе как находящимися в умопомешательстве. Невозможно читать книг тому, кто не выучился грамоте»[1].

Ученик. Что значит начинать упражнение молитвою Иисусовою с середины и конца и что значит начинать это упражнение с начала?

Старец. Начинают с середины те новоначальные, которые, прочитав в Отеческих писаниях наставление для упражнения в молитве Иисусовой, данное Отцами безмолвникам, то есть монахам, уже весьма преуспевшим в монашеском подвиге, необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее. Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со ***вниманием*** и ***благоговением,*** с целию покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали молитве. Так и святой Иоанн Лествичник, этот великий делатель сердечной благодатной молитвы, предписывает находящимся в послушании молитву внимательную, а созревшим для безмолвия — молитву сердечную. Для первых он признает невозможной молитву, чуждую рассеянности, а от вторых требует такой молитвы[2]. В обществе человеческом должно молиться одним умом, а наедине — и умом и устами, несколько вслух себе одному[3]. Особенное попечение, попечение самое тщательное, должно быть принято о благоустроении нравственности сообразно учению Евангелия. Опыт не замедлит открыть уму молящегося теснейшую связь между заповедями Евангелия и молитвою Иисусовою. Эти заповеди служат для этой молитвы тем, чем служит елей для горящего светильника; без елея светильник не может быть возожжен; при оскудении елея не может гореть: он гаснет, разливая вокруг себя дым зловонный. Образуется нравственность по учению Евангелия очень удобно при прохождении монастырских послушаний, когда послушания проходятся в том разуме, в каком заповедано проходить их святыми Отцами. Истинное послушание служит основанием, законною дверию для истинного безмолвия[4]. Истинное безмолвие

---

[1] Главы о молитве, гл. 8. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [2] Лествица. Слово 4, гл. 93 и Слово 27, гл. 6, 46, 60, 61, 62. ‖ [3] Святейшего Каллиста «О молитве вкратце». Добротолюбие. Ч. 4. ‖ [4] Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы. Гл. 15. Добротолюбие. Ч. 2.

состоит в усвоившейся сердцу Иисусовой молитве, — и некоторые из святых Отцов совершили великий подвиг сердечного безмолвия и затвора, окруженные молвою человеческою[1]. Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями, единственно на этом твердом камне евангельском может быть воздвигнут величественный, священный, невещественный храм богоугодной молитвы. Тщетен труд зиждущего на песке: на нравственности легкой, колеблющейся[2]. Нравственность, приведенную в стройный, благолепный порядок, скрепленную навыком в исполнении евангельских заповедей, можно уподобить несокрушимому серебряному или золотому сосуду, который один только способен достойно принять и благонадежно сохранить в себе бездонное духовное миро — молитву.

Святой Симеон Новый Богослов, рассуждая о случающейся безуспешности молитвенного подвига и о плевелах прелести, возникающих из него, приписывает причину и безуспешности и прелести несохранению правильности и постепенности в подвиге. «Хотящие взойти, — говорит Богослов, — на высоты молитвенного преуспеяния, да не начинают идти сверху вниз, но да восходят снизу вверх, сперва на первую ступень лествицы, потом на вторую, далее на третью, наконец на четвертую. Таким образом всякий может восстать от земли и взойти на небо. *Во-первых,* он должен подвизаться, чтобы укротить и умалить страсти. *Во-вторых,* он должен упражняться в псалмопении, то есть в молитве устной: когда умалятся страсти, тогда молитва, естественно доставляя веселие и сладость языку, вменяется благоугодною Богу. *В-третьих,* он должен заниматься умною молитвою». Здесь разумеется молитва, совершаемая умом в сердце: молитву внимательную новоначальных, при сочувствии сердца, Отцы редко удостаивают наименования умной молитвы, причисляя ее более к устной. «*В-четвертых,* он должен восходить к видению. Первое составляет принадлежность новоначальных; второе — возрастающих в преуспеяние; третье — достигших крайнего преуспеяния; четвертое — совершенных». Далее Богослов говорит, что и подвизающиеся об умалении страстей должны приобучаться к хранению сердца и к внимательной молитве Иисусовой, соответствующей их устроению[3]. В обще-

---

[1] Таковы были: Алексей, человек Божий (17 марта), святой Иоанн Кущник (15 января), преподобный Виталий Монах и другие. Лествица. Слово 4, гл. 36. || [2] Мф. 7. 26. || [3] Слово о трех образах внимания и молитвы, в статье о третьем образе, в конце статьи. — Лествица. Слово 27, гл. 33.

житиях Пахомия Великого, произведших возвышеннейших делателей умной молитвы, каждого вновь вступившего в монастырь, во-первых, занимали телесными трудами под руководством старца в течение трех лет. Телесными трудами, частыми наставлениями старца, ежедневною исповедью внешней и внутренней деятельности, отсечением воли обуздывались страсти могущественно и быстро, доставлялась уму и сердцу значительная чистота. При упражнении в трудах преподавалось новоначальному соответствующее устроению его делание молитвы. По истечении трех лет требовалось от новоначальных изучение наизусть всего Евангелия и Псалтыри, а от способных — и всего Священного Писания, что необыкновенно развивает устную внимательную молитву. Уже после этого начиналось тайноучение умной молитве: объяснялось оно обильно и Новым и Ветхим Заветами[1]. Таким образом, монахи вводились в правильное понимание умной молитвы и в правильное упражнение ею. От прочности основания и от правильности в упражнении — дивным было преуспеяние[2].

Ученик. Имеется ли какое верное средство к предохранению себя от прелести вообще, при всех подвигах монашеских, и в частности — при упражнении молитвою Иисусовою?

Старец. Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение — добродетель, прямо противоположная гордости, — служит верным предостережением и предохранением от прелести. Святой Иоанн Лествичник назвал смирение *погублением страстей*[3]. Очевидно, что в том, в ком не действуют страсти, в ком обузданы страсти, не может действовать и прелесть: потому что *прелесть есть страстное или пристрастное уклонение души ко лжи на основании гордости.*

При упражнении же молитвою Иисусовою, и вообще молитвой, вполне и со всею верностию предохраняет вид смирения, называемый *плачем.* Плач есть сердечное чувство покаяния, спасительной печали о греховности и разнообразной, многочисленной немощи человека. Плач есть *дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно,* которое *Бог не уничижит*[4], то есть не предаст во власть и поругание демонам, как предается им сердце гордое, исполненное

---

[1] Это явствует из писаний преподобного Кассиана Римлянина, преподобного Орсисия, преподобного Исаии Отшельника и других святых иноков, получивших иноческое образование в Египетских монастырях. ‖ [2] Заимствовано из поведаний преподобного Кассиана Римлянина. ‖ [3] Лествица. Заглавие 25-го Слова. ‖ [4] Пс. 50. 19.

самомнения, самонадеянности, тщеславия. Плач есть та единственная жертва, которую Бог принимает от падшего человеческого духа до обновления человеческого духа Святым Божиим Духом. Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем, — и прелесть никогда не воздействует в нас. Святой Григорий Синаит в последней статье своего сочинения[1], в которой изложены им для подвижников молитвы предостережения от душепагубной прелести, говорит: «Немалый труд — достигнуть точно истины и соделаться чистым от всего, сопротивного благодати: потому что обычно диаволу показывать, особенно пред новоначальными, свою прелесть в образе истины, давая лукавому вид духовного. По этой причине подвизающийся в безмолвии достичь чистой молитвы должен шествовать мысленным путем молитвы со многим трепетом и плачем, с испрошением наставления у искусных, всегда плакать о своих грехах, печалясь и боясь, как бы не подвергнуться муке или не отпасть от Бога, не отлучиться от Него в этом или будущем веке. Если диавол увидит, что подвижник живет плачевно, то не пребывает при нем, не терпя смирения, происходящего от плача... Великое оружие — иметь при молитве и плач. Непрелестная молитва состоит в теплоте с молитвою Иисусовою, которая (молитва Иисусова) и влагает огнь в землю сердца нашего, в теплоте, попаляющей страсти, как терние, производящей в душе веселие и тихость. Теплота эта не приходит с правой или с левой стороны и не сверху, но прозябает в самом сердце, как источник воды от Животворящего Духа[2]. Возлюби ее единую найти и стяжать в сердце, соблюдая твой ум присно-немечтательным, чуждым разумений и помышлений, и не бойся. Сказавший: *Дерзайте: Аз есмь, не бойтеся*[3], — Он с нами. Он — Тот, Кого мы ищем. Он всегда защитит нас, — и мы не должны бояться или воздыхать, призывая Бога. Если некоторые и совратились, подвергшись умоповреждению, то знай, что они подверглись этому от самочиния и высокомудрия». Ныне, по причине совершенного оскудения духоносных наставников, подвижник молитвы вынужден исключительно руководствоваться Священным Писанием и писаниями Отцов[4]. Это — гораздо труднее. Новая причина для сугубого плача!

---

[1] Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Духовная теплота — достояние весьма преуспевших иноков, подвизающихся в безмолвии, для которых написана и вся книга святого Григория Синаита, а отнюдь не достояние новоначальных. Новоначальные должны довольствоваться тем, если будут молиться со вниманием и умилением. О теплоте см. в «Слове о Иисусовой молитве» (Аскетические опыты. Том 2). ‖ [3] Мф. 14. 27. ‖ [4] Преподобный Нил Сорский. Предисловие к «Преданию».

Отдел II
О прелести

Ученик. Дай точное и подробное понятие о прелести. Что такое прелесть?

Старец. Прелесть есть повреждение естества человеческого ложью. Прелесть есть состояние всех человеков, без исключения, произведенное падением праотцов наших. Все мы — в прелести[1]. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть — признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истиной. Истина есть Господь наш Иисус Христос[2]. Усвоимся этой Истине верою в Нее; возопием молитвою к этой Истине, — и Она извлечет нас из пропасти самообольщения и обольщения демонами. Горестно состояние наше! Оно — темница, из которой мы молим извести нашу душу, *исповедатися имени* Господню[3]. Оно — та мрачная земля, в которую низвергнута жизнь наша позавидовавшим нам и погнавшим нас врагом[4]. Оно — плотское мудрование[5] и лжеименный разум[6], которыми заражен весь мир, не признающий своей болезни, провозглашающий ее цветущим здравием. Оно — *плоть и кровь,* которые *Царствия Божия наследити не могут*[7]. Оно — вечная смерть, врачуемая и уничтожаемая Господом Иисусом, Который есть *воскрешение и живот*[8]. Таково наше состояние. Зрение его — новый повод к плачу. С плачем возопием ко Господу Иисусу, чтоб Он вывел нас из темницы, извлек из пропастей земных, исторг из челюстей смерти. «Господь наш Иисус Христос, — говорит преподобный Симеон Новый Богослов, — потому и сошел к нам, что восхотел изъять нас из плена и из *злейшей прелести*»[9].

Ученик. Это объяснение не довольно доступно для моих понятий: нуждаюсь в объяснении более простом, более близком к моему уразумению.

Старец. В средство погубления человеческого рода употреблена была падшим ангелом *ложь*[10]. По этой причине Господь назвал диавола *ложью, отцем лжи и человекоубийцею искони*[11]. Понятия о лжи Господь тесно соединил с понятием о человекоубийстве: потому что последнее есть непременное последствие первой. Словом *искони*

[1] Начало 3-го Слова преподобного Симеона Нового Богослова. Издание Оптиной Пустыни 1852 года. ‖ [2] Ин. 8. 32; 14. 6. ‖ [3] Пс. 141. 8. ‖ [4] Пс. 142. 3. ‖ [5] Рим. 8. 6. ‖ [6] 1 Тим. 6. 20. ‖ [7] 1 Кор. 15. 50. ‖ [8] Ин. 11. 25. ‖ [9] Начало 3-го Слова. ‖ [10] Быт. 3. 1–13. ‖ [11] Ин. 8. 44.

указывается на то, что ложь с самого начала послужила для диавола орудием к человекоубийству и постоянно служит ему орудием к человекоубийству, к погублению человеков. Начало зол — ложная мысль! Источник самообольщения и бесовской прелести — ложная мысль! Причина разнообразного вреда и погибели — ложная мысль! При посредстве лжи диавол поразил вечною смертию человечество в самом корне его, в праотцах. Наши праотцы *прельстились,* то есть признали истиною ложь, и, приняв ложь под личиною истины, повредили себя неисцельно смертоносным грехом, что засвидетельствовала и праматерь наша. *Змий прельсти мя,* сказала она, *и ядох*[1]. С того времени естество наше, зараженное ядом зла, стремится *произвольно* и *невольно* ко злу, представляющемуся добром и наслаждением искаженной воле, извращенному разуму, извращенному сердечному чувству. Произвольно: потому что в нас еще есть остаток свободы в избрании добра и зла. Невольно: потому что этот остаток свободы не действует как полная свобода; он действует под неотъемлемым влиянием повреждения грехом. Мы родимся такими; мы не можем не быть такими: и потому все мы, без всякого исключения, находимся в состоянии самообольщения и бесовской прелести. Из этого воззрения на состояние человеков в отношении к добру и злу, на состояние, которое по необходимости принадлежит каждому человеку, вытекает следующее определение прелести, объясняющее ее со всей удовлетворительностию: *прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину.* Прелесть действует первоначально на образ мыслей; будучи принята и извратив образ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращает сердечные ощущения; овладев сущностию человека, она разливается на всю деятельность его, отравляет самое тело, как неразрывно связанное Творцом с душою. Состояние прелести есть состояние погибели или вечной смерти.

Со времени падения человека диавол получил к нему постоянно свободный доступ[2]. Диавол имеет право на этот доступ: его власти, повиновением ему человек подчинил себя произвольно, отвергнув повиновение Богу. Бог искупил человека. Искупленному человеку предоставлена свобода повиноваться — или Богу, или диаволу, а чтобы свобода эта вынаружилась непринужденно, оставлен диаволу доступ к человеку. Очень естественно, что диавол употребляет

---

[1] *Змей обольстил меня, и я ела* (Быт. 3. 13). ‖ [2] Цитата из преподобного Симеона Нового Богослова, в Слове Никифора Монашествующего. Добротолюбие. Ч. 2. — Преподобный Макарий Великий. Слово 7, гл. 2.

все усилия удержать человека в прежнем отношении к себе или даже привести в большее порабощение. Для этого он употребляет прежнее и всегдашнее свое оружие — ложь. Он старается обольстить и обмануть нас, опираясь на наше состояние самообольщения; наши страсти — эти болезненные влечения — он приводит в движение; пагубные требования их облачает в благовидность, усиливается склонить нас к удовлетворению страстям. Верный Слову Божию не дозволяет себе этого удовлетворения, обуздывает страсти, отражает нападения врага[1]: действуя под руководством Евангелия против собственного самообольщения, укрощая страсти, этим уничтожая мало-помалу влияние на себя падших духов, он мало-помалу, выходит из состояния прелести в область истины и свободы[2], полнота которых доставляется осенением Божественной благодати. Неверный учению Христову, последующий своей воле и разуму, подчиняется врагу и из состояния самообольщения переходит к состоянию бесовской прелести, теряет остаток своей свободы, вступает в полное подчинение диаволу. Состояние людей в бесовской прелести бывает очень разнообразно, соответствуя той страсти, которой человек обольщен и порабощен, соответствуя той степени, в которой человек порабощен страсти. Но все, впавшие в бесовскую прелесть, то есть чрез развитие собственного самообольщения вступившие в общение с диаволом и в порабощение ему, — находятся в прелести, суть храмы и орудия бесов, жертвы вечной смерти, жизни в темницах ада.

Ученик. Исчисли виды бесовской прелести, происходящей от неправильного упражнения молитвою.

Старец. Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душою, целию молитвы. «Если кто, — говорит преподобный Григорий Синаит в вышеприведенной статье, — с самонадеянностию, основанною на самомнении[3], мечтает достигнуть в высокие молитвенные состояния и стяжал ревность не истинную, а сатанинскую, того диавол удобно опутывает своими сетями, как своего служителя». Всякий, усиливающийся взойти на брак Сына Божия не в чистых и светлых одеждах, устраиваемых покаянием,

[1] *Покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас* (Иак. 4. 7). ‖ [2] Ин. 8. 32. ‖ [3] В подлиннике сказано: «Аще кто мечтает высокая со *мнением* доспети». Здесь употреблено объяснительное выражение, чтобы отчетливее показать значение слова *мнение*.

а прямо в своем рубище, в состоянии ветхости, греховности и самообольщения, извергается вон, во тьму кромешную: в бесовскую прелесть. *Совещаю тебе,* говорит Спаситель призванному к таинственному жречеству, *купити от Мене злато разжжено огнем, да обогатишися, и одеяние бело, да облечешися, да не явится срамота наготы твоея: и коллурием слез помажи* чувственные *очи твои* и очи ума, *да видиши. Аз, ихже люблю, обличаю и наказую. Ревнуй убо и покайся*[1]. Покаяние и все, из чего оно составляется, как то: сокрушение или болезнование духа, плач сердца, слезы, самоосуждение, памятование и предощущение смерти, суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия Божия, страх Божий, — суть дары Божии, дары великой цены, дары первоначальные и основные, залоги даров высших и вечных. Без предварительного получения их подаяние последующих даров невозможно. «Как бы ни возвышенны были наши подвиги, — сказал святой Иоанн Лествичник, — но если мы не стяжали болезнующего сердца, то эти подвиги и ложны и тщетны»[2]. Покаяние, сокрушение духа, плач суть признаки, суть свидетельство правильности молитвенного подвига; отсутствие их — признак уклонения в ложное направление, признак самообольщения, прелести или бесплодия. То или другое, то есть прелесть или бесплодие, составляют неизбежное последствие неправильного упражнения молитвою, а неправильное упражнение молитвою неразлучно с самообольщением.

Самый опасный, неправильный, образ молитвы заключается в том, когда молящийся сочиняет силою воображения своего мечты или картины, заимствуя их по-видимому из Священного Писания, в сущности же — из своего собственного состояния, из своего падения, из своей греховности, из своего самообольщения, — этими картинами льстит своему самомнению, своему тщеславию, своему высокоумию, своей гордости, обманывает себя. Очевидно, что все, сочиняемое мечтательностию нашей падшей природы, извращенной падением природы, не существует на самом деле, — есть вымысел и ложь, столь свойственные, столь возлюбленные падшему ангелу. Мечтатель с первого шага на пути молитвенном исходит из области истины, вступает в область лжи, в область сатаны,

---

[1] *Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть. Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся* (Откр. 3. 18–19). ‖ [2] Лествица. Слово 7.

подчиняется произвольно влиянию сатаны. Святой Симеон Новый Богослов описывает молитву мечтателя и плоды ее так: «Он возводит к небу руки, глаза и ум, воображает в уме своем — подобно Клопштоку и Мильтону — Божественные совещания, небесные блага, чины святых Ангелов, селения святых, короче, собирает в воображении своем все, что слышал в Божественном Писании, рассматривает это во время молитвы, взирает на небо, всем этим возбуждает душу свою к Божественному желанию и любви, иногда проливает слезы и плачет. Таким образом мало-помалу кичится сердце его, не понимая того умом; он мнит, что совершаемое им есть плод Божественной благодати к его утешению, и молит Бога, чтоб сподобил его всегда пребывать в этом делании. Это признак прелести. Такой человек, если и будет безмолвствовать совершенным безмолвием, не может не подвергнуться умоисступлению и сумасшествию. Если же и не случится с ним этого, однако ему невозможно никогда достигнуть духовного разума и добродетели или бесстрастия. Таким образом прельстились видевшие свет и сияние этими телесными очами, обонявшие благовония обонянием своим, слышавшие гласы ушами своими. Одни из них возбесновались и переходили умоповрежденными с места на место; другие приняли беса, преобразившегося в Ангела светлого, прельстились и пребыли неисправленными даже до конца, не принимая совета ни от кого из братий; иные из них, подучаемые диаволом, убили сами себя; иные низверглись в пропасти, иные удавились. И кто может исчислить различные прельщения диавола, которыми он прельщает и которые неисповедимы? Впрочем, из сказанного нами всякий разумный человек может научиться, какой вред происходит от этого образа молитвы. Если же кто из употребляющих его и не подвергнется ни одному из вышесказанных бедствий по причине сожительства с братиею, потому что таким бедствиям подвергаются наиболее отшельники, живущие наедине, то таковой проводит всю жизнь свою безуспешно»[1].

Все святые Отцы, описавшие подвиг умной молитвы, воспрещают не только составлять произвольные мечты, но и преклоняться произволением и сочувствием к мечтам и привидениям, которые могут представиться нам неожиданно, независимо от нашего произволения. И это случается при молитвенном подвиге, особенно — в безмолвии. «Никак не прими, — говорит преподобный Григорий Синаит, — если увидишь что-либо чувственными

[1] О первом образе внимания и молитве. Добротолюбие. Ч. 1.

очами или умом, вне или внутри тебя, будет ли то образ Христа, или Ангела, или какого Святого, или если представится тебе свет... Будь внимателен и осторожен! не позволь себе доверить чему-либо, не вырази сочувствия и согласия, не вверься поспешно явлению, хотя бы оно было истинное и благое; пребывай хладным к нему и чуждым, постоянно сохраняя ум твой безвидным, не составляющим из себя никакого изображения и не запечатленным никаким изображением. Увидевший что-либо в мысли или чувственно, хотя бы то было и от Бога, и принимающий поспешно, удобно впадает в прелесть, по крайней мере обнаруживает свою наклонность и способность к прелести, как принимающий явления скоро и легкомысленно. Новоначальный должен обращать все внимание на одно сердечное действие, одно это действие признавать непрелестным,— прочего же не принимать до времени вступления в бесстрастие. Бог не прогневается на того, кто, опасаясь прелести, с крайнею осмотрительностию наблюдает за собою, если он и не примет чего посланного от Бога, не рассмотрев посланное со всею тщательностию; напротив того, Бог похваляет такого за его благоразумие»[1]. Святой Амфилохий, с юности вступивший в монашество, удостоился в зрелых летах и в старости проводить жизнь отшельническую в пустыне. Заключась в пещеру, он упражнялся в безмолвии и достиг великого преуспеяния. Когда совершилось сорок лет его отшельнической жизни, явился ему ночью Ангел и сказал: «Амфилохий! иди в город и паси духовных овец». Амфилохий пребыл во внимании себе и не обратил внимания на повеление Ангела. На другую ночь снова явился Ангел и повторил повеление, присовокупив, что оно от Бога. И опять Амфилохий не оказал повиновения Ангелу, опасаясь быть обольщенным и вспоминая слова Апостола, что и сатана преобразуется в Ангела светлого[2]. На третью ночь снова явился Ангел и, удостоверив о себе Амфилохия славословием Бога, нетерпимым духами отверженными, взял старца за руку, вывел из келлии, привел к церкви, находившейся вблизи. Двери церковные отворились сами собою. Церковь освещалась небесным светом; в ней присутствовало множество святых мужей в белых ризах с солнцеобразными лицами. Они рукоположили Амфилохия в епископа города Иконии[3]. — При противоположном поведении преподобные Исаакий и Никита Печерские, новые и неопытные в отшельнической жизни, подверглись ужаснейшему бедствию, опрометчиво

[1] Вышеприведенная статья. ‖ [2] 2 Кор. 11. 14. ‖ [3] Четьи-Минеи, 23 ноября.

вверившись представившемуся им привидению. Первому явилось множество демонов в сиянии: один из демонов принял вид Христа, прочие — вид святых Ангелов. Второго обольстил демон сперва благоуханием и гласом, как бы Божиим, потом — представ ему очевидно в виде Ангела[1]. Опытные в монашеской жизни иноки, истинно святые иноки, гораздо более опасаются прелести, гораздо более не доверяют себе, нежели новоначальные, особенно те из новоначальных, которые объяты разгорячением к подвигу. С сердечною любовию предостерегает от прелести преподобный Григорий Синаит безмолвника, для которого написана его книга: «Хочу, чтоб ты имел определенное понятие о прелести; хочу этого с тою целию, чтоб ты мог предохранить себя от прелести, чтоб при стремлении, не озаренном должным ведением, ты не причинил себе великого вреда, не погубил души твоей. Свободное произволение человека удобно преклоняется к общению с противниками нашими, в особенности — произволение неопытных, новых в подвиге, как еще обладаемых демонами»[2]. Как это верно! Сменяется, влечется наше свободное произволение к прелести: потому что всякая прелесть льстит нашему самомнению, нашему тщеславию, нашей гордости. «Бесы находятся вблизи и окружают новоначальных и самочинных, распростирая сети помыслов и пагубных мечтаний, устраивая пропасти падений. Город “новоначальных” — все существо каждого из них — находится еще в обладании варваров... По легкомыслию не вдавайся скоро тому, что представляется тебе, но пребывай *тяжким,* удерживая благое со многим рассмотрением и отвергая лукавое... Знай, что действия благодати — ясны; демон преподать их не может: он не может преподать ни кротости, ни тихости, ни смирения, ни ненависти к миру; он не укрощает страстей и сластолюбия, как это делает благодать. Действия его: “дмение” — надменность, напыщенность; высокоумие, страхование, словом, все виды злобы. По действию возможешь познать свет, воссиявший в душе твоей, Божий ли он или от сатаны»[3]. Надо знать, что такое рассмотрение — принадлежность преуспевших иноков, никак не новоначальных. Преподобный Синаит беседует, хотя с новоначальным, но с новоначальным по безмолвной жизни, который и по пребыванию в монашестве, и по телесному возрасту был старец, как видно из книги.

[1] Патерик Печерский. ‖ [2] Вышеприведенная статья. ‖ [3] Добротолюбие. Ч. 1. О прелести, и проч.

Ученик. Не случилось ли тебе видеть кого-либо пришедшего в бесовскую прелесть от развития мечтательности при упражнении молитвою?

Старец. Случалось. Некоторый чиновник, живший в Петербурге, занимался усиленным молитвенным подвигом и пришел от него в необычайное состояние. О подвиге своем и о последствиях его он открывал тогдашнему протоиерею церкви Покрова Божией Матери, что в Коломне. Протоиерей, посетив некоторый монастырь Санкт-Петербургской епархии, просил одного из монашествующих того монастыря побеседовать с чиновником. «Странное положение, в которое чиновник пришел от подвига, — говорил справедливо протоиерей, — удобнее может быть объяснено жителями монастыря, как более знакомыми с подробностями и случайностями аскетического подвига». Монах согласился. Через некоторое время чиновник прибыл в монастырь. При беседе его с монахом присутствовал и я. Чиновник начал тотчас рассказывать о своих видениях: что он постоянно видит при молитве свет от икон, слышит благоухание, чувствует во рту необыкновенную сладость и так далее. Монах, выслушав этот рассказ, спросил чиновника: «Не приходила ли вам мысль убить себя?» — «Как же! — отвечал чиновник. — Я уже был кинувшись[1] в Фонтанку, да меня вытащили». Оказалось, что чиновник употреблял образ молитвы, описанный святым Симеоном, разгорячил воображение и кровь, при чем человек делается очень способным к усиленному посту и бдению. К состоянию самообольщения, избранному произвольно, диавол присоединил свое, сродное этому состоянию действие, — и человеческое самообольщение перешло в явную бесовскую прелесть. Чиновник видел свет телесными очами; благоухание и сладость, которые он ощущал, были также чувственные. В противоположность этому, видения святых и их сверхъестественные состояния вполне духовны[2]: подвижник соделывается способным к ним не прежде, как по отверзении очей души Божественною благодатию, при чем оживают и прочие чувства души, дотоле пребывающие в бездействии[3]; принимают участие в благодатном видении и телесные чувства святых, но тогда, когда тело перейдет из состояния страстного в состояние бесстрастное. Монах начал уговаривать чиновника, чтоб он оставил употребляемый им способ молитвы, объясняя

[1] Оборот речи, употребляемый жителями Петербурга. || [2] Святой Исаак Сирский. Слово 65. || [3] Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово о вере. Добротолюбие. Ч. 1.

и неправильность способа, и неправильность состояния, доставляемого способом. С ожесточением воспротивился чиновник совету. «Как отказаться мне от явной благодати!» — возражал он.

Вслушиваясь в поведания чиновника о себе, я почувствовал к нему неизъяснимую жалость, и вместе представлялся он мне каким-то смешным. Например, он сделал монаху следующий вопрос: «Когда от обильной сладости умножится у меня во рту слюна, то она начинает капать на пол: не грешно ли это?» Точно: находящиеся в бесовской прелести возбуждают к себе сожаление, как не принадлежащие себе и находящиеся, по уму и сердцу, в плену у лукавого, отверженного духа. Представляют они собою и смешное зрелище: посмеянию предаются они овладевшим ими лукавым духом, который привел их в состояние уничижения, обольстив тщеславием и высокоумием. Ни плена своего, ни странности поведения прельщенные не понимают, сколь бы ни были очевидными этот плен, эта странность поведения.

Зиму 1828–1829 годов проводил я в Площанской пустыне[1]. В то время жил там старец, находившийся в прелести. Он отсек себе кисть руки, полагая исполнить этим евангельскую заповедь, и рассказывал всякому, кому угодно было выслушать его, что отсеченная кисть руки соделалась святыми мощами, что она хранится и чествуется благолепно в Московском Симонове монастыре, что он, старец, находясь в Площанской пустыне в пятистах верстах от Симонова, чувствует, когда Симоновский архимандрит с братией прикладываются к руке. Со старцем делалось содрогание, причем он начинал шипеть очень громко: он признавал это явление плодом молитвы; но зрителям оно представлялось извращением себя, достойным лишь сожаления и смеха. Дети, жившие в монастыре по сиротству, забавлялись этим явлением и копировали его перед глазами старца. Старец приходил в гнев, кидался то на одного, то на другого мальчика, трепал их за волоса. Никто из почтенных иноков обители не мог уверить прельщенного, что он находится в ложном состоянии, в душевном расстройстве.

Когда чиновник ушел, я спросил монаха: «С чего пришло ему на мысль спросить чиновника о покушении на самоубийство?» Монах отвечал: «Как среди плача по Богу приходят минуты необыкновенного успокоения совести, в чем заключается утешение плачущих, так и среди ложного наслаждения, доставляемого бесовскою прелестию, приходят минуты, в которые прелесть как бы разоблача-

[1] Орловской епархии.

ется и дает вкусить себя так, как она есть. Эти минуты — ужасны! горечь их и производимое этою горечью отчаяние — невыносимы. По этому состоянию, в которое приводит прелесть, всего бы легче узнать ее прельщенному и принять меры к исцелению себя. Увы! начало прелести — гордость, и плод ее — преизобильная гордость. Прельщенный, признающий себя сосудом Божественной благодати, презирает спасительные предостережения ближних, как это заметил святой Симеон. Между тем припадки отчаяния становятся сильнее и сильнее: наконец отчаяние обращается в умоисступление и увенчавается самоубийством.

В начале нынешнего столетия подвизался в Софрониевой пустыне[1] схимонах Феодосий, привлекший к себе уважение и братства и мирян строгим, возвышенным жительством. Однажды представилось ему, что он был восхищен в рай. По окончании видения он пошел к настоятелю, поведал подробно о чуде и присовокупил выражение сожаления, что он видел в раю только себя, не видел никого из братии. Эта черта ускользнула из внимания у настоятеля: он созвал братию, в сокрушении духа пересказал им о видении схимонаха и увещавал к жизни, более усердной и богоугодной. По прошествии некоторого времени начали обнаруживаться в действиях схимонаха странности. Дело кончилось тем, что он найден удавившимся в своей келлии».

Со мною был следующий, достойный замечания, случай. Посетил меня однажды Афонский иеросхимонах, бывший в России за сбором. Мы сели в моей приемной келлии, и он стал говорить мне: «Помолись о мне, отец: я много сплю, много ем». Когда он говорил мне это, я ощутил жар, из него исходивший, потому и отвечал ему: «Ты не много ешь и не много спишь. Но нет ли в тебе чего особенного?» — и просил его войти во внутреннюю мою келлию. Идя пред ним и отворяя дверь во внутреннюю келлию, я молил мысленно Бога, чтоб Он даровал гладной душе моей попользоваться от Афонского иеросхимонаха, если он — истинный раб Божий. Точно: я заметил в нем что-то особенное. Во внутренней келлии мы опять уселись для беседы, и я начал просить его: «Сделай милость, научи меня молитве. Ты живешь в первом монашеском месте на земле, среди тысяч монахов: в таком месте и в таком многочисленном собрании монахов непременно должны находиться великие молитвенники, знающие молитвенное тайнодействие и преподающие его ближним, по примеру Григориев Синаита и Паламы, по примеру

[1] Курской епархии.

многих других Афонских светильников». Иеросхимонах немедленно согласился быть моим наставником, — и, о ужас! — с величайшим разгорячением начал передавать мне вышеприведенный способ восторженной, мечтательной молитвы. Вижу: он в страшном разгорячении! у него разгорячены и кровь и воображение! он — в самодовольстве, в восторге от себя, в самообольщении, в прелести! Дав ему высказаться, я начал понемногу, в чине наставляемого, предлагать ему учение святых Отцов о молитве, указывая его в Добротолюбии и прося объяснить мне это учение. Афонец пришел в совершенное недоумение. Вижу: он вполне не знаком с учением Отцов о молитве! При продолжении беседы говорю ему: «Смотри, старец! будешь жить в Петербурге, — никак не квартируй в верхнем этаже; квартируй непременно в нижнем». — «Отчего так?» — возразил Афонец. «Оттого, — отвечал я, — что если вздумается Ангелам, внезапно восхитив тебя, перенести из Петербурга в Афон и они понесут из верхнего этажа да уронят, то убьешься до смерти; если же понесут из нижнего и уронят, то только ушибешься». — «Представь себе, — отвечал Афонец, — сколько уже раз, когда я стоял на молитве, приходила мне живая мысль, что Ангелы восхитят меня и поставят на Афоне!» Оказалось, что иеросхимонах носит вериги, почти не спит, мало вкушает пищи, чувствует в теле такой жар, что зимой не нуждается в теплой одежде. К концу беседы пришло мне на мысль поступить следующим образом: я стал просить Афонца, чтоб он, как постник и подвижник, испытал над собою способ, преподанный святыми Отцами, состоящий в том, чтоб ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался, по выражению святого Иоанна Лествичника, в словах молитвы[1]. При этом сердце обыкновенно содействует уму душеспасительным чувством печали о грехах; как сказал преподобный Марк Подвижник: «Ум, неразвлеченно молящийся, утесняет сердце: *сердце* же *сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*»[2]. «Когда ты испытаешь над собою, — сказал я Афонцу, — то сообщи и мне о плоде опыта; для меня самого такой опыт неудобен по развлеченной жизни, проводимой мною». Афонец охотно согласился на мое предложение. Через несколько дней приходит он ко мне и говорит: «Что сделал ты со мною?» — «А что?» — «Да как я попробовал помолиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, то все мои видения про-

[1] Лествица. Слово 28, гл. 17. ‖ [2] Пс. 50. 19. — Слово о мнящихся от дел оправдитися, гл. 34. Добротолюбие. Ч. 1.

пали, и уже не могу возвратиться к ним». Далее в беседе с Афонцем я не видел той самонадеянности и той дерзости, которые были очень заметны в нем при первом свидании и которые обыкновенно замечаются в людях, находящихся в самообольщении, мнящих о себе, что они святы или находятся в духовном преуспеянии. Афонец изъявил даже желание услышать для себя мой убогий совет. Когда я посоветовал ему не отличаться по наружному образу жизни от прочих иноков, потому что такое отличие себя ведет к высокоумию[1], то он снял с себя вериги и отдал их мне. Через месяц он опять был у меня и сказывал, что жар в теле его прекратился, что он нуждается в теплой одежде и спит гораздо более. При этом он говорил, что на Афонской горе многие, и из пользующихся славою святости, употребляют тот способ молитвы, который был употребляем им, научают ему и других. Не мудрено! Святой Симеон Новый Богослов, живший за восемь столетий до нашего времени, говорит, что внимательною молитвою занимаются очень немногие[2]. Преподобный Григорий Синаит, живший в четырнадцатом столетии по Рождестве Христове, когда прибыл на Афонскую гору, то нашел, что многочисленное монашество ее не имеет никакого понятия об умной молитве, а занимается лишь телесными подвигами, совершая молитвы лишь устно и гласно[3]. Преподобный Нил Сорский, живший в конце XV и начале XVI века, посетивший также Афонскую гору, говорит, что в его время число внимательных молитвенников оскудело до крайности[4]. Старец-архимандрит Паисий Величковский переместился на Афонскую гору из Молдавии в 1747 г. Он ознакомился коротко со всеми монастырями и скитами, беседовал со многими старцами, которых признавало общее мнение Святой Горы опытнейшими и святыми иноками. Когда же он начал вопрошать этих иноков о книгах святых Отцов, написавших об умной молитве, оказалось, что они не только не знали о существовании таких писаний, но даже не знали имен святых писателей: тогда «Добротолюбие» еще не было напечатано на греческом языке[5]. Внимательная молитва требует самоотвержения, а на самоотвержение решаются редкие. Заключенный в себя вниманием, находящийся в состоянии недоумения от зрения своей греховно-

[1] Лествица. Слово 4, гл. 82, 83. Преподобный Варсонофий Великий. Ответ 275. Житие и наставления преподобного Аполлоса. Патерик Алфавитный. ‖ [2] О третьем образе молитвы. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] Житие преподобного Григория Синаита. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [4] Предисловие к «Преданию, или Уставу Скитскому». ‖ [5] Отрывок письма старца Паисия к старцу Феодосию. Писания Паисия. Издание Оптиной Пустыни.

сти, неспособный к многословию и вообще к эффекту и актерству, представляется для не знающих таинственного подвига его каким-то странным, загадочным, недостаточным во всех отношениях. Легко ли расстаться с мнением мира! И миру — как познать подвижника истинной молитвы, когда самый подвиг вовсе не известен миру? То ли дело — находящийся в самообольщении! Не ест, не пьет, не спит, зимой ходит в одной рясе, носит вериги, видит видения, всех учит и обличает с дерзкою наглостию, без всякой правильности, без толку и смыслу, с кровяным, вещественным, страстным разгорячением и по причине этого горестного, гибельного разгорячения. Святой, да и только! Издавна замечены вкус и влечение к таким в обществе человеческом: *Приемлете,* пишет Апостол Павел к Коринфянам, *аще кто вас порабощает, аще кто поядает, аще кто не влепоту проторит, аще кто по лицу биет вы, аще кто величается*[1]. Далее святой Апостол говорит, что он, бывши в Коринфе, не мог вести себя дерзко и нагло: поведение его было запечатлено скромностию, *кротостию и тихостию Христовою*[2]. Большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых, — по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее — молились и достигали видений, разумеется, ложных, упомянутым мною способом. Эти мнимые святые были в ужаснейшей бесовской прелести. Прелесть уже естественно воздвигается на основании богохульства, которым у еретиков извращена догматическая вера. Поведение подвижников латинства, объятых прелестию, было всегда исступленное по причине необыкновенного вещественного, страстного разгорячения. В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель Иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некоторое напряжение, как являлись пред его взорами, по его желанию, ад или рай. Явление рая и ада совершалось не одним действием воображения человеческого; одно действие воображения человеческого недостаточно для этого: явление совершалось действием демонов, присоединявших свое обильное действие к недостаточному действию человеческому, совокуплявших действие с действием; пополнявших действие действием на основании свободного произволения человеческого,

[1] *Вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо* (2 Кор. 11. 20). ‖ [2] 2 Кор. 10. 1.

избравшего и усвоившего себе ложное направление. Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, — даруются неожиданно, весьма редко, при случаях особенной нужды, по дивному смотрению Божию, а не как бы случилось[1]. Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкой того пламени, которым разожжены прельщенные. Подтверждается это и сказаниями истории и свидетельством Отцов. «Видящий духа прелести в явлениях, представляемых им, — сказал преподобный Максим Капсокаливи, — очень часто подвергается ярости и гневу; благовоние смирения или молитвы, или слезы истинной не имеет в нем места. Напротив того, он постоянно хвалится своими добродетелями, тщеславствует и предается завсегда лукавым страстям бесстрашно»[2].

Ученик. Неправильность этого способа молитвы и связь его с самообольщением и прелестию — ясны; предостереги меня и от прочих видов неправильной молитвы и сопряженного с ними ложного состояния.

Старец. Как неправильное действие умом вводит в самообольщение и прелесть, так точно вводит в них неправильное действие сердцем. Исполнены безрассудной гордости желание и стремление видеть духовные видения умом, не очищенным от страстей, не обновленным и не воссозданным десницею Святого Духа; исполнены такой же гордости и безрассудства желание и стремление сердца насладиться ощущениями святыми, духовными, Божественными, когда оно еще вовсе не способно для таких наслаждений. Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видения из себя, ими обманывает себя и обольщает, так и сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другие Божественные ощущения и не находя их в себе, сочиняет их из себя, ими льстит себе, обольщает, обманывает, губит себя, входя в область лжи, в общение с бесами, подчиняясь их влиянию, порабощаясь их власти.

Одно ощущение из всех ощущений сердца, в его состоянии падения, может быть употреблено в невидимом богослужении: печаль о грехах, о греховности, о падении, о погибели своей, называемая плачем, покаянием, сокрушением духа. Это засвидетельствовано

---

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 36. ‖ [2] Собеседование преподобного Максима с преподобным Григорием Синаитом.

Священным Писанием. *Аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши*[1]; и каждое сердечное ощущение порознь, и все они вместе не благоугодны Тебе, как оскверненные грехом, как извращенные падением. *Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[2]. Эта жертва — жертва отрицательная; с принесением этой жертвы естественно устраняется принесение прочих жертв: при ощущении покаяния умолкают все другие ощущения. Для того, чтобы жертвы прочих ощущений соделались благоугодными Богу, нужно предварительно излиться благоволению Божию на наш Сион, нужно предварительно восстановиться стенам нашего разрушенного Иерусалима. Господь — праведен, всесвят: только праведные, чистые жертвы, к которым способно естество человеческое по обновлении своем, благоприятны праведному, всесвятому Господу. К жертвам и всесожжениям оскверненным Он не благоволит. Позаботимся очиститься покаянием! *Тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая: тогда возложат на олтарь Твой тельцы*[3]: новорожденные ощущения обновленного Святым Духом человека.

Первая заповедь, данная Спасителем мира всему без исключения человечеству, есть заповедь о покаянии: *начат Иисус проповедати и глаголати: покайтеся, приближися бо Царство Небесное*[4]. Эта заповедь объемлет, заключает, совмещает в себе все прочие заповеди. Тем человекам, которые не понимали значения и силы покаяния, Спаситель говорил не раз: *Шедше, научитеся, что есть: милости хощу, а не жертвы*[5]. Это значит: Господь, умилосердившись над падшими и погибшими человеками, всем даровал покаяние в единственное средство к спасению, потому что все объяты падением и погибелию. Он не взыскивает, даже не желает от них жертв, к которым они не способны, а желает, чтоб они умилосердились над собою, сознали свое бедствие, освободились от него покаянием. К упомянутым словам Господь присовокупил страшные слова: *не приидох,* — сказал Он, — *призвати праведники, но грешники на покаяние.* Кто названы праведниками? — те несчастные, слепотствующие грешники, которые, будучи обмануты самомнением, не находят покаяние существенно нужным для себя и потому или

[1] *Жертвы Ты не желаешь, — я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь* (Пс. 50. 18). ‖ [2] *Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50. 19). ‖ [3] *Тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, возношение и всесожжение; тогда возложат на алтарь Твой тельцов* (Пс. 50. 21). ‖ [4] Мф. 4. 17. ‖ [5] *Пойдите, научитесь, что значит: «милости хочу, а не жертвы»* (Мф. 9. 13).

отвергают его, или небрегут о нем. О несчастие! За это отрекается от них Спаситель, утрачивается ими сокровище спасения. «Горе душе, — говорит преподобный Макарий Великий, — не чувствующей язв своих и мнящей о себе, по причине великого, безмерного повреждения злобою, что она вполне чужда повреждения злобою. Такой души уже не посещает и не врачует благой Врач, как оставившей произвольно язвы свои без попечения о них и мнящей о себе, что она здрава и непорочна. *Не требуют,* говорит Он, *здравии врача, но болящии*»[1]. Ужасная жестокость к себе — отвержение покаяния! Ужасная холодность, нелюбовь к себе — небрежение о покаянии. Жестокий к себе не может не быть жестоким и к ближним. Умилосердившийся к себе приятием покаяния вместе делается милостивым и к ближним. Из этого видна вся важность ошибки: отнять у сердца заповеданное ему Самим Богом, существенно и логически необходимое для сердца чувство покаяния и усиливаться раскрыть в сердце, в противность порядку, в противность установлению Божию, те чувствования, которые сами собою должны явиться в нем по очищении покаянием, но совершенно в ином характере[2]. Об этом характере духовном плотской человек не может составить себе никакого представления, потому что представление ощущения всегда основывается на известных уже сердцу ощущениях, а духовные ощущения вполне чужды сердцу, знакомому с одними плотскими и душевными ощущениями. Такое сердце не знает даже о существовании духовных ощущений.

Всем известно, какое душевное бедствие возникло для иудейских книжников и фарисеев из их неправильного душевного настроения: они сделались не только чуждыми Бога, но и исступленными врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются подвижники молитвы, извергшие из своего подвига покаяние, усиливающиеся возбуждать в сердце любовь к Богу, усиливающиеся ощущать наслаждение, восторг: они развивают свое падение, соделывают себя чуждыми Бога, вступают в общение с сатаною, заражаются ненавистию к Святому Духу. Этот род прелести — ужасен: он одинаково душепагубен, как и первый, но менее явен; он редко оканчивается сумасшествием и самоубийством, но растлевает решительно и ум и сердце. По производимому им состоянию ума Отцы назвали его *мнением*[3]. На этот род прелести указывает святой

---

[1] Мф. 9. 12. Слово 6. О любви. Гл. 16. || [2] Святой Исаак Сирский. Слово 55. || [3] Преподобный Григорий Синаит. Слова 108, 128. Добротолюбие. Ч. 1. Святой Иоанн Карпафийский, гл. 49. Добротолюбие. Ч. 4.

апостол Павел, когда говорит: *Никто же вас да прельщает изволенным ему смиренномудрием и службою Ангелов, яже не уведе уча, без ума дмяся от ума плоти своея*[1]. Одержимый этою прелестию *мнит* о себе, сочинил о себе «мнение», что он имеет многие добродетели и достоинства, — даже что обилует дарами Святого Духа. Мнение составляется из ложных понятий и ложных ощущений: по этому свойству своему оно вполне принадлежит к области отца и представителя лжи — диавола. Молящийся, стремясь раскрыть в сердце ощущения нового человека и не имея на это никакой возможности, заменяет их ощущениями своего сочинения, поддельными, к которым не замедляет присоединиться действие падших духов. Признав неправильные ощущения, свои и бесовские, истинными и благодатными, он получает соответствующие ощущениям понятия. Ощущения эти, постоянно усваиваясь сердцу и усиливаясь в нем, питают и умножают ложные понятия: естественно, что от такого неправильного подвига образуются самообольщение и бесовская прелесть — «мнение». «Мнение не допускает быть мнимому»[2], — сказал святой Симеон Новый Богослов. Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстящий себя и потешающий себя «мнением», заграждает этим «мнением» вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной благодати, — открывает широко вход греховной заразе и демонам. Уже нет никакой способности к духовному преуспеянию в зараженных «мнением»: они уничтожили эту способность, принесши на алтарь лжи самые начала деятельности человека и его спасения — понятия о истине. Необыкновенная напыщенность является в недугующих этою прелестию: они как бы упоены собой, своим состоянием самообольщения, видя в нем состояние благодатное. Они пропитаны, преисполнены высокоумием и гордостию, представляясь, впрочем, смиренными для многих, судящих по лицу, не могущих оценивать по плодам, как заповедал Спаситель[3], тем менее — по духовному чувству, о котором упоминает Апостол[4]. Живописно изобразил Пророк Исаия действие прелести «мнения» в падшем

---

[1] *Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом* (Кол. 2. 18). ‖ [2] Слово 4, в конце; также Слово 3. ‖ [3] Мф. 7. 16; 12. 33. ‖ [4] Евр. 5. 14.

архангеле, действие, обольстившее и погубившее этого архангела. *Ты,* говорит Пророк сатане, *рекл еси во уме твоем: на небо взыду, выше звезд небесных поставлю престол мой, сяду на горе высоце, на горах высоких, яже к северу: взыду выше облак, буду подобен Вышнему. Ныне же во ад снидеши и во основания земли*[1].

Зараженного «мнением» обличает Господь так: *Глаголеши, яко богат есмь и обогатихся и ничтоже требую: и не веси, яко ты еси окаянен и беден, и нищ и слеп и наг*[2]. Господь увещавает прельщенного к покаянию; предлагает купить не у кого иного, у Самого Господа, необходимые потребности, из которых составляется покаяние[3]. Купля настоятельно нужна: без нее нет спасения. Нет спасения без покаяния, а покаяние принимается от Бога только теми, которые, для принятия его, продадут все имущество свое, то есть отрекутся от всего, что им ложно усваивалось «мнением».

Ученик. Не случалось ли тебе встречаться с зараженными этого вида прелестию?

Старец. Зараженные прелестию «мнения» встречаются очень часто. Всякий, не имеющий сокрушенного духа, признающий за собою какие бы то ни было достоинства и заслуги, всякий, не держащийся неуклонно учения Православной Церкви, но рассуждающий о каком-либо догмате или предании произвольно, по своему усмотрению или по учению инославному, находится в этой прелести. Степенью уклонения и упорства в уклонении определяется степень прелести.

Немощен человек! непременно вкрадывается в нас «мнение» в каком-либо виде своем, и, осуществляя наше *я*, удаляет от нас благодать Божию. Как нет, по замечанию святого Макария Великого, ни одного человека, совершенно свободного от гордости, так нет ни одного человека, который бы был совершенно свободен от действия на него утонченной прелести, называемой «мнением». Наветовало оно апостола Павла и врачевалось тяжкими попущениями Божиими. *Не бо хощем вас, братие,* пишет Апостол к Коринфянам, *не ведети о скорби нашей, бывшей нам во Асии, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надеятися нам и жити. Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся,*

---

[1] *А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней* (Ис. 14. 13–15). ‖ [2] *Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3. 17). ‖ [3] Откр. 3. 18.

но на Бога, возставляющаго мертвыя[1]. По этой причине должно бдительно наблюдать за собою, чтоб не приписать собственно себе какого-либо доброго дела, какого-либо похвального качества или особенной природной способности, даже благодатного состояния, если человек возведен в него, короче, чтоб не признать собственно за собою какого-либо достоинства. *Что ты имеешь,* говорит Апостол, *чего бы ты не приял*[2] от Бога? От Бога имеем и бытие, и пакибытие, и все естественные свойства, все способности: и духовные, и телесные. Мы — должники Богу! Долг наш неоплатим! Из такого воззрения на себя образуется само собою для нашего духа состояние, противоположное «мнению», состояние, которое Господь назвал нищетою духа, которое заповедал нам иметь, которое ублажил[3]. Великое бедствие — уклониться от догматического и нравственного учения Церкви, от учения Святого Духа каким-либо умствованием! Это — *возношение взимающееся на разум Божий.* Должно низлагать и пленять такой разум *в послушание Христово*[4].

Ученик. Имеется ли какая-либо связь между прелестию первого рода и прелестию второго рода.

Старец. Связь между этими двумя видами прелести непременно существует. Первого рода прелесть всегда соединена с прелестию второго рода, с «мнением». Сочиняющий обольстительные образы при посредстве естественной способности воображения, сочетавающий при посредстве мечтательности[5] эти образы в очаровательную картину, подчиняющий все существо свое обольстительному, могущественному влиянию этой живописи, непременно, по несчастной необходимости, *мнит, что живопись эта производится действием Божественной благодати, что сердечные ощущения, возбуждаемые живописию, суть ощущения благодатные.*

Второго рода прелесть — собственно «мнение» — действует без сочинения обольстительных картин: она довольствуется сочинением поддельных благодатных ощущений и состояний, из которых рождается ложное, превратное понятие о всем вообще духовном подвиге. Находящийся в прелести «мнения» стяжавает ложное воззрение на все, окружающее его. Он обманут и внутри себя, и извне. Мечтательность сильно действует в обольщенных

---

[1] *Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых, но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых* (2 Кор. 1. 8–9). ‖ [2] 1 Кор. 4. 7. ‖ [3] Мф. 5. 3. ‖ [4] *...превозношение, восстающее против познания Божия... в послушание Христу* (2 Кор. 10. 5). ‖ [5] Фантазии.

«мнением», но действует исключительно в области отвлеченного. Она или вовсе не занимается, или занимается редко живописию в воображении рая, горних обителей и чертогов, небесного света и благоухания, Христа, Ангелов и Святых; она постоянно сочиняет мнимодуховные состояния, тесное дружество со Иисусом[1], внутреннюю беседу с Ним[2], таинственные откровения[3], гласы, наслаждения, зиждет на них ложное понятие о себе и о христианском подвиге, зиждет вообще ложный образ мыслей и ложное настроение сердца, приводит то в упоение собой, то в разгорячение и восторженность. Эти разнообразные ощущения являются от действия утонченных тщеславия и сладострастия: от этого действия кровь получает греховное, обольстительное движение, представляющееся благодатным наслаждением. Тщеславие же и сладострастие возбуждаются высокоумием — этим неразлучным спутником «мнения». Ужасная гордость, подобная гордости демонов, составляет господствующее качество усвоивших себе ту и другую прелесть. Обольщенных первым видом прелести гордость приводит в состояние явного умоисступления; в обольщенных вторым видом она, производя также умоповреждение, названное в Писании растлением ума[4], менее приметна, облекается в личину смирения, набожности, мудрости, — познается по горьким плодам своим. Зараженные «мнением» о достоинствах своих, особенно о святости своей, способны и готовы на все козни, на всякое лицемерство, лукавство и обман, на все злодеяния. Непримиримою враждою дышат они против служителей истины, с неистовою ненавистию устремляются на них, когда они не признают в прельщенных состояния, приписываемого им и выставляемого на позор слепотствующему миру «мнением».

Ученик. Существуют же и состояния духовные, производимые Божественною благодатию, как то: состояние, в котором вкушается духовная сладость и радость, состояние, в котором открываются тайны Христианства, состояние, в котором ощущается в сердце присутствие Святого Духа, состояние, в котором подвижник Христов сподобляется духовных видений?

Старец. Несомненно, существуют, но существуют только в христианах, достигших христианского совершенства, предварительно очищенных и приуготовленных покаянием. Постепенное действие

[1] «Подражание» Фомы Кемпийского. Кн. 2, гл. 8. || [2] «Подражание» Фомы Кемпийского. Кн. 3, гл. 1. || [3] «Подражание» Фомы Кемпийского. Кн. 3, гл. 3. || [4] 2 Тим. 3. 8.

покаяния, вообще выражаемого всеми видами смирения, в особенности молитвою, приносимою из нищеты духа, из плача, постепенно ослабляет в человеке действие греха. Для этого нужно значительное время. И дается оно истинным, благонамеренным подвижникам Промыслом Божиим, неусыпно бдящим над нами. Борьба со страстями — необыкновенно полезна: она более всего приводит к нищете духа. С целию существенной пользы нашей Судия и Бог наш *долго терпит* о нас и не скоро *отмщевает сопернику*[1] нашему — греху. Когда очень ослабеют страсти — это совершается наиболее к концу жизни[2], — тогда мало-помалу начнут появляться состояния духовные, различающиеся бесконечным различием от состояний, сочиняемых «мнением». Во-первых, вступает в душевную храмину благодатный плач, омывает ее и убеляет для принятия даров, последующих за плачем по установлению духовного закона. Плотской человек никак, никаким способом не может даже представить себе состояний духовных, не может иметь никакого понятия о благодатном плаче: познание этих состояний приобретается не иначе как опытом[3]. Духовные дарования раздаются с Божественною премудростию, которая наблюдает, чтоб словесный сосуд, долженствующий принять в себя дар, мог вынести без вреда для себя силу дара. Вино новое разрывает мехи ветхие![4] Замечается, что в настоящее время духовные дарования раздаются с величайшею умеренностию, сообразно тому расслаблению, которым объято вообще христианство. Дары эти удовлетворяют почти единственно потребности спасения. Напротив того, «мнение» расточает свои дары в безмерном обилии и с величайшею поспешностию.

Общий признак состояний духовных — глубокое смирение и смиренномудрие, соединенное с предпочтением себе всех ближних, с расположением евангельскою любовию ко всем ближним, с стремлением к неизвестности, к удалению от мира. «Мнению» тут мало места: потому что смирение состоит в отречении от всех собственных достоинств, в существенном исповедании Искупителя, в совокуплении в Нем всей надежды и опоры, а «мнение» состоит в присвоении себе достоинств, данных Богом, и в сочинении для себя достоинств несуществующих. Оно соединено с надеждою на себя, с хладным, поверхностным исповеданием Искупителя. Бог прославляется для прославления себя, как был прославлен фарисеем[5].

---

[1] Лк. 18. 7. ‖ [2] Житие Феофила, Пимена Болезненного, Иоанна Многострадального. Патерик Печерский. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слово 55. ‖ [4] Мф. 9. 17. ‖ [5] Лк. 18. 11.

Одержимые «мнением» по большей части преданы сладострастию, несмотря на то что приписывают себе возвышеннейшие духовные состояния, беспримерные в правильном православном подвижничестве; немногие из них воздерживаются от грубого порабощения сладострастию, — воздерживаются единственно по преобладанию в них греха из грехов — гордости.

Ученик. Могут ли от прелести, именуемой «мнением», порождаться какие-либо осязательные, видимые несчастные последствия?

Старец. Из этого рода прелести возникли пагубные ереси, расколы, безбожие, богохульство. Несчастнейшее видимое последствие его есть неправильная, зловредная для себя и для ближних деятельность, — зло, несмотря на ясность его и обширность, малопримечаемое и малопонимаемое. Случаются с зараженными «мнением» делателями молитвы и несчастия, очевидные для всех, но редко: потому что «мнение», приводя ум в ужаснейшее заблуждение, не приводит его к исступлению, как приводит расстроенное воображение. — На Валаамском острове, в отдаленной пустынной хижине, жил схимонах Порфирий, которого и я видел. Он занимался подвигом молитвы. Какого рода был этот подвиг, положительно не знаю. Можно догадываться о неправильности его по любимому чтению схимонаха: он высоко ценил книгу западного писателя Фомы Кемпийского «О подражании Иисусу Христу» и руководствовался ею. Книга эта написана из «мнения». Порфирий однажды вечером, в осеннее время, посетил старцев скита, недалеко от которого была его пустыня. Когда он прощался с старцами, они предостерегали его, говоря: «Не вздумай пройти по льду: лед только что встал и очень тонок». Пустыня Порфирия отделялась от скита глубоким заливом Ладожского озера, который надо было обходить. Схимонах отвечал тихим голосом, с наружною скромностию: «Я уже легок стал». Он ушел. Чрез короткое время услышался отчаянный крик. Скитские старцы встревожились, выбежали. Было темно; не скоро нашли место, на котором совершилось несчастие; не скоро нашли средства достать утопшего: вытащили тело, уже оставленное душою.

Ученик. Ты говоришь о книге «Подражание», что она написана из состояния самообольщения; но она имеет множество чтителей даже между чадами Православной Церкви!

Старец. Эти-то чтители в восторге от ее достоинства; и высказываются об этом достоинстве, не понимая того. В предисловии

русского переводчика к книге «Подражание» — издание 1834 г., напечатанное в Москве, — сказано: «Один высокопросвещенный муж — русский, православный — говаривал: «Если бы нужно было мое мнение, то я бы смело после Священного Писания поставил Кемписа “О подражании Иисусу Христу”»[1]. В этом столь решительном приговоре дается инославному писателю полное предпочтение пред всеми святыми Отцами Православной Церкви, а своему взгляду дается предпочтение пред определением всей Церкви, которая на святых Соборах признала писания святых Отцов Богодухновенными и завещала чтение их не только в душеназидание всем чадам своим, но и в руководство при решении Церковных вопросов. В писаниях Отцов хранится великое духовное христианское и церковное сокровище: догматическое и нравственное предание Святой Церкви. Очевидно, что книга «Подражание» привела упомянутого мужа в то настроение, из которого он выразился так опрометчиво, так ошибочно, так грустно[2]. Это самообольщение! Это — прелесть! Составилась она из ложных понятий; ложные понятия родились из неправильных ощущений, сообщенных книгою. В книге жительствует и из книги дышит помазание лукавого духа, льстящего читателям, упоевающего их отравой лжи, услажденной утонченными приправами из высокоумия, тщеславия и сладострастия. Книга ведет читателей своих прямо к общению с Богом без предочищения покаянием: потому и возбуждает особенное сочувствие к себе в людях страстных, незнакомых с путем покаяния, не предохраненных от самообольщения и прелести, не наставленных правильному жительству учением святых Отцов Православной Церкви. Книга производит сильное действие на кровь и нервы, возбуждает их, — и потому особенно нравится она людям, порабощенным чувственности: книгою можно наслаждаться, не отказываясь от грубых наслаждений чувственностию. Высокоумие, утонченное сладострастие и тщеславие выставляются книгою за

---

[1] Страница 37. || [2] «Подражание», при первоначальном появлении своем, было осуждено даже своею Латинскою Церковию и преследовалось инквизицией. Преследование прекращено впоследствии и обратилось в покровительство, когда усмотрено, что книга служит хорошим орудием для пропаганды в среде людей, утративших истинное понимание христианства и сохранивших к нему поверхностное отношение. Под именем папской пропаганды разумеется распространение того понятия о Папе, которое Папа желает внушить о себе человечеству, то есть понятие о верховной, самодержавной, неограниченной власти Папы над миром. Пропаганда, имея это целию, мало обращает внимания на качество учения, преподаваемого ею, для нее на руку все, что содействует цели ее, — даже вера во Христа без оставления веры в идолов.

действие благодати Божией. Обоняв блуд свой в его утонченном действии, плотские люди приходят в восторг от наслаждения, от упоения, доставляемых беструдно, без самоотвержения, без покаяния, без распятия плоти *со страстьми и похотьми*[1], с ласкательством состоянию падения. Радостно переходят они, водимые слепотою своею и гордостию, с ложа любви скотоподобной на ложе любви более преступной, господствующей в блудилище духов отверженных. Некоторая особа, принадлежавшая по земному положению к высшему и образованнейшему обществу, а по наружности к Православной Церкви, выразилась следующим образом о скончавшейся лютеранке, признанной этой особой за святую: «Она любила Бога страстно; она думала только о Боге; она видела только Бога; она читала только Евангелие и “Подражание”, которое — второе Евангелие»[2]. Этими словами выражено именно то состояние, в которое приводятся читатели и чтители «Подражания». — Тождественно, в сущности своей, с этою фразою изречение знаменитой французской писательницы г-жи де-Севинье о знаменитом французском поэте Расине старшем. «Он любит Бога, — дозволила себе сказать г-жа Севинье, — как прежде любил своих наложниц»[3]. Известный критик Ла-Гарп, бывший сперва безбожником, потом перешедший к неправильно понятому и извращенному им христианству, одобряя выражение г-жи Севинье, сказал: «Сердце, которым любят Творца и тварь, — одно, хотя последствия столько же различаются между собою, сколько различны и предметы»[4]. Расин перешел от разврата к прелести, называемой «мнением». Эта прелесть выражается со всею ясностию в двух последних трагедиях поэта: в «Есфири» и «Гофолии». Высокие христианские мысли и ощущения Расина нашли себе пространное место в храме Муз и Апполона[5], в театре возбудили восторг, рукоплескания. «Гофолия», признаваемая высшим произведением Расина, дана была сорок раз сряду. Дух этой трагедии — один с духом «Подражания». — Мы веруем, что в сердце человеческом имеется вожделение скотоподобное, внесенное в него падением, находящееся в соотношении с вожделением падших духов; мы веруем, что имеется в сердце и

---

[1] Гал. 5. 24. ‖ [2] Восторженное изречение произнесено на французском языке, только способном для сцены: «Elle aimait Dieu avec passion; elle ne pensait qu'a Dieu; elle ne voyait que Dieu; elle ne lisait que l'Evangile et l'Imitation qui est un second Evangile». ‖ [3] «Il aime Dieu, comme il aimait ses maitresses». ‖ [4] «C'est avec le même coeur, qu'on aime le Créateur, ou la créature quoique les effets soient aussi différents, que les objets». ‖ [5] Музы и Аполлон — божества древних язычников, греков и римлян; этим демонам язычники приписывали покровительство изящным художествам.

вожделение духовное, с которым мы сотворены, которым любится естественно и правильно Бог и ближний, которое находится в гармонии[1] с вожделением святых Ангелов. Чтоб возлюбить Бога и в Боге ближнего, необходимо очиститься от вожделения скотоподобного. Очищение совершает Святой Дух в человеке, выражающем жизнию произволение к очищению. Собственно и называется сердцем, в нравственном значении, вожделение и прочие душевные силы, а не член плоти — сердце. Силы сосредоточены в этом члене, — и перенесено общим употреблением наименование от члена к собранию сил.

В противоположность ощущению плотских людей, духовные мужи, обоняв воню зла, притворившегося добром, немедленно ощущают отвращение от книги, издающей из себя эту воню. Старцу Исаии, иноку, безмолвствовавшему в Никифоровской пустыне[2], преуспевшему в умной молитве и сподобившемуся благодатного осенения, был прочитан отрывок из «Подражания». Старец тотчас проник в значение книги. Он засмеялся и воскликнул: «О! это написано из мнения. Тут ничего нет истинного! тут все — придуманное! Какими представлялись Фоме духовные состояния и как он мнил о них, не зная их по опыту, так и описал их». Прелесть, как несчастие, представляет собою зрелище горестное; как нелепость, она — зрелище смешное. Известный по строгой жизни архимандрит Кирилло-Новоезерского монастыря[3] Феофан, занимавшийся в простоте сердца почти исключительно телесным подвигом и о подвиге душевном имевший самое умеренное понятие, сперва предлагал лицам, советовавшимся с ним и находившимся под его руководством, чтение книги «Подражание»; за несколько лет до кончины своей он начал воспрещать чтение ее, говоря со святою простотою: «Прежде признавал я эту книгу душеполезною; но Бог открыл мне, что она — душевредна». Такого же мнения о «Подражании» был известный деятельной монашеской опытностию иеросхимонах Леонид, положивший начало нравственному благоустройству в Оптиной Пустыне[4]. Все упомянутые подвижники были знакомы мне лично. — Некоторый помещик, воспитанный в духе Православия, коротко знавший так называемый большой свет, то есть мир в высших слоях его, увидел однажды книгу «Подражание» в руках своей дочери. Он воспретил ей чтение книги, сказав: «Я не хочу,

---

[1] В созвучии, в согласии. ‖ [2] Олонецкой или Петрозаводской епархии. ‖ [3] Новгородской епархии. ‖ [4] Калужской епархии.

чтоб ты последовала моде и *кокетничала* пред Богом». Самая верная оценка книге.

Ученик. Имеются ли еще какие виды прелести?

Старец. Все частные виды самообольщения и обольщения бесами относятся к двум вышесказанным главным видам и происходят или от неправильного действия ума, или от неправильного действия сердца. В особенности обширно действие «мнения». Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвою Иисусовою и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением, то есть неупустительным участием в церковных службах и неупустительным исполнением келейного правила, состоящего исключительно из псалмопения и молитвословия, устных и гласных. Они не могут избежать «мнения», как это объясняет упомянутый старец Василий в предисловии к книге святого Григория Синаита, ссылаясь преимущественно на писания преподобных, этого Григория и Симеона Нового Богослова. Признак вкравшегося «мнения» вынаруживается в подвижниках тем, когда они думают о себе, что проводят внимательную жизнь, часто от гордости презирают других, говорят худо о них, поставляют себя достойными, по мнению своему, быть пастырями овец и руководителями их, уподобляясь слепцу, берущемуся указывать путь другим слепцам[1]. Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвою Иисусовою[2].

Отдел III
Об упражнении молитвою Иисусовою

Ученик. Изложи правильный способ упражнения молитвою Иисусовою.

Старец. Правильное упражнение молитвою Иисусовою вытекает само собою из правильных понятий о Боге, о всесвятом имени Господа Иисуса и об отношении человека к Богу.

Бог есть существо неограниченно великое, всесовершенное, Создатель и Воссоздатель человеков, полновластный Владыка над человеками, над Ангелами, над демонами, над всею тварию,

[1] О втором образе внимания и молитвы. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Предисловие схимонаха Василия.

видимою и невидимою. Это понятие о Боге научает нас, что мы должны предстоять пред Богом молитвою в глубочайшем благоговении, в величайшем страхе и трепете, устремя к Нему все внимание наше, сосредоточивая во внимании все силы ума, сердца, души, отвергая рассеянность и мечтательность, как нарушение внимания и благоговения, как нарушение правильности в предстоянии Богу, правильности, настоятельно требуемой величием Бога[1]. Прекрасно сказал Исаак Сирский: «Когда припадаешь пред Богом в молитве, будь, в помысле твоем, как муравей, как земные гады, как червячок, как лепечущее дитя. Не скажи пред Ним чего-нибудь разумного; младенческим образом мыслей приближься к Богу»[2]. Стяжавшие истинную молитву ощущают неизреченную нищету духа, когда предстоят пред Богом, славословя Его, исповедуясь Ему, повергая пред Ним прошения свои. Они чувствуют себя как бы уничтожившимися, как бы несуществующими. Это естественно! Когда молящийся ощутит обильно присутствие Божие, присутствие Само-Жизни, Жизни необъятной и непостижимой, тогда его собственная жизнь представляется ему мельчайшею каплею, сравниваемою с беспредельным океаном. В такое состояние пришел праведный многострадальный Иов, достигши высшего духовного преуспеяния. Он почувствовал себя *истаявшим*[3], как тает и исчезает снег, когда упадут на него лучи палящего солнца.

Имя Господа нашего Иисуса Христа — Божественно; сила и действие этого имени — Божественны; они — всемогущи и спасительны; они — превыше нашего понятия, недоступны для него. С верою, упованием, усердием, соединенными с великим благоговением и страхом, будем совершать великое дело Божие, преподанное Богом: будем упражняться в молитве именем Господа нашего Иисуса Христа. «Непрестанное призывание имени Божия, — говорит Великий Варсонофий, — есть врачевание, убивающее не только страсти, но и самое действие их. Как врач прилагает лекарственные средства или пластыри на рану страждущего, и они действуют, причем больной и не знает, как это делается, так точно и имя Божие, будучи призываемо, убивает все страсти, хотя мы и не знаем, как это совершается»[4].

Наше обычное состояние, состояние всего человечества, есть состояние падения, прелести, погибели. Сознавая и, по мере сознания, ощущая это состояние, будем молитвенно вопить из него, вопить в сокрушении духа, вопить с плачем и стенаниями,

---

[1] Ин. 4. 23–24; Мф. 22. 37; Мк. 12. 29–30; Лк. 10. 27. ‖ [2] Слово 49. ‖ [3] Иов. 42. 6. ‖ [4] Ответ 421.

вопить о помиловании. Отречемся от всякого наслаждения духовного, от всех высоких молитвенных состояний, как недостойные их и неспособные к ним. Нет возможности воспеть песнь *Господню на земли чуждей*[1] — в сердце, обладаемом страстями. Если же услышим приглашение воспеть ее, то да знаем наверно, что приглашение это делается *пленившими нас*[2]. *На реках Вавилонских* можно и должно только плакать[3].

Таково общее наставление для упражнения молитвою Иисусовою, извлеченное из Священного Писания и писаний святых Отцов, из весьма немногих бесед с истинными молитвенниками. Из частных наставлений, преимущественно для новоначальных, признаю полезным упомянуть нижеследующие.

Святой Иоанн Лествичник советует заключать ум в слова молитвы, и, сколько бы раз он ни устранился из слов, опять вводить его[4]. Этот механизм особенно полезен и особенно удобен. Когда ум будет таким образом во внимании, тогда и сердце вступит в сочувствие уму умилением, — молитва будет совершаться совокупно умом и сердцем. Слова молитвы должно произносить очень неспешно, даже протяжно, чтоб ум имел возможность заключаться в слова. Утешая и наставляя общежительных иноков, занимающихся монастырскими послушаниями, ободряя их к усердию и тщаливости (трудолюбию) в молитвенном подвиге, Лествичник говорит: «От монахов, занимающихся послушаниями, Бог не требует молитвы, вполне чистой от развлечения. Не унывай, будучи окрадываем рассеянностию! благодушествуй и постоянно понуждай ум твой возвращаться к себе. Совершенная свобода от рассеянности — принадлежность Ангелов[5]. «Порабощенные страстям! будем молиться Господу постоянно, неотступно: потому что все бесстрастные перешли такою молитвою к состоянию бесстрастия из состояния страстного. Если ты неослабно будешь приобучать ум твой, чтоб он никуда не удалялся из слов молитвы, то он и во время трапезования твоего будет при тебе. Если же попущено ему тобою невозбранное скитание повсюду, то он не возможет никогда пребывать у тебя. Великий делатель великой и совершенной молитвы сказал: *хощу пять словес умом моим глаголати, нежели тмы словес языком*[6]. Такая молитва — благодатная молитва ума в сердце, чуждая парения — не свойственна младенцам: и потому мы, как младенцы, заботясь о качестве молитвы — о вни-

[1] Пс. 136. 4. ‖ [2] Пс. 136. 3. ‖ [3] Пс. 136. 1. ‖ [4] Слово 28, гл. 17. ‖ [5] Слово 4, гл. 93. ‖ [6] *...хочу лучше пять слов сказать умом моим... нежели тьму слов на незнакомом языке* (1 Кор. 14. 19).

мании при посредстве заключения ума в слова, — будем молиться очень много. Количество служит причиною качества. Господь дает чистую молитву тому, кто молится безленостно, много и постоянно своею оскверняемою развлечением молитвою»[1]. Новоначальные иноки нуждаются в продолжительном времени для обучения молитве. Невозможно вскоре по вступлении в монастырь или по вступлении в подвиг достичь этой верховной добродетели. Нужны и время, и постепенность в подвиге, чтоб подвижник созрел для молитвы во всех отношениях. Как цвет и плод произрастают на стебле или древе, которые сами прежде должны быть посеяны и вырасти, так и молитва произрастает на других добродетелях, иначе не может явиться, как на них. Не скоро инок справится с умом своим: он не скоро приучит ум свой пребывать в словах молитвы, как бы в заключении и затворе. Отвлекаемый усвоившимися ему пристрастиями, впечатлениями, воспоминаниями, попечениями, ум новоначального непрестанно расторгает спасительные для него узы, оставляет тесный путь, уносится на широкий: любит он странствовать свободно в поднебесной, в стране обольщений, с духами, низверженными с неба, — странствовать без цели, безрассудно, зловредно для себя. Страсти — эти нравственные недуги человека — служат основною причиною развлечения при молитве. Соответственно ослаблению страстей уменьшается развлечение. Страсти обуздываются и умерщвляются мало-помалу истинным послушанием и истекающими из истинного послушания самоотвержением и смирением. Послушание, самоотвержение и смирение суть те добродетели, на которых зиждется преуспеяние в молитве. Непарительность (нерассеянность), доступная человеку, даруется Богом в свое время такому подвижнику молитвы, который постоянством и усердием в подвиге докажет искренность своего желания стяжать молитву.

Священноинок Дорофей[2], наш соотечественник, великий наставник духовному подвигу, подходящий этим достоинством своим к святому Исааку Сирскому, советует приобучающемуся к молитве Иисусовой сперва произносить ее гласно. Он говорит, что гласная молитва сама собой переходит в умную[3]. «От молитвы гласной многой, — говорит священноинок, — истекает молитва умная, а от умной молитвы является молитва сердечная. Про-

---

[1] Лествица. Слово 28, гл. 21. ‖ [2] Сведения о сочинителе «Цветника», священноиноке Дорофее, помещены в 1-м томе «Аскетических опытов» в статье «Посещение Валаамского монастыря». ‖ [3] «Цветник» священноинока Дорофея. Поучения 30 и 32.

износить молитву Иисусову должно не громким голосом, но тихо, вслух себе одному»[1]. При особенном действии рассеянности, печали, уныния, лености очень полезно совершать молитву Иисусову гласно: на гласную молитву Иисусову душа мало-помалу возбуждается от тяжкого нравственного сна, в который обычно ввергают ее печаль и уныние. Очень полезно совершать молитву Иисусову гласно при усиленном нашествии помыслов и мечтаний плотского вожделения и гнева, когда от действия их разгорячится и закипит кровь, отымутся мир и тишина у сердца, когда ум поколеблется, ослабеет, как бы ниспровергнется и свяжется множеством непотребных помыслов и мечтаний: воздушные князи злобы, присутствие которых не обличается телесными очами, но познается душою по производимому ими действию на нее, услышав грозное для них имя Господа Иисуса, придут в недоумение и замешательство, устрашатся, не замедлят отступить от души. Способ, предлагаемый священноиноком, очень прост и удобен. Его надо соединять с механизмом святого Иоанна Лествичника, то есть произносить молитву Иисусову гласно, вслух себе одному, не спеша и заключая ум в слова молитвы: заключение ума в слова молитвы завещавается самим священноиноком[2].

Механизм святого Иоанна Лествичника необходимо соблюдать и при способе, который изложен преподобным Нилом Сорским во 2-м Слове его Предания, или Устава Скитского. Преподобный Нил заимствовал способ свой у греческих Отцов, Симеона Нового Богослова и Григория Синаита, и несколько упростил. Святой Нил говорит: «Сказанному этими святыми об удерживании дыхания, то есть чтобы не часто дышать, и опыт вскоре научит, что это очень полезно к собранию ума». Некоторые, не поняв этого механизма, придают ему излишнее значение, непомерно удерживают дыхание и тем повреждают легкие, вместе причиняя вред душе усвоением ей понятия неправильного. Все разгоряченные и излишне напряженные действия служат препятствием к преуспеянию в молитве, развивающейся единственно на лоне мирного, тихого, благоговейного настроения по душе и телу. «Все неумеренное — от демонов», — говорил Пимен Великий[3].

Начинающему обучаться молитве Иисусовой очень вспомоществует к обучению ей ежедневное келейное правило из известного числа земных и поясных поклонов, соответственно силам. Пола-

[1] «Цветник». Поучение 32. ‖ [2] Там же. ‖ [3] Патерик Скитский. «Достопамятные сказания», гл. 129.

гаются поклоны неспешно, с чувством покаяния, и при каждом поклоне произносится молитва Иисусова. Образец этого моления можно видеть в «Слове о Вере» преподобного Симеона Нового Богослова[1]. Описывая ежедневный вечерний молитвенный подвиг блаженного юноши Георгия, святой Симеон говорит: «Он помышлял, что предстоит Самому Господу и припадает к пречистым ногам Его; он молил Господа со слезами, чтоб Господь умилосердился над ним. Молясь, он стоял неподвижно, подобно некоему столбу, не дозволяя себе никакого движения ни ногами, ни другою какою частию тела, не дозволяя очам любопытно обращаться на стороны: он стоял с великим страхом и трепетом, не допуская себе дремания, уныния и лености». Число поклонов на первый раз может быть ограничено двенадцатью. Соображаясь с силами, с удобством, доставляемым обстоятельствами, это число может постоянно возрастать. При умножении числа поклонов должно строго наблюдать, чтоб качество молитвенного подвига сохранилось, чтоб нам не увлечься к бесплодному, вредному количеству, по причине плотского разгорячения. От поклонов тело согревается, несколько утомляется: такое состояние тела содействует вниманию и умилению. Остережемся, остережемся, чтоб это состояние не перешло в плотское разгорячение, чуждое духовных ощущений, развивающее ощущение естества падшего. Количество, столь полезное при правильности настроения и цели, может быть очень вредным, когда оно приводит к плотскому разгорячению. Плотское разгорячение познается по плодам своим; ими оно отличается от духовной теплоты. Плоды плотского разгорячения — самомнение, самонадеянность, высокоумие, превозношение, иначе — гордость в различных видах ее, к которым удобно прививается прелесть. Плоды духовной теплоты — покаяние, смирение, плач, слезы. Правило с поклонами всего удобнее совершать отходя ко сну: в это время, по окончании дневных попечений, можно совершать правило продолжительнее и сосредоточеннее. Но и утром, и среди дня полезно, особенно юным, полагать умеренное количество поклонов — поклонов 12 и до 20-ти. Этими поклонами поддерживается молитвенное настроение и распятие плоти, поддерживается и усиливается усердие к молитвенному подвигу.

Предложенных мною советов, полагаю, достаточно для новоначального, желающего обучиться молитве Иисусовой: «Молитва, — сказал преподобный Мелетий Исповедник, — учителя не требует,

[1] Добротолюбие. Ч. 1.

но тщания, но рачения и особенного усердия, — и бывает учителем ее Бог»[1]. Святые Отцы, написав много сочинений о молитве, чтоб доставить делателю правильное понятие о ней и верное руководство к упражнению ею, предлагают и поощряют вступить в самый подвиг для получения существенного познания, без которого учение словом, хотя и извлеченное из опытов, мертво, темно, непонятно, как нуждающееся в объяснении и оживлении опытами. Наоборот: тщательно занимающийся молитвою и уже преуспевший в ней должен часто обращаться к писаниям святых Отцов о молитве, ими поверять и направлять себя, помня, что и великий Павел, хотя имел благовестию своему превысшее всех свидетельств свидетельство Духа, но ходил в Иерусалим и предложил бывшим там Апостолам благовестие, возвещенное им между язычниками, на рассмотрение, — *да не како вотще теку, или текох*[2], — говорит он.

Ученик. Какие книги святых Отцов должен читать желающий заниматься молитвою Иисусовою под руководством Боговдохновенного учения?

Старец. Это зависит от того рода жизни, который проводится подвижником молитвы. Рассмотри сочинения Каллиста и Игнатия Ксанфопулов о безмолвии и молитве, — и увидишь, что они написаны для иноков, пребывающих в затворе или проводящих жизнь отшельническую, подобную жизни иноков Египетского Скита, в котором каждый старец жил в отдельной келлии, имея одного, двух и не более как трех учеников. Проводящих такой род жизни святые Отцы называют безмолвниками[3]. Безмолвник располагает собою и своим временем по собственному усмотрению или по обычаю, заимствованному от его наставников, а иноки, находящиеся в общежитии, обязаны участвовать в общественном богослужении и заниматься монастырскими послушаниями, не имея ни права, ни возможности располагать собою и своим временем своевольно; притом, к безмолвию допускаются одни преуспевшие в монашеской жизни, обучившиеся ей предварительно в общежитии, сподобившиеся благодатного осенения; и потому книги святых Отцов, написанные для безмолвников, никак нейдут для новоначальных и вообще для иноков, подвизающихся в монастырях общежительных. Сказанное о книге Ксанфопулов должно сказать и о книгах Григория Синаита, Исаака Сирского, Нила Сорского, священноинока Дорофея. Занимающийся молитвою, при занятии

[1] «Избранные класы», издание Оптиной Пустыни, 1848 г. ‖ [2] *Не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался* (Гал. 2. 2). ‖ [3] Лествица. Слово 1, гл. 26.

монастырскими послушаниями, может ознакомиться и с этими книгами, но не для руководства ими, а единственно для знания, соблюдая, притом осторожность, чтобы они не повлекли его безвременно в уединение и затвор или к несвойственному подвигу. Часто случается то и другое, к величайшему вреду обманутого ревностию безрассудною. Дети и отроки, когда, по неразумию своему и легкомыслию, покусятся поднять тяжесть, превышающую силу их, то надрываются, нередко губят себя окончательно; так и несозревшие в духовном возрасте подвергаются великим бедствиям от духовного подвига, не соответствующего устроению их, нередко впадают в расстройство неисправимое. Сочинения святых Исихия, Филофея и Феолипта, помещенные во второй части «Добротолюбия», очень полезны для общежительных и для уединенных иноков. Особенно полезны предисловия схимонаха Василия: в них изложено учение о молитве покаяния, учение столь полезное, столь нужное для нашего времени. Находится много назидательных наставлений о молитве в книге Варсонофия Великого; надо заметить, что в первой половине ее заключаются ответы к безмолвникам, а во второй, с 220-го ответа, — к инокам, подвизавшимся в общежитии.

Ученик. Что значит место сердечное, о котором говорят святые Симеон Новый Богослов, Никифор Монашествующий и другие Отцы?

Старец. Это — словесная сила или дух человека, присутствующий в верхней части сердца, против левого сосца, подобно тому как ум присутствует в головном мозге. При молитве нужно, чтоб дух соединился с умом и вместе с ним произносил молитву, при этом ум действует словами, произносимыми одною мыслию или и с участием голоса, а дух действует чувством умиления или плача. Соединение даруется в свое время Божественною благодатию, а для новоначального достаточно, если дух будет сочувствовать и содействовать уму. При сохранении внимания умом дух непременно ощутит умиление. *Дух* обыкновенно называется *сердцем*, как и вместо слова *ум* употребляется слово *голова*. Молись со вниманием, в сокрушении духа, помогая себе вышеисчисленными механизмами: при этом само собою откроется опытное познание места сердечного. О нем удовлетворительно объяснено в предисловиях схимонаха Василия.

Ученик. Мне показалось, что ты отвечал неохотно на вопрос мой о сердечном месте и, отослав меня к предисловиям схимонаха Василия, этим уклонился от изложения твоих собственных поня-

тий и взглядов. Умоляю тебя: для пользы моей и других выскажись откровенно на вопрос мой.

Старец. Вопрос твой навел скорбь на мое сердце. Этот вопрос делали мне многие, — и был он часто выражением, которым выражалось состояние самообольщения, состояние душевного повреждения. С трудом исправляется душевное повреждение, произведенное неправильным упражнением в духовных подвигах, — по большей части остается неисправимым. Остается оно неисправимым или по причине гордости повредившихся, или по причине оконченности повреждения. Яд лжи — страшен: с упорством держится он в тех, которые приняли его произвольно; оставляет он смертоносное действие в тех, которые, сознав его, не отвергли его и не извергли из себя с решительным самоотвержением. Зодчие[1] воздушных замков, видя здание свое возвышающимся до небес, любуются и восхищаются этим обольстительным зрелищем: они не любят напоминания евангельской заповеди, возвещающей, что всякому человеку, *зиждущу храмину,* подобает ископать, и углубить, и положить *основание на камени*[2]. Камень — Христос. Христос предстоит взорам ума нашего в Евангелии: предстоит Он взорам ума поведением Своим; предстоит взорам ума учением Своим; предстоит взорам ума заповедями Своими; предстоит взорам ума смирением Своим, по причине которого Он *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя*[3]. Тот возлагает на себя тяжкий труд копания земли и углубляется в нее, кто, в противность влечению сердца, нисходит в смирение, кто, отвергая свою волю и свой разум, старается изучить с точностию заповеди Христовы и Предание Православной Церкви, с точностию последовать им; тот полагает в основание прочные камни, кто прежде и превыше всех других подвигов заботится о том, чтоб исправить и направить свою нравственность сообразно поведению, учению и завещанию Господа нашего Иисуса Христа. Нет места для истинной молитвы в сердце не благоустроенном и не настроенном евангельскими заповедями. Напротив того, прелесть насаждена в каждого из нас падением: «По этому состоянию самообольщения, составляющему неотъемлемую принадлежность каждого из нас, *обычно* уму, — говорит преподобный Григорий Синаит, — особенно в людях легкомысленных, преждевременно стремиться к усвоению себе высоких молитвенных состояний, чем и малое устроение, данное Богом, утрачивается, а делатель поражается мертвостию ко всему доброму. И потому должно

---

[1] Архитекторы-строители. ‖ [2] Лк. 6. 48. ‖ [3] Флп. 2. 8.

тщательно рассматривать себя, чтоб не искать преждевременно того, что приходит в свое время, и чтоб не отвергнуть того, что подается в руки, направившись к исканию другого. Свойственно уму представлять себе мечтанием высокие состояния молитвы, которых он еще не достиг, и *извращать* их в своей мечте или в своем мнении. Очень опасно, чтоб такой делатель не лишился и того, что дано ему, чтоб не подвергся умоповреждению и сумасшествию от действия прелести»[1]. Прелесть, в большей или меньшей степени, есть необходимое логичное последствие неправильного молитвенного подвига.

Монашеское жительство — наука из наук, Божественная наука. Это относится ко всем монашеским подвигам, — в особенности относится к молитве. В каждой науке имеется свое начало, имеется своя постепенность в преподавании познаний, имеются свои окончательные упражнения: так и в обучении молитве существует свой порядок, своя система. Тщательное последование порядку или, что то же, системе служит в каждой науке ручательством основательного успеха в ней; так и правильное упражнение в молитве служит ручательством преуспеяния в ней, — того преуспеяния, которым благоугодно Богу ущедрить подвижника. Отвержение системы при изучении науки служит источником превратных понятий, источником знания, которое хуже незнания, будучи знанием неправильным, отрицательным: таково и последствие беспорядочного упражнения в молитве. Неизбежное естественное последствие такого упражнения — прелесть. Самочинное монашество — не монашество. Это — прелесть! это — карикатура, искажение монашества! это — насмешка над монашеством! это — обман самого себя! это — актерство, очень способное привлечь внимание и похвалы мира, но отвергаемое Богом, чуждое плодов Святого Духа, обильное плодами, исходящими от сатаны.

Многие, ощутив расположение и усердие к духовному подвигу, приступают к этому подвигу опрометчиво и легкомысленно. Они предаются ему со всею ревностию и разгорячением, со всею безрассудностию, не поняв, что эти ревность и разгорячение — наиболее кровяные и плотские; что они преисполнены нечистоты и примеси, не поняв, что при изучении науки из наук — молитвы — нужно самое верное руководство, нужны величайшее благоразумие и осторожность. Увы! скрываются от нас пути Божии, правые; скрываются они от нас по причине слепоты, произведенной и поддер-

[1] Гл. 118. Добротолюбие. Ч. 1.

живаемой в нас падением. Избираются нами в руководителей преимущественно те наставники, которых мир провозгласил святыми и которые находятся или в глубине прелести, или в глубине неведения. Избираются в руководителей книги, написанные инославными подвижниками, находившимися в ужаснейшей бесовской прелести, в общении с бесами. Избираются в руководителей писания святых Отцов Православной Церкви, изложивших возвышенный молитвенный подвиг преуспевших иноков, подвиг, не доступный для понимания новоначальных, не только для последования ему, — и плодом духовного подвига чудовищно является душевное расстройство, погибель. *Посеясте пшеницу, а терние пожасте*[1], говорит с болезнованием Святой Дух человекам, извращающим добро во зло неправильным употреблением добра. Горестное, точно горестное зрелище! на возвышеннейшем делании ума, на делании, возводящем к Богу того, кто идет по установленным ступеням, стяжавается неправильным действованием омрачение и растление ума, умоповреждение, умопомешательство, порабощение демонам, погибель. Такое зрелище, зрелище, которое нередко представлялось взорам моим, послужило причиной скорби для сердца моего при вопросе твоем. Не хотелось бы мне слышать его ни от тебя, ни от кого другого из новоначальных. «Не полезно тебе, — сказали Отцы, — узнать последующее прежде, нежели стяжешь опытное знание предшествовавшего»[2]. Такое любопытство — признак праздности и кичащегося разума[3]. Указал же я на предисловия схимонаха Василия, как на сочинение истинного делателя молитвы, особенно полезное для современности. Сочинение это наставляет непогрешительному пониманию Отеческих писаний о молитвенном подвиге, писаний, составленных для преуспевших монахов, преимущественно для безмолвников.

Чтобы исполнить твое желание, повторю, лишь иными словами, уже сказанное мной. Упражнение молитвою Иисусовою имеет два главнейших подразделения, или периода, оканчивающихся чистою молитвою, которая увенчивается бесстрастием или христианским совершенством в тех подвижниках, которым Богу благоугодно дать его. Святой Исаак Сирский говорит: «Не многие сподобились чистой молитвы, но малые: достигший же к таинству, совершающемуся после нее, и перешедший на другой берег

---

[1] *Сеяли пшеницу, а пожали терны* (Иер. 12. 13). || [2] Преподобного Марка Подвижника «О законе духовном», гл. 84. || [3] 1 Кор. 8, 1. По объяснению преподобного Марка Подвижника, в той же 84-й главе.

(Иордана) едва встречается один из поколения в поколение, *по благодати и благоволению* Божиим»[1]. В первом периоде предоставляется молящемуся молиться при одном собственном усилии; благодать Божия несомненно содействует молящемуся благонамеренно, но она не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, сокровенные в сердце, приходят в движение и возводят делателя молитвы к мученическому подвигу, в котором побеждения и победы непрестанно сменяют друг друга[2], в котором свободное произволение человека и немощь его выражаются с ясностию[3]. Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться непарительно или, что то же, без развлечения, с сердечным плачем и теплотою; при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом. На эти два состояния указывают святые Отцы. Из них преподобный Нил Сорский, ссылаясь на преподобного Григория Синаита, говорит: «Когда придет действие молитвы, тогда оно удерживает ум при себе, увеселяет его и освобождает от парения»[4]. Для не стяжавших благодатного действия преподобный признает удержание ума от рассеянности и внимательную молитву подвигом самым трудным, тяжким, неудобным[5]. Чтобы достичь второго состояния, необходимо пройти сквозь первое, необходимо выказать и доказать основательность своего произволения и принести *плод в терпении*[6]. Первое состояние молящегося можно уподобить обнаженным древам во время зимы; второе — тем же древам, покрывшимся листьями и цветами от действия теплоты весенней. Силу для произведения листьев и цветов деревья накопляют во время зимы, когда состояние их имеет весь образ состояния страдательного, состояния под областию смерти. Не дозволим себе искушать Господа! не дозволим себе приступать к Нему легкомысленно, с бесстрашием, с двоедушием, с настроением сумнящейся пытливости, за которую возбраняется вход в землю обетованную[7]. Приступим как погибшие, как существенно нуждающиеся во спасении, которое даруется Богом за истинное покаяние. Душою и целию молитвы в том и другом состоянии должно быть покаяние. За покаяние, приносимое при одном собственном усилии, Бог дарует, в свое время, покаяние благодатное, — и *Дух* Святой, все-

[1] Слово 16. Здесь слово *благоволение* прибавлено для точного выражения мысли Писателя. ‖ [2] Святой Исаак Сирский. Слово 55. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слово 61, очень замечательное. ‖ [4] Слово 2. ‖ [5] Там же. ‖ [6] Лк. 8. 15. ‖ [7] Евр. 3. 8–11, 18, 19.

лившись в человека, *ходатайствует* о нем *воздыхании неизглаголанными* (неизреченными): Он ходатайствует о святых сообразно воле Божией, которую ведает один Он[1].

Из этого явствует со всею очевидностию, что для новоначального искание места сердечного, то есть искание открыть в себе безвременно и преждевременно явственное действие благодати, есть начинание самое ошибочное, извращающее порядок, систему науки. Такое начинание — начинание гордостное, безумное! Столь же не соответствует новоначальному употребление механизмов, предложенных святыми Отцами для преуспевших иноков, для безмолвников. Новоначальные должны держаться при упражнении молитвою одного благоговейнейшего внимания, одного заключения ума в слова молитвы, произнося слова очень неспешно, чтоб ум успевал заключаться в них, и производя дыхание тихо, но свободно. Некоторые подумали, что в самом производстве дыхания заключается нечто особенно важное, и, не поняв, что неспешное и тихое дыхание заповедано Отцами для удержания ума от рассеянности, начали чрезмерно удерживать дыхание и этим расстроили телесное здравие, столь способствующее в молитвенном подвиге. «Удерживай, — говорит преподобный Григорий Синаит, — и дыхание, то есть движение ума, смежив несколько уста при совершении молитвы, а не дыхание ноздрей, то есть чувственное, как это делают невежи, чтоб не повредить себя, надымаясь»[2]. Не только в процессе дыхания, но и во всех движениях тела должно наблюдать спокойствие, тихость и скромность. Все это очень способствует к удержанию ума от рассеянности. Ум, молящийся внимательно, непременно привлечет сердце в сочувствие себе, в чувство покаяния. Между сочувствием сердца уму и соединением ума с сердцем, или схождением ума в сердце, — величайшее различие. Святой Иоанн Лествичник признает значительным преуспеянием в молитве то, когда ум будет пребывать в словах ее[3]. Этот великий наставник иноков утверждает, что молитва молящегося постоянно и усердно, при заключении ума в слова молитвы, из чувства покаяния и плача, непременно осенится Божественною благодатию[4]. Когда молитва осенится Божественною благодатию, тогда не только откроется сердечное место, но и вся душа повлечется к Богу непостижимою духовною силою, увлекая с собою и тело. Молитва преуспевших в ней произносится из всего существа. Весь

---

[1] Рим. 8. 26–27. ‖ [2] О прелести. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] Лествица. Слово 28, гл. 19. ‖ [4] Лествица. Слово 28, гл. 17, 21, 27, 28.

человек делается как бы одними устами. Не только *сердце* обновленного человека, не только *душа*, но и *плоть* исполняется духовного утешения и услаждения: радости *о Бозе живе*[1], о Боге, действующем ощутительно и могущественно благодатию Своею. *Вся кости* истинного молитвенника *рекут: Господи, Господи, кто подобен Тебе? избавляяй нища из руки крепльших его, и нища, и убога от расхищающих его* молитву и надежду: от помыслов и ощущений, возникающих из падшего естества и возбуждаемых демонами[2]. К преуспеянию в молитве покаяния должны стремиться все христиане; к упражнению в молитве покаяния и к преуспеянию в ней святые Отцы приглашают всех христиан. Напротив того, они строго воспрещают преждевременное усилие взойти умом в святилище сердца для благодатной молитвы, когда эта молитва еще не дана Богом. Воспрещение сопрягается со страшною угрозою. «Умная молитва, — говорит преподобный Нил Сорский, повторяя слова преподобного Григория Синаита, — выше всех деланий, и добродетелей глава, как любовь Божия. Бесстыдно и дерзостно хотящий войти к Богу и чисто беседовать с Ним, нудящийся стяжать Его в себе, удобно умерщвляется бесами»[3].

Умоляю, умоляю обратить все должное внимание на грозное воспрещение Отцов. Мне известно, что некоторые благонамеренные люди, но впадающие в блуд на самом деле, не могущие, по несчастной привычке, воздержаться от падений, покушаются на упражнение в сердечной молитве. Может ли быть что-либо безрассуднее, невежественнее, дерзостнее этого начинания? Молитва покаяния дана всем без исключения, дана и обладаемым страстями, и подвергающимся насильственно падениям. Они имеют все право вопить ко Господу о спасении; но вход в сердце для молитвенного священнодействия возбранен для них: он предоставлен исключительно архиерею таинственному, хиротонисанному законно Божественною благодатию. Поймите, поймите, что единственно перстом Божиим отверзается этот вход: отверзается он тогда, когда человек не только престанет от деятельного греха, но и получит от десницы Божией силу противиться страстным помыслам, не увлекаться и не услаждаться ими. Мало-помалу зиждется сердечная чистота: чистоте *постепенно* и *духовно* является Бог. Постепенно! потому что и страсти умаляются, и добродетели возрастают не вдруг: то и другое требует значительного времени.

---

[1] *...к Богу живому* (Пс. 83. 3). ‖ [2] *Господи! кто подобен Тебе, избавляющему слабого от сильного, бедного и нищего от грабителя его?* (Пс. 34. 10). ‖ [3] Слово 11.

Вот тебе завет мой: не ищи места сердечного. Не усиливайся тщетно объяснить себе, что значит место сердечное: удовлетворительно объясняется это одним опытом. Если Богу угодно дать тебе познание, то Он даст в свое время, — и даст таким способом, какого даже не может представить себе плотской человек. Занимайся исключительно и со всею тщательностию молитвою покаяния; старайся молитвою принести покаяние: удостоверишься в успехе подвига, когда ощутишь в себе нищету духа, умиление, плач. Такого преуспеяния в молитве желаю и себе, и тебе. Достижение вышеестественных благодатных состояний было всегда редкостью. Пимен Великий, инок Египетского Скита, знаменитого по высокому преуспеянию его монахов, живший в V веке, в котором особенно процветало монашество, говаривал: «О совершенстве беседуют между нами многие, а действительно достигли совершенства один или два»[1]. Святой Иоанн Лествичник, аскетический писатель VI века, свидетельствует, что в его время очень умалились сосуды Божественной благодати в сравнении с предшествовавшим временем; причину этого святой видит в изменении духа в обществе человеческом, утратившем простоту и заразившемся лукавством[2]. Святой Григорий Синаит, писатель XIV века, решился сказать, что в его время вовсе нет благодатных мужей: так сделались они редки; причину этого Синаит указывает в необыкновенном развитии пороков, происшедшем от умножившихся соблазнов[3]. Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Боговдохновенных наставников нет у нас! Целомудрие, простота, евангельская любовь удалились с лица земли. Соблазны и пороки умножились до бесконечности! Развратом объят мир! Господствует над обществом человеческим, как полновластный тиран, любовь преступная в разнообразных формах! Довольно, предовольно, если сподобимся принести Богу единое, существенно нужное для спасения нашего делание: покаяние.

Ученик. Удобна ли для обучения молитве Иисусовой жизнь в монастыре посреди более или менее многочисленного братства и молвы, неизбежной в многолюдстве? не удобнее ли для этого жизнь в безмолвии?

Старец. Жизнь в монастыре, особенно в общежительном, способствует новоначальному к успешному и прочному обучению молитве, если только он жительствует правильно. Жительствующему правильно в общежитии представляются непрестанно случаи

[1] Патерик Скитский. ‖ [2] Слово 26, гл. 52. ‖ [3] Гл. 118. Добротолюбие. Ч. 1.

к послушанию и смирению, а эти добродетели, более всех других, приготовляют и настраивают душу к истинной молитве. «От послушания — смирение», — сказали Отцы[1]. Смирение рождается от послушания и поддерживается послушанием, как поддерживается горение светильника подливаемым елеем. Смирением вводится в душу мир Божий[2]. Мир Божий есть духовное место Божие[3], духовное небо; вошедшие в это небо человеки соделываются равноангельными и, подобно Ангелам, непрестанно поют в сердцах своих духовную песнь Богу[4], то есть приносят чистую, святую молитву, которая в преуспевших есть точно песнь и песнь песней. По этой причине послушание, которым доставляется бесценное сокровище смирения, признано единодушно Отцами[5] за основную монашескую добродетель, за дверь, вводящую законно и правильно в умную и сердечную молитву, или, что то же, в истинное священное безмолвие. Святой Симеон Новый Богослов говорит о внимательной молитве: «Как я думаю, это благо проистекает нам от послушания. Послушание, являемое духовному отцу, соделывает всякого беспопечительным. Таковой какою привременною вещию может быть побежден или порабощен? какую печаль и какое попечение может иметь такой человек?»[6] Попечения и пристрастия, отвлекая постоянно мысль к себе, служат причиною развлечения при молитве; гордость служит причиною сердечного ожесточения; гнев и памятозлобие, основывающиеся на гордости, служат причиною сердечного смущения. Послушание служит начальною причиною, уничтожающею рассеянность, от которой молитва бывает бесплодною; оно служит причиною смирения, смирение уничтожает ожесточение, при котором молитва мертва; прогоняет смущение, при котором молитва непотребна, помазует сердце умилением, от которого молитва оживает, окрыляется, возлетает к Богу. Следовательно: послушание не только действует против рассеянности, но и охраняет сердце от ожесточения и смущения, содержит его постоянно кротким, благим, постоянно способным к умилению, постоянно готовым излиться пред Богом в молитве и плаче, столь искренних, что они по всей справедливости могут назваться и *исповеданием*[7] души пред Богом и духовным *явлением* Бога душе[8]. Если инок будет вести себя в монастыре подобно стран-

[1] Преподобный Кассиан. Собеседование 2; Лествица. Слово 4, гл. 106. ‖ [2] Флп. 4. 7. ‖ [3] Пс. 75. 3. ‖ [4] Еф. 5. 19. ‖ [5] Святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов о безмолвии и молитве, гл. 14 и 15. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [6] О третьем образе внимания и молитвы. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [7] Пс. 103. 1; 104; 105; 106; 110. ‖ [8] Там же.

нику, не заводя знакомства вне и внутри монастыря, не ходя по братским келлиям и не принимая братию в свою келлию, не заводя в келлии никаких излишеств, не исполняя своих пожеланий, трудясь в монастырских послушаниях со смирением и добросовестностию, прибегая часто к исповеди согрешений, повинуясь настоятелю и прочим властям монастырским безропотно, в простоте сердца, то, без сомнения, преуспеет в молитве Иисусовой, то есть получит дар заниматься ею внимательно и проливать при ней слезы покаяния. «Видел я, — говорит святой Иоанн Лествичник, — преуспевших в послушании и не нерадевших, по возможности, о памяти Божией[1], действуемой умом, как они, внезапно встав на молитву, вскоре преодолевали ум свой и изливали слезы потоками; совершалось это с ними потому, что они были предуготовлены преподобным послушанием»[2]. Святой Симеон Новый Богослов, преподобный Никита Стифат и многие другие Отцы обучились молитве Иисусовой и занимались ею в обителях, находившихся в столице Восточной Империи, в обширном и многолюдном Константинополе. Святейший патриарх Фотий обучился ей уже в сане патриарха при многочисленных других занятиях, соединенных с этим саном. Святейший патриарх Каллист обучился, проходя послушание повара в Лавре преподобного Афанасия Афонского на Афонской горе[3]. Преподобные Дорофей[4] и Досифей[5] обучались ей в общежитии святого Серида, первый — неся послушание начальника больницы, второй — прислужника в ней. В общежитии Александрийском, которое описывает святой Иоанн Лествичник, все братия упражнялись в умной молитве[6]. Этот святой, равно как и Варсонофий Великий, заповедует боримым блудною страстию особенно усиленное моление именем Господа Иисуса[7]. Блаженный старец Серафим Саровский свидетельствовал, наставленный собственным опытом, что молитва Иисусова есть бич против плоти и плотских похотений[8]. Увядает пламень этих похотений от действия ее. Когда она воздействует в человеке, тогда, от действия ее, плотские похотения утрачивают свободу в действовании своем. Так хищный зверь, посаженный на цепь, сохраняя способность

[1] Памятью Божией и поучением называют Отцы непрестанную молитву Иисусову. О поучении, или памяти Божией, имеется особенная статья во 2-й части «Аскетических опытов». ‖ [2] Слово 28, гл. 31. ‖ [3] Предисловие схимонаха Василия. ‖ [4] Варсонофия Великого ответ 268. ‖ [5] Житие преподобного Досифея в начале поучения преподобного Аввы Дорофея. ‖ [6] Лествица. Слово 4, гл. 17. ‖ [7] Лествица. Слово 15, гл. 55. — Ответы 252 и 255. ‖ [8] Из рукописного наставления архимандриту Никону.

умерщвлять и пожирать человеков и животных, теряет возможность действовать соответственно способности.

Святые Симеон и Андрей, юродивые ради Христа, находились в особеннейшем молитвенном преуспеянии, будучи возведены в него своим полным самоотвержением и глубочайшим смирением. Ничто не доставляет такого свободного доступа в Богу, как решительное самоотвержение, попрание своей гордости, своего *я*. Обильное действие сердечной молитвы святого Андрея описано сотаинником его Никифором, иереем Великой Церкви царственного Константинополя. Действие это, по особенности своей, достойно быть замеченным. «Он, — говорит Никифор, — приял такой дар молитвы в тайном храме сердца своего, что шепот уст его звенел далеко. Как котел воды, приведенный в движение безмерным кипением, издает из себя пар, так и у него выходил пар из уст от действия Святого Духа. Одни из видевших его говорили, что в нем живет демон, и потому выходит из него пар; другие говорили: нет! сердце его, мучимое неприязненным духом, производит такое дыхание. Ни то ни другое мнение не было справедливым: в этом явлении отражалась непрестанная, богоприятная молитва, — и незнакомые с духовным подвигом составили о великом Андрее понятие, подобное тому, какое составлено было некогда при внезапно открывшемся даре знания иностранных языков»[1]. Очевидно, что угодник Божий производил молитву из всего существа своего, соединяя умную и сердечную молитву с гласною. Когда святой Андрей был восхищен в рай, то, как поведал он иерею, обильная благодать Божия, наполняющая рай, произвела в нем то духовное действие, которое обыкновенно производится умною молитвою в преуспевших: она привела в соединение ум его и сердце, причем человек приходит в состояние духовного упоения и некоторого самозабвения[2]. Это упоение и самозабвение есть вместе ощущение новой жизни. Святой Симеон говорил сотаиннику своему, диакону Иоанну, что посреди самых сильных соблазнов ум его пребывает всецело устремленным к Богу, — и соблазны остаются без обычного действия своего[3]. В тех, которые сподобились благодатного осенения, постоянно восхищается душа из среды греховных и суетных помыслов и ощущений умною молитвою, как бы таинственною невидимою рукою, и возносится горе: действие греха и мира остается бессильным и бесплодным[4].

---

[1] Деян. 2. 13. Великие Четьи-Минеи митрополита Макария. ‖ [2] Великие Четьи-Минеи. ‖ [3] Житие преподобного Симеона. Четьи-Минеи, 21 июля. ‖ [4] Святой Исаак Сирский. Слово 43.

Во дни новоначалия моего некоторый старец в искренней беседе поведал мне: «В мирской жизни, по простоте прошедших времен и господствовавшему тогда благочестивому направлению, узнал я о молитве Иисусовой, занимался ею и ощущал по временам необыкновенное изменение в себе и утешение. Вступив в монастырь, я продолжал заниматься ею, руководствуясь чтением Отеческих книг и наставлениями некоторых иноков, которые, казалось, имели понятие о ней. У них я видел и низменный стулец, упоминаемый преподобным Григорием Синаитом, сделанный наподобие тех стульцев, которые употреблялись в Молдавии. В конце прошедшего столетия и начале нынешнего процветало умное делание в разных обителях Молдавии, особенно в Нямецком монастыре. Сначала был я в послушании трапезного: занимаясь послушанием, занимался и молитвою, соединяя ее с содействующими ей смиренномудрыми помышлениями, по наставлению Отцов[1]. Однажды ставил я блюдо с пищею на последний стол, за которым сидели послушники, и мыслию говорил: “Примите от меня, рабы Божии, это убогое служение”. Внезапно в грудь мою впало такое утешение, что я даже пошатнулся; утешение продолжалось многие дни, около месяца. Другой раз случилось зайти в просфорню; не знаю, с чего, по какому-то влечению, я поклонился братиям, трудившимся в просфорне, очень низко, — и, внезапно, так воздействовала во мне молитва, что я поспешил уйти в келлию и лег на постель по причине слабости, произведенной во всем теле молитвенным действием»[2].

В описании кончины святителя Димитрия Ростовского повествуется, что он найден почившим на молитве. За несколько часов до кончины был у него любимый его певчий; прощаясь с певчим, Святитель поклонился ему едва не до земли. Из одного сердечного настроения истекли смирение и молитва. Иноческое общежитие, как уже сказано мною, служит величайшим пособием для обучения молитве Иисусовой в первых степенях ее, доставляя новоначальному непрестанные случаи к смирению. Удобно может испытать над собою, скоро может увидеть каждый инок действие послушания и смирения на молитву. Ежедневное исповедание духовному отцу или старцу своих помыслов, отречение от деятельности по

[1] Смиренномудрые помышления, содействующие молитве, описаны в 1-м Слове святого Симеона Нового Богослова. О них много говорят святые Исаак Сирский, Исаия Отшельник и другие Отцы. || [2] О изнеможении, производимом благодатным утешением, упоминает святой Исаак Сирский в Слове 44.

своему разуму и по своей воле начнет в непродолжительном времени действовать против рассеянности, уничтожать ее, удерживать ум в словах молитвы. Смирение пред старцем и пред всеми братиями немедленно начнет приводить сердце в умиление и содержать в умилении. Напротив того, от деятельности по своей воле и по своему разуму немедленно явится попечительность о себе, предстанут уму различные соображения; предположение, опасения, мечты уничтожат внимательную молитву. Оставление смирения для сохранения своего достоинства по отношению к ближнему отымет у сердца умиление, ожесточит сердце, убьет молитву, лишив ее существенных свойств ее, внимания и умиления. Каждый поступок против смирения есть наветник и губитель молитвы. На послушании и смирении да зиждется молитва! эти добродетели — единственно прочное основание молитвенного подвига.

Безмолвие полезно для преуспевших, понявших внутреннюю брань, окрепших в евангельской нравственности основательным навыком к ней, отвергнувших пристрастия[1]: все это должно стяжать предварительно в общежитии. Вступившим в безмолвие без предварительного, удовлетворительного обучения в монастыре, безмолвие приносит величайший вред: лишает преуспеяния, усиливает страсти[2], бывает причиной высокоумия[3], самообольщения и бесовской прелести[4]. «Неопытных — необученных опытно тайнам монашеского жительства — безмолвие губит»[5], — сказал святой Иоанн Лествичник. «К истинному безмолвию, — замечает этот же Святой, — способны редкие: те, которые стяжали Божественное утешение в поощрение к трудам и Божественное содействие в помощь при бранях»[6].

Ученик. Ты сказал прежде, что не очищенный от страстей не способен ко вкушению Божественной благодати, а теперь упомянул о молитвенном благодатном утешении в мирянине и новоначальном послушнике. Здесь представляется мне противоречие.

Старец. Научаемые Священным Писанием и писаниями святых Отцов, мы веруем и исповедуем, что Божественная благодать действует как прежде, так и ныне в Православной Церкви, несмотря на то что обретает мало сосудов, достойных ее.

---

[1] Цитата из жития преподобного Саввы Освященного в Слове Никифора Монашествующего. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [2] Преподобный Кассиан Римлянин о духе гнева, кн. 8 Общежительных постановлений. ‖ [3] Ответы 311 и 313 преподобных Варсонофия Великого и Иоанна. ‖ [4] Патерик Печерский. Жития преподобных Исаакия и Никиты. ‖ [5] Лествица. Слово 27, гл. 55. ‖ [6] Лествица. Слово 4, гл. 120.

Она осеняет тех подвижников Божиих, которых ей благоугодно осенить. Утверждающие, что ныне невозможно христианину сделаться причастником Святого Духа, противоречат Священному Писанию и причиняют душам своим величайший вред, как об этом прекрасно рассуждает преподобный Макарий Великий[1]. Они, не предполагая в христианстве никакой особенно высокой цели, не ведая о ней, не стараются, даже нисколько не помышляют о достижении ее: довольствуясь наружным исполнением некоторых добродетелей, лишают сами себя христианского совершенства. Что хуже всего, — они, удовлетворясь своим состоянием и признавая себя, по причине своего наружного поведения, восшедшими на верх духовного жительства, не только не могут иметь смирения, нищеты духовной и сердечного сокрушения, но и впадают в самомнение, в превозношение, в самообольщение, в прелесть, уже нисколько не заботятся об истинном преуспеянии. Напротив того, уверовавшие существованию христианского совершенства устремляются к нему всеусердно, вступают в неослабный подвиг для достижения его. Понятие о христианском совершенстве охраняет их от гордости: в недоумении и плаче предстоят они молитвою пред заключенным входом в этот духовный чертог. Введенные Евангелием в правильное самовоззрение, смиренно, уничиженно думают они о себе: признают себя рабами непотребными, не исполнившими назначения, приобретенного и предначертанного Искупителем для искупленных Им человеков[2]. Отвержение жительства по заповедям Евангелия и по учению святых Отцов — жительство самовольное, основанное на собственном умствовании, хотя бы и очень подвижное или очень благовидное, — имеет самое вредное влияние на правильное понимание христианства, даже на догматическую Веру[3]. Это доказано со всею ясностию характером тех нелепых заблуждений и того разврата, в которые вринулись все отступники, все еретики и раскольники.

Вместе с этим, опять основываясь на Божественном Писании и на писаниях Отеческих, мы утверждаем, что ум и сердце, не очищенные от страстей покаянием, не способны соделаться причастниками Божественной благодати, — утверждаем, что сочиняющие для себя благодатные видения и благодатные ощущения,

---

[1] Слово 3, гл. 12, 13 и 14. ‖ [2] Заимствовано из вышеприведенных 12-й, 13-й и 14-й глав 3-го Слова преподобного Макария Великого; также см. 2-е Слово преподобного Нила Сорского, с. 100 по изданию Святейшего Синода, 1852 года. ‖ [3] 1 Тим. 1. 19.

ими льстящие себе и обманывающие себя, впадают в самообольщение и бесовскую прелесть. Несомненно веруя существованию благодатного действия, столь же несомненно мы должны веровать недостоинству и неспособности человека, в его состоянии страстном, к принятию Божией благодати. По причине этого сугубого убеждения погрузимся всецело, бескорыстно в делание покаяния, предав и вручив себя всесовершенно воле и благости Божией. «Нет неправды у Бога, — наставляет преподобный Макарий Великий. — Бог не оставит неисполненным того, что Он предоставил исполнять Себе, когда исполним то, что мы обязаны исполнить»[1]. «Монах не должен сомневаться о получении дара Божественной благодати, — говорит святой Исаак Сирский, — как сын не сомневается в получении наследства от отца». Наследство принадлежит сыну по закону естества. Вместе с этим святой Исаак называет прошение в молитве о ниспослании явного действия благодати начинанием, заслуживающим порицания, прошением, внушенным гордынею и превозношением; он признает желание и искание благодати настроением души неправильным, отверженным Церковию Божией, душевным недугом. Усвоивших себе такое желание он признает усвоившими гордыню и падение, то есть самообольщение и демонскую прелесть. Хотя самая цель монашества и есть обновление Святым Духом принявшего монашество, но святой Исаак предлагает идти к этой цели покаянием и смирением, стяжать плач о себе и молитву мытаря, столько раскрыть в себе греховность, чтоб совесть наша свидетельствовала нам, что мы — рабы непотребные и нуждаемся в милости. «Божие, — говорит Святой, — приходит само собой, в то время, как мы и не помышляем о нем. Ей, так! но если место чисто, а не осквернено»[2].

Что же касается до упомянутого новоначального, то из самих приведенных случаев с ним видно, что он вовсе не ожидал такого молитвенного действия, какое в нем внезапно открылось, даже не понимал, что оно существует. Это — строение Промысла Божия, постижение которого нам недоступно. Тот же святой Исаак говорит: «Чин (порядок) особенного смотрения (Промысла, суда Божия) отличается от общего человеческого чина. Ты следуй общему чину, и путем, по которому прошли все человеки, по последованию преемничества, взойди[3] на высоту духовного пирга (башни)».

[1] Слово 4, гл. 8. ‖ [2] Слово 55 и Слово 2. ‖ [3] Слово 1.

Ученик. Мне привелось узнать, что некоторые старцы, весьма преуспевшие в молитве Иисусовой, преподавали новоначальным прямо молитву умную, даже сердечную.

Старец. Знаю это. Такие частные случаи не должно принимать за общее правило или, основываясь на них, пренебрегать преданием Церкви, то есть тем учением святых Отцов, которое Церковь приняла в общее руководство. К отступлению от общего правила приведены были упомянутые тобою преуспевшие старцы или по замеченной ими особенной способности новоначальных к упражнению в умной молитве, или по собственной неспособности быть удовлетворительными руководителями других, несмотря на свое молитвенное преуспеяние. И последнее случается! В Египетском Ските некоторый новоначальный монах просил наставления по одному из случаев иноческого подвижничества у аввы Ивистиона, старца очень возвышенной жизни. Получив наставление, новоначальный нашел нужным поверить наставление советом с преподобным Пименом Великим. Великий устранил наставление аввы Ивистиона как слишком возвышенное, невыносимое для новоначального и страстного, преподал монаху способ, более удобный и доступный, произнесши при этом следующее достойное внимания изречение: «Авва Ивистион и делание его на небе, с Ангелами: утаилось от него, что мы с тобой на земле и в страстях»[1]. Очень верно замечает преподобный Григорий Синаит, что находящиеся в молитвенном преуспеянии обучают молитве других сообразно тому, как сами достигли в ней преуспеяния[2]. Из опытов я мог убедиться, что получившие благодатную молитву, по особенному смотрению Божию, скоро и не общим путем поспешают, соответственно совершившемуся с ними, сообщать новоначальным такие сведения о молитве, которые новоначальными никак не могут быть поняты правильно, понимаются ими превратно и повреждают их. Напротив того, получившие дар молитвы после продолжительной борьбы со страстями, при очищении себя покаянием и при образовании нравственности евангельскими заповедями, преподают молитву с большею осмотрительностию, постепенностию, правильностию. Монахи Молдавского Нямецкого монастыря передавали мне, что знаменитый старец их, архимандрит Паисий Величковский, получивший сердечную благодатную молитву по особенному смотрению Божию, а не общим порядком, по этой самой причине

[1] Патерик Скитский и «Достопамятные сказания», о Пимене Великом, глава 62. || [2] Из 15 глав, гл. 5. Добротолюбие. Ч. 1.

не доверял себе преподавание ее братиям: он поручал это преподавание другим старцам, стяжавшим дар молитвы общим порядком. Святой Макарий Великий говорит, что по неизреченной благости Божией, снисходящей немощи человеческой, встречаются души, соделавшиеся причастницами Божественной благодати, преисполненные небесного утешения и наслаждающиеся действием в них Святого Духа, — вместе с тем, по недостатку деятельной опытности, пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном в отношении к тому состоянию, которое требуется и доставляется истинным подвижничеством[1]. Мне пришлось видеть такое дитя-старика, осененного обильно Божественною благодатию. С ним познакомилась дама цветущих лет и здоровья, громкого имени, жизни вполне светской, и, получив уважение к старцу, сделала ему некоторые услуги. Старец, движимый чувством благодарности, желая вознаградить великим душеназиданием послугу вещественную и не поняв, что этой даме прежде всего нужно было оставить чтение романов и жизнь по романам, преподал ей упражнение молитвою Иисусовою, умною и сердечною, с пособием тех механизмов, которые предлагаются святыми Отцами для безмолвников и описаны в 1-й и 2-й частях Добротолюбия. Дама послушалась святого старца, пришла в затруднительнейшее положение и могла бы повредить себя окончательно, если бы другие не догадались, что дитя-старец дал ей какое-нибудь несообразнейшее наставление, не извлекли у ней признания и не отклонили ее от последования наставлению.

Упомянутому здесь старцу говаривал некоторый близко знакомый ему инок: «Отец! твое душевное устроение подобно двухэтажному дому, верхний этаж которого отделан отлично, а нижний стоит вчерне, отчего доступ и в верхний этаж очень затруднителен». В монастырях употребляется о таких преуспевших старцах изречение *свят, но не искусен,* и наблюдается осторожность в совещаниях с ними, в совещаниях, которые иногда могут быть очень полезными. Осторожность заключается в том, чтоб не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев, чтоб поверять их наставления Священным Писанием и писаниями Отцов[2], также беседой с другими преуспевшими и благонамеренными иноками, если окажется возможность найти их. Блажен новоначальный, нашедший в наше время благонадежного советника! «Знай, — воск-

[1] Слово 7, гл. 14. ‖ [2] Преподобного Симеона Нового Богослова, гл. 33. Добротолюбие. Ч. 1.

лицает преподобный Симеон Новый Богослов, — что в наши времена появилось много лжеучителей и обманщиков!»[1] Таково было положение христианства и монашества за восемь столетий до нас. Что ж сказать о современном положении? едва ли не то, что сказал преподобный Ефрем Сирский о положении тех, которые займутся исканием живого слова Божия во времена последние. Они будут, пророчествует Преподобный, проходить землю от востока к западу и от севера к югу, ища такого слова, — и не найдут его[2]. Как истомленным взорам заблудившихся в степях представляются высокие дома и длинные улицы, чем заблудившиеся вовлекаются еще в большее, неисходное заблуждение, так и ищущим живого слова Божия в нынешней нравственной пустыне представляются во множестве великолепные призраки слова и учения Божия, воздвигнутые из душевного разума, из недостаточного и ложного знания буквы, из настроения духов отверженных, миродержителей. Призраки эти, льстиво являясь духовным Эдемом, преизобилующим пищею, светом, жизнию, отвлекают обманчивым явлением своим душу от истинной пищи, от истинного света, от истинной жизни, вводят несчастную душу в непроницаемый мрак, изнуряют голодом, отравляют ложью, убивают вечною смертию.

Преподобный Кассиан Римлянин повествует, что в современных ему Египетских монастырях, в которых особенно процветало монашество и соблюдались с особенной тщательностию и точностию предания духоносных Отцов, никак не допускали того инока, который не обучился монашеству правильно, в послушании, к обязанности наставника и настоятеля, хотя бы этот инок и был весьма возвышенной жизни, даже украшенный дарами благодати. Египетские Отцы признавали дар руководить братию ко спасению величайшим даром Святого Духа. Не обученный науке монашества правильно, утверждали они, не может и преподавать ее правильно[3]. Некоторые были восхищены Божественною благодатию из страны страстей и перенесены в страну бесстрастия, — этим избавлены от тяжкого труда и бедствий, испытываемых всеми, проплывающими бурное, обширное, глубокое море, которым отделяется страна от страны. Они могут поведать подробно и верно о стране бесстрастия, но не могут дать должного отчета о плавании через море, о том плавании, которое не изведано ими на опыте. Великий наставник монашествующих святой Исаак Сирский, объяснив, что иные, по

---

[1] Преподобного Симеона Нового Богослова, гл. 33. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Слово 106 по славянскому тексту. ‖ [3] Книга 11 о уставе ночных молитв и псалмов, гл. III.

особенному смотрению Божию, скоро получают Божественную благодать и освящение, решился присовокупить, что, по мнению его, тот, кто не образовал себя исполнением заповедей и не шествовал по пути, по которому прошли Апостолы, *не достоин называться святым*[1]. Кто же победил страсти при посредстве исполнения заповедей и многотрудного жительства в благом подвиге, тот да ведает, что он стяжал здравие души законно[2]. Порядок предания таков: терпение с понуждением себя борется против страстей для приобретения чистоты. Если страсти будут побеждены, то душа стяжевает чистоту. Истинная чистота доставляет уму дерзновение во время молитвы[3]. В послании к преподобному Симеону чудотворцу святой Исаак говорит: «Ты пишешь, что чистота сердца зачалась в тебе и что память Божия — умная молитва Иисусова — очень воспламенилась в сердце твоем, разогревает и разжигает его. Если это — истинно, то оно — велико; но я не хотел бы, чтобы ты написал мне это: потому что тут нет никакого порядка»[4]. Если хочешь, чтоб сердце твое было вместилищем таинств нового века, то прежде обогатись подвигом телесным, постом, бдением, служением братии, послушанием, терпением, низложением помыслов и прочим, тому подобным. Привяжи ум твой к чтению и изучению Писаний; изобрази заповеди пред очами твоими и отдай долг страстям, побеждаясь и побеждая; приучайся к непрестанным молитве и молению, и постоянным упражнением в них исторгни из сердца всякий образ и всякое подобие, которыми грех запечатлел тебя в прежней жизни твоей[5]. Ты знаешь, что зло взошло в нас при посредстве преступления заповедей: из этого явствует, что здравие возвращается исполнением заповедей. Без делания заповедей нам даже не должно желать очищения души или надеяться на получение его, когда не ходим по тому пути, который ведет к очищению души. Не скажи, что Бог может и без делания заповедей, благодатию даровать очищение души: это — судьбы Божии, и Церковь воспрещает просить, чтоб совершилось с нами такое чудо. Иудеи, возвращаясь из Вавилона во Иерусалим, шли обыкновенным путем и в течение определенного на такой путь времени; совершив путешествие, они достигли святого града своего и увидели чудеса Господа. Но пророк Иезекииль сверхъестественно восхищен был действием духовным, поставлен во Иерусалим и по Божественному Откровению соделался зрителем будущего обновления. По образу этого совершается и относительно чистоты души. Некоторые входят в чистоту души путем, проложенным для всех,

[1–5] Избрано из разных мест 55-го Слова.

путем законным: хранением заповедей в жительстве многотрудном, проливая кровь свою. Иные же сподобляются чистоты по дару благодати. Дивно то, что не дозволено испрашивать молитвою даруемое нам благодатию, оставя деятельное жительство по заповедям[1]. Немощному, нуждающемуся быть вскормленным млеком заповедей, полезно жительство со многими, чтоб он и обучился и был обуздан, чтоб был заушен многими искушениями, падал и восставал, и стяжал здравие души. Нет такого младенца, который не был бы вскормлен молоком, — и не может быть истинным монахом тот, кто не воспитан млеком заповедей, исполняя их с усилием, побеждая страсти и таким образом сподобляясь чистоты[2].

Можно и новоначальному и юному преподать умную и сердечную молитву, если он к ней способен и подготовлен. Такие личности были очень редки и в прежние времена, предшествовавшие времени общего растления нравов. Я был свидетелем, что старец, стяжавший благодатную молитву и духовное рассуждение, преподал советы об умной и сердечной молитве некоторому новоначальному, сохранившему девство, предуготовленному с детства к принятию таинственного учения о молитве изучением христианства и монашества, ощутившему уже в себе действие молитвы. Старец объяснил возбуждение молитвенного действия в юноше его девственностью. Совсем другому правилу подлежат и молодые люди, и люди зрелых лет, проводившие до вступления в монастырь жизнь рассеянную, при скудных, поверхностных понятиях о христианстве, стяжавшие различные пристрастия, особенно растлившие целомудрие блудом. Грех блуда имеет то свойство, что соединяет два тела, хотя и незаконно, в одно тело[3]: по этой причине, хотя он прощается немедленно после раскаяния в нем и исповеди его, при непременном условии, чтоб покаявшийся оставил его; но очищение и истрезвление тела и души от блудного греха требует продолжительного времени, чтоб связь и единение, установившиеся между телами, насадившиеся в сердце, заразившие душу, изветшались и уничтожились. Для уничтожения несчастного усвоения Церковь полагает впавшим в блуд и в прелюбодеяние весьма значительные сроки для покаяния, после чего допускает их к причащению Всесвятым Телу и Крови Христовым. Точно так для всех, проводивших рассеянную жизнь, для запечатленных различными пристрастиями, особенно для низвергшихся в пропасть блудных падений, для стяжавших навык к ним, нужно время и время,

[1-2] Избрано из разных мест 55-го Слова. ‖ [3] 1 Кор. 6. 16.

чтоб предочиститься покаянием, чтоб изгладить из себя впечатления мира и соблазнов, чтоб истрезвиться от греха, чтоб образовать нравственность заповедями Евангелия и таким образом соделать себя способными к благодатной, умной и сердечной молитве. «Каждый да обсуждает душу свою, — говорит преподобный Макарий Великий, — рассматривая и исследывая тщательно, к чему она чувствует привязанность, и если усмотрит, что сердце находится в разногласии с законами Божиими, то да старается всеусильно охранить как тело, так и душу от растления, отвергая общение с нечистыми помыслами, если хочет ввести душу в сожительство и лики чистых дев, по данному обету при Крещении и при вступлении в иночество: потому что вселение и хождение Божие обетовано Богом только в душах вполне чистых и утвержденных в правильной любви»[1]. «Рачительный к пашне земледелец сперва обновляет ее и исторгает из нее плевелы, потом уже засевает ее семенами: так и тот, кто ожидает, чтоб душу его засеял Бог семенами благодати, во-первых, должен очистить душевную ниву, чтоб семя, которое впоследствии повергнет на эту ниву Святой Дух, принесло совершенный и многочисленный плод. Если этого не будет сделано прежде всего и если человек не очистит себя от всякой скверны плоти и духа, то он пребудет плотию и кровию и далеко отстоящим от жизни» в Боге[2]. «Кто принуждает себя исключительно и всеусильно к молитве, но не трудится о приобретении смирения, любви, кротости и всего сонма прочих добродетелей, не внедряет их в себя насильно, тот может достигнуть только до того, что *иногда,* по прошению его, касается его Божественная благодать, потому что Бог по естественной благости Своей человеколюбиво дарует просящим то, чего они хотят. Если же получивший не приобучит себя к прочим добродетелям, упомянутым нами, и не стяжет навыка в них, то или лишается полученной благодати, или, вознесшись, ниспадает в гордость, или, оставаясь на низшей степени, на которую взошел, уже не преуспевает более и не растет. Престолом и покоем, так сказать, для Святого Духа служат смирение, любовь, кротость и, последовательно, все святые заповеди Христовы. Итак, кто захотел бы, совокупляя и собирая в себе все добродетели равно и без исключения, тщательным приумножением их достичь совершенства, тот, во-первых, да насилует себя, как мы уже сказали, и посто-

[1] Patrologiae Graecae tom. XXXIV, Macarii Aegiptii liber de libertate mentis. Cap. 5 и 6. ‖ [2] Patrologiae Graecae tom. XXXIV, Macarii Aegiptii liber de libertate mentis. Cap. 5 и 6.

янно поборая упорное сердце, да тщится представить его покорным и благоугодным Богу. Употребивший, во-первых, такое насилие над собою и все, что ни есть в душе противодействующего Богу, возвративший, как бы укрощенного дикого зверя, в покорность повелениям Божиим, в повиновение направлению истинного, святого учения, благоустроивший таким образом свою душу, если будет молиться Богу и просить Бога, чтоб Бог даровал преуспеяние начинаниям его, то получит вкупе все просимое: человеколюбивейший Бог предоставит ему все во всеобилии, чтоб дар молитвы в нем возрос и процвел, будучи услажден Святым Духом»[1]. «Впрочем, знай, что во многом труде и в поте лица твоего восприимешь утраченное сокровище твое: потому что беструдное получение блага несообразно с твоею пользою. Полученное без труда ты потерял, и предал врагу наследие твое»[2].

Ученик. Когда я молюсь, то уму моему представляется множество мечтаний и помыслов, не допускающих чисто молиться: не может ли возникнуть из этого прелесть или какой другой вред для меня?

Старец. Множеству помыслов и мечтаний естественно возникать из падшего естества. Даже свойственно молитве открывать в падшем естестве сокровенные признаки падения его и впечатления, произведенные произвольными согрешениями[3]. Также диавол, зная, какое великое благо — молитва, старается во время ее возмутить подвижника греховными, суетными помыслами и мечтаниями, чтоб отвратить его от молитвы или молитву сделать бесплодною[4]. Из среды помыслов, мечтаний и ощущений греховных, из среды этого порабощения и плинфоделания нашего тем сильнее возопием и будем вопить молитвою ко Господу, подобно израильтянам, *возстенавшим от дел и возопившим. И взыде,* говорит Писание, *вопль их к Богу от дел. И услыша Бог стенание их*[5]. — Общее правило борьбы с греховными начинаниями заключается в том, чтоб отвергать грех при самом появлении его, убивать таинственных вавилонян, доколе они младенцы[6]. «Разумно борющийся, — сказал преподобный Нил Сорский, — отражает матерь злого мысленного сонмища, то есть первое прикосновение лукавых мыслей к уму его. Отразивший это первое прикосновение разом

[1] Patrologiae Graecae tom. XXXIV, Macarii Aegiptii liber de libertate mentis. Cap. 19. ‖ [2] Liber de patientia et discretione. Cap. 19. ‖ [3] Святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, гл. 49. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [4] Преподобный Нил Сорский. Слово 3. ‖ [5] *И вопль их от работы восшел к Богу. И услышал Бог стенание их* (Исх. 2. 23–24). ‖ [6] Пс. 136. 9.

отразил и все последующее за ним сонмище лукавых мыслей»[1]. Если же грех, по причине предварившего порабощения ему и навыка к нему, насилует нас, то и тогда не должно унывать и приходить в расслабление и отчаяние; должно врачевать невидимые побеждения покаянием и пребывать в подвиге с твердостию, мужеством, постоянством. Греховные и суетные помыслы, мечтания и ощущения тогда могут несомненно повредить нам, когда мы не боремся с ними, когда услаждаемся ими и насаждаем их в себя. От произвольного содружества с грехом и от произвольного общения с духами отверженными зарождаются и укрепляются страсти, может вкрасться в душу неприметным образом прелесть. Когда же мы противимся греховным помыслам, мечтам и ощущениям, тогда самая борьба с ними доставит нам преуспеяние и обогатит нас деятельным разумом. Некоторый старец, преуспевший в умной молитве, спросил другого инока, также занимавшегося ею: «Кто обучил тебя молитве»? Инок отвечал: «Демоны». Старец улыбнулся и сказал: «Какой соблазн произнес ты для незнающих дела! однако скажи, каким образом демоны выучили тебя молитве»? Инок отвечал: «Мне попущена была тяжкая и продолжительная брань от лютых помыслов, мечтаний и ощущений, не дававших мне покоя ни днем, ни ночью. Я истомился и исхудал неимоверно от тяжести этого неестественного состояния. Угнетенный натиском духов, я прибегал к молитве Иисусовой. Брань достигла такой степени, что привидения начали мелькать в воздухе перед глазами моими чувственно. Я ощущал постоянно, что горло мое перетянуто как бы веревкой. Потом, при действии самой брани, я начал чувствовать, что молитва усиливается и надежда обновляется в сердце моем. Когда же брань, делаясь легче и легче, наконец совсем утихла, — внезапно появилась молитва в сердце моем сама собою».

Будем молиться постоянно, терпеливо, настойчиво. Бог в свое время даст благодатную, чистую молитву тому, кто молится без лености и постоянно своею нечистою молитвою, кто не покидает малодушно молитвенного подвига, когда молитва долго не поддается ему. Образец успеха настойчивой молитвы Иисусовой видим в Евангелии. Когда Господь выходил из Иерихона в сопровождении учеников и народного множества, тогда слепец Вартимей, сидевший при пути и просивший милостыни, узнав, что Господь проходит мимо, начал кричать: *Сыне Давидов Иисусе, помилуй мя.* Ему воспрещали кричать, но он еще больше кричал. Последствием

[1] Слово 2, в начале.

неумолкающего крика было исцеление слепца Господом[1]. Так и мы будем вопить, несмотря на восстающие из падшего естества и приносимые диаволом помыслы, мечтания и ощущения греховные для воспрепятствования нашему молитвенному воплю, — и несомненно получим милость.

Ученик. Каковы истинные плоды молитвы Иисусовой, по которым новоначальный мог бы узнать, что он молится правильно?

Старец. Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умилении. Эти плоды являются прежде всех других от всякой правильно совершаемой молитвы, преимущественно же от молитвы Иисусовой, упражнение которой превыше псалмопения и прочего молитвословия[2]. От внимания рождается умиление, а от умиления усугубляется внимание. Они усиливаются, рождая друг друга; они доставляют молитве глубину, оживляя постепенно сердце; они доставляют ей чистоту, устраняя рассеянность и мечтательность. Как истинная молитва, так и внимание и умиление суть дары Божии. Как желание стяжать молитву мы доказываем принуждением себя к ней, так и желание стяжать внимание и умиление доказываем понуждением себя к ним. Далее плодом молитвы бывает постепенно расширяющееся зрение своих согрешений и своей греховности, отчего усиливается умиление и обращается в плач. Плачем называется преизобильное умиление, соединенное с болезнованием сердца сокрушенного и смиренного, действующее из глубины сердца и объемлющее душу. Потом являются ощущения присутствия Божия, живое воспоминание смерти, страх суда и осуждения. Все эти плоды молитвы сопровождаются плачем и, в свое время, осеняются тонким, святым духовным ощущением страха Божия. Страх Божий невозможно уподобить никакому ощущению плотского, даже душевного человека. Страх Божий — ощущение совершенно новое. Страх Божий — действие Святого Духа. От вкушения этого чудного действия начинают истаивать страсти, — ум и сердце начинают привлекаться к непрерывному упражнению молитвою. По некотором преуспеянии приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним без различия добрых от злых, терпения скорбей, как попущений и врачеваний Божиих, в которых необходимо нуждается наша греховность. Любовь к Богу и ближним, являющаяся постепенно из страха Божия, вполне духовна, неизъяснимо свята, тонка, смиренна, отличается отличием бесконечным от любви человеческой в обыкновенном состоянии

[1] Мк. 10. 46–52. ‖ [2] Преподобный Нил Сорский. Слово 11.

ее, не может быть сравнена ни с какою любовию, движущейся в падшем естестве, как бы ни была эта естественная любовь правильной и священной. Одобряется закон естественный, действующий во времени; но закон вечный, закон духовный настолько выше его, насколько Святой Дух Божий выше духа человеческого. О дальнейших плодах и последствиях моления святейшим именем Господа Иисуса останавливаюсь говорить: пусть блаженный опыт научит им и меня, и других. Последствия и плоды эти подробно описаны в «Добротолюбии», этом превосходном, Боговдохновенном руководстве к обучению умной молитве для преуспевших иноков, способных вступить в пристанище священного безмолвия и бесстрастия. Признавая и себя и тебя новоначальными в духовном подвиге, имею преимущественно в виду, при изложении правильных понятий о упражнении молитвой Иисусовой, потребность новоначальных, потребность большинства. «Стяжи плач, — сказали Отцы, — и он научит тебя всему»[1]. Восплачем и будем постоянно плакать пред Богом: Божие не может придти иначе, как по благоволению Божию, — и приходит оно в характере духовном, в характере новом, в таком характере, о котором мы не можем составить себе никакого понятия в нашем состоянии плотском, душевном, ветхом, страстном[2].

Достойно особенного замечания то мнение о себе, которое насаждается правильною молитвою Иисусовою в делателе ее. Иеромонах Серафим Саровский достиг в ней величайшего преуспеяния. Однажды настоятель прислал к нему монаха, которому благословил начать пустынножитие с тем, чтоб отец Серафим наставил этого монаха пустынножитию столько, сколько сам знает этот многотрудный образ иноческого жительства. Отец Серафим, приняв инока очень приветливо, отвечал: «И сам я ничего не знаю». При этом он повторил иноку слова Спасителя о смирении[3] и объяснение их святым Иоанном Лествичником чрез действие сердечной молитвы Иисусовой[4]. Рассказывали мне следующее о некотором делателе молитвы. Он был приглашен благотворителями монастыря в губернский город. Посещая их, инок постоянно затруднялся, не находя, о чем говорить с ними. Однажды был он у весьма благочестивого христолюбца. Этот спросил монаха: «Отчего ныне нет беснующихся?» — «Как нет? — отвечал монах. — Их много». — «Да где

[1] Патерик Скитский, изречения Феодора Енатского. Также преподобного Симеона Нового Богослова. ‖ [2] Святой Исаак Сирский. Слово 55. ‖ [3] Мф. 11, 29. ‖ [4] Наставления отца Серафима, издание 1844 г.

ж они?» — возразил христолюбец. — Монах отвечал: «Во-первых, вот — я». — «Полноте! что вы говорите!» — воскликнул хозяин, посмотрев на монаха с дикой улыбкой, в которой выражались и недоумение, и ужас. «Будьте уверены...» — хотел было продолжать монах. «Полноте, полноте!» — прервал хозяин и начал речь с другими о другом, а монах замолчал. *Слово бо крестное* и самоотвержение *юродство есть*[1] для непонимающих действия и силы их. Кто, не знающий молитвенного плача и тех таинств, которые он открывает, поймет слова, исшедшие из глубины плача? Достигший самовоззрения посредством духовного подвига видит себя окованным страстями, видит действующих в себе и собой духов отверженных. Брат вопросил Пимена Великого: «Как должен жительствовать безмолвник?» Великий отвечал: «Я вижу себя подобным человеку, погрязшему в болото по шею, с бременем на шее, и вопию к Богу: помилуй меня»[2]. Этот Святой, наученный плачем глубочайшему, непостижимому смиренномудрию, говаривал сожительствовавшим ему братиям: «Поверьте мне: куда ввергнут диавола, туда ввергнут и меня»[3]. Воспоминанием о совершенном иноке, о Пимене Великом, заключим нашу беседу о молитве Иисусовой.

Ученик. Мое сердце жаждет слышания: скажи еще что-нибудь.

Старец. Очень полезно для упражняющегося молитвою иметь в келлии иконы Спасителя и Божией Матери, довольно значительного размера. По временам можно обращаться при молитве к иконам, как бы к Самим присутствующим тут Господу и Божией Матери. Ощущение присутствия Божия в келлии может сделаться обычным. При таком постоянном ощущении мы будем пребывать в келлии со страхом Божиим, как бы постоянно под взорами Бога. Точно: мы находимся всегда в присутствии Бога, потому что Он вездесущ,— находимся всегда под взорами Бога, потому что Он все и всюду видит. Слава всемилосердому Господу, видящему нашу греховность и согрешения, долготерпеливо ожидающему нашего покаяния, даровавшему нам не только дозволение, но и заповедь умолять Его о помиловании.

Воспользуемся неизреченною милостию Божиею к нам! Примем ее с величайшим благоговением, с величайшей благодарностию! Возделаем ее во спасение наше с величайшим усердием, с величайшею тщательностию! Милость даруется Богом во всем обилии; но принять ее или отвергнуть, принять ее от всей души или с двоедушием предоставляется на произвол каждого человека. *Чадо!*

[1] *Слово о кресте... юродство есть* (1 Кор. 1. 18). ‖ [2-3] Патерик Скитский.

От юности твоея избери наказание, и даже до седин обрящеши премудрость. Якоже оряй и сеяй приступи к ней, и жди благих плодов ея: в делании бо ея мало потрудишися, и скоро ясти будеши плоды ея[1]. *В заутрии сей семя твое, и в вечер да не оставляет рука твоя*[2]. *Исповедайтеся Господеви, и призывайте имя Его. Взыщите Господа, и утвердитеся: взыщите лица Его выну*[3]. Этими словами Священное Писание научает нас, что подвиг служения Богу, подвиг молитвы, должен быть совершаем от всей души, постоянно и непрерывно. Скорби внешние и внутренние, долженствующие непременно повстречаться на поприще этого подвига, подобает преодолевать верою, мужеством, смирением, терпением и долготерпением, врачуя покаянием уклонения и увлечения. И оставление молитвенного подвига, и промежутки на нем крайне опасны. Лучше не начинать этого подвига, нежели, начавши, оставить. Душу подвижника, оставившего предпринятое им упражнение в молитве Иисусовой, можно уподобить земле обработанной и удобренной, но впоследствии заброшенной: на такой земле с необыкновенною силою вырастают плевелы, пускают глубокие корни, получают особенную дебелость. В душу, отрекшуюся от блаженного союза с молитвою, оставившую молитву и оставленную молитвою, вторгаются страсти бурным потоком, наводняют ее. Страсти стяжевают особенную власть над такою душою, особенную твердость и прочность, запечатлеваются ожесточением и мертвостью сердца, неверием. Возвращаются в душу демоны, изгнанные молитвою: разъяренные предшествовавшим изгнанием, возвращаются они с большим неистовством и в большем числе. *Последняя человеку тому* бывают *горша первых*[4], по определению Евангелия: состояние подвергшегося владычеству страстей и демонов после избавления от них при посредстве истинной молитвы несравненно бедственнее, нежели состояние того, кто не покушался свергнуть с себя иго греховное, кто меча молитвы не вынимал из ножен его. Вред от промежутков или от периодического оставления молитвенного подвига подобен вреду, происходящему от совершенного оставления; вред этот тем значительнее, чем промежуток продолжительнее. Во время сна подвижников, то есть во время нераде-

---

[1] *Сын мой! От юности твоей предайся учению, и до седин твоих найдешь мудрость. Приступай к ней как пашущий и сеющий, и ожидай добрых плодов ее: ибо малое время потрудишься в возделывании ее, и скоро будешь есть плоды ее* (Сир. 6. 18–20). ‖ [2] *Утром сей семя твое, и вечером не давай отдыха руке твоей* (Еккл. 11. 6). По объяснению преподобного Григория Синаита. ‖ [3] *Славьте Господа; призывайте имя Его... Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда* (Пс. 104. 1–4). ‖ [4] *Бывает для человека того последнее хуже первого* (Мф. 12. 45).

ния их о молитве, *приходит враг,* не видимый чувственными очами, непримеченный подвижниками, попустившими себе увлечение и рассеянность, насевает *плевелы посреде пшеницы*[1]. Сеятель плевелов очень опытен, коварен, исполнен злобы: легко ему посеять плевел самый злокачественный, ничтожный по наружности и в начале своем, но впоследствии обхватывающий и перепутывающий многочисленными отпрысками всю душу. *Иже несть со Мною,* сказал Спаситель, *на Мя есть: и иже не собирает со Мною, расточает*[2]. Молитва не доверяет себя делателям двоедушным, непостоянным; *стропотна есть зело ненаказанным, и не пребудет в ней безумный: якоже камень искушения крепок будет на нем, и не замедлит отвре-щи ея. Слыши, чадо, и приими волю мою, и не отвержи совета моего: и введи нозе твои в оковы ея и в гривну ея выю твою. Подложи рамо твое и носи ю, и не гнушайся узами ея. Всею душею твоею приступи к ней и всею силою твоею соблюди пути ея. Изследи и взыщи, и познана ти будет, и емься за ню, не остави ея. Напоследок бо обрящеши покой ея, и обратится тебе в [на] веселие. И будут ти пута ея в [на] покой крепости и гривны ея на одеяние славы*[3]. Аминь.

Истину и суд мирен судите во вратех ваших, и клятвы лживыя не любите, глаголет Господь Вседержитель[4]

Врата: это врата души, посредством которых входят в нее различные помышления и впечатления.

Ваши: одни эти врата собственно принадлежат человеку.

Судите: судия, сидящий во вратах и производящий суд, — ум наш[5]: он чинит разбор, или рассматривание, помышлений и впечат-

---

[1] Мф. 13. 25. ‖ [2] *Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает* (Лк. 11. 23). ‖ [3] *Для невежд она очень сурова, и неразумный не останется с нею: она будет на нем как тяжелый камень испытания, и он не замедлит сбросить ее. Послушай, сын мой, и прими мнение мое, и не отвергни совета моего. Наложи на ноги твои путы ее и на шею твою цепь ее. Предоставь ей плечо твое, и носи ее и не тяготись узами ее. Приблизься к ней всею душою твоею, и всею силою твоею соблюдай пути ее. Исследуй и ищи, и она будет познана тобою, и, сделавшись обладателем ее, не покидай ее; ибо наконец ты найдешь в ней упокоение, и она обратится в радость тебе. Путы ее будут тебе крепкою защитою, и цепи ее — славным одеянием* (Сир. 6. 21–30). ‖ [4] *...по истине и миролюбно судите у ворот ваших... и ложной клятвы не любите... говорит Господь* (Зах. 8. 16. 17). ‖ [5] По обычаю древних, цари и прочие начальники производили суд лично и для такового суда избирали место при вратах города. Пример этого можно видеть в житии святого великомученика Георгия. Четьи-Минеи, 23 апреля.

лений, когда они приходят ко вратам души, чтоб впустить в храм души тех, которые должны в нем быть, и не впускать тех, которые не должны быть.

Истину и суд мирен судите во вратех ваших: ум, судия, сидящий и судящий во вратах души, должен при разборе помышлений и впечатлений принимать одни истинные. Истинная мысль, истинное впечатление, то есть истекающие от Господа, Который Един — *Истина*, приносят с собою в душу несказанный мир и тишину, по этому познаются, что они от Истины, от Христа, дающего ученикам Своим мир, или (что то же) смирение, чтоб не смущалось сердце их никаким земным бедствием. Напротив того, «помыслы, происходящие от демонов, — говорит Великий Варсонофий, — прежде всего бывают исполнены смущения и печали, влекут вслед себя скрытно и тонко: враги одеваются в одежды овчия, то есть внушают мысли по-видимому правые, внутренно же суть *волци хищницы*[1], то есть восхищают и *прельщают сердца незлобивых*[2] тем, что кажется хорошо, а в самом деле зловредно. Писание говорит о змие, что он мудрейший: почему непрестанно наблюдай главу его[3], чтобы он не нашел у тебя норы и, поселившись в ней, не произвел опустошения»[4]. Глава змея — начало его помысла или мечтания.

Клятвы лживыя не любите. Диавольский помысл, приходя ко вратам души, старается принять вид праведности, приносит уму, этому судие, сидящему и судящему во вратах, бесчисленные оправдания, чтоб получить вход в душу. Но лживых этих уверений, этой клятвы лживой пророк не велит любить. Не только не должно принимать таких помыслов и соглашаться с ними, но даже не должно беседовать с ними, а немедленно, при самом первоначальном появлении греховного помысла, прибегать молитвою к Господу Богу, чтоб Он отгнал врага от врат душевных[5]. Аминь.

Молящийся ум взыскует соединения с сердцем

Затворились двери чувств: язык безмолвствует, глаза закрылись, слух не внемлет ничему, что вне меня. Ум, одеянный в молитву, сложив бремя земных помышлений, нисходит к сердечной клети. Двери клети замкнуты; повсюду темнота, мрак непроницаемый. И ум, в недоумении, начинает стучаться молитвою в двери сердца; стоит

---

[1] *Волки хищные* (Мф. 7. 15). ‖ [2] *Обольщают сердца простодушных* (Рим. 16. 18). ‖ [3] Быт. 3. 1, 15. ‖ [4] Варсонофий Великий. Ответ 59. ‖ [5] Святой Исаак Сирский. Слово 30.

терпеливо при дверях, стучится, ждет, опять стучится, опять ждет, опять молится. Нет никакого ответа, не раздается никакого голоса! Мертвая тишина и мрак отвечают гробовым молчанием. Ум отходит от дверей сердца, печальный, и в горьком плаче ищет отрады. Он не был допущен предстать Царю царей в святилище внутренней клети.

За что, за что ты отвергнут?

На мне печать греха. Навык помышлять о земном меня развлекает. Нет во мне силы, потому что Дух не приходит ко мне на помощь, Дух всесвятый и всеблагий, восстановляющий соединение ума, сердца и тела, которые разобщены страшным падением человека. Без всемогущей, творческой помощи Духа одни мои собственные усилия тщетны! Он многомилостив, человеколюбив бесконечно, но нечистота моя не допускает Его ко мне. Умоюсь в слезах, очищусь исповеданием грехов моих, не дам телу моему пищи и сна, от изобилия которых сообщается дебелость душе; весь облеченный в плач покаяния, сойду к дверям моего сердца. Там встану или сяду, как евангельский слепец, буду претерпевать тягость и скуку мрака, буду вопиять к Могущему помиловать: *помилуй мя!*[1]

И нисшел, и встал, и начал взывать с плачем. Уподоблял он себя слепому, не видящему истинного незаходимого Света, глухому и немому, не могущему ни говорить, ни слышать духовно; ощущал по самой вещи, что он точно слеп, глух, нем стоит при вратах Иерихона — сердца, обитаемого грехами — ожидает исцеления от Спасителя, Которого не видит, Которого не слышит, к Которому вопиет — разве одним своим бедственным состоянием. Он не знает Его имени, именует Сына Божия сыном Давидовым: плоть и кровь не могут почтить Бога, как Бога.

Укажите мне путь, по которому пойдет Спаситель. Этот путь — молитва, как сказал человеку пророк от лица Божия и Духом Божиим: *Жертва хвалы прославит Мя, и тамо путь, имже явлю ему спасение Мое*[2]. Скажите мне, в который час пойдет Спаситель? Утром ли, или в полдень, или к вечеру? *Бдите и молитеся, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет*[3].

Путь известен, час не назначен! — Выйду за город, встану или сяду у врат Иерихона, как советует святой Павел: *Темже да исходим*

---

[1] Мк. 10. 48. || [2] *Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня, и кто наблюдает за путем своим, тому явлю Я спасение Божие* (Пс. 49. 23). || [3] *Бодрствуйте, молитесь; ибо не знаете, в который час Господь ваш придет* (Мф. 24. 42; Мк. 13. 33).

к Нему вне стана, поношение Его носяще[1]. Мир преходит; все в нем непостоянно: он не назван даже городом, но станом. Оставлю пристрастие к имуществу, которое невольно оставляется при смерти, а часто и прежде смерти; оставлю почести и славу гибнущую; оставлю наслаждения чувственные, отнимающие способность к подвигам и занятиям духовным. *Не имам бо зде пребывающаго града, но грядущаго взыскую*[2], который должен открыться мне предварительно в сердце милостию и благодатию Бога — Спасителя моего. Кто не взойдет в таинственный Иерусалим духом во время земной жизни, тот и по исшествии душою из тела не может иметь удостоверения, что дозволен ему будет вход в Иерусалим небесный. Первое служит залогом второго[3]. Аминь.

Доказательство воскресения тел человеческих, заимствованное из действия умной молитвы

В уединенной, малознаемой, малозначащей обители, стоящей между лесами и болотами, жил некоторый инок. Со страхом, с недоверчивостию к себе, с рассматриванием писаний Отеческих вникал он в молитву, совершаемую умом в глубине и тайне душевной клети.

Однажды стоял инок в церкви, углубляя ум в сердце, — и сердце внезапно двинулось молитвенно к уму, а с собою повлекло все тело в священное, духовное состояние, невыразимое словами, превысшее всех страстей, постижимое одним опытом. Когда инок увидел столь необыкновенное, новое состояние своего тела, тогда осветился ум его познанием таинственным. Объяснились ему доселе казавшиеся загадочными и странными слова святого Иоанна Лествичника, который говорит: «*Воззвах всем сердцем моим*[4], то есть телом, душою и умом»[5].

Вот доказательство воскресения тел человеческих, которое имею в себе самом! Если тело способно к ощущениям духовным, если оно может вместе с душою участвовать в утешении благодатном; если оно отселе может соделаться причастником благодати, то как же ему не воскреснуть для жизни вечной, по учению Писания?

[1] *Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание* (Евр. 13. 13). ‖ [2] *Ибо не имею здесь постоянного града, но ищу будущего* (ср.: Евр. 13. 14). ‖ [3] Преподобный Исихий. Добротолюбие. Ч. 2, гл. 4. Согласно сему рассуждают и прочие святые Отцы. ‖ [4] Пс. 118. 45. ‖ [5] Лествица. Слово 28, гл. 61.

Осолены были благодатию тела святых Божиих — и тление не могло им прикоснуться! Победою над тлением они уже предначали свое воскресение; источая исцеления, они доказывают присутствующую в них благодать и живущую в них вечную жизнь, долженствующую в свое время развиться в преславном воскресении, предназначенном и дарованном Искупителем нашим, Господом Иисусом Христом. Аминь.

Слово о страхе Божием и о любви Божией

Служение человека Богу, законоположенное Богом, ясно и просто. Но мы сделались так сложны и лукавы, так чужды духовного разума, что нуждаемся в тщательнейшем руководстве и наставлении для правильного и благоугодного служения Богу. Весьма часто мы приступаем к служению Богу при посредстве такого способа, который противен установлению Божию, воспрещен Богом, который приносит душам нашим не пользу, а вред. Так, некоторые, прочитав в Священном Писании, что любовь есть возвышеннейшая из добродетелей[1], что она — Бог[2], начинают и усиливаются тотчас развивать в сердце своем чувство любви, им растворять молитвы свои, Богомыслие, все действия свои.

Бог отвращается от этой жертвы нечистой. Он требует от человека любви, но любви истинной, духовной, святой, а не мечтательной, плотской, оскверненной гордостию и сладострастием. Бога невозможно иначе любить, как сердцем очищенным и освященным Божественною благодатию. Любовь к Богу есть дар Божий: она изливается в души истинных рабов Божиих действием Святого Духа[3]. Напротив того, та любовь, которая принадлежит к числу наших естественных свойств, находится в греховном повреждении, объемлющем весь род человеческий, все существо каждого человека, все свойства каждого человека. Тщетно будем стремиться к служению Богу, к соединению с Богом этою любовию! Он свят, и почивает в одних святых. Он независим: бесплодны усилия человека приять в себя Бога, когда нет еще благоволения Божия обитать в человеке, хотя человек — Богозданный храм, сотворенный с тою целию, чтоб обитал в нем Бог[4]. Этот храм находится в горестном запустении: прежде освящения он нуждается в обновлении.

[1] 1 Кор. 13, 13. || [2] *Бог есть любовь* (1 Ин. 4. 8). || [3] *Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам* (Рим. 5. 5). || [4] *Разве не знаете, что вы — храм Божий, и Дух Божий живет в вас?* (1 Кор. 3. 16).

Преждевременное стремление к развитию в себе чувства любви к Богу уже есть самообольщение. Оно немедленно устраняет от правильного служения Богу, немедленно вводит в разнообразное заблуждение, оканчивается повреждением и гибелию души. Мы будем доказывать это Священным Писанием и писаниями святых Отцов; будем говорить, что шествие ко Христу начинается и совершается под водительством страха Божия; наконец, покажем, что любовь Божия есть тот блаженный покой в Боге, в который входят совершившие невидимый путь к Богу.

Ветхий Завет, — в нем истина изображена тенями, и события с внешним человеком служат образом того, что в Новом Завете совершается во внутреннем человеке, — повествует о страшной казни, которой подверглись Надав и Авиуд, два сына Аароновы, жрецы народа Израильского. «Каждый из них, — сказано в книге Левит, — взял свою кадильницу, вложил в нее фимиам, принес пред Господа огнь чуждый, которого Господь не повелел приносить. Только освященный огнь, хранившийся в Скинии Свидения, мог быть употребляем при священнослужении Израильтян. И исшел огнь от Господа, и попалил их, и они умерли пред Господом»[1]. Чуждый огнь в кадильнице жреца израильского изображает любовь падшего естества, отчуждившегося от Бога во всех своих свойствах. Казнию жреца дерзостного изображается умерщвление души, безрассудно и преступно приносящей в жертву Богу вожделение нечистое. Поражается такая душа смертию, погибает в самообольщении своем, в пламени страстей своих. Напротив того, священный огнь, который один употреблялся в священнодействиях, означает собою благодатную любовь. Огнь для Богослужения взимается не из падшего естества — из Скинии Божией. «Огнь, снисшедши в сердце, — говорит святой Иоанн Лествичник, — восстановляет молитву. Когда же она восстанет и вознесется на небо, тогда совершается сошествие огня в горницу души»[2]. *Се! вси вы,* говорит Пророк, которые *ходите,* то есть руководствуетесь в жизни вашей *светом огня вашего и пламенем* падшего естества, *егоже разжегосте,* вместо того чтоб угасить его, — все вы *погибнете* в огне и пламени адском. Неправильным и

---

[1] *Надав и Авиуд, сыны Аароновы, взяли каждый свою кадильницу, и положили в них огня, и вложили в него курений, и принесли пред Господа огонь чуждый, которого Он не велел им; и вышел огонь от Господа, и сжег их, и умерли они пред лицом Господним* (Лев. 10. 1–2). ‖ [2] Слово 28, гл. 45, по переводу Паисия Нямецкого.

преступным действием в себе самих *вы огнь разжигаете и укрепляете* для себя *пламень* геенны[1].

Тому же научает и Новый Завет притчею о вшедшем на брак в одеянии небрачном, хотя вшедший и был из числа званных. Сказал царь слугам, указывая на недостойного: *Связавше ему руце и нозе, возмите его и ввертите во тму кромешнюю*[2]. Связанием рук и ног означается отъятие всякой возможности к преуспеянию духовному. Точно: приходит в это состояние принявший ложное направление, устремившийся прямо из состояния греховности, и еще в этом состоянии, к любви, которая совершает соединение человека с Богом, но человека, уже предочищенного покаянием. Ввержением во тьму кромешную означается ниспадение ума и сердца в заблуждение и самообольщение. При заблуждении и самообольщении каждая мысль, каждое чувство вполне мрачны, вполне враждебны Богу. Слуги, власти которых предается несчастный, — демоны: хотя они и заражены безумною ненавистию к Богу, но одновременно пребывают его слугами по Его неограниченным всемогуществу и премудрости; они овладевают только теми человеками, которые, за произвольное их поведение, предаются власти демонов. Предается этой власти вступивший в направление, воспрещенное Богом, как увлеченный самомнением, как произвольно отвергший повиновение Богу.

Превознесена и прославлена святая любовь в Священном Писании. Апостол Павел, исчислив в Первом послании к Коринфянам дары Святого Духа, упомянув о дарах чудотворения, пророчества, рассуждения духов, знания разных языков, сказал: *Ревнуйте же дарований болших, и еще по превосхождению путь вам показую*[3]. Что же может быть выше Пророка, чудотворца, говорящего на иностранных языках по дару Святого Духа, а не по обычному изучению человеческому? — *Аще языки человеческими глаголю и ангельскими,* отвечает великий Павел, *любве же не имам, бых яко медь звенящи, или кимвал звяцаяй. И аще имам пророчество, и вем тайны вся и весь разум, и аще имам всю веру, яко и горы преставляти, любве же не имам, ничтоже есмь. И аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, ни кая*

[1] *Вот, все вы, которые возжигаете огонь, вооруженные зажигательными стрелами, — идите в пламень огня вашего и стрел, раскаленных вами! Это будет вам от руки Моей; в мучении умрете* (Ис. 50. 11). По объяснению преподобного Варсонофия Великого. Ответ 158. ‖ [2] *Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю* (Мф. 22. 13). ‖ [3] *Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший* (1 Кор. 12. 31).

польза ми есть. Любы николиже отпадает, аще же пророчествия упразднятся, аще ли языцы умолкнут, аще разум испразднится. От части бо разумеваем и от части пророчествуем: егда же приидет совершенное, тогда, еже от части, упразднится[1]. Что — это совершенное? *Любовь есть соуз* (совокупность) *совершенства*[2]. Должно достигнуть совершенства во всех добродетелях, чтоб вступить в совершенство всех совершенств, в слияние их, в любовь. *Всяк любяй от Бога рожден есть и знает Бога*[3]. *Бог любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает*[4]. *О сем разумеем, яко в Нем пребываем, и Той в нас, яко от Духа Своего дал есть нам*[5]. Единый истинный признак достижения любви, данный нам самим Святым Духом, есть явное присутствие в нас Святого Духа. Тот, кто не соделался храмом Святого Духа, да не льстит себе, да не обманывает себя: он не может быть обителию любви, он чужд ее. Изливается в сердца наши любовь вместе с Духом Святым. Она — Его свойство. В кого нисходит Святой Дух, в том является Его свойство — любовь[6]. «Кто стяжет любовь, тот вместе с этим облекается в Самого Бога», — сказал святой Исаак Сирский[7].

Может быть, на это возразят: «Мы христиане; мы обновлены Святым Крещением, которым исцеляются все недуги падшего естества, восстанавливаются образ и подобие Божии в первоначальном изяществе их, насаждается в человека Святой Дух, уничтожается повреждение свойств, а потому и любви». Так! но благодатное состояние обновления и пакибытия, доставляемое Святым Крещением, нуждается в поддержании жительством по евангельским заповедям. *Аще заповеди Моя соблюдете,* сказал Господь, *пребудете в любви Моей. Будите во Мне, и Аз в вас. Якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе, тако и вы, аще во Мне не пребудете. Аще кто во Мне не пребудет,*

---

[1] *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею* ***дар*** *пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое или отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы... Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится* (1 Кор. 13. 1–3, 8–10). ‖ [2] *...любовь, которая есть совокупность совершенства* (Кол. 3. 14). ‖ [3] *Всякий любящий рожден от Бога и знает Бога* (1 Ин. 4. 7). ‖ [4] *Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем* (1 Ин. 4. 16). ‖ [5] *Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего* (1 Ин. 4. 13). ‖ [6] Рим. 5. 5. ‖ [7] Слово 48.

извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю и во огнь влагают, и сгарает[1]. Не поддерживающий приобретений, дарованных Святым Крещением, жизнию по заповедям, утрачивает приобретенное. «Неизреченная и страшная слава, — говорит святой Иоанн Златоуст, — доставляемая Крещением, пребывает в нас один или два дня; потом мы ее погашаем, наводя на нее бурю житейских попечений и закрывая лучи густыми облаками»[2]. Ожив в пакибытие Крещением, мы снова умерщвляем себя жизнию по плоти, жизнию для греха, для земных наслаждений и приобретений. Святой апостол Павел сказал: *Должни есмы не плоти, еже по плоти жити. Сущии же во плоти Богу угодити не могут. Мудрование бо плотское смерть есть*[3]. Благодать Крещения остается без действия, как светлое солнце, закрытое тучами, как драгоценный талант, закопанный в землю. Грех начинает действовать в нас со всею силою или и еще сильнее, нежели до принятия Крещения, сообразно тому, в какой степени мы предаемся греховности. Но данное нам сокровище духовное не отнимается от нас окончательно до самой смерти, и мы можем раскрыть его снова во всей силе и славе покаянием[4]. Раскаяние в греховной жизни, печаль о грехах произвольных и невольных, борьба с греховными навыками, усилие победить их и печаль о насильном побеждении ими, принуждение себя к исполнению всех евангельских заповедей — вот наша доля. Нам предлежит испросить прощение у Бога, примириться с Ним, верностию к Нему загладить неверность, дружество со грехом заменить ненавистию ко греху. Примирившимся свойственна святая любовь. Не столько мы ищем ее, сколько Бог ищет, чтоб мы сделались способными принять ее и приняли ее. Обличив в заблуждении того, кто был удовлетворен собою по своим самомнению и слепоте, призвав его к ревностному покаянию, Господь произнес следующее утешение и обетование: *Се, стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною. Побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и седох со Отцем*

[1] *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей... Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне... Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают* (Ин. 15. 10, 4, 6). ‖ [2] Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, гл. 5. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [3] *Мы не должники по плоти, чтобы жить по плоти... Посему живущие по плоти Богу угодить не могут... Помышления плотские суть смерть* (Рим. 8. 12, 8, 7, 6). ‖ [4] Каллиста и Игнатия, гл. 6.

Моим на престоле Его[1]. Это говорит Всесвятая Любовь. Ощущение любви, которое приписывает себе грешник, не перестающий утопать в грехах, которое приписывает он себе неестественно и гордо, есть не что иное, как одна обманчивая, принужденная игра чувств, безотчетливое создание мечтательности и самомнения. *Всяк согрешаяй не виде Его, ни позна Его*[2] — Бога, Который есть *Любовь.*

Обратимся к гражданам пустынь, вертепов, пропастей земных, к тем из человеков, *ихже не бе достоин весь мир, к преподобным инокам,* которые занимались высочайшей из наук, наукою, принесенною Господом с неба. Эта наука — познание Бога и, при посредстве истинного, опытного Богопознания, познание человека. Безуспешно трудились и трудятся над приобретением этого познания мудрецы мира сего при свете собственного разума, омраченного падением. Здесь нужен свет Христов! единственно при сиянии этого света человек может увидеть Бога, увидеть себя. Озаряемые Христовым светом, преподобные пустынножители трудились на селе сердца своего, обрели на нем драгоценный бисер — любовь к Богу. В Боговдохновенных писаниях своих они предостерегают нас от тех бедствий, которые обыкновенно последуют за преждевременным исканием любви. С особенною ясностию рассуждает об этом предмете святой Исаак Сирский. Из сочинений его мы выписываем несколько свидетельств и душеполезнейших наставлений.

«Премудрый Господь, — говорит великий наставник монашествующих, — благоволит, чтоб мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтоб не произошло несварения и мы не умерли. Каждая добродетель есть матерь следующей за нею. Если оставишь матерь, рождающую добродетели, и устремишься к взысканию дщерей, прежде стяжания матери их, то добродетели эти соделываются ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя — скоро умрешь»[3]. Духовный разум естественно последует за деланием добродетелей. Тому и другому предшествуют страх и любовь. Опять страх предшествует любви. Всякий, бесстыдно утверждающий, что можно приобрести последующее, «не упражняясь предварительно в предшествующем, без сомнения,

[1] *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною. Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцом Моим на престоле Его* (Откр. 3. 20–21). ‖ [2] *Всякий согрешающий не видел Его и не познал Его* (1 Ин. 3. 6). ‖ [3] Слово 72.

положил первое основание погибели для души своей. Господом установлен такой путь, что последнее рождается от первого»[1].

В 55-м Слове, которое служит ответом на послание преподобного Симеона Чудотворца, святой Исаак говорит: «Ты написал в послании твоем, что душа твоя возлюбила возлюбить Бога, но что ты не достиг того, чтоб любить, хотя и имеешь великое желание любить. К этому присовокупляешь, что отшельничество в пустыне вожделенно тебе, что чистота сердца началась в тебе и что *память* Божия очень воспламеняется в сердце твоем, разжигает его. Если это истинно, то оно велико. Но мне не хотелось бы, чтоб оно было написано тобою, потому что тут нет никакого порядка. Если же ты поведал для вопроса, то порядок вопроса иной. Говорящий, что душа его не имеет еще дерзновения в молитве, потому что не победила страстей, как смеет сказать, что душа его возлюбила возлюбить Бога? Нет способа возбудиться в душе Божественной любви, вслед которой ты таинственно шествуешь в отшельничестве, если душа не победила страстей. Ты же сказал, что душа твоя не победила страстей, а возлюбила возлюбить Бога: в этом нет порядка. Говорящий, что страстей не победил, а возлюбить Бога любит, — не знаю, что и говорит. — Возразишь: я не сказал *люблю,* но *люблю возлюбить*. И это не имеет места, если душа не достигла чистоты. Если же хочешь сказать обыкновенное слово, то не ты один говоришь, но и каждый говорит, что желает любить Бога; говорят это не только христиане, но и неправо поклоняющиеся Богу. Это слово говорится обыкновенно каждым. Но при таких словах движется только язык, между тем как душа не ощущает того, что говорится. Многие больные не знают даже того, что они больны. *Злоба* есть болезнь души, и *прелесть* — утрата истины. Весьма многие, зараженные этими недугами, провозглашают свое здравие, и многими бывают похваляемы. Если душа не уврачуется от злобы и не стяжет естественного здравия, в котором она создана, если не возродится в здравие Духом, то человеку невозможно пожелать чего-либо вышеестественного, свойственного Духу, потому что душа доколе находится в недуге по причине страстей, дотоле не способна ощущать ощущением своим духовное и не умеет желать его, но желает только от слышания и чтения Писаний».

Деяние креста — сугубо, сообразно составу естества, разделяемому на две части. Одно состоит в претерпении скорбей телом,

[1] Слово 5.

совершается действием душевной силы ревности, и называется собственно деяние. Другое же приобретается тонким деланием ума, непрестанным помышлением о Боге и пребыванием в молитве, что совершается силою желания, и называется видение. Первое, то есть деяние, очищает страстную часть души силою ревности, второе же очищает мысленную часть души действием душевной любви или вожделением душевным. Каждый, прежде совершенного обучения в первой части переходящий ко второй, увлекаясь ее сладостию, чтоб не сказать от лености, подвергается гневу за то, что, не умертвив прежде *уды* свои, *яже на земли*[1], то есть не уврачевав немощи помыслов терпеливым пребыванием в делании крестного поношения, дерзнул возмечтать в уме своем славу креста. Сие-то значит сказанное древними Святыми: «Если ум захочет взойти на крест, прежде нежели исцелятся чувства от немощи, то постигает его гнев Божий. Восхождение на крест тогда навлекает гнев, когда совершается не первою частию терпения скорбей или распятием плоти, но стремлением к видению, второю частию, имеющей место по исцелении души. Таковый ум осквернен постыдными страстями и устремляется к мечтам и помыслам самомнения. Ему заграждается путь запрещением, потому что он не очистил сперва скорбями ум, не покорил плотских похотений, но от слуха и буквы устремился прямо вперед, в путь, исполненный мрака, будучи сам слеп. И те, у которых зрение здраво, которые исполнены света и стяжали наставников, исполненных благодати, и те бедствуют и днем и ночью; очи их исполнены слез; в молитве и плаче они трудятся день и ночь по причине опасностей путешествия, по причине стремнин, более страшных, встречающихся им, по причине образов истины, оказывающихся перемешанными с обманчивыми призраками ее. Божие, говорят Отцы, приходит само собою, когда ты не ожидаешь его. Так! но если место чисто, а не осквернено»[2].

Желающий приступить к Богу для служения Ему должен предаться руководству страха Божия.

Чувство священного страха, чувство глубочайшего благоговения к Богу, указывается нам, с одной стороны, необъятным величием Существа Божия, с другой — нашей крайней ограниченностию, нашей немощию, нашим состоянием греховности, падения. Страх предписывается нам и Священным Писанием, которое начало заменять для нас голос совести и естественного закона, когда они омрачились, стали издавать неясные, по большей части лжи-

[1] *...земные члены ваши...* (Кол. 3. 5). ‖ [2] Слово 2.

вые звуки, — которое вполне заменило их, когда явилось Евангелие. *Работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему с трепетом*[1], научает нас Святой Дух. Покорным Его велению Он говорит: *Приидите, чада, послушайте Мене, страху Господню научу вас*[2]. Возвещает обетование даровать *страх* Божий тем, которые истинно вознамерятся усвоиться Богу: *Страх Мой дам в сердце их, ко еже не отступити им от Мене*[3]. Начало великой науки, деятельного Богопознания, — *страх Божий.* Эта наука называется в Священном Писании премудростию. *Начало премудрости страх Господень, разум же благ всем творящим и: хвала Его пребывает в век века*[4]. *Венец мудрости страх Господень, возцветаяй мир и здравие изцеления. Страх Господень слава и похвала, и веселие и венец радости. Страх Господень дар от Господа и на стезях любления поставляет*[5]. Страхом Господним научаемся уклоняться от грехов: *Страх Господень источник жизни, творит же уклонятися от сети смертныя. Страх Господень ненавидит неправды, досаждения же и гордыни, и пути лукавых. В страсе Господни буди весь день*[6]. Страхом Господним наставляемся на путь заповедей Божиих: *Блажен муж бояйся Господа, в заповедех Его восхощет зело. Сильно на земли будет семя Его*[7]. *Блажени вси боящиися Господа, ходящии в путех Его*[8]. *Ополчится Ангел Господень окрест всех боящихся Его, и избавит их. Бойтеся Господа вси святии Его, яко несть лишения боящымся Его*[9].

Напрасно же исполненные самомнения и самообольщения мечтатели гнушаются страхом Божиим, как принадлежностию пре-

---

[1] *Служите Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом* (Пс. 2. 11). ‖ [2] Ср.: *Придите, дети, послушайте меня: страху Господню научу вас* (Пс. 33. 12). ‖ [3] *Страх Мой вложу в сердца их, чтобы они не отступали от Меня* (Иер. 32. 40). ‖ [4] *Начало мудрости — страх Господень; разум верный у всех, исполняющих* ***заповеди Его***. *Хвала Ему пребудет вовек* (Пс. 110. 10). *Начало мудрости — страх Господень [доброе разумение у всех, водящихся им; а благоволение к Богу — начало разумения]; глупцы только презирают мудрость и наставление* (Притч. 1. 7). ‖ [5] *Венец премудрости — страх Господень, произращающий мир и невидимое здравие... Страх Господень — слава и честь, и веселие и венец радости... Страх Господень — дар от Господа и поставляет на стезях любви* (Сир. 1. 18, 11, 13). ‖ [6] *Страх Господень — источник жизни, удаляющий от сетей смерти... Страх Господень — ненавидеть зло; гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу... Пребудет оно* [сердце. — *Ред.*] *во все дни в страхе Господнем* (Притч. 14. 27; 8. 13; 23. 17). ‖ [7] *Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его. Сильно на земле семя его* (Пс. 111. 1–2). ‖ [8] *Блажен всякий, боящийся Господа, ходящий путями Его* (Пс. 127. 1). ‖ [9] *Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их. Бойтесь Господа, [все] святые Его, ибо нет скудости у боящихся Его* (Пс. 33. 8, 10).

зренных рабов, когда к страху призывает нас Бог, возвещает, что Сам Он будет нашим учителем страха, что подаст нам духовный дар страха Божия. Не низко для человека, ничтожной твари, падшей, отверженной, погибшей, усвоившей себе вражду к Богу, перейти из состояния вражды и погибели к состоянию рабства и спасения. Уже это рабство — великое приобретение! уже это рабство — великая свобода! Страх законополагается нам, как средство существенно нужное, необходимое для нас. Страх очищает человека, предуготовляет для любви: мы бываем рабами для того, чтоб законно соделаться чадами. По мере очищения покаянием начинаем ощущать присутствие Божие; от ощущения присутствия Божия является святое ощущение страха. Опыт открывает высоту чувствования. Высоко и вожделенно ощущение страха Божия! При действии его часто ум притупляет свои очи, перестает произносить слова, плодить мысли: благоговейным молчанием, превысшим слова, выражает сознание своего ничтожества и невыразимую молитву, рождающуюся из этого сознания. Превосходно описывает такое состояние святой Исаак Сирский: «Смиренномудрый, когда приблизится к молитве или сподобится ее, то не осмеливается и помолиться Богу или попросить чего. Он не знает, о чем бы помолиться; он молчит всеми помышлениями своими, ожидая только милости и той воли, которая изречется о нем от того Величия, Которому он поклоняется. Лицо его преклонено на землю, а внутреннее видение сердца вознесено к превознесенным вратам во Святая Святых. Там Тот, Которого селение — мрак, притупляющий очи Серафимов, Чья доброта побуждает легионы к ликостоянию их, возлагая молчание на все чины их. Дерзновение его простирается только до следующих слов, только об этом он осмеливается помолиться: “Господи, по воле Твоей да будет со мною”[1]. Страх Божий есть дар Божий. Как дар, он испрашивается молитвою. Желал сподобиться этого дара святой пророк Давид и потому умолял Бога: *Постави рабу Твоему слово Твое в страх, пригвозди страху Твоему плоти моя*[2], то есть мои плотские пожелания. Страх Господень есть один из семи даров Святого Духа, которые святой пророк Исаия исчисляет так: *Дух премудрости и разума, Дух ведения и благочестия, Дух совета и крепости, Дух страха Божия*[3].

Господь наш Иисус Христос, принесший пришествием Своим на землю мир от Бога и благоволение Божие человекам, соделав-

---

[1] Слово 49. ‖ [2] *Утверди слово Твое рабу Твоему, ради благоговения пред Тобою... Трепещет от страха плоть Моя* (Пс. 118. 38, 120). ‖ [3] Ис. 11. 2–3.

шийся Отцом будущего века и Родоначальником святого племени спасающихся, призывающий чад Своих в любовь и соединение с Собою, предлагает, однако, во врачевание поврежденной природы нашей, между прочими средствами страх. Предающемуся порывам гнева и ненависти Он угрожает геенною огненною; попирающему совесть угрожает темницею; увлекающемуся нечистыми вожделениями угрожает вечною мукою[1]. Не прощающему от искренности сердца ближним согрешения их возвещает, что и его грехи не будут прощены[2]. Сребролюбцу и сластолюбцу напоминает смерть, могущую восхитить их в то время, как они не ожидают ее[3]. Возвышен подвиг мученичества: и внушается он, и питается любовию. Но Спаситель мира в наставлении, которое Он преподал мученикам, поощряет их к мужеству, воспомоществует в подвиге страхом. *Не убойтеся*, говорит Он, *от убивающих тело, души же не могущих убити: убойтеся же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне*[4]. *Ей, глаголю вам, того убойтеся*[5]. Всем вообще последователям Своим Господь заповедал спасительный страх Божий, выражающийся в постоянных трезвении и бдительности над собою. *Да будут чресла ваша препоясана*, сказал Он, *и светилницы горящии: и вы подобни человеком чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут Ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих*[6]. *Всем глаголю: бдите*[7].

Величественно изображено в Евангелии от Матфея Второе, славное Пришествие Господа, нелицеприятный и Страшный Суд Его над племенами и народами. Эта необыкновенная картина, представленная с необыкновенною простотою и ясностию, невольно оживляется пред взорами ума, поражает сердце страхом. Созерцая эту картину, можно изобразить состояние, в которое она приводит душу, словами Иова: *Ужас же мя срете и трепет, и зело кости моя стрясе; устрашишася же ми власи и плоти*[8]. При наступлении Суда для изгнанников с неба страна изгнания и клятвы — земля —

[1] Мф. 5. 22, 25, 26, 29. ‖ [2] Мф. 6. 15. ‖ [3] Лк. 12. 16–20. ‖ [4] *И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10. 28). ‖ [5] *Ей, говорю вам, того бойтесь* (Лк. 12. 5). ‖ [6] Ср.: *Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи. И вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими* (Лк. 12. 35–37). ‖ [7] *Говорю всем: бодрствуйте* (Мк. 13. 37). ‖ [8] *Объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои... дыбом стали волосы на мне* (Иов. 4. 14–15).

запылает, а небо свиется, как свивается одежда[1]. Мертвецы всех времен и народов, возбужденные животворящею трубою — Словом Божиим, — восстанут из гробов и составят из себя необозримое и неисчислимое собрание[2]. Полки и воинства святых Ангелов придут на страшное зрелище, на великое служение. И ангелы отверженные предстанут на Суд. Сын Божий воссядет на Престоле Славы, славы страшной по необъятному величию ее. Все разумные создания потрясутся от страха, увидев Создателя своего, вызвавшего их в бытие из ничтожества единым всемогущим Словом. Они будут предстоять пред Тем Словом, для Которого нет невозможного исполнения. Они будут предстоять пред Тою Жизнию, при Которой, вне Ее, не может быть иной жизни. Справедливо сказали Отцы, что в это грозное время вся тварь, если бы она не была удержана всемогуществом Божиим и предоставлена самой себе, обратилась бы в ничтожество[3]. Праведники, увидев лицом к лицу Правду совершенную, сочтут свою правду не имеющей никакого значения, а грешники — оправданием, чуждым евангельского разума, осудят себя. Решится участь всех на вечность. Прежде наступления этого Суда Божественный Апостол сознается, что он не может оправдаться, хотя и не знает за собою никакого греха, потому что Судия его — Бог[4]. Все святые, во время земного странствования своего, часто приходят воспоминанием и размышлением благочестивым на Страшный Суд Христов — благовременным, спасительным страхом ограждают себя от страха, который возбудится в погибших отчаянием; благовременным осуждением себя они стараются благовременно снискать оправдание, плачем отвратить плач. Братия! нужно, необходимо нам, немощным и грешным, частое воспоминание Второго Пришествия и Страшного Суда Христова: такое воспоминание есть благонадежнейшее приуготовление. Страшен тот Суд, который ожидает всех человеков после общего воскресения, страшен и тот суд, который ожидает каждого человека после его смерти. Последствия того и другого суда или вожделенны, или бедственны. Если земные суды, на которых дело идет об одном тленном и временном, возбуждают нашу заботливость, тем более должен озабочивать нас суд Божий. С какою другою целию Господь возвестил нам о нем так ясно, как не с целию возбудить в нас душеспасительный страх, могущий предохранить нас от греховной, беспечной жизни, в которой — условие нашей

[1] 2 Пет. 3. 10. Откр. 6. 14. ‖ [2] 1 Сол. 4. 16; Ин. 5. 28. ‖ [3] Преподобный Нил Сорский. Слово 7. ‖ [4] 1 Кор. 4. 4.

погибели? Преподобный Илия, египетский инок, безмолвствовавший в Фиваидской пустыне, говаривал: «Меня устрашают три времени: время исшествия души из тела, время Суда Божия и время изречения, какое последует о мне от Бога»[1].

Нужно ли предупреждать, что учение всех святых Отцов Православной Церкви о страхе Божием согласно с учением Священного Писания, когда учение Священного Писания служит источником для учения Отцов, когда обоих этих учений источник один — Святой Дух? «Страх Божий есть начало добродетели, — говорит святой Исаак Сирский. — Утверждают, что он — порождение веры, и насевается в сердце, когда ум устранится от попечений мира сего для собрания скитающихся помышлений своих из рассеянности в непрестанное изучение будущего возустроения... Умудрись положить в основание путешествия твоего страх Божий — и в немногие дни окажешься при вратах Царствия, не понуждавшись в продолжительном пути»[2]. Между наставлениями преподобного Пимена Великого читаем следующие: «Мы нуждаемся в смиренномудрии и страхе Божием столько же, сколько в дыхании. Три главных делания инока: бояться Бога, молиться Богу и делать добро ближнему. Когда пчелы будут прогнаны дымом из улья, тогда взимается сладостный труд их: так и плотское наслаждение изгоняет страх Божий из души и губит все благое дело ее. Начало и конец духовного пути — страх Господень. Писание говорит: *Начало премудрости страх Господень*[3]. И опять, когда Аврам устроил алтарь, Господь сказал ему: *Ныне бо познах, яко боишися ты Бога*[4]. На вопрос брата, кто говорит: *Причастник Аз есмь всем боящымся Тебе*[5], — Великий отвечал: «Дух Святой говорит это о Себе». Также он передавал изречение святого Антония Великого о преподобном Памве, что при посредстве страха Божия Памва соделал себя обителию Святого Духа»[6]. «Начало нашего спасения, — говорит преподобный Кассиан Римлянин, — есть страх Господень. Им доставляется и начало обращения, и очищение от страстей, и хранение добродетелей в тех, которые наставляются на путь совершенства. Он, когда проникнет в сердце человеческое, рождает в нем презрение ко всему вещественному, забвение родственников и ненависть к самому миру»[7]. В этом же Слове,

---

[1] Алфавитный патерик и «Достопамятные сказания». ‖ [2] Слово 1. ‖ [3] Пс. 110. 10. ‖ [4] *Теперь Я знаю, что боишься ты Бога* (Быт. 22. 12). ‖ [5] Ср.: *Общник я всем боящимся Тебя* (Пс. 118. 63). ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Cassianus lib. IV. De institutis, renuntiantiam. Cap. 39.

объясняя заповедание Господа: *Иже не приимет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин*[1], — преподобный Кассиан рассуждает так: «Крест наш есть страх Господень. Как распятый уже не может обращать или двигать членов по желанию души своей, так и мы должны направлять волю и желания наши не сообразно тому, что нам приятно и увеселяет нас в настоящее время, но сообразно Закону Господа, к чему он повелевает. Как пригвожденный к древу крестному уже не любуется настоящим, не помышляет о своих пристрастиях: он не развлекается заботами и попечениями о завтрашнем дне; в нем не действует никакое пожелание к приобретению имущества; он не воспламеняется никакою гордостию, никакою сварливостию; не скорбит о настоящих бесчестиях, о прошедших уже не помнит; хотя он еще дышит в теле, но считает себя по всем отношениям уже умершим, устремляя сердечные взоры туда, куда он не сомневается переселиться, — так и нам должно быть распятыми страхом Господним ко всему этому, то есть нам должно быть мертвыми не только к плотским страстям, но и к самим началам их, иметь очи души устремленными туда, переселения куда ежеминутно должны надеяться. Таким образом мы можем стяжать умерщвление всех наших похотений и плотских пристрастий»[2]. Легко можно усмотреть, что описываемое здесь преподобным Кассианом распятие на кресте страха Божия есть называемое Исааком Сирским деяние, состоящее, по выражению Апостола, в распятии плоти *со страстьми и похотьми*[3], составляющее первую половину духовного пути, ведущего христианина к предназначенному ему совершенству.

Священное Писание, научающее нас, что *страх Господень чист, пребываяй в век века*[4], говорит также, что *страха несть в любви, но совершенна любы вон изгоняет страх, яко страх муку имать: бояйся же не совершися в любви*[5]. Это представляющееся при поверхностном взгляде разногласие святые Отцы объясняют так: «Два *страха*: один — вводительный, другой — совершенный; один свойствен начинающим, так сказать, благочествовать, другой составляет принадлежность совершенных Святых, достигших в меру любви. Например, кто исполняет волю Божию из-за страха мук, тот, как мы сказали, еще новоначальный: он еще не делает добра для

[1] *И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10. 38). ‖ [2] Сар. 35. ‖ [3] Гал. 5. 24. ‖ [4] *Страх Господень чист, пребывает вовек* (Пс. 18. 10). ‖ [5] *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви* (1 Ин. 4. 18).

самого добра, но по страху наказания. Другой же исполняет волю Божию из-за самой любви к Богу, любя собственно волю Божию, исполняет ее, чтоб благоугодить Богу. Таковой знает, что — существенное добро! таковой познал, что значит быть с Богом! таковой имеет истинную любовь, которую Святой называет совершенною[1]. Эта любовь приводит его в совершенный страх, потому что таковой страшится и соблюдает верность воле Божией не из-за страха казней, не для того, чтоб избегнуть (вечной) муки, но потому что, как мы сказали, вкусив самой сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ее. Этим страхом совершенным, действующим по причине любви, изгоняется вводительный страх. Поэтому и сказано: *Совершенна любы вон изгоняет страх*. Однако невозможно достигнуть совершенного страха иначе, как только страхом вводительным»[2]. Самое величие Божие наводит святой, благоговейный страх на те разумные создания Божии, которые, по причине чистоты и святости своей, удостоились ближайшего предстояния Богу. *Бог прославляемъ в совете святых, велий и страшен есть над всеми окрестными Его*[3].

Неужели же нам, потому что мы грешники, вовсе не любить Бога? — Нет! будем любить Его, но так, как Он заповедал любить Себя; будем всеусильно стремиться к достижению святой любви, но тем путем, который указан нам Самим Богом. Не будем предаваться увлечениям обманчивым и льстивым самомнения! не будем возбуждать в сердце пламени сладострастия и тщеславия, столь мерзостных пред Богом, столь пагубных для нас! Бог повелевает любить Себя следующим образом. *Будите в любви Моей*, говорит Он. *Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей, якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох и пребываю в Его любви*[4]. Сам Сын Божий, вочеловечившись, показал образ этого жительства и подвига, *смирил Себе* и *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя*[5]. Отвергнем гордость, приписывающую нам достоинства; облобызаем смирение, открывающее нам наши падение и греховность. Любовь ко Христу докажем послушанием Христу; любовь к Отцу Богу докажем послушанием Сыну Богу, Который *от Себя не глаголах* к нам, но возвестил нам то, что заповедал возвестить

[1] 1 Ин. 4. 18. ‖ [2] Преподобный авва Дорофей. Поучение 4 «О страхе Божием». ‖ [3] *Страшен Бог в великом сонме святых, страшен Он для всех окружающих Его* (Пс. 88. 8). ‖ [4] *Пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви* (Ин. 15. 9–10). ‖ [5] *...смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2. 8).

Отец, Которого заповедь есть *живот вечный*[1]. *Имеяй заповеди Моя*, сказал Господь, *и соблюдаяй их, той есть любяй Мя. Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет. Не любяй Мя, словес Моих не соблюдает*[2]. Исполнение заповедей Спасителя — единственный признак любви к Богу, принимаемый Спасителем. «По этой причине все благоугодившие Богу благоугодили не иначе, как оставив свою правду, поврежденную грехопадением, и устремясь к исканию правды Божией, изложенной в учении и заповеданиях Евангелия. В правде Божией они обрели любовь, сокровенную от падшего естества. И Господь, заповедав многое о любви, повелел прежде искать правды Божией, зная, что она — мать любви»[3]. Если желаем стяжать любовь к Богу, возлюбим евангельские заповеди: продадим наши похотения и пристрастия, купим ценой отречения от себя село — сердце наше, которое без этой купли не может принадлежать нам; возделаем его заповедями и найдем сокровенное на нем небесное сокровище — любовь[4].

Что же ожидает нас на этом селе? — Нас ожидают труды и болезни, нас ожидает супостат, который не легко уступит нам победу над собою, нас ожидает, для противодействия нам, живущий в нас грех. Живет он в уме, живет в сердце, живет в теле. Нужен усиленный подвиг, чтоб склонить гордый и слепой ум в послушание заповедям Христовым. Когда ум подчинится Христу — наступает новый подвиг: соглашение испорченного, упорного сердца с учением Христовым, покорение сердца Христову учению, которому оно враждебно. Наконец, если ум и сердце придут в состояние повиновения Христу, должно быть привлечено в него и брение, предназначенное для неба, тело. Каждый шаг в невидимой борьбе нашей ознаменован подвигом, ознаменован страданием, окроплен потом усиленного насилия над собою. То побеждаем, то побеждаемся; то является надежда на расторжение плена, то снова видим, что цепи наши крепки, нисколько не ослаблены теми средствами, которыми мы думали ослабить их. Нас низлагают и немощь естественная, и немощь произволения, и омрачение разума, произведенное прежней греховною жизнию, и расстройство сердца, стяжавшего порочные навыки, и влечения тела, вкусившего наслаждений скотоподобных, заразившегося вожделением их; нас наветуют падшие духи,

---

[1] *...говорил не от Себя* (Ин. 12. 49–50). ‖ [2] *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня... Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое... Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих* (Ин. 14. 21, 23, 24). ‖ [3] Преподобный Макарий Великий. Беседа 37, гл. 2, 3. ‖ [4] Мф. 13. 44.

желая удержать в порабощении. Вот тот тесный и прискорбный путь, устланный тернием, по которому ведет грешника к примирению с Богом молитвенный плач пред Богом, споспешествуемый делами покаяния, делами смирения, исполнением евангельских заповедей, внушаемый страхом Божиим.

Союз страха Божия с Божественною любовию превосходно изображен Духоносными Отцами Исааком Сирским и Симеоном Новым Богословом. Благолепными словами их украшаем наше убогое Слово. «Покаяние, — говорит святой Исаак, — дано человекам благодатию на благодать. Покаяние есть второе возрождение нас от Бога. Мы ожидаем, что при посредстве покаяния нам будет даровано то, залог чего прияли верою. Покаяние есть дверь милости, отверстая усиленно ищущим его. Этою дверию входим в Божию милость; кроме этого входа — не обретем милости: *вси бо*, по слову Божественного Писания, *согрешиша, оправдаеми туне благодатию Его*[1]. Покаяние есть вторая благодать и рождается в сердце от веры и страха. Страх есть отеческий жезл, управляющий нами, доколе не достигнем духовного рая благ; когда достигнем туда, он оставляет нас и возвращается. — Рай есть любовь Божия, в которой — наслаждение всех блаженств, где блаженный Павел напитался пищею превышеестественною. Вкусив там от древа жизни, он воззвал: *Ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящым Его*[2]. Вкушение от этого древа возбранено было Адаму по кову[3], устроенному диаволом. Древо жизни есть любовь Божия, от которой отпал Адам, и уже не встречала его радость, но работал он и трудился на земле терний. Лишившиеся любви Божией, если и правильно шествуют, но едят хлеб пота в делах своих, который повелено есть первозданному по отпадении его. Доколе не обретем любви, дотоле делание наше — на земле терний; сеем и жнем посреди терний. Хотя бы сеятва наша была сеятвой правды, однако ежечасно бываем уязвляемы тернием, и, сколько бы ни трудились для правды, живем в поте лица нашего. Когда же обретем любовь, тогда питаемся небесным хлебом, укрепляемся без дел и труда. Христос есть *хлеб, сшедый с небесе, и даяй живот миру*[4]. Это — пища Ангелов. — Обретший любовь, Христа вкушает на каждый день и час. *Кто снесть от хлеба сего*,

---

[1] *...потому что все согрешили... получая оправдание даром, по благодати Его* (Рим. 3. 23–24). || [2] *...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2. 9). || [3] Коварству. — *Ред.* || [4] *...хлеб живой, сшедый с небес... и дает жизнь миру* (Ин. 6. 51, 33).

говорит Он, *егоже Аз дам, жив будет во веки*[1]. Блажен ядущий хлеб любви, который есть Иисус. А что имеющий пищею любовь имеет пищею Христа над всеми Бога, о том свидетельствует Иоанн, который говорит: *Бог Любы есть*[2]. Затем, живущий в любви наслаждается жизнию, источающеюся из Бога, и, находясь в сем мире, уже здесь дышит воздухом воскресения. Этим воздухом наслаждаются праведные по воскресении. Любовь есть то Царство, таинственное вкушение которого Господь обещал Апостолам. Сказанное: *да ясте и пиете на трапезе Моей во Царствии Моем*[3], — что означает, как не любовь? Достаточно этой любви, чтоб напитать человека вместо пищи и пития. Она — *вино*, веселящее *сердце человека*[4]. Блажен пивший это вино. Пили его невоздержные — и сделались благоговейными; пили грешные — и забыли пути преткновений своих; пили пьяницы — и сделались постниками; пили богатые — и пожелали нищеты; пили убогие — и обогатились надеждою; пили недужные — и сделались сильными; пили невежды — и упремудрились. — Как невозможно переплыть великое море без корабля, так никто не может достигнуть любви без страха. Смрадное море, находящееся между нами и мысленным раем, можем переплыть в корабле покаяния, имеющем гребцами — *страх*. Если эти гребцы — *страх* — не управляют кораблем покаяния, на котором переплываем море мира к Богу, то утопаем в смрадном море. Покаяние — корабль; *страх* — кормчий его; *любовь* — Божественная пристань. Страх вводит нас в корабль покаяния и перевозит через житейское смердящее море, направляя к Божественной пристани, к любви, к которой стремятся *вси труждающиися и обремененнии*[5] покаянием. Если мы достигли любви, то достигли Бога; путь наш совершился: мы пристали к острову того мира, где Отец и Сын и Святый Дух».

Заглавие второго Слова в книге святого Симеона, написанной стихами, заключает в себе содержание всего нашего Слова, а потому и помещаем в первую очередь это заглавие: «От *страха* рождается *любовь*; *любовию* же искореняется *страх* из души, и пребывает в душе одна *любовь*, будучи Дух *Божественный и Святой*». Слово свое Святой начинает так: «Как воспою, как прославлю, как достойно восхвалю Бога моего, призревшего многие грехи мои? как воззрю к небу? как отверзу очи? как отверзу уста, Отец? как буду

---

[1] *...ядущий хлеб сей... который Я дам... будет жить вовек* (Ин. 6. 51). ‖ [2] *Бог есть любовь* (1 Ин. 4. 8). ‖ [3] *...да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем* (Лк. 22. 30). ‖ [4] Пс. 103. 15. ‖ [5] *...все труждающиеся и обремененные* (Мф. 11. 28).

двигать устами? как простру руки к высоте небесной? какие придумаю слова? какие принесу глаголы? как осмелюсь начать беседу? как буду просить отпущения безмерных моих согрешений, прегрешений многих? Поистине соделал я дела, никак не заслуживающие прощения. Ты ведаешь, Спаситель, что говорю я! Я превзошел всякое естество, я соделал дела нижеестественные; я оказался худшим бессловесных, худшим всех животных морских, всех скотов земных, поистине худшим из гадов и зверей, преступив Твои заповеди больше естества бессловесных, осквернив тело мое и душу обесчестив. Как явлюсь Тебе? как увижу Тебя? как осмелюсь стать, окаянный, пред лицем Твоим? как не побегу от славы Твоей, от света, которым блистает Святой Дух Твой? Как не пойду во тьму один, соделавший дела тьмы? и буду отлучен от множества Святых! как стерплю глас Твой, отсылающий меня во тьму? Отсюда нося осуждение дел моих, весь ужасаюсь, весь трепещу. Одержимый страхом и ужасом, вопию Тебе: Спаситель мой! знаю, что никто иной не согрешил пред Тобою, как я, ниже[1] соделал деяния, которые соделал я, окаянный. Причиною был я погибели и других. Но и то опять знаю, в том удостоверился я, Боже мой, что ни великость согрешений, ни множество грехов, ни нечистота деяний никогда не превзойдут Твоей человеколюбивой и великой, превысшей великой, превысшей слова и превысшей ума, милости, которую Ты обильно изливаешь на согрешающих и кающихся с теплотою. Ты очищаешь их и просвещаешь и соделываешь причастниками света, соделывая независтно общниками Божества Твоего. Ты часто беседуешь с ними, как с истинными друзьями Твоими, о чудном для Ангелов и для человеческих мыслей. О благость безмерная! о любовь неизъяснимая! Потому-то и припадаю, и вопию к Тебе! как принял Ты блудного и блудницу пришедших, так прими меня, Щедрый, кающегося от души. Вменив, Христе мой, слез моих капли в источники, источающиеся непрестанно, омой ими душу мою. Омой ими и осквернение тела, произведенное страстями; омой от всякого лукавства и сердце: оно корень и источник всякого греха. Лукавство есть сеяние сеятеля лукавого. Где оно находится, там и прозябает и восходит на высоту и произращает многие ветви лукавства и злобы. Его корни из глубин исторгни, Христе мой, и очисти нивы моих души и сердца. Щедрый! насади в них *страх* Твой. Сподоби ему вкорениться и возрасти удовлетворительно, чтоб высоко возрос он, хранением заповедей Твоих умножаясь ежечасно, умноже-

[1] И не. — *Ред.*

нием же умножая точащиеся течения слез. Напаяваясь ими более и более, он возрастает и возвышается. Вместе со страхом, соразмерно ему, возрастает смирение. Смирению уступают все страсти, а с ними отгоняется и полк бесов. Все добродетели усматриваются последующими за ним, окружающими его, как царицу, как владычицу хранительницы, другини и рабыни. Когда же они соберутся и соединятся одни с другими, тогда процветает посреди них, как древо при источниках вод, *страх*, Тобою насажденный, и мало-помалу испускает странный цвет. Сказал я "странный", потому что всякое естество рождает по роду, и семя всех дерев находится в каждом по роду; *страх* же Твой производит и цвет, странный естеству, и плод, подобно странный и чуждый себе. *Страх* этот естественно исполнен сетования, и стяжавших его заставляет непрестанно сетовать, как рабов, достойных многих казней, как ожидающих ежечасно посечения смертию, видящих серп смертный, часа смертного не знающих, не имеющих надежды, ни извещения в совершенном прощении, но трепещущих предела, ужасающихся конца, по неизвестности изречения, которое последует на суде, о Боже мой. Цвет, производимый *страхом,* неизъяснимо по виду, еще более неизъясним по образу. Он зрится процветающим, но немедленно скрывается, что неестественно и не в порядке, что превыше естества, превосходит всякое естество. Однако цвет является прекрасным, превысшим всякого слова, восхищает к видению своему весь ум мой, не допуская помнить ничего того, о чем страх доставляет познание, но производит во мне тогда забвение всего этого и улетает скоро. Древо *страха* опять остается без цвета. И скорблю, и воздыхаю, и усиленно вопию к Тебе! И опять вижу на ветвях древа цвет! О Христе мой! имея взор устремленным к одному цвету, не вижу тогда древа этого. Но цвет чаще проявляется и, привлекая всего меня к себе вожделением, оканчивается в плоде *любви*. Опять этот плод не терпит пребывать на древе страха. Напротив, когда он созреет, тогда зрится один, без древа. *Страх* в *любви* отнюдь не обретается, так как, в противоположность этому, *душа не приносит плода без страха*. Поистине чудо, превысшее слова, превысшее всякого помышления! Древо с трудом процветает и приносит плод, плод же, напротив, искореняет все древо, и пребывает плод, пребывает один. Как плод без древа? Никак не могу объяснить. Однако он пребывает, однако он есть, *любовь* эта без *страха*, родившего ее. Эта любовь есть поистине величайшее веселие, исполняет стяжавшего ее радости и душевного наслаждения, изгоняет вне мира по ощущению, чего

страх никак не может сделать. Он, находясь внутри видимых и внутри чувственных, как может стяжавшего страх поставлять вдали от всего и всего совокуплять с невидимыми посредством ощущения (духовного)? Поистине — никак не может. Цвет и плод эти, порождаемые страхом, находятся вне этого мира. Они и ныне восхищают душу и возносят, и поставляют вне этого мира? Как, скажи мне, эта любовь поставляет вне мира? Хотел я определенно узнать это. Это необъяснимо: *Любовь* — Божественный Дух».

Каким образом происходит самая перемена в сердце? Каким образом совершает оно непостижимый переход от страха к любви? — Предоставим ответ из святой опытности святых Божиих. Наш современник и соотечественник, украшение и слава позднейшего монашества, Георгий, затворник Задонского монастыря, муж, достигнувший христианского совершенства, так говорит о себе в беседе назидательной доверенности к ближнему: «Хочу сказать несколько слов о сущности любви. Это — самый тончайший огнь, превосходящий всякий ум и легчайший всякого ума. Действия этого огня быстры и чудны, они священны и изливаются на душу от Святого, Вездесущего Духа. Этот огнь лишь коснется сердца, всякое помышление и чувство беспокойные мгновенно прелагаются в тишину, в смирение, в радость, в сладость, превосходящую все. О многом относительно себя я был откровенен пред вами; намереваюсь и еще быть откровенным. Я провел здесь, в моем уединении, кажется, уже шесть лет, когда Господу угодно было привести мое сердце в совершенное сокрушение. Тогда думал, что уже пропал и что гнев Божий пожжет мою законопреступную душу, унывающую и нерадеющую... Я впал в великое изнеможение и едва дышал, но непрестанно повторял в сердце: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго". Вдруг, в одно мгновение, вся немощь отпала, и огнь чистой любви коснулся моего сердца: я весь исполнился силы, чувств, приятности и радости неизъяснимой; я до такой степени был восхищен, что уже желал, чтоб меня мучили, терзали, ругались надо мною; желал этого, чтоб удержать в себе сладкий огнь любви ко всем. Он столь силен и сладок, что нет ни горести, ни оскорбления, которого бы он не претворил в сладость. Чем более подкладывают дров в огнь, тем огнь сильнее: так действуют на нас скорби и горести, наносимые человеками. Чем более нападений, тем более сердце разгорается святою любовию. И какая свобода, какой свет! Нет слов к изъяснению: радовался бы, если бы кто лишил меня очей моих, чтоб не видеть суетного света; рад был бы, если б кто взял

меня, как преступника, и заклал в стену, чтоб мне не слышать голоса, не видеть тени человеческой...»[1] «Любовь, — говорит святой Исаак Сирский, — не знает стыдливости, а потому не умеет доставлять членам своим вида благочиния. Любви свойственно по естеству отвержение стыдливости и забвение мер своих. Блажен нашедший тебя — пристань бесконечной радости!»[2]

Божие приходит само по себе в то время, когда мы не ожидаем его и не надеемся получить его. Но чтоб последовало к нам благоволение Божие, нужно предочищение себя покаянием. В покаянии совмещаются все заповеди Божии. Покаянием вводится христианин сперва в страх Божий, потом в Божественную любовь.

Да возлежит на персях Иисусовых Иоанн, девственник и Богослов, ученик, *егоже любляше Иисус*[3]. Да присоединятся к нему прочие Святые Божии, наперсники святой любви! Здесь не наше место. Наше место в сонме прокаженных, расслабленных, слепых, глухих, немых, беснующихся. Мы принадлежим к числу их по состоянию душ наших и в числе их приступим к Спасителю нашему. С ними поставляет нас мать наша, Святая Церковь, влагая в уста чад своих умилительные, проникнутые чувством сознания своей греховности, молитвы акафиста Сладчайшему Иисусу. Дает нам духовная мать наша верное положение, чтоб тем вернее было для нас получение милости. Господь усыновил нас Себе Святым Крещением; но мы нарушили священный союз с Ним нарушением Его святых заповедей, союзом прелюбодейным с мерзостным грехом. *Князи Содомстии, людие Гоморрстии*[4], так Господь называет народ по впадении его в беззакония, тот народ, о котором Он возвестил прежде: *Бысть часть Господня, людие его Иаков, уже наследия Его Израиль*[5].

Блудный сын, прожив в стране чужой имение отца, подвергшись несказанным бедствиям, когда начал размышлять о возвращении к отцу, то при этом размышлении, наставляемый самим бедственным положением своим и великим богатством отца, предначертал себе самый благоразумный образ действия. *Восстав*, говорил он, обдумывая намерение, *иду ко отцу моему и реку ему: отче! согреших на небо и пред тобою, и уже несмь достоин нарещися сын твой: сотвори мя яко единаго от наемник твоих*[6]. Смирение, образовавшееся в

---

[1] Письма затворника Георгия. Ч. 2. Письмо 37. Издание 1860 года. ‖ [2] Слово 89. ‖ [3] *...которого любил Иисус* (Ин. 21. 20). ‖ [4] *Князья Содомские... народ Гоморрский* (Ис. 1. 10). ‖ [5] *Ибо часть Господа народ Его, Иаков наследственный удел Его* (Втор. 32. 9). ‖ [6] *Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих* (Лк. 15. 18–19).

мыслях, сын осуществил на самом деле, и *еще же ему далече сущу, узре его отец его, и мил ему бысть*[1]. Так и мы, потеряв в суетных и греховных занятиях данную нам Отцом Небесным красоту усыновления, когда решимся обратиться к Нему, то должны приступать к Престолу Славы и величества Его с глубоким смирением, с благоговейным страхом. Первым действием нашим должны быть сознание и исповедание согрешений наших, оставление греховной жизни, вступление в жизнь по евангельским заповедям. Душою молитв наших и прочих благочестивых подвигов должно быть чувство покаяния. От полноты убеждения мы должны считать себя не достойными любви, не достойными имени сынов и дщерей Божиих. *Сотвори мя,* говорит кающийся блудный сын, *яко единаго от наемник твоих*, трудящихся на ниве покаяния, под надзором грозного приставника — страха. Не будем искать того, приобретение чего зависит не от нас, для чего мы еще не созрели. Доколе, подобно упоминаемому в Евангелии сотнику, находимся *под властию*, доколе нами преобладают грех и падшие духи, будем свидетельствовать и исповедовать с благоразумным сотником: *Господи, несмь достоин, да под кров мой внидеши: но токмо рцы слово, и изцелеет отрок мой*[2]. Ты пречист и пресвят, почиваешь в одних чистых и святых; но я, оскверненный, *несмь достоин, да внидеши под кров мой.*

«Думаю, — говорит святой Исаак, — как сын не сомневается о отце своем и не просит у него, говоря: *научи меня художеству*, или *дай мне то и то*, так и монах не должен рассуждать и просить у Бога — *дай мне то и то.* Он знает, что Бог промышляет о нас больше, нежели сколько печется отец о сыне. Следовательно, нам должно привести себя в смирение, восплакать о причинах невольных согрешений наших, соделанных нами или в помыслах или в делах, и из сердца сокрушенного сказать словами мытаря: *Боже, милостив буди мне, грешнику...*[3] Как больной сын царя не говорит отцу своему: *Сделай меня царем,* — но прилагает попечение о недуге своем, и по выздоровлении царство отца само собою делается его царством, так и кающийся грешник, приемля здравие души своей, входит с Отцом в страну естества чистого и царствует во славе Отца своего»[4]. Аминь.

1844 года. Сергиева пустынь

[1] *И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился* (Лк. 15. 20). ‖ [2] *Господи! я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой* (Мф. 8. 8). ‖ [3] *«Боже! будь милостив ко мне, грешнику!»* (Лк. 18. 13). ‖ [4] Святой Исаак Сирский. Слово 55.

Учение о плаче преподобного Пимена Великого[1]

Брат вопросил авву Пимена о том, какое должно иметь иноку делание. Авва отвечал: «Авраам, когда пришел в Обетованную землю, то купил себе гроб и с гроба начал вступать во владение Обетованною землею». Брат спросил: «Какое имеет значение *гроб*?» Авва отвечал: «Это — место плача и рыдания».

Следующее изречение также принадлежит авве Пимену: «Плач — сугуб: делает и хранит».

Брат вопросил авву Пимена: «Что мне делать со страстями моими, возмущающими меня?» Старец сказал ему: «Будем всеусильно плакать пред благостию Божиею, доколе она не сотворит милости с нами».

Брат вопросил авву Пимена: «Что мне делать с грехами моими?» Старец сказал: «Желающий избавиться от живущих в нем грехов плачем избавляется от них, и желающий не впадать вновь в грехи плачем избегает от впадения в них. Это — путь покаяния, преданный нам Писанием и Отцами, которые сказали: «Плачьте! другого пути, кроме плача, нет».

Однажды авва Пимен, проходя чрез Египет, увидел женщину, сидевшую на гробе и плакавшую горько. При этом он сказал: «Если б со всего мира стеклись к ней утешающие, то не отвлекли бы души ее от плача. Так и монах должен постоянно иметь в себе плач».

Однажды преподобный Пимен шел с аввой Анувом в окрестностях города Диолка. Увидев там женщину, терзающуюся и горько плачущую над могилой, они остановились послушать ее. Потом, несколько отошедши, встретили прохожего, и спросил его святой Пимен: «Что случилось с этою женщиною? Она так горько плачет». Прохожий отвечал: «У нее умерли муж, сын и брат». Тогда авва Пимен, обратясь к авве Ануву, сказал: «Говорю тебе: если человек не умертвит всех плотских пожеланий своих и не стяжет такого плача, то не может быть монахом. Все житие монаха — плач».

Сказал старец: «Плач составляет поучение (душевное делание, душевный подвиг) инока. Если нет плача, то невозможно сохраниться от расстройства и смущения». Я отвечал: «Когда я в келлии, тогда плач пребывает со мною; если же кто придет ко мне или я выйду из келлии, то уже не обретаю его». На это старец сказал: «Это оттого, что плач не усвоился тебе, но как бы дан взаймы».

---

[1] Алфавитный патерик, буквы П и А.

Я просил объяснить мне эти слова. Старец сказал: «Если человек потрудится всеусильно о стяжании плача, то обретает его в служение себе, когда только захочет».

Брат вопросил авву Пимена: «К чему должно быть устремлено внимание безмолвствующего в келлии?» Старец отвечал: «Я подобен человеку, погрязшему в болото по шею, имеющему бремя на шее и вопиющему к Богу: *Помилуй меня*!» Помилуй меня! Это выражение внедрившегося в душу плача. Плач, когда достигнет развития, не может облекаться в многомыслие и многословие: он довольствуется для выражения необъятного духовного ощущения самою краткою молитвою.

Брат вопросил авву Пимена о монашеском делании. Старец сказал: «Когда Бог посетит нас призывом в вечность, тогда что озаботит нас?» Брат отвечал: «Грехи наши». Старец сказал: «Итак! войдем в келлии наши; уединившись в них, воспомянем грехи наши, и Господь послушает нас». Здесь должно разуметь не поверхностное, холодное воспоминание о грехах и о греховности своей, — воспоминание, соединенное с покаянием, с плачем.

Когда скончался авва Арсений Великий, святой Пимен при вести о кончине Великого, прослезившись, сказал: «Блажен ты, авва Арсений! потому что ты плакал о себе в жизни сей. Не плачущий здесь — будет вечно плакать. Невозможно не плакать, или здесь — произвольно, или невольно — там, в муках».

О слезах

Слезы естественны падшему человеческому естеству. До падения оно не ведало слез, — ведомо ему было одно чистейшее наслаждение райским блаженством. Оно утратило это блаженство: ему оставлены слезы, как выражение сочувствия к блаженству, как свидетельство падения, как свидетельство состояния под гневом прогневанного Божества, как надежда возвратить когда-нибудь блаженство. Верна эта надежда: потому что сочувствие к блаженству не изглаждено из естества. Верна эта надежда: потому что сетование о потере небесного блаженства не может быть удовлетворено никаким временным удовлетворением; оно, оставаясь неудовлетворенным, ожидает удовлетворения, возвещает существование удовлетворения. В слезах таинственно живет утешение, и в плаче — радость. Человек, в каком бы ни был земном благополучии, на какой бы высоте ни стоял, в каком бы обилии ни

плавал, встречает и переживает такие минуты, часы и дни, в которые нуждается в утешении, доставляемом слезами, — утешения в другом утешении не находит. Каждый из нас лишь вступает в страну нашего изгнания и томления, в страну страданий и плача, как и ознаменовывает это вступление, начало своего существования, плачевным воплем. *Блажен муж, емуже есть заступление его у Тебе,* ознаменовываемое слезами при молитве его! Таковы невидимые, духовные *восхождения в сердце своем положи,* преходя *юдоль плачевную* — земную жизнь, которую Ты назначил для покаяния: *ибо благословение даст законополагаяй* нам плач и слезы. Очищающие себя плачем и слезами *пойдут от силы в силу,* и *явится Бог богов в Сионе* — в духе человеческом, приуготовленном к приятию Бога истинным покаянием[1]. *Сеющии слезами, радостию пожнут.* Те, *ходящии* путем земной жизни, которые *хождаху* по пути узкому и прискорбному *и плакахуся, метающе семена своя: грядуще приидут радостию, вземлюще рукояти своя*[2].

Слезы, как свойство падшего естества, заражены недугом падения, подобно всем прочим свойствам. Иной бывает особенно склонен к слезам по природе и при всяком удобном случае проливает слезы: такие слезы называются естественными. Есть и греховные слезы. Греховными слезами называются слезы, проливаемые по греховным побуждениям. Такие слезы во множестве и с особенною легкостию проливаются людьми, преданными сладострастию; слезы, подобные слезам сладострастных, проливают находящиеся в самообольщении и прелести; льются обильно слезы из тщеславия, лицемерства, притворства, человекоугодия. Наконец, проливает их злоба: когда она лишена возможности совершить злодеяние, пролить человеческую кровь, тогда она проливает слезы. Эти слезы имел Нерон, в котором современные христиане, по жестокости его и ненависти к христианству, думали видеть антихриста[3]. К естественным слезам относятся слезы от огорчения; когда же огорчение имеет характер греховный, то слезы огорчения делаются слезами греховными. И естественные, и греховные слезы, немедленно по появлении их, повелевается нам святыми Отцами прелагать на

---

[1] *Блажен человек, который обрел у Тебя защиту; восхождение к Богу замыслил он в сердце своем, в долине плача* [*покаянного*], *в месте предназначенном, ибо его благословит Творец закона. Возрастать будут в силе* [*праведники*]; *явится им Бог богов на Сионе* (Пс. 83. 6–8). ‖ [2] *Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои* (Пс. 125, 5–6). ‖ [3] Это мнение читаем в диалогах Севера Сулпиция, помещенных в библиотеке Галланда и в полном курсе Патрологии.

богоугодные, то есть изменять побуждение слез: приводить себе на память согрешения наши, неизбежную и неизвестную смерть, суд Божий, — и плакать по этим причинам[1].

Чудное дело! Те, которые по естественной наклонности проливали потоки беструдных, бессмысленных и бесплодных слез, также те, которые проливали их по греховным побуждениям, когда захотят плакать богоугодно, внезапно видят в себе необыкновенную сухость, не могут добыть из глаз ни одной слезной капли. Из этого научаемся, что слезы страха Божия и покаяния суть дар Божий, что для получения их надо позаботиться, во-первых, о стяжании причины их.

Причина слез — зрение и сознание своей греховности. *Исходища водная изведосте очи мои,* говорит святой пророк Давид, *понеже не сохраних Закона Твоего*[2]. Причина слез — нищета духа: будучи сама собою блаженство, она рождает другое блаженство — плач[3]; питает, поддерживает, усиливает его. «Не плач происходит от слез, но слезы от плача, — сказал преподобный Иоанн Пророк. — Если кто, находясь посреди братства, отсекает свою волю и не обращает внимания на чужие грехи, то приобретает плач. Чрез сие собираются помыслы его и, собираясь таким образом, рождают в сердце печаль (плач) по Богу, а печаль рождает слезы»[4]. Слезы, как дар Божий, служат признаком милости Божией. «Слезы в молитве, — говорит святой Исаак Сирский, — суть знамение милости Божией, которой сподобилась душа своим покаянием, и того, что она принята и начала входить в поле чистоты слезами. Если помыслы не отторгнутся от предметов преходящих, не отвергнут от себя надежды на этот мир; если не возбудится в них презрение к нему и они не начнут приготовлять напутствий к исходу своему; если не начнут действовать в душе помышления о предметах, принадлежащих будущему веку, то очи не возмогут произвести слез»[5].

Стяжавшему зрение своей греховности, стяжавшему страх Божий, стяжавшему чувство покаяния и плача нужно испросить у Бога дар слез прилежною молитвою. Так Асхань, дочь Халева, будучи отдана в замужество и получив в приданое участок земли, когда села на осла, чтоб отправиться в дом мужа, то со стенанием и воплем стала просить у отца, чтоб он к данному ей участку присовокупил и другой, обилующий водами. *На землю южную*

---

[1] Лествица. Слово 7. Преподобный Нил Сорский. Слово 8. ‖ [2] *Из глаз моих текут потоки вод оттого, что не хранят Закона Твоего* (Пс. 118. 136). ‖ [3] Мф. 5. 3–4. ‖ [4] Преподобных Варсонофия и Иоанна ответ 282. ‖ [5] Слово 30.

(сухую) *отдал еси мя, да даси мне и исходища водная*[1]. Халев исполнил желание дочери. Святые Отцы под лицом Асхани разумеют душу, сидящую как бы на осле, на бессловесных влечениях плоти. Сухая земля изображает делание под водительством страха Божия, а что Асхань начала со стенанием и воплем просить источников воды — этим означается крайняя нужда в слезах для каждого подвижника, долженствующего просить с воздыханиями и сердечною болезнию дара слез у Бога[2]. При молитве о даровании слез необходимо и собственное усилие производить их. Собственное усилие или труд бывают и предваряющими излияние слез, и сопутствующими этому излиянию.

Труд, предваряющий слезы, заключается в благоразумном воздержании от пищи и пития, в благоразумном бдении, в нестяжании, в отвлечении внимания от всего окружающего нас, в сосредоточении его к самим себе. Святой Иоанн Лествичник сказал в Слове о плаче: «Покаяние есть произвольное лишение себя всякого телесного утешения»[3]. Святой Давид описывает положение плачущего так: *Уязвен бых яко трава, изсше сердце мое, яко забых снести хлеб мой. От гласа воздыхания моего прильпе кость моя плоти моей. Уподобихся неясыти пустынней, бых яко нощный вран на нырищи* (развалине). *Бдех, и бых яко птица особящаяся на зде* (крове). *Пепел яко хлеб ядях, и питие мое с плачем растворях*[4]. Без умерщвления для мира невозможно стяжать плач и слезы: стяжаваем их по мере умерщвления миру. — Труд при самом плаче и излиянии слез состоит в понуждении себя к ним, в великодушном терпении сухости и бездождия, которыми иногда наветуется блаженный подвиг, после которых всегда награждается терпеливый делатель обильным излиянием слез. Как земля, долго ждавшая орошения и наконец получившая его в изобилии, вдруг покрывается нежной, яркой зеленью, так и сердце, истомившееся сухостию и потом оживленное слезами, испускает из себя множество духовных помышлений и ощущений, украшенных общим цветом смирения. Делание плача, будучи неразлучно с деланием молитвы, требует тех же условий для преуспеяния, в каких нуждается и молитва. Она нуждается в терпеливом, постоянном пребыва-

---

[1] *Ты дал мне землю полуденную, дай мне и источники воды* (Суд. 1. 15). ‖ [2] Преподобный Нил Сорский. Слово 8. ‖ [3] Слово 7, гл. 3. ‖ [4] *Сердце мое поражено и иссохло, как трава, так что я забываю есть хлеб мой; от голоса стенания моего кости мои прильпнули к плоти моей. Я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах; не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле... Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами* (Пс. 101. 5–8, 10).

нии в ней: нуждается в нем и плач. Она нуждается в утомлении тела, производит изнеможение тела: производит это изнеможение и плач, нуждаясь для того, чтоб родиться, в утруждении и утомлении тела. ***Утрудихся воздыханием моим,*** говорит великий Делатель плача, ***измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу***[1]. Понуждение себя и труд должно соразмерять с телесными силами. Преподобный Нил Сорский советует и ублажает плач и слезы. «Это — путь покаяния и плод его, — говорит он. — Кто о всякой напасти, находящей на него, и против всякого вражеского помысла плачет пред благостию Божиею, чтоб она помогла ему, тот скоро обретет покой, если молится в духовном разуме»[2]. Однако и этот Преподобный, посоветовав руководствоваться в делании теми наставлениями, которые находятся в книгах святого Иоанна Лествичника и святого Симеона Нового Богослова, дает предостережение, заимствовав его от святого Исаака Сирского, чтоб не привести слабое тело в расстройство безмерным понуждением. «Тогда, — говорит он, — неполезно ратовать естество. Когда немощное тело будет понуждено на дела, превышающие его силу, тогда наносится душе помрачение на помрачение, — она приводится в смущение»[3]. Впрочем, и при слабом телосложении и здравии некоторое принуждение, соразмерно силам, необходимо. Соразмерность эту легко можно усмотреть из немногих опытов. Немощные должны приводить себя к плачу и слезам наиболее внимательною молитвою и стараться о стяжании плача в духе[4], при чем изливаются тихие слезы и сердечная болезнь бывает не столь сильной. Всякое духовное делание, будучи собственно даром Божиим в нас, непременно нуждается в понуждении нашем к нему: потому что понуждение есть деятельное обнаружение и свидетельство нашего благого произволения. Понуждение в особенности нужно тогда, когда из падшего естества или по злодейству бесов возникнет в нас какое-либо греховное стремление или возмущение: тогда необходимо произносить плачевные слова молитвы несколько вслух. Вещественный, машинальный, гласный, особенно понудительный и насильственный плач не соответствует немощным, как потрясающий тело и производящий в нем мучительные томление и болезнование. Эти томление и болезнование уподоблены

---

[1] ***Изнемог я от воздыханий моих, омываю плачем всякую ночь ложе мое, слезами моими постель мою орошаю*** (Пс. 6. 7). ‖ [2] Слово 8. ‖ [3] Там же. ‖ [4] Преподобный Нил Сорский в Слове 2 называет молитву и плач духа ***разумным вопитием и плачем.***

Отцами болезням рождающей[1]; последствием их бывает значительное изнеможение даже в сильных подвижниках. Инокам крепкого телосложения возможно и полезно более усиленное понуждение к плачу и слезам; для них нужно, особенно в начале их подвига, прежде, нежели они стяжут плач духа, слова молитвы произносить плачевным гласом, чтоб душа, уснувшая сном смертным от упоения греховного, возбудилась на глас плача и сама ощутила чувство плача. Так плакал могучий Давид. *Рыках от воздыхания сердца моего*[2], говорит он о себе, *рыках* подобно льву, оглашающему пустыню воплем, в котором страшны и выражение силы, и выражение скорби. Для гласной молитвы и плача необходимо уединение, по крайней мере келейное: это делание не имеет места посреди братии. Из жизнеописаний святых Отцов видно, что те из них, которые имели возможность, занимались гласным плачем, невольно раздававшимся иногда за стены келлии, хотя они и заботились со всею тщательностию, чтобы всякое делание их оставалось тайной, ведомой единому Богу. Как скопление газов в воздухе разражается громом при обильном дожде, так и скопление ощущений плача в душе разражается рыданиями с воплем и обильными слезами. Это случалось с иноком, подвиг которого описан святым Исааком в 10-м Слове его. После грома и дождя бывает особенное благорастворение воздуха: и душа, облегчившая печаль свою рыданием, прохладившаяся слезами, вкушает особенные тишину и мир, из которых, как бы благоухание от ароматических веществ, возникает и действует чистейшая молитва. — Вообще полезно узнавать из Священного Писания и писаний Отеческих разные способы иноческого делания, испытывать их и избирать для себя то делание, которое окажется наиболее свойственным. Человеки устроены так разнообразно, способности и качества их так разнообразны, что одно и то же делание или способ, будучи употреблены несколькими подвижниками, действуют в каждом из них с значительным различием. По этой причине необходим опыт, как и Апостол советует: *Вся же искушающе, добрая держите*[3].

Дар *плача* и *слез* есть один из величайших даров Божиих. Он — дар, существенно нужный нам для нашего спасения. Дары пророчества, прозорливства, чудотворения суть признаки особенного благоугождения Богу и благоволения Божия, а дар умиления и слез есть признак принятого или принимаемого покаяния. «Печаль

---

[1] Лествица. Слово 7, гл. 60. || [2] *Кричал от терзания сердца моего* (Пс. 37. 9). || [3] *Все испытывайте, хорошего держитесь* (1 Сол. 5. 21).

мысли есть честное даяние Божие; имеющий ее и хранящий как должно — подобен человеку, имеющему в себе святыню. Телесные подвиги без печали мысли подобны телу без души»[1].

Слезы, проливаемые о грехах, сначала бывают горьки, изливаются при болезни и томлении духа, которые дух сообщает и телу. Мало-помалу начинает соединяться со слезами утешение, состоящее в особенном спокойствии, в ощущении кротости и смирения; вместе с этим слезы, соразмерно и сообразно доставляемому утешению, сами изменяются, утрачивают в значительной степени горечь, истекают безболезненно или с меньшею болезнию. Сначала они бывают скудны и приходят редко; потом мало-помалу начинают приходить чаще и становятся обильнее. Когда же дар слезный усилится в нас Божьею милостию, тогда укрощается внутренняя борьба, утихают помыслы, начинает действовать в особенном развитии умная молитва, или молитва духа, насыщая и увеселяя внутреннего человека. Тогда снимается покрывало страстей с ума и открывается ему таинственное учение Христово. Тогда слезы претворяются из горьких в сладостные. Тогда прозябает в сердце духовное утешение, которому ничего нет подобного между радостями земными и которое известно только упражняющимся в молитвенном плаче и имеющим дар слез[2]. Тогда сбывается обетование Господа: *Блажени плачущии: яко тии утешатся*[3]. Тогда приветствует себя подвижник по внушению и удостоверению Святого Духа: *Храняй младенцы Господь: смирихся, и спасе мя. Обратися, душе моя, в покой твой, яко Господь благодействова тя. Яко изъят душу мою от смерти, очи мои от слез, и нозе мои от поползновения*[4]. Тогда подвижник, усматривая бессилие над собою греховных помыслов и ощущений, тщетно усиливающихся подчинить его своему влиянию, дерзновенно говорит им: *Отступите от мене вси, делающии беззаконие, яко услыша Господь глас плача моего. Услыша Господь моление мое, Господь молитву мою прият*[5].

Живописно изображается *в Плаче* святого пророка Иеремии душевное состояние инока, узревшего падение естества человеческого, не обманываемого обольщениями преходящего мира, но всецело устремившего взоры души на это падение и предавшегося

---

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 89. ‖ [2] Преподобный Нил Сорский. Слово 8. ‖ [3] Мф. 5. 4. ‖ [4] *Хранит Господь простодушных: я изнемог, и Он помог мне. Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя. Ты избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения* (Пс. 114. 6–8). ‖ [5] *Удалитесь от меня, все делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего, услышал Господь моление мое; Господь примет молитву мою* (Пс. 6. 9–10).

в глубоком уединении глубокому плачу[1]. *И бысть,* говорит Писание, *повнегда в плен отведен бе Исраиль, и Иерусалим опустошен бяше, сяде Иеремия пророк плачущ, и рыдаше рыданием над Иерусалимом*[2]. Все пособия для Иерусалима истощены, и все уже тщетны: осталось одно рыдание о нем. Пророк вещал ему некогда, вещал неумолкаемо пророческое слово: теперь некому уже слышать этого слова; не только нет людей, — нет и зданий; остались одни развалины: на них могут раздаваться одни рыдания. Никому не понятны эти рыдания, и нет нужды заботиться, чтоб они были понятны кому-либо. Ими Пророк выражает невыразимо тяжкую скорбь свою; они раздаются по пустыне из развалин; им внемлет с неба Бог. Какое положение Пророка! он один на обширных развалинах города; он один — живой среди бесчисленных мертвых знамений и свидетельств минувшей жизни; он один — живой среди области смерти. Как живой, он подает голос скорби о утрате жизни; он призывает эту жизнь возвратиться в оставленное ею жилище, снова заменить собою страшную, не чувствующую себя смерть. *Како седе един град умноженный людьми! Бысть яко вдовица, умноженный во языцех, владяй странами бысть под данию*[3]. Пророком означается ум инока, просвещенный Откровенным учением Божиим; великий град — это весь человек, созданный Богом; жители города — свойства души и тела; язычники — это демоны, которые были унижены пред человеком до его падения, соделались его владыками по падении его. В состоянии падения находится и сам инок, и все человеки: предмет плача его — он и все человеки. Но плачет инок один, потому что он один при свете Слова Божия видит падение человечества; прочие человеки не видят его, не принимают участия в плаче, плача не понимают и плачущего считают лишившимся разума. Плачет инок один от лица своего и от лица всего человечества, не имея возможности отделиться от человечества по любви к нему и по родству с ним; плачет инок о себе и о всем человечестве; оплакивает он падшее естество, всем общее. Плачет он один на развалинах бесчувственных, среди разбросанных и лежащих кучами камней: развалины и камни — образ человечества, пораженного нечувствием, человечества, не ощущающего и не понимающего своих падения и вечной смерти, нисколько не заботяще-

---

[1] Преподобный Макарий Великий. Слово 4, гл. 19. ‖ [2] *И было: после того как в плен был отведен Израиль, и Иерусалим опустошен, сел пророк Иеремия, плача и рыдая над Иерусалимом* (Плач. 1). ‖ [3] *Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! Он стал как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником* (Плач. 1. 1).

гося о них. Плачет инок один, и плач его понятен единому Богу. *Плача плакася в нощи* — во все время земной жизни, *и слезы его на ланитех его, и несть утешаяй его от всех любящих его: вси дружащиися с ним, отвергошася его, быша ему врази*[1]. Чтобы восплакать плачем по Богу, должно удалиться от мира и человеков, умереть для мира и человеков, по сердцу и уму соделаться одиноким. «Оставление всех попечений поможет тебе приблизиться ко граду безмолвия; если не будешь вменять себя, то вселишься в него; если же умрешь для всякого человека, то сделаешься наследником града и его сокровищ», — сказал Великий Варсонофий иноку, которого он приуготовлял к безмолвию и отшельничеству в гробекеллии, этом возлюбленном жилище молитвенного плача[2]. Иудеи, находившиеся в плену и работе у вавилонян, изображают собой произвольные скорби, то есть лишения и подвиги телесные, которым подвергает себя инок с целию покаяния, также скорби, попускаемые ему Промыслом Божиим во очищение грехов. Духовный вождь подвигов — плач — посылает к ним с развалин Иерусалима, на которых он безмолвствует в одиночестве, послание. В послании возвещает он пленникам, по прошествии срочного времени, освобождение. Для горького плача есть свой срок, и для чаши горестей, произвольных и невольных, есть своя мера. Определяются эти вес и мера Богом[3], как и святой Давид сказал: *Напитаеши нас хлебом слезным, и напоиши нас слезами в меру*[4], ибо Ты *положил еси слезы моя пред Тобою,* как средство очищения *во обетовании Твоем*[5], помилования и спасения. Были дни, в которые *быша слезы моя мне хлеб день и нощь*[6]; за ними последовали дни, в которые, соответственно предварившему *множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою*[7]. *Внегда возвратити Господу плен Сионь, быхом яко утешени. Тогда исполнишася радости уста наша, и язык наш веселия*[8]. *Ты же не убойся, рабе мой Иакове,* возвещает вдохновенный Иеремия от лица Божия избранному народу, которому попущен был за грехи его плен в Вавилоне, *ни устрашайся, Исра-*

---

[1] *Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его; все друзья его изменили ему, сделались врагами ему* (Плач. 1. 2). ‖ [2] Ответ 38. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слово 65. ‖ [4] *Напитаешь Ты нас, точно хлебом, слезами, напоишь слезами нас вдоволь* (Пс. 79. 6). ‖ [5] *...дороги Тебе слезы мои по обетованию Твоему* (Пс. 55. 9). ‖ [6] *Слезы мои были для меня хлебом день и ночь* (Пс. 41. 4). ‖ [7] *При умножении скорбей моих в сердце моем утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93. 19). ‖ [8] *Когда возвращал Господь плен Сиона, мы были как бы видящие во сне: тогда уста наши были полны веселья, и язык наш — пения* (Пс. 125. 1–2).

илю: се бо Аз тебе спасена сотворю издалеча, и семя твое от земли пленения их: и возвратится Иаков, и почиет, и благоуспеет[1]. Скорби и болезни покаяния заключают в себе семя утешения и исцеления. Это таинство открывается плачем ученику его. — Все иноки, очистившиеся от грехов, очистились плачем, и все, достигшие христианского совершенства, достигли его плачем. Особливо это делание развито было между многочисленными безмолвниками нижнего Египта, в пустыне Скита, в горе Нитрийской, в Келлиях и в других уединенных местах. Оно лики и полки иноков претворило в лики и полки Ангелов. Когда основатель иноческого жительства в пустыне Скитской, преподобный Макарий Великий, которого и прочие пустынножители признавали Отцом Отцов, достиг глубокой старости, то иноки горы Нитрийской, весьма близкой к Скиту, просили его, чтобы он прежде отшествия своего к Господу посетил их. Макарий пришел на гору; множество иноков, безмолвствовавших на ней, встретили его. Они просили у него назидания. Макарий, прослезившись, сказал: «Братия! восплачем. Очи наши да проливают слезы до отшествия нашего туда, где наши слезы будут жечь наши тела». Все заплакали, пали на лица свои и сказали: «Отец! молись за нас»[2]. Из своего дара слез святой наставник святых древних иноков произнес краткое учение о слезах, совокупив в нем все учение о монашеской жизни. Слышатели явлением своего дара слез выразили, что они поняли значение и обширность учения. Многих слов тут было не нужно.

Слезный дар — это осенение благодати Божией — наиболее посещает подвижников во время внимательной молитвы, будучи обычным плодом ее; иным приходит он во время чтения; другим во время какого-либо труда. Так, преподобному Кириллу Белоезерскому приходили слезы во время занятия в монастырской кухне. Смотря на вещественный огнь, он воспоминал неугасимый огнь вечной муки и проливал слезы. Кирилл, полагая, что в безмолвии умиление его усилится и слезы умножатся, желал уединиться в келлии. По смотрению Божию обстоятельства доставили ему желаемое. И что ж? С устранением причины, возбуждавшей умиление и слезы, оскудели слезы, и Кирилл просил настоятеля возвратить его к огню монастырской кухни[3]. Святые Отцы повелевают пребы-

---

[1] *Ты же не бойся, раб мой Иаков, и не страшись, Израиль: ибо вот, Я спасу тебя из далекой страны и семя твое из земли плена их; и возвратится Иаков и будет жить спокойно и мирно, и никто не будет устрашать его* (Иер. 46. 27). ‖ [2] Алфавитный патерик и «Достопамятные сказания», гл. 33. ‖ [3] Четьи-Минеи, 9 июня.

вать в том делании, в котором приходят слезы, потому что слезы – плод, а цель монашеской жизни – достижение плода тем средством, которым благоугодно Богу доставить плод.

Преподобный Феодор Енатский сказывал, что «он знал инока, безмолвствовавшего в келлии и имевшего рукоделием плетение веревок. Когда этот инок сидел и плел веревку, занимаясь умною молитвою, то приходили ему слезы. Тогда он вставал для молитвословия, но при этом слезы прекращались. Брат садился и принимался за веревку, сосредоточивая в себе мысли, и слезы опять приходили. Равным образом, когда он сидел и читал, приходили слезы. Он вставал на молитву, и слезы немедленно прекращались. Только что он снова принимался за книгу, – слезы возвращались». По поводу этого Преподобный сказал: «Справедливо изречение святых Отцов, что плач – учитель. Он научает всякого человека тому, что ему полезно»[1].

Преподобный Феодор Енатский говаривал: «*Всяк грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть: а блудяй во свое тело согрешает*[2], потому что из тела источается скверна, оскверняющая его: так и всякая добродетель, *кроме тела есть*, а ежедневно плачущий очищает и тело: потому что слеза, истекающая сверху, омывает тело от нечистот его»[3]. «Истинно кающийся признает, по словам святого Иоанна Лествичника, каждый день, в который он не плакал, потерянным для себя, хотя бы в течение его он и сделал что доброе[4]. Какое бы возвышенное жительство ни проходили мы, но если не стяжали сердца сокрушенного, то это жительство – притворное и бесплодное. Подобает, истинно подобает осквернившимся после бани пакибытия (после Святого Крещения) очистить свои руки постоянным огнем сердца и милостию Божиею[5]. Не будем мы обвинены, о друзья, при исходе души нашей из тела, что мы не были чудотворцами, не были богословами, не имели духовных видений; но непременно воздадим Богу ответ за то, что не плакали непрестанно»[6], то есть не пребывали в постоянной спасительной печали о согрешениях и греховности наших. Хотя плач почти всегда увенчивается более или менее обильными слезами, но некоторые подвижники – как видно из утешения, которое произнесено для них святыми Отцами, – томятся, или в течение всего подвига своего, или в течение значительного времени, под гнетом плача,

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] *Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела* (1 Кор. 6. 18). ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Слово 5, гл. 33. ‖ [5] Слово 7, гл. 64. ‖ [6] Слово 7, гл. 70.

не получая слез для отрады и прохлаждения. Да ведают они, что сущность покаяния заключается в смирении и сокрушении духа нашего[1], когда дух восплачет по причине смирения. Плач духа, при недостатке телесных сил для выражения телесными подвигами и действиями действующего в душе покаяния, заменяет собою все телесные подвиги и действия, а между ними и слезы[2]. Аминь.

О смирении

(Разговор между старцем и учеником его)

Ученик. Что есть *смирение*?

Старец. Есть евангельская добродетель, совокупляющая силы человека воедино миром Христовым, превысшая человеческого постижения.

Ученик. Когда она превыше постижения, то как же мы знаем о ее существовании? тем более как можем приобресть такую добродетель, которой и постигнуть не можем?

Старец. О существовании ее узнаем при посредстве веры, из Евангелия, а самую добродетель узнаем опытно по мере приобретения ее. Но и по приобретении она пребывает непостижимою.

Ученик. Отчего ж это?

Старец. Оттого, что она Божественна. Смирение есть учение Христово, есть свойство Христово, есть действие Христово. Слова Спасителя: *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*[3] — святой Иоанн Лествичник объясняет так: «Научитесь не от Ангела, не от человека, не из книги, но от *Меня*, то есть от Моего вам усвоения, в вас осияния и действия, *яко кроток есмь и смирен* сердцем, и помыслом, и образом мыслей»[4]. Как же постичь свойство и действия Христовы? Они и по ощущении их непостижимы, как и Апостол сказал: *Мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе*[5]. Мир Божий есть и начало, и непосредственное следствие смирения; он — действие смирения и причина этого действия. Он действует на ум и сердце всемогущею Божественною силою. И сила, и действие ее естественно непостижимы.

---

[1] Пс. 50. 19. ‖ [2] Святой Исаак Сирский. Слово 59. — Лествица. Слово 7. — Преподобный Нил Сорский. Слово 8. ‖ [3] *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11. 29). ‖ [4] Слово 21, гл. 3. ‖ [5] *Мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе* (Флп. 4. 7).

Ученик. Каким способом можно достичь смирения?

Старец. Исполнением евангельских заповедей, преимущественно же молитвою. Благодатное действие смирения весьма сходно с благодатным действием молитвы, правильнее: это — одно и то же действие.

Ученик. Не откажись изложить подробно оба способа к приобретению смирения.

Старец. Они оба изложены в учении святых Отцов. Святой Иоанн Лествичник говорит, что одни водимые Божиим Духом могут удовлетворительно рассуждать о смирении[1], а святой Исаак Сирский — что Святой Дух таинственно обучает смирению человека, приуготовившегося к такому обучению[2]. Мы, собирая крохи, падающие с духовной трапезы господ наших — святых Отцов[3], получили о смирении скуднейшее понятие; его и сами стараемся держаться, и передавать вопрошающим, как драгоценное предание Отцов. Со всею справедливостию можно назвать полученные нами понятия о смирении крохами: самое сокровище, в неисполнимой полноте его, имеет тот, кто стяжал в себе Христа.

Преподобный авва Дорофей говорит, что «смирение естественно образуется в душе от деятельности по евангельским заповедям... Тут делается то же, что при обучении наукам и врачебному искусству. Когда кто хорошо выучится им и будет упражняться в них, то мало-помалу от упражнения ученый или врач стяжавают навык, а сказать или объяснить не могут, как они пришли в навык, потому что мало-помалу душа прияла его от упражнения. То же совершается и при приобретении смирения: от делания заповедей образуется некоторый навык смиренный, что не может быть объяснено словами»[4]. Из этого учения преподобного аввы Дорофея явствует с очевидностию, что желающий приобрести смирение должен с тщательностию изучать евангелие и с такою же тщательностию исполнять все заповедания Господа нашего Иисуса Христа. Делатель евангельских заповедей может придти в познание своей собственной греховности и греховности всего человечества, наконец в сознание и убеждение, что он грешнейший и худший всех человеков.

Ученик. Мне представляется несообразным, как тот, кто со всею тщательностию исполняет Евангельские заповеди, приходит к сознанию, что он величайший грешник? Кажется: последствием

---

[1] Слово 21, гл. 3. ‖ [2] Слово 38. ‖ [3] Выражение заимствовано у святого Иоанна Лествичника. Слово 21, гл. 3. ‖ [4] Поучение 2, О смиренномудрии.

должно быть противное. Кто совершает постоянно добродетели и совершает с особенным усердием, тот не может не видеть себя добродетельным.

Старец. Последнее относится к делающим мнимое добро *из себя*[1], из своего падшего естества. Делающий такое добро по своему разумению, по влечению и указаниям своего сердца не может не видеть этого добра, не может не удовлетворяться, не восхищаться им; сам тщеславится им и услаждается похвалами человеческими; ищет, требует их; прогневляется и враждует на отказывающих в похвале. Он исчисляет свои добрые дела: по множеству их составляет мнение о себе и, по мнению о себе, мнение о ближних, как составил упоминаемый в Евангелии фарисей[2]. Такого рода деятельность приводит к мнению о своей праведности, образует праведников, отвергаемых Господом и отвергающих Господа или только поверхностно и хладно исповедующих Его мертвым исповеданием[3]. Противоположные последствия являются от исполнения евангельских заповедей. Подвижник, только что начнет исполнять их, как увидит, что он исполняет их весьма недостаточно, нечисто, что он ежечасно увлекается страстями своими, то есть поврежденною волею, к деятельности, воспрещаемой заповедями. Затем он с ясностию усмотрит, что падшее естество враждебно Евангелию. Усиленная деятельность по Евангелию яснее и яснее открывает ему недостаточество его добрых дел, множество его уклонений и побеждений, несчастное состояние падшего естества, отчуждившегося от Бога, стяжавшего в отношении к Богу враждебное настроение. Озираясь на протекшую жизнь свою, он видит, что она — непрерывная цепь согрешений, падений, действий, прогневляющих Бога, и от искренности сердца признает себя величайшим грешником, достойным временных и вечных казней, вполне нуждающимся в Искупителе, имеющим в Нем единственную надежду спасения. Образуется у него незаметным образом такое мнение о себе от делания заповедей. С достоверностию можно утверждать, что руководствующийся в жительстве Евангелием не остановится принести полное удостоверение в том, что он не знает за собою ни одного доброго дела[4]. Исполнение им заповедей он признает искажением и осквернением их, как говорит святой Петр Дамаскин[5]. *Научи мя творити волю Твою*[6], — вопиет он с пла-

---

[1] Блаженный Феофилакт Болгарский. Толкование на Евангелие от Луки о мытаре и фарисее (гл. 18). ‖ [2] Лк. 18. ‖ [3] Мф. 9. 13. ‖ [4] 1-я из утренних молитв преподобного Макария Великого. Канонник. ‖ [5] Добротолюбие. Ч. 3, кн. 1, ст. 1. ‖ [6] *Научи меня исполнять волю Твою* (Пс. 142. 10).

чем к Богу, — ту волю, которую Ты заповедал мне творить, которую я усиливаюсь творить, но не могу: потому что падшее естество мое не понимает ее и не покоряется ей. Тщетными были и будут все мои усилия, если Ты не прострешь мне руку помощи. *Дух Твой Благий*, только Он один, *наставит мя на землю праву*[1]. «Благое не может быть ни веруемо, ни действуемо иначе как только о Христе Иисусе и о Святом Духе»[2], — сказал преподобный Марк Подвижник.

Ученик. Такое воззрение на себя не приведет ли к унынию или отчаянию?

Старец. Оно приведет к христианству. Для таких-то грешников и снизошел Господь на землю, как Он Сам объявил: *Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние*[3]. Такие-то грешники могут от всей души принять и исповедать Искупителя.

Ученик. Положим, что деятельность по евангельским заповедям приводит к познанию и сознанию своей греховности; но как же достичь того, чтоб признать себя более грешным, нежели все человеки, между которыми имеются ужасные преступники, злодеи?

Старец. Это — опять естественное последствие подвига. Если пред взорами нашими находятся два предмета и один из них мы рассматриваем со всевозможным вниманием и непрестанно, а на другой не обращаем никакого внимания, то о первом получаем ясное, подробное, определенное понятие, а по отношению ко второму остаемся при понятии самом поверхностном. У делателя евангельских заповедей взоры ума постоянно устремлены на свою греховность; с исповеданием ее Богу и плачем он заботится об открытии в себе новых язв и пятен. Открывая их при помощи Божией, он стремится еще к новым открытиям, влекомый желанием богоприятной чистоты. На согрешения ближних он не смотрит. Если по какому-либо случаю придется ему взглянуть на согрешение ближнего, то взгляд его бывает самым поверхностным и мимоходным, как обыкновенно у людей, занятых чем-либо особенным. Из самого жительства его вытекает естественно и логически признание себя грешником из грешников. Этого устроения требуют от нас святые Отцы[4]. Без такого самовоззрения святые Отцы признают самый молитвенный подвиг неправильным. Брат сказал преподобному Сисою Великому: «Вижу, что во мне пребывает

---

[1] *Дух Твой Благой да ведет меня в землю правды* (Пс. 142. 10). ‖ [2] О законе духовном, гл. 2. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9. 13). ‖ [4] Преподобный Нил Сорский. Слово 5, «Помысел гордостный».

непрестанная память Божия». Преподобный отвечал: «Это не велико, что мысль твоя при Боге: *велико увидеть себя ниже всей твари*»[1]. Основание молитвы — глубочайшее смирение. Молитва есть вопль и плач смирения. При недостатке смирения молитвенный подвиг делается удобопреклонным к самообольщению и к бесовской прелести.

Ученик. Вопросом о том, каким образом при преуспеянии в добродетелях можно преуспевать в смирении, я отклонил тебя от порядка в поведании.

Старец. Возвращаюсь к нему. В упомянутом поучении аввы Дорофея приведено изречение некоторого святого старца, что «путь смирения — *телесные труды в разуме*». Это наставление очень важно для братий, занимающихся различными послушаниями монастырскими, из которых одни бывают тяжелы для тела, а другие сопряжены с подвигом душевным. Что значит *трудиться в разуме*? Значит — нести труд монастырский, как наказание за свою греховность, в надежде получения прощения от Бога. Что значит «трудиться безрассудно»? — Трудиться с плотским разгорячением, с тщеславием, с хвастовством, с уничижением других братий, не могущих нести такого труда по немощи или неспособности, даже по лености. В последнем случае труд, как бы он ни был усилен, долговремен, полезен для обители в вещественном отношении, не только бесполезен для души, но и вреден как наполняющий ее самомнением, при котором нет места в душе ни для какой добродетели. Пример *труда в разуме*, возведшего делателя на высоту христианского совершенства низведением в глубину смирения, видим в подвиге блаженного Исидора Александрийского. Он был одним из сановников Александрии. Призванный милосердием Божиим к монашеской жизни, Исидор вступил в иноческое общежитие, бывшее невдалеке от Александрии, и предал себя в безусловное повиновение игумену обители, мужу, исполненному Святого Духа. Игумен, усмотрев, что от высоты сана образовался в Исидоре нрав надменный и жесткий, вознамерился подействовать против душевного недуга возложением послушания, трудного не столько для тела, сколько для больного сердца. Исидор, вступая в общежитие, объявил игумену, что он предает себя ему, как отдается железо в руки ковача. Игумен велел ему встать и постоянно стоять при вратах обители с тем, чтобы он каждому входящему и исходящему покланялся в ноги и говорил: «Помолись о мне: я одержим бесом». Исидор оказал повиновение игумену, как бы

[1] Алфавитный патерик.

Ангел Богу. Пробыв семь лет в этом послушании и предузнав свою кончину из Божественного откровения, Исидор скончался радостно. О состоянии души своей во время подвига он исповедал святому Иоанну Лествичнику так: «Вначале я помышлял, что продал себя для искупления грехов моих, и потому с величайшею горестию, принуждением себя, как бы с пролитием крови, я полагал поклоны. По прошествии года сердце мое престало уже чувствовать печаль, ожидая награды за терпение от Самого Бога. По прошествии еще одного года я, от сознания сердца, вменил себя недостойным и пребывания в обители, и лицезрения Отцов, и беседы с ними, и встречи с ними, и причащения Святых Таин, но, опустив глаза вниз, а образ мыслей еще ниже, уже искренно умолял о молитве входящих и исходящих»[1]. Вот телесный труд и послушание, проходимые в разуме! Вот плод их! Одна смиренная мысль передавала блаженного делателя другой, более глубокой, как бы воспитывая его, доколе он не вступил в обильнейшее, таинственное ощущение смирения. Этим святым ощущением отворено святому Исидору небо, как одушевленному храму Божию. «Смирение делает человека селением Божиим», — сказал Великий Варсонофий[2].

Преподобный авва Дорофей в начале своего поучения о смирении полагает, как бы краеугольный камень в основание здания, следующее изречение одного из святых старцев: «Прежде всего нужно нам смиренномудрие, и мы должны быть готовы против каждого слова, которое услышим, сказать: *прости*, потому что смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага и сопротивника»[3]. В отвержении оправдания, в обвинении себя и в прошении прощения при всех тех случаях, при которых в обыкновенной мирской жизни прибегают к оправданиям и умножают их, заключается великая таинственная купля святого смирения. Ее держались и ее завещавают все святые Отцы. Это делание странно при поверхностном взгляде на него; но самый опыт не замедлит доказать, что оно исполнено душевной пользы и истекает из Само-Истины, Христа. Господь наш отверг оправдания, не употребив их пред человеками, хотя и мог явить пред ними во всем величии Свою Божественную правду, а фарисеям сказал: *Вы есте оправдающе себе пред человеки, Бог же весть сердца ваша: яко еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом*[4]. *Се Отрок Мой*, возвещает о Господе пророк Ветхого

[1] Лествица. Слово 4, гл. 23, 24. ‖ [2] Ответ 210. ‖ [3] Поучение 2. ‖ [4] *Вы выказываете себя праведниками пред людьми, но Бог знает сердца ваши: ибо, что высоко у людей, то мерзость пред Богом* (Лк. 16. 15).

Завета, *Егоже изволих: Возлюбленный Мой, Нань же благоволи душа Моя: положу Дух Мой на Нем, и суд языком возвестит: не преречет, ни возопиет, ниже услышит кто на распутиих гласа Его*[1]. *Христос пострада по нас*, свидетельствует Апостол Нового Завета о точном исполнении пророчества, *нам оставль образ, да последуем стопам Его, Иже укоряемь противу не укаряше, стражда не прещаше: предаяше же Судящему праведно*[2]. Итак, если мы, повинные в бесчисленных грехах, пришли в монастырь, чтоб претерпеть распятие за грехи наши одесную Спасителя нашего, то признаем благовременно всякую скорбь, какая бы ни встретилась с нами, праведным воздаянием за грехи и справедливым наказанием за них. При таком настроении прошение прощения при всяком представившемся случае будет действием правильным, логичным. «Словооправдание не принадлежит к жительству христианскому», — сказал святой Исаак Сирский[3]. Преподобный Пимен Великий говаривал: «Мы впадаем во многие искушения, потому что не сохраняем чина, подобающего имени нашему. Не видим ли, что жена хананейская приняла данное ей название, и Спаситель утешил ее[4]. Также Авигея сказала Давиду: *во мне неправда моя*[5], и Давид, услышав это, возлюбил ее. Авигея есть образ души, а Давид — Бога: если душа обвинит себя пред Господом, Господь возлюбит ее». Великого спросили: «Что значит *высокое*?»[6] Он отвечал: «Оправдания. Не оправдывай себя, и обретешь покой»[7]. Не оправдывающий себя руководствуется смиренномудрием, а оправдывающий — высокомудрием. Патриарх Александрийский Феофил посетил однажды Нитрийскую гору. Гора та была местопребыванием многочисленного иноческого общества, проводившего жительство безмолвников. Авва горы был муж великой святости. Архиепископ спросил его: «Что отец, по твоему мнению, всего важнее на пути монашества?» Авва отвечал: «Постоянное обвинение и осуждение самого себя». Архиепископ на это сказал: «Так! Нет иного пути, кроме этого»[8].

Заключу мое убогое учение о смирении прекрасным учением преподобного Иоанна Пророка об этой добродетели. «Смирение

---

[1] *Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя; положу Дух Мой на Него, и возвестит народам суд; Не воспрекословит, ни возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его* (Мф. 12. 18–19; Ис. 42. 1–2). ‖ [2] *...Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его... будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал; но предавал то Судии Праведному* (1 Пет. 2. 21, 23). ‖ [3] Слово 89. ‖ [4] Мф. 15. 27 и след. ‖ [5] 1 Цар. 25. 24. ‖ [6] Лк. 16. 15. ‖ [7] Алфавитный патерик. ‖ [8] «Достопамятные сказания» и Алфавитный патерик.

состоит в том, чтоб ни в каком случае не почитать себя за нечто, во всем отсекать свою волю, повиноваться всем, без смущения переносить то, что постигает нас отвне. Таково истинное смирение, в котором не находит себе места тщеславие. Смиренномудрый не должен выказывать свое смирение *смиреннословием*, но довольно для него говорить: *прости меня* или: *помолись о мне*. Не должно также самому вызываться на исполнение низких дел: это, как и первое (то есть смиреннословие), ведет к тщеславию, препятствует преуспеянию и более делает вреда, нежели пользы; но когда повелят что, не противоречить, а исполнить с послушанием — это приводит в преуспеяние»[1].

Ученик. Неужели употребление смиренных слов, называемое смиреннословием, душевредно? Кажется, оно очень приличествует монаху и очень назидает мирских людей, которые приходят в умиление, слыша смиреннословие монаха.

Старец. Господь сказал: *Кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит*[2]. Зло никак не может быть причиною добра. Лицемерство и человекоугодие не могут быть причиною назидания: они могут понравиться миру, потому что они всегда нравились ему; они могут вызвать похвалу мира, потому что они всегда вызывали ее; могут привлечь любовь и доверенность мира, потому что они всегда привлекали их. Мир любит свое; им восхваляются те, в которых он слышит свой дух[3]. Одобрение миром смиреннословия уже служит осуждением ему. Господь заповедал совершать все добродетели втайне[4], а смиреннословие есть вынаружение смирения напоказ человекам. Оно — притворство, обман, во-первых, себя, потом других, потому что утаение своих добродетелей составляет одно из свойств смирения, а смиреннословием и смиреннообразием это-то утаение и уничтожается. «Находясь между братиею твоею, — говорит святой Иоанн Лествичник, — наблюдай за собою, чтоб тебе никак не выказаться в чем-нибудь праведнее их. В противном случае сделаешь двойное зло: братий уязвишь твоим лицемерством и притворством, в себе же непременно произведешь высокомудрие. Будь тщалив в душе, никак не выказывая это телесно, ни видом, ни словом, ни намеком»[5]. Сколько полезно укорять себя и обвинять в греховности пред Богом, в тайне душевной клети, столько вредно делать это пред людьми. В противном случае

---

[1] Преподобных Варсонофия и Иоанна ответ 275. ‖ [2] *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16. 26). ‖ [3] Ин. 15. 18–20. ‖ [4] Мф. 6. ‖ [5] Слово 4, гл. 82, 83.

мы будем возбуждать в себе обольстительное мнение, что мы смиренны, и преподавать о себе такое понятие слепотствующим мирянам. Некоторый инок сказывал мне, что он в новоначалии своем старался упражняться в смиреннословии, полагая в нем, по неведению своему, что-то особенно важное. Однажды он смиреннословил, и так удачно, что слышавшие, вместо того чтоб признать слова его ложью, а его смиренным, — в чем и заключается вся цель смиреннословия, — согласились, что он говорит правду, тогда он огорчился и пришел в негодование. Пред людьми должно вести себя осторожно и благоговейно, но просто, молчанием отвечая на похвалы, им же — на порицания, кроме тех случаев, когда прошение прощения и при нужде умеренное объяснение могут успокоить и примирить к нам порицающего. Преуспевшие в монашеской жизни стяжавают особенную свободу и простоту сердца, которые не могут не вынаруживаться в их обращении с ближними. Они не нравятся миру! он признает их гордыми, как весьма справедливо замечает святой Симеон Новый Богослов[1]. Мир ищет лести, а в них видит искренность, которая ему не нужна, встречает обличение, которое ему ненавистно. В бытность мою в одном большом городе приезжал туда по монастырским нуждам старец, весьма преуспевший в духовной жизни, с новоначальным учеником своим. Некоторые благочестивые миряне пожелали видеть старца. Он не понравился им. Им очень понравился ученик, который, входя в богатые и знатные домы, поражался земным величием и всем воздавал низкие поклоны. «Какой он смиренный!» — говорили миряне с особенным удовольствием, порожденным в них поклонами. Старец провел жизнь свою в плаче о греховности своей; признавал величайшим счастием человека — открытие в себе греховности, и с искреннею любовию, с состраданием к бедному человечеству, равно бедному и в палатах, и в хижинах, с простотою сердца, с необыкновенною проницательностию, доставляемою такою же чистотою ума, желал поделиться духовными сокровищами с ближними, вопрошавшими его о спасении: этим возбудил против себя неудовольствие.

Ученик. Какое различие между смиренномудрием и смирением?

Старец. Смиренномудрие есть образ мыслей, заимствованный всецело из Евангелия, от Христа. *Смирение* есть сердечное чувство, есть залог сердечный, соответствующий смиренномудрию. Сначала должно приобучаться к смиренномудрию; по мере упражнения в смиренномудрии душа приобретает смирение, потому что состо-

[1] Добротолюбие. Ч. 1. Гл. 70, 71, 72.

яние сердца всегда зависит от мыслей, усвоившихся уму. Когда же делание человека осенится Божественною благодатию, тогда смиренномудрие и смирение в изобилии начнут рождать и усугублять друг друга, при споспешестве споспешника молитвы — плача.

Ученик. Объясни опытами, каким образом от смиренномудрия рождается смирение и обратно?

Старец. У меня был коротко знакомый инок, подвергавшийся непрестанно различным скорбям, которыми, как он говорил, Богу благоугодно было для него заменить духовного старца. Несмотря на постоянные скорби, я видел инока почти всегда спокойным, часто радостным. Он занимался Словом Божиим и умною молитвою. Я просил его открыть мне для пользы души моей: в чем он почерпал для себя утешение? Он отвечал: «Утешением моим я обязан милости Божией и писаниям святых Отцов, к которым дана мне любовь с детства моего. При нашествии скорбей иногда я повторяю слова разбойника, исповедовавшего с креста своего праведность Суда Божия в суде человеческом и этим исповеданием вошедшего в познание Спасителя. Говорю: *Достойная по делом* моим *приемлю: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем*[1]. С этими словами изливаются мир и спокойствие в сердце. В другое время противопоставлял я помыслам печали и смущения слова Спасителя: *Иже не приимет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин*[2]; тогда смущение и печаль заменялись миром и радостию. Прочие подобные изречения Священного Писания и святых Отцов производят такое же действие. Повторяемые слова: *слава Богу за все* или: *да будет воля Божия* со всею удовлетворительностию действуют против очень сложной скорби. Странное дело! иногда от сильного действия скорби потеряется вся сила души; душа как бы оглохнет, утратит способность чувствовать что-либо: в это время начну вслух, насильно и машинально, одним языком, произносить: *Слава Богу*, и душа, услышав славословие Бога, на это славословие как бы начинает мало-помалу оживать, потом ободрится, успокоится и утешится. Тем, которым попускаются скорби, невозможно б было устоять в них, если б не поддерживала их тайно помощь и благодать Божия. Опять: без скорби человек не способен к тому таинственному, вместе существенному утешению, которое дается ему соразмерно его скорби, как и Псалмопевец сказал: *По множеству*

---

[1] Ср.: *...достойное по делам нашим приняли: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!* (Лк. 23. 41, 42). ‖ [2] *Кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10. 38).

болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою[1]. Однажды устроен был против меня опасный ков. Узнав о нем и не имея никаких средств к отвращению его, я ощутил печаль до изнеможения. Прихожу в свою келлию, и едва произнес вспомнившиеся мне слова Спасителя: *Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Мя веруйте*[2], как печаль исчезла; вместо нее объяла меня неизъяснимая радость: я должен был лечь на постель и весь день был как упоенный, а в уме повторялись слова, изливая утешение в душу: *в Бога веруйте и в Мя веруйте*. Причина сердечного смущения — неверие; причина сердечного спокойствия, сердечного благодатного мира — вера. При обильном действии веры все существо человека погружается в духовное утешительнейшее наслаждение священным миром Христовым, как бы пропитывается и переполняется этим ощущением. Упоенное им, оно делается нечувствительным к стрелам смущения. Справедливо сказали Отцы, что "вера есть смирение"[3], что "веровать — значит пребывать в смирении и благости"[4]. Такое понятие о вере и смирении доставляется святыми опытами правильной монашеской жизни.

В иное время попускается скорби томить душу в течение продолжительного времени. Однажды от внезапной скорби я почувствовал как бы нервный удар в сердце и три месяца пробыл безвыходно в келлии, потрясаемый нервною лихорадкою. Бог творит "присно с нами великая же и неисследованная, славная же и ужасная"[5]. Нам надо понять, что мы — создания Его, находящиеся в полной Его власти, а потому в совершенной покорности, "сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим"[6]. — Не остановлюсь поведать тебе и следующий замечательный случай, несколько объясняющий действие смирения прямо из сердца, без предварительной мысли смиренномудрия. Однажды я был подвергнут наказанию и бесчестию. Когда меня подвергли ему, внезапно ощутил я жар во всем теле моем и при нем какую-то необъяснимую словами мертвость, после чего вдруг запылало из сердца желание получить всенародное посрамление и заушение от палача на площади за грехи мои. При этом выступил румянец на лице; несказанная радость и сладость объяли всего; от них я пребывал в течение двух недель в восторге, как бы вне себя. Тогда я понял с ясностию и точностию,

---

[1] *При умножении скорбей моих в сердце моем утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93. 19). ‖ [2] *Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте* (Ин. 14. 1). ‖ [3] Варсонофия и Иоанна ответ 579. ‖ [4] Изречение преподобного Пимена Великого. Скитский патерик. ‖ [5] Шестая утренняя молитва. ‖ [6] Последнее прошение на великой ектении.

что святое смирение в мучениках, в соединении с Божественною любовию, не могло насытиться никакими казнями. Мученики принимали лютые казни, как дары, как прохладное питие, утолявшее возгоревшуюся в них жажду смирения[1]. Смирение есть неизъяснимая благодать Божия, непостижимо постигаемая одним духовным ощущением души».

Ученик. Ты обещал мне объяснить, каким образом изработывается смирение молитвою.

Старец. Союз смирения с молитвою очень ясно изложен преподобным аввою Дорофеем. «Непрестанное упражнение в молитве, — говорит Святой, — противодействует гордыне. Очевидно: смиренный и благоговейный, зная, что невозможно совершить никакой добродетели без помощи и покрова Божиих, не престает неотступно молиться Богу, чтоб сотворил с ним милость. Постоянно молящийся Богу, если сподобится сделать что-либо должное, знает, при посредстве Кого это сделано им, и не может превознестись или приписать своей силе, но приписывает Богу все свои исправления, Его благодарит непрестанно и Ему молится непрестанно, трепеща, чтоб не лишиться помощи Свыше, чтоб не обнаружилась таким образом его собственная немощь. Он молится от смирения»[2]. Если кто при молитве своей сподобляется умиления, которое рождается от внимательной молитвы, тот опытно знает, что именно в драгоценные минуты умиления являются в нем помыслы смиренномудрия, преподающие ощущение смирения. Особливо совершается это тогда, когда умиление сопровождается слезами. Чем чаще приходят времена умиления, тем чаще делатель молитвы бывает слышателем таинственного учения о смирении, тем глубже это учение проникает в его сердце. Постоянное умиление содержит душу в постоянном смирении, в настроении непрестанных молитвы и богомыслия. Святые Отцы замечают, что, в противоположность тщеславию, которое разносит помыслы человека по вселенной, смирение сосредоточивает их в душе: от бесплодного и легкомысленного созерцания всего мира переводит к многоплодному и глубокому

[1] Житие святых мучеников Тимофея и Мавры. Четьи-Минеи, 3 мая. Чудное житие! На всем поприще подвига своего мученики не преставали исповедовать, что мученичество служит для них очищением грехов. Осененные Святым Духом, они с жаждою принимали это очищение. Обилие смирения соединено было в них с обилием любви вышеестественной. Когда Мавру вели на распятие, мать ее остановила ее, рыдая о ней. Но мученица, исторгшись из рук матери, поспешила к кресту, сказав матери: «Зачем отвлекаешь меня от креста, не давая мне скорее насладиться Господом моим в подобии смерти Его». ‖ [2] Поучение 2.

самовоззрению, к мысленному безмолвию, к такому состоянию, какое требуется для истинной молитвы и которое производится внимательною молитвою[1]. Наконец, благодатное действие смирения и благодатное действие молитвы есть одно и то же действие, как уже сказано в начале беседы нашей. Это действие является в двух лицах: в Христоподражательном смирении и в Божественной любви, которая есть высшее действие молитвы. Действие это принадлежит Господу нашему Иисусу Христу, жительствующему и действующему при посредстве Святого Духа, несказанно и непостижимо, в избранных Своих сосудах. Аминь.

О терпении

«Дом души — терпение, потому что она живет в нем; пища души — смирение, потому что она питается им»[2], — сказал святой Илия Евдик.

Точно: питаясь святою пищею смирения, можно пребывать в святом дому терпения. Когда же недостанет этой пищи, то душа выходит из дому терпения. Как вихрь, похищает ее смущение, уносит, кружит. Как волны, подымаются в ней различные страстные помыслы и ощущения, потопляют ее в глубине безрассудных и греховных размышлений, мечтаний, слов и поступков. Душа приходит в состояние расслабления, мрачного уныния, часто приближается к пропастям убийственного отчаяния и совершенного расстройства.

Хочешь ли неисходно пребывать в святом дому терпения? — Запасись пищею, необходимою для такого пребывания: стяжи и умножай в себе помышления и чувствования смиренные. Вид смирения, приуготовляющий к терпению скорбей пред пришествием их и способствующий к благодушному терпению скорбей по пришествии их, святыми Отцами назван *самоукорением*.

Самоукорение есть обвинение себя в греховности, общей всем человекам и в своей частной. При этом полезно вспоминать и исчислять свои нарушения Закона Божия, кроме блудных падений и преткновений, подробное воспоминание которых воспрещено Отцами как возобновляющее в человеке ощущение греха и услаждение им[3].

Самоукорение есть иноческое делание, есть умное делание, противопоставленное и противодействующее болезненному свойству

---

[1] Святой Исаак. Слово 48. ‖ [2] Цветособрание святого Илии, гл. 62. Добротолюбие. Ч. 4. ‖ [3] Филофея Синайского, гл. 13. Добротолюбие. Ч. 2.

падшего естества, по которому все люди, и самые явные грешники, стараются выказывать себя праведниками и доказывают свою праведность при помощи всевозможных ухищрений. Самоукорение есть насилие падшему естеству, как служит ему насилием молитва и прочие иноческие подвиги, которыми *Царствие Небесное нудится* и которыми *нуждницы восхищают е*[1]. Самоукорение имеет, при начале упражнения в нем, характер бессознательного механизма, то есть произносится языком без особенного сочувствия сердечного, даже в противность сердечному чувству; потом мало-помалу сердце начнет привлекаться к сочувствию словам самоукорения; наконец самоукорение будет произноситься от всей души, при обильном ощущении плача, умалит пред нами и закроет от нас все недостатки и согрешения ближних, примирит ко всем человекам и к обстоятельствам, соберет рассеянные по всему миру помыслы в делание покаяния, доставит внимательную, исполненную умиления молитву, воодушевит и вооружит непреодолимою силою терпения.

Смиренными мыслями самоосуждения исполнены все молитвословия Православной Церкви. Но иноки уделяют ежедневно часть времени на упражнение именно в самоукорении. Они стараются при посредстве его уверить, убедить себя, что они — грешники: падшее естество не хочет верить этому, не хочет усвоить себе этого познания. Вообще для всех иноков полезно самоукорение: и для новоначальных, и для преуспевших, и для пребывающих в общежитии, и для безмолвников. Для последних опаснейшая страсть, потребляющая все делание их, есть высокоумие[2]; так, напротив, основная для них добродетель, на которой зиждутся и держатся все прочие добродетели, есть самоукорение. Потому-то Авва безмолвников Нитрийских и сказал, что главнейшее делание их, по его усмотрению, есть постоянное самоукорение[3]. Самоукорение, достигнув полноты своей, искореняет окончательно злобу из сердца, искореняя из него совершенно лукавство и лицемерство, не престающие жить в сердце, доколе самооправдание обретает в нем место. Преподобный Пимен Великий сказал, что ненавидение лукавства заключается в том, когда человек оправдывает ближнего, а себя обвиняет во всяком случае[4]. Изречение это основано на словах Спасителя: Спаситель именовал всякого, осуждающего

---

[1] *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11. 12). || [2] Преподобных Варсонофия Великого и Иоанна ответ 311. || [3] Алфавитный патерик, об архиепископе Феофиле, и аввы Дорофея, поучение 7. || [4] Алфавитный патерик.

ближних, лицемером[1]. При самоукорении безмолвник увидит всех человеков святыми и Ангелами, а себя грешником из грешников, и погрузится, как в бездну, в постоянное умиление.

Превосходные образы самоукорения мы имеем в «Рыданиях» преподобного Исаии Отшельника и в 20-м Слове святого Исаака Сирского. Святой Исаак, которого книга вообще содержит наставления для безмолвников, сделал такое заглавие своему Слову: *Слово, содержащее в себе нужнейшее и полезнейшее повседневное напоминание безмолвствующему в келлии своей и произволяющему внимать единому себе.* «Некоторый брат, — говорит святой Исаак, — написал следующее и полагал это непрестанно пред собою в напоминание себе: “В безумии прожил ты жизнь твою, о посрамленный и достойный всякого зла человек! По крайней мере, охранись в этот день, оставшийся от дней твоих, принесенных в жертву суете, вне благой деятельности, обогатившихся деятельностию злою. Не вопроси об этом мире, ни о состоянии его, ни о монахах, ни о деятельности их, какова она, ниже о количестве подвига их, — не вдайся в попечение о чем-либо таком. Исшел ты из мира таинственно, вменился мертвым ради Христа: уже не живи более для мира, ниже для того, что принадлежит миру, да предварит тебя покой и да будешь жив о Христе. Будь готов и приуготовлен понести всякое поношение, всякую досаду, и поругание, и укоризну от всех. Прими все это с радостию, как точно достойный того. Претерпи с благодарением Богу всякую болезнь, всякую скорбь и беду от бесов, которых волю ты исполнял. Мужественно терпи всякую нужду и горесть, приключающиеся от естества. С упованием на Бога перенеси лишение потребностей тела, вскоре имеющих обратиться в гной. Это все восприими с благим произволением в надежде на Бога, не ожидая ни избавления, ни утешения от кого иного. *Возверзи на Господа* все попечение твое[2] и во всех искушениях твоих осуди себя самого как причину их. Не соблазнись ничем и не укори никого из оскорбляющих тебя, потому что ты вкусил от запрещенного древа и стяжал различные страсти. С радостию прими эти горести; пусть они потрясут тебя сколько-нибудь, чтоб ты усладился впоследствии. Горе тебе и злосмрадной славе твоей! душу твою, исполненную всякого греха, ты оставил без внимания, как бы неосужденную, а других осудил и словом, и помышлением. Оставь эту пищу свиней, которою ты доселе питаешься. Что тебе за дело до человеков, о скверный! Как же не стыдишься ты обще-

---

[1] Мф. 7. 5. ‖ [2] *Возложи на Господа...* (Пс. 54. 23).

ния с ними, проведши жизнь безумно! Если ты обратишь внимание на это и все это будешь помнить, то, может быть, спасешься при содействии Божием. Если же нет, то пойдешь в темную страну, в селения бесов, которых волю ты исполнял бесстыдно. Вот! Я засвидетельствовал тебе все это. Если Бог праведно воздвигнет на тебя человеков воздать тебе за досады и укоризны, которые ты помыслил и произносил против них, то весь мир навсегда должен восстать против тебя. Итак, отныне престань (действовать, как действовал доселе) и претерпевай попускаемые тебе воздаяния". — Все это напоминал себе брат ежедневно, чтоб находиться в состоянии претерпевать, с благодарением Богу и со своею душевною пользою, искушения или скорби, когда они придут. Будем и мы претерпевать с благодарением попускаемое нам и получать пользу благодатию человеколюбивого Бога». Самоукорение имеет то особенное, полезнейшее, таинственное свойство, что возбуждает в памяти и такие согрешения, которые были совершенно забыты или на которые не обращено было никакого внимания.

Упражнение в самоукорении вводит в навык укорять себя. Когда стяжавшего этот навык постигнет какая-либо скорбь, — тотчас в нем является действие навыка, и скорбь принимается как заслуженная. «Главная причина всякого смущения, — говорит преподобный авва Дорофей, — если мы тщательно исследуем, есть то, что мы не укоряем себя. Отсюда проистекает всякое расстройство; по этой причине мы никогда не находим спокойствия. Не удивительно, что слышим от всех святых: *нет иного пути, кроме этого*. Не видим, чтоб кто-либо из Святых, шествуя каким другим путем, нашел спокойствие! А мы хотим иметь его и держаться правого пути, никогда не желая укорять себя. Поистине, если человек совершит тьмы добродетелей, но не будет держаться этого пути, то никогда не престанет оскорбляться и оскорблять, губя этим все труды свои. Напротив того: укоряющий себя — всегда в радости, всегда в спокойствии. Укоряющий себя, куда бы ни пошел, как сказал и авва Пимен, что бы ни случилось с ним, вред ли, или бесчестие, или какая скорбь, уже предварительно считает себя достойным всего неприятного и никогда не смущается. Может ли быть что спокойнее этого состояния? Но скажет кто-либо: "Если брат оскорбляет меня, и я, рассмотрев себя, найду, что я не подал ему никакого повода к этому: то как могу укорять себя?" Поистине, если кто исследует себя со страхом Божиим, тот найдет, что он всячески подал повод или делом, или словом, или каким-либо образом. Если же и видит,

как говорит, что в настоящее время не подал никакого повода: то когда-нибудь прежде оскорбил его или другого брата в этом деле или в каком ином, и должен был пострадать за это или за какой другой грех, что часто бывает. Так! если кто рассмотрит себя, как я сказал, со страхом Божиим и исследует свою совесть, тот всячески найдет себя виноватым»[1]. — Чудное дело! начиная укорять себя машинально, насильно, мы достигаем наконец столько убеждающего нас и действующего на нас самоукорения, что при помощи его переносим не только обыкновенные скорби, но и величайшие бедствия. Искушения уже не имеют такой силы над тем, кто преуспевает, но по мере преуспеяния они становятся легче, хотя бы сами по себе были тяжелее. По мере преуспеяния крепнет душа и получает силу переносить случающееся[2]. Крепость подается, как бы особенно-питательною снедью углубившимся в сердце смирением. Эта-то крепость и есть терпение.

Несомненная вера в Промысл Божий утверждает в терпении и способствует самоукорению. *Не две ли птицы ценятся единым ассарием*, сказал Господь ученикам Своим, *и ни едина от них падет на земли, без Отца вашего. Вам же и власи главнии вси изочтени суть. Не убойтеся убо*[3]. Этими словами Спаситель мира изобразил то неусыпное попечение, которое имеет Бог и которое может иметь только один всемогущий и вездесущий Бог, о рабах и служителях Своих. Таким попечением Бога о нас мы избавлены от всякого малодушного попечения и страха о себе, внушаемых нам неверием. *Смиримся убо под крепкую руку Божию, да ны вознесет во время, всю печаль нашу возвергше Нань, яко Той печется о нас*[4]. Когда мы подвергаемся скорби, Бог видит это. Это совершается не только по Его попущению, но и по Его всесвятому промышлению о нас. Он попускает нам потомиться за грехи наши во времени, чтоб избавить нас от томления в вечности. Часто случается, что тайный и тяжкий грех наш остается неизвестным для человеков, остается без наказания, будучи прикрыт милосердием Божиим; в это же время или по истечении некоторого времени принуждены бываем пострадать сколько-нибудь вследствие клеветы или придирчивости, как бы напрасно и невинно. Совесть наша говорит нам, что мы страдаем за тайный грех наш! Милосердие Божие, покрывшее этот грех, дает нам средство

[1] Поучение 7, О самоукорении. ‖ [2] Там же. ‖ [3] *Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же* (Мф. 10. 29–31). ‖ [4] Ср.: *Смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время; все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас* (1 Пет. 5. 6–7).

увенчаться венцом невинных страдальцев за претерпение клеветы и вместе очиститься наказанием от тайного греха. Рассматривая это, прославим всесвятой Промысл Божий и смиримся пред ним.

Поучительный пример самоосуждения и самоукорения, соединенных с славословием праведных и многомилостивых Судеб Божиих, подали три святые иудейские отроки в плену и в пещи вавилонских. *Благословен еси, Боже отец наших*, говорили они, *хвально и прославлено имя Твое во веки. Яко праведен еси о всех, яже сотворил еси нам, и вся дела Твоя истинна, и прави путие Твои, и вси суди Твои истинны, и судьбы истинны сотворил еси по всем, яже навел еси на ны и на град святый отец наших Иерусалим: яко истиною и судом навел еси сия вся на ны грех ради наших. Яко согрешихом и беззаконовахом, отступивше от Тебе, и прегрешихом во всех*[1]. Святые отроки, за верность свою Истинному Богу ввергнутые в разожженную печь, и не сгорая, но пребывая в ней, как бы в прохладном чертоге, признавали и исповедовали себя согрешившими вместе с соотечественниками, которые действительно отступили от Бога. По любви к ближним они распространяли на себя согрешения ближних. По смирению, будучи святыми и праведниками, не захотели отделяться от братий, порабощенных греху. Из этого состояния, из состояния самоосуждения, смирения и любви к человечеству, из оправдания попущений Божиих, они уже принесли молитву Богу о спасении своем. Так и мы будем славословить Промысл Божий и исповедать греховность нашу при всех встречающихся напастях, и наших частных, и общественных, — на основании этих славословия и исповедания умолять Бога о помиловании. Священное Писание свидетельствует, что рабам Божиим, шествующим путем заповедей Божиих, посылаются особенные скорби в помощь их деятельности, как и Спаситель мира сказал, что Отец Небесный *всякую розгу, творящую плод* о Христе, *очищает, да множайший плод принесет*[2]. Эти очистительные скорби именуются попущениями, или судьбами Божиими; о них воспел святой Давид: *Судьбы Господни истинны, оправданны вкупе*[3]. *Судьбам Твоим научи мя!* Пусть узнаю и уверюсь, что все случающееся со мною горькое случается по Промыслу Божию, по воле Бога моего! Тогда познаю и то, что *судьбы Твоя помогут мне* в немощном и недостаточном моем богоугождении[4].

---

[1] Дан. 3. 26–29. ‖ [2] *...всякую* ветвь, *приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода* (Ин. 15. 2). ‖ [3] *Суды Господни — истина, все праведны* (Пс. 18. 10). ‖ [4] *...судам Твоим научи меня! ...суды Твои помогут мне* (Пс. 118. 108, 175).

В пример того, каким образом судьбы Божии вспомоществуют рабам Божиим, желающим благоугодить Богу, как они возводят их к той святой деятельности, к которой они никак не достигли бы без помощи судеб Божиих, приведем события с константинопольским вельможею Ксенофонтом, с его супругою и двумя сыновьями. Богатый и знаменитый Ксенофонт проводил жизнь самую благочестивую, какую общее благочестие христиан того времени соделывало возможной посреди мира и какую ныне можно проводить разве только в удалении от мира. Он желал, чтоб два сына были наследниками и имущества его, и положения при дворе императорском, и благочестия. Тогда славилось училище в сирийском Вирите (нынешнем Бейруте). Туда Ксенофонт отправил детей своих для изучения премудрости века сего. Путь из Константинополя в Вирит — морем. Однажды сыновья, посетив отца по случаю его опасной болезни, возвращались к училищу. Внезапно поднялась сильнейшая буря на Средиземном море, корабль разбило, оба юноши были выкинуты волнами в разных местах на берега Палестины. В таковом бедственном положении, напитанные с детства помышлениями и влечениями благочестивыми, сыновья Ксенофонта признали в постигшей скорби призвание Божие к монашеской жизни и, как бы по взаимному соглашению, поступили в палестинские монастыри. По прошествии значительного времени они встретились друг с другом; по прошествии значительного времени Ксенофонт узнал, что корабль, на котором ехали его дети, разбит бурею и что все находившиеся на корабле пропали без вести. Глубоко огорченный отец прибегнул к молитве; после всенощного келейного бдения он получил Божественное откровение, что сыновей его осеняет особенная милость и благодать Божия. Поняв из этого, что они приняли монашество, зная, что в Палестине, против берегов которой корабль претерпел крушение, находится монастырей многое множество, Ксенофонт с супругою отправился в Иерусалим: там он увидел сыновей, и уже не возвратился в Константинополь. Из Иерусалима он распорядился имуществом, которое было продано: деньги, вырученные за него, розданы монастырям, церквам и нищим. Ксенофонт и Мария (так называлась его супруга) последовали примеру сыновей своих, Иоанна и Аркадия, вступили в монашество, в котором и родители, и дети достигли великого духовного преуспеяния[1]. Они никак не сподобились бы его, если б пребыли в мирской жизни, хотя и весьма благочестивой. Бог, про-

[1] Четьи-Минеи, 26 января.

зирая их преуспеяние, привел к нему неисповедимыми судьбами Своими. Путь судеб Божиих горек, как засвидетельствовал святой Апостол: *Егоже любит Господь наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет*[1]. Последствия судеб Божиих вожделенны, неоценимы. Из жизнеописаний многих других избранников Божиих убеждаемся, что Бог посылает в помощь благому деланию рабов Своих скорби, ими очищает и совершает это делание. Одно собственное делание человека недостаточно, как замечает преподобный Симеон Новый Богослов. «Золото, — говорит он, — покрывшееся ржавчиною, не может иначе очиститься и возвратить естественную светлость, как будучи ввергнуто в огонь и тщательно выковано молотами: так и душа, осквернившаяся ржавчиною греха и соделавшаяся вполне непотребною, не может иначе очиститься и восприять древнюю красоту, если не пребудет во многих искушениях и не вступит в горнило скорбей. Это изъявляется и словами Господа нашего: *Продаждь имение твое, и возми крест твой, и гряди во след Мене*[2]. Здесь крестом знаменуются искушения и скорби. Раздать свое имение и вместе не подвизаться мужественно против случающихся искушений и скорбей — служит, по моему мнению, признаком души нерадивой, не ведающей своей пользы: потому что от одного отвержения имений и вещей ничего не приобретут отвергающие их, если не претерпят до конца в искушениях и скорбях ради Бога. Не сказал Христос: «в отложении вещей ваших», но: *в терпении вашем стяжите души ваши*. Явно, что раздаяние имений и бегство от мира похвально и полезно; но оно одно, само по себе, без терпения, искушений не может соделать человека совершенным по Богу... Расточивший нуждающимся имение и удалившийся от мира и вещества кичится с великим услаждением в совести своей об уповании мзды, и иногда тщеславием выкрадывается самая мзда. Кто ж, по раздаянии всего убогим, претерпевает печали с благодарением души и жительствует посреди скорбей, тот вкушает всякую горесть и болезненный труд, а мзда его пребывает неокраденною; его ожидает великое воздаяние в этом и будущем веке, как подражателя Христовым страданиям, как пострадавшего с Ним во дни наведения искушений и скорбей. И потому умоляю вас, братия о Христе, постараемся по слову Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, как отверглись мы мира и всего, что принадлежит

---

[1] *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12. 6). || [2] *Все, что имеешь, продай... и последуй за Мною, взяв крест* (Мф. 19. 21; Мк. 10. 21).

миру, так и пройти сквозь *тесные врата*[1], заключающиеся в отсечении нашего плотского мудрования и воли, в бегстве от них: потому что без умерщвления для плоти, для похотей ее и воли, невозможно получить отраду, избавление от страстей и свободу, являющуюся в нас из утешения, производимого Святым Духом»[2]. Отчего мы не желаем подвергнуться скорбям, которые попускаются нам Промыслом Божиим во спасение душ наших, к которым призывает нас Сам Бог? — Оттого, что над нами господствуют сластолюбие и тщеславие: по внушению первого мы не хотим утеснять наше тело; по внушению второго мы дорожим человеческим мнением. Обе эти страсти попираются живою верою, так как, напротив, действуют по причине неверия. На вопрос преподобного аввы Дорофея: «Что мне делать? я боюсь стыда бесчестий» — святой Иоанн Пророк отвечал: «Не переносить бесчестия есть дело неверия. Брат! Иисус сделался человеком и перенес бесчестия: неужели ты больше Иисуса? Это — неверие и бесовская прелесть. Кто желает смирения, как говорит, и не перенесет бесчестия, тот не может приобрести смирения. Вот, ты услышал истинное учение: не пренебреги им. Иначе пренебрежет и тебя дело. О стыде. Приводя себе на память всенародный стыд пред Господом, который постигнет грешников, ты вменишь временный стыд ни во что»[3]. Вообще памятование вездесущия и всемогущества Божия удерживает сердце от того колебания, в которое усиливаются привести его помыслы неверия, опираясь на тщеславие и неправильную любовь к телу. Сказал святой пророк Давид: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся. Сего ради возвеселися сердце мое, и возрадовася язык мой: еще же и плоть моя вселится на уповании!*[4] *Возвесилися сердце мое* от действия веры и смирения! Слова славословия Бога и самоукорения доставляют радость устам и языку! Самая плоть моя ощущает силу нетления, входящую и изливающуюся в нее из ощущений сердца сокрушенного и смиренного, утешенного и утешаемого Богом!

Если никакое искушение не может коснуться человека без воли Божией, то жалобы, ропот, огорчение, оправдание себя, обвинение ближних и обстоятельств суть движения души против воли Божией, суть покушения воспротивиться и противодействовать Богу[5]. Устра-

[1] Лк. 13. 24. ‖ [2] Слово 4, издание 1852 года. ‖ [3] Ответ 304. ‖ [4] *Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь. Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании* (Пс. 15. 8–9). ‖ [5] Святого Петра Дамаскина, кн. 1. Добротолюбие. Ч. 3.

шимся этого бедствия! Размышляя о какой бы то ни было скорби нашей, не будем умедлять в размышлении, чтоб оно неприметным образом не отвлекло нас от смиренномудрия в явное или прикрытое самооправдание, в состояние, противное смотрению о нас Божию. Не доверяя немощи нашей, прибегнем скорее к верному оружию самоукорения! На двух крестах близ Спасителя были распяты два разбойника. Один из них злоречил и хулил Господа; другой признал себя достойным казни за злодеяния свои, а Господа страдальцем невинным. Внезапно самоукорение отверзло ему сердечные очи, и он в невинном страдальце-человеке увидел страждущего за человечество Всесвятого Бога. Этого не видели ни ученые, ни священники, ни архиереи иудейские, несмотря на то что почивали на Законе Божием и тщательно изучали его по букве. Разбойник делается богословом и пред лицом всех, признававших себя мудрыми и могущественными, насмехавшихся над Господом, исповедует Его, попирая своим святым мнением ошибочное мнение мудрых о себе и сильных собою. Разбойника-хулителя грех богохульства, тягчайший всех прочих грехов, низвел во ад, усугубил там для него вечную муку. Разбойника, пришедшего при посредстве искреннего самоосуждения к истинному богопознанию, исповедание Искупителя, свойственное и возможное одним смиренным, ввело в рай. Тот же крест — у обоих разбойников! противоположные помышления, чувствования, слова были причиною противоположных последствий. Со всею справедливостию эти два разбойника служат образом всего человечества[1]: каждый человек, истратив свою жизнь неправильно, в противность назначению Божию, во вред своему спасению и блаженству в вечности, есть по отношению к самому себе и тать, и разбойник, и убийца. Этому злодею посылается крест как последнее средство к спасению, чтоб злодей, исповедав свои преступления и признав себя достойным казни, удержал за собою спасение, дарованное Богом. Для облегчения страданий и доставления утешений духовных при распятии и пребывании на кресте распят и повешен на Древе крестном вочеловечившийся Бог близ распятого человека. Ропщущий, жалующийся, негодующий на свои скорби окончательно отвергает свое спасение: не познав и не исповедав Спасителя, он низвергается во ад, в вечные и бесплодные муки, как вполне отчуждившийся, отвергшийся Бога. Напротив того, открывающий посредством самоукорения свою греховность, признающий себя достойным временных и вечных казней — входит

[1] Преподобный Исаия Отшельник. Слово 8, гл. 2.

мало-помалу самоукорением в деятельное и живое познание Искупителя, которое есть *живот вечный*[1]. Распятому на кресте по воле Божией, славословящему Бога с креста своего открывается *таинство Креста* и вместе с этим таинством таинство искупления человеков Богочеловеком. Таков плод самоукорения. По отношению к всемогущей и всесвятой воле Божией не может быть иных соответствующих чувств в человеке, кроме неограниченного благоговения и столько же неограниченной покорности. Из этих чувств, когда они сделаются достоянием человека, составляется *терпение*.

Господь наш Иисус Христос, Царь неба и земли, пришедши для спасения рода человеческого с неоспоримыми доказательствами Своего Божества, с беспредельною властию над всею видимою и невидимою тварию, не только не был принят человеками с подобающею Ему славою и честию, но и встречен ненавистию, подозрением, замыслами убийственными; во все время земного странствования был преследуем клеветою, злословием, придирчивостию, лукавством; наконец схвачен, как преступник, во время ночной молитвы Своей, связан, влачим с насилием, представлен на суд, решившийся прежде суда на убийство, подвергнут насмеянию, заушениям, заплеваниям, разнообразным терзаниям и пыткам, смерти на Кресте, смерти бесчестной — уголовных преступников. Стоит безмолвно и неподвижно кроткий агнец пред стригущим его: так стоял Господь пред безбожными судиями Своими и бесчеловечными убийцами, Божественным молчанием отвечая на дерзкие вопросы, клеветы и поругания. Самоосуждение и самоукорение были несвойственны Ему, не причастному грехов: Он прикрыл Свою Божественную правду, чтоб мы, самоосуждением и самоукорением отрицаясь от нашей поддельной, мнимой правды, могли соделываться причастниками Его правды всесвятой и всесовершенной. Ни правда падшего естества, ни правда закона Моисеева не могли ввести нас в утраченное вечное блаженство: вводит в него правда Евангелия и Креста. Нет совершенного между человеками по добродетелям человеческим: к совершенству христианскому приводит Крест Христов и печатлеет это совершенство, даруемое Духом Святым. Смирение возвело Господа на Крест, и учеников Христовых смирение возводит на крест, который есть святое *терпение*, непостижимое для плотских умов, как было непонятным молчание Иисуса для Ирода, понтийского Пилата и иудейских архиереев. — Будем молить Господа, чтоб Он открыл нам таинство

[1] *Жизнь вечная* (Ин. 17. 3).

и даровал любовь Креста Своего, чтоб сподобил нас претерпеть должным образом все скорби, которые попустятся нам всеблагим Божиим Промыслом во времени для спасения нашего и блаженства в вечности. Господь обетовал нам: *Претерпевый до конца, той спасется*[1]. Аминь.

Молитва преследуемого человеками

Благодарю Тебя, Господь и Бог мой, за все совершившееся надо мною! Благодарю Тебя за все скорби и искушения, которые посылал Ты мне для очищения оскверненных грехами, для исцеления изъязвленных грехами моих души и тела!

Помилуй и спаси те орудия, которые Ты употреблял для моего врачевания: тех людей, которые наносили мне оскорбления. Благослови их в этом и будущем веке! Вмени им в добродетели то, что они делали для меня! Назначь им из вечных Твоих сокровищ обильные награды.

Что ж я приносил Тебе? Какие благоугодные жертвы? – Я приносил одни грехи, одни нарушения Твоих Божественнейших заповеданий. Прости меня, Господи, прости виновного пред Тобою и пред человеками! Прости безответного! Даруй мне увериться и искренно сознаться, что я грешник! Даруй мне отвергнуть лукавые оправдания! Даруй мне покаяние! Даруй мне сокрушение сердца! Даруй мне кротость и смирение! Даруй любовь к ближним, любовь непорочную, одинаковую ко всем, и утешающим и оскорбляющим меня! Даруй мне терпение во всех скорбях моих! Умертви меня для мира! Отыми от меня мою греховную волю и насади в сердце мое Твою святую волю; да творю ее единую и делами, и словами, и помышлениями, и чувствованиями моими.

Тебе за все подобает слава! Тебе единому принадлежит слава! Мое единственное достояние – стыдение лица и молчание уст. Предстоя страшному суду Твоему в убогой молитве моей, не обретаю в себе ни единого доброго дела, ни единого достоинства и предстою, лишь объятый отвсюду бесчисленным множеством грехов моих, как бы густым облаком и мглой, с единым утешением в душе моей: с упованием на неограниченную милость и благость Твою. Аминь.

---

[1] *Претерпевший до конца спасется* (Мф. 24. 13).

Кладбище

После многих лет отсутствия посетил я то живописное село, в котором я родился. Давно-давно принадлежит оно нашей фамилии. Там — величественное кладбище, осеняемое вековыми древами. Под широкими развесами дерев лежат прахи тех, которые их насадили. Я пришел на кладбище. Раздались над могилами песни плачевные, песни утешительные священной панихиды. Ветер ходил по вершинам дерев; шумели их листья; шум этот сливался с голосами поющих священнослужителей.

Услышал я имена почивших — живых для моего сердца. Перечислялись имена: моей матери, братьев и сестер, моих дедов и прадедов отшедших. Какое уединение на кладбище! какая чудная, священная тишина! сколько воспоминаний! какая странная, многолетняя жизнь! Я внимал вдохновенным, Божественным песнопениям панихиды. Сперва объяло меня одно чувство печали; потом оно начало облегчаться постепенно. К окончанию панихиды тихое утешение заменило собою глубокую печаль: церковные молитвы растворили живое воспоминание о умерших духовным услаждением. Они возвещали воскресение, ожидающее умерших! они возвещали жизнь их, привлекали к этой жизни блаженство.

Могилы праотцов моих ограждены кругом вековых дерев. Широко раскинувшиеся ветви образовали сень над могилами: под сенью покоится многочисленное семейство. Лежат тут прахи многих поколений. Земля, земля! сменяются на поверхности твоей поколения человеческие, как на деревьях листья. Мило зеленеют, утешительно, невинно шумят эти листочки, приводимые в движение тихим дыханием весеннего ветра. Придет на них осень: они пожелтеют, спадут с дерев на могилы, истлеют на них. При наступлении весны другие листочки будут красоваться на ветвях, и также — только в течение краткой чреды своей, также увянут, исчезнут.

Что наша жизнь? Почти то же, что жизнь листка на древе!

20 мая 1848 года
Село Покровское Вологодской губернии

Житейское море

Пред взорами моими — величественное море. Оно на севере по большей части пасмурно и бурно; бывает же по временам и прекрасно. Обширное море! глубокое море! Привлекаешь ты к себе и взоры и думы. Безотчетливо гляжу подолгу на море. Нет разнообразия в этом зрелище; но взор и мысли не могут оторваться от него: как бы плавают по пространному морю, как бы погружаются в него, как бы тонут в нем. Какое в недрах моря хранится вдохновение! Какая чувствуется полнота в душе, когда глаза насладятся и насытятся созерцанием моря! Посмотрим, друзья, посмотрим на море из нашего монастырского приюта, поставленного рукою Промысла Божия у моря.

За морем — другое море: столица могучего Севера. Великолепен вид ее чрез море, с морского берега, на котором расположена обитель преподобного Сергия[1]. Это море — участок знаменитого Бельта. Широко расстилается оно, хрустальное, серебряное, между отлогими берегами. Замкнуто оно Кронштадтом, за которым беспредельность моря сливается с беспредельностию неба.

Воспевал некогда святой Давид *море великое и пространное. Тамо гади, ихже несть числа*, говорит он, *животная малая с великими, рыбы морския, преходящия стези морския; тамо корабли преплавают, змий сей, егоже создал еси ругатися ему*[2]. Таинственное значение имеют слова Давида. Объясняют это значение святые Отцы. Морем назван мир; бесчисленными животными и рыбами, которыми наполнено море, названы люди всех возрастов, народностей, званий, служащие греху; кораблями вообще названа Святая Церковь, в частности, названы истинные христиане, побеждающие мир. Змеем, живущим в море, назван падший ангел, низвергнутый с неба на землю[3].

Несется Святая Церковь по водам житейского моря в продолжение всего земного странствования своего, чрез столетия, чрез тысячелетия. Принадлежа к миру по вещественному положению, она не принадлежит к нему по духу, как и Господь сказал Церкви в лице Апостолов: *От мира несте, но Аз избрах вы от мира*[4]: по телу, по потребностям тела, вы принадлежите миру; по духу вы чужды

---

[1] Сергиева пустыня. ‖ [2] *Море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с бо́льшими. Там плавают корабли, там этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нем* (Пс. 103. 25–26; 8. 9). ‖ [3] Псалтирь с толкованиями на брезе, заимствованными из святых Отцов, издания Киево-Печерской Лавры. ‖ [4] *Вы не от мира, но Я избрал вас от мира* (Ин. 15. 19).

мира, потому что принадлежите Богу, Которого *мир возненавидел*[1]. Несется Святая Церковь по волнам житейского моря и пребывает превыше волн его Божественным учением, содержа в недре своем истинное Богопознание, истинное познание о человеке, о добре и зле, о мире вещественном и временном, о мире духовном и вечном. Все истинные христиане по всей вселенной принадлежат единой истинной Церкви и, содержа ее учение в полноте и чистоте, составляют то собрание кораблей, которое преплывает житейское море, не погружаясь в темных глубинах его.

Странствует по водам житейского моря, стремится к вечности каждый истинный христианин. На море вещественном не может быть постоянного жилища; на нем живет одно странствование: и на море житейском нет ничего постоянного, нет ничего, что оставалось бы собственностию человека навсегда, сопутствовало ему за гроб. Одни добрые дела его и грехи его идут с ним в вечность. Нагим вступает он в земную жизнь, а выходит из нее, покинув и тело. Не видят этого рабы мира, рабы греха: видит это истинный христианин. Он может быть уподоблен великому кораблю, преисполненному духовными разнообразными сокровищами, непрестанно приумножающему их на пути своем. Богатств этих мир вместить не может — так они велики. Так драгоценны эти богатства, что все богатства мира в сравнении с ними — ничто. Завидует мир этим богатствам, дышит ненавистию к стяжавшему их. Корабль, несмотря на прочность построения и на величину свою, наветуется противными ветрами, бурями, подводными камнями, мелями: каждый христианин, несмотря на то что он облечен во Христа, должен совершить земное странствование среди многочисленных опасностей. Все, без всякого исключения, хотящие спастись, *гонимы будут*[2]. Стремится корабль к пристани; по пути останавливается только на кратчайшее время, при крайней нужде. И мы должны всеусильно стремиться к небу, в вечность. Ни к чему временному не будем пристращаться сердцем! Да не *прильпнет* душа наша к чему-нибудь земному, да не *прильпнет* она по действию живущего в нас самообольщения, по действию окружающего нас самообольщения! Падением нашим *смирися в персть душа наша*, получила влечение ко всему тленному, *прильпе земли утроба наша*[3], наша духовная сущность, вместо того чтоб ей стремиться к небу и в вечность. Земные служения наши, наши земные обязанности будем нести как

---

[1] Ин. 15. 18. ‖ [2] 2 Тим. 3. 12. ‖ [3] *Ибо унижена в прах душа наша, и на землю повержено тело наше* (Пс. 43. 26).

возложенные на нас Богом, исполняя их как бы пред взорами Бога, добросовестно, с усердием, приготовляясь отдать отчет в исполнении их Богу. Да не окрадывают, да не оскверняют этих служений греховные побуждения и цели! Дела земные будем совершать с целию богоугождения, и дела земные соделаются делами небесными. Главным и существенным занятием нашим да будет служение Богу, стремление усвоиться Ему. Служение Богу заключается в непрестанном памятовании Бога и Его велений, в исполнении этих велений всем поведением своим, видимым и невидимым.

Управляет кораблем кормчий: он постоянно думает о пристани, в которую должен быть доставлен груз корабля; он постоянно заботится, чтоб не сбиться с пути в море, на котором и повсюду путь, и нет путей. То глядит он на небо, на светила его, то на ландкарту и компас, — соображаясь с тем и другим, направляет корабль. Человеком управляет ум его. И на житейском море нет путей; повсюду путь на нем для истинного христианина. Никому не известно, какие встретят его обстоятельства в будущем, какие встретят чрез день, чрез час. По большей части встречается с нами непредвиденное и неожиданное. На постоянство попутного ветра невозможно полагаться: дует он иногда долго, но чаще того внезапно превращается в противный, заменяется ужасною бурею. Для христианина повсюду путь: он верует, что все совершающееся с ним совершается по воле Бога. Для христианина и противный ветер бывает попутным: покорность воле Божией примиряет его с положениями самыми тягостными, самыми горькими. Ум наш должен непрестанно устремлять взоры на духовное небо — Евангелие, из которого, подобно солнцу, сияет учение Христово; он должен постоянно наблюдать за сердцем, за совестию, за деятельностию внутреннею и внешнею. Пусть этот кормчий стремится неуклонно к блаженной вечности, памятуя, что забвение о вечном блаженстве приводит к вечному бедствию. Пусть ум воздерживает сердце от увлечения пристрастием к суетному и тленному, от охлаждения ради тления к нетленному, ради суетного к истинному и существенному. Пусть присматривается он часто, как бы к компасной стрелке, к совести, чтоб не принять направления, несогласного с направлением, указываемым совестию. Пусть руководит он всю деятельность благоугодно Богу, чтоб заоблачная пристань вечности отверзла врата свои и впустила в недро свое корабль, обремененный духовными сокровищами.

Не устрашимся бурь житейского моря. Восходят волны его до небес, нисходят до бездн; но живая вера не попускает христианину

потонуть в волнах свирепых. Вера возбуждает спящего на корме Спасителя, Который, в таинственном значении, представляется спящим для преплывающих житейское море учеников Его, когда сами они погрузятся в нерадение: вера вопиет к Спасителю пламенною молитвою из сердца смиренного, из сердца, болезнующего о греховности и немощи человеческой, просит помощи, избавления — получает их. Господь и Владыка всего воспрещает ветрам и морю, водворяет в море и в воздухе *тишину велию*[1]. Вера, искушенная бурею ветра, ощущает себя окрепшею: с новыми силами, с новым мужеством приготовляется она к новым подвигам.

Не будем доверять тишине житейского моря: тишина эта — обманчива; море изменчиво. Не позволим себе предаться беспечности: корабль неожиданно может попасть на мель или удариться о неприметный подводный камень, покрытый нежною струйкою, — удариться и получить жестокое повреждение. Иногда набежит ничтожное по-видимому облачко: внезапно начинает извергать из себя вихри, громы, молнию, и закипело притворно-тихое море опасною бурею. Преисполнена жизнь наша скорбей, превратностей, искушений. Наветует нас ум наш: этот путеводитель нередко сам сбивается с пути и всю жизнь нашу увлекает за собою в заблуждение. Наветует нас сердце наше, склоняясь к исполнению своих собственных внушений, устраняясь от исполнения воли Божией. Наветует нас грех: и тот грех, который насажден в нас падением, и тот, который действует на нас из окружающих нас отвсюду соблазнов. Наветует нас мир, служащий суете и тлению, усиливающийся склонить всех к этому служению и при посредстве ласкательства, и при посредстве гонения. Наветуют нас враги — падшие духи; наветуют нас обладаемые ими, поработившиеся им человеки. Часто самые друзья произвольно и невольно соделываются нашими наветниками. Господь заповедал нам непрестанно бодрствовать над собою, упражняясь в добродетелях, ограждаясь от греха Словом Божиим, молитвою, верою, смирением.

Кто — *животныя великия*, пасущиеся в необъятном пространстве житейского моря? Ни для себя, ни для кого другого не хотел бы я сходства с этими исполинами моря, у которых одна отрада: темные глубины, густо покрытые водою, куда не досягают лучи солнца; там они живут, там пребывают, выходя по временам оттуда для добычи, для поддержания своей жизни убийством многочисленных жертв. Их влажные, дикие взоры не терпят, не выносят никакого

---

[1] *Тишину великую* (см.: Мф. 8. 26).

света. Под именем их Писание разумеет людей, великих по способностям, познаниям, богатству, могуществу, но — увы! — привязанных всею душою к суете и тлению. Сердце и мысли их направлены исключительно к снисканию земного славного, земного сладостного. Они утонули, погрязли в море житейском, гоняются за одним временным, минутным, за одними призраками: *преходят они*, говорит Писание, *стези морския*[1]. Странны эти стези! Следы их исчезают вслед за проходящими по ним, и для проходящих нет впереди никакого знака стези. Таково земное преуспеяние: не знает оно, чего ищет; сыскав желанное, уже как бы не имеет его; снова желает, ищет снова. Тяжел, несносен для сынов мира свет учения Христова. Бегут они от него в темные, глухие пропасти: в рассеянность, в многообразное развлечение, в плотские увеселения. Там, в нравственном мраке, проводят они земную жизнь, без духовной, вечной цели. Таких человеков Писание не удостаивает имени человеков: *человек, в чести сый, не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им*[2]. «Человек — тот, кто познал себя», — сказал преподобный Пимен Великий[3]; человек — тот, кто познал свое значение, свое состояние, свое назначение. *Малыми животными* моря названы люди, не одаренные особенными способностями, не наделенные богатством, могуществом, но и в таком положении служащие суете и греху. Они не имеют средств к совершению обширных и громких злодеяний; но, руководимые, увлекаемые, ослепляемые поврежденным злобою произволением своим, принимают участие в беззакониях, совершаемых животными великими, — сами совершают беззакония, соответственно силам и средствам своим. Они скитаются в житейском море бессознательно, без цели. Змей — *царь всем, сущим в водах*[4] *змий сей, егоже создал еси ругатися ему*[5]. Змеем назван падший ангел, по обилию злобы и лукавства, живущих в нем. Он действует по возможности тайно, чтоб действие, будучи малоприметным, было тем вернее, убийственнее. Рабы его не чувствуют цепей, которыми окованы отовсюду, — и рабство гибельное величают именем свободы и высшего счастия. Посмеиваются этому змею истинные христиане, усматривая козни его чистотою ума, попирая их силою Божественной благодати, осенившей души их. — Будем подобны кораблям, стройно плывущим по морю! И их

[1] *Преходят они морскими стезями* (Пс. 8. 9). ‖ [2] *Человек, достигший почета, не вразумился, уподобился он скоту несмысленному и сравнялся с ним* (Пс. 48. 13). ‖ [3] Алфавитный патерик и «Достопамятные сказания». ‖ [4] *Нет на земле подобного ему* (Иов. 41. 25). ‖ [5] *Этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нем* (Пс. 103. 26).

значительная часть в воде; но они не погружены всецело в воду, как погружены в ней рыбы и прочие морские животные. Невозможно, невозможно преплывающему житейское море не омочиться водами его: не должно погрязать в водах его.

В море — *бесчисленное множество гадов*. Что сказать о них? Уже одним наименованием сказывается все. Несчастна доля тех, которых Слово Божие лишило наименования человеков, низвело к наименованию бессловесных животных: сколько несчастнее те, которых оно, Всесвятое Слово, Судия вселенной, запечатлело наименованием гадов? Не глубокие воды — постоянное жилище их и наслаждение, но зловонная и грязная тина, в которую приносятся разъяренною волной и в которой увязают все нечистоты, в которую приносятся и в которой истлевают трупы людей, погибших от морских злоключений, от кинжала пиратов житейского моря.

Братия мои! друзья мои! Стою с вами на берегу моря, смотрю на море, исчерченное разноцветными полосами. За морем — другое море с горящими золотыми куполами и шпилями... Между тем в храме Божием возглашается величественная многознаменательная песнь: *Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве*[1].

Слово утешения к скорбящим инокам[2]

Чадо, говорит Писание, *аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое, и потерпи. Все, елико нанесено ти будет, приими, и во изменении сердца твоего долготерпи*[3].

Скорби были от начала века знамением избрания Божия. Они были знамением богоугождения для патриархов, пророков, апостолов, мучеников, преподобных. Все святые прошли тесным путем искушений и скорбей, терпением их принесли себя в благоприятную жертву Богу.

И ныне святым душам попускаются, по воле Божией, различные напасти, чтоб любовь их к Богу открылась во всей ясности.

Ничего не случается с человеком без соизволения и попущения Божия.

[1] 6-я песнь 6-го гласа. ‖ [2] Эта статья заимствована преимущественно из 7-го слова преподобного Макария Великого. См. гл. 13–18. ‖ [3] Сир. 2. 1, 2, 4.

Христианин, желающий быть последователем Господа нашего Иисуса Христа и соделаться по благодати сыном Божиим, рожденным от Духа, прежде всего должен положить себе за правило, вменить себе в непременную обязанность благодушное терпение всех скорбей: и телесных страданий, и обид от человеков, и наветов от демонов, и самого восстания собственных страстей своих.

Христианин, желающий благоугодить Богу, более всего нуждается в терпении и твердом уповании на Бога. Он должен непрестанно держать это оружие в мысленной деснице, потому что лукавый враг наш, диавол, со своей стороны, употребляет все средства, чтоб во время скорби ввергнуть нас в уныние и похитить у нас упование на Господа.

Бог никогда не попускает на истинных рабов Своих искушения, превышающего их силы. *Верен Бог*, говорит святой апостол Павел, *Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие* (избавление), *яко возмощи вам понести*[1].

Диавол, будучи создание и раб Божий, озлобляет душу не столько, сколько хочет, но сколько дозволено будет Богом.

Если человекам не неизвестно, какую тяжесть может носить различный вьючный скот, то тем более бесконечная Божия Премудрость ведает, какой меры искушение прилично каждой душе.

Скудельник знает, сколько времени должно держать в огне глиняные сосуды, которые, будучи передержаны, расседаются, а будучи недодержаны, негодны к употреблению: тем более знает Бог, какой силы и степени нужен огнь искушений для словесных сосудов Божиих — христиан, чтоб они соделались свободными к наследованию Царства Небесного.

Отрок неспособен к отправлению служений в мире: он неспособен к управлению домом, к возделыванию земли и к прочим житейским занятиям. Так часто и души, будучи уже причастницами Божественной благодати, но не искушенные скорбями, наносимыми от злых духов, не свидетельствованные этими скорбями, пребывают еще в младенчестве и, так сказать, неспособны к Царству Небесному.

Аще без наказания есте, говорит Апостол, *емуже причастницы быша вси: убо прелюбодейчищи есте, а не сынове*[2].

---

[1] *Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так, чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10. 13). ‖
[2] *Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы — незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12. 8).

Искушения и скорби ниспосылаются человеку для его пользы: образованная ими душа делается сильною, честною пред Господом своим. Если она претерпит все до конца в уповании на Бога, то невозможно ей лишиться благ, обещанных Святым Духом, и совершенного освобождения от страстей.

Души, будучи преданы различным скорбям, явным, наносимым человеками, или тайным, от восстания в уме непотребных помыслов, или телесным болезням, если все это претерпят до конца, то сподобляются одинаковых венцов с мучениками и одинакового с ними дерзновения.

Мученики терпели напасти от человеков. Они охотно предавали себя на мучения, оказывали до самой смерти мужественное терпение. Чем разнообразнее и тяжелее был подвиг их, тем бóльшую стяжавали они славу, тем бóльшее получали дерзновение к Богу. Иноки терпят напасти от злых духов. Чем бóльшие напасти наносит им диавол, тем бóльшую славу они получат в будущем веке от Бога, тем бóльшего утешения они сподобятся от Святого Духа здесь, во время земного странствования, среди самых страданий своих.

Тесен и прискорбен путь, ведущий в живот вечный; мало ходящих по нему; но он — неотъемлемое и неизбежное достояние всех спасающихся. Не должно уклоняться с него! Всякое искушение, наносимое нам диаволом, будем претерпевать с твердостию и постоянством, взирая оком веры на мздовоздаяние, уготованное на небе.

Каким бы ни подвергались мы скорбям во время земной жизни, они никак не могут быть сравнены с благами, обещанными нам в вечности, или с утешением, которое дарует Дух Святый еще здесь, или с избавлением от владычества страстей, или с отпущением множества долгов наших — с этими неминуемыми следствиями благодушного терпения скорбей.

Недостойны страсти нынешняго времени, то есть нынешние временные страдания ничего не значат, говорит Апостол, *к хотящей славе явитися в нас*, то есть в сравнении со славою, которая откроется в нас при обновлении нас Святым Духом[1].

Мужественно претерпим все ради Господа, как следует претерпеть храбрым воинам, не страшащимся и смерти за Царя своего.

Почему мы не подвергались таким и толиким огорчениям, когда служили миру и житейским попечениям? Почему теперь, когда

[1] *Нынешние временные страдания ничего не стóят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8. 18).

приступили служить Богу, подвергаемся многообразным бедствиям? — Знай: за Христа сыплются на нас скорби, как стрелы. Пускает их на нас враг наш, диавол, чтобы ими отмстить нам за вечные блага, которые уповаем и стараемся получить, — вместе чтоб расслабить наши души печалию, унынием, леностию и тем лишить нас ожидаемого нами блаженства.

Христос невидимо сражается за нас. Этот крепкий и непобедимый Заступник наш разрушает все козни и ухищрения врага нашего.

Сам Он, Сам Он, Господь и Спаситель наш, шел во время всей земной жизни Своей по тесному и прискорбному пути — не по другому какому. Он был постоянно гоним, претерпел многие поношения, насмешки и напасти, — наконец бесчестную смерть на Кресте между двумя разбойниками.

Последуем Христу! Смиримся подобно Ему! подобно Ему не откажемся прослыть льстецами и умоисступленными: не пощадим чести нашей, не отвратим лица от заплеваний и ланит от заушений; не будем искать ни славы, ни красоты, ни наслаждений, принадлежащих миру сему; совершим земное странствование, как странники, не имеющие, где главу подклонить; примем, примем поношения, уничижения и презрение от людей как неотъемлемые принадлежности избранного нами пути; будем явно и тайно бороться с помыслами гордыни, всеусильно низлагать эти помыслы нашего ветхого человека, ищущего оживить свое *я* под различными правдоподобными предлогами. Тогда Сын Божий, сказавший: *вселюся в них, и похожду*[1], явится в сердце нашем и дарует нам власть и силу связать крепкого, расхитить сосуды его, наступить на аспида и василиска; попрать их[2].

Отвергнем ропот, отвергнем жалобы на судьбу нашу, отвергнем сердечную печаль и тоску, от которых слабые души страдают более, нежели от самих скорбей. Отвергнем всякую мысль о мщении и воздаянии злом за зло. *Мне отмщение, Аз воздам*, сказал Господь[3].

Хочешь ли переносить скорби с легкостию и удобством? — Смерть за Христа да будет вожделенна тебе. Эта смерть да предстоит непрестанно пред очами твоими. Умерщвляй себя ежедневно воздержанием от всех греховных пожеланий плоти и духа; умерщвляй себя отвержением своей воли и отвержением самооправданий,

---

[1] *Вселюсь в них и буду ходить* (2 Кор. 6. 16). ‖ [2] Преподобный Макарий. Слово 4, гл. 15. ‖ [3] *Мне отмщение, Я воздам* (Рим. 12. 19).

приносимых лжеименным разумом и лукавою совестию ветхого человека; умерщвляй себя, живо представляя себе и живописуя неминуемую смерть твою. Нам дана заповедь последовать Христу, взяв крест свой. Это значит: мы должны быть всегда готовы с радостию и веселием умереть за Христа. Если так устроим себя, то легко будем переносить всякую скорбь, видимую и невидимую.

Желающий умереть за Христа — какой напасти, какого оскорбления не претерпит великодушно?

Нам представляются тяжелыми наши скорби именно оттого, что не хотим умереть за Христа, не хотим в Нем одном заключить все наши желания, все наши надежды, весь наш разум, все наше достояние, все существование наше.

Стремящийся последовать Христу и быть сонаследником Его должен быть ревностным подражателем страданий Его. Любящие Христа и последователи Его обнаруживают и доказывают свой сокровенный залог тем, что претерпевают всякую ниспосылаемую им скорбь не только с благодушием, но и с усердием, и с ревностию, и с радостию, и с благодарением, возлагая на Христа все упование.

Такое терпение — дар Христов.

Этот дар примет тот, кто испросит его смиренною и постоянною молитвою у Христа, доказывая искренность желания получить бесценный духовный дар терпения принуждением и болезненным насилием нехотящего сердца к терпению всех встречающихся и случающихся скорбей и искушений[1]. Аминь.

Крест свой и Крест Христов

Господь сказал ученикам Своим: *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет*[2].

Что значит *крест свой?* Почему этот *крест свой*, то есть отдельный каждого человека, вместе называется и *Крестом Христовым?*

Крест *свой:* скорби и страдания земной жизни, которые у каждого человека — свои.

Крест *свой:* пост, бдение и другие благочестивые подвиги, которыми смиряется плоть и покоряется духу. Эти подвиги должны быть сообразны силам каждого, и у каждого они — свои.

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 37. || [2] *Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною* (Мф. 16. 24).

Крест *свой:* греховные недуги или страсти, которые у каждого человека — свои! С одними из них мы родимся, другими заражаемся на пути земной жизни.

Крест Христов — учение Христово[1].

Суетен и бесплоден *крест свой*, как бы он ни был тяжек, если чрез последование Христу он не преобразится в *Крест Христов.*

Крест свой делается для ученика Христова *Крестом Христовым:* потому что ученик Христов твердо убежден, что над ним неусыпно бдит Христос, что Христос попускает ему скорби как необходимое и неминуемое условие христианства, что никакая скорбь не приблизилась бы к нему, если б не была попущена Христом, что скорбями христианин усваивается Христу, соделывается причастником Его участи на земле, а потом и на небе.

Крест свой делается для ученика Христова *Крестом Христовым:* потому что истинный ученик Христов почитает исполнение заповедей Христовых единственною целию своей жизни. Эти всесвятые заповеди соделываются для него крестом, на котором он постоянно распинает своего ветхого человека *со страстьми и похотьми* его[2].

Отсюда ясно — почему для принятия креста предварительно нужно отвергнуться себя даже до погубления души своей.

Так сильно и обильно усвоился грех падшему естеству нашему, что Слово Божие не останавливается называть его душою падшего человека.

Чтоб восприять на рамена крест, должно прежде отказать телу в прихотливых пожеланиях, доставляя ему одно необходимое для существования; должно признать свою правду лютейшею неправдою пред Богом, свой разум — совершенным неразумием и, наконец, предавшись Богу со всею силою веры, предавшись непрестанному изучению Евангелия, отречься от воли своей.

Совершивший такое отречение от себя способен к принятию креста своего. С покорностию Богу, призывая Божию помощь для укрепления своей немощи, он смотрит без боязни и смущения на приближающуюся скорбь, уготовляется великодушно и мужественно перенести ее, уповает, что посредством ее он соделается причастником страданий Христовых, достигнет таинственного исповедания Христа не только умом и сердцем, но и самим делом, самою жизнию.

---

[1] Пс. 118. 38, 120. ‖ [2] *...со страстями и похотями* (Гал. 5. 24).

Крест дотоле тягостен, доколе он пребывает крестом своим. Когда же он преобразится в Крест Христов, то получает необыкновенную легкость: *Иго Мое благо, и бремя мое легко есть*, сказал Господь[1].

Крест возлагается на рамена учеником Христовым, когда ученик Христов признает себя достойным скорбей, ниспосланных ему Божественным Промыслом.

Ученик Христов тогда несет правильно крест свой, когда признает, что именно ниспосланные ему скорби, а не другие необходимы для его образования о Христе и спасения.

Терпеливое несение креста своего есть истинное зрение и сознание греха своего. В этом сознании нет никакого самообольщения. Но признающий себя грешником и вместе с тем ропщущий и вопиющий с креста своего доказывает тем, что он поверхностным сознанием греха лишь льстит себе, обманывает себя.

Терпеливое несение креста своего есть истинное покаяние.

Распятый на кресте! Исповедайся Господу в праведности судеб Его. Обвинением себя оправдай суд Божий — и получишь отпущение грехов твоих.

Распятый на кресте! Познай Христа — и отверзутся тебе врата рая.

С креста твоего славословь Господа, отвергая от себя всякий помысл жалобы и ропота, отвергая его как преступление и богохульство.

С креста твоего благодари Господа за бесценный дар, за крест твой — за драгоценную участь, за участь подражать Христу страданиями твоими.

С креста богословствуй: потому что крест есть истинное и единственное училище, хранилище и престол истинного Богословия. Вне креста нет живого познания Христа.

Не ищи христианского совершенства в добродетелях человеческих. Там нет его: оно сокровенно в Кресте Христовом[2].

Крест твой изменяется в Крест Христов, когда ученик Христов несет его с деятельным сознанием своей греховности, нуждающейся в казни, — когда несет его с благодарением Христу, с славословием Христа. От славословия и благодарения является в страдальце духовное утешение; благодарение и славословие делаются обильнейшим источником непостижимой, нетленной радо-

---

[1] *Иго Мое благо и бремя мое легко* (Мф. 11. 30). || [2] Преподобный Марк Подвижник. Слово о духовном законе, гл. 31.

сти, которая благодатно кипит в сердце, изливается на душу, изливается на самое тело.

Крест Христов, только по наружности своей, для плотских очей, есть поприще жестокое. Для ученика и последователя Христова он — поприще высшего духовного наслаждения. Так велико это наслаждение, что скорбь вполне заглушается наслаждением, и последователь Христов среди лютейших томлений ощущает одно наслаждение[1].

Говорила юная Мавра юному супругу своему Тимофею, который терпел страшные муки и приглашал ее принять участие в мученичестве: «Боюсь, брат мой, чтоб мне не устрашиться, когда я увижу страшные муки и разгневанного игемона, чтоб не изнемочь мне в терпении по молодости лет моих». Ей отвечал мученик: «Уповай на Господа нашего Иисуса Христа, и будут для тебя муки елеем, изливаемым на тело твое, и духом росы на костях твоих, облегчающим все болезни твои»[2].

Крест — сила и слава всех от века святых.

Крест — целитель страстей, губитель демонов.

Смертоносен крест для тех, которые креста своего не преобразили в Крест Христов, которые с креста своего ропщут на Божественный Промысл, хулят его, предаются безнадежию и отчаянию. Несознающиеся и некающиеся грешники на кресте своем умирают вечною смертию, лишаясь нетерпением истинной жизни, жизни в Боге. Они снимаются с креста своего только для того, чтоб снизойти душами в вечный гроб: в темницы ада.

Крест Христов возносит от земли распятого на нем ученика Христова. Ученик Христов, распятый на кресте своем, мудрствует горняя, умом и сердцем жительствует на небе и созерцает таинства Духа во Христе Иисусе, Господе нашем.

Аще кто хощет по Мне ити, сказал Господь, *да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет*. Аминь.

О чистоте

Грехом было любодеяние, когда владычествовал Ветхий Завет; грехом было оно как бесчестие естества, как злоупотребление важным свойством естества, как нарушение законов естества. Преступление признавалось столь значительным, что виновный

[1] Последование дванадесяти псалмов, молитва святого Евстратия. || [2] Четьи-Минеи, 3 мая.

в нем казнился смертною казнию. В Новом Завете этот грех получил новую тяжесть, потому что тела человеческие получили новое достоинство. Они соделались членами Тела Христова, и нарушитель чистоты наносит уже бесчестие Христу, расторгает единение с Ним, *уды Христовы* претворяет в *уды блудничи*[1]. Любодей казнится смертию душевною. От впавшего в грех блуда отступает Святой Дух; согрешивший признается впавшим в смертный грех, в грех, отъемлющий спасение, в грех — залог неминуемой погибели и вечного томления во аде, если этот грех не уврачуется благовременно покаянием.

Что такое — чистота? Это — добродетель, противоположная блудной страсти; это — отчуждение тела от действительного впадения в грех и от всех действий, приводящих ко греху, отчуждение ума от помышлений и мечтаний блудных, а сердца от ощущений и влечений блудных, затем последует и отчуждение тела от плотского вожделения.

Некоторые утверждают, что впадение в блудный грех телом и впадение в него умом и сердцем есть преступления одинаковых тяжести и значения. Такое мнение свое они основывают на словах Спасителя: *Всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем*[2]. Несправедливое мнение! Это сказано в дополнение ветхозаветной заповеди; это сказано тем, которые признавали грехом один телесный блуд, не понимая, что *помышления злая*, к которым причисляются помышления блудные, *исходят от сердца, оскверняют человека*[3], *отлучают от Бога*[4], отъемлют чистоту — средство богозрения. Услаждение блудными помыслами и ощущениями есть блуд сердца и осквернение человека, соделывающие его неспособным к общению с Богом, а блуд тела есть изменение всего человеческого существа от смешения с другим телом[5], есть совершенное отчуждение от Бога, есть смерть, есть погибель. Чтоб выйти из первого состояния, должно истрезвиться; чтоб выйти из второго, должно воскреснуть, должно снова родиться покаянием.

Некоторые утверждают, что человеку невозможно быть свободным от порабощения плоти, тем более от помышлений и ощущений блудных, что такое состояние неестественно. Законополагает

---

[1] *Члены Христовы* претворяет в *члены блудницы* (1 Кор. 6. 15). ‖ [2] *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5. 28). ‖ [3] *Злые помыслы исходят из сердца, оскверняют человека* (Мф. 15. 19–20). ‖ [4] Прем. 1. 3. ‖ [5] 1 Кор. 6. 16.

Бог, ведущий возможное и невозможное для нас более, нежели мы, и потому достижение чистоты и телесной и сердечной возможно для человека. Законополагает Бог, Творец естества, и потому сердечная чистота не противна естеству человеческому. Она неестественна естеству падшему; она была естественна естеству по сотворении его и может соделаться естественною по обновлении. Она может быть возделана и приобретена: хлеб, овощи, плодовитые деревья не растут на земле сами собою; но когда земля приготовится должным образом и полезные произрастения посадятся и насеются, тогда они произрастают в особенном изобилии для пропитания и наслаждения человеков. Необработанная земля дает одни плевелы или дает одну траву, пищу скотов, а не человеков. Нужен подвиг, предмет подвига достоин того, чтоб для него предпринят был усиленный и трудный подвиг избранными для подвига. Чистота названа в Писании святостию: *Сия есть воля Божия, святость ваша*, говорит Апостол, *хранити самех себе от блуда: и ведети комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести, а не в страсти похотней*[1].

Чистота жительствующих в супружестве состоит в верности супругов друг другу. Чистота дев и вдовиц, уневестившихся Христу, состоит в верности Христу. И к ним-то мое убогое, утешительное, ободрительное, нелживое слово, — слово, заимствованное из учения Истины: из Всесвятого Слова Божия, объясненного святыми Отцами, их святым словом и опытом.

Когда Господь воспретил произвольный развод, допущенный Моисеевым законом, и объявил, что сочетаваемое Богом не может быть расторгаемо человеком иначе, как по причине уже совершившегося расторжения впадением в блуд одной половины: тогда ученики Господа возбудили вопрос о безбрачной жизни. На это Господь сказал: *Не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть... Могий вместити да вместит*[2]. Кто этот *могий вместити*? по какому признаку должен каждый из нас судить и заключать о своей способности и неспособности к безбрачной жизни? Ответ заимствуем из писаний святых Отцов: *по произволению нашему.* «Способность дается просящим ее у Бога от искренности сердца, — говорит блаженный Феофилакт Болгарский, — *просите*, сказал Господь, *и дастся*

---

[1] *Воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда; чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения* (1 Фес. 4. 3–5). ‖ [2] *Не все вмещают слово сие, но кому дано... Кто может вместить, да вместит* (Мф. 19. 11–12).

вам; всяк просяй, приемлет»[1]. Искренность прошения доказывается жительством, соответствующим прошению, и постоянством в прошении, хотя бы исполнение прошения отсрочивалось на более или менее продолжительное время, хотя бы желание наше навевовалось различными искушениями. Собственные подвиги, которыми инок усиливается победить и изменить свойство падшего естества, суть только свидетели истинного произволения. Победа и изменение естества принадлежат единому Богу. «Где побеждено естество, — говорит святой Иоанн Лествичник, — там признается пришествие Того, Кто превыше естества»[2]. Изменяет естественное влечение Бог в том, кто всеми зависящими от него средствами докажет свое искреннее желание, чтоб влечение это изменилось: тогда Дух Божий прикасается духу человеческому, который, ощутив прикосновение к себе Духа Божия, весь, со всеми помышлениями и ощущениями, устремляется к Богу, утратив сочувствие к предметам плотского вожделения[3]. Тогда сбываются слова Апостола: *Прилепляяйся Господеви, един дух есть с Господем*[4]. Тогда самое тело влечется туда, куда стремится дух.

По причине произволения своего, опытно доказанного и засвидетельствованного, многие не познавшие жен пребыли до конца жизни в этом блаженном состоянии, или сохранили свое девство; другие после супружеской жизни сохранили непорочное вдовство; иные перешли от развратной жизни к жизни целомудренной и святой; наконец, некоторые, поколебавшись в произволении, снова возвратились к нему и возвратили покаянием потерянное целомудрие. Все они не только воздержались от впадения в блуд телом, но и вступили в борьбу с помышлениями и ощущениями страстными, воспротивились им, победили их, прияли от Бога свободу чистоты, которая вполне чужда общения с грехом, хотя бы он и не преставал от нападений. Так прекращается действие непогоды на путника, когда он войдет в благоустроенный дом, хотя бы непогода продолжалась или свирепствовала еще более. — Возлюбленные братия, иноки! Не будем малодушествовать и унывать. Не обратим внимания на бесов, влагающих нам недоверие к избранному нами пути; не обратим внимания на суждения и советы человеческие, произносимые из неведения или разврата и злонамеренно-

[1]*Просите, и дано будет вам; всякий просящий получает* (Мф. 7. 7–8). — Объяснение на вышеприведенные слова 19-й главы Евангелия от Матфея. ‖ [2] Слово 15, гл. 8. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слова 43 и 38. ‖ [4] *Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом* (1 Кор. 6. 17).

сти: поверим Господу Богу нашему, обетовавшему услышать нас и помочь нам, если мы пребудем верными Ему. Верность эту засвидетельствуем постоянным стремлением к Нему и постоянным раскаянием в наших уклонениях от этого стремления. Невозможно не подвергаться большим или меньшим уклонениям и по немощи нашей, и по ограниченности, и по повреждению естества грехом, и по злохитрости наших невидимых врагов, и по умножившимся до бесконечности соблазнам. Недолго нам потрудиться! недолго пострадать в борьбе с собою! Скоро настанет час смертный, который исторгнет нас из томления борьбы и из опасности впадать в согрешения. О! когда бы в этот час, во вратах вечности, мы узрели распростертые к себе объятия Отца Небесного и услышали Его утешительный глас: *Добре, рабе благий и верный, о мале Ми был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего*[1]. До этого часа будем подвизаться мужественно, никак не доверяя плоти нашей, не доверяя нашему бесстрастию, ни мнимому, ни истинному. Понадеявшиеся на себя, на умерщвление плоти своей, на свое бесстрастие и благодатное состояние, подвергались страшным искушениям.

Сказал святой Исаак Сирский: «Не удаляющий себя от причин греха произвольно, бывает против воли своей увлекаем грехом»[2]. Правило это, относясь вообще к монашескому жительству, особенно важно для тех, которые вступили в борьбу со свойством естества, явившимся в нем по падении. Нам полезно вовсе не видеть того плода, от вкушения которого мы отреклись. По этой причине правилами святых Отцов воспрещен вход женскому полу в монастыри мужские, что и поныне соблюдается в святой Афонской Горе. В житии святого Иоанна Лествичника сказано, что он пустынножительством и устранением себя от воззрения на лица окончательно угасил в себе пламень вожделения. Все святые Отцы старались удаляться по возможности своей от знакомства и общения с женами и такое поведение передали нам в своих душеспасительных, Богодохновенных писаниях. Отцы, зная удобопоползновенность человека, не доверяли ни святости своей, ни престарелому возрасту и его неспособности ко греху. Они до конца жизни не преставали удаляться от причин греха: такое удаление есть сильнейшее средство для победы над грехом. Когда преподобный Сисой Великий очень

---

[1] *Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего* (Мф. 25. 23). ‖ [2] Слово 57. То же учение читается и в Слове 56.

устарел, тогда ученик его авва Авраам предложил ему поместиться на жительство поближе к населению. На это отвечал девяностолетний старец: «Поместимся там, где нет жен». Ученик возразил: «Где же место, в котором бы не было жен, кроме пустыни?» Старец сказал: «Помести же меня в пустыне, чадо»[1]. Благое произволение человека укрепляется вдали от соблазнов, получает необыкновенную твердость и силу; напротив того, оно, будучи приближено к соблазнам, начинает мало-помалу ослабевать и наконец совершенно извращается. Так лед на морозе крепнет более и более; но, будучи подвергнут влиянию тепла, тает и исчезает. Братия! Подобает нам удаляться от знакомства с женами, особливо близкого, от частых свидания и беседы с ними. Вознамерившиеся победить естество! поймите, что эта победа невозможна, если мы будем подвергать себя непрестанно влиянию естества и возбуждать в себе действие его.

Преподобный Пимен Великий сказал боримому блудною страстию: «Если монах обуздает чрево и язык и сохранит странничество, то он не умрет»[2] смертию душевною, постигающею каждого, низринувшегося в блуд. Под именем странничества разумеется здесь удаление от рассеянной жизни, свободного обращения, многого и короткого знакомства, от которых разжигается плотское вожделение. — Преподобный Исаия Отшельник говорил, что блудная страсть усиливается от следующих пяти поводов: от празднословия, тщеславия, многого сна, от украшения себя одеждами и от пресыщения[3]. Из причин возбуждения блудной страсти с особенною силою и вредом действуют две: нарушение странничества и пресыщение. Трудно решить, которое из них пагубнее! гибельны и то и другое. Подчинившийся и поработившийся одному из них не возможет устоять в борьбе против естества своего. Для достижения чистоты необходимо отвержение обеих причин. — Обратив особенное внимание на охранение себя от главных причин, возбуждающих вожделение, не оставим без должного внимания и второстепенных: будем хранить себя и от них. И меньшей силы повод приобретает особенную силу от навыка к нему, от небрежения о нем. Например: иные постятся, живут уединенно и нестяжательно, умоляют Бога о обуздании похотей естества своего, но при этом позволяют себе злоречить, укорять, осуждать ближних, насмехаться над ними — и помощь Божия отступает от них; они

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Там же. ‖ [3] Изречения преподобного, помещенные после его духовно-нравственных Слов. Москва, издание 1860 года.

предоставляются самим себе и не находят сил противостать греховным побуждениям падшей природы. В некотором общежитии жил затворник по имени Тимофей. Один из братий общежития подвергся искушению. Настоятель, узнав об этом, спросил Тимофея, как поступить ему с падшим братом? Затворник посоветовал выгнать соблазнившегося. Когда его выгнали, искушение падшего брата перешло к Тимофею и привело его в опасность. Тимофей начал вопиять со слезами к Богу о помощи и помиловании. И был к нему глас: «Тимофей! знай, что я послал тебе искушение именно за то, что ты презрел брата своего во время искушения его»[1]. С членами Христовыми — христианами — должно обходиться очень осторожно и благоразумно: должно сострадать им в недугах их и отсекать только те, которые, не подавая никакой надежды к выздоровлению, лишь заражают недугом своим других.

Весьма важно сохранение тела от впадения в блуд; но одного этого недостаточно для боголюбезной чистоты, которою зрится Бог. На нас лежит непременная обязанность очистить самую душу от помышлений, мечтаний и ощущений сладострастных, как то заповедал нам Спаситель наш. «Как тело, — говорит преподобный Макарий Великий, — совокупляясь с другим телом, заражается нечистотою, так и душа, сочетаваясь со злыми и скверными помыслами и соглашаясь с ними заодно, растлевается. Если кто растлит душу и ум, соглашаясь со злом: тот повинен казни. Должно хранить как тело от видимого греха, так и душу от непотребных помыслов, ибо она — невеста Христова»[2]. Удалив от себя причины греха, как то: частое обращение и близкое знакомство с женским полом, свободное обращение и рассеянную жизнь, пресыщение и наслаждение яствами и напитками, роскошь и излишество в одежде и в прочих принадлежностях келейных, осуждение ближних, злоречие, смехословие, пустословие и многословие, решимся отречься от услаждения сладострастными помыслами, мечтаниями и ощущениями. Не будем сами возбуждать их в себе и будем мужественно отвергать их, когда они возникнут из падшего естества нашего или предложатся врагами спасения нашего — демонами. Говорит святой Исихий Иерусалимский: «*Не всяк, глаголяй Ми, Господи, Господи*, сказал Господь, *внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего*[3]. Воля же Отца Его есть сия: *Любящие*

---

[1] Достопамятные сказания. Об авве Пимене. Гл. 70. ‖ [2] Слово 7, гл. 4. ‖ [3] *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего* (Мф. 7. 21).

Господа, ненавидите злая[1]. Итак, будем упражняться в молитве Иисус-Христовой и возненавидим лукавые помыслы. Таким образом сотворим волю Божию»[2]. *Очистим себе от всякия скверны плоти и духа*[3], завещавает нам Апостол.

Святые Отцы повелевают блюсти главу змия[4], то есть усматривать самое начало греховного помысла и отвергать его. Это относится ко всем греховным помыслам, но наиболее к блудному, которому содействует падшее естество, который, по этой причине, имеет на нас особенное влияние. Преподобный Кассиан Римлянин заповедует новоначальному иноку пришедший ему греховный помысл немедленно исповедовать старцу[5]. Этот способ — превосходен; он для новоначального — наилучший; но и для преуспевшего бывает в иных случаях крайне нужен и всегда полезен, как решительно разрывающий дружество с грехом, к которому влечется болезнующее естество. Блажен, кто может употреблять в дело этот способ! Блажен новоначальный, обретший старца, которому он может открывать свои помыслы! Тем инокам, которые не имеют возможности непрестанно относиться к старцу, Отцы повелевают явившийся греховный помысл немедленно отвергать, никак не вступая с ним в беседу или прение, от которых непременно последует увлечение грехом, и устремляться к молитве. Этот способ употребляла с величайшим успехом и плодом преподобная Мария Египетская, что видно из жития ее[6]. «Если кто, — сказал преподобный Нил Сорский, — при всякой встречающейся напасти и при всяком помышлении, приносимом от врага, с плачем вопиет о помощи к благости Божией: тот вскоре ощутит спокойствие, если будет молиться разумно[7]». «Как свойственно огню истреблять хворост, так чистым слезам свойственно истреблять все скверны плоти и духа», — сказал святой Иоанн Лествичник[8]. Когда находимся наедине, то при нападении блудных помыслов и мечтаний, при обычном разжжении тела должно падать на колени и на лицо пред святыми иконами, подражая деланию великой Марии Египетской, и со слезами или плачем умолять Бога о помиловании. Не замедлят опыты доказать близость к нам Бога и Его власть над нашим естеством: это доставит нам живую веру, а живая вера одушевит нас необыкновенною силою и будет доставлять нам постоянные победы. Не уди-

[1] *Любящие Господа, ненавидьте зло* (Пс. 96. 10). ‖ [2] Добротолюбие. Ч. 2, гл. 11. ‖ [3] *Очистим себя от всякой скверны плоти и духа* (2 Кор. 7. 1). ‖ [4] Быт. 3. 15. ‖ [5] Преподобный Кассиан. Кн. 4. О постановлениях для отрицающихся мира, гл. 37. ‖ [6] Четьи-Минеи, 1 апреля. ‖ [7] Слово 8. ‖ [8] Слово 7, гл. 31.

вимся, если и после продолжительной борьбы, за которою последовало столько же продолжительное спокойствие, приводившее к мысли об умерщвлении яда и смерти блудных наклонностей в естестве, снова восстанет лютая брань и оживут в теле непристойные влечения и движения[1]. Враг наш бесстыден; он не останавливается направлять свои стрелы против величайших святых Божиих: опыты доказали ему, что попытка бывает иногда удачною, низлагает и сокрушает даже сосуды Духа, как этому подвергся Духоносец, прогуливавшийся вечером по крыше своего царского дома[2]. Плоть наша — друг неверный: вожделевает другой плоти не только по собственному побуждению, но и по побуждению чужому, по побуждению падшего духа, находящего в осквернениях плоти, ему не принадлежащей, наслаждение для себя. Неожиданно является ее непристойное, наглое, усиленное требование! По этой причине преподобный Пимен Великий говорил: «Как оруженосец царя предстоит ему всегда готовым, так и душе должно быть всегда готовою против беса блудного»[3].

Жительству и деланию древних иноков во многих отношениях мы можем только удивляться, но никак не подражать; можем лишь созерцать их, как Божие чудо, и прославлять по поводу них Бога, даровавшего немощному человеку непостижимую силу и святость. К таким деланиям принадлежит способ борьбы, который употребляли преуспевшие иноки первых веков иночества против блудных помыслов и мечтаний. Они первоначально не противились помыслу, но допускали несколько воздействовать, по выражению их, *войти*, и потом боролись с ним. Преподобный Пимен Великий, прежде нежели достиг совершенства, старался назидаться советами и наставлениями современных ему святых старцев. Он обращался за советом и к авве Иосифу, безмолвствовавшему в Панефосе. Однажды Пимен спросил Авву: «Как поступать мне, когда приступят ко мне похотения? Противостать ли им или дозволить войти?» Старец отвечал: «Дозволь войти и борись с ними». Получив такой ответ, Пимен возвратился в Скит, где он безмолвствовал. После этого случилось придти в Скит некоторому иноку из Фиваиды; он рассказывал братьям: «Спрашивал я авву Иосифа: “Если приступят ко мне похотения, то противостать ли мне им или попустить войти?” И он сказал: “Никак не попускай похотениям входить, но тотчас отсекай их”». Авва Пимен, услышав, что

---

[1] Преподобный Макарий Великий. Слово 5, гл. 14. ‖ [2] 2 Цар. 11. 2. ‖ [3] Алфавитный патерик.

так сказал фиваидскому иноку отец Иосиф, пошел опять к нему в Панефос и сказал: «Авва! я не утаил от тебя помышлений моих, но ты сказал мне одно, а фиваидскому иноку другое». Старец отвечал ему: «Неужели ты не знаешь, что я люблю тебя?» — «Знаю», — отвечал Пимен. «Не ты ли, — продолжал старец, — говорил мне, чтоб я сказал тебе то, что сказал бы самому себе? Когда приступят к тебе похоти и ты попустишь им войти, потом будешь бороться с ними: то посредством этого делаешься искуснее. Я говорил это тебе, как себе. Но когда приступят похотения к новоначальным, то им неполезно впускать их; они должны немедленно отвергать их от себя»[1]. Из ответов самого Пимена Великого, когда уже он сделался наставником монашествующих, по подобному же обстоятельству, видно, что допуск в себя блудных помыслов воспрещался инокам, сочувствовавшим страсти, дозволен был проводившим жительство небесное[2]. Существование этого делания объясняется возвышенным духовным преуспеянием вообще монашества тех времен: очевидно, что для такого подвига необходимо состояние бесстрастия. Позднейшими Отцами это делание, как очень опасное, и, вероятно, вследствие несчастных опытов, воспрещено для всех вообще иноков. «Не попусти, — сказал святой Исаак Сирский, — уму твоему искуситься блудными помыслами или мечтанием лиц, имеющих на тебя влияние, полагая, что ты не победишься ими; потому что таким образом премудрые омрачались и были осмеяны»[3]. Нам необходимо держаться этого наставления.

Из жизнеописаний святых угодников Божиих видим, что некоторые из них выдержали сильнейшую и продолжительную борьбу с блудными помыслами и ощущениями, переходя из состояния страстного в бесстрастное. Этому подверглись не только такие подвижники, которые проводили предварительно развратную жизнь, каковы преподобные Моисей Мурин и Мария Египетская, но и девственники — Симеон Христа ради юродивый, Иоанн Многострадальный Печерский и другие. Лютость борьбы возвела их к усиленным сверхъестественным подвигам. А как дар Божественной благодати всегда бывает сообразен и соразмерен предшествовавшим скорби и труду, то упомянутые святые сподобились, соответственно необыкновенному подвигу и лютости попущенной им брани, необыкновенных благодатных даров. И борьба и подвиг их были особенными событиями в подвижничестве: они не могут

---

[1] Алфавитный патерик и «Достополезные сказания». Об авве Иосифе Панефосском. Гл. 3. ‖ [2] Там же об авве Пимене. Гл. 62. ‖ [3] Слово 2.

служить вполне руководством для всех подвижников. Можно и должно подражать по возможности силе произволения, решимости, вере, самоотвержению этих угодников Божиих; но самый подвиг их остается неподражаем. Вообще признано рассудительнейшими Отцами, что при борьбе с вожделениями естества воздержание от пищи и прочие телесные подвиги должны быть благоразумны и умеренны, что плотское вожделение только обуздывается этими подвигами, что побеждается оно смирением и молитвенным плачем, привлекающими к подвижнику Божественную благодать, что усиленные телесные подвиги более вредны, нежели полезны, когда они, излишне ослабляя телесные силы, препятствуют заниматься молитвою, плачем и делами смирения. В «Отечнике» читается следующая повесть: «Некоторый благочестивый муж в Египте оставил жену и детей, отрекся мира и удалился в пустыню. На него восстала сильная брань от блудного беса, приносившего ему воспоминание жены его. Он исповедал это Отцам. Они, видя, что он подвижник и исполняет все, заповедуемое ему, возложили на него сугубый подвиг, заимствовав его из различных жизнеописаний святых Отцов. От этого подвига он так ослабел, что слег в постель. По смотрению Божию пришел туда старец из Скита. В Египетском Ските — так называлась бесплодная и дикая пустыня, находившаяся в недальнем расстоянии от Александрии, — жительствовали преподобные иноки, особенно обиловавшие благодатными дарами и даром духовного рассуждения. Скитянин посетил болящего и спросил его: "Авва! отчего ты болен?" Он отвечал: "Я из женатых, недавно пришел в эту пустыню, и враг навел на меня брань по поводу жены моей. Я исповедал это Отцам. Они возложили на меня различные подвиги, заимствовав их из жизнеописаний святых Отцов. Когда я начал исполнять их, то пришел в изнеможение, а брань сугубо возросла в теле моем". Скитский старец, услышав это, опечалился, сказал ему: "Отцы, как сильные, правильно заповедали тебе поступить так. Но, если хочешь, послушай моего смирения и, оставив исполнение этих подвигов, принимай умеренное количество пищи в свое время, совершай умеренное правило и возложи на Господа всю печаль твою: Он победит врага, борющего тебя. Собственным же подвигом не возможешь получить победы на этой брани". — Боримый брат начал вести себя по совету скитского старца; по прошествии немногих дней он почувствовал облегчение от болезни, и брань отступила от него»[1]. Известный

[1] Рукописный Отечник.

по особенному дару духовного рассуждения инок Скита, преподобный Агафон, был спрошен о блудной страсти. Он отвечал спросившему: «Поди, повергни силу твою в прах пред Богом, и обретешь покой»[1]. Подобный ответ по этому предмету давали и другие великие Отцы. Вполне правильно и верно! Если изменить естество может только Бог, то сознание повреждения, произведенного в естестве первородным грехом, и смиренное моление о исцелении и обновлении естества Творцом его есть сильнейшее, действительнейшее оружие в борьбе с естеством. Оружие это ослабляется упованием на себя, к чему ведет излишний и несоразмерный с силами телесный подвиг. Преподобный Кассиан Римлянин замечает, что «страсть вожделения по необходимости борет душу до того времени, доколе душа не познает, что борьба эта превыше сил ее, доколе не познает, что невозможно ей получить победы собственным трудом и усилием, если не будет помощи и покрова от Господа»[2]. Этот святой Отец провел значительное время посреди скитских Отцов и был напоен их учением.

Беседуя о чистоте, мы находим существенно нужным обратиться с убогим словом к неведению нашего времени, столько гордящегося ведением, и подать руку помощи тем, которые утопают и томятся в смущении, унынии и печали по причине неведения своего. Весьма многие, желающие проводить благочестивую жизнь, приходят в совершенное недоумение, когда в них восстанут помыслы и ощущения плотского вожделения. Они смотрят на это, как на что-то странное, такое, чему не должно быть, приходят от этого в душевное расслабление и расстройство, часто решаются оставить богоугодную жизнь, признавая себя неспособными к ней. Самое ошибочное воззрение на себя! Наше естество — в состоянии падения. В состоянии падения плотские вожделения ему естественны и не могут не возникать из него. Итак, не должно удивляться и приходить в недоумение при появлении помыслов, мечтаний, ощущений вожделения: это — естественная необходимость. Ей подчинен каждый человек; подчинены были ей все святые человеки.

Этого мало. Для самого преуспеяния в духовной жизни непременно нужно, чтоб возникли и таким образом обнаружились наши страсти[3]. Когда страсти обнаружатся в подвижнике, тогда он вступает в борьбу с ними. Вступивший в борьбу и мужественно борющийся может одержать победу и быть увенчанным венцом победы,

---

[1]Алфавитный патерик. ‖ [2] Книга VI о духе любодеяния, гл. 5. ‖ [3] Преподобный авва Дорофей. Поучение 13.

Святым Духом. Предлагаем возлюбленным братиям рассмотреть внимательно жизнеописания и сочинения святых Отцов: мы увидим, что все угодники Божии подвергались пытке и труду этой борьбы, прошли сквозь огнь страстей и воду слез и взошли в покой бесстрастия. Преподобный авва Дорофей по вступлении своем в монастырь очень искушался плотскими вожделениями и прибегал в борьбе этой к советам и наставлениям преподобного Варсонофия Великого[1]. Ответы великого Отца содержат в себе превосходное руководство к мужественному сопротивлению требованиям безумным и растленным падшего естества. В одном из этих ответов преподобный Варсонофий говорит о себе, что он был борим блудною страстию в течение пяти лет. «Брань, воздвизаемую плотию, — сказал он, — упраздняет молитва с плачем»[2]. Преподобный Антоний Великий, как повествуется в житии его, был усиленно борим блудными помыслами и мечтаниями. Многие из святых, уже по обновлении их Святым Духом и по достижении в пристанище блаженного бесстрастия, внезапно подвергались непристойным побуждениям и влечениям естества, нашествию нечистых помыслов и мечтаний, как то случилось с преподобными Макарием Александрийским, Иоанникием Великим и другими. Потому-то святые Отцы сказали, что плоти своей можно доверить только тогда, когда она уляжется в гроб[3].

Мы для того и вступаем в монастырь, чтоб открыть в себе скрытно живущие страсти и отношение нашего естества к духам злобы, которым оно поработилось произвольно. Для того мы разрываем узы с миром, оставляем общество человеков, родственников, имущество, чтоб увидеть наши внутренние узы и расторгнуть их десницею Господа[4]. Второе не имеет места, если предварительно не совершено будет первое. Тогда только мы можем придти в смирение духа, когда увидим в самих себе падение человечества, его плен, жестокое господство над нами демонов и вечной смерти; только тогда можем возопить к Богу молитвою и плачем из глубины сердца, от всея души, и таким воплем, таким сознанием своей погибели и беспомощной немощи привлечь к себе в помощь Божественную благодать. По этой причине воздымающиеся брани в нас самих содействуют нашему духовному преуспеянию, если мы боремся мужественно, а не поддаемся малодушно побеждению. Преподобный авва Дорофей повествует, что ученик некоторого великого

[1] Вопрос 252 и далее. ‖ [2] Ответ 255. ‖ [3] Преподобный Исаия Отшельник. Слово 27, гл. 2. ‖ [4] Преподобный Макарий Великий. Беседа 21.

старца подвергся плотской брани. Старец, видя труд его, сказал ему: «Хочешь ли, я помолюсь Богу, чтоб Он облегчил тебе брань?» Ученик отвечал: «Отец мой! Хотя я и тружусь, но вижу в себе плод от труда: лучше помолись Богу, чтоб Он дал мне терпение в брани». «Таков — истинно хотящий спастись!» — восклицает преподобный Дорофей по окончании повести[1]. Сказывал преподобный Пимен Великий о великом угоднике Божием Иоанне Колове, в назидание и утешение братьям, что он умолил Бога и был избавлен от действия похотений, отчего пребывал в ненарушимом спокойствии. Тогда он пошел к некоторому весьма опытному в духовной жизни старцу и поведал ему совершившееся с ним. Старец отвечал: «Поди, помолись Богу, чтоб возвратились к тебе брани и то сокрушение и смирение, которые ты прежде имел по причине браней, потому что при посредстве их душа приходит в преуспеяние»[2]. Не будем же предаваться смущению, унынию, малодушию, расслаблению, когда восстанут на нас свирепые волны вожделения и помыслы, как сильные ветры, нападут на нас! Воспротивимся греху: борьбою этою выработаем живую веру в Бога и живое познание Бога.

Много и часто мы вредим себе, требуя от себя несвойственного нам. Так, едва вступившие в подвиг, пропитанные, так сказать, и преисполненные вожделением хотят, чтоб в них не было сочувствия к помыслам, мечтаниям и ощущениям плотским. Оно существует; оно естественно; оно не может не быть. Безрассудно — искать невозможного. Вожделение по необходимости должно возникать из зараженного им естества; но едва оно возникнет в каком бы то ни было виде, мы должны немедленно, с насилием себя, противодействовать ему вышеприведенными способами. Мы должны в противность сильной воле всего естества, действием слабой воли одного ума[3], руководимого Словом Божиим, вырваться из нашего плена, из нашей ветхости, из нашего падшего естества. *Царствие Небесное нудится*, — сказал им Господь, — и только те, которые принуждают себя, поборая греховную волю свою, *восхищают е*[4]. Когда уже благодать Божия начнет явно помогать нам, то первый признак ее вспоможения есть *неслагающийся помысл*, как говорит святой Иоанн Лествичник[5]: то есть является мало-помалу в уме несочувствие к блудным помыслам и мечтаниям вместо прежнего

[1] Поучение 13, О терпении искушений. ‖ [2] Алфавитный патерик и «Достопамятные сказания». Об Иоанне Колове, гл. 12. ‖ [3] Рим. 7. 23. ‖ [4] *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11. 12). ‖ [5] Слово 15, гл. 9, по переводу Паисия Нямецкого.

сочувствия, от которого происходили увлечение и побеждение при всяком случае, когда для сопротивления не употреблено было особенного усилия.

Девственники, то есть те, которые не вкусили смерти душевной действительным впадением тела в блуд! Храните ваше девство, как драгоценное сокровище: при правильном монашеском жительстве вы не замедлите ощутить так называемое святыми Отцами духовное действие[1], или действие Святого Духа, на душу, действие, которое сообщается душою телу и опытно удостоверяет нас, что тела наши сотворены для наслаждения духовного, что они низошли к сочувствию наслаждениям скотоподобным по причине падения, что они могут возвратиться к сочувствию наслаждениям духовным посредством истинного покаяния. Увы! даже знание о существовании способности тела человеческого к ощущению духовному утрачено человеками, трубящими о своем многознании. Возвещение об этой способности выслушивается с недоверчивостию, как учение новое и странное. Не ново оно и не странно! Рассмотрите писания святых Отцов: вы найдете в них это учение. Ознакомившись с ним короче, вы найдете его в Священном Писании. Искупление, дарованное человечеству Богом, преисполнено неизреченными, существенными благами, свидетельствуется ими; но мы, довольствуясь поверхностными знаниями по букве, не хотим стяжать познаний опытных, требующих распятия[2], и потому лишаем себя познаний живых. Изменяется чувство сердца, причастившегося наслаждению духовному. Такое сердце начинает питать отвращение к сладострастию, с ревностию противиться влечениям и внушениям его, с плачем вопиять к Богу об избавлении из этой смрадной тины.

Приведенные Промыслом Божиим к состоянию вдовства, желающие или долженствующие нести иго этого состояния! Не остановитесь прибегнуть с теплою и смиренною молитвою к Богу, и Он даст вам победу и над естеством, и над навыком вашим, укрепившим и поддерживающим силу и право естества. Не отрекитесь потерпеть кратковременную скорбь борьбы с собою: ничего не значит эта скорбь пред утешением, являющимся от победы; ничего не значит эта скорбь пред ощущением свободы, которая является в душе вслед за победою.

---

[1] См.: Инока Феофана Лествица. Добротолюбие. Ч. 1. Также главы преподобного Григория Синаита, Предание преподобного Нила Сорского и сочинения многих других святых Отцов. ‖ [2] Гал. 5. 24.

Находящиеся в пропасти прелюбодеяния и разврата! Услышьте голос, призывающий вас к покаянию, и примите от всемогущего Врача, Бога, предлагаемое Им всемогущее врачевство покаяния. Врачевство это уже испытано. Оно соделало прелюбодеев образцами целомудрия и развратных — святыми и праведными. Оно претворило сосуды диавола в сосуды Святого Духа — и многие покаявшиеся грешники оставили далеко за собою на поприще духовного преуспеяния не познавших смертного греха подвижников. Достоинство каждого христианина составляет Искупитель, и тот из человеков выше других по достоинству своему, кто существеннее усвоил себе Искупителя.

Многие святые Отцы, проводившие жизнь девственную, называли себя скверными и прелюбодеями; мало этого! некоторые из них, будучи оклеветаны в грехе блудном, не принесли никакого оправдания, хотя оно было очень удобно для них, и подчинили себя наказанию и скорбям, как бы действительно виновные. Такое поведение, при поверхностном взгляде на него, может показаться странным: оно объясняется свойством подвига, которым израбатывается святая чистота. Этим подвигом так ясно обнаруживается падение естества, так осязательно доказывается подвижнику неизбежное подчинение его требованию падшего естества, если б из области естества не исхитила его десница Божия, — что он не может не признавать собственно себя прелюбодеем. Чистота его есть дело Божие в нем, а отнюдь не свойство естества и не плод его усилий. Продолжительность времени подвига имеет значительное влияние на составление и усвоение такового понятия о себе. С достоверностию можно утверждать, что святые Божии признают себя оскверненными любодеянием несравненно более, нежели те, которые, живя жительством плотским, непрестанно утопают в любодеянии. Из такого самовоззрения святой Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, муж, исполненный Святого Духа, произнес о себе следующее изречение: «Не познал я жены, и я — не девственник»[1]. Какое глубокое чувство плача слышится из этого изречения!

Беспредельная милость Божия да дарует нам приблизиться к святой чистоте Святых Божиих и к их святому смирению. Аминь.

[1] Преподобный Кассиан Римлянин. Кн. 6. О духе любодеяния. Гл. 19.

Беседа предуготовительная к Таинству Исповеди

Возлюбленные братия! Опять мы в пристанище Святого Поста. Опять отделяем особенное время для особенного, внимательного, подробного рассматривания себя: опять врата покаяния растворяются для нас обширнее.

Жители святой обители! ближайшие ученики Христовы! присные чада Церкви, находящиеся непрестанно при ее сосцах духовных! Долженствовало бы нам не нуждаться в особенном времени для внимания себе, для очищения наших греховных пятен исповедию и покаянием: долженствовала бы вся жизнь наша состоять из непрестанного внимания, из непрестанного покаяния, если б жизнь наша соответствовала имени нашему. Образец чистоты, до которой мы должны достигнуть, совершен. Он — Господь наш Иисус Христос. *По звавшему вы святому, и сами святи во все житии будите. Зане писано есть: святи будите, яко Аз свят есмь*[1]. По бесконечному совершенству образца чистоты, поприще покаяния и очищения бесконечно. Если б кто протекал это поприще со всевозможным усердием и тщанием, то и таковой не возможет достигнуть совершенства в очищении. Хотя бы житие его в постоянном покаянии продолжалось тысячу лет, то и тогда не достиг бы полного очищения. Величайшие между святыми иноками сознавали при кончине своей, что они не только не совершили, но и не начинали покаяния[2]. А мы, по немощам нашим, непрестанно растущим и умножающимся, будем в день исшествия нашего из сей жизни весьма далекими и от той святыни, в которой исходили из тел своих преподобные Отцы наши, избранные сосуды Божии, жители пустынь, — ныне жители неба за их тщательное пребывание в покаянии и во время странствования по пустыне жития земного.

Так! провождающие жизнь во всегдашнем внимании, непрестанно наблюдающие за душою своею, замечающие в ней разнообразное действие греха, постоянно врачующиеся от этого яда покаянием, не достигают полноты духовного совершенства. Что же сказать о живущих нерадиво, находящихся в непрестанном развлечении,

---

[1] *...по примеру призвавшего вас Святаго, и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят* (1 Пет. 1. 15, 16). ‖ [2] Преподобный Сисой Великий. Алфавитный Патерик и Четьи-Минеи июля 6 дня.

никогда не думающих или думающих весьма редко, как бы мимоходом, о том, о чем всего нужнее думать, о своем спасении? Скажу о них то, что уже сказано о них; произнесу приговор, уже произнесенный на них. Скажу с горестию сердца, но скажу безошибочно: потому что только повторю слова Апостола, слова Божии. *Вдовица пространно питающаяся, жива умерла*[1]. Не подумай, что слова эти относятся единственно к вдовицам по плоти! Гораздо более они относятся ко мне и к тебе, отрекшимся мира для служения Христу: инок — истинная вдовица, для которой мир должен быть мертвым. Инок, таинственная вдовица! Послушай убогих слов моих. Ты нарек себя мертвым для мира и суетного века с тем, чтоб ожить для Бога и блаженной вечности? Вникни в Писание, вникни в себя, сличи состояние души твоей с состоянием, предначертанным ей в Писании и скажи — точно ли ты мертв для мира? По крайней мере, начал ли твое умерщвление? Ощутил ли оживление себя Богом? Преселились ли в будущий век твои мысли и желания? Редкий, весьма редкий может отвечать утвердительно на эти вопросы; скорее каждый из нас признает справедливость произнесенного страшного приговора. Отяготителен этот приговор для уха и сердца плотских и миролюбивых; но лучше услышать его здесь, доколе еще продолжается земное странствование, доколе поприще покаяния и исправления не прекратилось. Если слова мои произведут в тебе страх и огорчение: то блажен страх этот, печаль эта вожделенна! *Печаль бо, яже по Бозе*, — говорит Апостол, — *покаяние нераскаянно во спасение соделовает*[2]. Воздействовав на время, она направит к бегству от печали и томления, точно страшных и по вечности их, и по производимому ими ужасному мучению, невыразимому словом, непостижимому для нашего ума и ощущения.

Каждый пусть вникнет в себя; каждый пусть поверяет в себе слова мои, которые буду произносить во спасение душ ваших и души моей!

Нам назначен рай, небо, вечное блаженство, если будем жить здесь благочестиво, исполняя обеты, данные нами при крещении, повторенные при пострижении в монашество, дополненные обетами нестяжания и девства. Но мы не обращаем внимания на уготованное блаженство, как спящий бесчувствен к окружающим его и ожидающим его пробуждения приятностям и наслаждениям этой

---

[1] *... а сластолюбивая заживо умерла* (ср.: 1 Тим. 5. 6). ‖ [2] *Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7. 10).

жизни; мы никогда не думаем о неизреченных будущих благах: мысль наша всегда на земле, вся в земных удовольствиях, в земных попечениях. И так не мертвы ли мы душою, хотя и представляемся живыми себе и тем, которые имеют плотское мудрование, смотрят одними плотскими очами[1].

Нам назначен ад, огнь вечный, неусыпающий червь для непрестанного угрызения и терзания нас, если проведем земную жизнь в грехах и в греховных наслаждениях. А мы этих-то наслаждений и ищем, за ними-то и гоняемся; в них желания и размышления наши. Мы живем, как бы не было ада, как бы мы были бессмертны, вечны на земле, как бы достигшие бесконечного блаженства. Тщетно гремит угрозами Слово Божие, тщетно возвещает о страшных бесконечных муках! Мы видим смерть наших братий, участвуем в их погребении: это не производит на нас никакого впечатления, как будто смерть — удел других людей, отнюдь не наш. Мы, как мертвые, не имеем ни памятования, ни предощущения смерти, ни памятования, ни предощущения будущности. Точно мы — мертвы. *Имя имаши яко жив, а мертв еси*[2], свидетельствует о каждом плотском человеке неложное Слово Божие.

Для нас Сын Божий нисходил на землю, попрал нашу смерть Своею смертию, соделался для нас жизнию и вместе путем к этой жизни. Он требует от нас, чтоб мы распяли свою плоть со страстьми и похотьми[3], требует не потому, чтоб сам нуждался в этом, но потому, что мы нуждаемся: только в теле, умерщвленном для греха, может раскрыться явление жизни благодатной[4]. Но мы слышим одни звуки слов; самых слов душа не понимает и не приемлет: они произносятся для нас как бы на чужом, неизвестном языке. И это не удивительно: это — прямое следствие нашего душевного состояния. Мертвый по телу не способен к ощущениям телесным: будут ли прославлять его, дадут ли ему бесчисленное богатство, обнажат ли его, осыплют ли его уничижениями, ко всему он бесчувствен. Так и мертвый душою не может понять слов духовных, не может ощутить духовных благ, не может иметь должного памятования смерти и вечных мук, должного познания суетности сего мира и века, познания столь, впрочем, ясного и осязательного: он

---

[1] Лествица. Слово 18. О нечувствии или умерщвлении души. || [2] *...ты носишь имя, будто жив, но ты мертв* (Откр. 3. 1). || [3] *...распяли плоть со страстями и похотями* (Гал. 5. 24). || [4] Святой Исаак Сирский. Слово 2.

отравлен, умерщвлен грехом, отселе уже чужд Бога и блаженства, отселе запечатлен в жертву аду. Жизнь тела — от присутствия в нем души; жизнь души — от присутствия в ней Святого Духа.

Возмогу ли достойно прославить непостижимую благость всеблагого Бога. Его долготерпение неизреченное, Его неизреченное человеколюбие! Призову ли с Пророком для славословия полки Ангелов, все племена человеков, — мало того — всех зверей и скотов, птиц небесных, гадов и пресмыкающихся, рыб, странствующих в обширных пространствах воды, с ними всю тварь неодушевленную! И тогда, все создание, соединенное в одни уста, один хвалебный глас, не возможет достойно воспеть поклоняемой благости Божией, превысшей слова, превысшей постижения. Придите, братия, поклонимся и припадем к стопам ее: она доселе долготерпит беззакониям нашим, доселе ожидает обращения нашего, доселе простирает к нам объятия, призывая блуждающих в пустынях и непроходимых дебрях греха, принимая кающихся грешников, соделывая их сынами и дщерями Божиими. Ныне, услышав глас ее, глас, призывающий вас к покаянию, *не ожесточите сердец ваших*[1], *имея уши слышати*[2], не пребывайте глухими. *Возстани спяй* глубоким сном нерадения и совершенного небрежения о спасении! *воскресни от мертвых*[3], мертвый по нечувствию и ожесточению, по жизни, которая всецело приносится в жертву плоти, греху и тлению! Да узрю в тебе движение жизни, пробуждение словом, возвещающим покаяние! Да услышу голос твой, голос воздыханий, голос плача твоего, голос покаяния твоего, чтоб увериться мне, что есть еще в тебе признак, остаток жизни! Господь, видя что ты провел все дни жизни твоей бесплодно, вновь дарует тебе день для беструдного спасения: день, в который искреннею исповедию пред духовным отцом ты можешь свергнуть с себя все бремя грехов твоих.

Покаяние — всемогуще, как установление всемогущего Бога. Нет греха, который бы устоял против лица покаяния. Оно — дар, данный падшему естеству человеческому; оно — остаток нашей первобытной непорочности, как сознание этой непорочности и сетование о потере ее; оно — воззвание крещения; оно — связь земли с небом, лествица к небу. Им очищается, изглаждается всякий грех. Если б ты и был обременен тягчайшими согрешениями,

---

[1] Евр. 3. 15. ‖ [2] *Кто имеет уши слышать...* (Мф. 13. 9). ‖ [3] *...встань, спящий, и воскресни из мертвых* (Еф. 5. 14).

нисколько не останавливайся приступить к покаянию. Неизмеримый океан поглощает одинаково и воды реки широкой, протекшей величаво многие страны, и скромные струи ручейка, едва приметного: так в бездне благости Божией исчезают тяжкие грехопадения наравне с малейшими, ничтожнейшими погрешностями. Да уверят тебя в этом пятьсот и пятьдесят динариев, одинаково прощенные: заимодавец бесконечно богат, а должники — все несостоятельны[1]. И малый грех остается неизглажденным, если согрешивший пренебрег покаяться в нем, как в ничтожном по его мнению; и великий грех изглаждается вполне при посредстве покаяния неограниченными благостию и всемогуществом Божиими. Вспомни святого Давида, впавшего в любодеяние и убийство. Несохранение телесных чувств было причиною преступного пожелания; за пожеланием последовало преступное исполнение; за совершением прелюбодеяния последовал стыд тщеславный. Стыд, которым устыдилась греха человеческая гордость, родил новое преступное желание, желание скрыть грех, желание сохранить личину праведности пред человеками. Для этого совершено убийство. Долго пребывал Давид в ожесточении, в нечувствии, как бы неповинный ни в каком согрешении. Нужно было обличение от Самого Бога. Пророк Нафан по повелению Божию обличил согрешившего, — и едва Давид сказал: *Согреших ко Господу*, как исшел ответ от Господа: *Господь отъят согрешение твое*[2]. Всемогущее покаяние спасло целые грады и царство, отменяло приговоры, уже произнесенные Богом. Так многолюдный город Ниневия, обреченный пророком Божиим на погибель, отвратил ее искренним покаянием — и тщетно Пророк неподалеку от Ниневии ожидал истребления ее, исполнения своего пророчества! Так нечестивому израильскому царю Ахаву, поклоннику кумиров, гонителю и убийце поклонников истинного Бога, уже назначена была казнь, уже объявлена великим Илиею; но Ахав умилился и пролил слезы, пребывая, впрочем, в нечестии. Это кратковременное умиление, эти малые слезы не остались без своего действия: *Умилися Ахав от лица Моего*, сказал Господь пророку Илии, *сего ради не наведу зла во днех его, но во днех сына его наведу зло на дом его*[3]. Все Священное Писание, вся Церковная история наполнены бесчисленными примерами, которыми и доказывается мощная сила покаяния. «Некоторый разбойник, —

---

[1] Лк. 7. 41, 42. || [2] *...согрешил я пред Господом... и Господь снял [с тебя] грех твой* (2 Цар. 12. 13). || [3] *За то, что он смирился предо Мною, Я не наведу бед в его дни; во дни сына его наведу беды на дом его* (3 Цар. 21. 29).

повествует Палладий в «Лавсаике», — был пойман на самом преступлении и приведен в Арсенаит, город фиваидский. После многих пыток приговорили отрубить ему голову. Когда он пошел с воинами за город на место совершённого им злодеяния, отстоявшее от города на шесть поприщ, то последовал ему неизвестный монах, желавший посмотреть на казнь его. Разбойник, увидев идущего за собою монаха, сказал ему: "Авва! Неужели ты не имеешь келлии и рукоделия?" — Монах отвечал: "Имею". — Разбойник на это сказал: "Почему ж ты не сидишь в келлии твоей и не плачешь о грехах твоих". Монах отвечал: "Брат! Я очень ленив; душа моя не имеет умиления: почему я пришел увидеть, как ты будешь умирать. Может быть, при помощи этого зрелища приду в умиление". — Тогда сказал ему разбойник: "Авва! Сиди ради Бога в келлии твоей. Благословляй и восхваляй Спасителя Христа: с того времени как Он вочеловечился и умер за нас, грешных, человек уже не умирает"». — Вот и другая, столько же умилительная и поучительная повесть: «Близ некоторого города жил затворник, имевший от Бога дар прозорливства. В том городе была известная всем жителям блудница. Однажды затворник видит простирающийся от женского монастыря, находившегося в городе, к небу светлый путь, по которому идет душа в великой радости, руководимая Ангелами, и приближается к вратам небесным. Он послал ученика своего в женский монастырь узнать, кто там преставился. Ученик, возвратившись, принес известие, что в монастыре никто не скончался, а скончалась скоропостижно пред вратами монастыря известная блудница, пришедши туда из города. Приведенный в недоумение, затворник начал молиться Богу, чтоб Бог объяснил ему видение. "Точно, — был ответ Божий святому старцу, — ты видел восходившую на небо душу жены, бывшей блудницы. Она положила твердое намерение покаяться и исправиться и пошла в монастырь с решимостью вступить в него. Что скончалась она пред вратами монастыря, не успев исполнить намерения, то было по определению Божию. Но ее намерение Бог принял за самое дело"». В этих двух повестях мы видим на опыте исполнение обетований Евангелия. И само Евангелие сколько представляет таких опытов! Мытарь, обремененный грехами, пришел в храм Божий, и за смирение свое и покаяние вышел из храма оправданным. Другой мытарь, Закхей, едва положил намерение исправиться, как назван был сыном Аврамовым; вышел о нем приговор от Бога: *днесь спасение дому сему бысть*[1]. Блудница,

[1] *...ныне пришло спасение дому сему* (Лк. 19. 9).

припавшая к стопам Спасителя и изменившая любовь ко греху на любовь к Богу, услышала: *отпущаются ея грехи мнози, яко возлюби много*[1]. Разбойник, распятый одесную Богочеловека, получил спасение в последние минуты своей бурной жизни. Лишь он смирился, лишь признал себя достойным осуждения, как отверзлись его душевные очи, и он познал в распятом близ себя Богочеловека; познав, исповедал; лишь исповедал, как получил обетование вечного блаженства. Событие, вполне соответствующее учению евангельскому! *Веруяй в Мя*, сказал Господь, *аще и умрет, оживет*[2]. Он открыто и ясно возвестит о себе: *Не приидох призвати праведныя, но грешныя на покаяние*[3].

Не подумайте, что особенно счастливы были те грешники, которые жили во время пребывания Спасителя на земле: счастливы были те, которые прибегали к исповеданию грехов и к покаянию; напротив того, те, которые отвергли всемогущее врачевство покаяния, пребыли во грехах, погибли от нераскаянности своей, от ожесточения своего. Ничто и никто не препятствует нам и ныне воспользоваться счастием покаявшихся грешников пред Самим Господом Иисусом Христом. Он сказал о Себе верующим в Него: *Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века*[4]. Когда ты предстанешь пред духовным отцом твоим, он подтвердит тебе ту же самую истину: «Се, чадо, — скажет он, — Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое»[5]. Предстоя Самому Христу, проси у Него и получи от Него великую и богатую милость — прощение грехов.

Зачем же нам медлить? Зачем останавливаться, приходить в сомнение и двоедушие, которыми увеселяется и укрепляется на нас диавол. Скажешь: грехи многочисленные, тяжкие, долговременные приводят в сомнение и двоедушие; от постоянных грехопадений силы души пришли в изнеможение, чувствую ослабление самого произволения. Так! грехи твои — тяжки. Для всех врачей твое состояние неисцелимо, но не для врача — Господа всемогущего и бесконечно милостивого. Недоверчивая боязливость твоя тогда бы еще была сколько-нибудь извинительною, когда бы ты мог ожидать, что врач отвратит от тебя очи, отвергнет тебя с презрением и гневом. Но Он не отвергает тебя; напротив

---

[1] *...прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много* (Лк. 7. 47). || [2] *...верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11. 25). || [3] *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9. 13). || [4] *...и се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28. 20). || [5] Требник. Последование Исповеди.

того, призывает к Себе, умоляет тебя, чтоб ты приступил к Нему. Он не будет упрекать тебя; никакое жестокое слово вне изыдет из уст Его: Он призывает тебя к Себе единственно для того, чтоб даровать тебе прощение и исцеление. *Придите и истяжимся, глаголет Господь, и аще будут грехи ваши яко багряное, яко снег убелю; аще же будут яко червленое, яко волну убелю*[1]. Цель пришествия Христова на землю состояла в том, чтоб освободить души человеческие от обладавшего ими греха и восстановить в нас падший Божественный образ. *Се Агнец Божий*, свидетельствует о Иисусе Иоанн Предтеча, *вземляй грехи мира*[2]. Исцеление телесных болезней было лишь доказательством исцеления души от греха. Когда пред Господа принесли расслабленного жилами, тогда Он сказал болящему: *дерзай, чадо, отпущаются тебе греси твои*[3]. Некоторые из книжников, тут присутствовавших, помыслили, что произнесена хула. Иисус, зревший помышления их, сказал: *Вскую вы мыслите лукавая в сердцах своих. Что бо есть удобее, рещи: отпущаются ти греси; или рещи: востани и ходи? Но да увесте, яко власть имать Сын человеческий на земли отпущати грехи, тогда глагола разслабленному: востани, возми твой одр и иди в дом твой*[4]. Если ты до того расслаблен грехом, что потерял самое произволение к добру; если прокажен, глух и слеп душою; если ты столько повиновался диаволу, что поступил совершенно во власть его и, действуемый насилием врага, сходствуешь с беснующимся: то и тогда не посумнись приступить к покаянию, и услышишь: *отпущаются тебе греси твои*. Создатель твой есть Создатель и сердца, и ума твоего, и воли твоей. Ты расстроил, растлил их грехом? Создатель может воссоздать сердце чистое из сердца оскверненного и помраченный, поврежденный ум обновить всемогущею Своею Истиною. Он может страждущую и изнемогающую волю твою под насилием греха утвердить в добре и таким образом возвратить душе твоей радость надеждою спасения, которая является в победах воли над грехом.

---

[1] *Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю* (Ис. 1. 18). || [2] *...вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира* (Ин. 1. 29). || [3] *дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мф. 9. 2). || [4] *При сем некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой* (ср.: Мф. 9. 3–6).

Да не взыдет кому помышление лукавое: «Легко получается прощение при покаянии: удобность в получении прощения, позволяет быть нестрогим к себе, позволяет предаваться греховным наслаждениям. Более того: она смотрит с снисхождением на возобновление тяжких грехопадений». Нет! Не на таком условии даруется прощение грехов при покаянии. Оно даруется с тем, чтоб впавший в смертные грехи оставил их. Это явствует из самых слов Спасителя: простив блуднице, приведенной на суд пред Него фарисеями, Он сказал ей: *Иди, и отселе ктому не согрешай*[1]. То же самое заповедал Господь исцеленному Им в притворах Вифезды, заповедал с угрозою большого наказания за нарушение заповеданного; *Се здрав еси*, сказал Он, *ктому не согрешай, да не горше ти что будет*[2]. Так понимали и исполняли слова Богочеловека преподобные пустынные Отцы и так научали братию. Авва Пимен на вопрос, что значит покаяние в грехе, отвечал: «оно состоит в том, чтоб не повторять того греха. Поступившие так названы непорочными и праведными: потому что они оставили грехи и соделались праведниками»[3]. Великий наставник монашествующих святой Исаак Сирский говорит о повторяющих свои грехопадения: «Кто, в надежде покаяния, вторично впадает в согрешение, таковый ходит пред Богом с лукавством; таковому посылается нечаянная смерть, и он не получает времени, на которое надеялся, к исправлению добродетели»[4]. Это разумеется о грехах смертных, а не о тех поползновениях, от немощи, которые врачуются ежедневным покаянием, которых и Святые не были вполне чужды. Если же по несчастному навыку и расслаблению, увлекаемый как бы насильно плотию и кровию, не может удержаться от смертных грехов, преимущественно именуемых *падениями*: то и тогда не предавайся отчаянию, к которому так неистово влечет человека непрерывающийся ряд падений. Мы имеем на этот случай премудрое наставление Сисоя Великого. Ему однажды с горестию сердца сказал брат: «Отец! Что мне делать? Я пал». — Старец отвечал: «Опять возстань». Брат возразил: «Доколе же мне возставать и падать?» Старец сказал: «До кончины твоей». Истинный раб Божий хранится не только от греховных дел и слов, хранится от самых помыслов и ощущений греховных. За верность к Господу он сподобляется особенных духовных дарований. Обиловал ими преподобный Силуан, скитский, потом синайский

---

[1] *...иди и впредь не греши* (Ин. 8. 11). ‖ [2] *...вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5. 14). ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Слово 90.

подвижник; когда спросили его, каким способом стяжал он благодать, Силуан отвечал: «Я никогда не допущал в сердце мое мысли, прогневляющей Бога»[1].

Сохранивший себя от грехов смертных, не должен думать, что он нуждается в покаянии немного. Твои согрешения легки пред твоими глазами, но ты не знаешь, какова тяжесть их на весах правосудия Божия. «Ин суд человеческий и ин суд Божий», — сказал некоторый преподобный пустынножитель, рассуждая пред кончиною своею о своей иноческой и подвижнической деятельности[2]. Законодатель народа израильского, Боговидец, святой Моисей, сиявший лучами пророчества, чудотворения и лучами видимой славы, произнес необдуманное слово пред народом, будучи огорчен его строптивостью. Он только *разнствовал устами своими*[3], по выражению святого Псалмопевца; он произнес устами слово недоверия, будучи в сердце исполнен веры; он произнес это слово, признавая нечестие и неверие народа недостойными чуда и благодеяния, — как бы полагая, что благодать Божия, ослабленная народным нечестием, не довольно сильна и достаточна сама по себе для произведения чуда. Грех, по-видимому маловажный и извинительный, грех на святом муже, богатом делами добрыми и благодатными дарами, иначе судится Богом: не только заслуживает обличение, не только вносится в книги Священного Писания во известие всего израильского народа и во известие всего мира, имеющего уверовать в истинного Бога, — наказывается временною казнию. Моисей, знавший силу молитвы и бесконечное милосердие Божие, тщетно прибегает к молитве и умилостивлению Бога; Моисей, не раз отвращавший гнев Божий от всего народа израильского, молится о себе, чтоб отменено было произнесенное на него определение, и не услышан. *Презре мя Господь вас ради*, говорил Моисей, поведая народу о последствиях своей молитвы, *и не послуша мене*[4]. В Писании ничего не сказано без святой цели. Угадывая цель Писания в настоящем обстоятельстве, мы нисколько не погрешим, если признаем, что оно служит нам наставлением и предостережением, чтоб мы не считали малыми и малые грехи наши, заботились со всею тщательностью избегать их и очищаться от них покаянием. Сколько согрешаем от неведения! Сколько согрешаем от немощи! Сколь-

[1] Патерик Скитский. ‖ [2] Преподобный Агафон. Алфавитный патерик. ‖ [3] ...*погрешил устами своими* (Пс. 105. 33). ‖ [4] ...*Господь гневался на меня за вас и не послушал меня* (Втор. 3. 26).

ко согрешаем, увлекаясь развлечением, примером других, снисходительностью к другим! Сколько попускается нам преткновений за осуждение ближнего, за жестокосердие к нему! Мы пребываем в беспечности, а рукописания согрешений наших умножаются. Ведал это праведный Иов и ежедневно приносил молитвы и жертвы Богу о детях своих, говоря: *Негли когда сынове мои согрешиша противу Бога. Тако убо творяше Иов вся дни*[1]. Признак праведника — пребывание в непрестанном покаянии.

Когда отстраним ослепляющее нас развлечение, когда углубимся в себя и начнем рассматривание себя, сличая состояние душ наших с тем, каково оно должно быть по учению Священного Писания: тогда сами признаем малые грехи уже не малыми, но тяжкими и страшными, достоянными непрестанных слез и покаяния. Раскроем Священное Писание, посмотрим, чем мы должны быть. Говорит святой апостол Павел: *Первый человек от земли перстен: второй человек Господь с небеси. Якоже облекомся во образ перстного, да облечемся и во образ небесного*[2]. Получая бытие, начиная существовать, мы в то же самое время облекаемся во образ праотца нашего Адама, во образ его падший; зачинаемся и родимся, имея семя греха, насажденное во всем естестве нашем, имея яд греха, разлитый во всех членах души и тела. *В беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя*[3]. Таким образом весь род человеческий соделался и соделывается непотребным, умерщвляется грехом, заразившим нас в самом корне нашем, в праотце. При воссоздании нас искуплением нужно было устранить корень, не преставший сообщать всем отраслям смертоносную заразу, нужно было заменить его корнем, который бы сообщал нам жизнь, истление, святость, нужен был для рода человеческого новый праотец, и им соделался *Господь с небесе*. Он благоволил быть по плоти потомком Адама, зачавшись от Девы бессеменно и бесстрастно. Земным рождением Адам и многие человеки предварили Иисуса; но рождением из смерти и гроба, которое есть воскресение, Иисус предварил Адама и всех человеков[4], Он соделался Первенцем рода человеческого; Он — Первый человек, восшедший на небо. Там воссел Он одесную Бога. Адам и прочие святые праотцы Иисуса

[1] *...может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога... Так делал Иов во все [такие] дни* (ср.: Иов. 1. 5). ‖ [2] *Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного* (1 Кор. 15. 47, 49). ‖ [3] *...я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя* (Пс. 50. 7). ‖ [4] Мф. 27. 53.

по плоти соделались Его потомками по рождению Духом в пакибытие. Он — Отец будущего века, Родоначальник святого племени избранных. Чтоб нам, начавшим существовать по образу ветхого Адама, перейти из его отверженного потомства в благословенное потомство Нового Адама, — должно родиться Свыше. *Аще кто не родится водою и Духом*, говорит нам Новый Адам, Господь наш Иисус Христос, *не может внити в царствие Божие*[1]. *Мы родимся в новую благодатную жизнь святым крещением*, которым переходим в потомство Господа Иисуса Христа, получаем усыновление Отцу нового века, как и Апостол сказал: *Елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся. Приясте Дух сыноположения в нем же вопием: Авва Отче*[2]. Но чтоб пребывать в этом усыновлении, мы должны жительствовать не по плоти, — по Духу: *Елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии*[3]. Напротив того, *аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов*[4]. Пребывает ли в нас этот признак усыновления? *Послушествует* ли *Дух духови нашему, яко есмы чада Божии*[5]? По этому признаку испытывали и рассматривали себя преподобные Отцы пустынные; такое рассматривание погружало их в бездну покаяния и плача. Послушаем, как об этом рассуждает преподобный Макарий Египетский, по всей справедливости нареченный Великим: «Как тело, — говорит он, — не из самого себя имеет свою жизнь, но извне, то есть из земли, и не может жить без внешних средств: равным образом и душа, если отсюду не переродится на землю живых, если не будет там питаться духовно и, успевая о Господе, возрастать духовно, если не одеется в одежду небесной красоты, взятую из самого Божества: то сама собою в радости и покое жить никак не может. Ибо Божие естество имеет в себе хлеб жизни по сим словам: *Аз есмь хлеб жизни и вино, веселящее сердца человека, и елей радования*[6], и многоразличное брашно Духа, и небесную одежду света, исходящую из Самого Бога. В сих состоит вечная жизнь души. Горе телу, когда оно в своем едином естестве оставлено! Ибо разрушается и умирает. Горе и душе, когда она единому своему естеству предо-

---

[1] *...если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3. 5). ‖ [2] *...все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал. 3. 27). ... *приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!»* (Рим. 8. 15). ‖ [3] *Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии* (Рим. 8. 14). ‖ [4] *Если же кто Духа Христова не имеет, тот [и] не Его* (Рим. 8. 9). ‖ [5] *Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии* (ср.: Рим. 8. 16). ‖ [6] *Я есмь хлеб жизни* (Ин. 6. 35), *и вино, которое веселит сердце человека* (Пс. 103. 15)... *елеем радости* (ср.: Пс. 44. 8).

ставлена, уповает только на свои дела, не имея общения с Божиим Духом! Она умирает, не удостоясь вечной, Божественной жизни... Если ты сделался престолом Богу и воссел на тебя Небесный Всадник; если душа твоя вся соделалась духовным оком и вся стала светом; если ты воспитался небесною пищею Духа, и напоен водою живота, и облекся в одежду таинственного света; если, наконец, вся сия стяжал твой внутренний человек и твердо о сем извещен: то воистину уже ты живешь жизнию вечною, отныне покоясь душою твоею с Господом, воистину ты стяжал и приял от Господа то, чтоб жить тебе истинною жизнию. Если же ты ничего этого не видишь в себе, то плачь, болезнуй и рыдай горько, как не соделавшийся еще участником вечного и духовного богатства, как еще не приобретший истинной жизни. Возымей попечение о убожестве своем и проси Господа день и ночь, как находящийся в тяжкой и лютой бедности греха. О, когда б мы заботились и пеклись о нашем убожестве! О, когда бы не жили в беспечности, как обилующие богатством и благами духовными!»[1] Стремление к стяжанию истинного покаяния было побудительною причиною, по которой святые иноки, ощутив нищету духа, удалялись в глубокое уединение, заключались в затвор, скрывались в вертепах и пропастях земных. Но такое зрение нищеты своей, такое зрение умерщвления души грехом даруется уже значительно преуспевшим в иноческом подвиге. Оно внушает человеку решимость окончательно отрешиться от мира, умереть для мира, чтоб всецело предаться взысканию в себе жизни вечной.

Обратимся к другому признаку, по которому рассматривание себя более доступно для новоначалия нашего. Сказал Господь в Святом Евангелии: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдает. Не любяй Мя словес Моих не соблюдает. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей*[2]. Соблюдающий Христовы заповеди — Христов; не соблюдающий их не принадлежит Христу. Рассматривание совести нашей, душевного состояния нашего по евангельским заповедям весьма удобно, крайне душеспасительно, вполне верно. Для примера посмотрим: исполнили ли мы некоторые заповеди Христовы, изложенные в 5 главе Евангелия от Матфея. Не гневались ли мы всуе на ближнего? Не имели ли, доселе

---

[1] Беседа 1, гл. 11 и 12. || [2] *...кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое... Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих* (Ин. 14. 23, 24). *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей* (Ин. 15. 10).

не имеем ли с кем ссоры? Не действует ли в нас памятозлобие? Не произносили ли мы слов укоризненных и ругательных? Удерживались ли от взоров, ощущений, помыслов сладострастных? Не воздавали ли злом за зло? Были ли так кротки, чтоб не противиться злу? Любили ли врагов наших? Благословляли ли проклинающих нас? Делали ли добро ненавидящим нас? Молились ли за творящих нам напасть? — Конечно, и эти немногие вопросы затруднят и обличат совесть нашу. Что же может произойти при дальнейшем и подробнейшем рассматривании? — Отверзутся очи наши на грехи наша, насадится в сердца наши чувство непрестанной печали о нашем недостоинстве; мы научимся сокрушаться о тех согрешениях, которые в омрачении нашем казались нам малыми, но по самой вещи лишают нас усыновления Богу и блаженной вечности. То и другое засвидетельствовал Сам Господь. Повелев любовь ко врагам, Он объявил и причину, по которой любовь эта для нас необходима: *яко да будете сынове Отца вашего иже есть на небесех*[1]. С горестным последствием сопряжено нарушение малейшей евангельской заповеди: *Иже аще разорит едину заповедей сих малых*, сказал Господь, *и научит тако человеки, мний наречется в Царствии Небеснем*[2], *то есть не будет причастником его*[3]. Полное же невнимание к евангельским заповедям, как бы нравоучению, которое можно и не исполнять, влечет за собою решительную погибель. Не заменится исполнение заповедей никакими подвигами! Не заменят их ниже самые чудеса! *Мнози*, говорит Спаситель, *рекут Мне во он день: Господи не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом. И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отъидите от Мене делающие беззаконие*[4]. Созидание души, основанное не на исполнении заповедей, но на одних подвигах, непрочно, суетно; не может оно выдержать ни скорбей от человеков, ни искушений от бесов, чуждо света, полно мрака и самообольщения. *Всяк слышай словеса Моя сия*, возвещает воплотившееся Божие Слово, *и не творя их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце:*

---

[1] *...да будете сынами Отца вашего Небесного* (Мф. 5. 45). || [2] *Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном* (Мф. 5. 19). || [3] По объяснению блаженного Феофилакта Болгарского. || [4] *Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7. 22, 23).

и сниде дождь и приидоша реки, и возвеяша ветри и опрошася храмин той и падеся: и бе разрушение ея велие[1].

Покаяние необходимо для всех! каждый да пользуется драгоценным временем, даруемым милосердием Господа! каждый да погружается в блаженное покаяние! В особенности займемся им в продолжение текущей недели, отделенной и назначенной нами для приготовления себя к Таинству Исповеди и последующему за ним Таинству Причащения. Совершим приготовление со всевозможным вниманием. Не принесем этих седми дней в жертву безрассудному развлечению: уже мы довольно ему жертвовали! Довольно занимались погублением себя! Ныне займемся своим спасением! Будем часто раскрывать книгу совести; будет всматриваться в свои пятна греховные, будем приготовлять их к омовению исповедию. Не щади грехов твоих! Не сочти какого-либо проступка маловажным, извинительным; не признай невинными каких-либо навыков и упражнений, порицаемых Писанием. Обвини себя, чтоб получить обильное оправдание от Бога. Решись обнажить с откровенностию язвы пред отцом духовным! Не оставляй в сердце тайной дружбы, тайной связи со грехом, скрывая его, отлагая открытие его до будущего времени! Иначе твое покаяние будет неистинным, лицемерным, — в душе твоей будет оставаться залог, причина к продолжению жизни греховной. Неисповедуемые согрешения удобно повторяются, как бы совершаемые в непроницаемой тьме[2]. С решительностью возненавидь грех! Измени ему обнаружением его, — и он убежит от тебя; обличи его как врага — и примешь Свыше силу сопротивляться ему и побеждать его.

Положи в себе твердое намерение проводить жизнь богоугодную, и немедленно приносить покаяние в тех поползновениях, которые случатся с тобой или по немощи, или по злохитрости врага, или по стечению обстоятельств. «Не падать — свойственно только Ангелам; человекам свойственно падать и восставать; а падши пребывать в падении свойственно одним диаволам»[3]. Решись быть верным рабом Христовым во все дни живота твоего! Раб верный с точностью исполняет волю господина своего; когда же согрешит

---

[1] *А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое* (Мф. 7. 26, 27). ‖ [2] Лествица. Слово 4, гл. 53. ‖ [3] Там же, гл. 31.

в чем, тотчас раскаивается, печалится, просит прощения, заглаждает проступок исправлением. Возгнушайся делами, жизнию и свойствами предателя! Не своди дружбы со врагами Бога твоего, Создателя твоего, Искупителя твоего! Не предавай Его ни на сребреники, ни на честолюбие, ни на чревоугодие, ни на сластолюбие!

Употреби эту неделю на рассматривание прошедшего поведения твоего. Предначертай себе образы исправления: размысли, какие пороки тебе должно оставить, какие добродетели должно насадить в тело и душу. Не однажды в течение недели поступи так; каждый день размышляй об этом по нескольку раз; что забыл сегодня, то припомнишь завтра. Сам Господь, видя твое тщание, пошлет тебе мысли благие и отверзет твои очи на недостатки твои. Чем более будешь погружаться в рассматривание себя, тем удовлетворительнее будут твои исповедь и покаяние, тем ощутительнее и обильнее прольется в душу твою обновление, даруемое исповеданием грехов.

«В насыщенном чреве нет разума таин Божиих»[1]. Желая посвятить эту неделю занятиям и размышлениям духовным, удержимся от пресыщения, от всякого излишества, если же можно, то и от довольства в пище и питии. Покажем в телах наших, что мы последователи распятого за нас Господа! Утомим плоть стоянием на церковных последованиях. Когда она, ощутив усталость и изнеможение, будет просить отдохновения, — скажи ей в увещание: «Воспоминаю пострадавшего за меня Господа и желаю, чтоб ты, плоть моя, причастилась, хотя в малейшем виде, тех страданий, которые ощущала святейшая плоть Христова, будучи распята на древе крестном. Наслаждения твои пагубны и тебе, и душе: ими возбуждается плотское мудрование, любовь к суетному миру и к временной земной жизни; ими подавляются движения духовные, воспоминание о смерти и вечности; ими укрепляются страсти; ими ослабляется самая вера во Христа. Строгость к себе приносит неисчислимую пользу: очищает ум, оживляет душу, — саму тебя, бренную плоть, соделывает легкою, способною к подвигам духовным и к ощущению духовному. Мученики принесли к подножию креста Христова кровь свою; святые пустынножители принесли подвиги многотрудные, если не равные, то подобные мученичеству. Принесу ему и я — хотя малое удручение тела моего! Удру-

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 56.

чением плоти моей хотя несколько уподоблюсь распявшемуся за меня Господу! Удручением плоти хотя несколько накажу себя за удовлетворение греховных пожеланий плоти! Удручением плоти покажу на самом деле, что гневаюсь на себя за соделанные мною проступки, себя осуждаю, искренне желаю и ищу исправления! Ты сама, плоть моя, утесненная постом, бдением и стоянием церковным, ходатайствуй себе и душе обильное прощение».

Если в продолжение этой недели мы будем пресыщаться, если будем увлекаться к угождению прихотливым пожеланиям тела: то можно ли ожидать, чтоб мы рассмотрели себя как должно, чтоб принесли покаяние нелицемерное? Можно ли поверить, что оставим пороки, утвердимся в добродетели, когда дело обращения от греха к Богу будем совершать с двоедушием, хладностию, небрежением? Нет! Хладность и небрежение — обличители шаткого, лукавого произволения. Убоимся слов Господа: *Обумерен еси и не тепле, ни студне; изблевати тя от уст Моих имам*[1]. Будем ревностны!

Во всех благих начинаниях мы нуждаемся в помощи Божией; тем более нуждаемся в ней для свержения ига греховного, для вступления на стези правые и святые. Помощь Божия испрашивается усердной, внимательной молитвой. Святые Отцы наставляют нас молиться о том, чтоб даровано было нам узреть согрешения наши, чтоб послана нам была Свыше благая и спасительная мысль исповедания грехов наших[2]. То и другое — дар Божий! Правильнее сказать, все действия, из которых составляется блаженное покаяние, непременно требуют содействия Божия. Почему моли Господа Бога, чтоб даровал тебе провести эту неделю благоговейно и внимательно, чтоб даровать рассмотреть себя, увидеть свои согрешения. Моли Господа, чтоб Он положил вражду между тобою и семенем змея, которое есть грех; моли Его, чтоб Он воодушевил тебя мужеством в борьбе с самим собою, с поврежденным естеством твоим, с живущею в тебе смертию. Моли Господа, чтоб Он Сам поборол за тебя, и таким образом всегда доставлял тебе победу: Господь не может не быть победителем. Если же мы побеждаемся, — это значит, что сражаемся одни, — Господь не нисходит вместе с нами на сражение против иноплеменников. Он не нисходит или по причине раздвоенного произволения нашего, или потому, что мы

---

[1] *Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих* (Откр. 3. 16). || [2] Вечерняя молитва св. Иоанна Златоустого. Канонник.

заслуживаем оставление за небрежение наше, за хладность нашу к Нему, за привязанность к миру и его сладостям. Моли Господа, чтоб Он помог тебе сказать все грехи твои духовному отцу со всею искренностию, с отвержением зловредного стыда и услышать разрешение от уст его с живою верою, как из уст Божиих. Наконец моли Господа, чтоб по очищении покаянием уже не возвращаться тебе в греховную дебрь, в греховный смрад, в темницу и ад, но начать жительство богоугодное, внимательное, — путь, по которому каждый пришлец и странник земной может достичь вечного, блаженного спокойствия. Проси всего вышеописанного молитвою: *без Мене*, сказал Господь, *не можете творити ничесоже*[1].

Более всего моли о том, чтоб был тебе дарован *дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно*[2], потоки слез для омовения греховной скверны. Когда сердце пронзено спасительною печалию о согрешениях: тогда истекают из очей животворные слезные воды. Они возобновляют на душе и теле действие вод крещения и сами названы крещением. Воды крещения омывают прародительский грех, а в крестящихся в возрасте и собственные грехи, сделанные до крещения; слезными водами омываются согрешения, соделанные после крещения[3]. Молись о получении этих вод, доказывай твое желание стяжать их понуждением себя к ним. Приготовь себя к исповеди и святому причащению слезами! Омой, смягчи, оживотвори ими сердечную ниву; уясни ими Божественный образ, обнови подобие, потемненное и обезображенное неправильными чертами и красками грязными. Принявший слезы блудницы и разрешивший ее греховные узы, разрешит и твои оковы. Проливший Свои священные слезы о Иерусалиме, который упорно отвергал снисшедшее ему от Бога спасение и слепо стремился к погибели, возрадуется слезам твоим, которые ты проливаешь, желая стяжать спасение. Проливавший Свои святые слезы при вести о смерти друга Своего Лазаря, воскресивший Лазаря, мертвеца четверодневного и уже смердевшего, милостиво воззрит на твои слезы и воскресит от смерти греховной твою душу, хотя бы она по всем членам была обвязана погребальными убрусами, хотя бы она уже смердела от закоренелых, долговременных греховных навыков, хотя бы ко входу в сердце привален был тяжкий камень ожесточения и нечувствия. Он повелит отвалить камень, разрешить окованные мертвостию

[1] *...без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15. 5). ‖ [2] *...дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного* (Пс. 50. 19). ‖ [3] Лествица. Слово 7.

помышления и чувствования твои, — да шествуешь в преуспеяние духовное и бесстрастие[1].

Приуготовляешься к важному Таинству — к одному из седми главных Таинств церковных — к святой исповеди! Вторым крещением намереваешься креститься по тайноучению христианскому! Приходишь в духовную врачебницу: не выдь неисцеленным. Тебе предстоит суд чудный и необыкновенный: на нем будут взвешиваться и оцениваться твои согрешения, и вместо казней, тобою заслуженных, дастся тебе оправдание, чистота, святыня. *Придите и истяжимся, глаголет Господь*, призывая на этот суд, *и аще будут грехи ваши яко багряное, яко снег убелю, аще же будут яко червленое, яко волну убелю*[2]. Казни твои понес на Себе вочеловечившийся Бог, и дарует тебе, по бесконечной благости Своей, Свою святыню, требуя от тебя одного сознания в твоих согрешениях: невозможно простить несознающегося, выражающего несознанием, что он не признает себя виновным, не нуждается в прощении, отвергает его.

Погрузись в благоговейное и благочестивое созерцание Таинства, Таинства точно великого и удивительного! Погрузись в созерцание бесконечной любви Божией к падшему роду человеческому! *Составляет Свою любовь в нас Бог, яко еще грешником сущим нам, Христос за ны умре. Много убо паче оправдании бывшее ныне кровию Его, спасемся Им от гнева*[3]. И спасаемся мы от гнева покаянием, которое исправляет все проступки наши, поддерживает нас во все время земного странствования нашего, извлекает нас из всякой греховной пропасти, как бы она ни была глубока. Сила и действие покаяния пребывают неистощимыми до конца жизни нашей. Хотя бы кто падал каждый день, хотя бы совершил все неправды и все беззакония, — покаяние приемлет его в свои объятия, чтоб очистить, исцелить, соделать праведным, святым. Тогда только оно остается недействительным, когда с безрассудным упорством и отчаянным ослеплением отвергается его всемогущая помощь.

И тому удивись в этом Таинстве, что служителем его поставлен не Ангел непорочный, страшный самою святостию своею, но

---

[1] Лествица. Слово 1. ‖ [2] *Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю* (Ис. 1. 18). ‖ [3] *Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева* (Рим. 5. 8, 9).

подобострастный нам человек, обложенный общими немощами нашего рода, не менее тебя нуждающийся в покаянии, служащий видимым орудием благодати при омовении твоих грехов и имеющий необходимую нужду в служении другого при омовении собственных согрешений. В то время как ты падешь ниц пред священным изображением Христовым, чтоб исповедать твои согрешения духовнику, он смиренно скажет тебе по завещанию Святой Церкви: «Аз точию свидетель есмь, да свидетельствую пред Господом вся, елика речеши мне»[1]. Благость Божия отвсюду уловляет тебя во спасение, отвсюду обставляет, окружает удобствами приступить и приблизиться к Богу.

Таковые размышления необходимы для должного приготовления себя к Таинству исповеди. Угладь стропотные стези ума и сердца твоего, очисти их от всякого лукавства и лицемерия. В противном случае — только усугубишь грехи: к прежним грехам присоединишь грех, несравненно их тягчайший. Страшно мне сказать с определенностию, в чем заключается этот грех. Но для спасения вашего скажу; скажу для того, чтоб каждый из вас, услышав как тяжек и ужасен этот грех, убоялся и избежал его адских челюстей. Впал ли ты в осуждение, в чревоугодие, в гнев? — Впал ли в любодеяние? — Ты согрешил как человек. Если же приступишь к Таинству покаяния с небрежением, с лукавством, скрытностью, то совершишь начинание сатанинское, наругаешься Всемогущему и Всевидящему Богу, Который создал тебя и воссоздал, даровал тебе благодать покаяния, чтобы ты при помощи ее пребывал в пристанище и состоянии воссоздания, Который, наконец, будет судить тебя и рассматривать, как употребил ты Его неизреченные дары. Святая Церковь в последовании исповеди влагает в уста духовника для предосторожности кающегося следующие многознаменательные слова: «Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое: не усрамися, ниже убойся, и да не скрыеши что от мене; но не обинуяся рцы вся, елика соделал еси, да приимеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа. Аще же что скрыеши от мене, сугуб грех имаши»[2].

Не согласись с помыслом лукавого, который будет внушать тебе: «Как сказать духовному отцу согрешение и гнусное и низкое? Теперь скрой, а скажешь при следующей исповеди, когда пройдет довольное время, и тебе будет менее стыдно говорить о грехе твоем

---

[1] Требник. Последование Исповеди. || [2] Там же.

как о давно прошедшем и едва помнимом». Узнай голос древнего змея, приходящего в виде тата, да *украдет* у тебя благие мысли, да *убиет* тебя советом злохитрым и да погубит[1] отъятием спасения, предлагаемого тебе Господом *туне*[2] в покаянии. Звук этого голоса подобен тому, который некогда проник в рай, извлек оттуда праотцев наших. Сын Адама! Ныне он стремится проникнуть в твою душу, чтоб не впустить тебя в рай. Отвратись от него, не слушай его, не вкуси яда, смертоносного для души твоей.

Исполненный кроткой веры, мужественного самоотвержения, смиренной простоты и искренности, приступи к святому Таинству исповеди. Веруй, что для всемогущего Врача — Господа все язвы, и малые и великие, одинаково ничтожны, одинаково удобоисцелимы. Всемогущее Слово исцеляет, воскрешает, вводит в рай единым словом. Творцу труды излишни. Он изрекает Свою волю, — и спешит всякая тварь, видимая и невидимая, раболепно исполнять Творческое веление! Изрекается эта воля — и изглаждаются наши согрешения, начертанные нами и врагами нашими на рукописаниях вечных.

При вере самоотвержение не трудно! Отвергни ложный, пагубный стыд, хранителя грехов; отвергни мать его — гордость; обвини себя, осуди себя! Преклони главу в сокрушении духа, в слезах и плаче, подробно поведай грехи твои Богу пред отцом твоим духовным — и осенит тебя, при посредстве служителя тайны Божией, благодать Святого Духа, внося в дом души твоей отпущение грехов и, взамену их, правду от Бога со спасением вечным, да блаженствуешь и да прославляешь Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Беседа эта читана в пост Рождества Христова 1845 года
в братской трапезе Сергиевой пустыни.

Роса

По синему, безоблачному небу, в прекрасный летний день великолепное светило совершало обычный путь свой. Горели златые кресты соборного пятиглавого храма, воздвигнутого во славу Всесвятыя Богоначальныя Троицы; сребристые купола его отражали ослепительное сияние лучей солнечных. Тень

---

[1] Ин. 10. 10. || [2] *...даром* (Рим. 3. 24).

показывала наступление десятого часа, в который обыкновенно начинается Божественная Литургия. Многочисленные толпы народа спешили от большой дороги в мирную обитель иноков: день был воскресный или праздничный — не помню.

За оградою того монастыря, к восточной стороне, лежит обширный луг. Тогда он был покрыт густою, нежною травою, разнородными дикими цветами, которые цвели и благоухали беспечно на свободе и приволье. В тот день упала на него обильная роса. Бесчисленные ее капли виднелись на каждом цветке, на каждом стебельке и мелком листочке, а в каждой капле изображалось с отчетливостью солнце; каждая капля испускала лучи, подобные лучам солнца. Луг имел вид широкопостланного бархатного ковра, на котором по яркой густой зелени роскошная рука рассыпала бесчисленное множество разноцветных драгоценных камней с превосходным отливом, игрою, с лучами и сиянием.

В то время священноинок, готовившийся к совершению Божественной Литургии, вышел с глубокою думою из боковых уединенных ворот монастыря[1] и, сделав несколько шагов, остановился пред лугом обширным. Тихо было у него на сердце; тишине сердца отвечала природа вдохновенною тишиною, тою тишиною, которою бывает полно прекрасное утро июня, которая так благоприятствует созерцанию. Пред глазами его — солнце на лазуревом чистом небе и бесчисленные отпечатки солнца в бесчисленных каплях росы на лугу обширном. Мысль его терялась в какой-то бесконечности — ум был без мысли, как бы нарочно приготовленный, настроенный к принятию духовного впечатления. Священноинок взглянул на небо, на солнце, на луг, на блистающие капли росы — и внезапно открылось пред очами души объяснение величайшего из таинств христианских, то объяснение, каковым может объясниться непостижимое и необъяснимое, объяснение живым подобием, картиною живописною, которая была пред его глазами.

Как будто сказал ему кто: «Вот! солнце всецело изображается в каждой смиренной, но чистой капле росы: так и Христос, в каждой христианской православной церкви, всецело присутствует и предлагается на священной Трапезе. Он сообщает свет и жизнь причастникам своим, которые, приобщившись Божественному Свету и Животу, сами делаются светом и жизнию: так капли росы, приняв в

[1] На этом месте впоследствии выстроена церковь во имя святого Григория Богослова.

себя лучи солнца, начинают сами испускать лучи, подобные лучам солнечным. Если вещественное и тленное солнце, создание Создателя, стоившее Ему, чтоб прийти в бытие, одного беструдного мановения Его воли, может в одно и то же время изобразиться в бесчисленных каплях воды: почему же Самому Создателю, всемогущему и вездесущему, не присутствовать в одно и то же время Своею Пресвятою Плотию и Кровию, соединенным с ними Божеством, в бесчисленных храмах, где по Его велению и установлению призывается на хлеб и вино вседетельный, всесвятый Дух для совершения величайшего, спасительнейшего, непостижимейшего Таинства?..

Неся в недрах глубокое и сильное духовное впечатление, возвратился служитель Тайны в келлию. Впечатление осталось жить в душе его. Прошли месяцы, прошли годы, оно так же живо, как и в день первоначального ощущения. Разделяя с ближним пользу и назидание, теперь, после многих лет, изображаю его словом и пером. Скудное изображение! Перо и слово слабы для полного и точного изображения духовных тайнозрений.

Священное тайнозрение! священное видение ума! С какою неожиданною внезапностию ты являешься в живописной, разительной картине пред умом, приготовленным к видению таин покаянием и внимательною, уединенною молитвою! Как сообщаемое тобою знание сильно, ясно, живо! Какого исполнено неоспоримого, непостижимого убеждения! Ты независимо от человеков: приходишь к тому, кого избираешь или кому посылаешься. Напрасно человек захотел бы проникнуть в духовные тайны сам собою, одним собственным усилием! Он будет только слабым мечтателем, блуждающим ощупью во мраке самообольщения, не чувствуя и не сообщая ни света, ни жизни. Как цепи звучат на руках и ногах невольника, так в мыслях и словах мечтателя услышится отголосок насилия, подделки, принужденности, рабства и мерзости греховной. Путь к духовному тайнозрению — постоянное пребывание в покаянии, в плаче и слезах о греховности своей. Плач и слезы — тот коллурий, которым врачуются душевные очи[1].

Сергиева пустыня, 1846 года

Совесть

Совесть — чувство духа человеческого, тонкое, светлое, различающее добро от зла.

Это чувство яснее различает добро от зла, нежели ум.

Труднее обольстить совесть, нежели ум.

И с обольщенным умом, подкрепляемым греховлюбивою волею, долго борется совесть.

Совесть — естественный закон[1].

Совесть руководствовала человека до Закона письменного. Падшее человечество постепенно усваивало себе неправильный образ мыслей о Боге, о добре и зле: лжеименный разум сообщил свою неправильность совести. Письменный Закон соделался необходимостию для руководства к истинному богопознанию и к богоугодной деятельности.

Учение Христово, запечатленное Святым Крещением, исцеляет совесть от лукавства, которым заразил ее грех[2]. Возвращенное нам правильное действие совести поддерживается, возвышается последованием учению Христову.

Здравое состояние и правильное действие совести возможно только в недре Православной Церкви, потому что всякая принятая неправильная мысль имеет влияние на совесть: уклоняет ее от правильного действия.

Потемняют, притупляют, заглушают, усыпляют совесть — произвольные согрешения.

Всякий грех, не очищенный покаянием, оставляет вредное впечатление на совести.

Постоянная и произвольная греховная жизнь как бы умерщвляет ее.

Умертвить совесть — невозможно. Она будет сопровождать человека до Страшного Суда Христова: там обличит ослушника своего.

По изъяснению святых Отцов, *соперник* человека, упоминаемый в Евангелии, — совесть[3].

Точно: она соперник! потому что сопротивляется всякому противозаконному начинанию нашему.

Сохраняй мир с этим соперником на пути твоем к небу, во время земной жизни, чтоб он не сделался твоим наветником в то время, как будет решаться вечная твоя участь.

---

[1] Преподобный авва Дорофей. Поучение 3, О совести. ‖ [2] Евр. 10. 22. ‖ [3] Мф. 5. 25. Преподобный авва Дорофей. Поучение 3, О совести.

Говорит Писание: *Избавит от злых душу свидетель верен*[1]. Свидетель верный — непорочная совесть: она избавит душу, внимающую советам ее, от согрешений до наступления смерти и от вечных мук по смерти.

Как лезвие ножа натачивается камнем, так совесть натачивается Христом: она просвещается изучением и изощряется исполнением евангельских заповедей.

Просвещенная и изощренная Евангелием совесть подробно и ясно показывает человеку его согрешения — и самые малейшие.

Не делай насилия сопернику — совести! Иначе лишишься духовной свободы: грех пленит тебя и свяжет. Сетует Пророк от лица Божия о попирающих совесть, наветующих самим себе: *Соодоле Ефрем соперника своего, попра суд, яко нача ходити вслед суетных*[2].

Острие совести очень нежно; его надо хранить и хранить. Хранится оно, когда человек исполняет все требования совести, а нарушение какого-либо требования, по немощи или увлечению, омывает слезами покаяния.

Не думай ни о каком грехе, что он маловажен: всякий грех есть нарушение Закона Божия, противодействие воле Божией, попрание совести.

От безделицы, от ничтожных по-видимому согрешений переходим постепенно к великим грехопадениям.

«Что значит это? велик ли этот грех? что это за грех? это не грех! — так рассуждает небрегущий о спасении своем, когда он решается вкусить запрещенной Законом Божиим греховной снеди. Основываясь на таком неосновательнейшем суждении, он непрестанно попирает совесть.

Острие ее притупляется, свет ее тускнеет; в душе разливаются мрак и хлад небрежения и нечувствия.

Нечувствие соделывается наконец обыкновенным состоянием души. Часто бывает она удовлетворенною им; часто признает его состоянием, угодным Богу, спокойствием совести, а оно — утрата ощущения своей греховности, утрата ощущения благодатной духовной жизни, усыпление и слепота совести[3].

При таком состоянии, при страшном омрачении и нечувствии, различные грехи свободно входят в душу, устраивают в ней логовище для себя. Грехи, закосневая в душе, обращаются в навыки,

[1] *Верный свидетель спасает души* (Притч. 14. 25). || [2] *Угнетен Ефрем, поражен судом; ибо захотел ходить вслед суетных* (Ос. 5. 11). || [3] Лествица. Слово 18.

столько же сильные, как природа, а иногда и более сильные, нежели природа. Греховные навыки называются страстями. Человек не замечает того — а он неприметным образом окован отвсюду грехом, в плену у него, в рабстве.

Кто, пренебрегая постоянно напоминаниями совести, допустил себе впасть в рабство греха, тот только с величайшим трудом, при содействии особенной помощи Божией, возможет расторгнуть цепи этого рабства, победить страсти, обратившиеся как бы в природные свойства.

Возлюбленнейший брат! со всевозможным вниманием и тщанием храни совесть.

Храни совесть по отношению к Богу: исполняй все повеления Божии, как видимые всем, так и никому не видимые, видимые и ведомые только одному Богу и твоей совести.

Храни совесть по отношению к ближнему: не довольствуйся одною благовидностию твоего поведения к ближним! ищи от себя, чтоб самая совесть твоя удовлетворялась этим поведением. Она будет тогда удовлетворяться, когда не только дела, но и сердце твое будут поставлены в отношение к ближнему, заповеданное Евангелием.

Храни совесть к вещам, удаляясь излишества, роскоши, небрежения, помня, что все вещи, которыми ты пользуешься, — творения Божии, дары Божии человеку.

Храни совесть к самому себе. Не забывай, что ты — образ и подобие Бога, что ты обязан представить этот образ в чистоте и святости Самому Богу.

Горе, горе! если Господь не узнает Своего образа, не найдет в нем никакого сходства с Собою. Он произнесет грозный приговор: *Не вем вас*[1]. Непотребный образ будет ввергнут в неугасающий пламень геенны.

Бесконечная радость обымет ту душу, на которую воззрев, Господь признает в ней сходство с Собою, увидит в ней ту красоту, которую Он, по бесконечной благости Своей, усвоил ей при сотворении, восстановил и умножил при Искуплении, которую повелел соблюдать в непорочной целости удалением от всякого греха, хранением всех евангельских заповедей.

Неумолкающий, нелицеприятный блюститель и напоминатель такого удаления и хранения — совесть. Аминь.

---

[1] *Не знаю вас* (Мф. 25. 12).

О рассеянной и внимательной жизни

Сыны мира признают рассеянность невинною, а святые Отцы признают ее началом всех зол[1].

Человек, преданный рассеянности, имеет о всех предметах, и самых важных, очень легкое, самое поверхностное понятие.

Рассеянный обыкновенно непостоянен: его сердечные ощущения лишены глубины и силы, а потому они непрочны и маловременны.

Как мотылек порхает с цветка на цветок, так и рассеянный человек переходит от одного земного удовольствия к другому, от одного суетного попечения к другому.

Рассеянный чужд любви к ближнему: равнодушно смотрит он на бедствие человеков и легко возлагает на них бремена неудобоносимые.

Скорби сильно действуют на рассеянного именно потому, что он не ожидает их. Он ожидает одних радостей.

Если скорбь сильна, но скоропреходяща, то рассеянный скоро забывает ее в шуме развлечений. Долговременная скорбь сокрушает его.

Рассеянность сама карает преданного ей: временем все прискучивает ему — и он, как не стяжавший никаких основательных познаний и впечатлений, предается томительному бесконечному унынию.

Рассеянность, столько вредная вообще, в особенности вредна в деле Божием, в деле спасения, требующем бдительности и внимания постоянных, напряженных.

Бдите и молитеся, да не внидете в напасть[2], говорит Спаситель ученикам Своим.

Всем глаголю: бдите[3], возвестил Он всему христианству: следовательно, и современному нам.

Ведущий жизнь рассеянную прямо противоречит заповедям Господа Иисуса Христа жизнию своею.

Все святые тщательно избегали рассеянности. Непрестанно или, по крайней мере, по возможности часто они сосредоточивались в себе, внимая движениям ума и сердца и направляя их по завещанию Евангелия.

---

[1] Алфавитный патерик и «Достопамятные сказания». О Пимене Великом. Гл. 43. ‖ [2] *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26. 41). ‖ [3] *Говорю всем: бодрствуйте* (Мк. 13. 37).

Навык внимать себе предохраняет от рассеянности и среди окружающего со всех сторон шумящего развлечения. Внимательный пребывает в уединении, сам с собою, посреди многолюдства.

Изведав опытом пользу внимания и вред рассеянности, некоторый великий Отец сказал: «Без усиленной бдительности над собою невозможно успеть ни в одной добродетели»[1].

Безрассудно — провесть краткую земную жизнь, данную нам для приготовления к вечности, в одних земных занятиях, в удовлетворении мелочным, бесчисленным, неудовлетворимым прихотям и пожеланиям, ветрено перебегая от одного чувственного удовольствия к другому, забывая или воспоминая редко и поверхностно о неминуемой, величественной и вместе грозной вечности.

Дела Христовы — это очевидно — должны быть изучаемы и рассматриваемы с величайшим благоговением и вниманием; иначе ни рассмотреть, ни познать их человек не может.

Великое дело Божие — сотворение человека, и потом, по падении его, обновление искуплением — должно быть подробно известным каждому христианину; без этого познания он не может знать и исполнять обязанностей христианина. Познание великого дела Божия не может быть приобретено при рассеянности!

Заповеди Христовы даны не только внешнему человеку, но наиболее внутреннему: они объемлют все помышления и чувствования человека, все тончайшие движения его. Соблюдать эти заповеди невозможно без постоянной бдительности и глубокого внимания. Бдительность и внимание невозможны при жизни рассеянной.

Грех и орудующий грехом диавол тонко вкрадываются в ум и сердце. Человек должен быть непрестанно на страже против невидимых врагов своих. Как он будет на этой страже, когда он предан рассеянности?

Рассеянный подобен дому без дверей и затворов: никакое сокровище не может быть сохранено в таком доме; он отверст для татей, разбойников и блудниц.

Рассеянная жизнь, наполненная житейскими попечениями, доставляет человеку дебелость наравне с многоядением и многопитием[2]. Такой человек прилеплен к земле, занят одним временным и суетным; служение Богу делается для рассеянного предметом посторонним; самая мысль об этом служении для него дика, полна мрака, невыносимо тягостна.

---

[1] Алфавитный патерик и «Достопамятные сказания». Об авве Агафоне. Гл. 39. ||
[2] Лк. 21. 34.

Внимательная жизнь ослабляет действие на человека телесных чувств — изощряет, укрепляет, образует действие чувств душевных. Рассеянность, напротив того, усыпляет действие душевных чувств: она питается непрерывным действием чувств телесных.

Тщетно рассеянные приписывают невинность жизни рассеянной! Этим они обличают злокачественность недуга, их объемлющего. Их недуг так велик, так притупляет чувства души, что душа, болезнующая им, даже не ощущает своего бедственного состояния.

Желающие научиться вниманию должны воспретить себе все пустые занятия.

Исполнение обязанностей частных и общественных не входит в состав рассеянности: рассеянность всегда соединена с праздностию или с такими пустыми занятиями, которые безошибочно могут быть причислены к праздности.

Занятие полезное, в особенности занятие служебное, сопряженное с ответственностию, не препятствует к сохранению внимания к себе — оно руководствует к такому вниманию. Тем более руководствуют ко вниманию монастырские послушания, когда они исполняются должным образом. Деятельность — необходимый путь к бдительности над собою, и этот путь предписывается святыми Отцами для всех, которые хотят научиться вниманию себе.

Внимание к себе в глубоком уединении приносит драгоценные духовные плоды; но к нему способны только мужи зрелого духовного возраста, преуспевшие в подвиге благочестия, сперва научившиеся вниманию к деятельной жизни.

При деятельной жизни люди помогают человеку стяжать внимание, напоминая ему нарушения внимания. Подчиненность есть лучшее средство приучиться ко вниманию: никто столько не научит человека внимать себе, как его строгий и благоразумный начальник.

При служебных твоих занятиях, посреди людей, не позволяй себе убивать время в пустословии и глупых шутках; при кабинетных занятиях воспрети себе мечтательность: скоро изострится твоя совесть, начнет указывать тебе на всякое уклонение в рассеянность как на нарушение евангельского Закона, даже как на нарушение благоразумия. Аминь.

О навыках

Навыки имеют силу, подобную естественным качествам: надо последователю Господа Иисуса Христа стяжать хорошие навыки и уклониться от навыков дурных.

Юноша! будь благоразумен и предусмотрителен: в годы юности твоей обрати особенное внимание на приобретение хороших привычек: в летах зрелости и старости твоей возрадуешься о богатстве, приобретенном беструдно в лета юности.

Не сочти маловажным исполнение твоего пожелания, по-видимому самого ничтожного: каждое исполнение пожелания непременно полагает свое впечатление на душу. Впечатление может быть иногда очень сильным и служить началом пагубного навыка.

Знал ли карточный игрок, прикасаясь в первый раз к картам, что игра будет его страстию? Знал ли подверженный недугу пьянства, выпивая первую рюмку, что он начинает самоубийство? Так называю этот несчастный навык, погубляющий душу и тело.

Один неосторожный взгляд нередко наносит язву сердцу; несколько повторенных взглядов так углубляли эту язву, что она едва излечивалась многолетними молитвами, многолетним подвигом и плачем.

Воспитатели и наставники! Доставляйте юношеству хорошие навыки, отвлекайте его, как от великого бедствия, от привычек порочных.

Порочные навыки — как оковы на человеке: они лишают его нравственной свободы, насильно держат в смрадном болоте страстей.

Для погибели человека достаточно одного порочного навыка: он будет постоянно открывать вход в душу всем грехам и всем страстям.

Приучись быть скромным: не дозволяй себе никакой дерзости, даже не позволяй себе прикасаться к ближнему без крайней нужды, — и навык скромности сделает для тебя удобною великую добродетель целомудрия. Ближние твои, ощутив живущий в тебе залог скромности, будут пред тобою бездерзновенны, как бы благоговея пред благоуханием святыни.

Ничто так не потрясает целомудрия, как навык к дерзости, к свободному обращению, отвергшему уставы скромности.

Приучись быть воздержным в пище: воздержанием доставишь здравие и крепость телу, а уму особенную бодрость, столько нужную в деле спасения, очень полезную и при земных упражнениях.

Обжорливость — не что иное, как дурной навык, безрассудное, неудовлетворимое удовлетворение поврежденного злоупотреблением естественного желания.

Приучись к самой простой пище. Она, для привыкшего к ней, вкуснее самых изысканных снедей, — не говорю уже о том, сколько она их здоровее.

Какую свободу и нравственную силу доставляет человеку навык к простой пище, навык по-видимому столько ничтожный, материальный! При нем человек нуждается в самых малых издержках для стола, в самом малом времени и малых заботах для приготовления его. Если привыкший к простой пище беден, то он не тяготится бедностию своею.

Тяжек переход от пышного и утонченного стола к простым яствам! Многих принудили обстоятельства к этому переходу и многие, совершая его, утратили здоровье, даже поколебались нравственно. От этого бедствия охранил бы их благоразумный и благовременный навык к простой пище.

В особенности для желающего посвятить себя на служение Христу навык к простой пище, можно сказать, бесценен по своим последствиям: он дозволяет избрать для жительства самое уединенное место, делает ненужными частые сношения с людьми, — таким образом устраняя от всех причин к развлечению, доставляет возможность всецело предаться богомыслию и молитве.

Все святые очень заботились не только о навыке к умеренному употреблению пищи, но и о навыке к простой пище. Ежедневная пища апостола Петра стоила несколько медных монет.

Ужасный порок — пьянство! Это — страсть, недуг, входящий в телосложение послаблением пожеланию, принимающий от навыка силу естественного качества.

Служителю Христову надо охраняться не только от пьянства, но и от привычки к многому употреблению вина, разгорячающего плоть и возбуждающего в ней скотские пожелания. *Не упивайтеся вином, в немже есть блуд*[1], сказал Апостол. Дозволительно употребление вина в весьма малом количестве; кто же не может ограничить себя умеренным употреблением, тот лучше сделает, если совершенно откажется от него.

Сказал Пимен Великий: «Подвижнику всего нужнее трезвенный ум»[2]. Вино лишает человека способности сохранить ум в трез-

---

[1] *Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство* (Еф. 5. 18). ||
[2] Достопамятные сказания. Об авве Пимене. Гл. 135.

вении. Когда подвижник подвергнется действию вина, тогда приступают к ослабевшему и омрачившемуся уму его супостаты, и ум уже не в силах бороться с ними. Связанный действием вина, он увлекается в пропасть греховную! В одно мгновение погибают плоды долговременного подвига, потому что Дух Святой отступает от оскверненного грехом. Вот почему сказал преподобный Исаия, египетский отшельник, что любящие вино никогда не сподобятся духовных дарований[1]: эти дарования, чтоб пребыть в человеке, требуют постоянной чистоты, возможной только при постоянной трезвенности.

Сребролюбие, вспыльчивость, надменность, наглость — злокачественные недуги души, образующиеся от пособления порочным влечениям падшего естества. Они усиливаются, созревают, порабощают себе человека при посредстве навыка.

Этому закону последует и плотское вожделение, несмотря на то что оно естественно падшему человеку. Блажен тот юноша, который поймет при первом появлении в нем действий вожделения, что вожделению не должно предаваться, что должно обуздывать его Законом Божиим и благоразумием. Вожделение, будучи обуздано при первых требованиях его, удобно покоряется уму и предъявляет требования уже слабее, действует, как невольник, скованный цепями. Вожделение удовлетворяемое усиливает требования. Вожделение, которому разум передаст власть над человеком удовлетворением долговременным и постоянным, уже господствует, как тиран, и над телом, и над душою, губит и тело и душу.

Вообще все страсти развиваются в человеке от послабления им; учащающееся послабление обращает наклонность в навык, а навык делает страсть насильственным властелином над человеком. «Убойся злых навыков, — сказал преподобный Исаак Сирский, — более, нежели бесов»[2].

Когда подействует в нас греховное пожелание, или влечение, надо отказать ему. В другой раз оно подействует уже слабее, а наконец и совсем утихнет. Но при удовлетворении его оно действует каждый раз с новою силою как приобретающее более и более власти над произволением, наконец рождает навык.

Согрешения, которые мы привыкли совершать, нам кажутся легкими, как бы они ни были тяжки. Согрешение для души новое ужасает ее, и не скоро она решится совершить его.

---

[1] Слово 17, гл. 2 и 8. || [2] Слово 89.

Страсти — злые навыки; добродетели — навыки благие. Здесь говорится о страстях и добродетелях, приобретенных и усвоенных себе человеком при посредстве его деятельности, при посредстве его жительства. Иногда в писаниях Отеческих называются страстями различные свойства недуга, произведенного в нас падением, различные виды греховности, общей всем человекам; с этими страстями мы родимся; добродетелями называются естественные, природные, благие свойства человека. Такие страсти и такие добродетели не налагают никакой решительной печати на человека; налагает ее наклонность, усваиваемая произвольно, усваиваемая постоянным или частым удовлетворением ее, постоянным исполнением требований ее.

Слуга Христов должен быть как можно свободнее от худых навыков, чтоб они не возбранили ему шествие ко Христу. Он должен удаляться от навыков не только прямо греховных, но и от всех, приводящих ко греху, как то: от навыков к роскоши, к изнеженности, к рассеянности.

Иногда ничтожнейший навык связывает наши ноги и оставляет нас на земле, между тем как мы должны бы быть на небе.

Юноша! повторяю тебе совет спасительный: доколе ты находишься в нравственной свободе, избегай злых навыков, как оков и темницы; приобретай навыки добрые, которыми хранится, утверждается, запечатлевается нравственная свобода.

Если ж кто в зрелом возрасте расположился служить Христу и, по несчастию, стяжал уже много порочных навыков или навыков к роскоши и изнеженности, которые обыкновенно содержат душу в состоянии расслабления, тот не должен предаваться унынию и двоедушию; он должен мужественно вступить в борьбу с злыми навыками. Победа над ними не невозможна, при Божией помощи.

Решительное произволение, осеняемое и укрепляемое благодатию Христовою, может победить самые закоснелые навыки.

Навык сначала жестоко противится тому, кто захочет свергнуть иго его, сначала представляется неодолимым; но по времени, при постоянной борьбе с ним, при каждом неповиновении ему, становится слабее и слабее.

Если в продолжение борьбы случится тебе по какому-нибудь обстоятельству быть побежденным, не смутись, не впади в безнадежие: снова начинай борьбу.

Насильственная борьба против порочных навыков вменяется Богом человеку в мученичество, и одержавший в этой борьбе

победу венчается венцом исповедников как подвизающийся ради Закона Христова.

Милосердый и всемогущий Господь принимает всякого приходящего к Нему, простирает десницу для поддержания немощи нашей. И потому, хотя бы ты был весь в злых навыках, как в тяжких цепях, не отчаивайся в получении свободы. Вступи в невидимую брань, сражайся мужественно и постоянно, с великодушием переноси свои побеждения. По временам предоставляет Бог нас самим себе, чтоб мы познали опытом, как мы слабы в нашем одиночестве, и по причине этого познания неотступно держались Бога, Который Един может быть победителем греха в истинно произволяющих узреть в себе грех побежденным. Аминь.

Размышление о смерти

Удел всех человеков на земле, удел неизбежный ни для кого — смерть. Мы страшимся ее, как лютейшего врага, мы горько оплакиваем похищаемых ею, а проводим жизнь так, как бы смерти вовсе не было, как бы мы были вечны на земле.

Гроб мой! отчего я забываю тебя? Ты ждешь меня, ждешь — и я наверно буду твоим жителем; отчего ж я тебя забываю и веду себя так, как бы гроб был жребием только других человеков, отнюдь не моим?

Грех отнял и отнимает у меня познание и ощущение всякой истины: он похищает у меня, изглаждает из моей мысли воспоминание о смерти, об этом событии, столько для меня важном, осязательно верном.

Чтоб помнить смерть, надо вести жизнь сообразно заповедям Христовым. Заповеди Христовы очищают ум и сердце, умерщвляют их для мира, оживляют для Христа: ум, отрешенный от земных пристрастий, начинает часто обращать взоры к таинственному переходу своему в вечность — к смерти; очищенное сердце начинает предчувствовать ее.

Отрешенные от мира ум и сердце стремятся в вечность. Возлюбив Христа, они неутолимо жаждут предстать Ему, хотя и трепещут смертного часа, созерцая величие Божие и свои ничтожество и греховность. Смерть представляется для них вместе и подвигом страшным, и вожделенным избавлением из земного плена.

Если мы не способны желать смерти по хладности нашей к Христу и по любви к тлению, то, по крайней мере, будем употреблять

воспоминание о смерти, как горькое врачевство против нашей греховности: потому что *смертная память* — так святые Отцы называют это воспоминание — усвоившись душе, рассекает дружбу ее с грехом, со всеми наслаждениями греховными.

«Только тот, кто сроднился с мыслию о конце своем, — сказал некоторый преподобный отец, — может положить конец грехам своим»[1]. ***Поминай последняя твоя***, говорит Писание, ***и вовеки не согрешиши***[2].

Вставай с одра твоего, как воскресающий из мертвых; ложись на одр твой, как бы в гроб: сон есть изображение смерти, а темнота ночи — предвестница темноты могильной, после которой воссияет радостный для рабов Христовых и страшный для врагов Его свет Воскресения.

Густым облаком, хотя оно состоит из одних тонких паров, закрывается свет солнца — и телесными наслаждениями, рассеянностию, ничтожными попечениями земными закрывается от взоров души величественная вечность.

Тщетно сияет солнце с чистого неба для очей, пораженных слепотою, — и вечность как бы не существует для сердца, обладаемого пристрастием к земле, к ее великому, к ее славному, к ее сладостному.

Смерть грешников люта[3]: приходит к ним в то время, как они совсем не ожидают ее; приходит к ним, а они еще не сделали никакого приготовления ни к ней, ни к вечности, даже не стяжали никакого ясного понятия ни о том, ни о другом предмете. И восхищает смерть неготовых грешников с лица земли, на которой они лишь прогневляли Бога, передает их навечно в темницы ада.

Хочешь ли помнить смерть? Сохраняй строгую умеренность в пище, одежде, во всех домашних принадлежностях; наблюдай, чтоб предметы нужды не переходили в предметы роскоши, поучайся в Законе Божием день и ночь или по возможности часто — и вспомнится тебе смерть. Воспоминание о ней соединится с потоками слез, с раскаянием во грехах, с намерением исправления, с усердными и многими молитвами.

Кто из человеков остался навсегда жить на земле? Никто. И я пойду во след отцов, праотцов, братий и всех ближних моих. Тело мое уединится в мрачную могилу, а участь души моей покроется для оставшихся жителей земли непроницаемою таинственностию.

---

[1] Св. Исаак Сирский. Слово 21. ‖ [2] Сир. 7. 39. ‖ [3] Пс. 33. 22.

Поплачут о мне сродники и друзья; может быть, поплачут горько; и потом — забудут. Так оплаканы и забыты бесчисленные тысячи человеков. Сочтены они и помнятся одним всесовершенным Богом.

Едва я родился, едва я зачался, как смерть наложила на меня печать свою. «Он мой», — сказала она и немедленно приготовила на меня косу. С самого начала бытия моего она замахивается этою косою. Ежеминутно я могу сделаться жертвою смерти! Были многие промахи; но верный взмах и удар — неминуемы.

С холодною улыбкою презрения смотрит смерть на земные дела человеческие. Зодчий строит колоссальное здание, живописец не кончил изящной картины своей, гений составил гигантские планы, хочет привести их в исполнение; приходит нежданная и неумолимая смерть, славного земли и все замыслы его повергает в ничтожество.

Пред одним рабом Христовым благоговеет суровая смерть: побежденная Христом, она уважает только одну жизнь во Христе. Часто небесный вестник возвещает служителям Истины о скором переселении их в вечность и о блаженстве в ней. Приготовленные к смерти жизнию, утешаемые и свидетельством совести и обетованием Свыше, тихо, с улыбкою на устах, засыпают они продолжительным сном смертным.

Видел ли кто тело праведника, оставленное душою? Нет от него зловония, не страшно приближение к нему; при погребении его печаль растворена какою-то непостижимою радостию. Черты лица, застывши такими, какими они изобразились в минуты исшествия души, иногда почивают в глубочайшем спокойствии, а иногда светит в них радость усладительных встречи и целования — конечно, с Ангелами и с ликами святых, которые посылаются с неба за душами праведников.

Воспомнись мне, смерть моя! приди ко мне, горькое, но вполне справедливое и полезное воспоминание! отторгни меня от греха! наставь на путь Христов! Пусть от воспоминания о смерти расслабеют руки мои ко всякому пустому, суетному, греховному начинанию.

Воспомнись мне, смерть моя! и убежат от меня пленяющие меня тщеславие и сластолюбие. Я устраню с трапезы моей дымящиеся роскошные брашна, сниму с себя одежды пышные, оденусь в одежды плача, заживо оплачу себя — нареченного мертвеца от рождения моего.

«Так! помяни и оплачь сам себя заживо, говорит *память смертная,* — я пришла огорчить тебя благодетельно и привела с собою сонм мыслей, самых душеполезных. Продай излишества твои и цену их раздай нищим, предпошли на небо сокровища твои, по завещанию Спасителя: они встретят там своего владельца, усугубясь сторично. Пролей о себе горячие слезы и горячие молитвы. Кто с такою заботливостию и усердием помянет тебя после смерти, как ты сам можешь помянуть себя до смерти? Не вверяй спасения души твоей другим, когда сам можешь совершить это существенно необходимое для тебя дело! Зачем гоняться тебе за тлением, когда смерть непременно отнимет у тебя все тленное? Она — исполнительница велений всесвятого Бога: лишь услышит повеление — устремляется с быстротою молнии к исполнению. Не устыдится она ни богача, ни вельможи, ни героя, ни гения, не пощадит ни юности, ни красоты, ни земного счастия: переселяет человека в вечность. И вступает смертию раб Божий в блаженство вечности, а враг Божий — в вечную муку».

«Воспоминание о смерти — дар Божий»[1], — сказали Отцы; она дается исполнителю заповедей Христовых, чтоб усовершить его в святом подвиге покаяния и спасения.

Благодатная память смерти предшествуется собственным старанием воспоминать о смерти. Принуждай себя воспоминать часто смерть, уверяй себя в несомненной истине, что ты непременно, неизвестно когда, умрешь — и начнет приходить само собою, являться уму твоему воспоминание о смерти, воспоминание глубокое и сильное: оно будет поражать смертоносными ударами все твои греховные начинания.

Чужд этого духовного дара грехолюбец: он и на самых гробницах не престает предаваться греховным угождениям плоти, нисколько не помня о смерти, предстоящей ему лицом к лицу. Напротив того, служитель Христов и в великолепных чертогах вспомнит ждущий его гроб, прольет о душе своей спасительные слезы. Аминь.

Слава Богу!

Слава Богу! слава Богу! слава Богу! За все, что я вижу в себе, во всех, во всем, — *слава Богу!*

Что же вижу я в себе? — Вижу грех, грех непрестанный: вижу непрестанное нарушение святейших заповедей Бога, Создателя и Искупителя моего. И Бог мой видит грехи мои, видит их все, видит

[1] Лествица. Слово 6.

бесчисленность их. Когда я, человек, существо ограниченное, немощию подобное траве и цвету полевому, чище взгляну на грехи мои, то они наводят на меня ужас и количеством, и качеством своим. Каковы же они пред очами Бога, всесвятого, всесовершенного?

И доселе долготерпеливо взирает Бог на мои преткновения! Доселе не предает меня пагубе, давно заслуженной и призываемой! Не расступается под мною земля, не поглощает преступника, ее тяготящего! небо не низвергает своего пламени, не попаляет им нарушителя велений небесных! не выступают воды из своих хранилищ, не устремляются на грешника, грешащего явно пред всею тварию, не похищают, не погребают его в глубинах темных пропастей! Ад удерживается: не отдается ему жертва, которой он требует справедливо, на которую имеет неоспоримое право!

Благоговейно и со страхом смотрю на Бога, смотрящего на грехи мои, видящего их яснее, нежели как видит их совесть моя. Его чудное долготерпение приводит меня в удивление, в недоумение: благодарю, славословлю эту *непостижимую Благость*. Теряются во мне мысли; весь объемлюсь благодарением и славословием: благодарение и славословие вполне обладают мною, налагают благоговейное молчание на ум и сердце. Чувствовать, мыслить, произносить языком могу только одно: *слава Богу!*

Куда еще несешься, мысль моя? Смотри неуклонно на грехи мои, возбуждай во мне рыдание о них: мне нужно очищение горьким плачем, омовение слезами непрерывающимися. Не внемлет, летит — неудержимая — становится на необъятной высоте! Ее полет подобен бегу молнии, когда молния касается в одно мгновение двух оконечностей небосклона. И встала мысль на высоте духовного созерцания, откуда смотрит на необычайное, обширнейшее зрелище, на картину живописнейшую, поразительнейшую. Пред нею — весь мир, все времена от сотворения до скончания мира, все события мира, и бывшие, и настоящие, и будущие; пред нею судьбы каждого человека в многодробной их частности; над временами, общественными событиями и частными судьбами зрится Бог, Творец всех тварей и беспредельный их Владыка, все видящий, всем управляющий, всему предопределяющий свои цели, дающий свое назначение.

Бог допускает человека быть зрителем Своего управления. Но причины судеб, начала велений Божиих, ведомы Единому Богу: *кто уразуме ум Господень, или кто советник Ему бысть?*[1] И то, что

[1] *Кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?* (Рим. 11. 34).

допускается человек быть зрителем Бога в Его Промысле, в Его управлении тварию, в судьбах Его, есть величайшее благо для человека, источающее для человека обильную душевную пользу.

Зрение Творца и Господа всех видимых и невидимых созданий облекает зрителя силою вышеестественною: с этим зрением соединено признание неограниченной власти всемогущего Царя твари над тварию. Власы главы нашей, власы, столько ничтожные по немощному мнению человеков, изочтены у этой неограниченной, всеобъемлющей Премудрости и хранятся Ею[1]. Тем более без мановения ее не может совершиться никакого приключения, никакого переворота в жизни человеческой. Христианин, смотрящий неуклонно на Промысл Божий, сохраняет среди лютейших злоключений постоянное мужество и непоколебимую твердость. Он говорит со святым Псалмопевцем и Пророком: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся*[2]. Господь мне Помощник: не убоюся никаких бед, не предамся унынию, не погружусь в глубокое море печали. За все — *слава Богу!*

Зрением Промысла Божия внушается беспредельная покорность Богу. Окружат ли раба Божия отовсюду различные и многосплетенные скорби? — Так утешает он свое уязвленное сердце: «Все это видит Бог. Если б по причинам, Ему, премудрому, известным, скорби были мне неполезны и не нужны, то Он, всемогущий, отвратил бы их. Но Он не отвращает их: есть же Его всесвятая воля на то, чтоб они угнетали меня. Драгоценна для меня эта воля, драгоценнее жизни! лучше умереть созданию, нежели отвергнуть волю Создателя! в этой воле — истинная жизнь! Кто умирает для исполнения воли Божией, тот вступает в большее развитие жизни. За все — *слава Богу!*»

От зрения Промысла Божия образуются в душе глубокая кротость и неизменная любовь к ближнему, которых никакие ветры взволновать, возмутить не могут. Для такой души нет оскорблений, нет обид, нет злодеяний: вся тварь действует по повелению или попущению Творца; тварь — только слепое орудие. В такой душе раздается голос смирения, обвиняющий ее в бесчисленных согрешениях, оправдывающий ближних, как орудия *правосудного Промысла*. Отрадно раздается этот голос среди страданий, приносит спокойствие, утешение; он тихо вещает: «Я приемлю достойное по делам моим. Лучше мне пострадать в кратковременной жизни,

---

[1] Мф. 10. 30; Лк. 21. 18. ‖ [2] *Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь* (Пс. 15. 8).

нежели вечно страдать в вечных муках ада. Грехи мои не могут быть ненаказанными: того требует правосудие Божие. В том, что они наказываются в краткой земной жизни, вижу неизреченное Божие милосердие». *Слава Богу!*

Зрение Промысла Божия хранит, растит веру в Бога. Видящий невидимую всемогущую Руку — правительницу мира пребывает несмущенным при страшных бурях, мятущих житейское море: он верует, что быт гражданский, кормило Церкви, судьбы каждого человека держатся всемогущею и премудрою десницею Бога. Смотря на свирепые волны, на грозные бури, на мрачные тучи, он удовлетворяет и умиряет себя мыслию, что совершающееся видит Бог. Человеку — слабому созданию — прилична тихая, смиренная покорность, одно благоговейное познание, созерцание судеб Божиих. Да направляется все по предначертанным ему путям, к определенным Свыше целям! За все — *слава Богу!*

Пред видением Божественного Промысла не устаивают не только временные скорби, но и те, которые ожидают человека при вступлении его в вечность, за рубежом гроба. Их притупляет, уничтожает благодатное утешение, всегда нисходящее в душу, отрекшуюся от себя для покорности Богу. При самоотвержении, при преданности воле Божией самая смерть не страшна: верный раб Христов предает свою душу и вечную участь в руки Христа, предает с твердою верою во Христа, с надеждою непоколебимою на Его благость и силу. Когда душа разлучится с телом и дерзостно, нагло приступят к ней ангелы отверженные, она своим самоотвержением поразит, обратит в бегство ангелов мрачных и злобных. «Возьмите, возьмите меня, — мужественно скажет она им, — ввергните в бездну тьмы и пламени, ввергните в бездну ада, если есть на то воля Бога моего, если последовало от Него такое на меня определение: легче лишиться сладостей рая, легче сносить пламень ада, нежели нарушить волю, определение великого Бога. Ему я отдалась, и отдаюсь! Он, а не вы Судия моих немощей и согрешений! Вы, и при безумном непокорстве вашем, только исполнители Его определений». Содрогнутся, придут в недоумение слуги миродержца, увидев самоотвержение мужественное, кроткую, полную преданность воле Божией! Отвергнув это блаженное повиновение, они сделались из Ангелов светлых и благих темными и всезлобными демонами. Они отступят со стыдом, а душа невозбранно направит свое шествие туда, где ее сокровище — Бог[1]. Там будет она зреть

[1] Преподобный Иоанн Карпафийский. Гл. 25. Добротолюбие. Ч. 4.

лицом к лицу Зримого здесь верою в Промысле Его и вечно возглашать: *слава Богу*.

Слава Богу! Могущественные слова! Во время скорбных обстоятельств, когда обступят, окружат сердце помыслы сомнения, малодушия, неудовольствия, ропота, должно принудить себя к частому, неспешному, внимательному повторению слов: *слава Богу!* Кто с простотою сердца поверит предлагаемому здесь совету и, при встретившейся нужде, испытает его самым делом, тот узрит чудную силу славословия Бога; тот возрадуется о приобретении столь полезного нового знания, возрадуется о приобретении оружия противу мысленных врагов, так сильного и удобного. От одного шума этих слов, произносимых при скоплении мрачных помыслов печали и уныния, от одного шума этих слов, произносимых с понуждением, как бы одними устами, как бы только на воздух, содрогаются, обращаются в бегство князи воздушные; развеваются, как прах от сильного ветра, все помышления мрачные; отступают тягость и скука от души; к ней приходят и в ней водворяются легкость, спокойствие, мир, утешение, радость. *Слава Богу!*

Слава Богу! Торжественные слова! слова — провозглашение победы! Слова — веселие для всех верных рабов Бога, страх и поражение для всех врагов Его, сокрушение оружия их. Это оружие — грех; это оружие — плотский разум, падшая человеческая премудрость. Она возникла из падения, имеет начальною причиною своею грех, отвержена Богом, постоянно враждует на Бога, постоянно отвергается Богом. К уязвленному скорбию напрасно соберутся все премудрые земли; напрасно будут целить его врачевствами красноречия, философии; тщетен труд самого недугующего, если он захочет распутать многоплетенную сеть скорби усилиями собственного разума. Очень часто, почти всегда разум совершенно теряется в этой сети многоплетенной! часто видит он себя опутанным, заключенным со всех сторон! часто избавление, самое утешение кажутся уже невозможными! И гибнут многие под невыносимым гнетом лютой печали, гибнут от смертной язвы, язвы скорбной, не нашедши на земле никакого средства, довольно сильного, чтоб уврачевать эту язву. Земная премудрость представала со всеми средствами своими: все оказались бессильными, ничтожными. Пренебреги, возлюбленнейший брат, отверженною Богом! Отложи к стороне все оружия твоего разума! Прими оружие, которое подается тебе буйством проповеди Христовой. Премудрость человеческая насмешливо улыбнется, видя оружие,

предлагаемое верою; падший разум, по своему свойству вражды на Бога, не замедлит представить умнейшие возражения, полные образованного скептицизма и иронии. Не обрати на них, на отверженных Богом, на врагов Божиих, никакого внимания. В скорби твоей начни произносить от души, повторять — вне всякого размышления — слова: *слава Богу!* Увидишь знамение, увидишь чудо: эти слова прогонят скорбь, призовут в сердце утешение, совершат то, чего не могли совершить разум разумных и премудрость премудрых земли. Посрамятся, посрамятся этот разум, эта премудрость, а ты, избавленный, исцеленный, верующий живою верою, доказанною тебе в тебе самом, будешь воссылать *славу Богу!*

Слава Богу! Многие из угодников Божиих любили часто повторять эти слова: они вкусили сокровенную в них силу. Святой Иоанн Златоустый, когда беседовал с духовными друзьями и братиями о каких-нибудь обстоятельствах, в особенности о скорбных, в основной камень, в основной догмат беседы всегда полагал слова: *за все слава Богу!* По привычке своей, сохраненной церковною историею для позднего потомства, он, ударяя вторым перстом правой руки по распростертой ладони левой[1], всегда начинал речь свою со слов: *за все слава Богу!*

Братия! Приучимся и мы к частому славословию Бога; будем прибегать к этому оружию при скорбях наших; непрестанным славословием Бога отразим, сотрем наших невидимых супостатов, особливо тех из них, которые стараются низложить нас печалию, малодушием, ропотом, отчаянием. Будем очищать себя слезами, молитвою, чтением Священного Писания и писаний Отеческих, чтоб соделаться зрителями Промысла Божия, все видящего, всем владеющего, всем управляющего, все направляющего по неисследимым судьбам Своим к целям, известным единому Богу. Соделавшись зрителями Божественного управления, будем в благоговении, нерушимом сердечном мире, в полной покорности и твердой вере удивляться величию непостижимого Бога, воссылать Ему славу ныне и в век века.

Достойно и праведно созданию непрестанно славословить Тебя, Бога Создателя, извлекшего нас в бытие из ничтожества, по единой, бесконечной, непостижимой Твоей благости, украсившего нас красотою, славою Твоего образа и подобия, введшего нас в блаженство и наслаждение рая, для которых окончания не было назначено.

---

[1] Histoire du Christianisme par Fleury. Liv. 21, chap. 19.

Чем воздали мы Благодетелю? Что принесла в благодарность Создателю персть, оживленная Им?

Мы согласились с врагом Твоим, с ангелом, возмутившимся против Бога, с начальником зла. Мы вняли словам хулы на Благодетеля: Создателя нашего, всесовершенную Благость мы решились подозревать в зависти.

Увы, какое омрачение! увы, какое падение ума! С высоты богозрения и богословия мгновенно род наш, в праотце нашем, ниспадает в пропасть вечной смерти...

Первоначально пал сатана; светлый Ангел соделался темным демоном: не имев тела, он согрешил умом и словом. Вместо того чтоб в непорочном веселии, с прочими святыми Ангелами, славословить Бога — Благодетеля, он возлюбил богохульство. Едва зачал мысль мрачную, смертоносную, едва осуществил ее пагубным словом, подобным злейшему яду, как потемнел, изменился, низвергся с несказанною быстротою из высокого Эдема на землю. О быстроте его падения свидетельствует предвечное слово: *Видех*, говорит Оно, *сатану яко молнию с небесе спадша*[1].

Столько же быстрым было и падение человека, последовавшего ангелу падшему, начавшего свое падение с принятия мысли темной, богохульной, за которою последовало нарушение заповеди Божией. Это нарушение уже было предварено прикрытым презрением, отвержением Бога.

Увы, какое ослепление! какое страшное согрешение! какое страшное падение! Пред этим согрешением, пред этим падением ничтожны наказания: изгнание из рая, снискание насущного хлеба в поте лица, болезнь чадорождения, возвращение в землю, из которой Творцом взято наше тело.

Но Ты что творишь, Благость безмерная? Чем Ты воздаешь за воздаяние наше, которым мы воздали Тебе за первые Твои благодеяния? Чем воздаешь за преслушание Тебя, за неверие к Тебе, за принятие ужасной хулы на Тебя — на Тебя, Который — Само-Благость, Само-Совершенство?

Ты воздаешь новыми благодеяниями, бóльшими первых. Одним из Божественных Лиц Твоих приемлешь человечество, — приемлешь, кроме греха, все немощи наши, которые прилепились к естеству человеческому после падения его. Ты являешься очам нашим, прикрыв невыносимую славу Божества человеческого плотию; будучи Словом Божиим, вещаешь нам слово Божие в звуках слова

---

[1] *Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию* (Лк. 10. 18).

человеческого. Сила Твоя — сила Бога. Кротость Твоя — кротость агнца. Имя твое — имя Человека. Это всесвятое Имя вращает небом и землею. Как утешительно и величественно звучит имя Твое! Оно, когда входит в слух, когда выходит из уст, входит и выходит, как бесценное сокровище, бесценное перло! *Иисус Христос!* Ты — и Господь человеков, и человек. Как чудно, изящно соединил Ты Божество с человечеством! Как чудно ты действуешь! Ты — и Бог, и Человек! Ты — и Владыка, и раб![1] Ты — и Жрец, и Жертва! Ты — и Спаситель, и грядущий нелицеприятный Судия вселенной! И целишь Ты все недуги! И посещаешь, приемлешь грешников! И воскрешаешь мертвых! И повелеваешь водам моря, ветрам неба! И чудно вырастают хлебы в руках Твоих, дают тысячекратный урожай — посеваются, жнутся, пекутся, преломляются в одно и то же время, в одно мгновение! И алчешь Ты, чтоб нас избавить от глада! И жаждешь Ты, чтоб удалилась наша жажда! И путешествуешь по стране нашего изгнания с утруждением Себя, чтоб возвратить нам утраченное нами спокойное, исполненное сладостей небесное естество! И проливаешь пот Твой в саду Гефсиманском, чтоб мы перестали проливать пот наш в снискании хлеба для чрева, научились проливать его в молитвах для достойного причащения Хлеба небесного. Произращенное нам проклятою землею терние Ты приял на Главу Твою; Ты увенчал, изъязвил терноем пресвятую Главу Твою! Лишились мы райского древа жизни и плода его, сообщавшего бессмертие вкушавшим; Ты, распростершись на Древе крестном, соделался для нас плодом, дарующим жизнь вечную причастникам Своим. И плод жизни, и древо жизни явились на земле, в стране нашего изгнания. Этот плод и это древо превосходнее райских; те сообщали бессмертие, а эти сообщают бессмертие и Божество. Твоими страданиями Ты излил сладость в наши страдания. Мы отвергаем земные наслаждения, избираем в жребий свой страдания, лишь бы только соделаться причастниками Твоей сладости! Она, как предвкушение жизни вечной, сладостнее и драгоценнее временной жизни! Ты уснул сном смертным, который не мог удержать Тебя в вечном усыплении, Тебя — Бога! Ты восстал, и даровал нам возбуждение от этого сна, от лютого сна смертного, даровал блаженное и славное воскресение! Ты вознес обновленное естество наше на небо, посадил его одесную предвечного, Тебе совечного, Отца Твоего! Ты соделал Отца Твоего и нашим Отцом! Ты открыл нам путь к небу! Ты уготовал нам на небе обители! Ты руководишь

[1] Лк. 14. 17. Объяснение блаженного Феофилакта.

к ним, приемлешь, упокоеваешь, утешаешь в них всех утружденных странников земных, веровавших в Тебя, призывавших святое имя Твое, творивших святые заповеди Твои, православно и благочестно служивших Тебе, несших крест Твой и пивших чашу Твою мужественно, с благодарением Тебе, с славословием Тебя!

Слава Тебе, Создатель несуществовавших! Слава Тебе, Искупитель и Спаситель падших и погибших! Слава Тебе, Бог и Господь наш! Даруй нам и на земле, и на небе славословить, благословлять, восхвалять благость Твою! даруй нам откровенным лицом зреть страшную, неприступную, великолепную Славу Твою, вечно зреть Ее, поклоняться Ей и блаженствовать в Ней. Аминь.

1846 года. Сергиева пустыня

Сети миродержца

Под знамением святого Креста веду вас, братия, на духовное зрелище. Руководителем нашим да будет великий в угодниках Божиих Антоний, пустынножитель египетский.

Он, по действию Божественного откровения, увидел некогда сети диавола, распростертые по всему миру для уловления человеков в погибель. Увидев, что этих сетей бесчисленное множество, с плачем вопросил он Господа: «Господи! Кто же может миновать эти сети и получить спасение?»[1]

Погружаюсь задумчиво в рассматривание сетей диавола. Они расставлены вне и внутри человека. Одна сеть близко присоединена к другой; в иных местах сети стоят в несколько рядов; в других сделаны широкие отверстия, но которые ведут к самым многочисленным изгибам сетей, избавление из которых кажется уже невозможным. Глядя на многокозненные сети, рыдаю горько! Невольно повторяется во мне вопрос блаженного пустынножителя: «Господи! Кто же может избавиться этих сетей?»

Расставлены сети для ума моего в различных книгах, именующих себя светом, а содержащих в себе учение тьмы, написанных под явным или прикрытым влиянием мрачного и всезлобного миродержца, из источника — разума, поврежденного грехопадением, *во лжи человечестей, в коварстве козней лщения*[2], по выражению Апостола, писателями, которые *без ума дмятся от ума плоти своея*[3].

---

[1] Патерик Скитский. — Преподобный авва Дорофей. Поучение 2. ‖ [2] *По лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения* (Еф. 4. 14). ‖ [3] *Безрассудно надмеваются плотским умом своим* (Кол. 2. 18).

Ближний мой, в любви к которому я должен искать спасения, соделывается для меня сетию, уловляющею меня в погибель, когда ум его уловлен сетями учения, мудрования лживых и льстивых. Мой собственный ум носит на себе печати падения, покрыт покрывалом мрака, заражен ядом лжи: сам он, обольщаемый миродержителем, расставляет для себя сети. Еще в раю стремился он неразборчиво и неосторожно к приобретению знания, для него гибельного, убийственного! По падении он сделался неразборчивее, опрометчивее: с дерзостию упивается чашею знания ядовитого, и тем решительно уничтожает в себе вкус и вожделение к Божественной чаше знания спасительного.

Для сердца моего сколько сетей! Вижу сети грубые и сети тонкие. Которые из них назвать более опасными, более страшными? недоумеваю. Ловец искусен, — и кто ускользнет от сетей грубых, того он уловляет в сети тонкие. Конец ловитвы — один: погибель. Сети прикрыты всячески, с отличным искусством. Падение облечено во все виды торжества; человекоугодие, лицемерство, тщеславие — во все виды добродетели. Обман, темная прелесть носят личину духовного, небесного. Любовь душевная, часто порочная, прикрыта наружностию любви святой; сладость ложная, мечтательная выдается за сладость духовную. Миродержец всеми средствами старается удержать человека в его падшем естестве: и этого довольно, без грубых грехопадений, чтоб соделать человека чуждым Бога. Грехопадения грубые вполне заменятся, по верным расчетам ловца, гордостным мнением о себе христианина, довольствующегося добродетелями падшего естества и вдавшегося в самообольщение, — этим отчуждившегося от Христа.

Для тела сколько сетей! оно само — какая сеть! как пользуется им миродержец! Посредством тела, снисходя его унизительным наклонностям и пожеланиям, мы приближаемся к подобию скотов бессловесных. Какая пропасть! какое удаление, какое ниспадение от Божественного подобия! В эту глубокую, страшно далекую от Бога пропасть мы низвергаемся, когда предаемся грубым плотским наслаждениям, называемым, по их греховной тяжести, падениями. Но и менее грубые плотские наслаждения не менее пагубны. Ради них оставляется попечение о душе, забывается Бог, небо, вечность, назначение человека. Миродержитель старается содержать нас в непрестанном развлечении, омрачении, посредством наслаждений телесных! Чрез чувства, эти двери в душу, которыми она сообщается с видимым миром, он непрестанно вводит в нее чувственное

наслаждение, неразлучные с ним грех и плен. Гремит в знаменитых земных концертах музыка, выражающая и возбуждающая различные страсти; эти страсти представлены на земных театрах, взволнованы в земных увеселениях: человек всеми возможными средствами приводится к наслаждению убившим его злом. В упоении им он забывает спасающее его добро Божественное и кровь Богочеловека, которою мы искуплены.

Вот слабое начертание сетей, расставленных миродержцем для уловления христиан. Начертание слабое, но едва ли оно не навело на вас, братия, справедливого ужаса, едва ли в душе вашей не родился вопрос: «Кто же может избежать этих сетей?»

Картина страшная еще не кончена! еще, еще возбуждается кисть моя, водимая Словом Божиим, к живописи.

Что гласит Слово Божие? Оно возвещает предсказание, сбывающееся в глазах наших, предсказание, что во времена последние по причине *умножения беззакония изсякнет любы многих*[1]. Неложное Слово Божие, более твердое, нежели небо и земля, возвещает нам умножение в последние времена сетей диавольских и умножения числа погибающих в этих сетях.

Точно! гляжу на мир — вижу: сети диавола умножились в сравнении с временами первенствующей Церкви Христовой, умножились до бесконечности. Умножились книги, содержащие лжеучение; умножились умы, содержащие и сообщающие другим лжеучение; умалились, умалились до крайности последователи святой Истины; усилилось уважение к добродетелям естественным, доступным для иудеев и язычников; явилось уважение к добродетелям прямо языческим, противным самому естеству, взирающему на них, как на зло; умалилось понятие о добродетелях христианских, не говорю уже, как умалилось, почти уничтожилось, исполнение их на самом деле; развилась жизнь вещественная; исчезает жизнь духовная; наслаждения и попечения телесные пожирают все время; некогда даже вспомнить о Боге. И это все обращается в обязанность, в закон. *От умножения беззакония иссякнет любы многих*, и тех, которые удержались бы в любви к Богу, если б зло не было так всеобще, если б сети диавола не умножились до такой бесчисленности.

Справедлива была печаль блаженного Антония. Тем справедливее печаль христианина нынешних времен при зрении сетей диавольских; основателен плачевный вопрос: «Господи! кто же из человеков может миновать эти сети и получить спасение?»

[1] *По причине умножения беззакония во многих охладеет любовь* (Мф. 24. 12).

На вопрос преподобного пустынножителя последовал от Господа ответ: «Смиренномудрие минует эти сети, и они не могут даже прикоснуться к нему».

Божественный ответ! как он отъемлет от сердца всякое сомнение, изображает в кратких словах верный способ победы над супостатом нашим, способ расторжения, уничтожения многоплетенных его козней, устроенных при помощи многолетней и многозлобной его опытности.

Оградим смирением ум, не позволяя ему стремиться безразборчиво, опрометчиво к приобретению знаний, как бы новость их и важность их заглавий ни приманивали нашей любознательности. Охраним его от испытания лжеучений, прикрытых именем и личиною христианского учения. Смирим его в послушание Церкви, низлагая всякое помышление, взимающееся на разум Христов[1], на разум Церкви. Прискорбен сначала для ума тесный путь послушания Церкви; но он выводит на широту и свободу разума духовного, пред которым исчезают все мнимые несообразности, находимые плотским и душевным разумом в точном повиновении Церкви. Не дозволим ему чтения о духовных предметах другого, кроме как в книгах, написанных писателями истинной Церкви, о которых сама Церковь засвидетельствовала, что они — органы Святого Духа. Читающий святых писателей неприметно приобщается обитающему в них и глаголющему ими Святому Духу; читающий сочинителей еретических, хотя бы они своим еретическим сонмищем и украшены были прозванием святых, приобщается лукавому духу прелести[2]: за непослушание Церкви, в котором — гордость, он впадает в сети миродержителя.

Как поступить с сердцем? — Привьем к этой дикой маслине сучец от маслины плодовитой, привьем к нему свойства Христовы, приучим его к смирению евангельскому, будем принуждать насильно к принятию воли Евангелия. Увидев его разногласие с Евангелием, непрестанное противоречие, непокорность Евангелию, увидим в этом противодействии, как в зеркале, наше падение. Увидев падение наше, восплачем о нем перед Господом, Создателем нашим и Искупителем, возболим печалию спасительною; дотоле будем пребывать в этой печали, доколе не узрим исцеления нашего. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[3], преданием его в ловитву врагу. Бог — Создатель наш и полный Владыка: Он может воссоздать сердце наше — и претворит Он сердце, неот-

---

[1] 2 Кор. 10. 5. ‖ [2] Святой Петр Дамаскин. Добротолюбие. Ч. 1. О рассуждении. ‖ [3] *Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50. 19).

ступно вопиющее Ему плачем и молитвою, из сердца греxолюбивого в сердце боголюбивое, святое.

Будем хранить телесные чувства наши, не впуская чрез них грех в клеть душевную. Обуздаем любопытное око и любопытное ухо; возложим жестокую узду на малый член тела, но производящий сильные потрясения, на язык наш; смирим бессловесные стремления тела воздержанием, бдением, трудами, частым воспоминанием о смерти, внимательною, постоянною молитвою. Как непродолжительны телесные наслаждения! каким смрадом они оканчиваются! Напротив того, тело, огражденное воздержанием и хранением чувств, омовенное слезами покаяния, освященное частыми молитвами, зиждется таинственно в храм Святого Духа, соделывающего все покушения врага на человека безуспешными.

«Смиренномудрие минует все сети диавольские, и они даже не могут прикоснуться к нему». Аминь.

1846 года. Сергиева пустыня

Песнь под сению Креста
(Заимствовано из 15-й главы Исхода)

Сажусь под священную сень Древа крестного, начинаю песнь хвалы, песнь благодарения Создателю моему и Спасителю.

Не от палящих лучей солнца чувственного убегаю под сень Креста: убегаю от зноя грехов, от зноя соблазнов. Увы! мир преисполнен соблазнами лютыми.

Прохладно, отрадно под сению Креста святого! из-под корней его бьет ключ воды живой: учение Христово.

Не слышен голос песни моей суетному миру. Мой ум и сердце поют таинственно. Да услышит их Спаситель мой.

Ходил некогда в воздухе пред сонмом людей израилевых столп облачный и огненный, руководил их по пустыне дикой, страшной. Невидимый и вместе видимый мною Промысл Бога моего руководил меня по стези трудной и прискорбной жития земного.

Жил я прежде в Египте. Фараон, царь его, занимал меня непрестанно деланием плинф и другими тяжкими работами, занимал непрерывающимся попечением о вещественном. Когда приходила мне мысль о служении Богу моему, — фараон укорял меня в праздности, умножал мои заботы о временном, земном, суетном, чтоб было мне невозможным даже помыслить о Боге.

Моисей — этим именем и лицом изображается закон Духа — чудными способами извлек меня из Египта: из жизни для плоти, для мира, — в пустыню.

Труден путь по пустыне! Там зыблется раскаленный песок под ногами; там острым камнем и колючим терпием уязвляются ноги; там палящее солнце жжет путника; там жажда нестерпимая; там нет котлов и мяс египетских; там шатры, нет приюта удобного и спокойного; там мертвая природа томит, мучит мысль и взоры.

Едва достиг я моря Чермного, как увидел за собою враждебных всадников и гремящие колесницы. Предо мною было море; предо мною и за мною была смерть ужасная, неминуемая.

Но был тут и Бог мой. Он — источник жизни, и смерть Ему подвластна. Среди моря отверзся мне путь: в жизни посреди мира внезапно явилась предо мною стезя спасения.

В погоню за мною кинулись всадники, устремились колесницы: все они погибли в море. *Поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море*[1].

Конь неистовый — это бессловесные стремления, пожелания моей плоти; всадник, сидящий на нем, — помысл греховный.

Колесницы гремящие — это суетная слава мира, это его великое. Пройдет оно, и замолкнет, потонет в море забвения. Что так ничтожно, как стук и скрип колес и железа в колесницах!

Единое благо, единое сокровище у человека — Бог, его Создатель и Спаситель, его жизнь и наслаждение, его имущество вечное. Ему хвала, Ему слава! *Господь, сокрушаяй брани, Господь — имя Ему.* Невозможное для человеков — возможно Ему. *Колесницы Фараоновы, и силу его вверже в море: избранные всадники тристаты потопи в Чермнем мори*[2], в плаче человека о греховности его.

Огустеша яко стена воды, огустеша волны посреде моря[3]. Соблазны мира лишились своей силы, оковано их действие, не покорили они себе моего сердца; оно к ним сделалось бесчувственным, прошло среди влажных вод, как бы между каменными скалами. *Десница Твоя, Господи, прославися в крепости: десная Твоя рука, Господи, сокруши враги*[4], она даровала мне крепость, отняла крепость у греха, висевшего надо мною, подобно стене из волн. Ты окаменил

[1] *Пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и всадника его ввергнул в море* (Исх. 15. 1). ‖ [2] *Господь муж брани, Иегова имя Ему. Колесницы фараона и войско его ввергнул Он в море, и избранные военачальники его потонули в Чермном море* (Исх. 15. 3–4). ‖ [3] *Расступились воды, влага стала, как стена, огустели пучины в сердце моря* (Исх. 15. 8). ‖ [4] Исх. 15. 6.

волны, жаждавшие поглотить меня, увлечь бездушный труп мой в недоведомые пропасти ада.

Помощник мой и Покровитель[1]. На пути моем к Тебе, земле моей обетованной, еще ждут меня враги, сыны иноплеменников. И они познали, что надо мною Промысл Твой святой, что рука Твоя ведет меня и охраняет, поборает за меня; они знают, что рука Твоя сильна. Руки Твоей они боятся, а мне завидуют, скрежещут на меня зубами.

Слышаша языцы милости Твои ко мне, *и прогневашася*: огорчились жители Филистима; обеспокоились владыки Едомские; объял трепет князей Моавитских, расслабели сердца всех живущих в Ханаане[2]. Спаси меня, Боже мой, от всех сынов иноплеменных, от всех и от всего, кто чужд Святого Духа Твоего, и потому для христианина — сын иноплеменный. Да не увязнет нога моя в каких-либо сетях, да не низвергнусь в какую-либо невидимую мною, неведомую мне, непостижимую для меня гибельную бездну.

Отыми от всех врагов души моей силу, как отъял Ты ее у колесниц и всадников фараоновых; окамени их, чтоб они были без всякого движения, без всякого действия, как окаменил Ты воды. Спаси меня, Господи, Боже мой! Враги мои крепки и велики! Если предоставишь меня мне самому, — они убьют меня, как лев убивает слабого агнца; сотрут меня, как стирает жернов зерно пшеничное.

Величием мышцы Твоея да окаменятся[3] все ненавидящие мое спасение, все сопротивляющиеся шествию моему к Тебе, *дондеже пройдут людие Твои, Господи, дондеже пройдут людие Твои сии, яже стяжал еси. Введ насади я в гору достояния Твоего, в готовое жилище Твое, еже соделал еси, Господи, святыню, Господи, юже уготовасте руце Твои*[4].

Когда воды моря Чермного покрыли и потопили воинство фараона, его тристатов, его всадников, его колесницы, — взяла *Мариам пророчица*, сестра Аарона, первосвященника израильтян, и Моисея, законодателя их, тимпан в руки свои, — в сопровождении лика жен израилевых воспела песнь: *Поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море*[5].

[1] Исх. 15. 2. ‖ [2] Исх. 15. 14–15. ‖ [3] *От величия мышцы Твоей да онемеют, как камень* (Исх. 15. 16). ‖ [4] *Доколе проходит сей народ, который Ты приобрел. Введи его и насади его на горе достояния Твоего, на месте, которое Ты соделал жилищем Себе, в святилище, которое создали руки Твои* (Исх. 15. 16–17). ‖ [5] *Пойте Господу; ибо высоко превознесся Он, коня и всадника его ввергнул в море* (Исх. 15. 21).

Душа, пребывающая в служении Богу, поучающаяся в Законе Божием день и ночь, соединяется во един дух с Господом[1], роднится с Его Законом святым, соделывается сестрою его, пророчицею, как заимствующая из него благодатное вдохновение. Когда она увидит избавление свое от смерти греховной, от потопления в суетных попечениях и занятиях мира, от власти и насилия фараона, тогда настраивает чувства сердечные в чудный мир Христов и, прикасаясь к ним, как к струнам, Божественными помышлениями, издает дивные, вещие звуки, воспевает хвалу Богу, таинственно, духовно, насладительно.

О вы, жены израилевы, души верных рабов Господа Иисуса! Возьмите ваши тимпаны, пристаньте к пению пророчицы вдохновенной! Сядем в стройный лик под священною сению Креста, распяв *плоть со страстьми и похотьми*[2], умом и сердцем чистым, устами чистыми *воспоим Господеви*, великому Богу, Спасителю нашему, *славно бо прославися* несказанными благодеяниями Своими нам и всему христианскому и человеческому роду. Аминь.

Размышление при захождении солнца

Великолепное светило дня, совершив дневной путь, приблизилось к закату. Склонившись к самому морю и как бы колеблясь над ним, оно пущает прощальные лучи на землю, готово погрузиться в море бесконечном. Смотрю на это величественное зрелище из окон моей келлии, из недра тихой обители! Предо мною и Кронштадт, и противоположный берег Финляндии, и море, испещренное полосами. Над морем кружится румяное солнце, уже прикасаясь окраинами поверхности моря. Заходящее солнце допускает смотреть на себя глазу человеческому, для которого оно недоступно во все время дневного пути своего, закрываясь от него невыдержимым, ослепительным сиянием.

Какое созерцание родится от этого зрелища для инока уединенного? Какое вдохновение прольется в грудь мою при чтении этого листа священной книги, написанной Самим Богом, — природы?

Книга эта постоянно открывается для тех, которые не перестают очищать себя покаянием и удалением от всякого греховного начинания, и грубого, и тонкого. Она открывается для тех, которые отреклись от наслаждений земных, от суетной рассеянности.

---

[1] 1 Кор. 6. 17. ‖ [2] ...*плоть со страстями и похотями* (Гал. 5. 24).

Она открывается для последователей и учеников Евангелия, для любителей славы небесной и наслаждений вечных, для любителей скромного и тихого уединения, возлюбивших уединение с тем, чтобы в нем снискать обильное познание Бога устранением из себя всего, что закрывает и удаляет от нас Бога.

Великая книга природы запечатлена для читателей нечистых, омраченных грехом, порабощенных греху, погруженных в наслаждения плотские, закруженных, отуманенных суетным развлечением. Напрасно, по гордости своей, мнят они о себе, что и они — читатели ее! Читают они в ней мертвую, вещественную букву; не прочитывают — Бога.

Содержание книги природы: Бог неописанно описан, воспет громкими песнопениями Духа, неслышимыми ухом плотским, изящными, священными, поражающими и пленяющими слух души возрожденной.

Пред этою книгою встанут на суд — по учению великого Апостола языков — в день Страшного Суда Божия племена и языки всех веков жизни мира, пребывшие в жалостном, смешном идолопоклонстве, в бедственном неведении Бога, и она осудит их. Невидимое по отношению к Богу плотскими очами, когда рассматривается в создании Его — природе, зрится, *и присносущная сила Его и Божество, во еже быти им безответным*[1].

Есть книга еще выше и божественнее, блаженнее и страшнее, нежели книга природы: Евангелие.

Евангелие приводит понятливого и благоразумного читателя, читающего эту книгу жизни жизнию, к Самому Богу, соединяет человека с Богом; книга природы становит своего читателя в лике Ангелов и соделывает его зрителем и проповедником величия Божия. Ангелы, когда увидели книгу видимой природы, новоизданное созданием, — воспели песнь хвалы Создателю; подобно им воспевает, славословит Бога человек, очищенным оком смотрящий на природу. Евангелие строже осуждает непонятливость читателя, нежели природа. *Колико мните*, говорит Апостол, *горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися, и Духа благодати укоривый? Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь*[2]. Христианин будет судим по

---

[1] *...вечная сила Его и Божество, так что они безответны* (Рим. 1. 20). ‖ [2] *Сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет? ...У Меня отмщение, Я воздам, говорит Господь* (Евр. 10. 29–30).

Евангелию; это возвестил Господь: *Слово, еже глаголах, то судит ему в последний день*[1]. В книге природы хотя читается Бог всемогущий, премудрый, всеблагий, бесконечно высший всякой твари, достойный поклонения от твари разумной как Творец и Благодетель, — но читается Бог, по Существу Своему недоступный для постижения, для составления о Нем какого бы то ни было определенного понятия, как превысший всякого постижения и понятия. Евангелие открывает нам Бога, по существу Единого и Триипостасного; открывает начало — Отца, открывает рожденного Отцом, совечного Отцу, Сына, открывает исходящего от Отца, со Отцом и Сыном поклоняемого и славимого Духа, как равного, Единосущного Им; открывает и благовествует Искупителя, приводит человека не только к поклонению истинному Богу, но и к усыновлению Богу, к соединению с Богом. Книга природы освещена видимым, величественным исполином, огромным и лучезарным — солнцем; в Евангелии и из Евангелия светит Солнце Правды — Бог, смирившийся до вочеловечения, до яслей и вертепа, до казни преступников, Перворожденный из мертвых, Отец будущего века, Спаситель наш, Господь Иисус Христос. Слепец не может быть зрителем чудес природы: омраченный грехом, раб мира и миродержца не может познать Христа и Его Святого Евангелия. *Свет во тме светится, и тма Его не объят. Всяк бо делаяй злая, ненавидит Света, и не приходит к Свету. Иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем. Всяк отметаяйся Сына, ни Отца имать*[2].

Закатывающееся солнце живо представляет собою состояние христианства наших времен. Светит то же Солнце Правды — Христос, Он испускает те же лучи; но они уже не проливают ни того сияния, ни той теплоты, как во времена, нам предшествовавшие. Это оттого, что лучи не падают прямо на нас, но текут к нам лишь в косвенном, скользящем направлении. Лучи Солнца Правды, Христа, — Дух Святой: «Свет и податель Света человекам, Имже Отец познавается, и Сын прославляется и от всех познавается»[3].

Святой Дух обретал между первыми христианами много живых сосудов, одушевленных храмов, достойных Своего вселения, обитания. Таковы были Апостолы; таков был первомученик Стефан; таковы были почти все члены Церкви, учрежденной Апостолами;

---

[1] *Слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день* (Ин. 12. 48). ‖ [2] *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету. Не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем. Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца* (Ин. 1. 5; 3. 20, 36; 1 Ин. 2. 23). ‖ [3] Стихира на вечерне святой Пятидесятницы.

таковы были святые всех времен. Дух Святой, находя христианина верным Христу, нисходил на него, воссозидал его по подобию Нового Адама, вводя в душу и тело его нетленную святость от Бога, исполняя храм Свой духовными дарованиями. Духоносные мужи обильно распространяли Христово учение силою духовного слова, утверждаемого силою дарований Духа, доставляли братиям своим быстрое и возвышающее преуспеяние, *наказующе*, говорит Апостол, *всякаго человека, и учаще всякой премудрости, да представим всякаго человека совершенна о Христе Иисусе*[1].

Ныне, когда умножились богатые науками, искусствами, всем вещественным, ныне *оскуде преподобный*[2]. Святой Дух, призирая на сынов человеческих, ища достойного сосуда в этом сонме именующих себя образованными, просвещенными, православными, произносит о них горестный приговор: *Несть разумеваяй, и несть взыскаяй Бога. Вси уклонишася, вкупе непотребни быша: несть творяй благостыню, несть даже до единаго. Гроб отверст гортань их, языки своими лщаху: яд аспидов под устнами их. Ихже уста клятвы и горести полна суть: скоры ноги их пролияти кровь. Сокрушение и озлобление на путех их: и пути мирнаго не познаша. Несть страха Божия пред очима их*[3].

Вот причины, по которым Дух Божий чуждается нас, между тем как Он — истинное достояние истинных христиан, приобретенное для всех новых израильтян их всесвятым Родоначальником. Дух Божий — Свят и почивает в одних святых, распявших себя для мира, распявших *плоть со страстми и похотми*[4]. Еще в Ветхом Завете возвещено о Нем: *Не имать Дух Мой пребывати в человецех сих во век, зане суть плоть*[5]. И Тот Всеблагий Дух, Который в первенствующей Церкви нисшел на оглашенного лишь словом крестным Корнилия, исполнил его различными дарованиями духовными, — чуждается нас, уже омовенных Крещением, мнящих быть верующими и православными; чуждается, хотя у Него как у Бога нет лицеприятия; чуждается, чтоб не соделать нас более

---

[1] *...вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости, чтобы представить каждого человека совершенным во Христе Иисусе* (Кол. 1. 28). ‖ [2] *Не стало праведного* (Пс. 11. 2). ‖ [3] *Нет разумевающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны: нет делающего добро, нет ни одного. Гортань их — открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их; уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия пред глазами их* (Рим. 3. 11–18). ‖ [4] Гал. 5. 24. ‖ [5] *Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть* (Быт. 6. 3).

грешными присовокуплением к прочим грехам нашим тяжкого греха: оскорбления, которым оскорбляется и принуждается к удалению Святой Дух[1].

Не прямо на человеков ниспадают ныне лучи Солнца Правды! По причине усиления вещественной, плотской жизни, редко, редко обретается на земле живой сосуд Святого Духа. Сердца человеков соделались неспособными по нечистоте своей к непосредственному приятию и ношению писмен Его; к этому соделалось способнее сердец, нерукотворенных скрижалей, вещество безжизненное, по крайней мере, не оскверненное грехом. Где ныне почивают слова Духа? — В книгах Священного Писания и святых угодников Божиих, в книгах, написанных по внушению и под влиянием Святого Духа. Дух Святой сообщал избранным Своим различные дарования духовные, назначал им различные служения. Иных помазал на пророчество, других на апостольство, иных на пастырство и учительство, других на мученичество за Христа, иных на очищение себя Христу подвигами иноческими. Различны дарования, различны служения; но Начало, Источник — один: Дух Святой, наделяющий каждого дарованием, назначающий каждому служение по Своей воле и власти, как Бог. И книги святых Божиих написаны при различных дарованиях Духа сосудами Духа, имевшими различное служение, — написаны все или по внушению, или под влиянием Святого Духа. Святой Дух уже отсюда являет степень славы Своих живых храмов, из иного блистая светлее, из другого сияя умереннее. Как звезды видимой, небесной тверди *разнствуют*[2] одна от другой в славе, так разнообразно и духовное преуспеяние святых Божиих, сияющих на небе Церковном. Их духовному преуспеянию сообразен и свет, который издают из себя написанные ими книги: но все ни — на небе, все они издают свет, благоухание Святого Духа. И эти-то книги — свет лучей закатывающегося Солнца Правды, назначенный Всеблагим Богом для освещения последних часов дня христианского.

Братия! Искусим знамения времен, по завещанию Спасителя, за непознание которых фарисеи обличаются Господом[3]. Обратим должное внимание на наставление Спасителя, Который говорил современным Ему иудеям: *Еще мало время свет в вас есть: ходите, дондеже свет имате, да тма вас не имет: и ходяй во тме не весть, камо идет. Дондеже Свет имате, веруйте во Свет, да сынове*

[1] Еф. 4. 30; 1 Фес. 5. 19. || [2] ...*разнятся* (1 Кор. 15. 41). || [3] Мф. 16. 3.

Света будете[1]. С верою будем упражняться в чтении книг, написанных святыми угодниками Божиими, почерпая в них просвещение и жизнь души. Будем удаляться, как от яда смертоносного, от книг, написанных из источника мутного и смердящего, из лжеименного разума, этого достояния падшего естества человеческого, падением своим породнившегося с ангелами отверженными. *Да не бываем к тому младенцы*, увещевает нас Апостол, *влающеся и скитающеся всяким ветром учения, во лжи человечестей, в коварстве козней льщения*[2].

Идут, идут страшнее волн всемирного потопа, истребившего весь род человеческий, идут волны лжи и тьмы, окружают со всех сторон, готовы поглотить вселенную, истребляют веру во Христа, разрушают на земле Его царство, подавляют Его учение, повреждают нравы, притупляют, уничтожают совесть, устанавливают владычество всезлобного миродержца. В средство спасения нашего употребим заповеданное Господом бегство[3].

Где тот блаженный ковчег, подобный ковчегу Ноя праведного, куда бы можно было убежать от волн, отвсюду объемлющих, где бы можно было найти надежное спасение? Ковчег — Святая Церковь, несущаяся превыше волн потопа нравственного и в темную, бурную, грозную ночь с благодушием, твердостию руководствующаяся в пути своем светилами небесными — писаниями святых угодников Божиих. Сияния этих светил не сильны скрыть никакая мгла, никакие тучи.

Ковчег достигнет в пристанище блаженной вечности, принесет туда благополучно всех, доверивших ему свое спасение.

Кто пренебрежет этим ковчегом, возмнит, по слепым гордости и самомнению, преплыть страшные волны на утлой ладие собственного разума, кто пренебрежет смиренным повиновением истинной Церкви, кто воссядет в другие корабли, поврежденные лжеучением, проточенные прелестию лукавого змея, кто отвергнет руководство Святого Духа или только с хладностию и двоедушием будет руководствоваться Священным и Святым Писанием, в котором одном учение Духа, — погибнет. *Дондеже Свет имате, веруйте во Свет, да сынове Света будете*. Аминь.

Сергиева пустыня, 1846

---

[1] *Еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет; доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света* (Ин. 12. 35–36). ‖ [2] *Дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения* (Еф. 4. 14). ‖ [3] Мф. 24. 16.

Увещание к соблазняющимся на ближних (Фарисей)

Братия! Присмотримся в Евангелии к нраву Господа Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа. Мы увидим, что Он никогда не соблазняется на грешников, как бы их грехи ни были тяжки. Также нет примера во всем Евангелии, чтоб святые Апостолы соблазнились на кого-либо. Напротив того, фарисеи соблазняются непрестанно, соблазняются на Самого Всесовершенного, на вочеловечившегося Бога; соблазняются до того, что осуждают Его, как преступника, предают смерти поносной; Спасителя распинают на кресте посреди двух разбойников! Из этого естественно вытекает то заключение, что наклонность соблазняться есть тяжкий недуг души, есть признак фарисея. Должно тщательно смотреть за сердцем и умерщвлять в нем чувство соблазна на ближнего духовным рассуждением, почерпаемым в Евангелии.

Евангелие — священная и всесвятая книга! Как в чистых водах отпечатывается солнце, так в Евангелии изображен Христос. Желающий узреть Христа да очистит ум и сердце покаянием! Он узрит в Евангелии Христа, истинного Бога, Спасителя падших человеков; узрит в Евангелии, какие свойства должен иметь ученик Иисуса, призванный научиться кротости и смирению у Самого Господа. В этих Богоподражательных добродетелях он найдет блаженный покой душе своей.

Часть первая

Взошел некогда Господь в дом мытаря Матфея, претворяя мытаря в Апостола, возлег воплощенный Бог за трапезу с грешниками. Фарисеи, увидев это, соблазнились. *Почто*, говорили они ученикам Иисуса, почто *с мытари и грешники Учитель ваш яст и пиет?*[1]

Скажите прежде, фарисеи, почему вы называете этих людей грешниками? Не ближе ли их назвать счастливцами и блаженными, Ангелами, Херувимами, потому что благоволил возлечь в их обществе Бог? Не лучше ли вам сказать: «И мы грешники! И нас прими, милосердый Иисус, к стопам Твоим. Этих грешников Ты, Сердцеведец и истинный Судия, предпочел нам, миновав нас, Ты возлег с ними. Видно, грехи наши пред Тобою тяжелее их грехов. С ними Ты возлежишь: нам дозволь хотя припасть к стопам Твоим».

---

[1] *Для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?* (Мф. 9. 1).

Нет святой вони смирения в темных праведниках, богатых правдою падшего человеческого естества, правдою поддельною мира, правдою бесовскою. Они дерзко осуждают Господа, осуждают принимаемых Им грешников, соделывающихся таким образом истинными праведниками, — отвергают Господа, говорят: *Учитель ваш.* Дают понять этим, что они не признают Его *Учителем своим.*

Ответ Господа — ответ на все начала сокровенного недуга фарисеев, на все состояние их души. Ответ этот заключает в себе страшное осуждение и отвержение от лица Божия всякой мнимой праведности человеческой, соединенной с осуждением ближнего. *Не требуют*, сказал Господь, *здравии врача, но болящии. Шедше научитеся, что есть: милости хощу, а не жертвы. Не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние*[1].

Однажды, в день субботний, шел Господь со святыми Своими учениками и Апостолами между полей, засеянных хлебом. Ученики почувствовали голод, начали срывать колосья; стирая их руками, очищали зерна, которые употребляли в пищу. Фарисеи, увидев это, сказали Господу: *Се ученицы Твои творят, егоже недостоит творити в субботу*[2]. Господь, упомянув о Давиде и священниках, из которых первый нарушил обрядовый закон по случаю, а вторые по предписанию закона нарушают закон, опять повторяет фарисеям грозное замечание: *Аще бысте ведали, что есть: милости хощу, а не жертвы, николиже убо бысте осуждали неповинных*[3].

Чувство соблазна — какое придирчивое, какое злонамеренное! притворяется с мелочною отчетливостию держаться форм закона, а сущность закона попирает. Фарисей мрачный и слепой! Услышь, что говорит тебе Господь: *Милости хощу.* Увидев недостаток ближнего, умилосердись над ближним твоим: это уд твой! Немощь, которую ты видишь сегодня в нем, завтра может сделаться твоею немощию. Ты соблазняешься единственно оттого, что ты горд и слеп! Ты исполняешь некоторые наружные правила закона и за это любуешься собою; презираешь, осуждаешь ближних, в которых замечаешь нарушение некоторых мелочей, и не замечаешь исполнения великих, сокровенных добродетелей, возлюбленных Богу, незнакомых твоему надменному, жестокому сердцу. Ты не глядел в себя

[1] *Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; пойдите, научитесь, что̀ значит: «милости хочу, а не жертвы»? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9. 12–13). ‖ [2] *Ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу* (Мф. 12. 2). ‖ [3] *Если бы вы знали, что̀ значит: «милости хочу, а не жертвы», то не осудили бы невиновных* (Мф. 12. 7).

довольно; ты не увидел себя: только от этого не признаешь себя грешником. От этого не сокрушилось твое сердце, не исполнилось покаяния и смирения; от этого ты не понял, что наравне со всеми прочими человеками нуждаешься в милости Божией, в спасении. Страшно — не признать себя грешником! От не признающего себя грешником отрекается Иисус: *Не приидох*, говорит Он, *призвати праведныя, но грешныя на покаяние*. Какое блаженство признать себя грешником! Признавший себя грешником получает доступ к Иисусу. Какое блаженство — узреть грехи свои! Какое блаженство — смотреть в сердце свое! Кто засмотрится в сердце свое, тот забудет, что на земле находятся грешники, кроме его одного. Если он и взглянет когда на ближних, то все ему кажутся непорочными, прекрасными, как Ангелы. Глядя в себя, рассматривая свои греховные пятна, он убеждается, что для спасения его единое средство — милость Божия, что он раб неключимый не только по нарушению, но и по недостаточному исполнению заповедей Божиих, по исполнению, более похожему на искажение, нежели на исполнение. Нуждаясь сам в милости, он обильно изливает ее на ближних, имеет для них — одну милость. *Аще бысте ведали, что есть: милости хощу, а не жертвы, николиже убо бысте осуждали неповинных. Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние*[1].

Милосердый Спаситель наш Господь Иисус Христос, не отвергавший кающихся мытарей и блудниц, не пренебрегал и фарисеями: Он пришел исцелить человека от всех его недугов, а между ними и от фарисейства, особенно неудобоисцелимого только потому, что эта болезнь признает и провозглашает себя цветущим здравием, отвергает врача и врачевание, сама хочет врачевать болезни других, употребляя для изъятия едва заметной порошинки из нежного глаза удары тяжеловесными бревнами.

Некоторый фарисей пригласил Господа разделить с ним трапезу. *И вшед в дом фарисеев, возлеже*[2], повествует Евангелие о милосердом Господе. Похоже, что фарисей, хотя и имел усердие и некоторую веру к Господу, но при принятии Его дал место и расчету, какую степень приветствия оказать Гостю. Если б не было расчета, основанного на сознании своих праведности и достоинства, что бы воспрепятствовало фарисею выбежать навстречу Божественному Посетителю, с трепетом пасть к святым стопам Его, постлать под

---

[1] *Если бы вы знали, что́ значит: «милости хочу, а не жертвы», то не осудили бы невиновных. Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 12. 7; 9. 13). ‖ [2] *И Он, вошед в дом фарисея, возлег* (Лк. 7. 36).

ноги Его душу, сердце? Этого не было сделано; фарисей упустил блаженный случай почтить Спасителя как Спасителя. Упущенное похищает себе некоторая жена того города, известная грешница. Спешит она с сосудом благовонного мира в дом фарисея, входит в храмину, где была трапеза, начинает омывать слезами ноги Спасителя и обтирать их власами главы своей, — лобызать ноги Спасителя и мазать их миром.

Не видит слепой фарисей добродетели, совершающейся пред его глазами, обличающей хладность, мертвость его сердца. Соблазн и осуждение движутся в душе его. Он помышляет: *Сей аще бы был пророк, ведел бы, кто и какова жена прикасается Ему: яко грешница есть*[1]. Почему ты умаляешь Бога, называя Его лишь пророком? Почему ты называешь грешницею ту, которая лучше, нежели ты, почитает Бога? Убойся, умолкни: присутствует Создатель! Ему принадлежит суд над тварями Его; Ему — одинаково простить пятьсот и пятьдесят динариев греховного долгу: Он всемогущ и богат бесконечно. Фарисей обыкновенно выпускает это из своего расчета! Видя у ближнего пятьсот динариев долгу, он не обращает внимания на свои пятьдесят, даже не считает их долгом, между тем как определение Божественного Суда возвещает, что обоим им отдать нечем, что оба они равно нуждаются в прощении долга. *Не имущема же има воздати, обема отда*[2]. Недостаток смирения, от которого недуг фарисейства, крайне препятствует духовному преуспеянию. В то время как падшие в тяжкие грехи с горящею ревностию и в сокрушении духа приносят покаяние, забывают весь мир, видят непрестанно грех свой и оплакивают его пред Богом, — взоры фарисея двоятся. Грех его, показывающийся пред ним незначительным, не привлекает к себе всего внимания его. Он помнит, знает некоторые добрые дела свои и на них возлагает надежду. Он видит недостатки ближних; сравнивая их со своими, признает свои легкими, извинительными. Чем более возрастает в глазах его собственная правда, тем более умаляется оправдание благодатное, *туне* даруемое кающимся. От этого ослабевает, истребляется чувство покаяния. С умалением чувства покаяния затрудняется шествие к духовному преуспеянию; с уничтожением чувства покаяния совращается человек со спасительного пути на путь самомнения и самообольщения. Он делается чуждым святой любви к Богу и ближним. *Отпущаются*

[1] *Если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница* (Лк. 7. 39). ‖ [2] *Но как они не имели чем заплатить, он простил обоим* (Лк. 7. 42).

греси ея мнози, сказал Господь о блаженной грешнице, *яко возлюби много. А емуже мало оставляется, меньше любит*[1].

Зараженный недугом фарисейства лишается преуспеяния духовного. Жестка почва его сердечной нивы, не приносит жатвы: для духовного плодоносия необходимо сердце, возделанное покаянием, смягченное, увлажненное умилением и слезами. Лишение преуспеяния — уже существенный ущерб! Но вред, происходящий от фарисейства, не ограничивается бесплодием души: смертоносная зараза фарисейством по большей части сопряжена с последствиями самыми гибельными. Фарисейство не только соделывает бесплодными для человека добрые дела его, но направляет их во зло душе его, к его осуждению пред Богом.

Изобразил это Господь в притче *о фарисее и мытаре*, молившихся вместе во храме Божием[2]. Фарисей, несмотря на себя, не находил причин к покаянию, к ощущению сердечного сокрушения; напротив того, он находил причины быть довольным собою, полюбоваться собою. Он видел в себе пост, подаяние милостыни; но не видел тех пороков, которые видел или думал видеть в других и которыми соблазнялся. Говорю: *думал видеть*, потому что у соблазна глаза велики; он видит и такие грехи в ближнем, которых вовсе в нем нет, которые для ближнего изобрело его воображение, водимое лукавством. Фарисей, в самообольщении своем, приносит за свое душевное состояние хвалу Богу. Он скрывает свое превозношение, и оно скрывается от него, под личиною благодарения Богу. При поверхностном взгляде на Закон ему казалось, что он — исполнитель Закона, благоугодный Богу. Он забыл, что заповедь Господня, по выражению Псалмопевца, *широка есть зело*, что пред Богом само *небо нечисто*[3], что Бог не благоволит о жертвах, ни даже о всесожжении, когда им не сопутствуют и не содействуют сокрушение и смирение духа[4], что Закон Божий надо насадить в самое сердце для достижения истинной, блаженной, духовной праведности. Явление этой праведности начинается в человеке с ощущения нищеты духа[5]. Тщеславный фарисей мнит благодарить, прославлять Бога: *Боже, хвалу Тебе воздаю*, говорит он, *яко несмь, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее*[6]. Он исчисляет явные согрешения, которые могут быть видимы всеми;

---

[1] *Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит* (Лк. 7. 47). ‖ [2] Лк. 18. ‖ [3] *...широка зело, небеса нечисты* (Иов. 15. 15). ‖ [4] Пс. 50. ‖ [5] Пс. 39. 9; Мф. 5. 3. ‖ [6] *Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи* (Лк. 18. 11).

но о душевных страстях, о гордости, лукавстве, ненависти, зависти, лицемерии не говорит ни слова. А они-то и составляют фарисея! Они-то и омрачают, мертвят душу, соделывают ее неспособною к покаянию! Они-то уничтожают любовь к ближнему и рождают исполненный хлада, гордыни и ненависти — соблазн! Тщеславный фарисей мнит благодарить Бога за свои добрые дела; но Бог отвращается от него; Бог произносит против него страшный приговор: *Всяк возносяйся смирится*[1].

Когда фарисейство усилится и созреет, овладеет душою, то плоды его — ужасны. Нет беззакония, пред которым бы оно содрогнулось, на которое бы не решилось. Фарисеи осмелились похулить Святого Духа. Фарисеи осмелились назвать Сына Божия беснующимся. Фарисеи позволили себе утверждать, что вочеловечившийся Бог, пришедший на землю Спаситель, опасен для общественного благосостояния, для гражданского быта иудеев. И для чего все эти переплетенные вымыслы? Для того, чтоб под прикрытием наружной справедливости, под личиною охранения народности, законов, религии насытить ненасытимую злобу свою кровию, принесть кровь в жертву зависти и тщеславию, чтоб совершить богоубийство. Фарисейство — страшный яд; фарисейство — ужасный душевный недуг.

Постараемся начертать изображение фарисея, заимствуя живопись из Евангелия, чтоб каждый, вглядываясь в это страшное, чудовищное изображение, мог тщательно храниться, по завещанию Господа, *от кваса фарисейска*[2]: от образа мыслей, от правил, от настроения фарисеев.

Фарисей, довольствуясь исполнением наружных обрядов религии и совершением некоторых видимых добрых дел, не чуждых и язычникам, раболепно служит страстям, которые старается постоянно прикрывать, которых в значительной степени не видит в себе и не понимает, которые производят в нем совершенную слепоту по отношению к Богу и всему Божественному учению. Познание, а потому и зрение в себе действия душевных страстей, доставляется покаянием; но фарисей для чувства покаяния недоступен. Как может сокрушиться, умилиться, смириться сердце, удовлетворенное собою? Неспособный к покаянию, он неспособен зреть света заповедей Божиих, просвещающих очи ума. Хотя он и занимается чтением Писания, хотя видит в нем эти заповеди, но в омрачении

---

[1] *Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет* (Лк. 18. 14). ‖ [2] *...от закваски фарисейской* (Мф. 16. 6).

своем не останавливается на них: они ускользают от взоров его, и он заменяет их своими умствованиями, нелепыми, уродливыми. Что может быть страннее, несообразнее фарисейских умствований, упоминаемых в Евангелии? *Иже аще кленется церковию*, утверждали фарисеи, *ничесоже есть: а иже кленется златом церковным, должен есть*[1]. Фарисей, оставляя исполнение заповедей Божиих, составляющих сущность Закона, стремится к утонченному исполнению наружных мелочей, хотя бы это было с очевидным нарушением заповедей. Святые Божии заповеди, в которых жизнь вечная, оставлены фарисеями без всякого внимания, совершенно забыты! *Одесятствуете*, говорил им Господь, *мятву и копр, и кимин, и остависте вящшая закона, суд и милость и веру... Вожди слепии, оцеждающии комары, вельблуды же пожирающе*[2].

Самая скрытная из всех душевных страстей есть тщеславие. Эта страсть более всех других маскируется пред сердцем человеческим, доставляя ему удовольствие, часто принимаемое за утешение совести, за утешение Божественное. И на тщеславии-то заквашен фарисей. Он все делает для похвалы человеческой; он любит, чтоб и милостыня его, и пост его, и молитва его имели свидетелей. Он не может быть учеником Господа Иисуса, повелевающего последователям Своим пренебрегать славою человеческою, идти путем уничижения, лишений, страданий. Крест Иисуса служит для фарисея соблазном. Ему нужен Мессия, похожий на Александра Македонского или Наполеона I, с громкою славою завоевателя, с трофеями, с добычею! Мысль о славе небесной, духовной, о славе Божией, вечной, о самой вечности недоступна для души его, пресмыкающейся по земле, в земном прахе и тлении. Фарисей сребролюбив. Сердце его там, где его сокровище. Там вера его, там чувства его, там надежда, там любовь! Устами, краем языка он исповедует Бога, а сердцем он отвергается Его. Никогда он не ощущает присутствия Божия, не зрит Промысла Божия, не знает опытом, что значит страх Божий. Для сердца его нет Бога, нет и ближних. Он — весь земной, весь плотский, весь во власти страстей душевных, движется ими, управляется ими, влечется ко всякому беззаконию, живет и действует единственно для самолюбия. В этой душе воздвигнут идол *я*. Идолу курится непрестанный фимиам, зака-

[1] *Если кто поклянется храмом, то ничего; а если кто поклянется золотом храма, то повинен* (Мф. 23. 16). ‖ [2] *Даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру... Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!* (Мф. 23. 23–24).

лаются непрестанные жертвы. Как может в этой душе соединиться служение Всесвятому Богу с служением мерзостному кумиру? Эта душа в страшном запустении, в страшном мраке, в страшной мертвости. Это — вертеп темный, обитаемый одними лишь лютыми зверями или еще более лютыми разбойниками. Это — гроб, украшенный снаружи для чувственных глаз человеческих, так легко обманывающих, внутри исполненный мертвых костей, зловония, червей, всего нечистого, богоненавистного.

Фарисей, будучи чужд Бога, имеет нужду казаться пред людьми служителем Бога; будучи исполнен всех беззаконий, имеет нужду казаться пред людьми добродетельным; стремясь удовлетворить своим страстям, он имеет нужду доставить поступкам своим благовидность. Для фарисея необходима личина. Отнюдь не желая быть истинно благочестивым и добродетельным, только желая считаться между людьми за такого, фарисей облекается в лицемерие. Все в нем — сочинение, все — вымысел! Дела, слова, вся жизнь его — ложь непрестанная. Сердце его, как темный ад, преисполнено всех страстей, всех пороков, непрерывного мучения. И это-то адское сердце дышит на ближнего бесчеловечным, убийственным чувством соблазна и осуждения. Фарисей, заботящийся казаться праведным пред человеками, по душе будучи чадо сатаны, уловляет из Закона Божия некоторые черты, украшает себя ими, чтоб неопытный глаз не узнал в нем врага Божия и, вверившись ему, как другу Божию, соделался его жертвою. Фарисей осуждает в ближних не зло, не порок, не нарушение Закона. Нет! как может он осуждать зло, которого он друг и наперсник? Стрелы его направлены на добродетель. Но, чтоб вернее были удары, он оклеветывает добродетель, приписывает ей зло, соблазняется на это зло и, по-видимому поражая его, убивает ненавистного ему раба Христова. Фарисей! ты ведешь на казнь неповинного за преступление, которое ты сам для него вымыслил? Тебе принадлежит казнь, равно как и преступление! Неужели ободряет тебя то, что ученик Христов, подражая Христу, в молчании пьет чашу страданий, которую ты ему приготовил? Несчастный! устрашись этого самого молчания великодушного и таинственного. Как ныне ради Иисуса молчит последователь Иисуса, так на Страшном всеобщем Суде возглаголет за него Иисус, обличит беззаконника, не узнанного людьми, и пошлет его в муку вечную. Фарисеи вымыслили преступления для Самого Богочеловека; они устроили для Него казнь; они купили Его кровь; они притворились не понявшими Его.

Величайшее злодеяние на земле совершено фарисеями. Всегда были они верны, и доселе они верны своему адскому призванию. Они — главные враги и гонители истинной, христианской добродетели и благочестия, не останавливающиеся ни пред каким средством, ни пред каким преступлением. Против них гремит определение Господа: *Змия, порождения ехиднова, како убежите от суда огня геенскаго? Сего ради, се, Аз послю к вам пророки и премудры и книжники: и от них убиете и распнете, и от них биете на сонмищих ваших, и изженете от града во град: яко да приидет на вы всяка кровь праведна, проливаемая на земли, от крове Авеля праведнаго до крове Захарии, сына Варахиина, егоже убисте между церковию и олтарем. Аминь глаголю вам, яко вся сия приидут на род сей*[1]. Совершились слова Господа, и доселе совершаются: зараженные квасом фарисейским доселе в непримиримой вражде с истинными учениками Иисуса, гонят их, то явно, то прикрываясь клеветою и соблазном; жадно, неутомимо ищут крови их. «Господи Иисусе Христе! Помогай рабам Твоим. Даруй им уразумевать Тебя и последовать Тебе, Тебе, Который *яко овча на заколение ведеся, и яко Агнец пред стригущим его безгласен*[2]. Даруй им чистым оком ума зреть Тебя и, страдая в блаженном молчании, как бы пред Твоими очами, обогащаться благодатными дарами, ощущать в себе миротворное веяние Святого Духа, Который возвещает рабу Твоему, что иначе невозможно быть Твоим, как причащаясь чаше страданий, которую Ты избрал в удел пребывания на земле Твоего и присных Твоих».

Часть вторая

Господь изрек в Святом Евангелии много заповедей, вводящих в человека мысли и чувствования, совершенно противоположные душепагубному, человеконенавистному фарисейству. Этими заповедями уничтожаются самые начала, на которых основывается и зиждется фарисейство. *Блюдитеся*, сказал Господь, вообще *от кваса фарисейска*[1]. Один из Евангелистов объясняет, что словом *квас*

---

[1] *Змии, порождение ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну? Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных вы будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником. Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей* (Мф. 23. 33–36). ‖ [2] *Как овца, веден был на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен* (Ис. 53. 7). ‖ [3] *Берегитесь закваски фарисейской* (Мф. 16. 6).

фарисейский Господь наименовал *учение* фарисеев[1], а другой Евангелист разумеет под этим словом *лицемерие* их[2]. Это одно и то же: из лицемерного поведения возникают образ мыслей и учение фарисейские; наоборот, учение и образ мыслей фарисейские воспитывают лицемера, для которого никакой грех не страшен, никакая добродетель не уважительна; он надеется и прикрыть всякий грех, извинить, оправдать его, и заменить всякую добродетель притворством.

Господь преподал ученикам Своим поведение прямое, искреннее, утвержденное на святой мудрости, а не оправдываемое лукавством, — поведение, из которого должна светить чистая добродетель и небесною красотою своею привлекать к себе взоры и сердца человеков. *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже есть на небесех*[3]. Фарисеи, напротив того, желали лишь казаться праведными, заботились только о том, чтоб выставить и выставлять себя слугами Бога пред обществом людей, пред массою, обыкновенно малоразборчивою. И ныне можно видеть, что фарисеи прибегают ко всевозможным изворотам, чтоб дела их, имеющие наружность добрых, блистали как можно ярче пред глазами людей, а злодеяния были извинены политическою необходимостию, личиною правосудия и мудрой предусмотрительности, желанием предупредить допущением меньшего зла зло большее и прочими оправданиями, так обильно источающимися из сердца, наполненного лукавством. Господь воспрещает такое поведение в весьма сильных выражениях. *Вы есте*, говорит Он, *оправдающе себе пред человеки, Бог же весть сердца ваша: яко, еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом*[4]. Фарисеи старались прикрывать оправданиями свои душевные страсти, действия, плоды их. Душевные страсти, под сению и прохладою оправданий, обыкновенно пускают глубокие корни в душу, соделываются дебелым древом, обнимая ветвями всю деятельность человека, то есть проникая во все его мысли, во все чувствования, во все действия. Святой Пимен Великий сказал: «Если греховной воле человека помогут оправдания, то он развращается и погибает»[5].

При поведении, в котором не ищется бескорыстно добродетель пред очами Бога, но ищется слава добродетели пред очами людей,

[1] Мф. 16. 12. ‖ [2] Лк. 12. 1. ‖ [3] *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5. 16). ‖ [4] *Вы выказываете себя праведниками пред людьми, но Бог знает сердца ваши: ибо, что высоко у людей, то мерзость пред Богом* (Лк. 16. 15). ‖ [5] Алфавитный патерик.

в их ничтожном мнении, непостоянном, переменчивом, — человек не способен познать веры христианской, принять учение Христово, для чего нужно сердце, признающее себя грешным, исповедующее грех свой. *Како вы можете веровати*, говорит Спаситель фарисеям, *славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единаго Бога, не ищете?*[1] Господь отъемлет в учениках Своих всякую пищу для тщеславия. Он хочет, чтоб жертвенник сердечный был очищен от скверного кумира, от всего, что принадлежит к кумирослужению. Господь заповедует совершать все добрые дела втайне. И милостыня, по завещанию Его, да будет втайне! и пост да будет втайне! и молитва — в затворенной клети! Добрые дела наши должны быть сокрыты не только от человеков, но и от нас самих, чтоб не только человеки не растлевали душ наших похвалами, но и самое сердце наше не льстило нам и не прелюбодействовало, нарушая святой союз со святым смирением. *Да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя*[2]. Этого мало! Господь повелел отвергнуться себя в кратковременной земной жизни, попрать все оправдания, всякую правду для правды евангельской. В чем состоит правда евангельская? в страданиях, в кресте! Сюда призывает ученика Своего Спаситель! здесь Он чинит разбор между званными! здесь отделяет плевелы от пшеницы! здесь знаменует Своею печатию избранных! *Иже не приимет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин. Обретый душу свою, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю*[3].

Братия! У подножия Креста Христова сложим и погребем все понятия мира о чести, об обидах, об оскорблениях, об убытках, о несправедливости, о человеческих законах и о человеческом правосудии. Соделаемся юродивыми ради Христа! подставим ланиты наши заплеваниям, заушениям! наша честь земная, ветхая да посыплется прахом уничижений! не взглянем с пощадением и участием на тленное имущество наше: да расхищают и разносят его вихри, когда они будут попущены! не пощадим плоти нашей в подвигах вольных и в страданиях невольных! научимся у Господа Иисуса Христа Его таинственному молчанию, которое есть возвышеннейшее богословие и красноречие, удивляющее Ангелов! Ему, Богу воплощенному, мир не воздал справедливости: нам ли искать ее от мира? Отречем-

[1] *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?* (Ин. 5. 44). ‖ [2] *Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мф. 6. 3). ‖ [3] *Кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Мф. 10. 38–39).

ся от нее у подножия Креста Христова! Не будем зверями, которые ловцов и других зверей, на них нападающих, угрызают и язвят! уподобимся Агнцу Божию здесь, на земле, во время кратковременного нашего странствования земного, — и Он соделает нас подобными Себе в вечности, где нашему блаженству не будет конца и меры. И здесь, в земном изгнании, к верному ученику Иисуса приходит Дух Святой, Утешитель, навевает на его душу несказанное блаженство будущей жизни, которое отъемлет от него чувство страданий, которое вводит его в невидимое, святое наслаждение, не зависящее от человеков и обстоятельств. Пред этим наслаждением все земные наслаждения, даже законные, — ничтожны.

Главный отличительный признак лицемера, первая стрела, пускаемая им на ближнего, есть соблазн и истекающее из соблазна осуждение ближнего. Соблазн в намеренных злодеях часто бывает притворным, сочиненным, как бы правильный предлог к злодеянию, заблаговременно приготовляющий и злодеяние, и оправдание злодеяния; соблазн в зараженных еще ветхостью Адама, хотя бы они были благонамеренны и стремились к спасению, есть признак ветхости и недуг весьма важный и упорный. Недуг этот противодействует покаянию, от которого — очищение. Соблазн есть болезненный взгляд на немощи ближнего, при котором эти немощи возрастают до необъятной, уродливой величины. Соблазн есть исчадие самолюбия, вселяющееся в душу, чуждую любви к ближнему и правильной любви к себе. Господь уподобил этот недуг бревну, в сравнении с которым всякое явное согрешение ближнего есть только сучок. *Не судите*, сказал Господь, *да не судими будете. Имже бо судом судите, судят вам: и в нюже меру мерите, возмерится вам... Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего: и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего*[1]. Должно с насилием отвлекать себя от осуждения ближних, ограждаясь от него страхом Божиим и смирением. Чтоб ослабить и, с Божиею помощию, совершенно искоренить из сердца своего соблазн на ближнего, должно при свете Евангелия углубляться в себя, наблюдать за своими немощами, исследовать свои греховные стремления, движения и состояния. Когда грех наш привлечет к себе наши взоры — некогда нам будет наблюдать за недостатками ближнего,

[1] Не *судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить... Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Мф. 7. 1, 5).

замечать их. Тогда все ближние покажутся нам прекрасными, святыми; тогда каждый из нас признает себя величайшим грешником в мире, единственным грешником в мире; тогда широко отверзутся для нас врата, объятия истинного, действительного покаяния.

Великий Пимен говорил: «Мы и братия наши как бы две картины. Если человек, смотря на себя, находит в себе недостатки, то в брате своем он видит совершенства. Если ж сам себе кажется совершенным, то, сравнивая с собою брата, находит его худым»[1]. Величайшие угодники Божии особенно заботились узреть себя грешными, и столько грешными, чтоб согрешения ближних, явные и великие, казались им ничтожными, извинительными. Преподобный Сисой сказал авве Ору: «Дай мне наставление». — «Имеешь ли ты ко мне доверенность?» — спросил его авва Ор. «Имею», — отвечал Сисой. «Поди же, — сказал ему Авва Ор, — и делай то, что делаю я». — «В чем состоит твое делание, отец?» — спросил его авва Сисой. Старец сказал: «Я вижу себя хуже всех людей»[2].

«Если человек достигнет того состояния, — говорил Пимен Великий, — о котором сказал Апостол: *вся чиста чистым*[3], то увидит, что он хуже всякой твари». Брат спросил старца: «Как могу думать о себе, что я хуже убийцы?» Пимен отвечал: «Если человек дойдет до состояния, указанного Апостолом, и увидит человека, сделавшего убийство, то скажет: "Он однажды сделал этот грех, а я убиваю себя ежедневно"». Брат пересказал слова Пимена другому старцу. Старец отвечал: «Если человек дойдет до состояния такой чистоты и увидит грехи брата, то праведность его поглотит этот грех». Брат спросил: «Какая праведность его?» Старец отвечал: «Всегдашнее обвинение себя»[4].

Вот истинные слышатели и творцы Закона евангельского! Изгнав из сердец своих осуждение и соблазн, они исполнились святой любви к ближнему, изливая на всех милость и милостию врачуя грешников. Сказано святыми Отцами о великом Макарии Египетском, что он был, как бог земной, — с таким могущественным милосердием сносил он недостатки ближних. Авва Аммон, вникая непрестанно в себя и обличая душу свою в ее недостатках, пришел в глубокое смирение и святую простоту. От множества любви к ближнему он не видел в нем зла, забыл о существовании зла. Однажды привели к нему — так как он был епископом — девицу, зачавшую во чреве, и сказали: «Такой-то сделал это, наложи

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Там же. ‖ [3] *Для чистых все чисто* (Тит. 1. 15). ‖ [4] Алфавитный патерик.

на них епитимию». Аммон, знаменав крестом чрево ее, велел ей дать шесть пар полотен, сказав: «Когда придет ей время родить, не умерла бы она сама или дитя ее и было бы в чем похоронить их». Обвинявшие девицу сказали ему: «Что ты делаешь? Наложи на них епитимию!» Он отвечал: «Братия! Она близка к смерти! Что ж еще делать с нею?» — и отпустил ее. Пришел однажды авва Аммон в некоторое местопребывание иноков, чтоб разделить с братиею трапезу. Один из братии того места очень расстроился в поведении: его посещала женщина. Это сделалось известным прочим братиям; они смутились и, собравшись на совещание, положили изгнать брата из его хижины. Узнав, что епископ Аммон находится тут, они пришли к нему и просили его, чтоб и он пошел с ними для осмотра келлии брата. Узнал об этом и брат и скрыл женщину под большим деревянным сосудом, обратив сосуд дном кверху. Авва Аммон понял это, и ради Бога покрыл согрешение брата. Пришедши со множеством братий в келлию, он сел на деревянном сосуде и приказал обыскать келлию. Келлия была обыскана, женщина не была найдена. «Что это? — сказал авва Аммон братиям: — Бог да простит вам согрешение ваше». После этого он помолился и велел всем выйти. За братиею пошел и сам. Выходя, он взял милостиво за руку обвиненного брата и сказал ему с любовию: «Брат! Внимай себе!» Так святой Аммон удалялся от осуждения кого-либо и врачевал грешников, смягчая милостию сердца их, приводя милостию к покаянию.

Сколько Господь отводит нас от пропасти соблазна и осуждения; сколько истинные рабы Господни удаляются от этой страшной, гибельной пропасти, — столько, напротив того, диавол влечет нас в нее, прикрывая ее различными оправданиями. Одно из сатанинских оправданий есть безрассудная ревность, принимаемая многими за ревность по благочестию, за святую ревность. «Человек, водимый безрассудною ревностию, — говорит святой Исаак Сирский, — никогда не возможет достигнуть мира мыслей. Чуждый же этого мира чужд радости. Если мир мысли есть совершенное здравие, а ревность противна миру, то имеющий ревность лукавою, недугует великим недугом. О человек! полагая, что разжигаешься справедливою ревностию против чужих недостатков, ты отгоняешь здравие души твоей. Потрудись, потрудись о здравии души твоей! Если же желаешь врачевать немощных, то пойми, что больные нуждаются более во внимательной заботливости, нежели жестокости. Притом в то время, как не помогаешь другим, себя ввергаешь

в тяжкую болезнь. Такая ревность в человеке принадлежит не к признакам премудрости, но к недугам души, к недостатку духовного разума, к большему невежеству. Начало премудрости Божией — тихость и кротость, качества великой и крепкой души, являющиеся в ней от основательного образа мыслей и носящие немощи человеческие»[1].

Грех соблазна и осуждения так удобен к погублению человеков и потому так возлюблен диаволу, что он не довольствуется возбуждением в сердце нашем ревности лукавой и чуждой евангельского разума, возбуждением гордостных помыслов, соединенных всегда с уничижением и презрением ближнего; но устраивает и явные козни для уловления невнимательных в соблазн и осуждение. Авва Пимен говорил: «В Писании сказано: *Яже видеста очи твои, глаголи*[2]. Но я советую вам не говорить даже и о том, что осязали вы своими руками. Один брат был обманут таким образом: представилось ему, что брат его грешит с женщиною. Долго он боролся сам с собою; наконец, подошедши, толкнул их ногою, думая, что это точно они, и сказал: “Полно вам, долго ли еще?” Но оказалось, что это были снопы пшеницы. Потому-то я и сказал вам: не обличайте, если даже и осязаете своими руками»[3].

Грех осуждения так противен Богу, что Он прогневляется, отвращается от самих угодников Своих, когда они позволят себе осуждение ближнего: Он отъемлет от них благодать Свою, как это видно из многочисленных примеров, сохраненных церковными писателями для пользы и назидания христианских поколений. Никакая праведность не дает права осуждать грешащего брата, которому Господь весьма удобно может даровать праведность существенную, несравненно бóльшую той, которую мы думаем находить в себе. Мы можем быть праведными собственно правдою Божиею; когда же осуждаем ближнего, то этим самым отвергаем правду Божию, заменяем ее правдою своею или, правильнее, недугом фарисейства. Осуждающий ближнего восхищает сан Бога, Которому Единому принадлежит *суд* над тварями Его, — восхищает сан Христа, имеющего судить живых и мертвых в последний день[4].

Дивный Иоанн Савваит поведал о себе: «В то время как я жил в пустыне невдалеке от монастыря, пришел брат из монастыря навестить меня. Я спросил его: “Как живут отцы и братия?” — “Хорошо за твои молитвы”, — отвечал он. Потом я спросил об одном из бра-

---

[1] Слово 89. ‖ [2] Притч. 25. 8. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Житие преподобного Василия Нового, мытарство осуждения. Четьи-Минеи, 26 марта.

тии, о котором ходила худая молва. Он отвечал мне: “Поверь, отец: этот брат продолжает жить по-прежнему”. Услышав это, я сказал: “Ох!” — и немедленно пришел в исступление. Я увидел себя стоящим пред Голгофою во Иерусалиме. Господь наш Иисус Христос стоял на Голгофе между двумя разбойниками. Я устремился на поклонение Ему. В это время — вижу — Господь обратился к предстоявшим Ему Ангелам и сказал им: “Выгоните его вон, потому что он в отношении ко Мне антихрист: предваряя Суд Мой, он осудил брата своего”. В то время как изгоняли меня и я выходил из дверей, запуталась в них моя мантия и была удержана ими. Там я оставил ее. Немедленно пришедши в себя, я сказал посетившему меня брату: “Лют для меня этот день”. Он спросил: “Почему так, отец?” Я поведал ему виденное мною, присовокупив, что снятая мантия означает отнятие от меня покрова Божия и помощи Божией. С этого дня я углубился в пустыню и скитался в ней в течение семи лет, не употребляя хлеба, не входя под крышу и не беседуя ни с кем из человеков. По прошествии этого времени я снова увидел Господа: Он возвратил мне мантию мою»[1].

Братия! Будем внимательны к себе! Потщимся очистить себя не только от страстей телесных, но и от страстей душевных, от тщеславия, неверия, лукавства, зависти, ненависти, сребролюбия и прочих подобных недугов, которые движутся и действуют по-видимому в одной душе, без участия тела, и потому называются душевными. Сказал я «по-видимому» — они имеют влияние и на тело, но тонкое, не для многих приметное и постижимое. При внимании себе и при очищении себя от этих страстей насеется постепенно в нас любовь к ближнему, а от нее ослабеет и уничтожится чувство соблазна на ближнего и осуждение его. Будем непрестанно помнить, что нет правды, угодной Богу, вне нищеты духа. Будем оправдывать ближних, а осуждать себя, чтоб Бог даровал нам благодать и милость Свою, которые Он дарует единым смиренным и милостивым. Аминь.

---

[1] Патерик Алфавитный.

Посещение Валаамского монастыря

Великолепна буря на Ладожском озере, когда при ясном небе, при сиянии солнца порывистый ветер передвигает влажные холмы по поверхности глубокого, широкого озера. Эта необъятная поверхность вся усеяна холмами лазуревого цвета с белоснежными, серебристыми гребнями. Смятенное бурею озеро представляется одушевленным.

При такой буре в 1846 году, в первых числах сентября, ехал я из Коневского монастыря в Валаамский на пароходе, носящем имя острова, на котором стоит последний монастырь[1]. Ветер был очень свежий; быстро неслись под небом белые облака отдельными группами, как стада птиц, совершающих свое переселение осенью и весною. Величественна буря на открытом озере; и у берегов она имеет свою красу. Там свирепые волны — в вечном споре с ветрами, гневаются, грозно беседуют между собою, а здесь они — в ярости на землю, с замыслом дерзновенным. «Смотрите, как лезет волна на берег», — говорил сопровождающий меня коневский старец. Точно, волна «лезет» на берег. Это прямое выражение ее действия. И лезет она с упорством не только на берег отлогий, на огромную скалу гранитную, стоящую отвесно над бездною, от начала времен мира смотрящую спокойно на свирепые бури, как на детские игры. На сажень, на две сажени подымается волна по скале и в изнеможении упадает к ее подножию в мелких брызгах, как разбитый хрусталь; потом снова начинает свою постоянно упорную, постоянно безуспешную попытку.

Несколько лет тому назад я видел бурю на Ладожском озере при пасмурной погоде. Тогда картина теряет много живописности. Воды окрашены серым цветом; пена не серебриста, мутна и желтовата; мгла суживает раму зрелища; нет ни того движения, ни того разнообразия, — словом, нет той жизни. Нужны лучи солнца для оконченности этой сериозной, полной вдохновения картины. И самое солнце как прекрасно, когда глядит с чистого, недосягаемого неба на бурю земную!

Остров Валаам — бесспорно, живописнейшее место старой Финляндии. Он находится на северной оконечности Ладожского озера[2]. Подъезжаете к нему — вас встречает совершенно новая приро-

---

[1] Пароход этот именуется «Валаам». С открытия судоходства на Ладожском озере до осеннего бурного времени пароход дважды в неделю ходит в Валаамский монастырь, отправляясь каждый раз из Шлиссельбурга. || [2] Остров Валаам от ближайшего берега в двадцати пяти верстах, от финляндского города Сердоболя в сорока, от Коневского монастыря в восьмидесяти; в окружности имеет около тридцати верст; принадлежит к Санкт-Петербургской епархии, а по гражданскому распределению к Выборгской губернии Великого Княжества Финляндского.

да, какой не случилось видеть путешествовавшему лишь по России: природа дикая, угрюмая, привлекающая взоры самою дикостию своею, из которой проглядывают вдохновенные строгие красоты. Вы видите отвесные, высокие, нагие скалы, гордо выходящие из бездны: они стоят, как исполины, на передовой страже. Вы видите крутизны, покрытые лесом, дружелюбно склоняющиеся к озеру. Тут какой-нибудь пустынник вышел с водоносом в руке почерпнуть воды и, поставив на землю водонос, загляделся на обширное озеро, прислушивается к говору волн, питает душу духовным созерцанием. Вы видите огражденные отовсюду гранитными, самородными стенами заливы, в которых спокойно дремлют чистые, как зеркало, воды, в то время как в озере бушует страшная буря; здесь спрятался галиот или сойма от крушения, ждет в затишьи попутного ветру, а хозяин судна уже с равнодушным любопытством смотрит на яростные, ревущие волны озера, недавно хотевшие разрушить его судно, в которое он вложил все достояние, всю судьбу свою и своего семейства. Вы плывете по излучистым проливам, где часто две противоположные стены сходятся так близко, что оставляют лишь тесный проход для одного галиота. Вы опускаете лот, измеряете глубину в этой узине: глубина тут — многие сажени. Вы входите с северной стороны в губу, далеко вдавшуюся во внутренность острова; плывете по этой губе: с правой стороны — дремучий лес на каменных, громадных уступах, выходящих отвесно и навесно из темных вод. Этот лес и эти камни отражаются густою тенью в водах губы, отчего тут воды особенно мрачны и ландшафт принимает самый грозный вид. Губа постепенно расширяется и наконец образует овал значительного размера. Вы отторгаете взоры от этой картины, необыкновенной, наводящей на душу невольный ужас, но ужас приятный, с которым не хочется расстаться; обращаетесь к противоположной стороне: пред вами — обширный монастырь на высокой, длинной гранитной скале, как легкое бремя на плечах гиганта. Скала прежде покрывалась беловатым мхом. Монахи счистили мох; теперь гранит свободен от седин, висевших на смуглом челе его; он величествен и грозен в обновленной юности и наготе своей. Из трещин скалы выросли липы, клены, вязы; по скале вьется плющ, а под скалой разведен фруктовый сад, над которым колеблются и шумят зеленеющие вершины дерев, как бы готовых низринуться на сад, но удерживаемых далеко ушедшими в скалу корнями. Разительная, великолепная картина! Как приятно видеть селение человека, его руку, клочок земли, политый его пóтом, украшенный его трудами, среди огромных масс дикой, могу-

чей природы! Пристаете к гавани, выходите на берег: по крутому скату горы устроена гранитная лестница; по ней подымаетесь к монастырю, стоящему на вершине горы, на обширной площади. На эту площадь с южной стороны ведет крутая отлогость; к западу, к губе, площадь обрезывается отвесною скалою.

План монастырских зданий состоит из двух четвероугольников, из которых один помещается в другом. Поднявшись по гранитной лестнице на площадь, вы идете по аллее к святым вратам, находящимся в наружном четвероугольнике; против этих ворот — другие, во внутреннем четвероугольнике. Входите в них: перед вами на правой стороне — соборная церковь Преображения Господня, в верхнем этаже; в нижнем — Валаамских чудотворцев Сергия и Германа, где и мощи их почивают под спудом. Собор соединяется посредством галереи с теплою церковию Успения Божией Матери; в галерее помещается ризница. На другой оконечности, составляющей собою юго-восточный угол, — церковь святителя Николая. На левой стороне, противоположной той линии, на которой стоят храмы, — келлии настоятеля и некоторые братские. Против вас — братская трапеза и кухня; а в той линии, в которой врата и где, предполагаю, вы стоите, — келлии чредных иеромонахов. Над святыми вратами наружного четвероугольника — церковь Петра и Павла. В линии этой, с левой стороны — гостиница; с правой — келлия духовника и обширная рухольня (так в монастырях называется кладовая) монастыря. В противоположной линии — больница монастыря со значительным числом келлий, в которых помещаются все престарелые и увечные. При больнице — церкви, в верхнем этаже — Пресвятыя Троицы, в нижнем — Живоносного Источника. В линии, обращенной к губе, с одной стороны — продолжение гостиницы; с другой — канцелярия монастыря. В восточной линии с одной стороны — продолжение рухольни, с другой — монастырская библиотека, сравнительно с другими монастырями богатая, имеющая довольно рукописей, почти исключительно состоящих из творений святых Отцов, писавших о монашеской жизни. Для истории Валаамского монастыря не найдется в этой библиотеке обильных материалов. Она собрана в конце прошедшего и начале нынешнего столетий; древние рукописи уничтожены, как и все древнее в Валаамском монастыре, пожарами и шведами. Нет здания на всем острове, ни даже часовни, которым бы исполнилось хотя сто лет.

Основание и существование монастыря Валаамского с достоверностию относится к глубокой русской древности: к такому заключению

приводят некоторые исторические факты. Преподобный Авраамий, основатель и архимандрит Ростовского Богоявленского монастыря, пришел еще язычником в Валаамскую обитель в 960 году после Рождества Христова, там крещен и пострижен в монашество[1]. В Софийской летописи сказано: «Лета 6671 (1163 после Рождества Христова) обретены были мощи и перенесены преподобных Отец наших Сергия и Германа Валаамских»[2]. Другой летописец упоминает, что в 1192 году игумен Мартирий построил каменную церковь на Валаамском острове[3]. Местное предание, подкрепляемое этими и подобными им скудными до нас дошедшими сведениями, признает преподобных Сергия и Германа греческими иноками, современниками равноапостольной великой княгини Ольги. Если принять в соображение ту решимость, с какою древние иноки стремились к глубочайшему уединению, то удобство, которое Валаамский остров доставляет ныне, тем более доставлял тогда, для такого уединения, — надо согласиться, что переселение сюда греческих иноков не заключает в себе ничего странного и несбыточного. Во все исторические просветы, в которые от времени до времени проявляется существование Валаамского монастыря, видно, что иноки его проводили жизнь самую строгую, что там были и общежитие, и отшельники и всеми иноками заведовал игумен. Здесь в четырнадцатом веке жил несколько времени преподобный Арсений Коневский, совершивший дальнее странствование на святую Афонскую гору и положивший начало монастырю Коневскому. Сюда во второй половине пятнадцатого столетия вступил юношею преподобный Александр Свирский: он занимался первоначально трудами в общежитии, потом безмолвствовал на Святом острове, в тесной пещере, неизвестно — природной ли или иссеченной в скале. Святой остров — каменная гора; подымается она из озера, оканчивается к северу высоким утесом и принадлежит к группе малых островов, которыми в разных местах обставлен главный остров, как планета своими спутниками. В первой половине пятнадцатого столетия жил здесь некоторое время преподобный Савватий Соловецкий, перешедший впоследствии для глубокого уединения на Белое море, на дальний север, в пустыни Соловецкого острова, дотоле необитаемые. Он искал там того же и с таким же мужественным самоотвер-

---

[1] Рукописное житие святого Авраамия Ростовского и Словарь Российских святых. ‖ [2] Словарь Российских святых. ‖ [3] Рукопись библиотеки Валаамского монастыря. Может быть, архивы Финляндии доставят со временем сведения более определительные и подробные для истории Валаама, нежели какие доставляются источниками, ныне известными.

жением, чего искали греки Сергий и Герман на Валаамском острове, находя свой Афон и свой Олимп слишком многолюдными, хотя это многолюдство и составляли лики иночествующих[1].

Не раз Валаамский монастырь подвергался опустошению от шведов; не раз иноки его падали под острием меча и землю, орошенную пóтом молитвенным, орошали кровию мученическою; не раз пылали святые храмы и хижины иноческие, зажженные рукою врага или неосторожности. Но местность Валаамского монастыря, его многообразные удобства для всех родов иноческой жизни скоро возобновляли в нем черноризное народонаселение. Валаам назначен, освящен в место богослужения как бы самою природою. Предание древнее, но, кажется, имеющее основание, говорит, что в то отдаленное время, как страна эта была во мраке язычества, здесь совершалось поклонение кумирам[2]. Когда взглянешь на эти темные, глубокие воды, на эти темные, глухие леса, на эти гордые, могучие скалы, на всю эту величественную картину, беспрестанно изменяющуюся и беспрестанно живописную; когда прочитаешь в ней глубокое поэтическое вдохновение, сравнишь с роскошною местностию Валаама скудную местность окружающей Финляндии, — скажешь: «Да, здесь должен был жестокосердый и воинственный скандинав изменять свои бранные, суровые думы и ощущения на благоговение; здесь должна была душа наполняться всем, что возносит душу человеческую к высшим ощущениям, доставляемым религиею». То же предание приводит сюда святого апостола Андрея, пришедшего, по сказанию Нестора, из Киева в Новгород и путями морскими возвратившегося в Южную Европу, где в Ахаии ожидал его венец мученический. Он говорит, что Апостол по реке Волхову достиг Ладожского озера, чрез озеро достиг Валаама, обратил в христианство жрецов, обитавших на нем, и основал Церковь Христианскую. Это предание называет Сергия спутником Апостола, по отшествии его — наставником этих стран в христианстве.

Что мудреного? *Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их*[3], — свидетельствует Писание о путешествиях

---

[1] Пребывание на Валааме преподобных Арсения, Савватия и Александра — достоверные факты, сохраненные в их жизнеописаниях. В жизнеописании преподобного Свирского, написанном учеником его Илларионом, сказано с достаточною подробностию и великою похвалою о подвижничестве Валаамских иноков, а в житии преподобного Арсения — что в монастыре было многочисленное братство. ‖ [2] Рукопись библиотеки Валаамского монастыря, ссылающаяся на древнюю рукопись, именуемую «Оповедь». ‖ [3] *По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их* (Пс. 18. 5).

Апостолов. Их труды принадлежали не какому-нибудь одному народу — всему человечеству; заботливое внимание их, любовь их сердца привлекались не образованностью, не гражданским устройством и силою, — привлекались бедствием падшего человека, был ли он скиф или варвар, иудей или эллин[1]. Почему же не прийти святому апостолу Андрею к праотцам нашим, славянам, и соседям славян, скандинавам? Почему не посетить ему место, освященное для богослужения народного, — там не насадить Богопознания и богослужения истинных? Почему не допустить мысли, что Сам Бог внушил Апостолу это высокое, святое намерение, дал силу к исполнению его? Дикость, малоизвестность страны, дальность, трудность путешествия не могут быть достаточною, даже сколько-нибудь сильною, причиною, чтоб отвергнуть это предание. Немного позже времен Апостольских ходили путями этими целые воинства: почему же не пройти ими Апостолу, водимому десницею Божиею и ревностию Апостольскою?

Вот уже предание не темное, не сомнительное, а верное, чисто историческое. Монашеская жизнь на Валааме и восточное исповедание веры христианской в стране той процветали гораздо ранее и сильнее, нежели сколько мог бы заключить путешественник при поверхностном посещении края, при кратковременном взгляде на него. Надо посмотреть попристальнее, надо пожертвовать довольно времени, прислушаться внимательно к рассказам и Валаамских иноков, и прибрежных жителей, из них извлечь сведение, достойное быть внесенным в скрижаль истории, достойное внимания современной образованности, памяти образованного потомства. Столько развивалась иноческая жизнь на Валаамском острове, что перекинула побеги свои чрез озеро, на противоположный берег, на котором стоит теперь Сердоболь. На том берегу было двенадцать скитов, основанных Валаамскими иноками, находившихся под управлением и духовным руководством игумена Валаамского. Жители берегов исповедовали православную восточную веру, заимствовав познание ее из монастыря Валаамского; по берегу до самого Кексгольма стояли храмы православные. Корелы[2] этого берега Ладожского озера были православны, как православны теперь корелы противоположного берега, жители Олонецкой губернии. У тех и других — один язык, с самым малым изменением, не препятствующим понимать друг друга, беседовать друг с другом; была у них и одна вера. Но пришло злополучное время —

[1] Кол. 3. 11. ‖ [2] Карелы *(совр.)*. — *Ред.*

финны склонились к учению Лютера. На местах, где красовались православные храмы, где совершалось богослужение православное, где Божественная Литургия роднила небо с землею, — ныне стоят лютеранские кирхи, оглашаемые лишь тощею проповедию холодного пастора. Он, говоря народу в проповеди своей одно поверхностное, ученое сведение об Искупителе и Его нравоучении, говорит каждый раз как бы надгробное слово над утраченною истинною живою верою и Церковию этими людьми и местами. Кроме устных преданий, единогласно свидетельствующих о факте, есть еще ему живое свидетельство. Это — целые селения финляндцев, тысячи финляндцев, исповедующих поныне православную веру. Для них богослужение отправляется на славянском языке, по нашим церковным книгам, нашими священниками, которые произносят только поучение народу на его родном языке, финском. Трудно ли было шведам, при этой простодушной вере, ввести здесь лютеранизм? Им стоило только изгнать или убить священников русских и заставить лютеранского пастора маскировать своею проповедию страшную потерю, которая от времени и оттого, что не была вполне понята, забыта.

Надеюсь, что это сведение будет приятно многим! Едва ли многие знают, что в недрах Финляндии еще живо Православие, что оно не вновь насажденное, — живет там исстари, остаток общей древней христианской религии, заменившей язычество. Многие из нынешних прибрежных финнов сохраняют любовь к Церкви предков, отторгнутых от нее обманом и насилием. Они желали бы возвратиться в ее спасительное недро; но никакой голос не призывает их, и — они машинально влекутся в кирху Лютера, как бы по продолжающемуся еще действию насилия.

Когда же совершилось злосчастное превращение? — Религиозная участь финляндского берега — в союзе с участию Валаамского монастыря, из которого, видно, всегда текла, как из сердца, религиозная жизнь для всей страны этой, — процветала и умалялась сообразно тому, много ли или мало сообщал ей сил Валаамский монастырь. В начале семнадцатого столетия шведский полководец Понтус де-ла-Гарди, причинивший столько зла России, разорил обитель Валаамскую; церкви и келлии предал пламени, иноков — острию меча; некоторые убежали, унеся с собою мощи святых основателей монастыря. Подобной участи подвергся и левый берег Финляндии: православные храмы сожжены; священнослужители убиты или изгнаны; распространен между

жителями лютеранизм, последователи которого дышали еще фанатическим пристрастием к своей лишь родившейся вере, готовившейся умыться в крови Тридцатилетней войны. Достойно замечания, что селения, сохранившие православную веру, находятся не на самом берегу Ладожского озера, не на пути завоевателей, но глубже в Финляндии, за горами, за болотами, естественными оградами страны: там затаились, спаслись они от взора и религии протестантов. В это время многие финны перебежали в Россию для сохранения веры: встречаете их потомков православных в Новгородской и Тверской губерниях.

Когда Промысл оружием Петра Великого карал шведов за то, что они, вступив в Россию как союзники, вероломно попрали Закон Божий и права народные, из союзников превратились в врагов и завоевателей, тогда Валаамский монастырь перешел обратно, вместе с Карелиею, под родной ему кров Русской державы, сиротствовав под державою чуждою около столетия. С 1717 года, по призванию победоносного императора, иноки Кирилло-Белозерского монастыря пришли на пепелище бывшей Валаамской обители; опять сооружен там храм Божий, поставлены келлии. В царствование императрицы Елисаветы Петровны все строение, которое было деревянное, истреблено пожаром. Императрица возобновила монастырь на казенное иждивение. Строение, как и прежде, было воздвигнуто деревянное. Я видел рисунок этого монастыря; мне он понравился. По моему мнению, деревянное строение идет к обители пустынной, какова Валаамская. Утешают взор хижины иноческие смирением своим, когда они срублены из дерева! Удобны они для занятий иноческих: сохраняют здоровье, наветуемое здесь сырым климатом, резкими ветрами, самою пищею, подвигами, расположением духа, утончающим, измождающим плоть. Быть бы в Валаамском монастыре большому каменному соборному храму, который бы совмещал в двух этажах теплую и холодную церкви, ограде каменной, которая бы защищала внутренность монастыря от ветров, но именно келлии могли бы быть деревянные, стоя в довольном расстоянии одна от другой, для безопасности в случае пожара, они окружали бы церковь со всех сторон. Прекрасно это расположение: при удобствах, им доставляемых, оно изображает, что жители таких хижин, обращенных к храму Божию, имеют единственною целию служение Богу, признали себя странниками на земле, признали одною своею потребностию — Бога, а потом вокруг Скинии Его поставили свои кущи. Так расположено

строение в Глинской пустыни, в Белобережской, в Оптином скиту и некоторых других.

Восстановление Валаамского монастыря производилось медленно, с успехом скудным. Он оставался долгое время малонаселенным. Не привлекались туда любители уединения по той причине, что для восстановления обители употреблены были иноки, не довольно обогащенные знанием иноческой жизни. Недостаточно для нравственного и духовного благосостояния обители одного уединения, хотя уединение и составляет одно из главных, основных условий этого благосостояния: при уединении необходимо духовное руководство и наставление для братии; без них уничтожаются все выгоды, доставляемые собственно уединением. Напротив того, духовное руководство и назидание переносят выгоды уединения в обители, стоящие среди селений и многолюдных городов. Так процвели монастыри, находящиеся внутри и в окрестностях Константинополя; они произвели знаменоносных Отцов, равнявшихся духовными дарованиями с Отцами — воспитанниками пустынь бесплодных[1].

Проницательно заметил главную, основную нужду Валаамского монастыря митрополит С.-Петербургский Гавриил. Для удовлетворения ей он вызвал в 1785 году из Саровской пустыни славившегося духовными познаниями и опытностию старца Назария, вручил ему настоятельство Валаамского монастыря. Митрополит принял святую обитель в особое архипастырское покровительство и оказывал ей вспомоществования и правительственными распоряжениями, и материальными средствами. Быстро начал возникать, шириться Валаамский монастырь, наполняться и принявшими, и желающими принять обеты иноческие. Устроились и общежитие и скит; явились и пустынножители, и отшельники. Сам игумен Назарий имел отшельническую келлию, туда удалялся он иногда на целые недели, чтоб внимательнее посмотреть на себя, подробнее высмотреть в себе человека, потом из собственных живых опытов и наблюдений почерпать наставления для подчиненных, руководить их к исправлению нравов и преуспеянию, указанных в Евангелии. Отец Назарий, постриженник и воспитанник Саровской пустыни, был наполнен впечатлениями этой обители, осуществлял их с раболепною точностию в Валаамском монастыре. Здания в Саровском монастыре все каменные — и он начал возводить в Валаамском монастыре каменное строение. Внутренний четве-

[1] Преподобный Нил Сорский. Предисловие к Словам.

роугольник выстроен им, наружный — его преемниками. Щедроты императоров Павла Петровича и Александра Павловича обеспечили вещественное продовольствие монастыря; он по степени — первоклассный, управляется игуменом, который избирается братиею, утверждается митрополитом С.-Петербургским.

По устройству своему, в монашеском отношении, Валаамский монастырь — верный снимок с монастырей первенствующей Церкви Христианской. Он имеет монашествующих всех видов восточной Православной Церкви; имеет и общежитие, и скит, и пустынников, и отшельников. Главный монастырь, о котором мы говорили, вмещает в себе собственно общежитие. Иноки, обитающие в нем, участвуют в общем богослужении, в общей трапезе, имеют общую одинаковую одежду, трудятся в послушаниях частных и общих. Исчислим виды послушаний.

Первое послушание — служение настоятеля, которое возлагается на него всем братством, на которое благословляется, в котором утверждается он епархиальным архиереем. Это не есть начальство сего мира. Это — бремя легкое и вместе тяжкое. Эти рамена должны носить немощи всего братства. Какая крепость должна быть в раменах этих! Какое нужно иметь настоятелю великодушие, какое самоотвержение, нужно полное забвение своего *я*, чтоб эта угловатая и резкая буква не ранила, тем более не убивала никого из ближних. Второе послушание — послушание наместника, которого уже избирает настоятель с совета братии, а утверждает епархиальный архиерей. Наместник — главный помощник настоятеля по всем отраслям монастырского управления. Третье послушание — казначея, который имеет смотрение за суммами монастырскими; четвертое — ризничего, заведывающего ризницею. За ризничим следуют духовники: кроме них никто из иеромонахов не может принимать на исповедь ни братии, ни посетителей монастыря. Подобно наместнику, казначей, ризничий и духовники утверждаются епархиальным архиереем и составляют вместе с наместником так называемый *собор,* или *старшую братию*, приглашаемую настоятелем на совещание и к участию в некоторых важнейших делах, представляемых на усмотрение епархиальному начальству, которое в таких случаях делает предписание настоятелю со старшею братиею. Дальнейшие послушания: чреда священнослужения, отправляемая всеми иеромонахами, кроме наместника и казначея, и иеродиаконами. Пономари выбираются из монашествующих и послушников самой чистой и скромной жизни. Способные

к церковному чтению и пению назначаются для крылосного[1] послушания. В крылосном послушании участвуют некоторые иеромонахи и иеродиаконы в свободное время от священнослужения. Для прочих послушаний назначаются монахи и послушники. Упомянем и об этих послушаниях, чтоб познакомить читателя по возможности с организациею монастыря. Некоторые из братий занимаются шитьем ризницы церковной и одежды для всего братства; другие шьют обувь; иные находятся при кухне, хлебне, просфорне и трапезе; иные занимаются столярною, кузнечною и слесарною работою, другие ловят рыбу; еще другие трудятся в садах, огородах, на полях; некоторые моют белье — словом сказать, Валаамское общежитие удовлетворяет самой большей части своих требований. Каждое такое отдельное занятие называется *послушанием*. Судя по нужде, иное послушание исправляет один брат, а иное исправляют многие. Так при библиотеке, при аптеке, при погребе находится по одному уже испытанному брату. При кухне, при прачечной, при рухольной и при других подобных имеется по нескольку братий, из которых главный обыкновенно в общежитии Валаамском называется *хозяином*, а прочие его *помощниками*. Есть послушания, называемые *общими*, как то: приготовление дров, уборка сена, молочение хлеба, саждение, поливка и уборка огородных овощей. На эти общие послушания употребляются братия, не способные к послушаниям частным, при которых, как ясно видно из сказанного, нужно большее или меньшее знание поручаемого дела. Когда кто-либо из желающих поступить в обитель бывает принят, то сначала он посылается на послушания общие, где удобнее высматриваются его характер, навыки и поведение; если впоследствии он окажется способным к какому-нибудь частному послушанию, его определяют в число помощников и, уже после многих лет и испытаний, поверяют соответствующую познаниям или ремеслу его отдельную часть. Все братия, в особенности *новоначальные* (новоначальными называются недавно поступившие в монастырь), находятся в частом сношении с духовниками; на этом-то сношении основано и держится нравственное благоустройство младшего братства; в преуспевших оно поддерживается сверх того внимательным чтением Отеческих писаний и прилежным хождением к Божественным службам. Библиотекарь выдает, по распоряжению настоятеля, книги, соответствующие душевному устроению каждого. Братия, находящиеся в послушаниях, бывают во все праздничные дни при

[1] Клиросного *(совр.). — Ред.*

всех церковных службах; в прочие же дни недели приходят к утрени и, отслушав ее до шестопсалмия, идут на труды свои, а после вечерней трапезы участвуют в общем вечернем правиле.

Богослужение отправляется по церковному уставу — состоит из утрени или всенощной перед праздником, двух Литургий — ранней и поздней, вечерни и правила, которое совершается после ужина и заключается в чтении молитв на сон грядущим, помянника и в нескольких поклонах. Напев употребляется *знаменный,* или так называемый *столбовой* — старинный русский. Тоны этого напева величественны, протяжны, заунывны; изображают стоны души кающейся, вздыхающей в стране своего изгнания о блаженной, желанной стране радования вечного, наслаждения чистого, святого. Так! эти самые тоны, а не иные должны раздаваться в этой обители, которой самые здания имеют образ темницы, назначенной для рыданий, для плача о своем плене, для дум глубоких, для размышлений о вечности. Эти тоны — в гармонии с дикою, строгою природою, с громадными массами гранита, с темным лесом, с глубокими водами. Эти тоны то тянутся плачевно, тоскливо, как ветер пустынный, то постепенно исчезают, как эхо среди скал и ущелий, то гремят внезапно. Они то с тихою скорбию приносят жалобу на греховность, выражают томящую и снедающую скорбь по причине греховного бремени, то, как бы от невыносимой тяжести этого бремени, от ударов греха, начинают вопиять и призывать помощь неба: тогда они гремят! Величественное *Господи помилуй* подобно ветру пустынному: так оно плачевно, умилительно, протяжно! Падший человек ощутил, при помощи уединения и самовоззрения, свое падение, увидел его в себе, убедился в нем и предался непрестанному стенанию в надежде помилования. Песнь *Тебе поем* оканчивается протяжным переливающимся звуком, постепенно стихающим, теряющимся незаметно под сводами храма, как теряется эхо в пространстве воздушном. Когда же братия запоют на вечерне, *Господи воззвах к Тебе, услыши мя*, то звуки сперва как бы исходят из глубокой пропасти, потом с быстротою и громом исторгаются из нее, несутся к небу, несут туда мысль и желание, пламенные, как молния; тогда они гремят! Художник найдет в пении валаамском много негладкостей, недостатков в исполнении, но он же и признает в нем полное преобладание благоговения и набожности, необыкновенную энергию, которая и умиляет, и потрясает душу. Здесь все должно быть важно, грандиозно. Все веселое, легкое, игривое показалось бы странным, уродливым. Не устрашитесь

от этого сказания, сказания правдивого. Не подумайте, что здесь живет, может жить только несчастие. Нет! И здесь есть свое утешение: утешение плачущих, возвещенное в Евангелии.

Отдельных храмов в Валаамской обители — семь. Из них собор отличается пред всеми красотою и внутренним убранством; в иконостасе его нижний ярус икон покрыт серебряными ризами. Умножение числа церквей, отчего нет ни одной, не исключая и соборной, которая бы вмещала всех живущих в Валаамском монастыре, пестрая роспись соборного храма и трапезы служат образчиками первоначального, не очищенного образованностию, вкуса русского человека, жителя Европы и соседа Азии. Вместо такого числа храмов гораздо было бы лучше, если б одно обширное здание вмещало в себе теплую и холодную церкви, чему пример в Коневском монастыре. Могла бы быть еще церковь при больнице. Таким образом вполне удовлетворялось бы неудовлетворяемое ныне существенное требование монастыря, состоящее в том, чтоб вся братия и посетители могли помещаться в церкви и принимать участие в богослужении. Не так рассуждали строители обители. Их усердие нуждалось в отдельных храмах: Святителя Николая, Апостолов Петра и Павла, Живоносного Источника. И стоят эти храмы без богослужения, которое отправляется в каждом только однажды в год, в праздник храма. Но и в храмовый праздник отдельной церкви Пресвятыя Троицы не может быть отправляема в ней служба Божия по крайней тесноте; правится она в соборе.

По окончании Литургии немедленно все идут в трапезу, на которой поставляется пища простая, но здоровая, удовлетворительная, по указанию церковного устава, то есть в праздничные дни рыбная, в обыкновенные дни с маслом, а в среды и пятницы, в будни Великого поста — без рыбы и без масла, из одних растений. Во время трапезы наблюдается глубокое молчание, и звучный голос чтеца возвещает собранному братству самоотвержение, добродетели, подвиги святых угодников Божиих. Ужин бывает после вечерни: во время него равным образом производится душеназидательное чтение. В дни великих праздников за час до вечерни поставляется в трапезе общий чай, что Валаамские старички назвали *утешением.* Трогательно видеть, как спешат к этому утешению с деревянными чашечками в руках дряхлые, едва могущие ходить, пришедшие в младенчество старички; их стынущая кровь жаждет оживиться кипящею водою. Много в обычаях Валаамского монастыря простоты, патриархальности. Приятно и умилительно отзываются эти

обычаи родною нашею стариною, стариною русскою, в которой наблюдатель часто встречает простодушное и священное соединенными.

Ризница монастыря украшена щедрыми вкладами государя императора Александра Павловича, питавшего особенное расположение к Валаамской обители, которую в 1819 году он благоволил осчастливить своим посещением. В 1844 году посетил ее великий князь Константин Николаевич и в память посещения своего пожаловал ей богатые сосуды. Посреди площадки, образуемой внутренним четвероугольником монастырских зданий, на которой живет какое-то особенное, тихое, благоговейное чувство, монахи воздвигли мраморный памятник с надписью. Надпись возвещает современникам и хранит для потомства события: посещение обители государем императором Александром Павловичем и великим князем Константином Николаевичем. Надпись в соборной церкви указывает место, на котором Александр Благословенный стоял во время богослужения, не обременяясь продолжительностью богослужения монастырского. Надпись в гостинице указывает те покои, в которых останавливался Государь. Мраморный четвероугольный камень с надписью, обсаженный цветами, стоит в саду на том месте, с которого великий князь Константин Николаевич снимал виды монастыря. Точно такой же камень поставлен на другой стороне залива, в лесу, под густою сению елей и сосен, на месте, где Великий Князь оканчивал свой рисунок, начатый в саду, откуда вид монастыря особенно величествен и живописен. Ставя эти камни и высекая эти надписи на камнях, монахи Валаамские выражали чувство своего сердца, то чувство любви и преданности к Царям и Царственному дому, которыми во все веки истории русской отличалось наше духовенство.

Одежда иноков Валаамских, как и пища их, проста, но удовлетворительна. Она и материалы к ней хранятся в рухольне. Рухольня — ряд комнат, в которых сложены сукна, нанки, полотна, нитки, кожи, сшитое белье, готовые рясы, подрясники, мантии, шубы, и все это — в значительном количестве. Рухольный имеет книгу, в которой записывает, что кому из братий выдано. Изношенная одежда возвращается в рухольню, вместо нее выдается новая. Поступающему в монастырь из мира отпускаются нужные белье, одежда и обувь. Валаамская рухольня может во всякое время снабдить всем нужным до ста человек. Такие запасы по всем отраслям хозяйственности необходимы в Валаамском монастыре по многочисленности

братства, по отдаленности от городов, наконец, потому, что весною, когда ломает лед, и в особенности осенью, когда он становится, сообщение с берегом затруднительно и даже невозможно в течение длительного времени. Озеро между Сердоболем и Валаамом замерзает, но не ранее половины января; до того времени бесчисленные ледяные глыбы странствуют в разных направлениях по всему водному пространству, и судно, которое решилось бы пуститься в озеро, непременно должно быть окружено и затерто льдами.

Библиотека монастырская имеет все книги, нужные для снискания полных сведений в монашеской жизни. Кроме напечатанных на славянском и русском языках, находятся многие рукописные. Перечислим достопримечательные рукописи. Первое место между ними по редкости своей должны занимать *Оглашения* преподобного Феодора, игумена Константинопольской Студийской обители, или *Беседы его к братии*. Книга эта значительного объема. Польза ее признана Церковию: уставом церковным положено в известные дни Великого поста читать ее в церкви на службах церковных[1]. Это постановление касается собственно монастырей. Беседы Студита дышат любовию, которую он питал к братству своему: он называет их отцами своими, и наставниками, и братиями, и чадами; учение его необыкновенно просто, доступно для понятия всех, особенно идет для иноков общежительных, как имеющее исключительным предметом различные обязанности и обстоятельства общежития. Есть рукописные книги Отцов, описавших подвиг умной молитвы. Таковы: Григория Паламы, Каллиста Антиликуди, Симеона Нового Богослова, преподобного Нила Сорского, русского писателя. Есть книги для руководства жителей скита, пустынников и отшельников: таковы Патерики, книга знаменитого наставника безмолвников Исаака Сирского; книга *Цветник* священноинока Дорофея, русского писателя, жившего, как видно из самой книги, во времена Патриархов[2]. Сделаем из последней книги, облегчая понимание

---

[1] Устав церковный. Понедельник Святой Четыредесятницы. || [2] Цветник. Гл. 54, об иноческом общежитии. В этой статье, очень обширной, священноинок говорит между прочим, что в общежитиях непременно должно последовать преданию святых Отцов, учредителей иноческого общежития; те, которые преступают предание святых Отцов, не узрят света Христова. Священноинок завещает намеревающемуся вновь устроить монастырь, чтоб он исходатайствовал *благословенную грамоту у Святейшего Патриарха* и оградил монастырь *благословением Патриарха*. Цветник был особенно уважаем отечественными иноками, упражнявшимися в возвышеннейшем монашеском подвиге. По этой книге обучился Иисусовой молитве знаменитый соловецкий подвижник Иисус Голгофской; по ней обучился Иисусовой молитве преподобный Иоасаф Каменский,

славянского языка переводом на русский, некоторые выписки, как по нравственному и аскетическому достоинству книги, так особенно потому, что писатель — наш соотечественник, нами забытый. Лишь какой-нибудь пустынник читает и перечитывает эту вдохновенную книгу, исполненную драгоценных духовных советов. Пусть раздастся и для нас голос священноинока из гроба, куда похоронило его наше забвение. Этому голосу, вещающему глубокие истины, прилично раздаться из строгой Валаамской обители.

«О, любимый мой читатель, — так начинает свою книгу священноинок, — хочешь ли, покажу тебе нечто честнее чистого злата и серебра и многоценнее бисера и камня драгого! Ты ничем не возможешь найти и купить Царства Небесного, будущей радости и покоя, как только этим. Это — уединенное чтение и слушание со вниманием и усердием святых книг Божественного Писания. Невозможно, невозможно спастись тому, кто не будет часто читать Боговдохновенного Святого Писания. Как птица без крыльев не может возлететь на высоту, так и ум без книг, одними собственными помышлениями, не может домыслиться, каким образом получить спасение. Чтение в уединении и слушание со вниманием и усердием святых книг Божественного Писания — родители и начало всех добродетелей и всякого благого дела: потому что все добродетели рождаются от них, от них начинаются. Уединенное чтение и слушание со вниманием и усердием святых книг Божественного Писания, с целью деяния и своего спасения, рождают всякую добродетель, служат источником благ, отгоняют от нас всякую греховную и злую страсть, всякое греховное похотение, желание и действие, свое и бесовское. Святые Отцы признают уединенное чтение и слушание со вниманием и усердием святых книг Боже-

Вологодский чудотворец, как видно из рукописного жития его. Последнее обстоятельство показывает, что священноинок жил во времена первых Патриархов и достиг смут отечественных, как об этом можно заключать по кратким указаниям на современность, встречающимся в его книге. Выписки сделаны здесь из книги, напечатанной в Гродне в 1687 году православными, двадцать лет спустя по низвержении Патриарха Никона, с соблюдением старинной орфографии. Что книга напечатана православными, доказывается читаемым в ней завещанием: относиться за благословением к Святейшему Патриарху, чего раскольники никак бы не допустили. Признаем нужным это замечание: орфография книги, как указал опыт, может навести сомнение относительно православия книги, при поверхностном взгляде на нее, тем более, что при таком взгляде очень легко укроется ее существенное значение, по которому писатель назвал ее «Цветником». «Цветник» — по преимуществу собрание и объяснение изречений древних Отцов, без наименования этих Отцов. Надо знать Отцов, чтоб узнать выписки из них в сборнике.

ственного Писания старейшиною и царем над всеми добродетелями...» Под Божественным Писанием священноинок разумеет не одни священные книги Ветхого и Нового Завета, но и писания святых Отцов; в этом случае он выражается так же, как и преподобный Нил Сорский. Такое начало имеет необыкновенную, драгоценную важность: им признает священноинок необходимость неотступно держаться не только догматического, но и нравственного предания Церкви; им он вступает в союз единомыслия со всеми аскетическими святыми писателями Восточной Церкви. Все они единогласно утверждают, что для непогрешительного шествия путем иноческих подвигов необходимо руководство писаниями святых Отцов, что это — единственный способ спасения, остающийся нам по умалении духовных наставников. С самых первых слов священноинок ставит читателя на стези правые, святые, безопасные, предписанные и благословенные Церковию, дает ученику своему характер определительный сына Восточной Церкви, вводит его в духовное общение со святыми иноками всех веков христианства, устраняет от всего чуждого, от всего поддельного. Как превосходен характер сына Восточной Церкви! Как он прост, величествен и свят! Протестант холодно-умен; римлянин — восторжен, увлекает, уносится; сын Восточной Церкви проникнут святою истиною и кротким миром. Первые два характера — земные; последний нисшел с неба и предстоит нашим взорам в Евангелии. Этот характер воспитывается в православном христианине чтением Священного Писания и творений святых Отцов; христианин, напитываясь этим чтением, соделывается наперсником Истины и причастником подаемого Ею Святого Духа.

Проницательно взглянул священноинок на современное ему монашество; драгоценно сделанное им замечание: «Часто удивлялся я тому, — говорит он, — как святые древние Отцы в короткое время достигали спасения, приходили в совершенство, обретали благодать, а в нынешние времена мало спасающихся! Но вот чем все святые Отцы достигли совершенства и спасения, обрели благодать, сподобились дара чудотворения: они от всей души последовали всем словам и заповедям Господа, более всего старались соблюдать их, всегда их имели в уме своем... Во-первых, должно сохранять заповеди Христовы, потому что Святое Евангелие — уста Христовы, ежедневно нам глаголющие, а потом сохранять предания святых Отцов, исполнять делания, заповеданные ими, сими деланиями утруждать тела свои... Без исполнения заповедей Господних,

святых, священных и светоносных, предания и правила наши суетны... Не сохраняющий заповедей Господних повреждает и погубляет труды свои великие, лишается совершенства, спасения и благодати. Не сохраняющий заповедей Господних и не устраивающий внутри себя места для благодати не может придти в совершенство и приять благодать. Чужд духовной мудрости, кто упражняется в подвигах телесных, а небрежет о заповедях Господа! Ничто наше не приятно Богу без исполнения заповедей Господа. Как тщательно и неуклонно сохраняли их святые Отцы, так и нам должно сохранять их, сколько силы наши позволяют...»[1] Душеполезнейшее наставление! Записать бы его каждому иноку, заботящемуся о приготовлении себе блаженной вечности, на скрижалях сердца неизгладимыми письменами.

Прекрасная душа священноинока говорила от избытка сердца и изливалась часто с непринужденным, пленительным красноречием. Некоторыми местами его украсились бы страницы лучших писателей. Как изящны следующие строки: «Когда мы изработываем живот бессмертный, то не должно бояться напастей, скудости в телесных потребностях, ни самой смерти. Сказал Господь: *Не пецытеся убо глаголюще, что ямы, или что пием, или чим одеждимся, всех бо сих языцы* мира сего *ищут,* некрещеные, не знающие Бога: *весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех. Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам*[2]. И так Он дал обещание! Я, — говорит Он, — пища тебе и одежда; я послужу Тебе в немощи твоей, как отец и мать и друг задушевный. Я доставлю все, что нужно тебе, и поработаю тебе благодатию Моею. Ты только веруй Мне вседушно и несомненно, служи Мне твердо и надейся, что могу исполнит обещанное Мною»[3].

Совершились над священноиноком слова Боговдохновенного Давида, который сказал: Отрыгнут устне мои пение, егда научиши мя оправданием Твоим[4]. Когда сама Божественная благодать, вселившись в сердце, начнет научать его закону Духа, тогда человек делается вдохновенным. Оживают его мысли и чувствования новою жизнию Духа, беседа его носит печать возвышеннейшей поэзии. Таковы многие места писания священноинока, и между

[1] Цветник. Гл. 6. ‖ [2] *Не заботьтесь и не говорите: «Что нам есть?» или: «Что нам пить?» или: «Во что одеться?». Потому что всего этого ищут язычники: потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6. 31–33). ‖ [3] Цветник. Гл. 10. ‖ [4] *Уста мои произнесут хвалу, когда Ты научишь меня уставам Твоим* (Пс. 118. 171).

прочими начало 11-й главы, где он беседует к душе своей: «Возлюбленная душа моя, — говорит он, — не отлагай года за год, месяца за месяц, времени за время, дня за день, не проводи их в тщетном ожидании! Чтоб не пришлось тебе воздохнуть от всего сердца, поискать могущего участвовать в твоей скорби и не найти его. Ах! сколько тогда начнешь терзаться, сколько плакать, рыдать и сетовать, раскаиваться бесполезно! Ты можешь сегодня сделать добро: не отлагай его на завтрашний день! Ты не знаешь, что родит день завтрашний. Не постигнет ли тебя в эту ночь какое бедствие? Ты не знаешь, что несет за собою день, что несет ночь. Душа моя! Ныне время терпения скорбей! Ныне время исполнения заповедей Господних и добродетелей отеческих! Ныне время плача и рыдания, слез, — рождающих сладость и радость! О, душа моя! если истинно хочешь спастись, возлюби скорби, как прежде ты любила наслаждение; живи, умирая ежедневно. Скоро проходит житие наше и исчезает, как тень облака, производимая солнцем. Дни жизни нашей разливаются, как дым на воздухе...» «Цветник» — одна из возвышеннейших аскетических книг; этим достоинством она приближается к знаменитой книге Исаака Сирского. Два писателя Русской Церкви писали об умном делании: Нил Сорский и священноинок Дорофей. Книга первого — весьма полезное руководство для начинающих подвиг безмолвия, а второго — для преуспевших и приближающихся к совершенству. Учение об умной молитве изложено в Цветнике с необыкновенною ясностию, простотою, окончательностью. Повсюду видны обильное духовное преуспеяние и здравый смысл русского человека, упрощевающий мудреное, излагающий возвышеннейшее духовное учение с необыкновенною естественностью, чрезвычайно внятно и — изящно! В особенности таковы его поучения: о чистоте сердечной, умной и душевной, о бесстрастии, о помрачении ума, о трезвении ума, о святой чистой молитве. По возвышенности и святости этих предметов, для которых есть свое время и место, мы не дерзаем делать выписок; желающего познакомиться с ними отсылаем к самой книге. Сказывают уже много заглавия поучений. Для таких-то духовных упражнений преуспевшие иноки переходят от общежития к жизни скитской и отшельнической.

Скит Валаамского монастыря находится от главной обители в трех верстах. Путь к нему — и водою, и берегом. Надо спуститься из монастыря по гранитной лестнице к гавани. Здесь садитесь на катер и тем же заливом, которым прибыли в монастырь, плывете

далее, в глубину острова, в скит. Залив то суживается, то расширяется; вы непрестанно видите с обеих сторон ландшафты, изменяющиеся в формах, сохраняющие тон угрюмый. Наконец въезжаете в большой овал, окруженный отлогими берегами, на которых растет много березок, рябин, клену; скалы почти скрылись от вас; кое-где вдали из-за елей и сосен выглядывает камень. Воды овала не мрачны: в них приятно отражается синева небес. Зеленеющие луга, испещренные и благоухающие бесчисленными дикими цветами, утешают взор. Здесь нет ветру, того сурового порывистого ветру, который редко стихает на возвышенной открытой площади, где стоит главный монастырь. Здесь все так гостеприимно, радушно! Вам легко; вы чувствуете, что отдыхаете. И делается вам понятным, что дикая природа с ее картинами, наводящими ужас, на которые вы непрестанно доселе смотрели, привела ваши телесные и душевные чувства в напряжение. Вы поднимаетесь по отлогому лугу излучистою тропинкою, входите в чащу леса: пред вами, внезапно, уединенный скит. Посреди скита — каменная двухэтажная церковь в византийском вкусе; вокруг церкви отдельные келлии братий, также каменные, и каменная ограда. Скит со всех сторон в лесу; в нем — необыкновенная тишина. Совсем другое чувство обдает вас, когда взойдете в скит, нежели при входе в монастырь. Там все дышит жизнию, жизнию строгою; здесь же — какое-то непостижимое спокойствие, как бы спокойствие скончавшихся блаженною кончиною. В скиту отправляется богослужение дважды в неделю, в воскресение и субботу; в прочие дни братия безмолвствуют по келлиям, занимаясь молитвою, чтением, богомыслием и рукоделием, а в храме один инок совершает чтение Псалтири и поминовение почивших братий и благотворителей Валаамской обители. Это чтение и поминовение совершаются непрерывно день и ночь, для чего братия, живущие в скиту, чередуются. Пища предлагается в общей трапезе; она гораздо скуднее монастырской, почти исключительно растительная. На Пасху и в прочие великие праздники скитские братия приходят в монастырь, участвуют с монастырскою братиею в богослужении торжественном и вкушают с ними в общей трапезе праздничную пищу, не превышающую никогда и в самом монастыре четырех перемен. Уха, еще другое блюдо рыбы, кусок пирога — вот признак великого праздника на трапезе Валаамских братий. Сковрадо-пряжения исключены из числа их яств: они признают их лакомством, для себя непозволительным. В скиту живет до двенадцати братий или немного более. Дорога из скита

к монастырю сухим путем также ландшафтна: идет по берегу залива по рощам, по холмам и горам, и часто начинают стучать колеса экипажа на голом граните.

По разным местам острова в глухом уединении, при опушке леса на холмике или на маленьком лугу среди леса, стоят одинокие хижины пустынников, срубленные из бревен. Число пустынников весьма невелико. Жизнь отшельническая может быть дозволена только самым опытным в иночестве, зрелым по возрасту и духовному разуму. Пустынники, подобно скитской братии, приходят в монастырь на великие праздники.

Посетители монастыря помещаются в гостинице. Есть особенный приют и для нищих, которыми богата эта часть Финляндии. Нищим дозволяется быть на Валааме в течение двух суток и пользоваться трапезою, нарочно приготовляемою в их приюте, а на дорогу дают каждому два куска ржаного хлеба. И для этого-то подаяния стремится за сорок, за пятьдесят верст финляндец в монастырь Валаамский! Летом, лишь очистится путь к озеру, многие десятки челноков ежедневно приносят нищих по бурной пучине к монастырю. Уезжают одни; на место них приехали уже другие. Зимою, лишь станет лед, целые стаи их пускаются пешком в трудное путешествие, несмотря ни на лютость мороза, ни на дальность пути. Идут полуобнаженные по льду! Идут и старцы увечные, и дети, и женщины с грудными младенцами. Нередко находят на ледяной степи замерзшие трупы этих бедняков, думавших уйти от голоду, убитых морозом.

Нельзя, наконец, не принести дани слова больнице Валаамской, которая служит спокойным приютом не только для изветшавших и недужных Валаамских иноков, но и для иноков всей Петербургской епархии. При больнице есть отдельная церковь, отдельная трапеза, особенная прислуга и небольшая аптека, снабженная самыми нужными медикаментами.

Валаамский остров с принадлежащими ему малыми островами — не что иное, как цельный, поднявшийся из Ладожского озера камень, возвышенностями которого образуются скалы, горы и утесы, а углублениями — заливы, проливы, озера. Вы убедитесь в этом измерениями глубины озера. В заливах, проливах, на всем пространстве между главным островом и мелкими островами, глубина эта — пять, десять, в самых глубоких местах — двадцать сажен; но едва вы выехали на чистое озеро, глубина в сотне шагов от берега простирается уже на семьдесят, на сто сажен, доходит поч-

ти до двухсот. Почва — повсюду сплошной камень, покрытый слоем растительной земли на четверть аршина, местами и более. Редко в малом количестве, не на дальнюю глубину, есть песок и глина. Слой земли, покрывающий луду, — так Валаамские иноки называют свой камень — особенно плодороден: близ монастыря разведены два фруктовых сада: один под скалою, на которой стоит монастырь, другой по правую сторону гранитной лестницы, ведущей от гавани в обитель. В этих садах яблони свежи, сочны, свидетельствуют о доброте грунта, а яблоки, созревающие разве однажды в десять лет, приносят жалобу на климат, на слабость здешних солнечных лучей. В этой жалобе участвуют с ними крупные арбузы и дыни, растущие на огородах Валаамских; они очень сочны, но сок их мертвый: солнце не нагревает в нем сладости. Огородные продукты весьма хороши; их родится значительное количество, достаточное для всего многочисленного братства, для многих рабочих, живущих в монастыре, для многих посетителей монастыря. Сеют в некотором количестве рожь и овес; но главный запас хлеба покупается в С.-Петербурге и доставляется в монастырь на его галиотах. Сена накашивается довольно. Лесом остров изобилует; преимущественно здесь растет сосна, потом ель; гораздо в меньшем количестве береза, клен, липа. Благодарность им! Они смягчают нежным цветом своих листьев угрюмость скал и темной, вечной зелени елей и сосен. В долинах, где слой земли толще, лес крупнее; но на горах, где слой этот тонок, лес мельче; он не может достичь должной высоты; корни его тщетно ищут углубиться в землю; их встречает *луда*, они стелются, переплетаются по ней для собрания необходимой себе пищи, и не находят ее. Зато на горах почти исключительно растет одна наименее прихотливая и разборчивая на почву сосна. Что сказать еще? Смотрю на воды, на необъятные массы вод Ладоги, древнего Нева, издревле славного бурями своими и боями варяга с славянином; и они, эти глубокие пространные воды, согласны с уединенным, полным вдохновения строгого островом, чтоб на острове, в ограде вод, спасалось, сберегалось иноческое общество. Они ограждают его и пространством своим, и бурями, и льдами. Они в необъятных недрах своих содержат и питают бесчисленные стада различных рыб, предавая их в льстивые сети, готовят на трапезу пустынников блюдо, в котором всю цену составляют не приправы, не искусство, а обилие и свежесть припаса!

Когда легкий монастырский катер при попутном приятном ветре уносил меня из Валаама, я был болен. К ощущению болезни

пришли многие другие ощущения. Взор мой с безотчетливою грустию, в которой было какое-то наслаждение, обратился к Валааму, приковался к нему. Подозреваю, не был ли то взор прощания навсегда! Безмолвно смотрел я на Валаам с катера, пока катер шел заливом. Я поднимал голову то к той скале, то к другой скале: иначе нельзя было смотреть на них, так они высоки. Могучая природа, всегда наводившая на меня ужас, всегда глядевшая на меня лишь строго и сурово, показалось — дружелюбно улыбнулась. Или улыбку эту дало ей солнце, пустившее тогда живоносные лучи вдоль залива, на воды, на камни, на лес густой. Кайма гранитного утеса, на котором стоит монастырь, обнесенная решеткою, была унизана братиею. Тут были и мужи зрелые, окрепшие в боях с собою, и юноши, лишь вступившие в обитель, которых ждет еще борьба, и старцы дряхлые, покрытые сединами, которых сердце и мысль уже спокойны, которым сплетен венец и вырыта могила. Им мало было того, что они радушно приняли, успокаивали странника: им нужны были еще проводы, смешанные с скорбию любви, растворенные слезою сожаления о разлуке. Раздавался величественный звон колоколов монастырских, и вторили ему с разных сторон ущелья каменных гор многоголосым эхом. Вышел катер из залива, как из высокостенного замка, остались утесы на своих местах, явилось взору обширное озеро, вдали чуть виден был берег Сердобольский; по другим направлениям берега нет — синева вод сливается с синевою неба. Подняты паруса; быстро понесся катер по отлогим волнам. Скоро мы достигли противоположного берега; оттуда я оглянулся на Валаам: он представился мне, на своих обширных, синих, бесконечных водах, как бы планетою на лазуревом небе.

И точно, так он далек от всего! Он как будто не на земле! Жители его мыслями и желаниями высоко поднялись от земли! Валаам — отдельный мир! Многие его иноки забыли, что существует какая-нибудь другая страна! Вы встретите там старцев, которые со своего Валаама не бывали никуда по пятидесяти лет и забыли все, кроме Валаама и неба.

Воинство духовное! блаженные жители острова священного! Да снидет на вас благословение неба за то, что вы возлюбили небо! Да почиет на вас благословение странника за то, что вы возлюбили страннолриимство! Да услышатся молитвы ваши Богом, да приятны будут Ему хвалебные песнопения ваши: потому что молитвы и песнопения ваши полны благоговения священного! Да будут благословенны житницы ваши и имущество ваше: потому что нищий

всегда находит у вас и укруг хлеба, и лоскут одежды для прикрытия наготы своей! Братия! Благую часть вы избрали! Не озирайтесь вспять, не привлекайтесь снова к миру какою-нибудь суетною, временною приятностию мира! В нем все — так шатко, так непостоянно, так минутно, так тленно! Вам даровал Промысл Божий отдельное, удаленное от всех соблазнов селение, величественный, вдохновенный Валаам. Держитесь этого пристанища, не возмущаемого волнами житейского моря; мужественно претерпевайте в нем невидимые бури; не давайте благой ревности остывать в душах ваших; обновляйте, поддерживайте ее чтением святых Отеческих книг; бегите в эти книги умом и сердцем, уединяйтесь в них мыслями и чувствованиями, — и Валаам, на котором вы видите гранитные уступы и высокие горы, сделается для вас ступению к небу, тою духовною высотою, с которой удобен переход в обители рая.

Странник, писавший эти строки, в них изливший свои чувствия к вам и вашему жилищу, странник, не раз посещавший обитель вашу с сердечною заботою о ней, о благополучии ее и вашем, испрашивает себе жизни в молитвенном воспоминании вашем до гроба — и за пределом гроба.

О монашестве
Разговор между православными христианами, мирянином и монахом

Мирянин. Отец мой! Признаю себя счастливым, что при знакомстве моем с вами я нашел в вас лицо, пред которым могу открывать мое сердце и от которого слышу искреннее слово. Желаю, желаю от души и вполне, принадлежать Православной Церкви, последовать ее догматическому и нравственному преданию. С этою целию стараюсь о всех предметах предания иметь определенное понятие. Неправильные понятия ведут к неправильным действиям: неправильное действие — источник вреда частного и общественного. В настоящей беседе не откажитесь объяснить мне значение *монашества* в Церкви Христовой.

Монах. Бог да благословит желание ваше. Из точных и правильных понятий рождается все доброе; из превратных и ложных рождаются все бедствия. Это мнение принадлежит Евангелию. Оно предлагает нам Истину в начальную причину спасения, а на ложь указывает как на начальную причину погибели[1]. — Почему

[1] Ин. 8. 32, 44.

вы хотите, чтоб сегодня предметом разговора нашего было именно *монашество*?

Мирянин. В обществе, которое я посещаю, часто возбуждается речь о монашестве, высказываются различные современные мнения о нем. Знакомые мои почти всегда обращаются ко мне, как к находящемуся в сношении со многими духовными лицами, выражая желание, чтоб и я высказал свое мнение. Хочу доставлять ближним сведения точные, а потому и прошу вас сообщить мне их.

Монах. Не знаю, в какой степени я способен удовлетворить вас, но желаю быть и искренним пред вами, и изложить то, что привелось узнать из чтения Священного Писания и святых Отцов, из бесед с достойными уважения и доверия по жизни иноками, наконец, из собственных наблюдений и опытов. В основание беседы нашей, как бы полагая краеугольный камень в основание здания, скажу, что монашество есть установление Божие, отнюдь не человеческое.

Мирянин. Представьте себе! мысли, что монашество есть Божественное установление, я и не слыхал в обществе.

Монах. Это я знаю. Потому-то, когда зачнется в светском обществе разговор о монашестве, один говорит: «Мне кажется так!» — Другой: «А мне кажется вот так!» — Иной: «А я сделал бы то!» — Другой: «А я сделал бы это!» Слышится тысяча противоречащих мнений и предположений, произносимых людьми, не имеющими никакого понятия о монашестве, но готовыми сделаться писателями правил для монашества и распоряжаться монашеством по своему премудрому усмотрению, без всяких справок. Некоторые повторяют даже хулы, произнесенные на монашество протестантами и безбожниками. Чувством грусти и страха объемлется сердце от таких возгласов и суждений, в которых неведение попирает своими копытами драгоценнейшие перлы Божественного предания и установления.

Мирянин. Точно! Причиною того — неведение, как вы сказали, отец.

Монах. Не думайте, что неведение есть зло незначительное. Святые Отцы называют неведение великим, начальным злом, от которого зло рождается в полноте обилия. Преподобный Марк Подвижник говорит, что неведение есть первый, главный исполин злобы[1]. Неведение не ведает своего неведения, неведение удовлетворено своим ведением, сказал другой Отец[2]. Оно способно наделать

[1] Слово к иноку Николаю. Добротолюбие. Ч. 1. || [2] Священномученик Петр Дамаскин. Кн. 1. Добротолюбие. Ч. 3.

множество зла, нисколько не подозревая, что делает его. Говорю это из чувства сострадания к человекам, не понимающим, в чем заключается достоинство человека, — к христианам, не знающим, в чем состоит христианство, действующим из неведения своего против себя. Не подумайте, чтоб у меня было намерение прикрывать в установлении Божественном человеческие злоупотребления и человеческую немощь. Нет! Обличение и устранение человеческих злоупотреблений в установлении Божием служит признаком благоговения к этому установлению, средством сохранения в должной святости установления, дарованного Богом, предоставленного в распоряжение человекам.

Мирянин. Последняя мысль опять нова для меня. С этой точки я никогда не глядел на монашество и в других не встречал этого воззрения.

Монах. Сказанное мною относится не к одному монашеству, но ко всей Церкви, как Ветхозаветной, так и Новозаветной. Что Ветхозаветная Церковь основана Богом, что она передана делателям — иудейскому народу, — это изобразил Господь в притче о винограднике, в 21-й главе Евангелия от Матфея[1]. Что Новозаветная Церковь основана Богочеловеком, что она передана другому народу, составившемуся из всех народов, христианам, — это явствует из Евангелия и из всего Священного Писания[2]. Иудеи должны были дать отчет Богу в сохранении дара Божия, в управлении и распоряжении даром Божиим. Как поведение их оказалось преступным, то они устранены — впрочем, когда уже они устранились произвольно в духе — и подвергнуты казни. Равным образом потребуется отчет от христиан, какое они сделали употребление вообще из установления Божия — Новозаветной Церкви — и из частных установлений в ней, каково монашество.

Мирянин. Не имеется ли возможности усмотреть из Священного Писания, чем заключится судьба Новозаветной Церкви на земле?

Монах. Священное Писание свидетельствует, что христиане, подобно иудеям, начнут постепенно охладевать к откровенному учению Божию, они начнут оставлять без внимания обновление естества человеческого Богочеловеком, забудут о вечности, все внимание обратят на свою земную жизнь; в этом настроении и направлении займутся развитием своего положения на земле, как бы вечного, и развитием своего падшего естества для удовлетворения

[1] Стих 33 и далее. || [2] Еф. 1. 22–23; 2. 10–11 и проч.

всем поврежденным и извращенным требованиям и пожеланиям души и тела. Разумеется: такому направлению Искупитель, искупивший человека для блаженной вечности, чужд. Такому направлению отступление от христианства свойственно. Отступление настанет, по проречению Писания[1]. В ослаблении христианства будет участвовать монашество: член тела не может не принять участия в немощи, поразившей все тело. Предсказали это святые иноки древних времен по внушению обитавшего в них Святого Духа[2]. Когда христианство до крайности умалится на земле, тогда окончится жизнь мира[3].

Мирянин. Какое значение монашества в Христовой Церкви?

Монах. Монахи суть те христиане, которые оставляют все по возможности земные занятия для занятия молитвою — добродетелию, высшею всех добродетелей, чтоб посредством нее соединиться воедино с Богом, как сказал Апостол: *Прилепляяйся Господеви бывает един дух с Господом*[4]. А как молитва заимствует свою силу из всех прочих добродетелей и из всего учения Христова, то монахи прилагают особенное тщание к исполнению евангельских заповедей, присовокупляя к исполнению заповедей, обязательному для всех христиан, исполнение двух советов Христовых: совета о нестяжании и совета о безбрачии[5]. Монахи жительством своим стремятся уподобиться жительству на земле Богочеловека: по этой причине святые иноки именуются — *преподобными*.

Мирянин. Откуда монахи получили свое название?

Монах. Слова *монах, монастырь, монашество* произошли от греческого слова *μόνος*, один. *Монах* значит «живущий уединенно или в одиночестве»; *монастырь* — уединенное, отдельное жилище; *монашество* — уединенное жительство. Это жительство отличается от обыкновенного, всем общего жительства, — есть жительство иное, а потому в русском языке образовалось для него наименование *иночества*. Монах по-русски — *инок*. Слова *общежитие, скит, безмолвие, отшельничество, затвор, пустынножитие* означают собою разные роды иноческой жизни. Иноческим общежитием называется сожительство более или менее многочисленного собрания иноков, имеющих общее богослужение, общую трапезу и одежду, находящихся в заведовании одного настоятеля. Без-

[1] 2 Фес. 2. 3. ‖ [2] Алфавитный патерик и «Достопамятные сказания». Об авве Исхирионе. ‖ [3] Лк. 18. 8. ‖ [4] *Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом* (1 Кор. 6. 17). Преподобный Марк Подвижник. Слово 4. ‖ [5] Преподобный авва Дорофей. Поучение 1.

молвием называется сожительство двух или трех иноков в отдельной келлии, жительствующих по взаимному совету или по совету старшего, имеющих общую трапезу и одежду, отправляющих в течение пяти дней богослужение в келлии, а в субботу и воскресение приходящих к общественной службе в церковь. Отшельничеством называется жительство инока наедине. Когда отшельник пребывает неисходно в келлии, находящейся в монастыре, тогда он называется затворником, а жительство его — затвором; когда же он жительствует в безлюдной пустыне, то называется пустынником, а жительство его — пустынножитием.

Мирянин. Когда началось монашество?

Монах. Со времени Апостолов, по удостоверению преподобного Кассиана[1]. Преподобный Кассиан, писатель и инок четвертого века, обозревший иноческие обители Египта, в котором тогда особенно процветало монашество, проведший значительное время между иноками египетского *Скита* и предавший позднему потомству уставы и учение египетских монахов, говорит, что в первые времена христианства получили в Египте наименование монахов избранные ученики святого Апостола Евангелиста Марка, первого епископа Александрии. Они удалились в самые глухие пригородные места, где проводили возвышеннейшее жительство по правилам, которые предал им Евангелист[2]. — В жизнеописании преподобномученицы Евгении повествуется, что в царствование римского императора Коммода — Коммод вступил на престол в 180 году по Рождестве Христовом — вельможа римский Филипп сделан был правителем Египта. В то время в александрийском предместии был монастырь; о епископе того времени, святом Елие, упоминается, что он с юности вступил в монашество[3]. Иудейский историк Филон, современный Апостолам гражданин Александрии, описывает жизнь ферапевтов, удалившихся в предместья Александрии, точно такою, какою изображена преподобным Кассианом жизнь первых александрийских монахов, и называет жилища их *монастырями*[4]. Из описания Филона не видно, были ли ферапевты христианами; но описание Филона, как светского писателя, поверхностно; притом в это время многие не отличали христианства от иудейства, признавая первое сектою второго. В жизнеописании преподобного Антония Великого, которое составил современник его, святой Афанасий Великий,

[1] Cassiani Collatio XVIII. Cap. V. ‖ [2] Lib. 11. De Nocturnis orationibus caput. V. ‖ [3] Четьи-Минеи, 24 декабря. ‖ [4] Histoire du Christianisme, par Fleury. Livre 2, chap. 6.

архиепископ Александрийский, упоминается, что в то время, как святой Антоний вступил в монашество, — Антонию тогда было около 20 лет — монахи египетские проводили уединенную жизнь в окрестностях городов и сел. Преподобный Антоний Великий скончался в 356 году по Рождестве Христовом, будучи 105 лет[1]. — Имеется факт, доказывающий, что и в Сирии монашество существовало со времен Апостольских. Преподобномученица Евдокия, жившая в сирском городе Илиополе в царствование римского императора Траяна, обращена в христианство преподобным Германом, настоятелем мужского монастыря, в котором было 70 иноков. Евдокия по принятии христианства вступила в монастырь женский, в котором было 30 инокинь[2]. Траян начал царствовать с 96-го года по Рождестве Христовом. — В последних годах III века преподобный Антоний Великий положил начало пустынножительству; в конце первой половины IV века преподобный Пахомий Великий основал Тавеннисиотские общежития в пустыне Фиваидской, а преподобный Макарий Великий — жительство безмолвников в дикой пустыне Скит, близкой к Александрии, отчего такое жительство получило название скитского, а монастыри, устраиваемые для этого жительства, получили название скитов. Святой Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, живший во второй половине IV века, изучил монашескую жизнь среди египетских иноков; возвратившись в отечество свое, Каппадокию, проводил там, в пустыне, монашескую жизнь до вступления своего в служение Церкви и написал правила для монахов, которые впоследствии частию приняты в руководство, а частию в назидание всею Восточною Церковию. Таким образом монашество, таившееся в окрестностях городов и сел, в IV веке переместилось в большинстве своем в необитаемые пустыни. Там развилось и разрослось оно, как на свойственной себе почве. Впрочем, и в городах, и в окрестностях городов монастыри и пребыли, и вновь устраивались. Преподобный Кассиан, сказав об установлении монашества в Александрии святым Евангелистом Марком, предоставляет ищущим о сем более подробных сведений обратиться к «Церковной истории». Эта «История» не дошла до нас, как и все почти письменные акты Египта: их уничтожили магометане в VII веке, что они совершили и в других покоренных ими христианских странах, но в меньшей степени.

Мирянин. Какая была причина переселения монашества в места, отдаленные от городов и селений?

---

[1] Vies des pères des déserts d'Orient. || [2] Четьи-Минеи, 1 марта.

Монах. Это переселение совершилось в то самое время, когда прекратился подвиг мученический и начали принимать христианскую веру уже не одни избранные, не по особенному призванию, не с решимостию на величайшие бедствия и смерть, но все вообще, как веру господствующую, покровительствуемую и распространяемую правительством. Христианство соделалось всеобщим; но оно не сохранило прежнего самоотвержения. Христиане в городах и селах начали вдаваться во многие житейские попечения, позволять себе роскошь, плотское наслаждение, участие в народных увеселениях и другие послабления, которых первобытные исповедники веры чуждались как отречения от Христа в духе. Пустыня представила собою естественное убежище и пристанище, не возмущаемое соблазнами, для христиан, желавших сохранить и развить в себе христианство во всей его силе. «Пустыня, — говорит святой Исаак Сирский, — полезна и немощным, и сильным: в первых удалением от вещества не допускается разгореться и умножиться страстям, а крепкие, когда будут вне вещества, то достигают борьбы с лукавыми духами»[1]. Святой Василий Великий и Димитрий Ростовский изображают причину отшествия святого Гордия в пустыню так: «Гордий отбежа молв градных, кличев торжных, величаний княжеских отбежа, судов оглаголующих, продающих, купующих, клянущихся, лжущих, студословящих, отбежа игр и глумлений и смехотворчества, бываемого во градех, сам чист слух имый, чистыя очи и прежде всего сердце очищено, могущее зрети Бога, и сподобися Божественных откровений, и великим научися таинствам, не от человек, ни человеки, но великого стяжав учителя истины — Духа»[2]. С переселения монашества в пустыни появилось у него особенное одеяние, с целию окончательного отделения его от мирян. Во времена гонений и клир, и монахи употребляли наиболее общее одеяние: это укрывало их в значительной степени от гонителей.

Мирянин. Высокое учение, которого сподобился святой Гордий, — исключительная принадлежность весьма немногих. В новейшие времена христианская вера удовлетворительно и подробно преподается в семинариях, а высшее учение о ней — в духовных академиях.

Монах. Между учением, преподаваемым в духовных училищах, и учением, которое преподается или должно преподаваться в монастырях, находится величайшее различие, хотя предмет того и другого

[1] Слово 55. ‖ [2] Страдание святого мученика Гордия. Четьи-Минеи, 3 января.

учения — один: христианство. Спаситель мира, посылая Своих святых Апостолов на всемирную проповедь, повелел им научить все народы *вере* в истинного Бога и *жительству* по Его заповедям. *Шедше*, сказал Он, *научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам*[1]. Учение *вере* должно предшествовать *крещению*; учение *жительству* по заповедям должно последовать *крещению*. Первое учение — теоретическое, второе — практическое. О первом сказал святой апостол Павел: *Ни в чесом от полезных обинухся, еже сказати вам и научити вас пред людьми и по домом: засвидетельствуя иудеем же и еллином еже к Богу покаяние и веру, яже в Господа нашего Иисуса Христа*[2]; о втором: *Христос в вас, упование славы, Егоже мы проповедуем, наказующе всякаго человека, и учаще всякой премудрости, да представим всякаго человека совершенна о Христе Иисусе*[3]. Богом даны два учения о Боге: учение словом, приемлемое верою, и учение жизнию, приемлемое деятельностию по заповедям Евангелия. Первое учение можно уподобить основанию здания, а второе самому зданию, воздвигнутому на этом основании. Как невозможно строить здания без фундамента к нему, так и один фундамент не послужит ни к чему, если не будет на нем воздвигнуто здание. *Вера без дел мертва есть*[4].

Святой апостол Павел изображает необходимость первого учения так: *Вера от слуха, слух же глаголом Божиим. Како же уверуют, Егоже не услышаша? како же услышат без проповедующаго?*[5] Вот начало катехизического учения. Вступающим в христианство Апостолы и их преемники излагали основное учение христианства о Боге, о Богочеловеке, о человеке, о значении его во времени, о значении его в вечности, о Таинствах, о райском блаженстве, об адских муках[6] и о прочем, составляющем основное, догматическое христианское учение, к чему присовокуплялось и теоретическое учение о жительстве по заповедям Евангелия[7]. Вот начало догматического и нравственного Богословия, этой возвышеннейшей, священной науки. С самых времен Апостольских стали возникать

---

[1] *Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам* (Мф. 28. 19–20). ‖ [2] *Я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедывал бы и чему не учил бы вас всенародно и по домам, возвещая иудеям и еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа* (Деян. 20. 20–21). ‖ [3] *Христос в вас, упование славы, Которого мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе* (Кол. 1. 27–28). ‖ [4] *Вера без дел мертва* (Иак. 2. 26). ‖ [5] *Вера от слышания, а слышание от слова Божия. Как веровать в Того, о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего?* (Рим. 10. 17, 14). ‖ [6] Евр. 6. 1–2. ‖ [7] Евр. 11; 12; 13.

в Церкви Христовой еретические учения, то есть учения об Откровении Божием из лжеименного человеческого разума. В Откровенном Учении Божием нет места умствованиям человеческим: там от альфа до омега — все Божие. Святая Вселенская Церковь тщательно старалась сохранить вверенное ей бесценное духовное сокровище — Откровенное Учение Божие: она обличала своих явных врагов — идолопоклонников, языческих философов и иудеев, отражала нападения их; она обличала своих внутренних врагов — еретиков, опровергала их учение, извергала их из своего недра, предостерегала от них чад своих. По этой причине с течением времени богословие получало бóльшую и бóльшую обширность. Для обучения ему явилась нужда в училищах. Древнейшее и обширнейшее училище было в Александрии; особенно процветало оно во II и III веках по Рождестве Христовом. Учения, враждебные Божественному Учению, постоянно умножались, возникая в различных формах: необходимость в училищах, систематическая организация их становилась постоянно ощутительнее. Запад, отклонившись от Востока впадением в ересь, принял образованность и жизнь языческие: с этого времени учения, враждебные Православной Церкви, учения самые хитросложенные, самые дерзкие, уродливые, богохульные, умножились до бесконечности. Духовные училища соделались существенною потребностию для Православной Церкви, как дыхание жизни. Судите сами: надо представить в ясности православному христианину, особенно тому, который приготовляется быть пастырем, и истинное учение Православной Церкви, и всю победоносную борьбу ее с тайными и явными врагами, с прикрытыми и открытыми, борьбу, продолжавшуюся 18 столетий, разгорающуюся более и более. Надо изложить заблуждения и Ария, и Македония, и Нестория, и Евтихия, и иконоборцев, и папизма, и протестантизма с бесчисленными их отраслями, увенчаемыми атеизмом и новейшею философиею; надо изложить удовлетворительное опровержение всех этих учений. Изучение Богословия требовало краткого времени в первые времена христианства — оно требует ныне времени продолжительного; прежде могло быть преподано в поучениях, произносимых в храме Божием, — нуждается ныне в систематическом преподавании в течение нескольких годов. Доставление этого изучения в полном его объеме — вот цель наших духовных семинарий и академий: они преподают познания о христианстве основные, вводные, как назвал их преподобный Марк Подвижник[1], препода-

[1] Слово 4.

ют их юношеству, еще не вступившему в общественное служение, приготовленному к нему лишь теоретически, незнакомому с познаниями, сообщаемыми опытом жизни. На теоретических познаниях о вере должны быть назданы познания деятельные, живые, благодатные. Для приобретения этих познаний дана земная жизнь человеку. Христианин, живущий посреди мира по заповедям Евангелия, непременно обогатится познаниями не только опытными, но и благодатными в известной степени. Несравненно более должен обогатиться ими тот, кто, оставя все земные попечения, употребит все время свое, все силы тела и души на богоугождение, то есть монах. Он-то назван в Евангелии *имеющим* заповеди Господа, потому что заповеди Господа составляют все достояние его. *Имеяй заповеди Мои*, сказал Спаситель мира, *и соблюдаяяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам*[1]. По этой причине ревностнейшие христиане всех веков, окончив образование свое в училищах, вступали и доселе вступают в монашество для стяжания того образования, которое доставляется монашеством. Кто были великие учители Церкви всех времен? Монахи. Кто объяснял с подробностию ее учение, кто сохранил ее предание для потомства, кто обличил и попрал ереси? Монахи. Кто запечатлел своею кровию православное исповедание веры? Монахи. Это очень естественно. Христиане, живущие посреди мира, опутанные связями его, занятые различными попечениями, произвольными и невольными, не могут уделять много времени, не могут посвятить всей любви своей Богу. *Не оженивыйся печется о Господних, како угодити Господеви, а оженивыйся печется о мирских*[2]: оженивыйся не может постоянно и усиленно прилепляться к Господу молитвою, отрешенною от всего земного, и соединиться *во един дух с Господом*[3], как это возможно и свойственно монаху. Для личного преуспеяния христианского нет нужды в учености человеческой, нужной для учителей Церкви: многие неграмотные христиане, между прочими и преподобный Антоний Великий, вступив в монашество, достигли христианского совершенства, разливали свет духовный на современников примером, устным учением, благодатными дарованиями своими. «Кто, — говорит святой Иоанн Лествичник, — между мирянами был чудот-

[1] *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14. 21). ‖ [2] *Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском* (1 Кор. 7. 32–33). ‖ [3] *...в один дух с Господом* (1 Кор. 6. 17).

ворец? Кто воскрешал мертвых? Кто изгонял бесов? Никто; все это — монахов почести, которых мир вместить не может»[1].

Мирянин. Не все же монахи достигают такого высокого состояния, не все выполняют свое назначение. Выполняют его редкие.

Монах. Те монахи, которые проводят жительство по правилам монашеским, непременно стяжавают благодать по обетованию Божию. Обетование Божие не может не исполниться, по самому свойству Слова Божия и заповедей Евангелия, свойству сообщать делателям своим Дух Божий. Напротив того, монахи, пренебрегающие Богопреданными постановлениями для монашества, проводящие жизнь самовольную, рассеянную, сластолюбивую и миролюбивую, лишаются духовного преуспеяния. Подобное совершается со всеми христианами. Те из христиан, которые проводят жительство христианское, спасаются, а те, которые, именуясь христианами, проводят жительство языческое, погибают. Прежде было гораздо более святых между монахами и спасающихся между христианами, нежели ныне. Причина тому — общее ослабление в вере и нравственности. Но и ныне есть истинные монахи и истинные христиане. Повторяю вам: имеются иноки, недостойные своего имени и призвания; но это — злоупотребление установлением Божиим. Установление Божие не перестает быть установлением Божиим, несмотря на злоупотребления им человеками. Так и христианство не лишается своего великого достоинства по той причине, что некоторые или и многие христиане проводят жительство, противоположное учению Христову. Как о христианстве, так и о монашестве должно судить по истинным христианам и монахам. Это нелегко: благочестие и добродетель, как целомудренные девы, всегда под покровами и келлии, и неизвестности, как бы под покровами тканей; напротив того, блудницы стараются полуобнаженными являться на позор. Часто высокая жизнь монаха открывается только при кончине его или после кончины. Часто монаха, причастника благодати Божией, осыпает мир злоречием и клеветами по ненависти мира к Духу Божию[2]. Самое преуспеяние имеет различные степени, потому что, как уже сказано выше, монастырское уединение, будучи полезно сильным христианам по одному отношению, полезно и немощным по другому. Разумеется, число вторых всегда более, нежели число первых.

Мирянин. После всего сказанного вами делаются необходимыми определительные объяснение и доказательство, что монашество

[1] Слово 2, гл. 9. ‖ [2] Ин. 15. 18–19.

есть установление Божие. Сказанное вами уже приводит к такому заключению в значительной степени.

Монах. Спаситель мира указал два пути, два образа жизни для верующих в Него: путь или жительство, доставляющие *спасение*, и путь или жительство, доставляющие *совершенство*. Последние путь и жительство Господь назвал *последованием Себе*, так как они служат точнейшим выражением учения, преподанного Господом, и посильным подражанием тому образу жизни, который проводил Господь во время Своего земного странствования. Условия спасения заключаются в вере во Христа[1], в жительстве по заповедям Божиим[2] и во врачевании покаянием недостатков исполнения заповедей[3]: следовательно, спасение предоставлено и оно возможно, всем, при обязанностях и служениях посреди мира, не противных Закону Божию. К последованию Господу некоторые были призваны Самим Господом, как Апостолы; но вообще последование Господу предоставлено Господом на произвол каждого[4], что явствует из всех мест Евангелия, где Господь говорит об этом предмете. *Аще кто хощет ко Мне ити*[5], *аще хощеши совершен быти*[6], *аще кто грядет по Мне*[7], говорит Господь в начале учения о *последовании* и христианском *совершенстве*. Принятие на себя жительства зависит от произвола; но условия для жительства предписаны уже Господом; без сохранения этих условий последование Господу не может состояться. Условия последования, или пути и жительства, ведущих к совершенству, Господь изобразил так: *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет*[8]. *Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и гряди в след Мене*[9], *взем крест*[10]. *Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матерь, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик. И иже не носит креста своего, и в след Мене грядет, не может Мой быти ученик. Иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик*[11]. Здесь предписаны именно те

---

[1] Ин. 3. 36; 17. 3. ‖ [2] Мф. 19. 17; Мк. 10. 19. ‖ [3] Лк. 13. 3, 5. ‖ [4] Преподобный авва Дорофей. Поучение 1. ‖ [5] *Если кто хочет идти за Мною* (Мф. 16. 24). ‖ [6] *Если хочешь быть совершенным* (Мф. 19. 21). ‖ [7] *Если кто приходит ко Мне* (Лк. 14. 26). ‖ [8] *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною* (Мф. 16. 24). ‖ [9] *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19. 21). ‖ [10] *...взяв крест* (Мк. 10. 21). ‖ [11] *Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником; и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником. Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14. 26–27, 33).

условия, из которых составляются существенные обеты монашества; монашество, как мы сказали, в начале своем было не что иное, как уединенное, отдаленное от молвы жительство христиан, стремившихся к христианскому совершенству. Христиане многолюдной и богатой Александрии удалились в предместья города по наставлению святого Евангелиста Марка; то же самое наставление дает святой апостол Павел и всем христианам, желающим вступить в теснейшее общение с Богом. *Вы бо есте*, говорит он, *церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие. Темже изыдите от среды их, и отлучитеся, глаголет Господь, и нечистоте их не прикасайтеся, и Аз прииму вы: и буду вам во Отца, и вы будете Мне в сыны и дщери, глаголет Господь Вседержитель*[1]. Святой Иоанн Лествичник относит это призвание именно к монахам[2]. Вышеприведенные слова Господа точно так понимались в первенствующей Церкви, как они объяснены здесь. Святой Афанасий Великий в жизнеописании преподобного Антония Великого говорит, что Антоний, будучи юношею, вошел в церковь для молитвы. В тот день читалось Евангелие от Матфея[3] о богатом человеке, вопрошавшем Господа о спасении и совершенстве. Когда прочитаны были вышеприведенные слова: *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое* и прочее, Антоний, которого в душе занимал вопрос о том, какой род жизни избрать ему, ощутил особенное сочувствие к этим словам, признал, что Сам Господь сказал их ему, почему немедленно продал свое имение и вступил в монашество[4]. Эти слова Господа и ныне признаются Святою Церковию основными для монашества, всегда читаются при пострижении в монашество[5]. — Помещение монашества вдали от селений, в пустынях, совершилось по откровению и повелению Божиим. Преподобный Антоний Великий призван Богом к жительству в глубокой пустыне; преподобному Макарию Великому повелел Ангел поместиться в пустыне Скитской[6], преподобному Пахомию Великому повелел также Ангел учредить в пустыне иноческое общежитие и предал письменные правила для жительства иноков[7]. Упомянутые Преподобные были мужи, исполненные Святого Духа, пребывавшие постоянно в общении с Богом, служившие для

[1] *Вы храм Бога Живого, как сказал Бог: «Вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом. И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, и Я приму вас; и буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель»* (2 Кор. 6. 16–18). ‖ [2] Лествица. Слово 2, гл. 9. ‖ [3] Мф. 19. ‖ [4] Четьи-Минеи. Житие преподобного Антония Великого, 17 января. ‖ [5] Требник. Последование малой схимы. ‖ [6] Четьи-Минеи, 19 января. ‖ [7] Четьи-Минеи, 15 мая.

иночества *глаголом* Божиим, как служил им Моисей для израильтян. Святой Дух постоянно, чрез все века христианства, светил на монашество. Учение Святого Духа, учение Христово, учение Божие об иночестве, об этой науке из наук[1], как выражаются Святые отцы об этой Божественной науке, изложено преподобными иноками со всею отчетливостию и полнотою в их Боговдохновенных писаниях. Все они свидетельствуют, что установление монашества, этого сверхъестественного жительства, никак не дело человеческое: оно — дело Божие. Оно, будучи сверхъестественно, не может быть делом человеческим, не может не быть делом Божиим.

Мирянин. Некоторые полагают, что начальною причиною монашества были гонения, воздвигнутые идолопоклонниками на христиан в первые три века жизни христианства.

Монах. Всегда ошибочно рассуждает о мужах духовных плотское мудрование. Духовные мужи, каковы были монахи первых веков, жаждали мученичества, и многие из них увенчались венцом мученичества, как то: преподобномученики Никон[2], Иулиан[3], преподобномученицы Евдокия[4], Евгения[5], Феврония[6] и другие. Упомянутый выше святой пустынножитель Гордий, когда открылся подвиг для мученичества в Кесарии Каппадокийской, пришел в этот город во время всенародного торжества, обличил заблуждение идолопоклонства, исповедал Христа и запечатлел исповедание мученическою смертию. Когда было воздвигнуто лютое гонение на христиан императором Диоклетианом, преподобный Антоний Великий был уже монахом и пустынножителем. Услышав, что христиане подвергаются мучениям и казням за исповедание Христа, Антоний оставляет вертеп и пустыню, спешит в Александрию, присоединяется к мученикам, всенародно исповедует Христа, самым делом доказывает желание мученичества. «Преподобный, — говорит писатель жития его, — точно сделался мучеником по любви своей и произволению: хотя он и желал пострадать за имя Господне, но мученичество не было дано ему Господом». Уже Господь заменял жатву святыни, которую обильно совершали мученики, исповедавшие Его пред идолопоклонниками, другою обильною жатвою, которую должны были совершить монахи на поприще иного мученичества. Мучения едва прекращались и кровь христианская едва переставала литься на городских площадях и позорищах, как

---

[1] Преподобный Кассиан. Слово о рассуждении. Добротолюбие. Ч. 4. ‖ [2] Четьи-Минеи, 23 марта. ‖ [3] Четьи-Минеи, 8 января. ‖ [4] Четьи-Минеи, 1 марта. ‖ [5] Четьи-Минеи, 24 декабря. ‖ [6] Четьи-Минеи, 25 июня.

тысячи христиан переселились в дикие пустыни, чтоб там распять плоть свою *со страстьми и похотьми*[1], чтоб исповедать Христа пред лицом самих миродержителей, начал и властей злобы[2]. Причиною удаления в пустыню преподобного Павла Фивейского было желание избежать злоумышления на жизнь его во время гонения, воздвигнутого императором Декием. Может быть, и еще некоторые удалились в пустыню по той же причине. Другие удалялись в пустыню вследствие других обстоятельств. Но это — частные случаи, по которым не должно заключать вообще о начале монашества. Начальная причина монашества — не немощь человеческая — сила учения Христова. Преподобный Иоанн Колов, составитель жизнеописания преподобного Паисия Великого, в предисловии к этому жизнеописанию говорит: «Вечные небесные блага возбуждают в тех, которые уповают получить их, безмерное желание к себе, насыщают сердца этих желателей некоею ненасытимою Божественною сладостию, заставляют их всегда воспоминать тамошнее блаженство, воздаяние трудов, светлое торжество подвижников и поощряют к такому стремлению к себе, что они не только презирают временное и суетное, но и не щадят своей жизни, изволяя, по слову Евангелия, положить ради Христа свою возлюбленную душу. Они любят смерть за Христа более всех наслаждений и прелестей. Но как ныне нет гонителей и вожделенная смерть не обретается скоро, то они стараются понести ее иным образом, установляя для себя продолжительное и насильственное умерщвление самих себя. Они ежедневно претерпевают тысячи болезней, постясь, подвизаясь многоразлично, борясь с невидимыми бесами, непрестанно понуждая естество свое, одеянное плотию, противиться бесплотным врагам»[3].

Мирянин. Вы сравниваете подвиг монашества с подвигом мученичества.

Монах. Это — один и тот же подвиг, в разных видах. И мученичество, и монашество основаны на одних и тех же изречениях Евангелия; то и другое отнюдь не изобретено человеками, но даровано человечеству Господом; то и другое иначе не может быть совершено, как всесильною помощию Божиею, действием Божией благодати. В этом убедитесь, если прочитаете жития преподобных Антония Великого, Макария Великого, Феодора Студийского, Марии Египетской, Иоанна Многострадального, Никона Сухого и других иноков, которых подвиг и страдание были вышеестественны.

[1] Гал. 5. 24. ‖ [2] Еф. 6. 12. ‖ [3] Четьи-Минеи, 19 июня.

Святой Симеон Новый Богослов говорит о своем наставнике Симеоне Благоговейном, иноке Студийского монастыря, что он скорбями и страданиями телесными уподобился многим мученикам[1].

Мирянин. Объясните, отец мой, какое значение имеют безбрачная жизнь и нестяжание в монашеском подвиге? Это темно для живущих посреди мира, трудящихся для общественной пользы, подающих обильно милостыню и совершающих многие добрые дела, указанные и одобренные Евангелием. При недостатке объяснения монашеская жизнь представляется жизнию праздною, лишенною и деятельности, и пользы.

Монах. Упоминаемая вами деятельность мирян, состоящая из исполнения евангельских заповедей действиями тела, необходима для *спасения*, недостаточна для *совершенства*. Ничто не препятствует заниматься такою деятельностию посреди попечений и обязанностей мира. Даже земное преуспеяние дает возможность делать более добрых дел: так, богач может много помогать нищей братии подаяниями, а вельможа может помогать им защитою от насилия, предстательством в судах. При этой деятельности нужно храниться от действования из себя[2], как действовал упоминаемый в Евангелии фарисей[3], который точно делал много добрых дел, но при неправильном взгляде на свою деятельность. От этого он впал в неправильное мнение о себе и о ближних; добрая деятельность его сделалась неблагоугодною Богу. Апостол говорит, что совершающие добрые дела должны совершать их, *яко добрии строителе различныя благодати Божия*[4]. Богач пусть подает милостыню из имения, не как из своего, но как из врученного ему Богом. Вельможа пусть благодетельствует из высокого положения, не как из собственного, но как из доставленного ему Богом. Тогда взгляд презрения на деятельность ближних, хотя бы она была недостаточна, уничтожится; тогда начнет являться в совести вопрос о собственной деятельности, как то было с праведным Иовом[5], удовлетворяет ли она требованию Божию? нет ли в ней бóльших или меньших недостатков? тогда мало-помалу начнет образоваться понятие о жительстве более совершенном. Согласитесь, что монашеская жизнь представляется лишенною деятельности и пользы именно для тех, которые высоко, то есть ошибочно, ценят свою деятельность. Правильной христианской деятельности признак — смирение: гордость и

[1] Слово 2. || [2] По объяснению блаженного Феофилакта Болгарского. || [3] Лк. 18. || [4] *...как добрые домостроители многоразличной благодати Божией* (1 Пет. 4. 10). || [5] Иов. 1. 5.

самомнение — верный признак неправильной деятельности, по указанию Самого Господа. Высказанным вами мнением обнаруживается незнание христианства, превратное, искаженное понимание его. Христианское совершенство предложил Сам Богочеловек избранным ученикам Своим. Совершенство начинается там, где добрые дела, предписанные мирянам, достигнут всей полноты своей. Изучите христианство, узнайте, в чем заключается совершенство его, — и вы поймете значение монашества, поймете всю нелепость богохульного обвинения в праздности тех людей, которые стремятся к исполнению возвышеннейших завещаний Евангелия, недоступных для мирян. Осыпающие нареканиями и хулами монашество по необходимости хулят и самое установление христианского совершенства Господом.

Мирянин. Согласен, согласен! Раскройте же мне с ясностию значение нестяжания и безбрачной жизни в пути к христианскому совершенству.

Монах. Значение их — необыкновенной важности. Постараюсь по силам моим сделать его понятным для вас. Тот, кто раздал имение нищим для того, чтоб оказать всецелое повиновение Спасителю и всецело последовать Ему, кто сам соделался нищим, чтоб подчинить себя лишениям, сопряженным с нищетою и обильно доставляющим смирение, уничтожает этим действием всю надежду свою на мир, сосредоточивает ее в Боге. Сердце его с земли переселяется на небо[1], — и он начинает шествовать по верху вод житейского моря, держимый верою. Попечение его возложено на Господа, Который, повелев ближайшим ученикам Своим раздаяние имущества[2] и отложение попечений о доставлении себе телесных потребностей, обетовал, что ищущим *Царствия Божия и правды его* все эти потребности *приложатся* промышлением Небесного Отца[3]. Попускаются служителям Божиим разные скорби, при которых промышление Божие о них как бы скрывается, и влияние мира получает особенную силу: но это необходимо для обучения их живой вере в Бога, которая от опытов непрестанно возрастает и укрепляется. Опыты обличают живущее в падшем естестве неверие; они обличают живущее в падшем естестве отступление и отречение от Бога, потому что сердце, при малейшем ослаблении наблюдения за ним, с горестною слепотою устремляется возложить упование на себя, на мир, на вещество и отступить от упования на Бога[4]. Кажется, из этого краткого объяснения делается очевидным, что

[1] Мф. 6. 21. ‖ [2] Лк. 12. 33. ‖ [3] Мф. 6. 24–33. ‖ [4] Мф. 14. 22–33.

оставление стяжаний возводит подвижника Христова в возвышенное духовное состояние, которое отделяет его от братий, живущих посреди мира, и не может быть известным для них опытно. Однако это возвышенное состояние есть вместе состояние непрестанного страдания для тела и для всего падшего естества: назвал его Господь *крестом*.

В духовном отношении действию нестяжания подобно и действие безбрачной жизни. Стремление победить свойство естества, хотя и падшего, возводит к такому подвигу, какого представить себе не могут не испытавшие его. Подвигом этим, которым совершается отречение от естества, пополняются распятие и крест, доставляемые нестяжанием, при котором совершается только отречение от имущества. Этот подвиг низводит в глубину смирения, приводит к живой вере, возводит к состоянию благодатному. При этом подвиге, как видно из жизнеописаний преподобных Антония Великого, Иоанна Многострадального и других, приходят в помощь падшему естеству падшие духи, стараются удержать человека в области падения. Соответственно трудностям борьбы победа бывает многоплодною[1]: ее доставляет и ей последует обновление естества от появляющегося в сердце так называемого святыми Отцами духовного ощущения[2]. Естество остается таким же естеством человеческим, но ощущение его (по-светски — вкус) изменяется[3]: так бумага, пропитанная маслом, не принимает уже в себя воды, не потому, чтоб естество бумаги изменилось, но потому, что способность ее насыщена иным веществом, не имеющим физического сродства с водою[4].

Мирянин. Ныне очень многие утверждают, что безбрачная жизнь неестественна человеку, невозможна для него, что заключение законной двери для естества только заставляет естество искать дверей незаконных.

Монах. Свойственно каждому человеку судить по собственным опытам. Неизвестное и неиспытанное представляется невозможным, а известное и испытанное представляется принадлежностию всех. Святые Отцы, писавшие об этом предмете, согласны, что безбрачная жизнь неестественна падшему естеству, что она была естественна человеку до его падения[5], что по обновлении естества спо-

[1] Лествица. Слово 4, гл. 43. ‖ [2] Преподобного Макария Египетского Беседа 7, гл. 5. ‖ [3] Святого Исаака Сирского Слова 43 и 48. ‖ [4] При изображении отношения бумаги, воды и масла употреблены здесь технические выражения физики. ‖ [5] Быт. 2. 25.

собность к девству и безбрачной жизни возвращена естеству, что девство и безбрачная жизнь почтены выше брака, хотя и супружеская жизнь возведена христианством на более высокую ступень, нежели на какой она стояла до христианства[1]. Богочеловек проводил жизнь девственную; Пресвятая Матерь Его была и пребыла Девою; святые Апостолы Иоанн Богослов, Павел, Варнава и, без сомнения, многие другие были девственниками. С появлением христианства появились полки девственников и девственниц. Этот подвиг был крайне редок до обновления естества Искупителем. При посредстве Искупителя благоволение Божие излилось на человеков, как справедливо воспели Ангелы[2], и освятило человеков многоразличными дарами благодати. Благодатное обилие христиан живописно изображается в поучении, которое, по церковному уставу, должен прочитывать иерей новобрачным по окончании чина венчания. «Великая нива Церкви великого Обладателя, Бога, трояким образом возделывается, троякими украшается жатвою и плодом. Первая часть этой нивы возделывается возлюбившими девство и хранящими его нерастленно до конца жизни, и приносит она в житницу Господню плоды добродетелей во сто крат. Вторая часть нивы возделывается воздержанием вдовства и приносит плоды в шестьдесят крат. Третия возделывается сожитием сочетанным браком и, если они проводят жизнь благочестиво, в страхе Божием, то нива плодоприносит в тридцать крат. На одной ниве находятся различные с различными плодами отделы, но все они блаженны и похвальны, соответственно назначению своему. Говорит Богомудрый Амвросий: "Девство проповедуем так, чтоб и вдов не отвергать; так почитаем вдов, чтоб и супружество сохранить в своей чести"»[3].

Мирянин. Как может христианин знать, способен ли он или не способен к безбрачной жизни? По мнению моему, этот вопрос должен очень затруднять всякого, намеревающегося вступить в монашество.

Монах. Способен — произволяющий[4]. Как в непорочном состоянии человека было предоставлено ему на произвол пребывать в этом состоянии или выйти из него, так и по обновлении естества предоставлено ему на произвол усвоить себе естество обновленное во всем его развитии, или воспользоваться только в известной степени, нужной для спасения, или же пребыть в состоянии падения

---

[1] Еф. 5. 32. ‖ [2] Лк. 2. 14. ‖ [3] Требник. Последование венчания. ‖ [4] Благовестник. Мф. 19. 12.

и развить в себе падшее естество. Обновление естества есть дар Искупителя. По этой причине всякая евангельская добродетель избирается благим произволением, но даруется Христом произволяющему, как дар. Произволение доказывается принуждением себя к добродетели, а добродетель испрашивается у Бога прилежною и терпеливою молитвою. Все евангельские добродетели несвойственны падшему естеству; ко всем подвижник должен принуждать себя; все должен испросить у Бога смиренною, соединенною с сердечным плачем молитвою[1]. Подобно прочим евангельским добродетелям, безбрачная жизнь избирается произволением; борьбою со стремлениями падшего естества, обузданием тела подвигами доказывается искренность произволения; испрашивается дар чистоты у Бога сознанием неспособности падшего естества к чистоте[2] и теплейшею, исполненною умиления молитвою[3]; ниспосылается дар осенением Божественной благодати, изменяющей, обновляющей естество. Блаженный Феофилакт Болгарский, объясняя таким образом способность человека к безбрачной жизни[4], заключает объяснение следующими словами Господа: *Всяк бо просяй приемлет, и ищяй обретает*[5]. Рассмотрите те жития святых, в которых описан подвиг их против падшего естества: вы увидите, что все святые перешли из обыкновенного состояния, в котором человек не способен к безбрачной жизни, в состояние, которому безбрачие свойственно, после усиленной борьбы против пожеланий и влечений падшего естества; вы увидите, что главнейшим орудием их были молитва и плач; вы увидите, что не только девственники устранили себя от необходимости брака, вдовцы от повторения его, но и самые развратные люди, преисполненные страстей, запятнавшие себя преступлениями, опутавшиеся и územковавшиеся, как цепями, греховными навыками, востекли и возлетели к нетленной чистоте и святости. Повторяю вам: в Новозаветной Церкви тысячи тысяч девственников и девственниц, непорочных вдовцов и вдовиц, прелюбодеев и блудниц, претворившихся в сосуды целомудрия и благодати, неопровержимо доказывают, что подвиг целомудрия не только не невозможен, но и не так труден, как он представляется теористам, рассуждающим о нем без опытного знания, без знания, доставляемого нравственным преданием Церкви, теористам,

[1] Преподобный Макарий Великий. Слово 1, гл. 13. ‖ [2] Преподобный Кассиан Римлянин. Кн. 4, гл. 5. ‖ [3] Преподобный Варсонофий Великий. Ответ 255. ‖ [4] Мф. 19. 12. ‖ [5] Благовестник. *Всякий просящий получает, и ищущий находит* (Мф. 7. 8).

рассуждающим и заключающим — скажу откровенно — из своего разврата, из слепого и упорного предубеждения, из ненависти к монашеству и вообще к православному христианству. Справедливо писал преподобный Исидор Пелусийский святому Кириллу, патриарху Александрийскому: «Предубеждение не видит ясно, а ненависть — вполне слепа»[1].

Мирянин. Надо же сознаться, что и соблазны, обильно и резко выставляющиеся, служат причиною толков против монастырей и монашествующих.

Монах. С этим я согласен. Не подумайте, чтоб я хотел прикрывать зло, вредное для всех. Напротив, я желал бы искренно, чтоб зло было истреблено с нивы Христовой, чтоб эта нива плодоприносила одну чистую и зрелую пшеницу. Повторяю вам: необходимо определить со всею точностию Божественное установление, отделить его от злоупотреблений человеческих, чтоб с успехом действовать против злоупотреблений. Необходимо иметь правильный взгляд на зло, чтоб принять против него верные средства, чтоб не заменить зла злом, заблуждения заблуждением, злоупотребления злоупотреблением, чтоб не попрать, не отвергнуть, не исказить Божественного установления, как поступили протестанты по отношению к Римской Церкви. Необходимо знать самые способы и искусство врачевания, чтоб употребить лекарства, точно полезные и действительные, чтоб неправильным врачеванием не заменить для болящего недуг смертию.

Вообще воззрение современных мирян на монахов очень неправильно потому именно, что первые слишком отделяют от себя монахов в нравственном и духовном отношении. Между христианами, живущими в монастырях, и христианами, живущими посреди мира, — теснейшая нравственная связь. Жители монастырей не слетели туда с луны или с какой другой планеты; они вступили из среды земного, грешного мира. Нравственность, которую осуждают в монастырях, образовалась посреди мира, питается, поддерживается сношениями с миром. Упадок нравственности монахов находится в теснейшей связи с упадком нравственности мирян; упадок нравственности в монастырях есть прямое последствие упадка нравственности и религии в среде мирян. Монашество основано на христианстве, зиждется и держится на нем, преуспевает и слабеет соответственно преуспеянию или ослаблению христианства. Сущность дела — христианство; монашество — вид его, особен-

[1] Histoire du Christianisme, Fleury. Livre 26, chap. 5.

ное проявление. Недуг — общий! Восплачем о нем вместе и вместе позаботимся об исцелении его! Явим сострадание к человечеству, явим любовь! Оставим жесткое взаимное осуждение — это выражение ненависти и фарисейства, — устремляющееся к уничтожению болезней в больных ударением их бревнами!

Мирянин. Ваше понятие о нравственной связи монахов с мирянами — для меня опять новость. Постигаю, что оно доставлено вам опытностию. Без этого оно не могло бы быть так глубоко, не отличалось бы так резко от поверхностных взглядов теории. Не откажитесь изложить его подробнее.

Монах. Вы не ошибаетесь. Понятие, высказанное мною, частию есть плод моих собственных наблюдений, частию доставлено мне лицами, достойными полного доверия. Санкт-Петербургский митрополит Серафим, при разговоре о современном ему умножении бракоразводных дел по консистории, сказал мне, что когда он был епископом-викарием в Москве, тогда в московской консистории бывало бракоразводных дел одно, много два, в год; старцы же архиереи того времени сказывали ему, что в их молодости бракоразводных дел вовсе не существовало. Вот факт, живописующий нравственность прежнего времени и ход ее к настоящему положению, ход быстрый, неутешительный. Поведания других старцев-иноков подтверждают заключение, которое вытекает из поведания митрополита Серафима. Еще в начале нынешнего столетия вступало в монастыри много девственников, много лиц, не знавших вкуса в вине, не принимавших никакого участия в мирских увеселениях, не читавших никаких светских книг, образованных обильным чтением Священного Писания и писаний Отеческих, стяжавших навык к неупустительному посещению церкви Божией, преисполненных и прочими благочестивыми навыками. Они приносили в монастырь нравственность цельную, неколеблемую порочными навыками; они приносили в монастырь не испорченное злоупотреблением здоровье, способное к перенесению подвигов, трудов, лишений. Строгое благочестие мира воспитывало и приготовляло строгих и сильных монахов по душе и телу.

Ныне ослабевшее христианство приготовляет и доставляет, соответственно своему состоянию, слабых монахов. Ныне вступление девственника в монастырь — величайшая редкость! Ныне вступление лица, не стяжавшего порочных навыков, — редкость! Ныне вступление сохранившего неиспорченным здоровье, способного к монастырским подвигам — редкость! Наиболее вступа-

ют слабые, поврежденные по телу и душе; вступают наполнившие память и воображение чтением романов и других подобных книжонок; вступают пресытившиеся чувственными наслаждениями, получившие вкус ко всем соблазнам, которыми ныне преисполнен мир; вступают с закореневшими порочным навыками, с совестию притупленною, умерщвленною предшествовавшим образом жизни, при котором дозволялись все беззакония и все обманы для прикрытия беззаконий. Для этих личностей борьба с собою очень затруднительна. Затруднительна она и по причине укоренившихся в них порочных навыков, и по причине утраты искренности, по неспособности к ней. По этой же причине затруднительно и наставление их. Вступили они в монастырь, сняли мирские одежды, облеклись в черные одежды иноческие; но навыки и настроение, полученные в мирской жизни, остались с ними и, пребывая неудовлетворенными, приобретают новую силу. Греховные навыки и настроения тогда только могут ослабеть, когда обладаемый ими действует против них исповеданием их и борьбою против них по указанию Слова Божия. В противном случае, лишь представится проголодавшемуся навыку, сохранившему всю власть над человеком, удобство к удовлетворению себя — он выполняет это с жадностию, с исступлением. Многие пристани, бывшие прежде благонадежными пристанями для страждущих нравственными недугами, с течением времени изменились, утратили свое достоинство. Пристанями называю монастыри. Многие монастыри, устроенные основателями своими в глубокой или, по крайней мере, удаленной от мира пустыне, ныне, при умножении народонаселения, уже стоят среди мира, среди бесчисленных соблазнов. Мало того, что недужный, не способный предстоять соблазну, лицом к лицу встречается с ним по необходимости, едва выйдет за монастырские ворота, — сам соблазн насильно и неистово вторгается в монастырь, производит нравственные опустошения и злодеяния. Дух ненависти к монашеству признает торжеством для себя введение соблазна в монастырь. Успехом возбуждаются громкий хохот, рукоплескания, как бы от одержания знаменитой победы, между тем как грех и бедствие — общие. По современной нравственности и направлению мира, монастырям более, нежели когда-либо, нужно стоять вдали от мира. Когда жизнь мира соединена была с жизнию Церкви, когда мир жил жизнию Церкви, когда благочестие мирян отличалось по наружности от благочестия иноков только супружеством и стяжанием, — тогда свойственно было монастырям находиться

посреди городов, и городские монастыри доказали это, воспитав много святых иноков. Но ныне должно быть обращено особенное внимание на вышеприведенное увещание Апостола[1] и приложено особенное тщание к исполнению его.

Мирянин. Значительным пособием, по мнению многих, к уменьшению соблазнов послужило бы постановление *закона*, воспрещающего вступление в монастырь молодым людям, на которых соблазны извне действуют с особенною силою, в которых кипят страсти, — закона, который предоставлял бы монашескую жизнь лишь людям зрелого возраста и старцам.

Монах. Мера, по наружности столько благоразумная, долженствующая по соображению теории плотского мудрования оградить и возвысить монашество, в сущности есть не что иное, как мера сильная и решительная к уничтожению монашества. Монашество есть наука из наук. В ней теория с практикой идут рука об руку. Этот путь на всем протяжении своем освящается Евангелием; этим путем от наружной деятельности, при помощи небесного света, переходят к самовоззрению. Правильность самовоззрения, доставляемая Евангелием, неоспоримо доказывается внутренними опытами. Доказанная, она убедительно доказывает истину Евангелия. Наука из наук, монашество, доставляет — выразимся языком ученых мира сего — самые подробные, основательные, глубокие и высокие познания в экспериментальной психологии и богословии, то есть деятельное, живое познание человека и Бога, насколько это познание доступно человеку. К наукам человеческим должно приступать со свежими способностями, с полною восприимчивостию, с неистраченною душевною энергиею: тем необходимее все это для успешного изучения науки из наук — монашества. Монаху предстоит борьба с естеством. Наилучший возраст для поступления на эту борьбу есть юношеский. Он еще не окован навыками; в нем произволение имеет много свободы! Опыт свидетельствует, что лучшие монахи суть те, которые вступили в монашество в нежной юности. Большинство монахов нашего времени состоит из вступивших в монашество в юности. В лета зрелого возраста вступают очень немногие, а в старости очень редкие. Вступившие в монастырь в зрелых или преклонных летах очень часто не выдерживают монастырской жизни и возвращаются в мир, даже не поняв, что значит монашество. В тех, которые удержались в монастыре, замечается почти одно наружное благоговение и точное

[1] 2 Кор. 6. 16–18.

исполнение наружных монашеских правил, столько нравящееся мирянам и вполне удовлетворяющее их: в них нет существенного монашества или встречается оно очень-очень редко, как исключение из общего правила.

Перейдем к наставлению, которое нам дает Святая Церковь. *Чадо*, говорит Премудрый премудростию, даруемою Богом, *от юности твоея избери наказание, и даже до седин обрящеши премудрость. Якоже оряй и сеяй приступи к ней, и жди благих плодов ея*[1]. *Веселися, юноше, в юности твоей, и ходи в путех сердца твоего непорочен, и не в видении очию твоею*[2]. *Сию* — премудрость — *возлюбих, и поисках от юности моея, и взысках невесту привести себе, и любитель бых красоты ея. Благородство славит житие Божие имущи, и всех Владыка возлюби ю: таинница бо есть Божия хитрости, и обретательница дел Его*[3]. Эти изречения Священного Писания относятся святыми Отцами к науке из наук — монашеской жизни; впрочем, и для всякого очевидно, что они относятся не к премудрости, преподаваемой по началам мира и миродержца. Шестой Вселенский Собор, сказав в 40-м правиле, что весьма спасительно прилепляться к Богу чрез оставление мирских молв, повелел, однако, совершать пострижение с должным рассмотрением и не прежде *десяти* лет, когда уже умственные способности получат достаточное развитие. Из жизнеописаний преподобных иноков видно, что большинство их вступило в монастырь в двадцатилетнем возрасте. Старость была признаваема святыми Отцами неспособною к монашеской жизни. Неспособна к этой жизни старость! окрепла она в навыках, в образе мыслей, притуплены ее способности! подвиг юношеский несвойствен ей! Преподобный Антоний Великий первоначально отказался принять в монашество шестидесятилетнего Павла Препростого, сказав ему, что он неспособен к монашеской жизни именно по старости. Напротив того, многие Отцы вступили в монастырь в детском возрасте и достигли высокого духовного преуспеяния по причине целости произволения, непорочности, прямого стремления к добру и восприимчивости, столько свойственных детскому возрасту[4].

Мирянин. Твердость воли, произволение, решительно направившееся к своей цели, необходимы для духовного преуспеяния.

---

[1] Сир. 6. 18–19. ‖ [2] *Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих* (Еккл. 11. 9). ‖ [3] Прем. 8. 2–4. ‖ [4] Таковы были Савва Освященный (5 декабря), Симеон Дивногорец (24 мая) и многие другие.

Их-то и нужно усмотреть благовременно и определить в желающем принять монашество.

Монах. Справедливое замечание! При принятии в монастырь издревле наблюдалось, а ныне еще более наблюдается, осторожность: особливо многоразличные формальности при поступлении лиц не из духовного сословия делают процесс поступления очень продолжительным и часто очень затруднительным. Но твердость воли или истинное произволение обнаруживаются иногда только после весьма значительного времени, весьма часто представляются иными при первых опытах, а иными впоследствии. Некоторые, вступя в монастырь, сначала обнаруживают благоговение, самоотвержение, но после слабеют. Напротив того, другие сначала обнаруживают легкомыслие, но после начинают усваивать себе более и более иноческую жизнь, наконец делаются строгими и ревностными иноками[1]. Говорит святой Исаак Сирский: «Как часто случается, что человек бывает непотребным, непрестанно уязвляемым и низвергаемым по причине недостаточного опытного познания в монашеской жизни, находится постоянно в расслаблении душевном, но после этого вдруг похищает хоругвь из рук воинства сынов исполиновых, имя его превозносится, и восхваляется оно гораздо более, нежели имя подвижников, известных своими победами; он приемлет венец и драгоценные дары в обилии пред всеми друзьями своими. По этой причине да не попустит себе, кто бы то ни был, отчаяния; только не вознерадим о молитве и не поленимся попросить у Господа заступления»[2]. Часто величайшие грешники претворялись в величайших праведников. Монастырь есть место покаяния. Невозможно отказать в покаянии желающему и ищущему покаяния, хотя бы он не мог владеть собою, подобно беснующемуся, когда покаяние дано Богом и убежище, пристань его — *монастырь* — не отняты Богом. Святой Иоанн Лествичник, живший в VI веке по Рождестве Христовом, исчисляя побудительные причины поступления в безмолвную жизнь, гораздо более указывает на желание избежать греха и удалить свою немощь от соблазнов, которым она не может противостоять, нежели на желание христианского совершенства, желания, которым руководились немногие[3]. Ныне, когда среди мира умножились соблазны и грехопадения, когда человеческая сила истощилась пред силою распространившихся и объявших мир соблазнов, когда чувство сознания грехов-

---

[1] Так случилось с преподобным Силуаном. Четьи-Минеи, житие преподобного Пахомия Великого, 15 мая. || [2] Слово 47. || [3] Лествица. Слово 27, гл. 29.

ности и желания освободиться от нее еще не угасло во всех человеках, — большинство вступающих в монастырь вступает для снятия с себя греховного бремени, для вспоможения своей немощи, для обуздания себя. Уже святой Иоанн Лествичник называл монастырь больницею[1]: тем более ныне монастыри получили этот характер. Неужели отказать человечеству в помощи, человечеству, страждущему от нравственных недугов? Если заботимся усердно об устроении пристанищ для увечья, дряхлости, болезненности телесных, то почему не быть пристанищам для болезненности, увечья, расслабления душевных? Судящие о монастырях на основании своих ошибочных взглядов требуют, чтоб в этих больницах господствовало цветущее здравие, чтоб тут не было и следа болезненности. Ищите тут успешного врачевания! тогда требование ваше будет справедливее. Осуществление этой мысли мне пришлось видеть на опыте. В Калужской епархии, близ города Козельска, находится общежительная Оптина Пустыня. Туда в 1829 году прибыл на жительство известный по знанию деятельной монашеской жизни иеросхимонах Леонид; впоследствии присоединился к нему ближайший ученик его, иеросхимонах Макарий. Оба старца были напитаны чтением Отеческих писаний о монашеской жизни, сами руководствовались этими писаниями, руководствовали ими и других, обращавшихся к ним за назидательным советом. Такой род жительства и поведения они заимствовали от своих наставников; он начался с первых иноков, достиг по преемству до нашего времени, составляет драгоценное наследство и достояние монахов, достойных своего имени и назначения. Братство Оптиной Пустыни начало немедленно умножаться в значительном размере и совершенствоваться в нравственном отношении. Ревностным братиям старцы объяснили правильный и удобный способ подвижничества; колеблющихся они поддержали и ободрили; слабых укрепили; впавших в согрешения и греховные навыки привели к покаянию и исцелили. К смиренным хижинам схимонахов стали стекаться во множестве светские лица всех сословий, обнажили пред ними страдание души, искали врачевания, утешения, укрепления, исцеления. Тысячи обязаны им благочестивым направлением своим и сердечным миром. С состраданием смотрели они на страждущее человечество; облегчали пред ним значение греха, объясняя значение Искупителя и из значения Искупителя объясняя необходимость для христианина в оставлении греховной жиз-

[1] Лествица. Слово 1, гл. 18 и 19.

ни; были снисходительны к немощи человеческой и, вместе, сильно врачевали эту немощь! Таков дух Православной Церкви; таковыми были ее *святые* всех времен. Преподобному Сисою Великому, иноку IV века, некоторый брат исповедал свои непрерывающиеся падения. Преподобный ободрил его, посоветовал ему каждое падение врачевать покаянием и пребывать в подвиге[1]. Основателен ли совет? как бы следовало поступить тут по мнению новейших теористов? Вероятно, уже как-нибудь иначе. Посетил я Оптину Пустыню в первый раз в 1828 году, в последний — в 1856-м. Тогда она была в самом цветущем состоянии; братство ее простиралось до 200 человек. Иеросхимонах Леонид поминался в числе блаженнопочивших, семидесятилетний иеросхимонах Макарий занимался духовным руководством братства и назиданием многочисленных посетителей монастыря. Несмотря на духовное преуспеяние и многочисленность братства, немногие, очень немногие из них вынаруживали способность соделаться врачами, руководителями других, для чего нужна и врожденная способность, и дух, выработанные истинным монашеским подвигом. Таково общее свойство больниц: там врачей мало, больных много. В настоящее время число врачей постепенно уменьшается, а число больных постоянно возрастает. Опять этому причиною — мир. Посмотрите, кого он отделяет в монастыри? Это — не избранные христиане, как то было в начале христианства и монашества; это — не члены, принадлежащие к образованным сословиям мира. В настоящее время монастыри наполняются почти исключительно членами низших сословий, — и какими членами? Наиболее неспособными для служения в том сословии, которое увольняет их в монастырь. Очень многие из низших сословий вступают с навыками к порокам, свойственным сословию, особливо к той слабости, которую еще равноапостольный князь Владимир признавал народною. Зараженные этою слабостию идут в монастырь с намерением воздержать себя от нее, хотя насильно; но навык берет свое и по временам выказывает власть над поработившимися ему неосторожно и безрассудно. Многие прекрасных качеств, весьма благочестивые люди подвержены этой слабости: падения свои они оплакивают горько, стараются загладить раскаянием. Плач в тайне келлии и раскаяние в тайне сердца не видны человекам, как видны падения. На эти падения соблазняется образованное сословие, преимущественно соблазняющееся на монастыри; оно имеет свои слабо-

---

[1] Алфавитный патерик.

сти, которые легко извиняет, и извинило бы их, если б нашло их в монастыре; но, вступая в монастырскую ограду со своими обычаями и своим взглядом, встречая там слабость простолюдинов, оно соблазняется ею, не рассчитав, что оно вступило в жилище простолюдинов. Оно видит монахов — существа, совершенно отдельные от мирян; первые, все без исключения, должны быть образцами совершенства; вторым все позволено и разрешено. Простолюдины иначе смотрят на свою сословную немощь. В некоторой обители, удаленной от мира, жил в начале нынешнего столетия старец, занимавшийся назиданием ближних. После него осталось письменное наставление к одержимым пьянственною страстию. Старец был из простого быта и, с полным состраданием к страждущим братиям, говорит, что невозможно потерявшему власть над собою исцелиться, даже воздержаться от страсти, среди соблазнов: по этой причине он предлагает больным помещение в его обители, как вполне удаленной от соблазнов. Совет — и очень добрый, и очень здравый. Удаленные от мирских селений пустыни могут служить истинными пристанищами и врачебницами для больных душевными недугами и вместе могут скрыть предметы соблазна от недугующих скудоумным соблазном.

Мирянин. Из сказанного вами вытекает, однако, прямым последствием, что настоящее положение монастырей, по крайней мере многих, не соответствует их назначению, что меры исправления и полезны, и нужны.

Монах. Да! В наше время, когда светская образованность быстро развивается, когда жизнь гражданская отделилась от жизни церковной, когда множество учений, враждебных Церкви, вторгается к нам с запада, когда религия и нравственность приметным образом слабеют во всех сословиях, — приведение монастырей в должный порядок необходимо по двум причинам: во-первых, для сохранения самого монашества, существенно нужного и полезного Церкви, во-вторых, для охранения народа от соблазна. Народ, соблазняясь правильно и неправильно, сам более и более слабеет в вере. Но здесь нужно не верхоглядное знание монашества, а точное, — нужно основательное, опытное знание постановлений о монашестве Святой Церкви и святых Отцов, нужно сердечное сознание в важности и святости этих постановлений. Меры исправления монашества, принятые по поверхностному понятию о нем, из смрадных сокровищниц плотского мудрования, всегда были крайне вредны для него. Прибегая к таким мерам, попирая безразборчи-

во и опрометчиво святейшие постановления, внушенные и преподанные Святым Духом, гордый и омраченный мир может окончательно сгубить монашество, а в нем и христианство.

Мирянин. Укажите, для образца, постановления о монашестве какого-либо святого Отца, по которым бы можно было составить понятие о мерах исправления, в которых нуждаются наши монастыри и которые могли бы быть применены к ним с существенною пользою.

Монах. Предлагаю вам обратить внимание на *Предание*, или *Устав, преподобного Нила Сорского*, нашего соотечественника, жившего в XV столетии, последнего, может быть, святого писателя о монашеской жизни. Сочинение это, несмотря на краткость, имеет удовлетворительнейшую полноту; сочинение это — глубоко, духовно. Оно издано в 1852 году по распоряжению Святейшего Синода в тысячах экземпляров и разослано по монастырям. Преподобный Нил вступил в монашество и пребывал в нем с целию изучения и развития в себе, по преданию древних святых Отцов, духовного монашеского подвига. Чтоб ближе ознакомиться с преданием Отцов, он предпринимал путешествие на Восток, значительное время провел в Афонской горе, беседуя с учениками святых Григориев Синаита и Паламы, — также находился в сношении с иноками, жительствовавшими в окрестностях Константинополя. Возвратившись в Россию, он поместился в глухом лесу, на речке Соре, и соделался основателем *скитского жительства* в отечестве нашем. Упомянутый *Устав*, или *Предание*, написан им для его скита. Сочинение преподобного Нила драгоценно для нас особенно потому, что оно наиболее применимо к современному монашеству, которое, по причине оскудения духоносных наставников, не может проходить того безусловного послушания, которое проходили древние иноки. Преподобный Нил вместо безусловного послушания духоносному наставнику предлагает в руководство иноку новейших времен Священное Писание и писания святых Отцов, при совете преуспевших братий, с осторожною и благоразумною поверкою этого совета Писанием. Изучив истинный монашеский подвиг, преподобный Нил подавал свой смиренный голос против уклонений от прямого монашеского направления, в которые вдалось тогдашнее российское монашество по простоте своей и неведению. На этот голос не было обращено внимания. Увлечение вошло в обычай и, сделавшись общим, получило непреоборимую силу: оно послужило поводом

к потрясению монастырей в XVIII столетии. Увлечение состояло в стремлении к приобретению имущества в обширных размерах.

Мирянин. Что особенно полезное можно извлечь из сочинения преподобного Нила для современного монашества?

Монах. Прежде всего необыкновенно назидателен пример его. Он изучил Священное Писание и писания святых Отцов о монашеской жизни, изучил не только по букве, но и *собственными опытами.* Не удовольствовавшись этим, он захотел видеть жительство святых иноков Афона и Византии, из их наставлений и образа жизни пополнить свои знание и деятельность. Достигнув особенного духовного преуспеяния, он не признавал себя достигшим его, не искал быть наставником ближних. Его просили, чтоб не отказывал в назидательном слове; после убедительных просьб, повинуясь желанию братий, он принял звание наставника и настоятеля как возложенное на него послушание. Из этого поведения преподобного Нила видно, что для учреждения, поддержания, исправления монастырей необходимо, чтоб во главе их встали и стояли достойные мужи, изучившие Священное Писание и писания Отеческие, образовавшие себя по ним, стяжавшие знание деятельное, живое, привлекшие в себя Божественную благодать. Надо молить Бога, чтоб посланы были такие личности: потому что святые иноческие правила могут быть приведены в исполнение должным образом только такими мужами, которые существенно, из своих опытов, понимают их. Преподобный Кассиан повествует, что в египетских монастырях, первых в мире, настоятельство предоставлялось только таким инокам, которые сами находились в повиновении и опытно изучали предания Отцов[1].

Первое место между правилами, изложенными преподобным Нилом, должно дать предлагаемому им вышеупомянутому руководству Священным Писанием и Отеческими писаниями. Святой Иоанн Лествичник определяет монаха так: «Монах — тот, кто держится единственно Божиих уставов и Божия Слова во всякое время, на всяком месте, во всяком деле»[2]. Этим правилом руководствовался преподобный Нил и преподал его ученикам своим. «Мы решились, — говорит Угодник Божий, — если уже такова воля Божия, принимать приходящих к нам, с тем, чтоб они соблюдали предания святых Отцов и хранили заповеди Божии, а не вносили оправданий, не представляли извинений во грехах, говоря: “Ныне невозможно жить по Писанию и последовать святым Отцам”.

[1] Книга 11, гл. 3. ‖ [2] Лествица. Слово 1, гл. 4.

Нет! хотя мы и немощны, но должны, по силам, уподобляться и последовать приснопамятным и блаженным тем Отцам, если и не можем достигнуть равной с ними степени»[1]. Кто основательно знает русское монашество в настоящем положении его, тот от полноты убеждения засвидетельствует, что те единственно монастыри, в которых развито святое чтение, процветают в нравственном и духовном отношениях, что те единственно монахи достойно носят имя монахов, которые воспитаны, воскормлены святым чтением. Преподобный Нил никогда не давал наставления или совета прямо из себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение Отцов[2]. Когда же, говорит Преподобный в одном из своих писем, он не находил в памяти освященного мнения о какомлибо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений священномученика Петра Дамаскина, преподобного Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других Отцов, особливо позднейших. Его держались упомянутые мною иеросхимонахи Оптиной Пустыни Леонид и Макарий. Память их была богато украшена мыслями святыми. Никогда не давали они советов из себя: всегда представляли в совет изречение или Писания, или Отцов. Это давало советам их силу: те, которые хотели бы возразить на слово человеческое, с благоговением выслушивали Слово Божие и находили справедливым покорить ему свое умствование. Такой образ действия содержит в величайшем смирении преподающего совет, как это явствует из «Предания» преподобного Нила: преподающий преподает не свое — Божие. Преподающий соделывается свидетелем, органом святой истины, и в совести его является вопрос: с должным ли благоугождением Богу исполняет он свое ответственное служение? «Божественное Писание и слова святых Отцов, — пишет преподобный Нил в своем "Предании", — бесчисленны, подобно песку морскому; исследывая их без лености, сообщаем приходящим к нам и нуждающимся в наставлении. Правильнее же, сообщаем не мы — мы того недостойны, — но блаженные святые Отцы из Божественных Писаний». Все святые аскетические писатели последних веков христианства утверждают, что, при общем оскудении Боговдохновенных наставников, изучение Священного Писания, преимущественно Нового Завета, и писаний Отеческих, тщательное и неуклонное руководство ими в образе жизни и в наставлении ближних есть единственный путь к духов-

[1-2] «Предание».

ному преуспеянию, дарованный Богом позднейшему монашеству. Преподобный Нил объявляет, что он отказывает в сожительстве с собою тем братиям, которые не захотят проводить жизнь по этому правилу[1], — так оно важно, так оно существенно!

Второе нравственное правило, предлагаемое преподобным Нилом, заключается в том, чтоб братия ежедневно исповедовали *старцу*[2] — *старцем* называется в монастырях преуспевший в духовной жизни инок, которому поручается назидание братии — согрешения свои, и самые мелочные, даже помыслы и ощущения греховные, чтоб они предлагали ему на рассмотрение свои недоумения. Это делание исполнено необыкновенной душевной пользы: ни один подвиг не умерщвляет страстей с таким удобством и силою, как этот. Страсти отступают от того, кто без пощадения исповедует их. Телесное вожделение увядает от исповеди более, нежели от поста и бдения. Иноки, в новоначалии своем сделавшие навык к повседневной исповеди, стараются и в зрелые годы как можно чаще прибегать к этому врачеванию, узнав из опыта, какую оно доставляет свободу душе. Подробно и отчетливо, при посредстве этого подвига, они изучают в самих себе падение человечества. Врачуя себя исповеданием своих согрешений, они приобретают знание и искусство помогать ближним в их душевных смущениях. Упомянутые выше иеросхимонахи Оптиной Пустыни имели под руководством своим много учеников, которые ежедневно, после вечернего правила, открывали им свою совесть. Эти ученики отличались от тех, которые жили самочинно, резкою чертою. Мысль о предстоящей исповеди была как бы постоянным стражем их поведения, постепенно приучила их к бдительности над собою, а самая исповедь соделала их сосредоточенными в себе, непрестанно углубленными в Писание, систематическими, так сказать, монахами. Ежедневное исповедание, или ежедневное откровение и поверка совести, есть древнейшее монашеское предание и делание. Оно было всеобщим в прежнем монашестве, что видно со всею ясностию из творений преподобных Кассиана, Иоанна Лествичника, Варсонофия Великого, аввы Исаии, аввы Дорофея — словом, из всех писаний Отеческих о монашестве. Оно, по всей вероятности, установлено самими Апостолами[3]. Монахов, воспитанных по изложенным здесь двум нравственным правилам, можно уподобить людям, пользующимся зрением, жизнию, а монахов, лишенных этого воспитания, — слепцам, мертвецам. Эти два правила, будучи введены в какой бы то ни было

[1–2] «Предание». || [3] Иак. 5. 16.

монастырь, могут значительно изменить к лучшему и нравственное, и духовное направление братства — это доказано опытом, — не изменяя в монастыре ничего по наружности. Для осуществления второго правила необходим преуспевший в духовной жизни, воспитанный по этому правилу инок. Здесь опытное знание — совершенная необходимость. Преподобный Кассиан Римлянин говорит: «Полезно открывать свои помыслы Отцам, но не каким попало, а старцам, духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам. Многие, увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред от неопытности слышащих»[1].

Мирянин. Вижу, что вы указали на самые основные начала нравственного благоустройства монастырей. Не откажитесь упомянуть и о других правилах и преданиях святых Отцов, которые могли бы способствовать к доставлению монастырям положения, им свойственного.

Монах. Образование человека находится в зависимости от наружных впечатлений; оно совершается ими. Иначе быть не может: мы так сотворены. Святые Отцы, чистыми умами проникнув в эту тайну, обстановили инока, в святом предании своем, такими впечатлениями, которые все, совокупными силами и действием, ведут его к своей цели, устранили от него все попечения, отвлекающие от цели, хотя бы наружность их и была благовидною. Чтоб объяснить это, снова обратимся к драгоценной книжице преподобного Нила Сорского. Преподобный говорит, что храм Божий в монастыре должен быть выстроен очень просто. Он ссылается в этом на преподобного Пахомия Великого, который не хотел, чтоб в его общежитии церковь имела изящество в архитектурном отношении. Великий говорил, что он устраняет изящество зодчества из иноческой обители с тою целию, чтоб ум иноков не поползнулся по причине похвал человеческих церковному зданию и не сделался добычею диавола, которого коварство многообразно. К этому присовокупляет преподобный Нил: «Если великий Святой так говорил и поступал, тем более нам должно остерегаться: потому что мы немощны и страстны, по уму удобопоползновенны»[2].

Преподобный Нил завещавает о келлиях и о прочем монастырском здании, что оно должно быть самое простое, недорогое, без украшений[3]. Великий угодник Божий Иоанн Пророк, затворник,

---

[1] Добротолюбие. Ч. 4. О святых Отцех, иже в Ските, и о рассуждении. ‖ [2] [3] «Предание».

безмолвствовавший в Газском общежитии, дал пред смертию своею назидательнейшие наставления новопоставленному игумену общежития, своему духовному сыну. Между прочим он заповедал игумену устраивать келлии, не доставляя им излишнего удобства, но по требованию нужды, и то с некоторым утеснением, как бы имея в виду переселение: потому что здания века сего, в отношении к вечности, не более как палатки[1].

Преподобный Нил законополагает, на основании учения и поведения древних святых Отцов, чтоб церковная ризница и утварь в монастыре была по возможности проста, недорога, немногочисленна. Равным образом он повелевает, чтоб все имущество монастырское было просто, не в излишестве, удовлетворяя лишь нужде, чтоб оно не возбуждало тщеславия в иноках, не привлекало к себе пристрастия и особенной заботливости иноков, которых душевные силы должны быть направлены всецело к Богу[2].

Преподобный Нил воспретил вход женскому полу в скит свой. В древности был воспрещен, а в Афонской горе поныне воспрещен вход женскому полу во все вообще мужские монастыри. Постановление, существенно нужное для желающих победить свойство естества! Им необходимо полное устранение от действия на себя этого свойства; оставаясь под влиянием его, они не могут не колебаться. При настоящем упадке нравственности польза и необходимость этой меры становится очевидною[3].

В России существенно нужно устранение вина из обителей. Это понимали благоразумные и благочестивые настоятели, из которых можно указать на недавно почившего мужа праведного, Феофана, бывшего настоятелем и возобновителем Кирилло-Новоезерского монастыря. Он старался с особенною ревностию об уничтожении винопития во вверенном ему монастыре, но тщетно. И тщетными останутся все усилия кого бы то ни было, если постановления святых Отцов относительно монастырей не будут восстановлены во всей полноте.

Преподобный Нил, соглядав монашескую жизнь в колыбели ее — на Востоке — и возвратившись в Россию, избрал для жительства глубокую пустыню. Он был доволен избранным местом. Причину довольства высказывает в одном из писем своих. «Благодатию Божиею, — говорит он, — обретох место, угодное моему разуму, понеже мирским маловходно». Употребим здесь силлогизм преподобного Нила: «Если для столь святого мужа избранное им место

---

[1] Ответ 603. ‖ [2–3] «Предание».

жительства было приятно по той причине, что мирские люди мало посещали его, то нам, немощным по произволению и разуму, удобопреклонным ко всем грехам, тем более следует избирать для жительства нашего места уединенные, отдаленные от мирских селений, не привлекающие к себе сонмы мирян, а с ними и сонмы соблазнов».

Преподобный Нил желал, чтоб иноки его обители содержались трудом рук своих, а если б оказалась нужда в пособии милостынею от мирян, то испрашивали бы ее в умеренном количестве.

Вот начальные правила, данные святыми Отцами монашеству, признанные Святою Церковию. Прочие правила, относящиеся до подробностей, имеют тот же характер и ту же цель.

Мирянин. От исчисленных вами правил многие монастыри уклонились более или менее. Уклонения должны быть когда-нибудь исправлены. Образованность и дух нашего времени требуют, как и вам известно, чтоб исправление не было отлагаемо. Об этом идут толки в обществе. Желалось бы среди голосов, подаваемых неведением, подавать голос из истинного ведения. Не откажитесь сказать, что бы, по вашему мнению, могло способствовать к приведению монастырей в свойственное им положение.

Монах. Ответ на этот вопрос очень затруднителен, несмотря на то что он мною почти сделан. Вспомнились мне теперь слова Спасителя о поле, на котором посеяно было доброе семя, но, по всходе этого семени, появились во множестве плевелы. Не человеки — Ангелы сделали предложение Владыке поля выполоть плевелы. Господь сказал им: ***Ни, да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними и пшеницу. Оставите расти обое купно до жатвы***[1]. Едва ли и по отношению к монастырям это не лучшая мера. Во всяком случае, на нее должно обратить особое внимание. При исправлении отживших зданий нужна осторожность. Благоразумные врачи отказываются врачевать застаревшие недуги, природнившиеся к телосложению, именно потому, что прикосновение к этим недугам есть прикосновение к жизни. Монашество и монастыри учреждены были Святым Духом чрез избранных сосудов его, преподобных Отцов: восстановление монастырей в прежней духовной красоте их, если это восстановление входит в состав предопределений Божиих, может последовать только действием особенной благодати Божией, чрез посредство таких же достойных орудий. Вот все, что могу сказать вообще об исправлении и улучшении монасты-

[1] *Нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы; оставьте расти вместе то и другое до жатвы* (Мф. 13. 29–30).

рей. Однако из сказанного мною вытекает ясное последствие, что исправление и улучшение монастырей никак не может быть делом светских людей: светские люди поступят основательно и благочестно, если предоставят это дело тем, кому оно предоставлено Промыслом Божиим и с кого оно взыщется на Суде Божием.

Признаю священным долгом моим сообщить вам мудрый совет, который я слышал от опытных, достойных уважения старцев. Они говорили и мирянам, и монахам, искавшим искренне спасения: «В наше время, в которое так умножились соблазны, должно особенно внимать себе, не обращая внимания на жительство и дела ближних и не осуждая соблазняющихся, потому что тлетворное действие соблазна удобно переходит от увлеченных соблазном на осуждающего их». Упомянутые старцы советовали мирянам руководствоваться в жизни Евангелием и теми святыми Отцами, которые написали наставления вообще для христиан, как сделал то святой Тихон Задонский. Монахам они советовали руководствоваться также Евангелием и святыми Отцами, составившими сочинения собственно для монахов. Руководствующийся Отеческими писаниями монах во всяком монастыре будет иметь возможность приобрести спасение: утратит его живущий по своей воле и по своему разуму, хотя бы он жил в глубочайшей пустыне.

Горе миру от соблазн[1], предвозвестил Господь, *за умножение беззакония, изсякнет любы многих*[2]. Пришествие соблазнов входит в непостижимое для нас предопределение Божие: *нужда бо есть прийти соблазном*[3], изрек Господь. Человеку, по искуплении его, предоставлена свобода в избрании добра и зла, как она была предоставлена ему по сотворении. Человек, как по сотворении избрал, так и по искуплении избирает большею частию зло. Посреди рая явилось зло облеченным в личину добра, для удобности к обольщению: оно является в недре Святой Церкви прикрытым и разукрашенным, в приманчивом разнообразии соблазнов, называя их невинными развлечениями и увеселениями, называя развитие плотской жизни и уничижение Святого Духа преуспеянием и развитием человечества. *Человецы* будут *растлени умом*[4], по причине благоволения их неправде[5], *неискусни в вере, имущии образ благочестия, силы же его отвергшиися*[6]. Для получивших эту силу

[1] *Горе миру от соблазнов* (Мф. 18. 7). ‖ [2] *По причине умножения беззакония во многих охладеет любовь* (Мф. 24. 12). ‖ [3] *Надобно придти соблазнам* (Мф. 18. 7). ‖ [4] 2 Тим. 3. 8. ‖ [5] 2 Фес. 2. 12. ‖ [6] *Невежды в вере, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся* (2 Тим. 3. 8).

и произвольно отвергших ее трудно возвращение ее[1] по причине утраты самого благого произволения, что непременно следует за намеренным пренебрежением дара Божия. *Образ благочестия* могут кое-как слепить ухищрения человеческие; но восстановление *силы благочестия* принадлежит Тому, Кто облекает человеков *силою Свыше*[2]. Состарившееся изветшавшее древо нередко бывает покрыто и украшено густым покровом зеленых листьев, еще выражает объемистым стволом крепость и здравие; но внутренность его уже истлела: первая буря сломит его.

Вера и дела

Покайтесь и веруйте во Евангелие[3], увещавает нас Евангелие.

Просто, истинно, свято это увещание: надо покаяться, оставить греховную жизнь, чтоб сделаться способным приступить к Евангелию. Чтоб принять Евангелие, надо в него уверовать.

Святой апостол Павел заключил сущность всей проповеди в проповеди покаяния и веры. Он возвещал всем, и иудеям, и эллинам, *еже к Богу покаяние, и веру, яже в Господа нашего Иисуса Христа*[4].

Евангелие как Откровение Бога, превысшего всякого постижения, недоступно для падшего разума человеческого. Необъятный разум Божий объемлется верою: потому что вера может принять все, и непостижимое для разума, и противоречащее разуму. К вере способна только та душа, которая решительным произволением отверглась греха, направилась всею волею и силою своею к Божественному добру.

Аз Свет в мир приидох[5], сказал о Себе Господь. Этот Свет предстоял иудеям, облеченный плотию; нам предстоит Он, облеченный во Евангелие.

Предстоит этот Свет пред нами, *да всяк, веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный. Веруяй в Онь не будет осужден: а не веруяй уже осужден есть*[6].

Кто же не верует в Сына Божия? — Не только тот, кто открыто, решительно отвергает Его, но и тот, кто, называясь христианином, проводит греховную жизнь, гоняется за плотскими наслаждениями; тот, у кого бог — чрево; тот, у кого бог — серебро и золото; тот,

---

[1] Евр. 10. 26. ‖ [2] Лк. 24. 49. ‖ [3] Мк. 1. 15. ‖ [4] *Покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа* (Деян. 20. 21). ‖ [5] *Я Свет пришел в мир* (Ин. 12. 46). ‖ [6] *Дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Верующий в Него не осудится, а неверующий уже осужден* (Ин. 3. 16, 18).

у кого бог — земная слава; тот, кто почтил земную мудрость, враждебную Богу, как бы бога. *Всяк бо делаяй злая, ненавидит Света, и не приходит к Свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть; творяй же истину, грядет к Свету, да явятся дела его, яко о Бозе суть соделана*[1].

Без самоотвержения человек не способен к вере; его падший разум противоборствует вере, требуя дерзостно отчета у Бога в Его действиях и доказательств в открываемых Им человеку истинах; падшее сердце хочет жить жизнию падения, к умерщвлению которой стремится вера: плоть и кровь, несмотря на предстоящий им ежечасно гроб, также хотят жить жизнию своею, жизнию тления и греха.

Потому-то Господь возвестил всем желающим сопричислиться и последовать Ему живою верою: *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю: и иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю*[2].

Падение столько усвоилось всему существу человеческому, что отвержение этого падения соделалось отвержением как бы жизни. Без этого отвержения невозможно стяжать веры — залога вечной, блаженной, духовной жизни; кто ж захочет оживить страсти сердца или тела, наслаждаться ими, захочет оживить свой разум падший, тот отпадает от *веры.*

Живая вера — шествие в мир духовный, в мир Божий. Не может пребывать она в том, кто пригвожден к миру дольнему, где господствуют плоть и грех.

Вера — дверь к Богу. Нет другой двери к Нему: *без веры невозможно угодити Богу*[3]. Эта дверь постепенно отворяется пред тем, кто очищает себя непрестанным покаянием; широко отверста она пред чистым сердцем; затворена она для грехолюбца.

Только *верою* можно приступить ко Христу; только *верою* можно последовать Христу.

Вера — естественное свойство души человеческой, насажденное в ней милосердым Богом при сотворении ее[4]. Это естественное

---

[1] *Ибо всякий, делающий злое, ненавидит Свет и не идет к Свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде, идет к Свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны* (Ин. 3. 20–21). ‖ [2] *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною: ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее* (Мф. 16. 24–25). ‖ [3] *Без веры угодить Богу невозможно* (Евр. 11. 6). ‖ [4] Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово о вере. Добротолюбие. Ч. 1.

свойство избрано Богом при искуплении, как ветвь из ветвей древа, для привития к нему благодати.

Справедливо избрана Богом *вера* в орудие спасения человеков: мы погибли, поверив льстивым словам врага Божия и нашего. Раздался некогда в раю шум слов из уст злодея, вняли им наши праотцы, поверили — и были изгнаны из рая; теперь, в юдоли изгнания, раздается для потомков их голос Слова Божия — Евангелие — и снова входят в рай те, которые внимают и *веруют Евангелию*.

Неверующий! обратись от неверия твоего. Грешник! обратись от греховной жизни твоей. Мудрец! обратись от ложной мудрости твоей! Обратитесь! вашим незлобием и нелукавством сделайтесь подобными детям, с детскою простотою уверуйте в Евангелие.

Вера мертвая, признание Христа одним невольным умственным убеждением может быть и принадлежностию бесов! Такая вера послужит верующему только к большему осуждению его на Суде Христовом. *Остави, что нам и Тебе, Иисусе Назарянине?* — вопиял дух нечистый Господу. — *Пришел еси погубити нас: вем Тя, Кто еси, Святый Божий*[1]. *Вера* в Евангелие должна быть *живая*; должно *веровать* умом и сердцем, *исповедовать веру* устами, *выражать, доказывать ее* жизнию. *Покажи ми веру твою от дел твоих*[2], говорит Апостол хвалящемуся одною мертвою верою, одним голым знанием бытия Божия.

«Вера, — сказал преподобный Симеон Новый Богослов, — в обширном значении этого слова, заключает в себе все Божественные Христовы заповеди: она запечатлена убеждением, что в заповедях нет ни одной черты, которая не имела бы значения, что в них все, до последней йоты, — жизнь и причина жизни вечной»[3].

Веруй в догматы, проповедуемые Евангелием, разумей и исповедуй их по точному учению Православной Восточной Церкви, которая одна содержит евангельское учение во всей чистоте его и правильности.

Веруй таинствам, установленным в Церкви Самим Господом, хранимым Восточною Церковию во всей полноте их.

Веруй святым, животворящим евангельским заповедям, правильное исполнение которых возможно только в недре истинной Церкви, исполнение которых составляет так называемую святыми Отцами деятельную *веру Христианина*[4].

---

[1] *Оставь, что Тебе до нас, Иисус Назарянин! Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, Кто Ты, Святый Божий* (Мк. 1. 24). ‖ [2] *Покажи мне веру твою от дел твоих* (Иак. 2. 18). ‖ [3] Слово 3. Издание Оптиной Пустыни, 1852 года. С. 42. ‖ [4] Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 16. Добротолюбие. Ч. 2.

В догматах — Богословие, преподанное Самим Богом. В отвержении догматов — богохульство, называемое неверием; в искажении догматов — богохульство, называемое ересью.

Когда ум, еще не очищенный покаянием, еще блуждающий в области и мраке падения, еще не просвещенный и не водимый Духом Святым, дерзнет сам собою, собственными болезненными силами из мрака гордыни рассуждать о Боге, тогда он непременно впадает в заблуждение. Такое заблуждение — богохульство. О Боге мы можем знать только то, что Он по великому милосердию Своему открыл нам.

Таинствами Христианской Церкви верующий приводится в соединение с Божеством, в чем — существенное спасение, запечатление *веры* делом *веры*, принятие отселе залога вечных благ.

Отрекающийся от диавола, греха и мира для *веры* во Христа умирает для жизни естества падшего, которою он жил доселе в неверии и греховности; погружаясь в купель крещения, он погребается для этой жизни; он выходит из купели уже рожденным для новой жизни, жизни во Христе.

Крещением христианин сочетавается Христу, облекается во Христа; причащением Святых Христовых Таин соединяется со Христом. Таким образом, посредством Таинств, он бывает весь Христов.

Крещенный во Христа уже не живет как самобытное существо, но как заимствующее всю полноту жизни от другого существа — от Христа. *Несте свои*, говорит Апостол христианам, *куплени бо есте ценою. Телеса ваша уды Христовы суть. Прославите Бога в телесех ваших, и в душах ваших, яже суть Божия*[1].

Исполнением животворящих заповедей евангельских поддерживается соединение христианина со Христом[2]. Иначе не может член Христов пребывать в единении со Христом, как действуя из Его воли, из Его разума. И воля и разум Христовы изображены в евангельских заповедях.

Свойственно каждому существу действовать, внутри и вне себя, сообразно естеству своему. Так и облеченному во Христа, новому человеку свойственно мыслить, чувствовать, действовать, как мыслит, чувствует, действует Христос. Водиться мыслями, чувствованиями ветхого человека, хотя б по наружности и добрыми, ему противоестественно.

---

[1] *Вы не свои, вы куплены дорогою ценою. Тела ваши суть члены Христовы. Прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии* (1 Кор. 6. 19, 15, 20). ‖ [2] Ин. 15. 10.

Руководителем христианина должен быть Дух Святой, как руководители ветхого человека — плоть, кровь и дух лукавый. *Бысть первый человек Адам в душу живу, последний Адам в Дух Животворящ*[1]. Все помышления, чувствования, действия христианина должны проистекать от Святого Духа, а не быть собственными, душевными, по естеству ветхого Адама. Ты достигнешь этого, когда будешь всецело располагать жизнь по заповеданиям Евангелия, по святейшим словам его: *глаголы, яже Аз глаголах вам*, говорит Господь, *Дух суть и живот суть*[2].

Православная вера во Христа, запечатленная Таинством Крещения, одна достаточна для спасения, без дел, когда совершить их человек не имеет времени: потому что *вера* заменяет человека Христом, а добрые дела человеческие заслугами Христовыми.

Но при продолжении земной жизни непременно требуются дела. Только те дела в христианине признаются делами добрыми, которые служат исполнением евангельских заповедей, которыми питается, живет его *вера*, которыми поддерживается его жизнь во Христе: потому что единым деятелем в христианине должен быть Христос.

Крещеный не имеет права поступать по влечению сердечных чувств, зависящих от влияния на сердце плоти и крови, как бы ни казались эти ощущения добрыми: от него принимаются только те добрые дела, к совершению которых возбуждают сердце Дух Божий и Слово Божие, которые принадлежат естеству, обновленному Христом.

Праведник от веры жив будет[3]. Истинная вера во Христа есть единственное средство спасения, но *вера* живая, выражаемая всем существом человека.

Этой *живой веры* требует от христианина святой апостол Иаков, когда он возвещает, что вера без дел мертва, что от дел совершается вера[4].

Противность дел *вере* обличает другие верования, тайно и преступно гнездящиеся в сердце человеческом.

Восхваляя дело патриарха Авраама, святой Иаков восхваляет дело его *веры* — принесение в жертву сына по повелению Божию, дело, прямо противоположное свойствам естества падшего, называемым добрыми. Силу совершить это дело дала *вера*, а дело выра-

---

[1] *Первый человек Адам стал душею живущею; а последний Адам есть Дух Животворящий* (1 Кор. 15. 45). ‖ [2] *Слова, которые Я говорю вам, суть дух и жизнь* (Ин. 6. 63). ‖ [3] *Праведный верою жив будет* (Евр. 10. 38). ‖ [4] Иак. 2. 17, 22.

зило силу *веры*: так объясняется сущность поступка Авраамова, истолкованного двумя апостолами, Иаковом и Павлом[1].

Слепы те, которые дают важную цену так называемым ими добрым делам естества падшего. Эти дела имеют свою похвалу, свою цену во времени, между человеками, но не пред Богом, пред Которым *вси уклонишася, вкупе непотребни быша*[2]. Уповающие на добрые дела естества падшего не познали Христа, не поняли таинства искупления, увязают в сетях собственного лжеумствования, воздвигая против своей полумертвой и колеблющейся веры нелепое возражение: «Неужели Бог так неправосуден, что добрых дел, совершаемых идолопоклонниками и еретиками, не вознаградит вечным спасением?» Неправильность и немощь своего суда эти судьи переносят на Суд Божий.

Когда б добрые дела по чувствам сердечным доставляли спасение, то пришествие Христово было бы излишним, искупление человечества страданиями и крестною смертию Богочеловека ненужным, заповеди евангельские были бы не нужны. Очевидно, что признающие спасение возможным при одних делах падшего естества уничтожают значение Христа, отвергают Христа.

Беззаконно вооружались против веры иудеи, требуя от верующих исполнения обрядовых постановлений ветхого закона; беззаконно сыны враждебного Богу мира, чуждые таинственного и вместе существенного познания Христа, требуют от верующих во Христа добрых дел по разуму и чувствам естества падшего.

У верующего во Христа обнажен против чувств сердечных меч Христов, и он насилует свое сердце, посекая мечом послушания Христу не только явные порочные стремления, но и те стремления, которые по-видимому кажутся добрыми, по самой же вещи противоречат евангельским заповедям. А такова вся деятельность человека, направленная по влечениям естества падшего.

Дела мнимо добрые по влечению падшего естества растят в человеке его *я*, уничтожают веру во Христа, враждебны Богу; дела *веры* умерщвляют самость в человеке, растят в нем *веру*, возвеличивают в нем Христа.

Аще исповести усты твоими Господа Иисуса, научает Апостол, *и веруеши сердцем твоим, яко Бог воскреси того из мертвых, спасешися. Сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во Спасение*[3].

---

[1] Иак. 2. 21–23; Рим. 4. 1, 3. ‖ [2] *Все совратились с пути, до одного негодны* (Рим. 3. 12). ‖ [3] *Если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься; потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10. 9–10).

Истинная живая вера, лишь человек исповедует ее устами, доставляет ему спасение. Доставила она спасение разбойнику на кресте; доставила она спасение посредством покаяния многим грешникам в последние, предсмертные минуты их жизни.

Так важно, необходимо для спасения *исповедание устами веры* сердечной и убеждения душевного, что святые мученики всех веков христианства, начиная с самих Апостолов Христовых, соглашались лучше претерпеть ужасные и продолжительные страдания, пролить кровь свою, как воду, нежели произнести отречение от Христа, даже только притворно, одними устами, без участия сердечного.

Бог требует от человека для его спасения одной *живой, истинной веры*. Она, как залог спасения и вечного блаженства, должна быть для христианина дороже его земной жизни.

Мученичество было плодом истинного Богопознания, даруемого верою.

Мученичество было делом *веры*. Это дело похулили и хулят те, которые высоко ценят дела падшего естества человеческого: они в ослеплении своем называют этот великодушный, святейший подвиг, дарованный человечеству Богом, следствием умоисступления.

Так важна каждая мысль богопреданных догматов, что святые исповедники, подобно мученикам, запечатлели православное исповедание догматов томительными страданиями и потоками крови.

По важности веры в деле спасения, и грехи против нее имеют особенную тяжесть на весах правосудия Божия: все они смертные, то есть с ними сопряжена смерть души, и последует им вечная погибель, вечная мука в адских пропастях.

Смертный грех — *неверие*: он отвергает единственное средство к спасению — веру во Христа.

Смертный грех — *отречение от Христа*: он лишает отрекающегося живой веры во Христа, являемой и содержимой исповеданием уст.

Смертный грех — *ересь*: она содержит в себе богохульство и делает зараженного ею чуждым истинной веры во Христа.

Смертный грех — *отчаяние*: он — отвержение деятельной, живой веры во Христа.

Исцеление от всех этих смертных грехов: святая, истинная, живая *вера во Христа*.

Существенно важно в делах веры исповедание уст: великий законодатель израильтян Боговидец Моисей только что произ-

нес, при деле веры, слово с некоторым признаком сомнения, как лишился входа в землю Обетованную[1].

Ученик некоторого египетского пустынножителя в беседе с евреем едва произнес, по простоте своей, двусмысленное слово о вере христианской, и немедленно отступила от него благодать крещения[2].

Церковная история повествует, что в первые времена христианства, во времена гонений, некоторые язычники притворно, в шутку и насмешку, произносили устное исповедание Христа, и внезапно осеняла их благодать Божия: они мгновенно претворялись из закоренелых язычников в ревностных христиан и запечатлевали кровью то исповедание, которое сначала произнесено было как кощунство[3].

Страдания и смерть за заповеди евангельские — также дело живой веры во Христа, также мученичество[4]. И преимущественно принадлежит это мученичество *святым инокам.*

Одушевляемые живою верою, святые, иноки, подобно Аврааму, оставляли отечество и дом родительский, подобно Моисею, предпочли земным наслаждениям страдания о Христе, подобно Илии, полуобнаженные, избрали местом жительства пустыни и вертепы, очами веры они взирали на небесное мздовоздаяние.

В пустынях своих, вдали от человеков, вдали от развлечения и занятий тленных они вступили в подвиг против греха, извергли его из действий, из помышлений, из чувствований своих, и в чистые души их нисшел Дух Святой, наполнил их дарами благодатными. Живая вера во Христа и во Евангелие даровала преподобным силу выдержать подвиг против греха, соделала их сосудами Святого Духа.

Вера — мать терпения, мать мужества, сила молитвы, руководительница к смирению, подательница надежды, лествица к престолу любви.

Вера во Христа, являемая и исповедуемая видимо и невидимо исполнением заповедей Христовых, содержит невредимым залог спасения, а тем, которые оставили мир для того, чтоб всецело посвятить себя евангельской деятельности, доставляет христианское совершенство.

В достигших христианского совершенства усиленная вера, по действию Святого Духа, взирает с особенною ясностию на обето-

---

[1] Чис. 20. 10–12. ‖ [2] Житие преподобного Паисия Великого. Четьи-Минеи, 19 июня. ‖ [3] Страдание святого мученика Филимона. Четьи-Минеи, 14 декабря. ‖ [4] Преподобный Симеон Новый Богослов. Гл. 1. Добротолюбие. Ч. 1.

вания Божии, как бы видит, как бы осязает вечные блага. И бывает она, по учению Апостола, в полном смысле *уповаемых извещение, вещей обличение невидимых*[1].

Обогатившиеся живою верою во Христа изменяются в отношении к видимому миру и земной жизни: закон и приговор тления, изменения и конца в тленных предметах видимого мира делается для чистых взоров их очевидным; земные преимущества, как маловременные, пред этими чистыми взорами ничтожны.

Обогатившиеся живою верою во Христа перелетают, как крылатые, чрез все скорби, чрез все затруднительнейшие обстоятельства. Упоенные верою во всесильного Бога, они в труде не видят труда, в болезнях не ощущают болезней. Они признают единым деятелем во вселенной Бога, они соделали Его *своим* живою верою в Него.

Верующий во Христа если и умрет смертию греховною, то опять оживет покаянием[2]. И видим многих из святых, ниспавших с высоты святости в бездну тяжких грехов, потом, при помощи веры и внушаемого ею покаяния, высвободившихся из смрадной и темной бездны, восшедших снова на высоту чистоты и святости.

Отчаяние — обличитель предваривших в сердце неверия и самости: верующий в себя и уповающий на себя не восстанет из греха покаянием; восстанет им верующий во Христа, всесильного Искупителя и Врача.

Вера от слуха[3]: слушай Евангелие, говорящее тебе, и святых Отцов, объясняющих Евангелие; слушай их внимательно, и мало-помалу вселится в тебя *живая вера*, которая потребует от тебя исполнения евангельских заповедей, за это исполнение наградит надеждою несомненного спасения. Она соделает тебя на земле последователем Христовым, сонаследником Его на небе. Аминь.

О евангельских заповедях

Спаситель мира Господь наш Иисус Христос, приступая к изложению Своих всесвятых заповедей, сказал: *Не мните, яко приидох раззорити Закон и Пророки: не приидох раззорити, но исполнити*[4].

Каким образом Господь исполнил Закон и Пророков? Запечатлев прообразовательные жертвы принесением Себя в жертву за человечество; заменив тени и гадания Ветхого Завета благодатию

---

[1] *...осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом* (Евр. 11. 1). ‖ [2] Ин. 1. 25. ‖ [3] *Вера от слышания* (Рим. 10. 17). ‖ [4] *Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или Пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5. 17).

и истиною Нового Завета; удовлетворив предречениям пророческим совершением их; дополнив нравственный закон столько возвышенными постановлениями, что закон этот, пребывая непременным, вместе и изменился по причине высоты новых постановлений. Так изменяется дитя, достигши мужеского возраста и оставаясь тем же человеком.

Отношение Ветхого Завета к человеку можно уподобить духовному завещанию на наследство, причем обыкновенно прилагается подробное описание наследства со всеми нужными измерениями и исчислениями, с планами угодий, с рисунками строения; отношение Нового Завета можно уподобить введению во владение наследством. Там все изложено и изображено на бумаге; здесь все предоставляется существенно, на деле.

Чем отличаются заповеди Евангелия от заповедей Моисеева десятисловия? Последние не допускали падшего человека впасть в состояние решительно противоестественное, но и не могли возвести к тому состоянию непорочности, в которой человек был сотворен. Заповеди десятисловия сохраняли в человеке способность к принятию заповедей Евангелия[1]. Заповеди Евангелия возводят в непорочность, превысшую той, в которой мы сотворены: они зиждут христианина в храм Божий[2]; соделав его храмом Божиим, поддерживают в этом благодатном, сверхъестественном состоянии[3].

Святые апостолы Петр и Павел были точными исполнителями закона Моисеева по особенной любви к Богу[4]. Чистота направления и непорочность жизни соделали их способными уверовать в Искупителя и быть Его апостолами. Оказывались часто способными к вере явные грешники, нисшедшие грехами своими к подобию скотов и зверей, но сознавшиеся в грехах и решившиеся принести в них покаяние. Наименее способными оказались те грешники, которые самомнением и гордостию уподобились бесам и, подобно бесам, отвергли сознание в греховности и покаяние[5].

Господь наименовал все учение Свое, все Слово Свое и все слова Свои *заповедями*[6]. *Глаголы*, сказал Он, *яже Аз глаголах вам, Дух суть и живот суть*[7]. Они плотского человека претворяют в духовного, мертвого воскрешают, потомка ветхого Адама соделывают потомком Нового Адама, сына человеческого по естеству — сыном Божиим по благодати.

---

[1] Ин. 3. 21. ‖ [2] Ин. 14. 23. ‖ [3] Ин. 15. 10. ‖ [4] Деян. 10. 14 и проч.; Флп. 3. 5–6. ‖ [5] Мф. 1. 31–32. ‖ [6] Ин. 14. 21, 23. ‖ [7] *Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь* (Ин. 6. 63).

Заповедь Нового Завета, объемлющая все прочие частные заповеди, — Евангелие. *Исполнися время, приближися Царствие Божие: покайтеся и веруйте во Евангелие*[1].

Господь назвал Свои частные заповеди малыми по простоте и краткости изложения, по причине которого они удобоприступны для каждого человека. Назвав их малыми, Господь возвестил, однако ж, что нарушитель одной такой заповеди *мний наречется в Царствии Небеснем*[2], то есть лишится этого Царства[3].

Устрашимся определения Господня! Рассмотрим Евангелие; заметим в нем все заповедания Господа нашего, внедрим их в памяти для тщательного и неупустительного исполнения их; уверуем живою верою во Евангелие.

Первая заповедь, данная вочеловечившимся Господом человечеству, есть заповедь о покаянии. Святые Отцы утверждают, что покаяние должно быть и началом благочестивой жизни, и душою ее во все продолжение ее[4]. Без покаяния невозможно ни признать Искупителя, ни пребывать в исповедании Искупителя. Покаяние есть сознание своего падения, соделавшего естество человеческое непотребным, оскверненным и потому постоянно нуждающимся в Искупителе. Искупителем, всесовершенным и всесвятым, заменяется падший человек, исповедующий Искупителя.

Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже есть на небесех[5], сказал Господь ученикам Своим, заповедав им вместе творить все добродетели тайно и предвозвестив, что они будут ненавидимы и поносимы человеками[6]. Как же исполнить нам эту заповедь Господа, совершая наши добрые дела тайно? — Мы стяжем возможность исполнить ее именно тогда, когда отречемся от искания собственной славы, когда отречемся от мнимо-добрых действий из своего падшего естества, из себя, а будем действовать для славы Божией, из Евангелия[7]. *Кийждо, якоже прият дарование*, говорит святой апостол Петр, *между себе сим служаще, яко добрии строителие различныя благодати Божия. Аще кто глаголет, яко словеса Божия: аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог: да о всем славится Бог Иисус*

[1] *Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1. 15). ‖ [2] *Малейшим наречется в Царстве Небесном* (Мф. 5. 19). ‖ [3] Благовестник. ‖ [4] Преподобный Марк Подвижник. Слово 1. О покаянии. ‖ [5] *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5. 16). ‖ [6] Мф. 6. 1–19; Лк. 21. 17. ‖ [7] Благовестник.

Христом, Емуже есть слава и держава во веки веков[1]. Те, которые, забыв свою славу, единственно ищут того, чтоб прославился Бог и был познан человеками, прославляются Богом. *Токмо прославляющыя Мя прославлю*[2]; *аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой*[3], сказал Господь. Совершающий тайно свои добрые дела, исключительно с целию богоугождения, будет прославлен в назидание ближних по устроению о нем Промысла Божия.

Аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное[4]. Правда книжников и фарисеев удовлетворялась изучением Закона Божия по букве, за которым не следовало изучение его жизнию, за которым, напротив того, следовала жизнь, противная Закону Божию. Остающиеся при одном изучении Закона Божия по букве впадают по причине такого поверхностного знания в гордость и самомнение, как замечает преподобный Марк Подвижник[5] и как случилось с книжниками и фарисеями. Заповеди Божии, которые существенно постигаются от исполнения их[6], пребыли сокрытыми для фарисеев. Душевные очи, просвещаемые заповедями[7], когда они исполняются, не просветились у фарисеев. Они, от деятельности, противной Закону Божию, стяжали о Законе Божием превратное понятие и по причине Закона Божия, долженствовавшего приблизить и усвоить их Богу, удалились от Бога, соделались врагами Бога. Каждая заповедь Божия есть священная тайна: открывается она исполнением ее и по мере исполнения ее.

Ветхий Завет воспрещал грубые последствия гнева: Господь воспретил самое сердечное действие страсти[8]. Воспрещение произнесено Господом, и потому оно имеет необыкновенную силу. От одного воспоминания кратких и простых слов заповеди страсть изнемогает. Такое действие замечается во всех евангельских заповедях. Господь первые слова Свои устремил против гнева как главной греховной язвы, главной страсти, противоположной двум главным добродетелям: любви к ближнему и смирению. На этих двух добродетелях основано все здание христианской деятельности.

---

[1] *Служите друг другу каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией. Говорит ли кто, говори как слова Божии; служит ли кто, служи по силе, какую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог чрез Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков* (1 Пет. 4. 10–11). ‖ [2] *Я прославлю прославляющих Меня* (1 Цар. 2. 30). ‖ [3] *Кто Мне служит, того почтит Отец Мой* (Ин. 12. 26). ‖ [4] *Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5. 20). ‖ [5] Слово 4. ‖ [6] Преподобный Марк Подвижник. О законе духовном. Гл. 32. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [7] Пс. 18. 9. ‖ [8] Мф. 5. 21–22.

Коснение страсти гнева в человеке отнимает у него всю возможность к духовному преуспеянию.

Господь заповедал всеусиленное хранение мира с ближними[1], как и Апостол сказал: *Аще возможно еже от вас, со всеми человеки мир имейте*[2]. Не трудись над разбором, кто прав и кто виноват, ты ли или ближний твой: постарайся обвинить себя и сохранить мир с ближним при посредстве смирения.

Закон Моисеев воспрещал прелюбодеяние — Господь воспретил плотское вожделение[3]. Как сильно действует это воспрещение на падшее естество! Хочешь ли воздержаться от нечистых взоров, помыслов и мечтаний? Вспоминай в то время, как они начнут действовать, изречение Господа: *Всяк, иже воззрит на жену* телесными очами или умом на ее образ, представленный мечтанием, *ко еже возделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем*[4].

Между телами двух полов существует естественное влечение друг к другу. Это влечение действует не равно. К иным телам другого пола человек почти вовсе не чувствует влечения, к другим слабое, к некоторым весьма сильное. Господь заповедал удаляться от сближения с лицами, к которым ощущается особенное естественное влечение, как бы лица ни были достойны дружбы нашей по своим похвальным душевным качествам, как бы ни были нужны и полезны нам. Такое значение имеет заповедь об извержении десного, соблазняющего ока и об отсечении десной, соблазняющей руки[5].

Господь воспретил развод, допускавшийся Законом Моисея, за исключением тех случаев, когда брак будет уже расторгнут беззаконно прелюбодеянием которой-либо половины[6]. Расторжение брака дозволено было человеческому естеству, униженному падением; по обновлении человечества Богочеловеком восстановлен закон, данный естеству в его состоянии непорочности[7].

Господь восстановил девство, предоставив сохранять его произволяющим[8].

Господь воспретил употреблять клятву. Справедливо замечают Отцы, что никто не заслуживает меньше вероятия, как тот, кто употребляет часто клятву; напротив того, никому столько не верят, как постоянно говорящему правду, хотя бы он и не употреблял клятвы. Говори правду, и не понуждаешься в божбе, которая, буду-

---

[1] Мф. 5. 23. ‖ [2] *Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12. 18). ‖ [3] Мф. 5. 27–28. ‖ [4] *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5. 28). ‖ [5] Мф. 5. 29–30. Благовестник. ‖ [6] Мф. 5. 31–32. ‖ [7] Мф. 19. 4–9. ‖ [8] Мф. 19. 11–12.

чи нарушением благоговения к Богу, принадлежит к начинаниям сатанинским[1].

Господь воспретил мщение, которое было установлено Моисеевым законом и которым за зло воздавалось равным злом. Оружие, данное Господом против зла, — смирение. *Аз же глаголю вам не противитися злу: но аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую: и хотящему судитися с тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу*[2].

Господь завещал любовь к врагам и для стяжания этой любви повелел благословлять клянущих, творить добро ненавидящим и молиться за причиняющих напасти, за подвергающих изгнаниям[3]. Любовь ко врагам доставляет сердцу полноту любви. В таком сердце вовсе нет места для зла, и оно уподобляется благостию своею всеблагому Богу. К этому изящному нравственному состоянию Апостол приглашает христиан, когда говорит: *Облецытеся убо, яко избраннии Божии, святи и возлюбленни, во утробы щедрот, благость, смиренномудрие, кротость и долготерпение: приемлюще друг друга, и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение: якоже и Христос простил есть вам, тако и вы*[4]. Совершенною любовию к ближним доставляется усыновление Богу[5], то есть благодать Святого Духа привлекается в сердце, и изливается в него всесвятая любовь к Богу.

Сердце, зараженное злобою и не способное к заповедуемой Евангелием любви к врагам, должно врачевать теми средствами, на которые указал Господь: должно молиться за врагов, отнюдь не осуждать их, не подвергать злоречию, говорить о них доброе, по силе благодетельствовать им. Эти действия погашают ненависть, когда она возгорится в сердце, содержат ее постоянно обузданною, значительно ослабляют ее. Но полное искоренение злобы совершается действием Божественной благодати.

Подающим милостыню Господь заповедал подавать ее втайне; упражняющимся в молитве повелел молиться в уединении замкнутой клети; постящимся повелел скрывать пощение[6]. Добродетели эти должны быть совершаемы единственно с целию угождения Богу, с целию пользы ближнего и души своей. Не только от взоров челове-

[1] Мф. 5. 33–37. Благовестник. ‖ [2] *А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду* (Мф. 5. 39–40). ‖ [3] Мф. 5. 44. ‖ [4] *Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы* (Кол. 3. 12–13). ‖ [5] Мф. 5. 45. ‖ [6] Мф. 6. 18.

ческих должно быть утаено наше духовное сокровище, но и от собственной нашей *шуйцы*[1]. Похвала человеческая окрадывает наши добродетели, когда совершаем их явно, когда не стараемся скрывать их, — и мы неприметным образом увлекаемся к человекоугодию, лукавству, лицемерству. Причиною этого — повреждение наше грехом, болезненное состояние душ наших. Как недугующее тело нуждается в осторожности от ветров, холода, различных яств и напитков, так и недугующая душа нуждается в многообразном хранении. Охраняя наши добродетели от повреждения похвалами человеческими, мы должны охранять их и от живущего в нас зла, этой шуйцы нашей, не увлекаться помыслами и мечтаниями тщеславными, тщеславною радостию и тщеславным услаждением, которые являются в нас по совершении добродетели, отнимают у нас плод ее.

Господь заповедал нам прощать ближним нашим согрешения их против нас: *Аще бо отпущаете*, сказал Он, *человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный. Аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш* Небесный *отпустит вам согрешений ваших*[2]. Из этих слов Господа вытекает само собою заключение, что верный признак отпущения нам грехов состоит в том, когда мы ощутим в сердце нашем, что мы точно простили ближним все согрешения их против нас. Такое состояние производится, и может быть произведено, единственно Божественною благодатию. Оно — дар Божий. Доколе мы не сподобимся этого дара, будем, по завещанию Господа, пред каждою молитвою нашею рассматривать нашу совесть и, находя в ней памятозлобие, искоренять его вышеуказанными средствами, то есть молитвою за врагов и благословением их[3]. Когда ни вспомним о враге нашем — не допустим себе никакой иной мысли о нем, кроме молитвы и благословения.

Ближайшим ученикам и последователям Своим Господь заповедал нестяжание. *Не скрывайте себе сокровищ на земли*[4]. *Продадите имения ваша и дадите милостыню. Сотворите себе влагалища неветшающа, сокровище неоскудеемо на небесех, идеже тать не приближается, ни моль растлевает: идеже бо сокровище ваше, ту и сердце ваше будет*[5]. Чтоб стяжать любовь к предметам духов-

---

[1] *...правой руки* (Мф. 6. 3). ‖ [2] *Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6. 14–15). ‖ [3] Мк. 11. 25. ‖ [4] *Не собирайте себе сокровищ на земле* (Мф. 6. 19). ‖ [5] *Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается, и где моль не съедает; ибо, где сокровище ваше, там и сердце ваше будет* (Лк. 12. 33–34).

ным и небесным, должно отречься от любви к предметам земным; чтоб полюбить отечество, необходимо отказаться от болезненной любви к стране изгнания.

Господь дал заповедь о хранении ума, заповедь, о которой человеки обыкновенно не заботятся, даже не знают о существовании ее, о ее необходимости и особенной важности[1]. Но Господь, назвав ум оком души, возвестил: *Аще убо будет око твое просто, все тело твое светло будет. Аще ли око твое лукаво будет, все тело твое темно будет.* Телом названо здесь жительство. Жительство заимствует свое качество от руководящего жительством образа мыслей. Мы стяжаваем правильный образ мыслей по причине здравия, целости или простоты ума нашего, когда он всецело последует Истине, не допуская в усвоение себе никакой примеси из области лжи. Иначе: здравым может назваться только тот ум, который, помощию и действием Святого Духа, вполне и неуклонно последует учению Христову. Большее или меньшее уклонение от учения Христова обличает большую или меньшую болезненность ума, утратившего простоту, допустившего сложность. Полное уклонение ума от учения Христова есть смерть его. Тогда свет этот признается угасшим, престает быть светом, соделывается тьмою. Деятельность человека всецело зависит от того состояния, в котором находится ум его: деятельность, истекающая из здравого ума, вполне богоугодна; деятельность, зависящая от ума, допустившего в себя примесь, частию богоугодна, частию противна Богу; деятельность ума, омрачившегося учением лжи, отвергшего учение Христово, вполне непотребна и мерзостна. *Аще свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми?*

Господь воспретил суетные попечения, чтоб они не рассеивали нас и не ослабляли существенно нужного попечения о стяжании Небесного Царства[2]. Суетное попечение есть не что иное, как недуг души, выражение ее неверия. Потому-то Господь и сказал: *Маловери! не пецытеся душею вашею, что ясте, или что пиете: ни телом вашим, во что облечетеся*[3]. Возненавидь ненавистную Богу праздность, возлюби возлюбленный Богу труд, но души твоей не расслабляй пустою заботливостию, всегда бесполезною и излишнею. Чтоб ты был тверд душою и ревностен в деле Божием, в деле твоего спасения, Господь дал обетование доставлять тебе все потребное

---

[1] Мф. 6. 22–23; Лк. 11. 34–36. ‖ [2] Мф. 6. 24–34. ‖ [3] *Маловеры! Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, или для тела вашего, во что одеться* (Мф. 6. 30 и 25).

для временной жизни Своею всемогущею десницею, то есть Своим Божественным Промыслом[1].

Господь воспретил не только *осуждать* ближних, но и *судить* их[2], когда не представляется необходимости учинить суд правильный для своей и общественной пользы. Последнего рода *суд* есть *вящшее закона*[3], по определению Господа; без такого суда добро не может быть отделенным от зла, наша деятельность не может быть правильною и богоугодною. Этот суд редко встречается между человеками; но судом и осуждением, воспрещенными Господом, они занимаются непрестанно. По какой причине? По причине совершенного невнимания себе, по причине забвения своей греховности, по причине совершенного пренебрежения покаянием, по причине самомнения и гордости. Господь пришел на землю спасти грешников, а потому от всех человеков непременно требуется сознание в греховности; *суждение* же и *осуждение* ближних есть отвержение этого сознания и присвоение не принадлежащей себе праведности; из нее-то и производится суждение и осуждение: имя лицемера для всякого судящего и осуждающего ближних есть имя самое свойственное[4].

Господь заповедал постоянную, то есть учащаемую и непрестанную, молитву. Не сказал Он, чтоб мы единовременно попросили, потом престали от прошения, но повелел просить усиленно, неотступно, соединил с повелением просить обетование услышать и исполнить прошение[5]. *Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется*[6]. Будем просить с терпением и постоянством, отрицаясь своей воли и своего разума, предоставляя всесвятой воле Божией и время, и способ исполнения, и самое исполнение просимого. Мы не постыдимся: *Бог же не имать ли сотворити отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и нощь, и долготерпя ли о них*[7], то есть замедляя исполнением прошения их. Деннонощный вопль к Господу избранных изображает постоянную, неотступную, непрестанную, усиленную их молитву.

По последствиям молитвы, которыми она увенчивается от Бога, можно и должно заключить о предметах ее. Евангелист Лука гово-

---

[1] Мф. 6. 33. ‖ [2] Лк. 6. 37; Мф. 7. 1. ‖ [3] Мф. 23. 33. ‖ [4] Мф. 7. 5. ‖ [5] Благовестник. ‖ [6] *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф. 7. 7–8). ‖ [7] *Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их?* (Лк. 18. 7).

рит, что *Бог сотворит отмщение избранных Своих*, то есть освободит их из плена, в котором мы находимся у наших страстей и у бесов. Евангелист Матфей говорит, что *Отец Небесный даст блага просящим у Него*[1]. Блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша*[2]. Опять Евангелист Лука говорит: *Отец, Иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него*[3]. Предметы молитвы нашей должны быть духовные и вечные, а не временные и вещественные. Основная и первоначальная молитва должна состоять из прошений о прощении грехов[4].

Возводя нас к совершению благости, изгоняя из нас зло, Господь, повелевший не судить и не осуждать ближних, отпускать ближним все согрешения их против нас, законополагает еще: *Вся, елика хощете да творят вам человецы, тако и вы творите им*[5]. Мы любим, чтоб ближние наши были снисходительны к нашим немощам и недостаткам, чтоб они великодушно переносили от нас оскорбления и обиды, чтоб они делали нам всевозможные услуги и одолжения: будем такими к ближним. Тогда достигнем полноты благости, соответственно которой получит особенную силу молитва наша; сила ее всегда соответствует степени благости нашей. *Отпущайте, и отпустят вам: дайте, и дастся вам. Меру добру, наткану и потрясну и преливающуся дадят на лоно ваше. Тою бо мерою, еюже мерите, возмерится вам*[6], от милосердого и в милосердии Своем правосудного Бога.

Внидите узкими враты: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им[7]. Пространная врата и широкий путь — это деятельность по воле и разуму падшего естества. Узкие врата — деятельность по евангельским заповедям. Господь, одинаково смотрящий на настоящее и будущее, видя, как немногие человеки будут последовать Его святой воле, открытой им в евангельских заповедях, предпочтут этой воле своеугодие, сказал: *Что узкая врата, и тесный путь, вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его!*[8] Ободряя и утешая Своих последователей,

---

[1] Мф. 7. 11. ‖ [2] Которых *не видел глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку* (1 Кор. 2. 9). По объяснению преподобного Симеона Нового Богослова. Слово 10. ‖ [3] *Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него* (Лк. 11. 13). ‖ [4] Святой Исаак Сирский. Слово 55. ‖ [5] *Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Мф. 7. 12). ‖ [6] *Прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какою мерою мерите, такою же отмерится и вам* (Лк. 6. 37–38). ‖ [7] *Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими* (Мф. 7. 13). ‖ [8] *Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7. 14).

Он присовокупил: *Не бойся, малое стадо: яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство*[1].

Господь повелел проводить трезвенную жизнь, непрестанно бдеть и наблюдать над собою: потому что, с одной стороны, неизвестен час посещения Господня, также час смерти нашей, нашего призвания на Суд Божий, — неизвестно, какое искушение и какая скорбь могут неожиданно возникнуть и обрушиться на нас; с другой стороны, неизвестно, какая греховная страсть может возникнуть в падшем естестве нашем, какой ков и какую сеть могут устроить для нас неусыпные враги спасения нашего — демоны. *Да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящии, и вы подобни человеком, чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут ему*[2]. *А яже вам глаголю, всем глаголю: бдите*[3].

Внемлите, завещавает Господь, *от лживых пророк, иже приходят к вам в одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы: от плод их познаете их*[4]. Лживые пророки — всегда коварны: и потому Господь заповедует по отношению к ним особенное внимание, особенную осторожность[5]. Лживые пророки познаются по плодам: по жительству своему, по делам, по последствиям, истекающим из их деятельности. Не увлекись красноречием и сладкоречием лицемеров, их тихим гласом, как бы выражением кротости, смирения и любви; не увлекись тою сладкою улыбкою, которая играет на их устах и лице, тою приветливостию и услужливостию, которая светит из взоров; не обольстись тою молвою, которую они искусно распускают о себе между человеками, — теми одобрениями, похвалами, громкими именами, которыми величает их мир: всмотрись в плоды их.

О внимающих учению Евангелия и старающихся исполнять евангельские заповеди Господь сказал, что они, *добрым сердцем и благим слышавше слово, держат, и плод творят в терпении*[6]. Он предвозвестил ученикам Своим ненависть от мира, гонения, напасти, обетовал Сам неусыпно бдеть над ними и охранять их, вос-

[1] *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство* (Лк. 12. 32). ‖ [2] *Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи; и вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему* (Лк. 12. 35–36). ‖ [3] *А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте* (Мк. 13. 37). ‖ [4] *Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их* (Мф. 7. 15–16). ‖ [5] Благовестник. ‖ [6] *Услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении* (Лк. 8. 15).

претил боязнь и малодушие, повелел: *В терпении вашем стяжите души ваша*[1]. В постоянном уповании на Бога надо великодушно претерпевать скорби от страстей, возникающих из падшего естества, от братий — человеков, от врагов — демонов: *претерпевый до конца, той спасется*[2].

Находящиеся в тяжком рабстве греха, под владычеством ожесточенного, каменносердечного фараона, под непрестанными и мучительными ударами лютых приставников, при столпотворении, затеваемом гордынею мира! Вас призывает Спаситель к духовной свободе. *Приидите ко Мне*, говорит Он, *вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе, и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть*[3]. Иго и бремя Христово — *евангельские заповеди.* Они требуют самоотвержения, и потому названы игом, но освобождают и оживляют душу, наполняют ее неизъяснимым спокойствием и наслаждением, и потому названы игом благим и легким. Каждая из них благоухает кротостию и смирением, сообщает эти добродетели исполнителю заповеди. Навык к исполнению евангельских заповедей соделывает кротость и смирение свойством души. Тогда Божественная благодать вводит в душу духовную кротость и духовное смирение действием превышающего ум мира Христова.

Все частные заповеди Свои Господь совместил в две главные: в заповедь любви к Богу и в заповедь любви к ближнему. Эти заповеди Господь изобразил так: *Слыши, Исраилю, Господь Бог ваш, Господь един есть: И возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею: сия есть первая заповедь. И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе*[4]. *В сию обою заповедию весь Закон и Пророцы висят*[5]. Делается человек способным к любви Божией от исполнения любви к ближнему; в состояние же стремления всем существом к Богу возводится молитвою.

---

[1] *Терпением вашим спасите души ваши* (Лк. 21. 19). ‖ [2] *Претерпевший же до конца спасется* (Мф. 24. 13). ‖ [3] *Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11. 28–30). ‖ [4] *«Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею»: вот первая заповедь! Вторая подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»* (Мк. 12. 29–31). ‖ [5] *На сих двух заповедях утверждается весь Закон и Пророки* (Мф. 22. 40).

Исполнение *евангельских заповедей* увенчивается соединением человека с Богом. Когда ученик Христов исцелится от злобы на ближнего и действием умной и сердечной молитвы направит все силы души и тела к Богу, тогда он признается любящим Бога. *Любяй Мя*, говорит Спаситель, *возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам. Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим*[1].

Условие пребывания в любви Божией и в соединении с Богом заключается в соблюдении евангельских заповедей. Нарушением их расторгается условие: нарушитель извергается из объятий любви и от лица Божия во тьму кромешную — в область страстей и бесов. *Аще заповеди Моя соблюдете*, сказал Господь, *пребудете в любви Моей. Будите во Мне, и Аз в вас. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон*[2].

Братия! Изучим всемогущие животворящие заповеди великого Бога нашего, Создателя и Искупителя: изучим их сугубым изучением — в книге и жизнию. Во Святом Евангелии они прочитываются, но уразумеваются по мере исполнения их на деле. Сотворим брань с нашим падшим естеством, когда оно воспротивится и вознеистовится, не желая покориться Евангелию. Не устрашимся, если эта брань будет тяжкою и упорною. Тем с большим усилием постараемся одержать победу. Победа должна последовать непременно: брань заповедана, победа обетована Господом. *Царствие Небесное*, сказал Он, *нудится, и нуждницы*, то есть насилующие свое естество, *восхищают е*[3]. Аминь.

О евангельских блаженствах[4]

От исполнения евангельских заповедей являются в душе ощущения, чуждые естеству падшему и незнакомые ему. *Рожденное от Духа дух есть*[5]; а как заповеди Христовы суть *Дух*[6], то и ощущения, производимые ими, суть ощущения *духовные*.

Какое первое ощущение является в душе от исполнения евангельских заповедей? — *Нищета духа*.

---

[1] *Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам. И Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14. 21, 23). ‖ [2] *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, и Я в вас. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон* (Ин. 15. 10, 4, 6). ‖ [3] *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11. 12). ‖ [4] Заимствовано из Отеческих писаний, преимущественно же из 1-й книги священномученика Петра Дамаскина. Добротолюбие. Ч. 3. ‖ [5] *Рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3. 6). ‖ [6] Ин. 6. 63.

Едва христианин захочет осуществлять в действиях своих, внешних и внутренних, евангельские заповеди, как увидит поврежденную свою природу, восстающую против Евангелия, упорно противодействующую Евангелию.

Христианин при свете Евангелия видит в себе падение человечества.

От этого зрения естественно рождается смиренное понятие о себе, называемое в Евангелии *нищетою духа*[1].

Нищета духа — блаженство, первое в евангельском порядке, первое в порядке духовного преуспеяния, первое состояние духовное, первая ступень в лествице блаженств.

Всякое ощущение и состояние, принадлежащие естеству обновленному, составляют по необходимости и блаженство, как проявление в душе Небесного Царства, как залог спасения, как предощущение вечного блаженства.

О нищете духа сказал святой Давид: *Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[2].

Нищета духа — соль для всех духовных жертв и всесожжений. Если они не осолены этой солию — Бог отвергает их.

Зрение падения своего уже есть блаженство для падшего человека.

Видящий падение свое способен признать необходимость спасения, Спасителя, — способен уверовать в Евангелие живою верою.

Такое состояние — дар благодати, действие благодати, ее плод, а потому и блаженство.

Нищему свойственно печалиться о нищете своей.

Нищета духа рождает следующее за ним блаженство: *плач*.

Плач — благочестивая печаль верной души, глядящейся в зеркало Евангелия, видящей в этом зеркале бесчисленные свои греховные пятна.

Такая душа омывает свои пятна святою водою — слезами; стирает пятна святою печалию.

Несказанное утешение, несказанная легкость проливаются в сердце после пролития спасительных слез о грехах, о падении, — слез, являющихся по причине ощущения нищеты духовной.

Если здесь, на земле, благочестивый плач доставляет такое несравнимое духовное утешение, — какое же он приготовит блаженство в будущем веке?

---

[1] Мф. 5. 3. ‖ [2] *Жертва Богу дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50. 19).

Христос произнес приговор о благочестиво плачущих: *блаженни плачущии*[1].

Ты сделал грехи? — Пролей слезы.

Кто занят глубоким рассматриванием самого себя, кто видит себя оскверненным бесчисленными грехами, кто признает себя достойным вечной муки и уже оплакивает, как присужденного к ней, тот мало видит или вовсе не видит недостатков в ближнем, удобно извиняет те недостатки, которые видит, — охотно, от сердца прощает все обиды и оскорбления.

Состояние души, при котором устра́нены из нее гнев, ненависть, памятозлобие и осуждение, есть новое блаженство: оно называется *кротость*.

Блаженни кротции[2], возвестил Спаситель, *яко тии наследят землю*.

Какая это земля?.. После падения Бог назвал землею Адама, а в Адаме назвал землею и меня: *Земля еси и в землю отъидеши*[3].

Будучи землею, я вместе с тем и лишен владения этою землею: похищают ее у меня различные страсти, в особенности насилующий и увлекающий меня лютый гнев; я лишен всей власти над собою. Кротость возвращает мне эту власть, вводит меня во владение моим наследием, моею землею, мною, моею плотию, моею кровию, моими порывами. *Кротции наследят землю, и насладятся о множестве мира*[4].

Возобладав снова землею, начинаю желать неба: вхожу в новое состояние, устрояемое во мне благодатию, в новое блаженство — начинаю *алкать и жаждать правды* Божией — не пустой человеческой[5].

Правда Божественная явилась человечеству в Божественном милосердии и повелела нам уподобиться Богу совершенным милосердием[6], не какою другою добродетелию.

Милосердие никого не осуждает, любит врагов, полагает душу за друзей, соделывает человека богоподобным. Это состояние — опять *блаженство*[7].

Сердце, объятое милостию, не может иметь никакого помышления о зле; все помыслы его — благость.

То сердце, в котором движется одно добро, есть сердце чистое, способное к Богозрению. *Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят*[8].

---

[1] *Блаженны плачущие...* (Мф. 5. 4). ‖ [2] *Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю* (Мф. 5. 5). ‖ [3] *Ты прах и в прах возвратишься* (Быт. 3. 19). ‖ [4] *Кроткие наследуют землю и насладятся множеством мира* (Пс. 36. 11). ‖ [5] Мф. 5. 6. ‖ [6] Мф. 5. 48. ‖ [7] Мф. 5. 7. ‖ [8] *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5. 8).

«Что значит чистое сердце?» — спросили одного великого наставника иночествующих. Он отвечал: «Сердце, по подобию Божества движимое безмерным чувством милости ко всем созданиям»[1].

В чистое сердце нисходит мир Божий, соединяет дотоле разъединенные ум, душу и тело, воссозидает человека, соделывает его потомком Нового Адама.

Мир Божий — удел святых Божиих: посредством святого мира христианин, совершив поприще покаяния, примиряется с Богом, со всеми обстоятельствами, со всеми ближними, с самим собою; он соделывается сыном Божиим по благодати[2].

Мир Божий сопутствуется явственным присутствием в человеке Святого Духа; он — действие, плод Святого Духа.

Стяжавший в себя мир Божий способен к прочим окончательным блаженствам: к благодушному претерпению, к претерпению с радостию поношений, клевет, изгнаний и прочих напастей.

Стяжавший мир Божий не страшится внешних волн: на весах сердца его утешение благодатное уничтожило всю ценность земного великого и сладостного, всю тягость земного скорбного и горького.

Осмотри величественную духовную лествицу блаженств евангельских, осмотри каждую ступень. Хорошо быть на высоте этой лествицы; но поистине блажен и тот, кто находится хотя на первой ее ступени.

На этой лествице скачки невозможны: непременно должно восходить со ступени на ступень.

Ведет по ним Божественная благодать: возводит человека на следующую ступень не тогда, когда он удостояет себя этого, но когда она признает его достойным.

Достойны возвышения — смиренные.

Не сочини сам себе блаженства: гордое и глупое самомнение может сочинить для человека такое блаженство, и оно в течение всей жизни будет обманывать тебя, льстить тебе — лишит истинного блага на земле и на небе.

Ищи нищеты духовной. Искание этого блаженства позволительно и похвально. Оно — основание, податель всех прочих блаженств. Когда поколеблется основание, тогда и тот, кто стоял на высшей степени духовного преуспеяния, обрушивается вниз и часто разбивается до смерти.

---

[1] Преподобный Исаак Сирский. Слово 48. || [2] Мф. 5. 9.

Обретается нищета духа изучением Евангелия, исполнением его велений, сличением своих действий и качеств с велениями Евангелия, принуждением своего сердца к великодушному перенесению обид, самоукорением, молитвою о получении сердца сокрушенного и смиренного.

Прошения гордые Бог отвергает, ненужные не исполняет, но когда Его создание просит у Него дара, существенно полезного и необходимого, — Он ниспосылает его из неоскудевающих Своих сокровищ.

Существенно полезный, необходимый для человека духовный дар от Бога — *нищета духа*. Аминь.

О любви к ближнему

Что может быть прекраснее, насладительнее любви к ближнему?

Любить — блаженство; ненавидеть — мука.

Весь Закон и Пророки сосредоточиваются в любви к Богу и ближнему[1].

Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу: потому что Христос благоволил таинственно облечься в каждого ближнего нашего, а во Христе — Бог[2].

Не подумай, возлюбленнейший брат, чтоб заповедь любви к ближнему была так близка к нашему падшему сердцу: заповедь — духовна, а нашим сердцем овладели плоть и кровь; заповедь — новая, а сердце наше — ветхое.

Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить — повелевает это Христос — и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе.

Свойства нового человека должны быть все новые; никакое ветхое свойство нейдет ему.

Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствований плотских.

И какую может она иметь цену, когда при разгорячении крови дает клятву положить душу за Господа, а через несколько часов, при охлаждении крови, дает клятву, что не знает Его?[3]

Евангелие отвергает любовь, зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца. Оно говорит: *Не мните, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч. Приидох бо*

[1] Мф. 22. 40. ‖ [2] 1 Ин. ‖ [3] Мф. 26. 33, 35, 74.

разлучити человека на отца своего, и дщерь на матерь свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашнии его[1].

Падение подчинило сердце владычеству крови и, посредством крови, владычеству миродержителя. Евангелие освобождает сердце из этого плена, из этого насилия, приводит под руководство Святого Духа.

Святой Дух научает любить ближнего свято.

Любовь, возжженная, питаемая Святым Духом, — огнь. Этим огнем погашается огнь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением[2].

«Говорящий, что можно иметь ту и другую любовь, обольщает сам себя», — сказал святой Иоанн Лествичник[3].

В каком падении наше естество? Тот, кто по естеству способен с горячностию любить ближнего, должен делать себе необыкновенное принуждение, чтобы любить его так, как повелевает любить Евангелие.

Пламеннейшая естественная любовь легко обращается в отвращение, в непримиримую ненависть[4].

Естественная любовь выражалась и кинжалом.

В каких язвах — наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва — пристрастие! Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, — лишь бы удовлетворить болезненной любви своей.

Мерила льстивая мерзость пред Господем, вес же праведный приятен Ему[5].

Естественная любовь доставляет любимому своему одно земное; о небесном она не думает.

Она враждует против Неба и Духа Святого, потому что Дух требует распятия плоти.

Она враждует против Неба и Духа Святого, потому что находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего.

Приступим к Евангелию, возлюбленнейший брат, поглядимся в это зеркало! Глядясь в него, свергнем ризы ветхие, в которые облекло нас падение, украсимся ризою новою, которая приготовлена нам Богом.

Риза новая —Христос. *Елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся*[6].

---

[1] *Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невесту со свекровью ее. И враги человеку домашние его* (Мф. 10. 34–36). ‖ [2] Лествица. Слово 15, гл. 3. ‖ [3] Слово 3, гл. 16. ‖ [4] 2 Цар. 13. 15. ‖ [5] *Неверные весы — мерзость пред Господом, но правильный вес угоден Ему* (Притч. 11. 1). ‖ [6] *Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал. 3. 27).

Риза новая — Дух Святой. *Облечетеся силою свыше*[1], сказал об этой ризе Господь.

Облекаются христиане в свойства Христовы действием Всеблагого Духа.

Возможно для христианина это одеяние. *Облецытеся Господем нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти*[2], говорит Апостол.

Сперва, руководствуясь Евангелием, откинь вражду, памятозлобие, гнев, осуждение и все, что прямо противодействует любви.

Евангелие велит молиться за врагов, благословлять клянущих, творить добро ненавидящим, оставлять ближнему все, что бы он ни сделал против нас.

Постарайся, желающий последовать Христу, исполнять все эти заповедания самым делом.

Очень недостаточно только с удовольствием прочитать веления Евангелия и подивиться высокой нравственности, которую они в себе содержат. К сожалению, многие этим удовлетворяются.

Когда приступишь к исполнению велений Евангелия, тогда с упорством воспротивятся этому исполнению владыки твоего сердца. Эти владыки — твое собственное плотское состояние, при котором ты подчинен плоти и крови, и падшие духи, которым подвластная страна — плотское состояние человека.

Плотское мудрование, его правда и правда падших духов потребуют от тебя, чтоб ты не уронил чести своей и других тленных преимуществ, защитил их. Но ты с мужеством выдержи невидимую борьбу, водимый Евангелием, водимый Самим Господом.

Пожертвуй всем для исполнения евангельских заповедей. Без такого пожертвования ты не возможешь быть исполнителем их. Господь сказал ученикам Своим: *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе*[3].

Когда с тобою Господь, — надейся на победу: Господь не может не быть победителем.

Испроси себе у Господа победу; испроси ее постоянною молитвою и плачем. И придет неожиданно действие благодати в твое сердце: ты ощутишь внезапно сладостнейшее упоение духовною любовию к врагам.

---

[1] Лк. 24. 49. ‖ [2] *Облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим. 13. 14). ‖ [3] *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя* (Мф. 16. 24).

Еще предстоит тебе борьба! Еще нужно тебе быть мужественным! Взгляни на предметы твоей любви: они очень тебе нравятся? к ним очень привязано твое сердце? — Отрекись от них.

Этого отречения требует от тебя Господь, Законоположитель любви, не с тем, чтоб лишить тебя любви и любимых, но чтоб ты, отвергнув любовь плотскую, оскверненную примесью греха, соделался способным принять любовь духовную, чистую, святую, которая —верховное блаженство.

Ощутивший любовь духовную с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви.

Как отречься от предметов любви, которые как бы приросли к самому сердцу? — Скажи о них Богу: «Они, Господи, Твои; а я — кто? немощное создание, не имеющее никакого значения.

Сегодня я еще странствую на земле, могу быть полезным для любимых моих чем-нибудь; завтра, может быть, исчезну с лица ее, и я для них — ничто!

Хочу или не хочу — приходит смерть, приходят прочие обстоятельства, насильственно отторгают меня от тех, которых я считал моими, и они уже — не мои. Они и не были по самой вещи моими; было какое-то отношение между мною и ими; обманываясь этим отношением, я называл, признавал их моими. Если б они были точно мои, — навсегда остались бы принадлежать мне.

Создания принадлежат одному Создателю: Он — их Бог и Владыка. Твое, Господь мой, отдаю Тебе: себе присвоил я их неправильно и напрасно».

Для них вернее быть Божиими. Бог вечен, вездесущ, всемогущ, безмерно благ. Тому, кто Его, Он — самый верный, самый надежный Помощник и Покровитель.

Свое Бог дает человеку: и делаются человеку человеки своими, на время — по плоти, навеки — по духу, когда Бог благоволит дать этот дар человеку.

Истинная любовь к ближнему основана на вере в Бога: она — в Боге. *Вси едино будут,* вещал Спаситель мира ко Отцу Своему, *якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут*[1].

Смирение и преданность Богу убивают плотскую любовь. Значит: она живет самомнением и неверием.

Делай что можешь полезного и что позволяет закон твоим любимым; но всегда поручай их Богу, и слепая, плотская, безотчетливая

[1] *Как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино* (Ин. 17. 21).

любовь твоя обратится мало-помалу в духовную, разумную, святую.

Если же любовь твоя — пристрастие противозаконное, то отвергни ее, как мерзость.

Когда сердце твое несвободно — это знак пристрастия.

Когда сердце твое в плену — это знак страсти безумной, греховной.

Святая любовь — чиста, свободна, вся в Боге.

Она — действие Святого Духа, действующего в сердце по мере его очищения.

Отвергнув вражду, отвергнув пристрастия, отрекшись от плотской любви, стяжи любовь духовную; *уклонися от зла, и сотвори благо*[1].

Воздавай почтение ближнему как образу Божию,— почтение в душе твоей, невидимое для других, явное лишь для совести твоей. Деятельность твоя да будет таинственно сообразна твоему душевному настроению.

Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия, — и постепенно начнет являться в сердце твоем святая любовь.

Причина этой святой любви — не плоть и кровь, не влечение чувств, — Бог.

Лишенные славы христианства не лишены другой славы, полученной при создании: они — образ Божий.

Если образ Божий будет ввергнут в пламя страшное ада, и там я должен почитать его.

Что мне за дело до пламени, до ада! Туда ввергнут образ Божий по суду Божию: мое дело сохранить почтение к образу Божию и тем сохранить себя от ада.

И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажу почтение, как образу Божию. Что тебе до их немощей и недостатков! Наблюдай за собою, чтобы тебе не иметь недостатка в любви.

В христианине воздай почтение Христу, Который сказал в наставление нам и еще скажет при решении нашей участи вечной: *Понеже сотвористе единому сих братий Моих мениших, Мне сотвористе*[2].

---

[1] Пс. 33. 15. ‖ [2] *Так как вы сделали это единому из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25. 40).

В обращении твоем с ближними содержи в памяти это изречение Евангелия, и соделаешься наперсником любви к ближнему.

Наперсник любви к ближнему входит ею в любовь к Богу.

Но если ты думаешь, что любишь Бога, а в сердце твоем живет неприятное расположение хотя к одному человеку, то ты — в горестном самообольщении.

Аще кто речет, говорит святой Иоанн Богослов, *яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть... Сию заповедь имамы от Него, да любяй Бога любит и брата своего*[1].

Явление духовной любви к ближнему — признак обновления души Святым Духом: *Мы вемы,* говорит опять Богослов, *яко преидохом от смерти в живот, яко любим братию; не любяй бо брата пребывает в смерти*[2].

Совершенство христианства — в совершенной любви к ближнему.

Совершенная любовь к ближнему — в любви к Богу, для которой нет совершенства, для которой нет окончания в преуспеянии.

Преуспеяние в любви к Богу — бесконечно: потому что любовь есть бесконечный *Бог*[3]. Любовь к ближнему — основание в здании любви.

Возлюбленный брат! Ищи раскрыть в себе духовную любовь к ближним: войдя в нее, войдешь в любовь к Богу, во врата воскресения, во врата Царства Небесного. Аминь.

О любви к Богу

Люби Бога так, как Он заповедал любить Его, а не так, как думают любить Его самообольщенные мечтатели.

Не сочиняй себе восторгов, не приводи в движение своих нервов, не разгорячай себя пламенем вещественным, пламенем крови твоей. Жертва благоприятная Богу — смирение сердца, сокрушение духа. С гневом отвращается Бог от жертвы, приносимой с самонадеянностию, с гордым мнением о себе, хотя бы эта жертва была всесожжением.

Гордость приводит нервы в движение, разгорячает кровь, возбуждает мечтательность, оживляет жизнь падения; смирение успокаивает нервы, укрощает движение крови, уничтожает

[1] Кто говорит: *«я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец... И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего* (1 Ин. 4. 20–21). ‖ [2] *Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти* (1 Ин. 3. 14). ‖ [3] 1 Ин. 4. 16.

мечтательность, умерщвляет жизнь падения, оживляет жизнь о Христе Иисусе.

Послушание пред Господом *паче жертвы благи, и покорение паче тука овня,* говорил Пророк царю израильскому, дерзнувшему принести Богу неправильную жертву[1]: желая принести Богу жертву любви, не принеси ее своевольно, по влечению необдуманному; принеси со смирением, в то время и на том месте, когда и где заповедал Господь.

Духовное место, на котором одном заповедано приносить духовные жертвы, — смирение[2].

Господь отметил верными и точными признаками любящего и нелюбящего. Он сказал: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет. Не любяй Мя словес Моих не соблюдает*[3].

Ты хочешь научиться любви Божией? Удаляйся от всякого дела, слова, помышления, ощущения, воспрещенных Евангелием. Враждою твоею ко греху, столь ненавистному для Всесвятого Бога, покажи и докажи любовь твою к Богу. Согрешения, в которые случится впасть по немощи, врачуй немедленным покаянием.

Но лучше старайся не допускать к себе и этих согрешений строгою бдительностию над собою.

Ты хочешь научиться любви Божией? Тщательно изучай в Евангелии заповедания Господа и старайся исполнить их самым делом, старайся обратить евангельские добродетели в навыки, в качества твои. Свойственно любящему с точностью исполнять волю любимого.

Возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия: сего ради ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех[4], — говорит Пророк. Такое поведение необходимо для соблюдения верности Богу. Верность — непременное условие любви. Без этого условия любовь расторгается.

Постоянным уклонением от зла и исполнением евангельских добродетелей — в чем заключается все евангельское нравоучение — достигаем любви Божией. Этим же самым средством пребываем в любви к Богу: *Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей*[5], сказал Спаситель.

---

[1] *Послушание лучше жертвы, и повиновение лучше тука овнов* (1 Цар. 15. 22). ‖ [2] Алфавитный патерик. Изречение преподобного Пимена Великого. ‖ [3] Ин. 14. 23–24. ‖ [4] *А я люблю заповеди Твои более золота, и золота чистого. Все повеления Твои — все признаю справедливыми; всякий путь лжи ненавижу* (Пс. 118. 127–128). ‖ [5] *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей* (Ин. 15. 10).

Совершенство любви заключается в соединении с Богом; преуспеяние в любви сопряжено с неизъяснимым духовным утешением, наслаждением и просвещением. Но в начале подвига ученик любви должен выдержать жестокую борьбу с самим собой, с глубоко поврежденным естеством своим: зло, природнившееся грехопадением естеству, сделалось для него законом, воюющим и возмущающим против Закона Божия, против закона святой любви.

Любовь к Богу основывается на любви к ближнему. Когда изгладится в тебе памятозлобие, тогда ты близок к любви. Когда сердце твое осенится святым, благодатным миром ко всему человечеству, тогда ты при самих дверях любви.

Но эти двери отверзаются одним только Духом Святым. Любовь к Богу есть дар Божий в человеке, приготовившем себя для принятия этого дара чистотой сердца, ума и тела. По степени приготовления бывает и степень дара, потому что Бог и в милости Своей — правосуден.

Любовь к Богу вполне духовна: *рожденное от Духа дух есть*[1].

Рожденное от плоти плоть есть[2]: плотская любовь, как рождаемая плотию и кровию, имеет свойства вещественные, тленные. Она непостоянна, переменчива: огнь ее вполне в зависимости от вещества.

Слыша от Писания, что Бог наш огнь[3], что любовь есть огнь, и ощущая в себе огнь любви естественной, не подумай, чтобы этот огнь был один и тот же. Нет! эти огни враждебны между собой и погашаются один другим[4]. *Служим благоугодно Богу с благоговением и страхом; ибо Бог наш огнь поядаяй есть*[5].

Естественная любовь, любовь падшая, разгорячает кровь человека, приводит в движение его нервы, возбуждает мечтательность; любовь святая прохлаждает кровь, успокаивает и душу и тело, влечет внутреннего человека к молитвенному молчанию, погружает его в упоение смирением и сладостию духовною.

Многие подвижники, приняв естественную любовь за Божественную, разгорячили кровь свою, разгорячили и мечтательность. Состояние разгорячения переходит очень легко в состояние исступления. Находящихся в разгорячении и исступлении многие сочли исполненными благодати и святости, а они — несчастные жертвы самообольщения.

---

[1] Ин. 3. 6. ‖ [2] Там же. ‖ [3] *Бог наш есть огнь поядающий* (Евр. 12. 29). ‖ [4] Лествица. Слова 3 и 15. ‖ [5] Евр. 12. 28–29.

Много было таких подвижников в Западной Церкви с того времени, как она впала в папизм, в котором богохульно приписываются человеку Божеские свойства и воздается человеку поклонение, подобающее и приличествующее единому Богу; много эти подвижники написали книг из своего разгоряченного состояния, в котором исступленное самообольщение представлялось им Божественною любовию, в котором расстроенное воображение рисовало для них множество видений, льстивших их самолюбию и гордости.

Сын Восточной Церкви! Уклонись от чтения таких книг, уклонись от последования наставлениям самообольщенных. Руководствуясь Евангелием и святыми Отцами истинной Церкви, восходи со смирением к духовной высоте *любви* Божественной чрез посредство делания заповедей Христовых.

Твердо знай, что любовь к Богу есть высший дар Святого Духа, а человек только может приготовить себя чистотой и смирением к принятию этого великого дара, которым изменяются и ум, и сердце, и тело. Тщетен труд, бесплоден он и вреден, когда мы ищем преждевременно раскрыть в себе высокие духовные дарования: их подает милосердый Бог в свое время постоянным, терпеливым, смиренным исполнителям евангельских заповедей. Аминь.

Об истинном и ложном смиренномудрии

Никтоже вас да прельщает изволенным ему смиренномудрием[1], сказал святой апостол Павел.

Истинное смиренномудрие состоит в послушании и последовании Христу[2].

Истинное смиренномудрие — духовный разум. Оно — дар Божий; оно — действие Божественной благодати в уме и сердце человека.

Может быть и произвольное смиренномудрие: его сочиняет для себя душа тщеславная, душа обольщенная и обманутая лжеучением, душа, льстящая самой себе, душа, ищущая лести от мира, душа, всецело устремившаяся к земному преуспеянию и к земным наслаждениям, душа, забывшая о вечности, о Боге.

Произвольное, собственного сочинения смиренномудрие состоит из бесчисленных разнообразных ухищрений, которыми человеческая гордость старается уловить славу смиренномудрия от

---

[1] *Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием* (Кол. 2. 18). ‖ [2] Флп. 2. 5–8.

слепотствующего мира, от мира, любящего свое, от мира, превозносящего порок, когда порок облечен в личину добродетели, от мира, ненавидящего добродетель, когда добродетель предстоит взорам его в святой простоте своей, в святой и твердой покорности Евангелию.

Ничто так не враждебно смирению Христову, как смиренномудрие своевольное, отвергшее иго послушания Христу и под покровом лицемерного служения Богу святотатственно служащее сатане.

Если мы будем непрестанно смотреть на грех свой, если будем стараться о том, чтоб усмотреть его подробно, то не найдем в себе никакой добродетели, не найдем и смиренномудрия.

Истинным смирением прикрывается истинная, святая добродетель: так закрывает целомудренная дева покрывалом красоту свою; так закрывается Святая Святых завесою от взоров народа.

Истинное смиренномудрие — характер евангельский, нрав евангельский, образ мыслей евангельский.

Истинное смирение — Божественное таинство: оно недоступно для постижения человеческого. Будучи высочайшею премудростию, оно представляется буйством для плотского разума.

Божественное таинство смирения открывает Господь Иисус верному ученику Своему, непрестанно приседящему у ног Его и внимающему Его животворящим глаголам. И открытое, оно пребывает сокровенным: оно неизъяснимо словом и языком земным. Оно для плотского разума непостижимо; непостижимо постигается разумом духовным и, постиженное, пребывает непостижимым.

Смирение — жизнь небесная на земле.

Благодатное, дивное видение величия Божия и бесчисленных благодеяний Божиих человеку, благодатное познание Искупителя, последование Ему с самоотвержением, видение погибельной бездны, в которую ниспал род человеческий, — вот невидимые признаки смирения, вот первоначальные чертоги этой духовной палаты, созданной Богочеловеком.

Смирение не видит себя смиренным. Напротив того, оно видит в себе множество гордости. Оно заботится о том, чтоб отыскать все ее ветви; отыскивая их, усматривает, что и еще надо искать очень много.

Преподобный Макарий Египетский, нареченный Церковию Великим за превосходство своих добродетелей, особливо за глубокое смирение, Отец знаменоносный и духоносный, сказал в своих

возвышенных, святых, таинственных беседах, что самый чистый и совершенный человек имеет в себе нечто гордое[1].

Этот Угодник Божий достиг высшей степени христианского совершенства, жил во времена, обильные святыми, видел величайшего из святых иноков — Антония Великого — и сказал, что он не видел ни одного человека, который бы вполне и в точном смысле слова мог быть назван совершенным[2].

Ложное смирение видит себя смиренным: смешно и жалостно утешается этим обманчивым, душепагубным зрелищем.

Сатана принимает образ светлого Ангела; его апостолы принимают образ Апостолов Христовых[3]; его учение принимает вид учения Христова; состояния, производимые его обольщениями, принимают вид состояний духовных, благодатных; гордость его и тщеславие, производимые ими самообольщение и прелесть принимают вид смирения Христова.

Ах! куда скрываются от несчастных мечтателей, от мечтателей, бедственно-довольных собою, своими состояниями самообольщения, от мечтателей, думающих наслаждаться и блаженствовать, — куда скрываются от них слова Спасителя: *Блаженни плачущии ныне, блаженни алчущии ныне* и *горе вам, насыщеннии ныне, горе вам, смеющимся ныне*?[4]

Посмотри попристальнее, посмотри беспристрастно на душу твою, возлюбленнейший брат! Не вернее ли для нее покаяние, чем наслаждение! не вернее ли для нее плакать на земле, в этой юдоли горестей, назначенной именно для плача, нежели сочинять для себя безвременные, обольстительные, нелепые, пагубные наслаждения!

Покаяние и плач о грехах доставляют вечное блаженство: это известно; это достоверно; это возвещено Господом. Почему же тебе не погрузиться в эти святые состояния, не пребывать в них, а сочинять себе наслаждения, насыщаться ими, удовлетворяться ими, ими истреблять в себе блаженную алчбу и жажду правды Божией, блаженную и спасительную печаль о грехах твоих и о греховности.

Алчба и жажда правды Божией — свидетели нищеты духа: плач — выражение смирения, его голос. Отсутствие плача, насыщение самим собою и наслаждение своим мнимо духовным состоянием обличают гордость сердца.

---

[1] Беседа 7, гл. 4. ‖ [2] Беседа 8, гл. 5. ‖ [3] 2 Кор. 9. 13–15. ‖ [4] *Блаженны плачущие ныне, блаженны алчущие ныне* и *горе вам, пресыщенные ныне, горе вам, смеющиеся ныне* (Лк. 6. 21. 25).

Убойся, чтоб за пустое, обольстительное наслаждение не наследовать вечного горя, обещанного Богом для насыщенных ныне самовольно, в противность воле Божией.

Тщеславие и чада его — ложные наслаждения духовные, действующие в душе, не проникнутой покаянием, созидают призрак смирения. Этим призраком заменяется для души истинное смирение. Призрак истины, заняв собою храмину души, заграждает для самой Истины все входы в душевную храмину.

Увы, душа моя, Богозданный храм истины! Приняв в себя призрак истины, поклонившись лжи вместо Истины, ты соделываешься капищем!

В капище водружен идол: *мнение* смирения. *Мнение смирения* — ужаснейший вид гордости. С трудом изгоняется гордость, когда человек и признает ее гордостию; но как он изгонит ее, когда она кажется ему его смирением?

В этом капище горестная мерзость запустения! В этом капище разливается фимиам кумирослужения, воспеваются песнопения, которыми увеселяется ад. Там помыслы и чувства душевные вкушают воспрещенную снедь идоложертвенную, упиваются вином, смешанным с отравою смертоносною. Капище, жилище идолов и всякой нечистоты, недоступно не только для Божественной благодати, для дарования духовного, — недоступно ни для какой истинной добродетели, ни для какой евангельской заповеди.

Ложное смирение так ослепляет человека, что вынуждает его не только думать о себе, намекать другим, что он смирен, но открыто говорить это, громко проповедовать[1].

Жестоко насмехается над нами ложь, когда, обманутые ею, мы признаем ее за истину.

Благодатное смирение невидимо, как невидим Податель его — Бог. Оно закрыто молчанием, простотою, искренностию, непринужденностию, свободою.

Ложное смирение — всегда с сочиненною наружностию: ею оно себя публикует.

Ложное смирение любит сцены: ими оно обманывает и обманывается. Смирение Христово облечено в хитон и ризу[2], в одежду самую безыскусственную: покровенное этою одеждою, оно не узнается и не примечается человеками.

---

[1] «Подражание». Кн. 3, гл. 2. ‖ [2] Ин. 19. 24.

Смирение — залог в сердце, святое, безыменное сердечное свойство, Божественный навык, рождающийся неприметным образом в душе от исполнения евангельских заповедей[1].

Действие смирения можно уподобить действию страсти сребролюбия. Зараженный недугом веры и любви к тленным сокровищам чем более накопляет их, тем делается к ним жаднее и ненасытнее. Чем он более богатеет, тем для себя самого представляется беднее, недостаточнее. Так и водимый смирением, чем более богатеет добродетелями и духовными дарованиями, тем делается скуднее, ничтожнее пред собственными взорами.

Это — естественно. Когда человек не вкусил еще высшего добра, тогда собственное его добро, оскверненное грехом, имеет пред ним цену. Когда же он причастится добра Божественного, духовного, тогда без цены пред ним его добро собственное, соединенное, перемешанное со злом.

Дорог для нищего мешец медниц, собранных им в продолжительное время с трудом и утомлением. Богач неожиданно высыпал в его недра несметное число чистых червонцев, и нищий кинул с презрением мешец с медницами, как бремя, только тяготящее его.

Праведный многострадальный Иов по претерпении лютых искушений сподобился Боговидения. Тогда он сказал Богу во вдохновенной молитве: *Слухом убо уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя*. — Какой же плод прозяб в душе праведника от Боговидения? *Темже*, — продолжает и заключает Иов свою молитву, — *укорих себе сам, и истаях; и мню себе землю и пепел*[2].

Хочешь ли стяжать смирение? — Исполняй евангельские заповеди: вместе с ними будет вселяться в сердце твое, усваиваться ему святое смирение, то есть свойства Господа нашего Иисуса Христа.

Начало смирения — нищета духа; средина преуспеяния в нем — превысший всякого ума и постижения мир Христов; конец и совершенство — любовь Христова.

Смирение никогда не гневается, не человекоугодничает, не предается печали, ничего не страшится.

Может ли предаться печали тот, кто заблаговременно признал себя достойным всякой скорби?

---

[1] Преподобный авва Дорофей. Поучение 2. ‖ [2] *Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя. Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле* (Иов. 42. 5–6).

Может ли устрашиться бедствий тот, кто заблаговременно обрек себя на скорби, кто смотрит на них как на средство своего спасения?

Возлюбили угодники Божии слова благоразумного разбойника, который был распят близ Господа. Они при скорбях своих обыкли говорить: *Достойное по делом нашим восприемлем; помяни нас, Господи, во Царствии Твоем*[1]. Всякую скорбь они встречают признанием, что они достойны ее[2].

Святой мир входит в сердца их за словами смирения! Он приносит чашу духовного утешения и к одру болящего, и в темницу к заключенному в ней, и к гонимому человеками, и к гонимому бесами.

Чаша утешения приносится рукою смирения и Распятому на Кресте; мир может принести ему только *оцет с желчию смешан*[3].

Смиренный неспособен иметь злобы и ненависти: он не имеет врагов. Если кто из человеков причиняет ему обиды — он видит в этом человеке орудие правосудия или Промысла Божия.

Смиренный предает себя всецело воле Божией.

Смиренный живет не своею собственною жизнию, но Богом.

Смиренный чужд самонадеянности, и потому он непрестанно ищет помощи Божией, непрестанно пребывает в молитве.

Ветвь плодоносная нагибается к земле, пригнетаемая множеством и тяжестию плодов своих. Ветвь бесплодная растет кверху, умножая свои бесплодные побеги.

Душа, богатая евангельскими добродетелями, глубже и глубже погружается в смирение и в глубинах этого моря находит драгоценные перлы: дары Духа.

Гордость — верный знак пустого человека, раба страстей, знак души, к которой учение Христово не нашло никакого доступа.

Не суди о человеке по наружности его; по наружности не заключай о нем, что он горд или смирен. *Не судите на лица,* но *от плод их познаете их*[4]. Господь велел познавать людей из действий их, из поведения, из последствий, которые вытекают из их действий.

Вем аз гордость твою и злобу сердца твоего[5], — говорил Давиду ближний его; но Бог засвидетельствовал о Давиде: *обретох Давида*

[1] *Достойное по делам нашим приняли; помяни нас, Господи, в Царствии Твоем!* (Лк. 23. 41–42). ‖ [2] Преподобный авва Дорофей. Поучение 2. ‖ [3] *Уксуса, смешанного с желчью* (Мф. 27. 34). ‖ [4] *Не судите по наружности, по плодам их узнаете их* (Ин. 7. 24; Мф. 7. 16). ‖ [5] *Я знаю высокомерие твое и дурное сердце твое* (1 Цар. 17. 28).

раба Моего, елеем святым Моим помазах его[1]. *Не тако зрит человек, яко зрит Бог: яко человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце*[2].

Слепые судьи часто признают смиренным лицемера и низкого человекоугодника: он — бездна тщеславия.

Напротив того, для этих невежественных судей представляется гордым не ищущий похвал и наград от человеков и потому не пресмыкающийся пред человеками, а он — истинный слуга Божий; он ощутил славу Божию, открывающуюся одним смиренным, ощутил смрад славы человеческой и отвратил от нее очи и обоняние души своей.

«Что значит веровать?» — спросили одного великого угодника Божия. Он отвечал: «Веровать — значит пребывать в смирении и милости»[3].

Смирение надеется на Бога — не на себя и не на человеков, и потому оно в поведении своем просто, прямо, твердо, величественно. Слепотствующие сыны мира называют это гордостию.

Смирение не дает никакой цены земным благам, в очах его велик —Бог, велико — Евангелие. Оно стремится к ним, не удостаивая тление и суету ни внимания, ни взора. Святую хладность к тлению и суетности сыны тления, служители суетности, называют гордостию.

Есть святой поклон от смирения, от уважения к ближнему, от уважения к образу Божию, от уважения ко Христу в ближнем. И есть поклон порочный, поклон корыстный, поклон человекоугодливый и вместе человеконенавистный, поклон богопротивный и богомерзкий: его просил сатана у Богочеловека, предлагая за него все царствия мира и славу их[4].

Сколько и ныне поклоняющихся для получения земных преимуществ! Те, которым они поклоняются, похваляют их смирение.

Будь внимателен, наблюдай: поклоняющийся тебе поклоняется ли из уважения к человеку, из чувств любви и смирения? Или же его поклон только потешает твою гордость, выманивает у тебя какую-нибудь выгоду временную?

Великий земли! Вглядись: пред тобою пресмыкаются тщеславие, лесть, подлость! Они, когда достигнут своей цели, над тобою же будут насмехаться, предадут тебя при первом случае. Щедрот твоих никогда не изливай на тщеславного: тщеславный

---

[1] *Я обрел Давида, раба Моего, святым елеем Моим помазал его* (Пс. 88. 21). ‖ [2] *Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце* (1 Цар. 16. 7). ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Лк. 4. 7.

сколько низок пред высшими себя, столько нагл, дерзок, бесчеловечен с низшими себя[1]. Ты познаешь тщеславного по особенной способности его к лести, к услужливости, ко лжи, ко всему подлому и низкому.

Пилат обиделся Христовым молчанием, которое ему показалось гордым. «Мне ли, — сказал он, — не отвечаешь? Или не знаешь, что имею власть отпустить Тебя и власть распять Тебя?»[2] Господь объяснил Свое молчание явлением воли Божией, которой Пилат, думавший действовать самостоятельно, был только слепым орудием. Пилат от собственной гордости был неспособен понять, что ему предстояло всесовершенное смирение: вочеловечившийся Бог.

Высокая душа, душа с надеждою небесною, с презрением к тленным благам мира, неспособна к мелкой человекоугодливости и низкопоклонности. Ошибочно называешь ты эту душу гордою, потому что она не удовлетворяет требованию страстей твоих. Аман! Почти благословенную, богоугодную гордость Мардохея! Эта, в очах твоих, гордость — святое смирение[3].

Смирение — учение евангельское, евангельская добродетель, таинственная одежда Христова, таинственная сила Христова. Облеченный в смирение Бог явился человекам, и кто из человеков облечется во смирение, соделывается Богоподобным[4].

Аще кто хощет по Мне ити, — возвещает святое Смирение, — *да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет*[5]. Иначе невозможно быть учеником и последователем Того, Кто смирился до смерти, до смерти крестной. Он воссел одесную Отца. Он Новый Адам, Родоначальник святого племени избранных. Вера в Него вписывает в число избранных; избрание приемлется святым смирением, запечатлевается святою любовию. Аминь.

---

[1] Лествица. Слово 22, гл. 22. ‖ [2] Ин. 19. 10. ‖ [3] Есф. 4–7. Аман, македонянин, был любимцем и первым вельможею Артаксеркса, царя Персидского. Мардохей, иудеянин, принадлежал к числу придворных и, будучи глубокого благочестия, не позволял себе человекоугодничества, не пресмыкался пред временщиком. Такое поведение Мардохея привело Амана в неистовство; он приготовил высокую виселицу, чтоб казнить на ней ненавистное ему исключение из общего низкопоклонства. По коловратности земных положений обстоятельства изменились — и Аман повешен на виселице, воздвигнутой им для Мардохея. ‖ [4] Святой Исаак Сирский. Слово 33. ‖ [5] *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною* (Мф. 16. 24).

Плач мой

Какое слово поставлю в начале слов моего плача? какую первую мысль из печальных моих мыслей выражу словом? — Все они одинаково тяжки: каждая, когда предстанет уму, кажется тягчайшею; каждая кажется болезненнейшею для сердца, когда убодает, пронзает его. Стенания скопились в груди моей, теснятся в ней, хотят исторгнуться; но, предупреждаясь одно другим, возвращаются в грудь, производят в ней странное колебание. Обращу ли взоры ума на протекшие дни мои? — Это цепь обольщений, цепь грехов, цепь падений! Взгляну ли на ту часть жизни, которая еще предлежит мне на поприще земного странствования? — Объемлет меня ужас: его производит немощь моя, доказанная мне бесчисленными опытами. Воззрю ли на душу мою? — Нет ничего утешительного! Вся она в греховных язвах; нет греха, которому бы она была непричастна; нет преступления, которым бы она себя не запечатлела! Тело мое, бедное тело! Обоняваю смрад твоего тления. *Тление нетления не наследствует*[1]. Жребий твой — по смерти в темнице гроба, по воскресении — в темнице ада! Какая участь ожидает мою душу по разлучении ее с телом? Благо было бы, если б предстал ей Ангел мирный и светлый, воспарил бы с нею в блаженные обители Эдема. Но за что он предстанет? Какую добродетель, какой подвиг найдет в ней, достойные небожителей? Нет! скорее окружат ее полчища мрачных демонов, ангелов падших, найдут в ней сродство с собою, свое падение, свои свойства греховные, свою волю богопротивную, — отведут, увлекут ее в свои жилища, жилища вечной, лютой скорби, жилища вечного мрака и вместе огня неугасающего, жилища мук и стенаний непрерывных, бесконечных.

Таким вижу себя и рыдаю. То тихо скудные капли слез, подобные каплям росы, лишь орошают зеницы очей моих; то крупный слезный дождь катится по ланитам на одежды или ложе; то слезы вовсе иссыхают — один болезненный плач объемлет душу. Плачу умом, плачу сердцем, плачу телом, плачу всем существом моим; ощущаю плач не только в груди моей, — во всех членах тела моего. Они странно и несказанно участвуют в плаче, болезнуют от него.

Душа моя! Прежде нежели наступило решительное, неотвратимое время перехода в будущность, позаботься о себе. Приступи, прилепись к Господу искренним, постоянным покаянием — жительством благочестивым по Его всесвятым заповеданиям.

[1] *Тление не наследует нетления* (1 Кор. 15. 50).

Господь многомилостив, милостив бесконечно: Он приемлет всех прибегающих к Нему, очищает грехи грешников, исцеляет застаревшие, смердящие, смертельные язвы, дарует блаженство всем верующим в Него и повинующимся Ему. Рассмотри странствование твое земное с самого его начала, рассмотри великие благодеяния, излитые на тебя Богом, Ему вверь судьбу твою, ищи внедрить в себя Его святую волю, покорись Его всеблагим и премудрым определениям. Замечает Апостол: *Аще быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были*[1].

Никто, никто прежде моего сотворения не ходатайствовал пред Творцом моим, чтоб Он вызвал меня всемогущим велением в бытие из ничтожества, Одним ходатаем моим пред Богом была Его, совечная Ему, благость. Я родился, не знал, что я существую, — начал существовать, как бы несуществующий. Увы! Я родился падшим, я начал жить уже умершим: *в беззакониях зачат есмь* и в смерти греховной *роди мя мати моя*[2]. Жизнь и смерть были вместе началом моего существования. Я не знал, вполне не понимал, что я живу, что при жизни — мертв, при существовании — погибший.

Что за таинство — рождение человека во грехе? Как не живший — уже умер? не шедший — пал? ничего не делавший — согрешил? Как дети в ложеснах праотца, отделенные от него тысячелетиями, — участники его греха? Благоговейно взирает ум мой на судьбы Божии; не понимает их; испытывать не дерзает; но видит, удивляется им — и славословит непостижимого, недоведомого Бога.

Мое рождение во грехе было бедствием, худшим самого небытия! Как не бедствие — родиться для скорбей скоротечной земной жизни, потом вечно существовать во тьме и мучениях ада! Нет за меня ходатаев; сам не имею сил исторгнуться из пропасти погибельной. Изъемлет меня оттуда десница Бога моего. Родив меня родителями моими для существования, Он рождает Собою во спасение: омывает от греховной скверны, обновляет Духом в водах Крещения, принимает обеты верности моей из уст моего восприемника, нарекает на мне Свое имя, запечатлевает Своею печатию, соделывает меня причастником Божества Своего, наследником Своего Царства. Совершаются надо мною чудеса, изливаются на меня неизреченные благодеяния, в то время как я ничего не чувствую, ничего не понимаю, не понимаю даже бытия моего. Призрел

[1] *Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11. 31). ‖ [2] *Я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя* (Пс. 50. 7).

Ты на меня, Господь мой, когда я был немотствующим младенцем! Повитый пеленами, без разума, без способности к деянию, что принес я Тебе? как принял Ты обеты мои? как, приняв их, Ты излил дары Твои? Взирая на непостижимую благость Твою, прихожу в недоумение! И теперь не могу делать ничего более, как и сколько делал, бывши краткодневным младенцем: в молчании языка и ума приношу Тебе младенческий плач и слезы без всякой мысли.

Что же я воздал за толикие благодеяния, излитые на меня в то время как я не понимал их? — Я продолжал не понимать их, не знать их. Взоры мои обратились к миру; утехи, служения временные посреди него казались мне достоянием, назначением человека. Смерти не существовало для меня! Земная жизнь представлялась мне вечною: так мысль о смерти была чужда уму моему. Вечность!.. В недозримую даль ее не пускались мои взоры! — Я знал догматы и учение Святой Восточной Церкви, веровал им, но знание мое и вера были мертвые. В чем состояло падение человека, в чем состоит падение его, какие их признаки, какие доказательства? — Я не имел о том никакого опытного, живого знания. Я почитал заповедями Божиими одно ветхозаветное десятисловие, а заповедания Спасителя моего, всесвятые слова Его — одним нравоучением, последование которому и полезно, и похвально, но не долг непременный. Таким образом несказанный дар благодати, данный при Крещении, был завернут, как талант евангельский, в убрусе незнания, закопан, глубоко сокрыт в землю — в попечения о снискании преходящих знаний преходящего мира; засыпан, как прахом, помышлениями о преуспеянии и наслаждениях временных, о служении суете и темному свету суетного века.

Детство мое было преисполнено скорбей. Здесь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имел кому открыть моего сердца: начал изливать его пред Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих. Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии; но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление. Мысль, часто парившая к Богу молитвою и чтением, начала мало-помалу приносить мир и спокойствие в душу мою. Когда я был пятнадцатилетним юношею, несказанная тишина возвеяла в уме и сердце моем. Но я не понимал ее, я полагал, что это — обыкновенное состояние всех человеков.

Таким вступил я в военную и вместе ученую службу, не по своему избранию и желанию. Тогда я не смел, не умел желать ничего: потому что не нашел еще Истины, еще не увидел Ее ясно, чтоб

пожелать Ее! Науки человеческие, изобретения падшего человеческого разума, сделались предметом моего внимания: к ним я устремился всеми силами души; неопределенные занятия и ощущения религиозные оставались в стороне. Протекли почти два года в занятиях земных: родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая — по Боге. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни! И точно — это было томление души, удалившейся от истинной жизни своей, Бога. Вспоминаю: иду по улицам Петербурга в мундире юнкера, и слезы градом льются из очей!.. Зачем теперь не плачу так! Теперь нужнее мне слезы! Я преполовил жизнь мою: быстрее потекли дни, месяцы и годы — несутся к гробу, откуда нет возвращения, за которым нет покаяния и исправления.

Понятия мои были уже зрелее; я искал в религии определительности. Безотчетные чувствования религиозные меня не удовлетворяли; я хотел видеть верное, ясное, Истину. В то время разнообразные религиозные идеи занимали и волновали столицу северную, препирались, боролись между собою. Ни та ни другая сторона не нравились моему сердцу; оно не доверяло им, оно страшилось их. В строгих думах снял я мундир юнкера и надел мундир офицера. Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было, приходя в храм Божий, встать в толпе солдат, в толпе простолюдинов, молиться и рыдать сколько душе угодно. Не до веселий, не до развлечения было юноше! Мир не представлял мне ничего приманчивого: я был к нему так хладен, как будто мир был вовсе без соблазнов! Точно — их не существовало для меня: мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных.

Между тем предстали взорам уже грани знаний человеческих в высших, окончательных науках. Пришедши к граням этим, я спрашивал у наук: «Что вы даете в собственность человеку? Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство верное, которое я мог бы взять с собою за пределы гроба! Доселе я вижу только знания, даемые, так сказать, на подержание, оканчивающиеся землею, не могущие существовать по разлучении души с телом. — К чему служит

изучение математики? Предмет ее — вещество. Она открывает известный вид законов вещества, научает исчислять и измерять его, применять исчисления и измерения к потребностям земной жизни. Указывает она на существование величины бесконечной, как на идею, за пределами вещества. Точное познание и определение этой идеи логически невозможно для всякого разумного, но ограниченного существа. Указывает математика на числа и меры, из которых одни по значительной величине своей, другие по крайней малости не могут подчиниться исследованию человека, указывает она на существование познаний, к которым человек имеет врожденное стремление, но к которым возвести его нет средств у науки. Математика только делает намек на существование предметов, вне объема наших чувств. — Физика и химия открывают другой вид законов вещества. До науки человек даже не знал о существовании этих законов. Открытые законы обнаружили существование других бесчисленных законов, еще закрытых. Одни из них не объяснены, несмотря на усилие человека к объяснению, другие и не могут быть объяснены по причине ограниченности сил и способностей человека. Кажется, говорил нам красноречивый и умный профессор Соловьев[1], произнося введение в химию, мы для того и изучаем эту науку, чтоб узнать, что мы ничего не знаем и не можем ничего знать: такое необъятное поприще познаний открывает она пред взорами ума! Так приобретенные нами познания на этом поприще ничтожны! Она с осязательною ясностию доказывает и убеждает, что вещество, хотя оно, как вещество, должно иметь свои границы, не может быть постигнуто и определено человеком и по обширности своей, и по многим другим причинам. Химия следит за постепенным утончением вещества, доводит его до тонкости, едва доступной для чувств человеческих, в этом тонком состоянии вещества еще усматривает сложность и способность к разложению на составные части, более тонкие, хотя само разложение уже невозможно. Человек не видит конца утончению вещества так, как и увеличению чисел и меры. Он постигает, что бесконечное должно быть и невещественным; напротив того, все конечное должно по необходимости быть и вещественным. Но это — идея неопределенная; определено ее существование. Затем физика и химия вращаются в одном веществе, расширяют позна-

[1] Профессор С.-Петербургского университета Михаил Феодорович Соловьев читал физику в нижнем, а химию в верхнем офицерских классах Главного инженерного училища, ныне Николаевской академии.

ния об употреблении его для временных, земных нужд человека и человеческого общества. Менее положительна, нежели упомянутые науки, философия, которою особенно гордится падший человек. Естественные науки непрестанно опираются на вещественный опыт, им доказывают верность принятых ими теорий, которые без этого доказательства не имеют места в науке. Философия лишена решительного средства к постоянному убеждению опытом. Множество различных систем, не согласных между собою, противоречащих одна другой, уже уличают человеческое любомудрие в неимении положительного знания Истины. Какой дан в философии простор произволу, мечтательности, вымыслам, велеречивому бреду, нетерпимым наукою точною, определенною! При всем том философия обыкновенно очень удовлетворена собою. С обманчивым светом ее входят в душу преизобильное самомнение, высокоумие, превозношение, тщеславие, презрение к ближним. Слепотствующий мир осыпает ее, как свою, похвалами и почестями. Довольствующийся познаниями, доставляемыми философиею, не только не получает правильных понятий о Боге, о самом себе, о мире духовном, но, напротив того, заражается понятиями превратными, растлевающими ум, делающими его неспособным, как зараженного и поврежденного ложью, к общению с Истиною[1]. *Не разуме мир премудростию Бога!*[2] — говорит Апостол. *Мудрование плотское смерть есть, мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может*[3], потому что это не свойственно ему. *Братия, блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе, в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна*[4]. Философия, будучи исчадием падения человеческого, льстит этому падению, маскирует его, хранит и питает. Она страшится учения Истины, как смертоносного приговора для себя[5]. Состояние, в которое приводится философиею дух наш, есть состояние самообольщения, душепогибели, что вполне явствует из вышеприведенных слов Апостола, который повелевает всем, желающим стяжать истинное познание от Бога, отвергнуть

[1] 2 Тим. 3. 8. || [2] *Мир своею мудростию не познал Бога* (1 Кор. 1. 21). || [3] *Помышления плотские суть смерть, плотские помышления суть вражда против Бога: ибо закону Божию не покоряются, да и не могут* (Рим. 8. 6–7). || [4] *Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения* (Кол. 2. 8, 3). || [5] 1 Кор. 3. 18.

знание, доставляемое любомудрием падшего человечества. *Никтоже себе да прельщает!* — говорит он, — *Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет*[1]. Истинная философия (любомудрие) совмещается в едином учении Христовом. *Христос — Божия Премудрость*[2]. Кто ищет премудрости вне Христа, тот отрицается от Христа, отвергает премудрость, обретает и усваивает себе лжеименный разум, достояние духов отверженных. О географии, геодезии, о языкознании, о литературе, о прочих науках, о всех художествах и упоминать не стоит: все они для земли; потребность в них для человека оканчивается с окончанием земной жизни — большею частию гораздо ранее. Если все время земной жизни употреблю для снискания знаний, оканчивающихся с жизнию земною: что возьму с собою за пределы грубого вещества?.. Науки! Дайте мне, если можете дать, что-либо вечное, положительное, дайте мне ничем не отъемлемое и верное, достойное назваться собственностию человека!» — Науки молчали.

За удовлетворительным ответом, за ответом существенно нужным, жизненным, обращаюсь к вере. Но где ты скрываешься, вера истинная и святая? Я не мог тебя признать в фанатизме, который не был запечатлен евангельскою кротостию; он дышал разгорячением и превозношением! я не мог тебя признать в учении своевольном, отделяющемся от Церкви, составляющем свою новую систему, суетно и кичливо провозглашающем обретение новой, истинной веры христианской чрез осмнадцать столетий по воплощении Бога Слова[3]. Ах! в каком тяжком недоумении плавала душа моя! как она томилась ужасно! какие на нее восставали волны сомнений, рождавшиеся от недоверчивости к себе, от недоверчивости ко всему, что шумело, вопияло вокруг меня, — от незнания, невидения истины.

И начал я часто, со слезами умолять Бога, чтоб Он не предал меня в жертву заблуждению, чтоб указал мне правый путь, по которому я мог бы направить к Нему невидимое шествие умом и сердцем. Внезапно предстает мне мысль... сердце к ней, как в объятия

---

[1] *Никто не обольщай самого себя! если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым* (1 Кор. 3. 18). ‖ [2] 1 Кор. 1. 24, 30. «Без Христа нет правды, нет освящения, нет избавления, и всякая премудрость без Христа буйство есть. Всяк мудрец без Христа безумен есть, всяк праведник — грешен, всяк чистый нечист есть... Что наше собственное? Немощь, растление, тьма, злость, грехи» (Святой Тихон Воронежский. Том 15. Письмо 11). ‖ [3] Здесь указывается на некоторые религиозные партии, обращавшие на себя внимание северной столицы в 1823 и 1824 годах.

друга. Эта мысль внушала изучить веру в источниках — в писаниях святых Отцов. «Их святость, — говорила она мне, — ручается за их верность: их избери себе в руководители». — Повинуюсь. Нахожу способ получать сочинения святых угодников Божиих; с жаждою начинаю читать их, глубоко исследовать. Прочитав одних, берусь за других, читаю, перечитываю, изучаю. Что прежде всего поразило меня в писаниях Отцов Православной Церкви? — Это их согласие, согласие чудное, величественное. Осмнадцать веков, в устах их, свидетельствуют единогласно единое учение, учение Божественное! Когда в осеннюю ясную ночь гляжу на чистое небо, усеянное бесчисленными звездами, столь различных размеров, испускающими единый свет, тогда говорю себе: таковы писания Отцов. Когда в летний день гляжу на обширное море, покрытое множеством различных судов с их распущенными парусами, подобными белым лебединым крылам, судов, бегущих под одним ветром, к одной цели, к одной пристани, тогда говорю себе: таковы писания Отцов. Когда слышу стройный многочисленный хор, в котором различные голоса в изящной гармонии поют единую песнь Божественную, тогда говорю себе: таковы писания Отцов. Какое между прочим учение нахожу в них? — Нахожу учение, повторенное всеми Отцами, учение, что единственный путь к спасению — последование неуклонное наставлениям святых Отцов. «Видел ли ты, — говорят они, — кого, прельщенного лжеучением, погибшего от неправильного избрания подвигов, — знай: он последовал себе, своему разуму, своим мнениям, а не учению Отцов[1], из которого составляется догматическое и нравственное предание Церкви. Им она, как бесценным имуществом, препитывает чад своих».

Мысль эта послана Богом, от Которого *всякое даяние благо*, от Которого и мысль благая — начало всякого блага. Так утверждают Отцы, так явствует из самой сущности дела[2]. Мысль эта была для меня первым пристанищем в стране истины. Здесь душа моя нашла отдохновение от волнения и ветров. Мысль благая, спасительная! Мысль — дар бесценный всеблагого Бога, хотящего всем человекам спастись и придти в познание истины! Эта мысль соделалась камнем основным для духовного созидания души моей! Эта мысль соделалась моею звездою-путеводительницею! Она начала постоянно освещать для меня многотрудный и многоскорбный, тесный, невидимый путь ума и сердца к Богу. — Взглянул на религиозный

---

[1] Преподобного аввы Дорофея. Поучение 5. ‖ [2] Святой Иоанн Златоустый. 7-я молитва на сон грядущим, 2-й половины прошение 4.

мир из этой мысли и увидел: причина всех заблуждений состоит в неведении, в забвении, в отсутствии этой мысли.

Таковы благодеяния, которыми ущедрил меня Бог мой! Таково нетленное сокровище, наставляющее в блаженную вечность, ниспосланное мне свыше от горнего Престола Божественной милости и Премудрости. Чем возблагодарю Благодетеля? — Разве только тем, что посвящу на исследование и искание Его, на служение Ему всю земную жизнь мою! Но этим воздам ли благодарность? — Лишь сделаю себе новое величайшее благодеяние. Бог, Сам Бог мыслию благою уже отделил меня от суетного мира. Я жил посреди мира, но не был на общем, широком, углажденном пути: мысль благая повела меня отдельною стезею, к живым, прохладным источникам вод, по странам плодоносным, по местности живописной, но часто дикой, опасной, пересеченной пропастями, крайне уединенной. По ней редко странствует путник.

Чтение Отцов с полною ясностию убедило меня, что спасение в недрах Российской Церкви несомненно, чего лишены религии Западной Европы как не сохранившие в целости ни догматического, ни нравственного учения первенствующей Церкви Христовой. Оно открыло мне, что сделал Христос для человечества; в чем состоит падение человека, почему необходим Искупитель, в чем заключается спасение, доставленное и доставляемое Искупителем. Оно твердило мне: должно развить, ощутить, увидеть в себе спасение, без чего вера во Христа — мертва, а христианство — слово и наименование без осуществления его! Оно научило меня смотреть на вечность как на вечность, пред которой ничтожна и тысячелетняя земная жизнь, не только наша, измеряемая каким-нибудь полустолетием. Оно научило меня, что жизнь земную должно проводить в приготовлении к вечности, как в преддвериях приготовляются ко входу в великолепные царские чертоги. Оно показало мне, что все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества — пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети. Что значит пред Христом все земное? Пред Христом, всемогущим Богом, Который дает Себя в имение, в вечный дар и собственность пылинке — человеку?.. Не стоит видимый мир, чтоб служить ему и им заниматься! Чем он награждает слуг своих? Сперва игрушками; потом гробом, тлением, темною неизвестностию будущности, рыданием ближних и вскоре забвением ими. Другие награды у слуг Христовых: они проводят здешнюю жизнь в изучении истины, в образовании себя

ею. Претворенные ею — запечатлеваются Святым Духом, вступают в вечность, уже коротко ознакомленные с вечностию, приготовив себе блаженство в ней, извещенные в спасении: *Дух* Божий, говорит Апостол, *вся испытует, и глубины Божия*[1]: знание их Он сообщает Своим причастникам. Это с полною ясностию излагают святые Отцы в своих священнолепных писаниях.

Охладело сердце к миру, к его служениям, к его великому, к его сладостному! Я решился оставить мир, жизнь земную посвятить для познания Христа, для усвоения Христу. С этим намерением начал рассматривать монастырское и мирское духовенство. И здесь встретил меня труд; его увеличивали для меня юность моя и неопытность. Но я видел все близко и, по вступлении в монастырь, не нашел ничего нового, неожиданного. Сколько было препятствий для этого вступления! Оставляю упоминать о всех; самое тело вопияло мне: «Куда ведешь меня? Я так слабо и болезненно. Ты видел монастыри, ты коротко познакомился с ними: жизнь в них для тебя невыносима и по моей немощи, и по воспитанию твоему, и по всем прочим причинам». Разум подтверждал доводы плоти. Но был голос, голос в сердце, думаю, голос совести или, может быть, Ангела хранителя, сказывавшего мне волю Божию, потому что голос был решителен и повелителен. Он говорил мне: «Это сделать — твой долг, долг непременный!» Так силен был голос, что представления разума, жалостные, основательные по-видимому убеждения плоти, казались пред ним ничтожными. Без порыва, без горячности, как невольник, увлекаемый непреодолимым сердечным чувством, каким-то непостижимым и неизъяснимым призванием, вступил я в монастырь.

Вступил я в монастырь, как кидается изумленный, закрыв глаза и отложив размышление, в огонь или пучину — как кидается воин, увлекаемый сердцем, в сечу кровавую, на явную смерть. Звезда, руководительница моя, мысль благая, пришла светить мне в уединении, в тишине, или правильнее, во мраке, в бурях монастырских. По учению Отцов, жительство иноческое, единственно приличествующее нашему времени, есть жительство под руководством Отеческих писаний с советом преуспевших современных братий; этот совет опять должно поверять по писанию Отцов. Отцы первых веков Церкви особенно советуют искать руководителя боговдохновенного, ему предаться в совершенное, безусловное послушание, называют этот путь, каков он и есть, кратчайшим, прочнейшим,

[1] *Дух все проницает, и глубины Божии* (1 Кор. 2. 10).

боголюбезнейшим. Отцы, отделенные от времен Христовых тысячелетием, повторяя совет своих предшественников, уже жалуются на редкость Боговдохновенных наставников, на появившееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и Отеческие писания. Отцы, близкие к нашему времени, называют Боговдохновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещавают в руководство Священное и Святое Писание, поверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшею осмотрительностию и осторожностию совет современных и сожительствующих братий. Я желал быть под руководством наставника; но не привелось мне найти наставника, который бы вполне удовлетворил меня, который был бы оживленным учением Отцов. Впрочем, я слышал много полезного, много существенно нужного, обратившегося в основные начала моего душеназидания. Да упокоит Господь в месте злачном, в месте прохлады, в месте света и блаженства почивших благодетелей души моей! Да дарует большее духовное преуспеяние и кончину благополучную текущим еще по поприщу земного странствования и труженичества!

Скажу здесь о монастырях российских мое убогое слово, слово — плод многолетнего наблюдения. Может быть, начертанное на бумаге, оно пригодится для кого-нибудь! — Ослабела жизнь иноческая, как и вообще христианская; ослабела иноческая жизнь потому, что она находится в неразрывной связи с христианским миром, который, отделяя в иночество слабых христиан, не может требовать от монастырей сильных иноков, подобных древним, когда и христианство, жительствовавшее посреди мира, преизобиловало добродетелями и духовною силою. Но еще монастыри, как учреждение Святого Духа, испускают лучи света на христианство; еще есть там пища для благочестивых; еще есть там хранение евангельских заповедей; еще там — строгое и догматическое, и нравственное Православие; там, хотя редко, крайне редко, обретаются живые скрижали Святого Духа. Замечательно, что все духовные цветы и плоды возросли в тех душах, которые, в удалении от знакомства вне и внутри монастыря, возделали себя чтением Писания и святых Отцов, при вере и молитве, одушевленной смиренным, но могущественным покаянием. Где не было этого возделания, там — бесплодие.

В чем состоит упражнение иноков, для которого — и самое иночество? Оно состоит в изучении всех заповеданий, всех слов Искупителя, в усвоении их уму и сердцу. Инок соделывается зрителем двух природ человеческих: природы поврежденной, греховной, кото-

рую он видит в себе, и природы обновленной, святой, которую он видит в Евангелии. Десятисловие Ветхого Завета отсекало грубые грехи; Евангелие исцеляет самую природу, болезнующую грехом, стяжавшую падением свойства греховные. Инок должен при свете Евангелия вступить в борьбу с самим собою, с мыслями своими, с сердечными чувствованиями, с ощущениями и пожеланиями тела, с миром, враждебным Евангелию, с миродержателями, старающимися удержать человека в своей власти и плене. Всесильная Истина освобождает его[1]; освобожденного от рабства греховных страстей запечатлевает, обновляет, вводит в потомство Нового Адама всеблагий Дух Святой. Совершенство христианства достигается в иночестве, и иноки служат светом для братий своих, живущих посреди мира, занятых, развлеченных попечениями и служениями его, не могущих ни глубоко вникнуть в Евангелие, ни оживить его в себе в должном развитии и полноте. Тот только может легко или с презрением думать об иночестве, кто, именуясь христианином, имеет понятие о христианстве самое поверхностное, мертвое.

Чтоб окрепли и возмужали в иноке евангельские свойства, нужны непременно скорби и искушения. Кротость его должна быть испытана; смирение его должно быть испытано; терпение и вера — испытаны. Должно быть испытано — дороже ли ему Евангелие, слова и заповедания Христовы, в которых жизнь вечная, дороже ли они преимуществ, удобств и обычаев мира, дороже ли самой жизни? Тяжким сначала представляется вступление в искушения; но без них невозможно научиться прощению всех обид, любви к врагам, зрению во всем Промысла Божия, этим высочайшим, окончательным, по отношению к ближнему, заповедям Евангелия. Если же внутренний человек не будет образован всеми заповедями, то он не может соделаться жилищем Святого Духа. *Привлекох Дух*, говорит святой Давид, *яко заповедей Твоих желах*[2]. Без нисшествия Духа нет христианского совершенства. Скорби и искушения признаются Священным Писанием и Отцами величайшим даром Божиим, служат предуготовительным обучением к безмолвию, в котором инок достигает точнейшего очищения, а потому и обильнейшего просвещения. Отцы сравнивают скорби инока, предшествующие вступлению в безмолвие, с предкрестными страданиями Христовыми, а безмолвие — с распятием на Кресте и погребением, которому последует воскресение.

---

[1] Ин. 8. 32. ‖ [2] *Открываю уста мои, и вздыхаю; ибо заповедей Твоих жажду* (Пс. 118. 131).

Это узнал я благовременно из писаний Отеческих. Священный порядок, Священная система, которые Божественный Промысл начертал для служителей Божиих, поражали меня удивлением. Привлекался я сердечною любовию к созерцанию чудной системы. Особенно нравилось мне учение об этом предмете Варсонофия Великого. Мне казалось, что оно произносилось ко мне: оно само собою усваивалось душе моей. «Внимая словам Апостола: *о всем благодарите*[1], приготовься к "благодарению за все", — писал Великий одному из учеников своих, которого он приготовлял в горниле общежития к жительству в затворе, — и будешь ли в скорбях, или нуждах, или в утеснениях, или в болезнях и трудах телесных, за все постигающее тебя благодари Бога. Надеюсь, что и ты достигнешь *в покой* Его[2]: ибо *многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие*[3]. Итак, не сомневайся душою твоею и не расслабляйся сердцем твоим ни по какой причине, но вспоминай апостольское слово: *аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни*[4]. Если не претерпишь страданий, то не возможешь взойти на крест. Когда же перенесешь сперва страдания, то войдешь и в пристанище покоя и будешь безмолвствовать без всяких забот, имея душу, утвержденную в Господе и всегда прилепляющуюся к Нему»[5]. Другой брат выразил пред Великим свое желание безмолвия. Отвечал ему Великий: «Брат! Человек, имеющий на себе долги, если прежде не заплатит долгов, пребывает везде должником, куда бы он ни пошел, где бы ни поместился на жительство, в городе ли то будет или в селе. Нигде не имеет он возможности жить спокойно. Когда же по причине своих долгов он подвергнется оскорблениям от человеков и, устыдившись, откуда бы то ни было достанет денег и уплатит долги, тогда, сделавшись свободным, смело, со многим дерзновением он может или пребывать среди человеческого общества, или жить в уединении. Так и монах, когда потщится по силе своей понести оскорбления, поношения, убытки, тогда научается смирению и подвигу духовному. За смирение его и подвиг прощаются ему согрешения его, как свидетельствует Писание: *Виждь смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя*[6]. Помысли, сколько оскорблений и поношений потерпел Владыка наш Иисус Христос прежде Креста: претерпев их, Он взошел уже на Крест. Подобно

[1] *За все благодарите* (1 Фес. 5. 18). ‖ [2] Евр. 4. 3. ‖ [3] *Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14. 22). ‖ [4] *Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4. 16). ‖ [5] Ответ 2. ‖ [6] *Призри на страдание мое и на изнеможение мое, и прости все грехи мои* (Пс. 24. 18).

этому никто не может достичь истинного и плодоносного безмолвия, никто не может взойти в святой покой совершенства, если прежде не постраждет со Христом и не претерпит всех страданий Его, памятуя наставление Апостола: *аще страждем с Ним, и прославимся с Ним*[1]. Не прельстись: иного пути ко спасению, кроме этого, — нет. Господь да поможет тебе, по воле Своей, положить прочное основание твоему зданию на твердом камени, как Он заповедал в Евангелии. *Камень — Христос*»[2]. Вскоре по вступлении моем в монастырь полились на меня скорби, как вода очистительная. То были и внутренние брани, и нашествия болезней, и угнетение нуждою, и потрясения от собственных неведения, неопытности, неблагоразумия; скорби от человеков были умеренные. Чтоб испытать их, нужно было особенное поприще. Непостижимыми судьбами Промысла я помещен в ту обитель, соседнюю северной столицы, которую, когда жил в столице, не хотел даже видеть, считая ее по всему не соответствующею моим целям духовным. В 1833 году я был вызван в Сергиеву пустыню и сделан ее настоятелем. Негостеприимно приняла меня обитель — Сергиева пустыня. В первый же год по прибытии в нее я поражен был тяжкою болезнию, на другой год другою, на третий третиею: они унесли остатки скудного здоровья моего и сил, сделали меня изможденным, непрестанно страждущим. Здесь поднялись и зашипели зависть, злоречие, клевета; здесь я подвергся тяжким, продолжительным, унизительным наказаниям, без суда, без малейшего исследования, как бессловесное животное, как истукан бесчувственный; здесь я увидел врагов, дышащих непримиримою злобою и жаждою погибели моей; здесь милосердый Господь сподобил меня познать невыразимые словом радость и мир души; здесь сподобил Он меня вкусить духовную любовь и сладость, в то время как я встречал врага моего, искавшего головы моей, — и соделалось лицо этого врага в глазах моих как бы лицом светлого Ангела. Опытно познал я таинственное значение молчания Христова пред Пилатом и архиереями иудейскими. Какое счастие быть жертвою, подобно Иисусу! Или нет! Какое счастие быть распятым близ Спасителя, как был некогда распят блаженный разбойник, и вместе с этим разбойником, от убеждения души, исповедовать: *достойная по делам* моим *приемлю: помяни меня, Господи, во Царствии Твоем*[3].

---

[1] *...если только с Ним страдаем, чтоб с Ним и прославиться* (ср.: Рим. 8. 17). ‖ [2] 1 Кор. 10. 4; Ответ 342. ‖ [3] *Мы осуждены справедливо: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое* (Лк. 23. 41–42).

Достигший сорокалетнего возраста, уничтоженный болезнями, потрясенный многими скорбями, расслабленный, неспособный по самому истощению телесных сил к жизни деятельной, что скажу об участи моей? — Не вижу пред собою человека, которого участь была бы для меня вожделенна и завидна. Я — грешник, достойный казней и временных, и вечных; но не завиден мне жребий никого из человеков. Когда воззрю на грехи мои, они наводят на меня ужас; но и для ужасных грешников есть Искупитель. — Владыки земли, пастыри Церкви, отцы и братия! Я уже более негоден в служение вам. К какому служению способен окованный недугами, прикованный ими к одру, держимый безвыходно в келлии? Извергните меня, извергните, как раба непотребного, служащего только отягощением для вас! Я не потревожу вас никакими просьбами, никакою заботою о мне. Мне не нужен сад с роскошною тению и благовонными цветами; не нужны многие слуги; послужит мне ради имени Христова инок смиренный, пришлет мне на пищу и одежду христолюбец; не нужны мне покои обширные, не нужно мне никакое увеселение, никакое развлечение земное. Отпустите меня, отпустите больного, ни к чему не способного! Обрету себе удаленный от шума столичного, удаленный от градов и весей малоизвестный приют, уединенный и тихий: там в одиночестве довлачу до гроба дни мои. Болезненность моя делает тишину уединения необходимою для меня. Вы захотите знать, неужели в душе моей не таится никакого желания? — Могу удовлетворить ваше любопытство. Я — грешник: жажду покаяния.

Оставляю человеков: они — слепые орудия во всемогущей деснице Промысла; приводят в исполнение то, что Он повелевает или попускает. Обращением к человекам я хотел принесть дань любви и уважения к ближнему, дань приятнейшую, услаждающую сердце приносящего. Мир, занятый своею суетою, своими попечениями, развлечением и преуспеянием, даже не обратит внимания на слова мои: для него непонятен, странен голос души, ощутившей нужду в покаянии и безмолвии.

Непостижимый, всесильный, всеблагий, всепремудрый Бог и Господь мой, Создатель и Спаситель! В слезах и прахе пред Тобою ничтожная пылинка — я, Тобою призванный к существованию, ощущению, допущенный к размышлению, желанию! Ты зришь сердце мое; Ты зришь, то ли в сокровенной глубине его хранится слово, которое намереваюсь произнести умом и устами! Ты ведаешь прежде моего прошения, чего я желаю просить; в судьбах Тво-

их решено уже, исполнить ли или отвергнуть мое прошение. Но Ты даровал мне самовластие, и я дерзаю принесть пред Тебя, произнести пред Тобою желание моего окаянного, моего бедствующего, моего изъязвленного сердца! Не внимай моему сердцу, не внимай словам молитвы моей, не сотвори по воле моей; но сотвори то, что Тебе угодно, что избирает и назначает для меня всесвятая, премудрая воля Твоя. Однако ж я скажу желание моего сердца; выражу словом стремление моего самовластия!.. *Покаяния двери отверзи мне, Человеколюбче!* блудно прожил я житие мое, достиг единонадесятого часа; все силы мои иссякли; не могу совершать заповедей и служений расслабевшим моим телом: даруй мне принести Тебе хотя покаяние, чтоб не пришлось мне уходить из гостиницы мира чуждым всякой надежды. Ты зришь мою немощь, немощь души и тела! Не могу стоять противу лица страстей и соблазнов! Изведи меня в уединение и безмолвие, чтоб там мог я погрузиться весь, и умом, и сердцем, и телом, в покаяние... Покаяния жажду!.. Милосердый Господь, утоли мою неутолимую, снедающую меня жажду: даруй мне покаяние! Изливший на меня толикие, бесчисленные благодеяния, наверши и преисполни их дарованием покаяния! Владыка всесвятый! Не лиши меня дарования, о получении которого в безумии моем столько времени умоляю Тебя, не ведая, чего прошу, не ведая, способен ли я к получению дара, не ведая, сохраню ли его, если получу. Один из служителей Твоих, освященный и просвещенный Духом Святым, сказал: «Вне безмолвия нет истинного покаяния»[1]. Поразило это слово грешную мою душу, водрузилось в памяти, пронзает меня, как мечом, каждый раз, как ни возобновится воспоминанием. Не видя в себе покаяния, прихожу в недоумение; принуждаю себя к покаянию, но встречаюсь невольно с попечениями, развлечением — они похищают у меня покаяние. Не могу удержать его среди молв и смущений: уходит, ускользает, оставляет меня с пустотою и безнадежием. Многомилостивый Господь! Даруй мне покаяние, доставляемое безмолвием, покаяние постоянное, покаяние, могущее очистить скверны души и тела, покаяние, которое Ты даровал всем, кого избрал и призвал к себе, чьи имена назначены ко внесению в книгу живота, кому определил вечно зреть славу Твою и вечно славословить милость Твою. Дар покаяния мне дороже и вожделеннее сокровищ всего мира. Очищенный покаянием, да узрю волю Твою непорочную, путь к Тебе непогрешительный, и да возвещу о них братии моей! — Вы,

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 41.

искренние друзья мои, связанные со мною узами дружбы о Господе, не посетуйте на меня, не поскорбите о моем отшествии. Отхожу телом, чтоб приблизиться духом; по-видимому теряюсь для вас, по сущности вы приобретаете меня. Вручите меня покаянию: оно вам возвратит меня очищенным, просвещенным, и возвещу вам слово спасения, слово Божие. — *Покаяния двери отверзи мне*, человеколюбивый Господь, даруй мне спасение вечное со всеми друзьями моими, о Тебе возлюбившими меня, да все в вечном блаженстве, в радости и наслаждении неизглаголанном славословим Отца и Сына и Святого Духа, Бога, Единого и Триипостасного, явившего роду человеческому любовь и милость, превысшую слова, превысшую постижения! Аминь.

1847-го года, января 7-го дня. В это время архимандрит Игнатий, по совершенно расстроенному здоровью, просил увольнения от должности настоятеля Сергиевой пустыни и перемещения в Николаевский Бабаевский монастырь на покой, но был уволен в отпуск и провел десять месяцев в упомянутом монастыре.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Воспоминания о святителе Игнатии Брянчанинове

Роспись рода Брянчаниновых

ВОСПОМИНАНИЯ О СВЯТИТЕЛЕ ИГНАТИИ БРЯНЧАНИНОВЕ

Из рукописи Михаила Васильевича Чихачова[1]

В одно время со мною определился в Инженерное училище Димитрий Александрович Брянчанинов. В родительском доме его обучал студент семинарии, который основательно растолковал ему Закон Божий и веру Православную. Так что когда родители его спросили, куда он желает поступить на службу, — юноша ответил: куда вам угодно, а я желаю в монахи.

При вступлении, по настоянию родителей, в Инженерное училище Димитрия назначили пансионером Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, тогда еще Великой Княгини, и к тому же он пользовался особенным расположением Императора Николая Павловича.

Каждую субботу мы исповедовались, а в воскресенье причащались Святых Таин. Окончив курс наук, Димитрий вышел в офицеры, а я оставался еще юнкером в училище.

В первый раз, как он явился офицером к Великому Князю, то услыхал от него в укор себе: «Ты много Богу молишься — мы тебе зададим».

9 июня 1870

Познакомились с о. Серафимом и прочими монахами Валаамского подворья, бывшего в Коломне, куда часто ходили к службе и для исповеди и причащения; беседовали о пользе души и слушали их наставления.

Познакомились в Невской Лавре с учениками о. Леонида — старца опытного и получившего образование монастырское от

---

[1] РГАЛИ. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 841. Л. 499–500.

учеников самого Паисия Молдавского. Тогда их было трое: отцы Аарон, Иоанникий и Харитон.

Занимались мы прилежно чтением книг святых Отцов: Димитрия Ростовского, Иоанна Златоустого, Добротолюбия, Лествицы и других, почерпая из них образ мыслей, разум духовный и способы ко спасению души.

Преосвященному митрополиту Серафиму [Глаголевскому] наговорили, что два офицера часто ходят в Лавру, один из них известный Императору человек, и духовник Лавры уговаривает его идти в монахи, и что Государю это весьма не нравится. Духовнику сделан выговор и запрещено принимать нас. Димитрий Александрович сожалел о духовнике и в скорби сердца собирался объясниться с Владыкою.

Приехал в Петербург о. Леонид; познакомились с ним. После первой беседы Димитрий сказал: «Сердце вырвал у меня о. Леонид, теперь решено дело. Иду проситься в отставку от службы и последую Старцу; предамся ему всею душою и буду единственно искать спасения своего в уединении».

По отбытии Старца в Александро-Свирский монастырь мы вели с ним переписку. Окончив курс в верхнем офицерском классе, товарищ подал просьбу об увольнении от службы, по слабости здоровья. Государю угодно было поручить Великому Князю Михаилу Павловичу уговорить его не выходить из службы, почему и приказано было явиться ему в Михайловский дворец, где Великий Князь в присутствии графа Оппермана, главного начальника всех военно-учебных заведений, долго испытывал его: почему оставляет службу? не желает ли определиться к штатным делам? не хочет ли идти в монастырь? не славнее ли спастись в мире? не желает ли избрать какое-либо место в Южной России для поправления здоровья? И все это потому, что Государь не желает его, Брянчанинова, уволить.

Решено было послать Димитрия в Динабургскую крепость, где он и провел целый год, большею частью в болезни. Я поступил в Саперный учебный батальон.

Прошел год. Великий Князь посетил Динабург. Товарищ мой снова подал прошение об отставке. Великий Князь прислал к нему своего адъютанта сказать, что готовлено было для него место полезное Государству, но как нет закона насильно держать на службе, потому и увольняет его. Получив указ об отставке, Брянчанинов прибыл в Петербург и поторопился с отъездом в Александро-

Свирский монастырь, к старцу о. Леониду. Отсюда почти через год Старец со всеми учениками переместился в Площанскую пустыню, Орловской губернии, Севского уезда. Проездом он остановился в Петербурге, и мой товарищ поместился у меня.

Из записок Михаила Васильевича Чихачова[1]

В автобиографических записках Михаила Васильевича Чихачова записано следующее удивительное явление епископа Игнатия Александре Васильевне Жандр на 20 день по его кончине, 1867 года 19 мая. Явление это глубоко назидательного смысла по существу и важное для характеристики воззрений современников на личность почившего Святителя.

«Тяжелая скорбь подавила все существо мое с той минуты, как дошла до меня весть о кончине Владыки. Скорбь эта не уступала и молитве: самая молитва была растворена скорбию, невыносимою, горькою. Ни днем, ни ночью не покидало сердца ощущение духовного сиротства. И душа и тело изнемогли, до болезни. Так прошло время до 20-го дня по кончине Владыки. На этот день я готовилась приобщиться Святых Таин в одном из женских московских монастырей. Так сильно было чувство печали, что оно даже во время Таинства Исповеди не покидало меня, не покидало и во все время совершения литургии. Но в ту минуту, как Господь сподобил меня принять Святые Таины, внезапно в душу мою сошла чудная тишина, и живая молитва именем Господа нашего Иисуса Христа ощутилась в сердце. Так же внезапно и для меня самой непонятно печаль о кончине Владыки исчезла. Прошло несколько минут, в течение которых я отошла на несколько шагов от Царских врат и, не сходя с солеи, стала по указанию матери игуменьи на левый клирос прямо против иконы Успения Божией Матери. В сердце была молитва, мысль застыла в молчании, и вдруг пред внутренними глазами моими, как бы в самом сердце, но прямо против меня у иконы Успения, возле одра, на котором возлежит Царица Небесная, изобразился лик усопшего Святителя — красоты, славы, света неописанных! Свет озарял сверху весь лик, особенно сосредоточиваясь наверху главы. И внутри меня, опять в сердце, но вместе и от лика, я услышала голос; заронились мысль, поведание, луч света; почувствовала радость, пронизавшую все мое существо, а оно и без слов, но как-то дивно передало внутреннему человеку следующие

[1] *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 1. Киев, 1915. С. 332–337.

слова Святителя: “Видишь, как тебе хорошо сегодня. А мне, без сравнения, так всегда хорошо, и потому не должно скорбеть обо мне”. Ясно и отчетливо я видела и слышала это, как бы сподобилась увидеть Владыку и слышать от него необходимое изустно. Несказанная радость объяла всю душу мою, живым отпечатком отразилась на лице моем так, что заметили окружающие. По окончании литургии начали служить панихиду. И какая это была панихида! В обыкновенных печальных надгробных песнопениях слышалась мне дивная песнь духовного торжества, радости неизглаголанной, блаженства и жизни бесконечных. То была песнь воцерковления вновь перешедшего из земной, воинствующей Церкви воина Христова в Небесную Церковь торжествующих в невечерней славе праведников. Мне казалось, что был Христов день, таким Праздником ликовало все вокруг меня, и в сердце творилась тихая молитва.

Вечером того же дня (19 мая) я легла в постель: сна не было. Около полуночи, в полной тишине ночи, откуда-то издалека донеслись до слуха моего звуки дивной гармонии тысячи голосов. Все ближе и ближе становились звуки: начали отделяться ноты церковного пения ясно, наконец стали отчетливо звучать слова... И так полно было гармонии это пение, что невольно приковывалось к нему все внимание, вся жизнь... Мерно гудели густые басы, как гудит в Пасхальную ночь звон всех московских колоколов. И плавно сливался этот гул с мягкими, бархатными тенорами, с серебром рассыпавшимися альтами, и весь хор казался одним голосом — столько было в нем гармонии! И все яснее и яснее выделялись слова. Я отчетливо расслышала: “Архиереев Богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало”. И вместе с тем для самой меня необъяснимым извещением, без слов, но совершенно ясно и понятно, сказалось внутреннему существу моему, что этим пением встречали епископа Игнатия в мире небесных духов. Невольный страх объял меня, и к тому же пришло на память, что Владыка учил не внимать подобным видениям и слышаниям, чтобы не подвергнуться прелести. Усиленно старалась я не слышать и не слушать, заключая все внимание в слова молитвы Иисусовой, но пение все продолжалось помимо меня, так что мне пришла мысль, не поют ли где на самом деле в окрестностях. Я встала с постели, подошла к окну, отворила его: все было тихо, на востоке занималась заря.

Утром проснувшись, к удивлению моему я припомнила не только напев, слышанный мною ночью, но и самые слова. Целый день, несмотря на множество случившихся житейских занятий, я

находилась под необычайным впечатлением слышанного. Отрывочно, непоследовательно припоминались слова, хотя общая их связь ускользала от памяти. Вечером я была у всенощной: то была суббота — канун воскресения шестой недели по Пасхе: пели Пасхальный канон. Но ни эти песнопения, ни стройный хор Чудовских певчих не напоминали мне слышанного накануне: никакого сравнения не провести между тем и другим. Возвратившись домой, утомленная, усталая, я легла спать. Но сна опять не было, и лишь только что начал стихать городской шум, около полуночи, слуха моего снова коснулись знакомые звуки, только на этот раз они были ближе, четче, и слова врезывались в память мою с удивительной последовательностию. Медленно и звучно пел невидимый хор: "Православия поборниче, покаяния и молитвы делателю и учителю изрядный, архиереев Богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало: писаньми твоими вся ны уцеломудрил еси. Цевнице духовная, новый Златоусте: моли Слова Христа Бога, Его же носил еси в сердце твоем, — даровати нам прежде конца покаяние!" На этот раз, несмотря на то что я усиленно творила молитву Иисусову, пение не рассеивало внимания, а еще как-то неизъяснимым образом и моя сердечная молитва сливалась в общую гармонию слышанного песнопения, и сердце живо ощущало и знало, что то была торжественная песнь, которой небожители радостно приветствовали преставльшегося от земли к небесным земного и небесного человека, епископа Игнатия. На третью ночь, с 21 на 22 мая, повторилось то же самое, при тех же самых ощущениях. Это троекратное повторение утвердило веру и не оставило никакого смущения, запечатлело в памяти и слова "тропаря", и тот напев, на который его пели, как бы давно знакомую молитву. Напев был сходен с напевом кондаков в акафистах. После мне сказывали, что это осьмый глас, когда я показала голосом, какой слышала напев».

Об Александре Васильевне знавшие ее лица отзываются с глубоким уважением, как о человеке высокообразованном, глубоко религиозном и безупречно правдивом. Ввиду этого и заверяемое ее свидетельством небесное прославление святителя Игнатия, помимо своего общего назидательного смысла, вызывает на размышление о многотрудном житии владыки Игнатия, его непрерывно-напряженном подвиге совершенствования, о его бесконечно чистой и ясной детской вере в страну обетования, в вечную радость Богообщения. И ознакомившись с поведением А. В. Жандр, читатель

невольно склоняется в душе своей к сочувственному движению: по вере вашей да будет вам, и да не посрамит вас упование ваше, а святитель Игнатий действительно мыслится как небесный предтеча своих учеников и чтителей, молящий Господа Бога даровати им прежде конца покаяние.

Не менее важным по своему внутреннему смыслу представляется переданное Софией Снессоревой М. В. Чихачову чудесное сновидение о епископе Игнатии, по времени примыкающее к ближайшим дням по смерти Святителя. Рассказ о сновидении С. И. Снессоревой[1] представляется в следующем виде. «В последнее свидание с преосвященным Игнатием, 13 сентября 1866 года, он, прощаясь, сказал мне: "София Ивановна! Вам, как другу, как себе говорю: готовьтесь к смерти — она близка. Не заботьтесь о мирском: одно нужно — спасение души! Понуждайте себя думать о смерти, заботьтесь о вечности!" 30 апреля 1867 года (в неделю Мироносиц) преосвященный Игнатий скончался в Николаевском Бабаевском монастыре. Я поехала на его погребение, совершившееся 5 мая. Невыразима словом грустная радость, которую я испытала у гроба его. — В субботу, 12 августа 1867 года, ночью худо спала, к утру заснула. Вижу — пришел владыка Игнатий в монашеском одеянии, полный цветущей молодости, и с грустью и сожалением смотрит на меня: "Думайте о смерти, — говорит он. — Не заботьтесь о земном! Всё это только сон, земная жизнь — только сон! Всё, что написано мною в книгах, всё — истина! Время близко, очищайтесь покаянием, готовьтесь к исходу. Сколько бы вы ни прожили здесь, всё это один миг, один только сон". На мое беспокойство о сыне Владыка сказал: «Это не ваше дело; судьба его в руках Божиих! Вы же заботьтесь о переходе в вечность». Видя мое равнодушие к смерти и исполняясь состраданием к моим немощам, он стал умолять меня обратиться к покаянию и чувствовать страх смерти: "Вы слепы, ничего не видите, и потому не боитесь, но я открою вам глаза и покажу смертные муки". Я стала умирать. О, какой ужас! Мое тело стало мне чуждо и ничтожно, как бы не мое, вся жизнь "перешла" в лоб и глаза; мое зрение и ум увидели то, что есть действительно, а не то, что нам кажется в этой жизни. Эта жизнь — сон, только сон! Все блага и лишения этой жизни не существуют, когда наступает со смертию минута пробуждения. Нет ни вещей, ни друзей — одно необъятное пространство, и всё

[1] Софья Ивановна Снессорева (1823–1904), духовная писательница, вела корректуру книг святителя Игнатия. — *Ред.*

это пространство наполнено существами страшными, непостигаемыми нашим земным ослеплением; нечистые кишат вокруг нас в разных образах, окружают и держат. У них тоже есть тело, но тонкое, как будто слизь какая, ужасное! Они лезли на меня, лепились вокруг меня, дергали меня за глаза, тянули мои мысли в разные стороны, не давали перевесть дыхания, чтобы не допустить меня призвать Бога на помощь. Я хотела молиться, хотела осенить себя крестным знамением, хотела слезами к Богу, произношением имени Иисуса Христа избавиться от этой муки, отдалить от себя сии страшные существа, но у меня не было ни слов, ни сил. А эти ужасные кричали на меня, что теперь уже поздно, нет молитвы после смерти! Все тело мое деревенело, голова была неподвижна, только глаза всё видели и в мозгу дух всё ощущал. С помощью какой-то сверхъестественной силы я немного подняла руку, до лба не донесла, но на воздухе я сделала знамение креста, тогда страшные скорчились. Я силилась не устами и языком, которые не принадлежали мне, а духом хвалить имя Господа Иисуса Христа; тогда страшные прожигались, как раскаленным железом, и кричали на меня: "Не смей произносить этого Имени, теперь поздно!" Мука неописуемая! Лишь бы на одну минуту перевесть дыхание! Но зрение, ум и дыхание выносили невыразимую муку оттого, что эти ужасные страшилища лепились вокруг и тащили их в разные стороны, чтобы не дать мне возможности произнести имя Спасителя. О, что это за страдание! — Опять голос владыки Игнатия: "Молитесь непрестанно, всё — истина, что написано в моих книгах. Бросьте земные попечения, только о душе заботьтесь". И с этими словами он стал уходить от меня по воздуху как-то кругообразно, всё выше и выше над землею. Вид его изменялся и переходил в свет. К нему присоединился целый сонм таких же светлых существ, и все как будто ступенями необъяснимой, невыразимой словом лестницы. По мере восхождения Владыка становился неземным, как и все присоединившиеся к нему в разных видах, принимая невыразимо прекрасный, солнцеобразный свет. Смотря на них и возносясь духом за этою бесконечною полосою света, я уже не обращала внимания на страшилищ, которые в это время бесновались вокруг меня, чтобы привлечь мое внимание новыми муками. Светлые сонмы тоже имели тела, но похожие на дивные, лучезарные лучи, пред которыми наше солнце — ничто.

Эти сонмы были различных видов и света, и чем выше ступени, тем светлее. Преосвященный Игнатий поднимался всё выше

и выше. Но вот окружает его сонм лучезарных святителей, он сам потерял свой земной вид и сделался таким же лучезарным. Выше этой ступени мое зрение не достигало. С этой высоты владыка Игнатий еще бросил на меня взгляд, полный сострадания. Вдруг, не помня себя, я вырвалась из власти державших меня страшилищ и закричала: "Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, преосвященного Игнатия, и святыми его молитвами спаси и помилуй меня грешную!" Мгновенно все ужасы исчезли, настала тишина и мир. Я проснулась в жестоком потрясении.

Никогда ничего я не боялась и всегда охотно оставалась однаодинехонька в доме, но после этого сна несколько дней чувствовала такой ужас, что не в силах была пережить уединение. Много дней я ощущала необыкновенное чувство посредине лба: не боль, а какое-то особенное напряжение, как будто вся жизнь собралась в одно место. Во время этого сна я узнала, что когда мой ум сосредоточивается на мысли о Боге, на имени Иисуса Христа, ужасные существа мигом удаляются; но лишь только мысль развлекалась, в тот же миг демоны окружали меня, чтобы помешать моей мысли обратиться к Богу и молитве Иисусовой»[1].

Александра Купреянова[2]

Из семейных воспоминаний[3]

I

Село Покровское было старинным дворянским гнездом. В прошлом столетии им владел Александр Семенович Брянчанинов, один из наиболее уважаемых людей в губернии. Бывший камерпажом при Императоре Павле, затем — другом Поздеева и других благочестивых масонов того времени, оставивший Петербург после 1812 года, он перенес и в северную глушь свои утонченные привычки. Покровское было им устроено заново. Воля его и художественный вкус создали маленький Версаль с замком-домом, царственным садом и изящной церковью на бесплодной илухе глинистой русской горы.

[1] Записки М. В. Чихачова. Рукопись [Примеч. Л. Соколова]. С. 154–161. || [2] Александра Николаевна Купреянова — родная племянница Святителя. — *Ред.* || [3] Богословский вестник. 1914 г. Апрель. С. 650–663; Май. С. 9–17; Июнь. С. 265.

Обычно помещичьи дома строились тогда деревянные, четвероугольные, с большим рундуком и тесною прихожей, где всегда пахло аммиаком. В лакейской Покровского дома, как и в комнатах, стоял запах цветов, принесенных из оранжереи, или тонкого французского табака. Барин нюхал; курить считалось здесь дурным тоном. Служили барину не Осипы и Захары, а вышколенный, знающий свое дело камердинер; такими же были и прочие слуги, в особенности дядька и почтенная, хотя молодая еще, няня при детях.

У Александра Семеновича и жены его родилось шестнадцать человек детей; все они росли первые годы под надзором преданной душой и телом няни Ефимовны. В случаях тяжелой болезни которого-нибудь из детей нянька являлась к барыне с докладом: «Матушка Софья Афанасьевна, пожалуйте благословить малютку, — трудятся». Мать шла, благословляла ребенка и спокойно возвращалась к своему долгу. А долг ее был — угождать мужу и поддерживать достоинство дворянской семьи. И так как никто не мешал детям болеть и умирать, то из шестнадцати человек осталось в живых девять. Старшим был Дмитрий Александрович, впоследствии известное духовное лицо, а младшею — моя мать, Марья Александровна...

И для меня, в детстве моем и ранней молодости, Покровское было волшебной сказкой, воплощенной мечтой. До сих пор во мне живо воспоминание Покровской старины: высокие кусты роз в простенках между окон, синяя гостиная с штофной мебелью, круглая зала, обширная и светлая, где собирались внуки и дети большого барина для чинных обедов; балкон с белыми львами, душистые жасмины кругом; над балконом на каменной стене дома лепные украшения в виде рыцарских доспехов; внутри — широкая витая лестница наверх и антресоли вверху с таинственными чердаками. О, как таинственны были эти низкие, темные чердаки! Какими удивительными историями населяло их мое воображение! И кто знает, скольких действительных историй они были свидетелями?

В этом-то прекрасном доме, в этой воплощенной мечте вырастало молодое поколение Брянчаниновых. Среди детей само собою образовалось несколько дружных пар. Только старшая дочь, Александра Александровна, нелюбимая матерью, стояла одиноко. Дмитрий Александрович делил мысли и чувства с следующим за ним братом, Петром. Веселый, румяный Сашенька ладил со всеми. Средние — Сенюшка и Лизонька, похожие друг на друга, шалили

вместе. Изящная Сонечка тянулась душой к Дмитрию и была им любима. Младшего же брата Мишу соединяла с моею матерью такая неразлучная дружба, что в семье прозвали их общим именем «Мишмашак».

Главным правилом воспитания считалась в Покровском неумолимая строгость. Странно уживались в барине такт и светлый ум, и образованность с деспотизмом, перещеголявшим заветы самого «Домостроя».

Софья Афанасьевна нежно любила сына Дмитрия, но любовь к детям скрывалась здесь, как недостойная слабость. То было царство розги. После одного несправедливого наказания мать моя вздумала протестовать; за это ее высекли во второй раз до обморока. Михаил Александрович, мальчик самолюбивый, однажды прокусил себе до крови руку, стараясь не закричать во время экзекуции. Виной его было то, что, услышав в деревне разговор о мошенничествах старосты, он, с свойственною ему горячностью, прибежал рассказать об этом папеньке. Вмешался в дела взрослых, что, конечно, не допускалось.

Помню, в старости дед сказал раз о своих детях:

— Старших я держал строго — и проиграл; меньших баловал, и ничего не выиграл.

Что он надеялся выиграть — не знаю и отчего проиграл на тех, кто принес честь его имени, — непонятно. Но если младших описанным образом баловали, то что должны были выносить старшие? И мудрено ли, что воспоминания грустного детства вливали впоследствии некоторую холодность в отношении их к отцу?

Воспитание, которое получали молодые Брянчаниновы, было по тому времени блестящим. Каждый день свежая тройка привозила лучших учителей из города и отвозила обратно; два учителя и гувернантка жили постоянно. Обращалось внимание на искусства; в даровитой семье у одних были склонности к музыке, у других — к литературе; у третьих — к живописи. Все эти таланты развивались. В то же время детей Брянчаниновского дома не только наказывали, но и держали впроголодь по утрам. Не из скупости, конечно: того требовала суровая система.

Ослепнув под старость, няня Ефимовна доживала свой век в нашем Вепревском доме. Мы, дети, бегали по вечерам слушать, как она молится. Молилась она вслух, долго и слезно, за себя и за всех, кого она любила, причем с рыданиями умоляла Бога простить ей тот грех, что она однажды, рассердившись,

хлопнула барышню Лизавету Александровну. Имея перед глазами каждодневное сеченье детей, эта чистая душа ставила себе в вину единственный, вероятно, легкий удар! Об этой няньке Петр Александрович — губернатор и старик — вспоминал как о своей благодетельнице.

— Те ломтики хлеба, что нам Ефимовна совала тайком, были ми-лос-ты-ней! — говорил он дрожавшим от волнения голосом.

Ефимовна всегда старалась скрывать вины детей от господ: дядька, напротив, верный цербер, не пропускал ни одной.

Утро начиналось в Покровском докладами. Доклады эти я живо могу себе представить по рассказам матери и слепой няни...

Семь часов. Барин уже вышел из спальной и отправился в кабинет. Домочадцы с замиранием сердца слышали трубный звук его сморканья, означавший, что он гневен. Наверх, осторожно ступая в больших сапогах, прошел староста Матвей. Няня Ефимовна явилась в спальную с докладом о детях.

Спальная — просторная и прохладная комната с колоннами и единственным широким окном в сад. Барыни там не было. Она сидела перед туалетом в маленькой розовой уборной.

Сложив по-монашески руки под грудью, Ефимовна у двери положила низкий поклон.

— Матушка Софья Афанасьевна, с добрым утром!

Барыня обернула к ней спокойное, чуть-чуть бледное лицо.

— Ну что, Ефимовна? Все благополучно?

— Все, матушка; у Сонечки прошел кашель.

— Так не завязывай ей горла. Лизанька что? — спросила она о своей любимице.

— Хорошо ночевали-с, — отвечая улыбкой на ее улыбку, сказала Ефимовна.

— А Маша? — уже равнодушнее спросила барыня.

— Машенька тревожились. Все еще здоровьице плохо. Опять бы, матушка, месяц-другой в баньке их порастирать. Извольте помнить, они до трех лет не ходили, так одной банькой я...

— Не надо, она уже большая, — перебила мать.

Нянька подавила вздох.

— С вечера тревожились, плакали во сне; шести лет, какия еще большия? — прибавила она на свой страх из жалости к больной девочке. Она знала причину ее слез во сне: ребенка запугали вчера, уча молитвам «с пристрастием».

Софья Афанасьевна не ответила. Занятая своими мыслями, она рассеянно перебирала рукой дорогие безделушки в раковине, лежавшей у зеркала.

— А как Александра Александровна... спала ночью?

Ефимовна опустила глаза. Она хотела бы умолчать, но дело было выходяще из ряда. Барыня заметила ее нерешительность и настойчиво и строго повторила:

— Спала Александра Александровна, я спрашиваю?

— Матушка, оне... молились.

— Опять на коленях?

— Точно так.

— Всю ночь?

— На рассвете заснули.

Мать пожала плечами — «подумала» с невольным враждебным чувством о дочери.

— Не люблю я этих причуд. Все спят, кто не хуже ее, а она... На все есть время... Можешь идти.

После Ефимовны вошел дядька. Барыня, разгневанная известием о ночной молитве дочери, не ответила на его поклон. Но заслуженный и верный слуга, не смущаясь барыниным строгим видом, отдал свой рапорт.

— По детской все здоровы, сударыня-матушка. Петр Александрович изволили вчера изорвать сапожок. На пруд вечером изволили выходить и изорвали.

— С кем ходил на пруд?

— Одни-с. Дмитрий Александрович не изволили отлучаться.

«Митенька всегда умен, — подумала, смягчаясь, Софья Афанасьевна. — Право, его даже наказывать...» — и, не докончив своей мысли, спросила:

— Еще что?

— Семен Александрович дразнили Александру Александровну.

Барыня махнула рукой: мимо!

— Михайло Александрович изволили бегать по калидору заместо того, чтоб ложиться спать. Шуметь изволили. Я докладывал, что не велено; не изволили послушать...

— Останется без «руки».

На Мишеньку, как на бедного Макара, всегда падали шишки. Александру Александровну любил отец, как Дмитрия Александровича — мать, но Мишенька для обоих родителей был нелюби-

мый. Выходки его были так неуместны, он не ласкался к родителям, когда это полагалось, а если ласкался, то не вовремя, глаза его так странно разбегались, а волосы торчали вихрами, он имел такой нелепый озабоченный вид, точно все о чем-то думал. Пристало ли думать, когда самого от земли не видно? и могло ли это нравиться в доме, где от детей требовался лишь страх и послушание?

Дмитрий Александрович был тоже задумчив, но мать — светская женщина — считала эту задумчивость неотъемлемою принадлежностью его блестящих способностей, ласкавших ее честолюбивые мечты перспективою высокой будущей карьеры для сына.

Кончая свой доклад, дядька объявил:

— Дмитрий Александрович изволили в постели читать наизусть псалом «Помилуй мя Боже, яко попра мя человек...» Изволили сказать: этот-де псалом ко многим подходит.

Софья Афанасьевна, слегка наклонив голову, мысленно пробежала начало псалма, подумала немного и с быстрым взглядом спросила у дядьки:

— Ты не знаешь, о себе это говорил Митенька или о всех людях?

Дядька был уверен, что молодой барин прилагал слова псалма именно к себе и братьям. Но он не имел на это ясных доказательств и, как человек добросовестный, не желал свидетельствовать ложно. Он отвечал:

— Не могу знать, сударыня-матушка.

— Ступай.

— Боюсь я, слишком серьезен Митенька, — промолвила едва слышно мать. Хорош и умен, но зачем так серьезен?..

Вспомнив об уме и красоте Митеньки, она с горечью подумала, как это может ее муж не любить такого совершенного сына? И мысль ее мгновенно обратилась на всю массу огорчений, надежд, усилий, ежечасного напряжения ума и воли, которая составляла внутреннюю сущность ее жизни, скрываясь под внешним декорумом высокой и невозмутимой порядочности. Но предаваться этим мыслям она не позволила себе. Покрыв свои вьющиеся волосы чепцом с широкой сборкой, она встала и величавой походкой, походкой барыни, вышла из спальных комнат.

Мужская детская, расписанная по штукатурке зелеными и белыми полосами, сходящимися на потолке наподобие шатра. Большое полукруглое окно открывает вид на церковь. Второе окно

приходится против вершин старых лип сада, и лишь наклонясь, можно видеть у корней их, внизу, густо затененную почву и длинные гибкие скамьи — качалки.

Пока дядька, Дормидонт Дмитрич, ходил с докладом, в нишу окна, пользуясь временным отсутствием своего надсмотрщика, уселись два мальчика — 13-ти и 12-ти лет. Старший из них славился впоследствии в Петербурге своею красотою. Но теперь на тонких чертах его лица и в больших темных глазах видна была грусть, — не мимолетная, детская, а безнадежная, глубокая, при виде которой чуткому человеку сделалось бы холодно. В Покровском не было на этот предмет чутких людей. Детское горе никого не удивляло. Одна Ефимовна оплакивала бесплодными и тайными слезами печали своих питомцев.

В более грубых чертах Петруши не заметно было ни той красоты, ни того ума, как у Митеньки, но выражение уныния было то же.

— Как я люблю смотреть сюда, — сказал шепотом старший мальчик, всматриваясь в море зелени за окном. Точно в этих верхушках, в этих листьях, в этом воздухе без границ — и сам я свободен... точно живешь птицей и забываешь всё...

Петруша вздохнул. Его мысли имели более реальное направление.

— Как-то мы проведем сегодняшний день! — сказал он.

Брови его брата, похожие на брови матери, слегка сдвинулись на белом, чистом лбу.

— Да, — отвечал он, не отрывая от окна взгляда. — Я думаю, есть дети, которые встают утром и рады...

— Чему?

— Всему. Что их любят, что еще день... хороший... впереди. А мы просыпаемся в страхе...

— И жалко, что проснулись! — вырвалось у Петруши громче, нежели он хотел.

— Шш-ш! — остановил его Митенька и оглянулся. Но никого не было вблизи. Младшие братья спали.

Петруша наклонился к Митеньке.

— Ты уже отдумал? — спросил он чуть слышно, но с особенным выражением.

Тот не ответил.

— Ты забыл... что хотели? — повторил брат настойчиво.

Шаги Дормидонта Дмитрича слышались на лестнице. Митенька встал и легкою поступью подошел к сонным детям.

— Вставайте, милые, — сказал он, ласково проводя тонкою и нежною рукой по их лицам. — Вставайте, забранят...

Потом, воротившись к окну, быстро подул на стекло и на образовавшемся матовом налете написал: «От папеньки никуда не убежать». И стер все рукавом рубашки в ту самую минуту, когда цербер-дядька отворял дверь.

Девочек между тем, под надзором гувернантки, стягивали корсетами и одевали в муслиновые платья декольте. Потом раздалась команда:

— Faites votre entrée mesdemoiselles!

Девочки с печальными личиками и голыми бледными руками церемонно приседали одна за другой, выговаривая французское приветствие родителям. Это была репетиция входа.

Внизу уже пили чай. Большой самовар шумел на всех парах. За чайным прибором сидела маман в чепчике и желтом камлотовом капоте с пелериной. Ее белые руки, сухие и породистые, скоро и плавно разливали чай и раздавали чашки присутствующим. С тою любезностью, которая составляла ее главное очарование, маман вела разговор с учителями и гостившей родственницей, вела одна, потому что папа был не в духе и хмуро молчал. Вид у маман был счастливый и спокойный.

Девочки еще только спускались с лестницы, когда мальчики уже были в столовой и Мишенька получил наказание — лишение поцелуя руки. На большом учебном столе были поставлены чашки жидкого чая для детей, с парою пшеничных булок или сухарей при каждой чашке. После чая должны были начаться уроки (летних каникул не полагалось), и детям ничего не позволялось больше есть до обеда. Вот в это-то время нянька искала и находила возможность передать старшим где-нибудь в коридоре кусок черного хлеба, взятый ею для себя из кухни. Ничего другого нельзя было ей унести, не возбудив подозрения.

За младшими детьми надзор был слабее, и жилось им легче; мальчики между уроков успевали сбегать в сад нарвать яблоков и поделиться ими с сестрами; делалось это под страхом, но казалось тем веселее.

Не надо думать, что жизнь молодых Брянчаниновых была совсем безрадостна. От них многого требовали, но многое им и давали. Для них были устроены и качели, и превосходные зимние горы в саду; плоты на пруде, верховая езда; не только мальчикам, но и девочкам позволялось изредка сопровождать отца на охоту: то был

дворянский обычай. Щедро пользовались они фруктами, ведь фрукты не продавались, конечно, а яблоки считали в Покровском мешками. Но и кроме всего этого, сколько счастья могла доставить этим тонко чувствовавшим детям природа: прогулки, впечатления прекрасного сада, широкого простора полей и лугов, красота Покровского, раскинутого на двух холмах, чистый воздух. И жаль, что к этим прекрасным, чистым радостям, уделу немногих счастливых, так часто примешивалось мучительное чувство страха.

Не забылся старшими братьями такой случай.

В Покровское приехал знакомый помещик с подростками-сыновьями. Вследствие этого уроки Митеньки и Петруши были прекращены: надо было занимать гостей. Мальчики ходили гулять очень степенно, без шалостей, так как уже не считали себя детьми. Полюбовались на фонтан, посидели в гроте и к чаю возвратились.

Для молодых господ чай был сервирован отдельно от взрослых. Прислуживал им дядька. К чаю были поданы сдобные сухари из белой муки — по адресу гостей, и другие, из домашней пшеничной, — для своих. Но Митенька и Петруша, среди разговора, взяли и себе по два белых сухаря, как брали их гости.

— Не из жадности, уверяю, — говорил Петр Александрович, рассказывая впоследствии этот случай в нашем доме, — а потому, что унизительно было показать гостям, что нам не дают есть того же, что им...

Дядька видел преступление и донес. По отъезде гостей обоих братьев поставили на три часа на колени, заставив их при этом держать по белому сухарю во рту. Все домочадцы ходили мимо и видели это.

— Стыдно нам было, Машенька, убийственно стыдно. Сухари во рту тают, проглотить не смеем... А главное — стыдно, — рассказывал с горьким выражением старик. — Ну, и обидно. Не маленькие ведь мы были... За что?

Какая же огромная сила, какой избыток энергии бил ключом в этих молодых душах, если они при таком режиме не обезличились, не отупели, не выросли забитыми и безвольными! Что давало им эту силу?

Отчасти — широта барской жизни и природа. Но больше, главнее всего — вера. В том Евангелии, которое говорит: «Приидите ко Мне, вси труждающиися и обремененнии», — они находили и утешение, и силу терпеть, и преданность долгу. Настроение всей семьи покровских Брянчаниновых было глубоко православное и

церковное; вольтерьянство не коснулось души деда. И на кого могли надеяться несчастные дети, кроме Бога? Суровое воспитание сыграло для них роль того тяжкого молота, который, «дробя стекло, кует булат». Оно выковало из них людей строгой честности и серьезного отношения к жизни; в них не было ничего пошлого, но не было, может статься, и достаточной мягкости характера, терпимости к чувствам и идеям других.

Прошло пять-шесть лет после описанных сцен — многое изменилось. Родительская ферула ослабела, по крайней мере, для сыновей.

Юноши в военной форме уже чувствуют себя почти свободными. Зимой, приезжая в Покровское, бывают на балах в городе, сопровождая маман и сестер, а в деревне катаются на тройках и за околицей приглашают к себе в сани хорошеньких крестьянских девиц. Сестер, в их широких салопах, катают тоже, но с меньшей охотой, и частенько опрокидывают сани в снег, потешаясь над барышнями.

При молодых господах еще живет в Петербурге верный барину дядька, еще шлет в Покровское рапорты такого, например, содержания:

«...Петр Александрович, будучи у господ Анненковых на вечере, изволили потерять батистовый платочек с вензелем... К тому же вечеру Михайло Александрович изволили купить дорогих духов, за 5 целковых флакончик махонький, а я докладывал, что можно бы одеколоном подушиться, на всех-де вертопрахов смотреть здешних нечего, изволили сказать, посмеявшись довольно: "Сами вы, Дормидон Дмитрич, одеколоном прыскайтесь". А я не то что прыскаться, а у меня над каждой Вашей милости господской копейкой болит сердце. Опять же Александр Александрович изволят по ночам не возвращаться долго и разговоры не зело подобные ведут промеж прочих господ офицеров, а впрочем случалось, вставали до свету и уезжали. Куда — не сказывают, и я, раб Вашей милости, уследил и дознался, что изволят до службы ездить в Невскую Лавру к заутрене, и о том Вашей милости докладываю, и что Дмитрий Александрович беспеоечь изволят прибывать в Лавру, когда только свободны от дежурства во дворце; а белье у Дмитрия Александровича все цело, которое пошло с нами из усадьбы, а дружбу они ведут только с одним господином офицером Ч[ихачо]вым и вместе в Лавру ездят...»

Читая эти послания, Александр Семенович хмурился и пожимал плечами, но должен был сознаться, что все это в порядке вещей,

и если в поведении сыновей было что странное, то скорей их приверженность к Невской Лавре, а не ночные похождения Сашеньки.

Проходят еще года. Дмитрий Александрович огорчает родителей: поступает в монастырь, бросив светскую карьеру, которая шла полным ходом. Между тем Софья Афанасьевна начинает хворать, перемогается, но болезнь прогрессирует, и любимому сыну самому приходится хоронить свою умершую мать[1]. Покровское остается без хозяйки.

Еще при жизни Софьи Афанасьевны Александра Александровна вышла по страстной любви за некоего бывшего гвардейца Жандра. Вскоре и Сонечка сделалась женою образованного молодого человека из лучшего общества — Боборыкина. Оставались в девицах две младшие дочери — Лиза и Мария. Им Ефимовна заменяла мать, заступалась за них перед грозным барином и даже была им бита за это заступничество.

Когда думаешь о той давней поре — поре крепостного права, — поражает, насколько больше было доброты и здравого понимания вещей, даже понимания христианского долга, в иной простой крестьянской душе, нежели у тех «премудрых», что мнили себя благородными из благородных, и не только мнили, а действительно были такими в своей среде.

Пример — вот эта няня Ефимовна, которая молилась, как юродивый Гриша у Толстого. Была она ровесница Софье Афанасьевне, отдана за нею в приданое, и всегда помнила свой «долг» исключительной преданности барыне и ее детям.

В молодости ее и у ней, как у других девушек, явилась мечта о счастье: ее полюбил садовник Филадельф. Каждое утро на ее окне появлялся букет свежих цветов. Она и Филадельф были славной парочкой. Но когда попросила у господ позволения выйти замуж, ей отказали.— Кому же другому я могу доверить детей? — вскричала барыня. — Нет, нет, ты мне нужна, оставайся в няньках.

И мечта улетела. Без жалоб, без упреков кроткое сердце принесло себя в жертву. У Ефимовны осталась горькая отрада поминать на молитве раба Божия Филадельфа до конца жизни.

Софья Афанасьевна умерла, но Александр Семенович еще не чувствовал себя стариком. У него зарождаются новые планы. Он начинает ухаживать за одной из знакомых барышень. Ходят слухи, что он намерен жениться. Тогда Лиза и Мария просят братьев о помощи.

[1] Софья Афанасьевна Брянчанинова скончалась 25.VII.1832 г. — *Ред.*

Неожиданными и нежеланными для Брянчанинова гостями явились в Покровское сыновья. Почтительно, но твердо они заявили отцу, что не потерпят чужой женщины на месте маман. И сколько он ни выходил из себя, они стояли на своем.

Происходили классические сцены. В конце концов старик уступил.

Опять потекла жизнь в Покровском с виду обычная. Но отсутствие матери давало себя чувствовать, и сестры вскоре поняли, что им надо поспешить выходом замуж. Отец их не удерживал.

Первою Елизавета Александровна приняла предложение заслуженного, но уже очень пожилого генерала, а через два месяца и моя мать сделалась женою молодого соседнего помещика, человека безусловной честности и прямоты, но неравного ей по образованию и привычкам. Все птенцы старого дома разлетелись.

Разнообразною была их судьба.

Дмитрия Александровича ждала епископская кафедра, Петра Александровича — губернаторский пост. Старшая из сестер, после тяжелых неприятностей и разлуки с мужем, впала в мрачное помешательство. Она жила одна с маленькой дочерью в глуши своей приданной деревеньки, где снег заметал крыльцо и волки выли под окнами. В положение девочки вошли тетки, поместили ее в институте; однако и эта девица, после оригинальной жизни, жизни журналистки Катковского лагеря, кончила в доме умалишенных.

Софья Александровна Боборыкина умерла на двадцать третьем году, оставив двух девочек, которые росли, как воспитанные и светские барышни, под надзором отца — настолько умного и любящего, что он не только не подавлял их личностей, но, напротив, помогал им вырабатывать свою самостоятельность и серьезный взгляд на все окружающее.

Из братьев Брянчаниновых смерть подкосила Александра Александровича еще военным, в молодых и цветущих годах жизни, которою он слишком жадно пользовался. Но перед смертью он принял тайный постриг.

Михаил Александрович метался в Петербурге, оставив военную службу по недостатку средств. Благодаря связям брата, архимандрита Сергиевой пустыни, он получал несколько раз хорошие места, но не удерживался на них. И понятно: у человека целые миры в голове и сердце, а тут — канцелярщина, и главное, везде та или другая неправда, а этого он не выносил. Наконец, схватился за другое: купил в долг каретную фабрику; но ему ли было — дворянину до мозга костей —

заниматься коммерческим делом? Женился он в Петербурге на достойной всякого уважения, но бедной и незнатной девушке, которую не захотели признать своей его гордые родственники. Прогорев на фабрике, Михаил Александрович счел для себя спасением то, что отец выделил его, великодушно дав ему большую и доходную усадьбу в северной глуши[1]. Впрочем, он и там впоследствии прожился по своей непрактичности, хотя сам вел хозяйство и ездил наряду с рабочими, с топором и в армяке, за бревнами в лес. Жена долгое время была его ангелом-хранителем, жила безвыездно в глуши и умерла, оставив по себе светлую память во всех знавших ее.

II

Когда Александр Семенович провожал старшего сына в первый раз в Петербург, то дорогою, в карете, спросил его, какого рода службу он предпочитает. Сын, не задумываясь, отвечал:

— Службу Царю Небесному.

На эти слова отец не обратил внимание, но когда сын осуществил их, сделавшись смиренным и бедным послушником, то вся Брянчаниновская гордость поднялась на дыбы. В жизнеописании епископа Игнатия (Дмитрия Александровича) рассказано довольно подробно о том, сколько он выстрадал вследствие деспотического честолюбия родителей, не мирившегося с его призванием. Монашество было для этого человека не карьерой и не средством нажить капиталы. Он раздавал всегда почти все, что имел. Та же родственная черта сказывалась в характере моей матери; такою же была и С. В. Боборыкина, старшая из дочерей любимой сестры о. Игнатия. Другие Брянчаниновы умели также жертвовать многим, но не ближним вообще, а любимым людям. Так, Петр Александрович употребил все свое состояние на издание книг обожаемого им брата.

Узнав о смерти сестры своей, Боборыкиной, отец Игнатий (бывший тогда уже монахом) написал моей матери. Он просил сообщить подробности о последних днях жизни Софьи Александровны, поясняя, что был связан с нею узами исключительной дружбы и надеется увидеться с нею в будущей жизни, по слову Священного Писания: «Бог вселяет единомысленныя в доме»...

Честолюбие деда было удовлетворено, когда отец Игнатий получил в молодых годах сан архимандрита. В те времена духов-

[1] Михаил Александрович Брянчанинов (23.VIII.1811–17.I.1887) впоследствии ушел монашествовать в Оптину Пустынь, где вскоре и скончался. — *Ред.*

ные чины труднее достигались, чем ныне, и больше заслуг для этого требовалось. Итак, дед смягчился. Но уже было поздно: здоровье сына надорвалось лишениями и огорчениями всякого рода, и память о несправедливостях, отравивших его детство и юность, не изгладилась никогда из его сердца.

Прослужив уже несколько лет в Сергиевой пустыни, лично известный Государю, уважаемый Наследником и Великими Князьями, отец Игнатий захотел побывать в родных местах. Быть может, жизнь на виду, с неизбежными неприятностями, наравне с неизбежным официальным почетом, утомила его, и он жаждал природы, сердечности и простоты. Но в Покровском ему была устроена торжественная встреча, «сообразная его положению». Конечно, съехались все родные и ходили около него с таким благоговением, точно он был заживо канонизован. Александр Семенович сам давал тон такого крайнего почета в своем отношении к сыну. В день приезда отец Игнатий был, конечно, на могиле матери; и оставался на кладбище еще долго после того, как священник отслужил панихиду.

Назавтра было назначено торжественное богослужение в Покровской церкви. Приехали соседи, сошлись толпы крестьян посмотреть на архимандрита; надеялись, что отец Игнатий если и не будет служить, то скажет, может быть, речь...

Утром, когда все семейство собралось в угловой «бильярдной» в ожидании первого удара колокола, отец Игнатий сел на диван возле двух девочек Боборыкиных и сказал:

— Батюшка, я не пойду сегодня в церковь. Не очень здоров. Вы все идите, Бог вас благословит, а я останусь вот с ними, — показывает на детей.

Дед был поражен, развел руками, но... возражать не решился.

Оставшись один, отец Игнатий позвал своего келейника, вышел с детьми в сад и там, с помощью этого келейника, Николеньки, катал племянниц на горе все время, пока в церкви шла служба, — на той превосходно устроенной в саду горе, на которой сам он катался в детстве[1].

Чего он желал, то и случилось: парада не вышло, и многие подумали: «Какой же это святой, если он играет с детьми вместо того, чтоб молиться в церкви?»

---

[1] В одном частном письме А. Н. Купреянова поясняет: «Горы, с которых отец Игнатий катал детей летом, были деревянные; то есть горы выбирались настоящие, а каток — из досок, и деревянные колясочки на колесиках». — *Ред.*

Отец Игнатий недолго на этот раз пробыл в Покровском. Вероятно, в это именно посещение им написано стихотворение в прозе «Кладбище»...

Если я не ошибаюсь, после этого своего приезда отец Игнатий еще только один раз был в Покровском, и тоже на короткое время. Дмитрий Александрович ездил в Вологду по делам и заезжал к отцу, но отношения их были исключительно формальные. Переписки между Епископом и Александром Семеновичем не было.

С дочерьми любимой сестры своей, Боборыкиными, отец Игнатий не прерывал теплых и родственных отношений до самой смерти. Они часто пользовались его духовными советами. И не одними духовными. Он не пренебрегал заботою о корректном наружном виде; прежний светский человек сказывался в этом. Однажды, в Сергиевой пустыни, заметив, что приехавшие к нему племянницы причесаны не так, как в это время причесывались в столице, он попросил сестру свою, жену генерала, поехать с ними куда следует и устроить, чтобы прическа их была безукоризненною.

Если он видел на сестрах что-нибудь недостаточно изящное, то тихо спрашивал:

— Что это у тебя, какой наряд!

— Так носят, Владыко.

— Ты не носи.

У С. В. Боборыкиной была привычка, как и у многих, — идя в церковь, надевать скромное, темное платье. Владыка не одобрял этого.

— Зачем это? — говорил он. — Разве ты думаешь, что Богу приятнее видеть тебя в черном платье, нежели в обыкновенном? Или думаешь, что, переодевшись, ты сделаешься ближе к Богу, достойнее?

Сестры иногда каялись ему, сокрушаясь о своих грехах, жалуясь на искушения. Он отвечал.

— Не надо засуживать себя. Господь пришел в мир для грешных. Что же ты удивляешься, что грешна? Разве ты не такая, как все? Ну, и гордость, и прочее. У других это все есть, почему не должно быть у тебя? Ты, значит, считаешь себя лучше прочих? Смиреннее? «При моих-то достоинствах... Смирись-ка другой так, как я!» Это — гордость смирения.

— У Бога мелочей нет, — говаривал он также. — С крупным испытанием всякий борется. Если налетит гроза, человек собирает все свои силы против нее. Победить крупное искушение лег-

ко. А надо приучить себя переносить благодушно мелочные. Это потруднее. Вот, у тебя убирают комнату, и всякий день положат ножницы носком к тебе, всякий день тебе приходится переложить их как нужно, и надо не расстроиться этим, не рассердиться, стерпеть каждый день...

За четыре года до смерти епископа Игнатия мать моя ездила в Бабаевский монастырь, где он жил на покое, и брала меня с собою. Я была мала, и впечатления мои уцелели отрывками. Помню просторную архиерейскую гостиную с окнами на реку. Она не мрачна: одноцветные стены ее приятного шоколадного тона. Над диваном висят большие овальные портреты братьев в золоченых рамах. Масса книг на столах, на полу: гостиная служит и кабинетом. Мебели немного, но все солидное: простота высокоразвитого вкуса. За этой комнатой находилась другая, узкая спальня, имевшая вид более интимного приюта. Здесь висели на стене рясы, а на столе лежало несколько красивых четок — дары друзей.

Сам Епископ был высокий человек, важный, очень уже пожилой, но не казавшийся еще стариком. Только лицо его, полное и бледное, обличало внутреннюю болезненность. Помню, что он сидел обыкновенно на диване, мать моя также, а рядом с Епископом на кресле помещался Петр Александрович. Величественный с нами, Петр Александрович держался перед братом почтительно, даже слишком подчеркивая эту почтительность. Долгие часы просиживала я возле матери, слушая малопонятные мне речи и рассматривая знакомые уже предметы в гостиной. Случалось, на звонок являлся келейник и, выслушав распоряжение, чуть заметно улыбался мне, уходя. Или еще лучше: в подряснике, с опущенными глазами, входил красавец — брат Алеша и, несмотря на строгую монашескую корректность своей манеры, всегда находил возможность ободрить меня быстрым взглядом. «Скучаешь? — спрашивал этот взгляд. — Потерпи, вечером поедем с о. Моисеем кататься».

Петр Александрович жил в Бабайках при брате мирянином; он ходил в сером сюртуке старинного покроя; все понимали, что он в душе монах и держит монашеское правило, хотя и не принимает пострижения, быть может, для того, чтобы ему удобнее было хлопотать по поводу издания сочинений Владыки. Он издавал их на собственный счет, и я знаю, что ему приходилось много возиться не из-за одной материальной стороны дела: возникали какие-то затруднения, ставились преграды, и он ездил объясняться с высокопоставленными лицами, пользуясь своим *положением* бывшего

губернатора. Уходя с губернаторского поста вслед за любимым братом на Бабайки, он взял из гимназии сына Алешу и определил его послушником в монастырь. Но Алеша был наружно и внутренне похож на свою мать; веселая мягкость его характера и бьющая ключом жизнерадостность мешали ему сделаться в душе монахом. Интересная наружность его привлекала провинциальных барынь в бабаевские церкви так же, как тонкая красота епископа Игнатия в его молодые годы привлекала петербургских дам в Сергиеву пустынь, но в последнем случае их намерения пропадали даром, разбиваясь о высокую серьезность и монашеское бесстрастие архимандрита, а на юной Алешиной душе нескромные женские взгляды оставили след. Достигнув совершеннолетия, он и вышел из монастыря; пустил, так сказать, свою ладью в житейское море, сохранив, однако, на всю жизнь глубокую преданность Православной вере и много действительного христианского смирения в душе...

Интересно, что все Брянчаниновы не любили католицизма, но так не любили, что ничего не признавали в нем достойного, едва ли даже считая Католическую церковь действительною Церковью Христовой. Один дед, человек более широких взглядов, читал духовные католические книги, отчасти увлекался Фомой Кемпийским, и это тревожило и возмущало детей, преимущественно старших.

Владыка Игнатий умер ранее своего отца. Была весна, половодье; никто из родных не мог ехать на похороны. Поехала одна Софья Васильевна Боборыкина, девушка горячая и способная к большой преданности. Дед не хотел ее отпустить.

— Это безумие! Ты не поедешь.

— Я поеду, гранд-папа.

— Нет, ты не поедешь.

— Простите меня, гранд-папа, я поеду.

— Я тебя не благословляю.

— Мне это очень грустно, но я чувствую, что должна ехать.

Железной дороги от Вологды тогда еще не было. Софья Владимировна уехала с горничной в тележке знакомого комиссионера, Петра Ледкова. Под Ярославлем перевоза не было; Софья Владимировна проехала подальше за город и там наняла крестьянина, который за хорошую цену доставил двух женщин на другой берег, несмотря на опасность переезда. Затем они попали в Бабайки уже сравнительно легко.

После почившего епископа не осталось наследства. В кармане его подрясника нашли 14 копеек. Это было все, что он имел, потому что лишь за два или три дня до смерти он дал семьдесят пять рублей крестьянину, у которого пала лошадь.

Он был монах...

Дед пережил его, потому что берег себя, и в этом отношении был не чужд некоторого эгоизма, впрочем, совершенно естественного. Не о всем мог он говорить с сыновьями и дочерьми и избегал волнующих разговоров. Волнующие разговоры очень редко приводят к взаимному пониманию и успокоению. Дед был умен и знал это. И потому главною темой его разговоров с детьми была политика. В политике у всех Брянчаниновых был одинаковый взгляд.

Зато как он был тепло внимателен ко всем своим, особенно к внучатам!

Я знала деда в его глубокой старости, но старости красивой и доброй: бывшая суровость его исчезла. В его ясных глазах светилась та снисходительность, купленная ценою долгого опыта жизни, жизни мысли, которая встречается лишь у хороших стариков. О наружности своей он заботился. Какое благородное спокойствие было в его лице, с тонкими чертами, в манере — важной, приветливой и старомодной! Как хороша была его изящная голова с густыми серебристыми волосами, его прямой стан и неторопливая, милая, снисходительная речь! И когда рядом с ним сидели его сыновья — Петр Александрович, тяжелый, бритый, с резкими линиями лица, в сером, громоздком сюртуке; или Михаил Александрович, с вдохновенным, но рассеянным взглядом, лысый, с широкою, косматою бородой, то, право, дед казался и красивее их, и чуть ли не моложе. Понятия его, несомненно, были шире: он интересовался многим из того, что они презирали в своей правоверной односторонности.

Свою манеру не входить в интимность дед нарушал для сестер Боборыкиных, девушек светских и выросших без матери. Как умел он без расспросов угадывать их затруднения, тепло поддержать в трудную минуту сочувственным взглядом, мимолетным, ободряющим словом или иначе: подарить две великолепные розы для корсажа и перекрестить девушку. Я была ребенком, но и мне невозможно забыть, с какою лаской он угощал мать мою и меня лучшими персиками и вишнями из сада, как часто радовал, посылая в Вепрево цветы на Пасху или ранние овощи из теплицы!

У меня есть особая причина вспоминать деда добром. Он один из всех Брянчаниновых любил моего отца, ценя его неподкупную прямоту. Раз, когда отец, побеседовав с ним, уходил, простой и прямодушный, как всегда, Александр Семенович, обратясь к присутствовавшим, сказал:

— Этот человек — святой, и сам того не подозревает...

В полной памяти Александр Семенович дожил до 90[1] лет и умер без больших страданий от воспаления легкого.

После кончины епископа Игнатия неподалеку от Бабаек сгруппировался кружок лиц, связанных с Петром Александровичем единомыслием и знакомством и считавших себя присными по духу почившему Владыке...

III

Хочу оговориться: я не пишу здесь ни о карьере Брянчаниновых, ни о событиях их жизни, внешних: все это, без сомнения, имеет большой интерес, но не для меня. Меня всегда занимал один лишь выходящий из ряда нравственный облик их. Притом пишу исключительно о людях, выросших под кровлею Покровского дома, а не о детях их, и тем более не о другой отрасли Брянчаниновых из усадьбы Юрова, как носящей совершенно различный характер.

Все, что я говорю здесь о Брянчаниновых вообще, не может касаться владыки Игнатия. Как человек исключительного ума и характера, он всегда стоял несколько одиноко, и путь его от самого детства был иной, чем путь его братьев и сестер. Это высказано и в жизнеописании его, составленном Петром Александровичем...

[1] Отец Святителя, Александр Семенович Брянчанинов, скончался 19.IV.1874 г. — *Ред.*

Ольга Шафранова

Предки, современники, потомки

К истории рода святителя Игнатия Брянчанинова[1]

Брянчаниновы принадлежали к тому среднему российскому дворянству, трудами которого на протяжении веков собиралось, обустраивалось, создавалось великое государство, носившее название Российской Империи.

Древо рода Брянчаниновых — это несколько сильно разветвленных стволов. Различные источники сводят все стволы к одному родоначальнику, знаменитому боярину великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского, Михаилу Андреевичу Бренко. С него же начинал родословие и Иван Афанасьевич Брянчанинов, проделавший в последней четверти XVIII в. огромную работу по восстановлению цепочки имен своего рода.

Также Михаила Андреевича Бренко считали своим родоначальником и представители другого известного рода — Челищевых. По их семейному преданию[2], предком Михаила Андреевича был правнук Оттона, курфюрста Люнебургского, Вильгельм Люнебургский. В приложении к гербу Челищевых об этом записано следующее: «В лето 6745 (1237) князю ко Александру Невскому

---

[1] По материалам Российского Государственного Исторического архива (РГИА) — Санкт-Петербург, Государственного архива Вологодской области (ГАВО), Государственного архива Ярославской области (ГАЯрО), Отдела рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ), Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ), Вологодской областной библиотеки, Вологодского областного краеведческого музея, Отдела письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского дома). ‖ [2] *Челищев Н. А.* Сборник материалов для истории рода Челищевых. СПб., 1893.

на Невское побоище приехал из немецких полков служить из Люнебургской земли от поколения короля Оттона муж честен, именем Вильгельм, и, послужа немного в Литве, пришел в Великий Новгород и крестился, и во крещении имя ему дано Леонтий. ...Праправнук сего Леонтия, Михайло Андреевич Бренко, был у великого князя Дмитрия Ивановича боярином».

Если это сообщение правдиво, то можно сказать, что в потомстве Михаила Андреевича у Брянчаниновых сохранялось несколько капель крови германских императоров. Однако предание темно. Один из комментаторов родословия Челищевых приводит следующую запись из документа, хранившегося в Московском Архиве иностранных дел: «Выехал из Семиградской земли к великому князю Ивану Даниловичу, Калите — Андрей Максимович Бренько и крестил его он, великий князь Иван Данилович и женил его Углецких» (то есть на княжне Углецкой). Это известие представляется более достоверным, так как в XIV в., в княжение Ивана Даниловича Калиты, его сыновей, Симеона и Ивана, и внука Дмитрия Ивановича Москва притягивала к себе многочисленных выходцев из других русских земель и из-за рубежа. Именно в это время в Москву выехали родоначальники целого ряда известных фамилий. Как правило, были это люди незаурядные, Москва принимала их «в любовь», воздавая каждому честь по заслугам. Под словом «честь» тогда понимали не только почет и материальные выгоды, но и положение при дворе, на которое эти люди могли рассчитывать по своей службе. Воздавая честь, князья могли вступать с ними в родство, как это случилось с отцом Михаила Андреевича Бренко, которого князь «женил Углецких». Сыновья и внуки таких выходцев из других земель вступали в состав московского боярства, образуя крепкое ядро, на которое опиралась княжеская власть. Вместе со старейшими московскими боярами они становились советниками князя, помощниками по управлению княжеством, организаторами ратных сил, полководцами в бою. В числе таких бояр при великом князе Дмитрии Ивановиче был и Михаил Андреевич Бренко. Летописные источники вообще-то очень скупы на характеристики отдельных действующих лиц эпохи. Только из сказаний о Куликовской битве можно узнать, что Михаил Андреевич занимал при Дмитрии Ивановиче особое положение, так как любил его великий князь сверх меры. По любви была и честь, ему оказанная...

В утро перед битвой великий князь в последний раз объехал полки, призывая воинов сражаться, не боясь смерти. «Укрепив пол-

ки, [князь] снова вернулся под свое знамя чермное и сошел с коня, и на другого коня сел, и сбросил с себя одежду царскую, и в другую оделся. Прежнего же коня своего отдал Михаилу Андреевичу Бренку и ту одежду на него воздел, ибо любил он его сверх меры, и знамя свое чермное повелел оруженосцу своему над Бренком держать». Дмитрий Иванович знал, что в ходе битвы противники будут стремиться достичь и опрокинуть главное знамя, а его самого убить или захватить в плен. Знал он также, что его смерть произвела бы самое гибельное впечатление на войско. Оставив при знамени двойника, он мог безопаснее исполнять свою роль главнокомандующего и выезжать в горячие точки, вдохновляя воинов своим присутствием. Никоновская летопись сообщает, что татары главное внимание обращали на Бренко, и в конце концов «великий стяг великого князя подсекоша и наперсника его любимаго, Михаила Андреевича Бренка убиша».

Михаил Андреевич пал смертью героя на Куликовом поле. Его потомки продолжали служить службу государству. После его сына Ивана родословие Брянчаниновых называет его внука Игната, первого, кто начал писаться Бреньчениновым, затем правнука Софрония и праправнука Василия. Имена сыновей последнего, Бориса и Максима, сохранились также в отчествах их сыновей, о которых уже имеются прямые сведения в различных архивных источниках.

Наиболее ранние известные по документам упоминания Брянчаниновых относятся к 1551 г., когда Афанасий Иванович Брянчанинов участвовал в полоцком походе, и к 1592 г., когда Григорий Брянчанинов был приставом у персидского посла. Но имена этих Брянчаниновых в родословии отсутствуют, очевидно, они принадлежали к иссякшим линиям. Первые известия о Брянчаниновых, помещенных в родословное древо, находятся в опубликованных В. Н. Сторожевым материалах Поместного приказа по Вологодскому уезду и относятся к началу XVII в. Самым старшим из числа действующих в них лиц был «Кирилл по прозванию Любач, Борисов сын Бреньченинов».

Кирилл Борисович, так же, как его отец и дед, как его братья, сыновья и внуки, принадлежал к сословию служилых людей — дворян. Обязанностью служилых людей было несение военной службы. Начиналась служба в 15 лет и продолжалась всю жизнь. Только немощная старость и болезнь, делавшие человека неспособным к службе, освобождали от нее. За службу правительство наделяло

(жаловало) служилых людей земельным окладом. Размеры его были различны и зависели от воинского звания, срока службы, усердия, храбрости, ран, полученных на войне. Наделяя служилых людей земельным окладом, правительство часто предоставляло им самим приискать себе свободные земли в поместье. Отсюда появились два понятия: оклад и дача. Оклад — это во что номинально оценивались услуги того или иного человека; дача — сколько ему было дано фактически. Правительство, по мере успехов в службе, увеличивало земельный оклад, а часть поместья передавало в вотчину. Но оно могло и лишать поместья за неявку в срок, нерадение, преступление. Поэтому размер земельного оклада в определенной степени являлся как бы служебной характеристикой человека, если другие данные о службе отсутствовали.

Документы, касающиеся земельных окладов и фактических владений служилых людей — ввозные грамоты на поместья, челобитные по спорным делам и приговоры по ним, — сосредоточивались в Поместном приказе. Большой удачей для изучения родословия Брянчаниновых следует считать публикацию В. Н. Сторожева материалов Поместного приказа по Вологодскому уезду, так как в них содержатся сведения об их служебном положении, родственных связях, взаимоотношениях, об истории их владений и т. д.

Всем Брянчаниновым, о которых идет речь в материалах, выпало на долю участвовать в тяжелейших событиях Русской истории периода Смуты и первых десятилетий после нее. Так, о «Кирилле, по прозванию Любаче, Борисовом сыне Бреньченинове» узнаем, что он в 1613 и 1615 гг. получил от царя Михаила Федоровича придачу к поместью «за Московский приход», другими словами это означает, что Любач Борисович участвовал в нижегородском ополчении Минина и Пожарского. Вологжане, как известно, одними из первых откликнулись на призыв нижегородцев идти спасать Москву. На примере Любача Борисовича можно судить об отношении служилых людей к своему долгу. Был он в это время весьма пожилым человеком: если учесть возраст его сыновей, ему в это время было уже за 60 лет. В 1615 г. Любач Борисович переписывал земли в Вологодском уезде. Оклад его был 500 четвертей, а выслуженное поместье 157 четвертей. Скончался он в 1617 г.

Женат был Любач Борисович дважды. От первой жены он имел трех сыновей: Петра, Ивана и Бориса. Вторая жена — Ирина Петровна Ушатова, от нее у него были сын Владимир (родился в 1615) и дочери Понарьица (умерла в младенчестве) и Марфица.

Основным источником сведений о старшем сыне Любача Борисовича, Петре Кирилловиче Брянчанинове, являются челобитные Государю в связи с разделом поместья между ним и его пасынком Матвеем Беседным. Из сделанной для прояснения вопроса выписки из Вологодской писцовой книги «письма и меры Ф. И. Измайлова и подьячего М. Бухарова 1620 г. на поместье Петра Кирилловича Брянчанинова» видно, что, кроме спорного поместья, «за ним же, за Петром, не меряно, написано по отдельным книгам, за приписью дьяка Луки Ефимьева, 84-го году (1576) — деревня Орефино на реке на Лухте, а в ней крестьян: во дворе Титко Гарасимов, во дворе Васка Гарасимов, двор пуст Истомки Кондратьева, сшол безвестно... за Пётром же по ввозной грамоте, за приписью дьяка Ивана Ефанова 118-го году (1609), а пашня в грамоте написана по писцовым книгам князя Офонасья Вяземского с товарыщи 93-го году (1585)». Таким образом, оказывается, что за Петром Кирилловичем были пожалования не только от царя Михаила Федоровича, но и более ранние, относящиеся к рубежу XVI–XVII вв.

Спорное дело закончилось в 1627 г. полюбовным соглашением спорщиков, утвержденным Государем. К этому времени назначенный Петру Кирилловичу оклад составлял 550 четей, а в дачах было 213 четей. Скончался он около 1630 г.

Из тех же челобитных можно узнать, что женился Петр Кириллович поздно, в 1611 г., на вдове «на Иванове жене Бехтеярова сына Беседного, на Анне на Григорьеве дочери», и было у них три сына: Василий, Моисей и Семен. Все трое были убиты в 1660 г. во время второй Польской войны при царе Алексее Михайловиче в сражении под Чудновым (Волынским). Причем у Василия и Семена осталось по одному сыну, а Моисей, по-видимому, жениться не успел. Последним из потомства Петра Кирилловича был его правнук Василий.

О втором сыне Любача Борисовича, Иване Любачовом сыне Брянчанинове, известно, что он «был под Смоленском», то есть участвовал в героической 20-месячной обороне Смоленска от польских интервентов в 1609–1611 гг. и в последующих боях вокруг него, в которых большую роль играли войска из выборных от разных городов служилых людей. В 1622 г. ему «за храбрость, проявленную в сражении против литовского короля... стоявшего под Москвой в 127 году (1618) с польскими, литовскими, немецкими людьми и с черкасы», дана вотчина с поместного его оклада 350 четвертей в Вологодском уезде Комельской волости. Здесь речь

шла о новой попытке польского королевича Владислава овладеть московской короной. В 1618 г. он подступил к столице, но после безуспешного штурма вынужден был заключить перемирие и вернуться в Польшу. 24 января 1641 г. Иван Кириллович получил на эту вотчину новую грамоту взамен сгоревшей в 1639 г. В это время его оклад составлял уже 500 четвертей. В последний раз его имя упоминается в челобитной крестьян в 1654 г.

Женат он был на Марфе, и было у них два сына: Герасим и Денис. Второй погиб в 1656 г. под Ковно. А о Герасиме Ивановиче известно, что в 1662 г. он был Пошехонским воеводой. В 1686 г. его имя упоминается в челобитной крестьян из его поместья Архиепископу Гавриилу, в которой они просят прислать им нового попа вместо прежнего, «съехавшего безвестно». У Герасима Ивановича было пятеро сыновей, из них Матвей записан как жилец, а Федор в 1672 г. был полуголовой московских стрельцов, а в 1704 г. — Романовским воеводой. Последним потомком Ивана Кирилловича был его правнук Дмитрий Матвеевич — вахмистр в 1782 г.

Третий сын Любача Борисовича, Борис, станет прародителем трех наиболее известных линий Брянчаниновых, о нем речь пойдет впереди. А четвертый сын, Владимир, скончался в 1639 г., не успев проявить себя и не оставив потомства.

О двоюродных братьях Любача Борисовича, Василии и Иване Максимовичах Брянчаниновых, известно только из материалов Поместного приказа: ни они сами, ни их потомство не названы в родословных росписях Брянчаниновых. Объясняется это тем, что к моменту подачи росписей на рубеже XVIII–XIX в. эта ветвь рода уже угасла. Но в XVII в. они участвовали в государственной жизни не менее активно, чем сыновья и внуки Кирилла Любача Борисовича.

О военной службе Василия Максимовича, проходившей в XVI в., ничего не известно. Но уже на склоне лет, в 1617 г., он был дозорщиком в Сямской волости, а в 1623 г. был переписчиком дворов и лавок в Вологде. Можно предполагать, что был он человеком грамотным и уважаемым, если ему поручалось ответственное дело, Указ по которому гласил следующее: «Писцам по сему государеву наказу на Вологде на посаде и в слободах посацкие живущие тяглые и нетяглые дворы, и дворовые места, и огороды, и лавки, и онбары, и скамьи, и шелаши, и кузницы описати и про всякие угодья сыскивати правду, по государеву крестному целованью; живущих дворов в пусто не писати, и со всяких оброчных угодий никаких государе-

вых доходов не по делу не складывати, и от тово у посадцких и у всяких людей посулов и поминков не имати, ни у кого ничего никоторыми делы, а не по делу ни на ково ничего лишка в сошном письме и оброкех не прибавливать, и искати во всем государю прибыли, как бы государевой казне было прибыльнее, а посадцким бы людем вперед государевы подати платить было возможно. А книги писцовые для береженья держать за своими печатьми».

Приходилось Василию Максимовичу бывать и свидетелем в спорных делах. Так, в 1630 г. на допросе и очной ставке вдовы его двоюродного брата Любача Борисовича, Ирины Петровны с ее пасынком, боярским сыном Борисом, Ирина Петровна «шлется из виноватых в то именье на дядю двоюродного Бориса, на Василья Максимова сына Брянчанинова». В том же году Василий Максимович вместе со своим сыном, сидельцем Федором Васильевичем, выступали свидетелями поступной записи Елизарья Денисьего сына Беседного: «А у подлинной записи назади пишет рука сидельца Федора Брянчанинова... да назади ж пишет: Василей Брянчанинов руку приложил».

В челобитных родственников от 1617–1630 гг. упоминается также родной племянник Василия Максимовича, Воин Иванович, о котором известно, что поместьями он владел еще до 1613 г., что в 1615 г. получил к ним придачу от царя Михаила Федоровича и что к 1620 г. его оклад составлял 300 четей, а в дачах было 100 четей. В Писцовой книге г. Вологды за 1629 г. значится также: «Двор пуст Воина Иванова сына Брянчанинова в длину 10 сажень, поперечь тож».

У Василия Максимовича Брянчанинова было шестеро сыновей, о которых можно узнать из челобитных Государю, в связи с их спором из-за поместий с братьями Олешевыми. Дело началось в 1621 г., когда Шестунка Олешев обвинил старшего брата Брянчаниновых, жильца Петра Васильевича, в незаконном захвате части его поместья. В ответной челобитной Петр Васильевич пишет, что его оклад составляет 450 четей, а поместья на Вологде и на Белеозере — 113 четей, «а не дошло в его оклад 337 четей». Он просит его пожаловать, «велети ему в тот недоход дати на Вологде в Комельской волости из нетчиков из Семенова, да из Борисова, да из Игнатьева поместья Григорьевых детей Олешовых деревню Кривудино да пустошь Облубки...» Он обосновывает свою просьбу тем, что «Семен Олешов по отпискам воевод князя Д. М. Черкаскова в нетех из под Смоленска прошлого 122-го году (1613) декабря в 21 день, а того

не написано збежал или нет». Между тем в «приговоре» о наказании таких «нетчиков» указано: «которые дворяне московские, и жильцы, и дворяне, и дети боярские розных городов под Смоленском не бывали, и у тех поместья взять половина... а которые быв да збежали, и у тех поместья взять в треть и в роздачу роздати бесповоротно».

Чтобы разобраться во взаимных обвинениях, Шестому Олешеву и Петру Васильевичу Брянчанинову была назначена очная ставка, на которую Петр Васильевич представил «Письменные речи», им самим и зачитанные. Обращает на себя внимание, как грамотно и ясно изложена в них суть дела: «...А он Шестой ныне годов в 50, и на государеве службе по ся места нигде не объявливался, а до розбору и помесным окладом не верстан, а своею долею поместья владеет, што ему досталось после отца ево, и ныне; а в челобитье своем написал беспоместен, хотячи нас государю неслугами зделать, таковым же, как сам», в конце приписано: «Дал се речи на очной ставке Петр Брянчанинов, а сказал, что се речи писмо рука ево Петра».

Дело это было решено в пользу Петра Васильевича; упоминаемая в его челобитной деревня Кривудино (Криводино) находилась во владении Брянчаниновых вплоть до 1917 г.

К концу жизни Петр Васильевич имел по окладу 450 четей и в дачах — 310 четей. Из Писцовой книги по г. Вологде видно также, что «имел Петр Васильевич Брянчанинов за соборною церковью к Ильинским воротам двор в длину 16 сажень попереч 10 сажень с полусаженью».

В 1629 г. Петр Васильевич скончался. После его смерти Шестунка Олешев начал снова тяжбу. Но тут против него с челобитной от 14 января 1630 г. выступили беспоместные братья Петра Васильевича: Федор, Борис, Богдан и Семен — Васильевы дети, а 15 марта 1630 г. к Государю обратился также самый младший их брат, Иван, прося отдать ему пустошь Княгинино: «...а та пустошь Княгинино родственная брата моего родного Петра». Это дело также было решено в пользу Брянчаниновых — вдовы Петра Васильевича Маврицы с детьми Константином и Марьей и его братьев.

По крайней мере три брата Петра Васильевича пережили его на много лет. Так, Федор и Семен Васильевичи занимались меной своих поместий с двоюродными племянниками еще в 1663 г. А о Богдане Васильевиче известно из челобитной его жены Авдотьи Михайловны, что он скончался в 1657 г. О потомстве пятерых братьев Петра Васильевича, однако, ничего не известно. Сын же его

самого, Константин Петрович Брянчанинов (р. 1620) в 1664 г. был воеводой в Лихвине и скончался около 1670 года, оставив после себя троих детей: Петра, Арину и малолетнего Степана. Однако уже к 1682 г. из двух сыновей в живых оставался только Степан, умерший около 1700 г. без потомства.

Таким образом, в седьмом колене от родоначальника Михаила Андреевича Бренко из двенадцати Брянчаниновых — родных, двоюродных и троюродных братьев — в результате военных потерь одиннадцать или не имели потомства вовсе, или оно угасло на третьем и лишь в двух случаях — четвертом поколении. Из двенадцати только один, Борис Кириллович, станет продолжателем рода. Благодаря его потомству род Брянчаниновых снова разрастется в ветвистое древо, давшее государству немало полезных деятелей.

Родился Борис Кириллович в конце XVI в., скончался в 1676 г. Вступив в службу в 15 лет, он сразу же оказался «под Смоленском», где проходили тяжелые бои. О дальнейшей его военной службе никаких известий не дошло. Известно только, что в 1626 г. его оклад составлял 350 четей. В этом году он решил отделиться от своей мачехи Ирины Петровны и брата Володимира и подал челобитную, в которой писал, что «поместья за ним нет; а в иных городех поместья ему не дадут и в прииск не пущен». То есть он ссылается на установившийся порядок, согласно которому ему, как вологжанину, поместье могло быть дано только в Вологодской области. Причем для подыскания поместья он должен был получить предварительное разрешение, что называлось «пустить в прииск». В 1639 г. его оклад составлял уже 400 четей.

Женат Борис Кириллович был дважды. Первая жена — N. N. Гневашева, и детей у них не было; вторая жена Марфа Михайловна Шенурова, у них было (доживших до совершеннолетия) семеро сыновей и три дочери. Из дочерей — первая была за Григорием Григорьевичем Монастыревым, умерла вскоре после свадьбы; вторая, Марья, — в первом браке Власьева, во втором Волоцкая; третью — Федору — в 1671 г. братья выдали замуж за Михаила Григорьевича Шубина.

Старшие сыновья Бориса Кирилловича — Семен, Федор и Петр — погибли, так же как трое их двоюродных братьев, в 1660 г. под Чудновым. Причем у Семена и Федора к тому времени было по два сына. Последними известными их потомками были два правнука Бориса Кирилловича, Григорий и Александр Никитичи. Оставшиеся в живых сыновья Бориса Кирилловича — Афанасий, Василий, Иван

и Михаил. Из средних сыновей, у Василия Борисовича было восемь сыновей, последним известным его потомком был правнук, Николай Иванович Брянчанинов, скончавшийся 5 сентября 1848 г. В Вологодских губернских ведомостях ему был посвящен обширный некролог: «Служба его началась в 1786 году. Годы цветущей молодости он посвятил службе военной в гренадерских полках. С 20 декабря 1806 г. по 31 мая 1808 г. был ротным начальником в Земской милиции, за что награжден Золотой медалью. С 1811 г. служил по выборам от дворянства, избираем был на семь трехлетий Губернским предводителем дворянства, и седьмое трехлетие было последним для его службы и жизни. Награжден был орденами: Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст. и 3 ст., а также имел знак отличия беспорочной службы за 35 лет. Скончался тихо и отошел в горния обители, чтобы встретиться там с супругою Марией Федоровной, скончавшейся около двух лет назад».

У второго среднего сына, Ивана Борисовича, было двое сыновей, из них Кирьян скончался без потомства, а у Михаила, в свою очередь, было пятеро сыновей, из которых двое служили во флоте; но на внуках и прекратилось потомство Ивана Борисовича.

Что касается Афанасия Борисовича и Михаила Борисовича, то им суждено было стать пращурами наиболее известных с XVIII в. линий Брянчаниновых. Разъединившись в первой половине XVII века, их потомки, волею судьбы, вновь соединятся на рубеже XVIII–XIX вв. и в результате их соединения появится тот, кто прославит фамилию Брянчаниновых на все грядущие времена.

Первое упоминание об Афанасии Борисовиче Брянчанинове относится к 1659 г., когда он в должности жильца по указу Государя «потчивал» Грузинского царевича Николая Давидовича. В 1660 г., в год гибели своих братьев, он уже стряпчий; в 1679 г. — Галичский воевода. 19 февраля 1682 г. он подал челобитную об отпуске его из Казани в Москву по болезни, из-за которой он был освобожден от воеводства.

В конце 1666 г. Афанасий Борисович женился на Александре Перелишиной, и у них был (дожил до зрелого возраста) один сын Иван.

К 1676 г. относится раздельная запись Василья, Ивана и Михаила Борисовых детей Брянчаниновых, своему брату Афанасию о разделе выслуженного поместья их отца, по которой Афанасию Борисовичу, среди прочих недвижимостей, досталось сельцо Юрово, остававше-

еся у его потомков до 1917 г. Афанасий Борисович — единственный из Брянчаниновых XVII века, после которого осталось большое число купчих и меновых записей за период с 1663 г. и почти до конца его жизни, то есть он уже в те времена деятельно занимался приведением своего имения в порядок, его увеличением, округлением границ и т. п. К концу жизни он был уже одним из самых состоятельных помещиков, приписанных к Вологде. Скончался он в 1704 г. и все его имение перешло к его сыну Ивану (1668/69 — 1710), о котором известно лишь, что в 1694 г. он был пожалован в стольники и что в 1693 г. женился на Авдотье Васильевне Поскочиной. У них было три сына: Петр, Федор и Аврам, но отца пережил только средний сын: «в 717 г. 4 января била челом вдова Авдотья Васильева дочь Ивановская жена Афанасьего сына Брянчанинова с сыном Федором в прошлом де 710 г. волею Божиею мужа ее Ивана не стало, а после его осталась она с сыном Федором...»

О службе Федора Ивановича (ум. 1767) свидетельствуют два находящихся в архиве Герольдии его патента. Первый — от Петра II: 13 ноября 1727 г. лейб-гвардии капрал Федор Брянчанинов переводился в прапорщики; второй — от Анны Иоанновны: 5 сентября 1736 г. он назначался в полковые квартирмейстеры. Дослужился он до чина коллежского асессора.

Женат Федор Иванович был на Настасье Ивановне. Их дети: Матвей, Александр, Изосим и Ирина. От двух старших сыновей пошли две ветви Брянчаниновых, младший скончался молодым, а дочь вышла замуж за Александра Федоровича Хвостова.

На имени Матвея Федоровича Брянчанинова (ум. 1770) лежит темное пятно. Во всех родословных росписях о нем говорится лишь косвенно. Например, в раздельном акте его имения от 1767 г. записаны: его брат Александр Федорович «с невесткою своею, Анной Васильевой дочерью (иногда Власьевой дочерью), женой бывшего Обер-секретаря Правительствующего Сената Матвея Федорова сына, и племянниками своими лейб-гвардии Семеновского полку сержантом Афанасием и недорослем Федором Матвеевыми детьми...» Почему Матвей Федорович писался как бывший Обер-секретарь Сената, об этом можно узнать из следующей выписки из дела, хранившегося в Архиве древних актов: «Бывший в Сенате обер-секретарь Матвей Брянчанинов по делу покойного графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. В 1762 г. утайка вещей. Определено: Брянчанинова лишить чинов, вывести на площадь перед Сенатом с надписью на груди: “преступник и мздоимец” и поста-

вить у столба на четверть часа, потом заключить в тюрьму на полгода и впредь ни к каким государственным делам и службе, ни к делу народному, ни к партикулярному не допускать. Имение Брянчанинова разделить по закону между женой и детьми» [1]. Таким образом, дело, по-видимому, было связано с имуществом канцлера, графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, осужденного в результате политических интриг при Елизавете Петровне в 1757 г. и восстановленного во всех правах Екатериной II в 1762 г.

Если осуждение Матвея Федоровича было справедливым, то на его сыновьях Афанасии, от первого брака, и Федоре, от второго брака с Анной Васильевной, это никак не отразилось.

Имя Афанасия Матвеевича в настоящее время известно литературоведам из примечаний к сочинениям К. Н. Батюшкова: «Брянчанинов Афанасий Матвеевич — умер в 1786 г.; вологодский помещик». И это почти все, что о нем известно: ни его биография, ни воспоминания о нем никем не записаны. Тем большую ценность представляют несколько недавно обнаруженных его собственноручных писем. Письма относятся к последним годам его жизни. Жизни короткой, ибо прожил Афанасий Матвеевич всего 40 лет. Письма, как это обычно бывает, притянули известия из других источников, пока, наконец, словно в затуманенном зеркале, начали проступать черты этого интереснейшего человека, общественные, литературные, дружеские и семейные связи которого перешли к его знаменитому внуку и имели немалое значение в его жизненном пути.

Отец, по-видимому, успел дать Афанасию Матвеевичу блестящее воспитание. Еще в детстве он был приписан к одному из армейских полков, а в 1764 г. «взят» фурьером в лейб-гвардии Семеновский полк, в котором проходили службу многие выдающиеся личности того времени. В 1779 г. он был отставлен из армии поручиком. Два-три года занимался своим хозяйством в поместье Фомино под Вологдой с деревнями и селами. Помещиком он был среднего достатка, за ним числилось 666 душ мужского пола. Одновременно, в 1780–1781 гг. служил по выборам заседателем Вологодского верхнего земского суда. А в 1782 г. поступил на государственную службу прокурором в Архангельской губернии, с июля 1784 г. он губернский прокурор.

Проживая в столице, служа в привилегированном полку, Афанасий Матвеевич, естественно, вращался в аристократических кругах. Там он познакомился со своей будущей женой Ольгой

[1] Городок на московской дороге. Вологда, 1994. С. 44.

Федоровной Муравьевой. Брак с ней ввел Афанасия Матвеевича в многочисленный семейный клан старинных русских дворян Муравьевых, давший Отечеству целый ряд крупных государственных и военных деятелей (и из которого вышли семеро декабристов). Двоюродным братом Ольги Федоровны был Михаил Никитич Муравьев, замечательнейшая личность XVIII в. — сановник, педагог, историк и поэт; воспитатель Александра I, товарищ министра просвещения и первый попечитель Московского университета; «пламенный ревнитель просвещения»: его ходатайство перед Государем имело важное значение в получении Н. М. Карамзиным необходимого содержания для написания «Истории государства Российского».

В молодости, будучи с отцом в Вологде, Михаил Никитич очень подружился с Афанасием Матвеевичем, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте. Поводом к дружбе, несомненно, послужило взаимное увлечение стихотворчеством. «Без товарищей, в городе, где письмена и науки суть только имена, разделяя охоту свою с А. М. Брянчаниновым, который имел ко мне много дружества, упражнялся я весьма прилежно в писании стихов», — вспоминал Михаил Никитич позднее. Афанасий Матвеевич не считал себя профессиональным поэтом, его стихи не обнаружены ни в одном печатном издании, но если он «упражнялся в их писании», то, вероятно, немало их было разбросано по различным альбомам и в посланиях друзьям. Несколько его стихотворений и даже целая шутливая «героическая» поэма («Вражда между Чаем, Кофием и Водою») сохранились в семейном альбоме, принадлежавшем сначала ему, а затем его дочери Софи Брянчаниновой.

«Любовных резвостей своих летописатель», — обращается к нему Михаил Никитич в одном из стихотворных посланий. Но сохранившиеся стихи показывают, что Афанасию Матвеевичу не чужды были и философские рассуждения, например о смысле жизни:

Приятностию то в глазах наших блистает,
Когда нас живучи, что в свете, утешает.
Мы видим, кто себе начнет чуть строить дом,
Мнит: буду, живучи, увеселяться в нем,
Найдет спокойствие, блаженствует, гордитца...

Но мысль моя к тому теперь стремитца:
Конечно, в свете все преобращает рок:

Тот завтра вниз падет, кто был вчера высок,
Увянет и цветок, когда рука коснетца, —
Жизнь человеческа подобно перерветца.

Нет вечности ни в чем, пустыя славы звук,
Кто в свете живучи, касается наук,
Натура и того с крестьянином равняет:
Он также движется, живет и умирает.

Когда б на тот конец мы жизнь свою вели,
То все бы мысленно мы вяли, не цвели,
В унылости, в тоске дни жизни провождали,
Увеселения себе не ожидали,
И отягчая той прискорбностью сердца,
Не мнили б о другом, а ждали все конца,
Которого никто из смертных не минует,
Хоть всякий ропщется на смерть и негодует.

Мрачному тону этих стихов противостоит «Ода», посвященная Императрице и воспевающая, наоборот, основные жизненные ценности: Красоту, Мир, Спокойствие:

Всходяща солнца луч темнеет,
Увидевши твою красу,
Язык, вещая, мой коснеет,
Тебе что в жертву принесу.
Цветы средь лета все завянут,
Когда они не перестанут
Свой обращати взор к тебе.
Источник током обратитца,
И раздраженный лев смиритца,
Узря пришедшую к себе.

Древа вершины приклоняют,
Трава вся ляжет на пути.
Тут нежны ноги избирают,
Чтоб им безвреднее идти.
Рука твоя чему коснетца!
Тут изобилие прольетца
Всего, что к славе служит нам,
Чем чувства смертных всех пленяет,
Где нежность, разум обитает
Ко утешению сердцам.

Чрез столько лет, как ты родилась,
Благополучно жизнь идет.

С тех пор натура возгордилась,
Как ты произвелася в свет.
Рекла вселенная: «Тобой питаюсь,
Тобой всечасно утешаюсь,
Ты мне надежду подаешь,
Собою смертных всех прельщаешь,
К себе ты взоры обращаешь,
Щастливо жизнь свою ведешь».

Страна, которая тебя питала,
Где ты с младенчества росла,
Какую радость ощущала,
Ея утехи нет числа,
Что та от смертных отличилась,
Которая во мне родилась,
Подобно розе, расцвела.
Собой натуру украшает,
Меня всечасно утешает,
Питомицей моей была.

Потомкам в память то оставишь,
Тобой что украшался свет.
Ты мир, спокойствие восставишь,
Прогонишь тьму грозящих бед.
Везде та слава воссияет.
Твой взор все чувства обновляет,
Из сердца гонит злобу прочь.
Система света пременитца,
Где разум твой распространитца,
Ты в день преобращаешь ночь.

Я видел, как гремяща слава,
С трубой летая над тобой,
Сказала: «Вот моя забава —
Блаженство всех и всех покой.
Та смертных гордость презирает,
Утехи в ей не обретает.
Она достойна в свете жить,
Любя, себя любить заставить.
Свой век она собой прославит,
Стремяся зло искоренить».

Внемли, что я сказал не льстиво,
Внемли хвалу мою к себе.
То правам разума противно,
Чтоб я когда польстил тебе.

Не сходно с чувством, что вещаю,
Я в том утех не ощущаю.
Тут только множество сует:
Лестить, притворствовать учитца,
Вотще без совести трудитца,
Когда святыя правды нет.

Безсилен петь хвалу кажуся,
Нестройну лиру положу.
Куды я мыслью обращуся
И что еще тебе скажу.
Я знаю, что ко славе света
Умножит Бог цветущи лета.
Восхощет счастье увенчать.
Живи и в жизни будь покойна,
Покою ты того достойна.
Мне больше нечего желать.

Михаил Никитич тоже печатал свои произведения редко, хотя, как говорит исследователь его творчества, «его лучшие стихи были эстетически значимы для Пушкина и представляют интерес и ныне»[1]. После его кончины они были собраны и изданы его друзьями К. Н. Батюшковым и В. А. Жуковским. В 1967 г. вышел сборник его стихотворений, дополненный многими стихами, найденными уже в наши дни. А не так давно исследователем[2] были снова обнаружены его стихи, и, что особенно важно, в том же альбоме обнаружены и стихи, записанные рукой А. М. Брянчанинова, и два стихотворения, начатые Афанасием Матвеевичем, а законченные Михаилом Никитичем.

Изданные и вновь найденные стихотворения М. Н. Муравьева свидетельствуют, что дружеские чувства к А. М. Брянчанинову он сохранял на протяжении всей своей жизни: никому из своих друзей он не посвятил такого количества стихов, как Афанасию Матвеевичу. Ему он адресовал сонеты, оды, послания, стихотворные письма. И среди них стихи, принадлежащие к лучшим в его творчестве: «Сельская жизнь. Послание к Афанасию Матвеевичу Брянчанинову» и «Послание о легком стихотворении. К А. М. Брянчанинову». Считается также, что Афанасий Матвеевич послужил прототипом образа идеального помещика Осанова в прозаических произведе-

[1] *Кулакова Л. И.* Поэзия М. Н. Муравьева в кн.: *Муравьев М. Н.* Стихотворения. Л., 1967. || [2] *Алехина Л. А.* Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // Записки отдела рукописей (РГБ). М., 1990. С. 49.

ниях М. Н. Муравьева. В числе его неизданных стихотворений есть одно: «К А. М. Брянчанинову», написанное в 1780 г., в котором он объясняет, какими качествами Афанасий Матвеевич привлекает к себе любовь людей:

Дню в мае месяце спокойствием приятну
Подобный нрав,
И ясный ум, без огорченья здрав,
Имеющ за устав
Не книгу в лист печатну,
Но душу нежную, влияньям сердца внятну;

В душе простертое, нерушимо ничем
От счастия других заимствуемо счастье;
Носимый с радостью возлюбленной ярем;
И дар к элегии пристрастья.
Но более всего до любящих участье.

Сиянье светское с невинным житием,
В котором ржавеет под терном праздный шлем,
И наслаждение на пажити суляще
Веселья с важностью взаимное согласье.

Сих черт, развеянных во слабом
Списке сем,
Есть в свете образец: но в сердце
Лишь твоем.

У Афанасия Матвеевича и Ольги Федоровны был один сын Иван, вскоре после его рождения она умерла. Вторым браком Афанасий Матвеевич был женат на дочери генерала-поручика Павла Матвеевича Олсуфьева, Елизавете, от которой имел дочь Варвару. Елизавета Павловна тоже умерла рано — в 1775 г. Ее кончине М. Н. Муравьев посвятил два стихотворных послания к Афанасию Матвеевичу. Судя по ним, Афанасий Матвеевич тяжело переносил утрату. А Варвара Афанасьевна, повзрослев, вышла замуж за полковника Федора Марковича Полторацкого, породнив таким образом Брянчаниновых с еще одной известной фамилией. Дед ее мужа был соборным протоиереем в Соснице на Украине, а отец, Марк Федорович Полторацкий, попал в придворные певчие во время одного их набора на Украине. Он оказался способным певцом и музыкантом, пел в операх сольные партии, десять лет был регентом придворного хора, а затем первым директором Петербургской певческой капеллы и сам воспитал немало замечательных

певцов, композиторов и инструменталистов. Его сыновья сделали блестящую карьеру на военном и гражданском поприще, а дочери оставили свой след в культурной жизни России, о чем речь пойдет впереди.

Заняв должность губернского прокурора в Архангельске, Афанасий Матвеевич Брянчанинов попал в непосредственное подчинение к Ярославскому и Вологодскому генерал-губернатору А. П. Мельгунову. Алексей Петрович входил в число замечательных деятелей Екатерининского времени. Пост генерал-губернатора он занял в 1777 г. и «на нем умер после 11-летнего управления обширным краем, которому принес много добра». Он отличался образованностью, честностью и гуманностью; старался проявлять заботу обо всех слоях населения; по мере возможности старался улучшить положение крепостных крестьян, защищал интересы купечества. Жил он открыто, имел свой театр и оркестр, покровительствовал литературе и сам пописывал стихи. Понятно, что служебная переписка с ним А. М. Брянчанинова скоро перешла в дружескую: Мельгунов почувствовал в Брянчанинове родственную душу. Об их отношениях можно судить хотя бы по письму Афанасия Матвеевича от 24 августа 1783 г.: «Николай Степанович Левашов письмом по приказанию Вашего высокопревосходительства уведомляет меня, что Вы изволили выговаривать, для чего не приехал я на открытие в Вологду, тем не сдержал моего слова и что друзья мои меня не узнают. Сие приемля знаком Вашего благоволения и той милости, которою я не по заслугам моим имею честь пользоваться, решился в оном перед Вами, милостивый государь, оправдаться. Слабое мое здоровье, которое почти всегда меня, но паче беспокоит, есть главною причиною неисполнения моего собственного желания». В их переписке, наряду с отчетами о выполнении служебных поручений, находят отражение и их личные интересы. Например, А. П. Мельгунов просил А. М. Брянчанинова достать ему ноты оперы. Афанасий Матвеевич пишет, что «опера будет на немецком языке, я ее перевести не в состоянии, а постараюсь, достав, переслать к вам».

Не прерывались у Афанасия Матвеевича дружеские отношения и с М. Н. Муравьевым. Именно в Архангельск последний адресовал «Послание о легком стихотворении» — целую поэму с рассуждениями о смысле стихотворчества. Начинает он ее следующим обращением:

Любовных резвостей своих летописатель,
Моих нежнейших лет товарищ и приятель,
Что делаешь теперь у Северной Двины?
Совсем ли погружен в Фемидины ученья,
Дедала ябеды проходишь кривизны
И пишешь заключенья,
Отрекшись рифм и муз
И бросив навсегда любовны приключенья?

Но нет, Афанасий Матвеевич попал в новый круговорот любовных приключений. Служа в Архангельске, он, естественно, входил в сношения с купцами, которые составляли там значительную долю населения. Так, он познакомился с Петром Петровичем Латышевым, купцом и кораблестроителем, который обратился к нему с просьбой помочь ему получить заказ на строительство двух ластовых кораблей. Афанасий Матвеевич хлопотал об этом заказе перед А. П. Мельгуновым, а тем временем сосватал себе дочку Латышева:

«Милостивый Государь Алексей Петрович!

Зная Вашего Высокопревосходительства всегдашние к себе милости, уверен, что, конечно, примите участие в моем удовольствии. Я третьего дня зговорил жениться на Дарье Петровне Латышевой, которую Вашему Высокопревосходительству рекомендую и, свидетельствуя мое глубочайшее почтение, честь имею называться Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Афонасий Брянчанинов
1783 г. ноября 18 дня.
Архангельск»

Так узнаем имя бабушки святителя Игнатия со стороны матери — Дарья Петровна Латышева.

Брак с дочкой купца, конечно, в какой-то степени был мезальянсом. Но у Брянчаниновых, как видно будет дальше, случалось и не такое.

Афанасий Матвеевич и Дарья Петровна поженились в начале 1784 г., через год у них родился сын Ростислав, вскоре умерший, а еще через год, перед самой кончиной Афанасия Матвеевича, родилась дочь София Брянчанинова, будущая мать святителя Игнатия Брянчанинова.

В последние годы жизни Афанасий Матвеевич много болел. С февраля 1785 г. он, получив отпуск, лечился в Петербурге. В июле

этого года он вернулся в Архангельск. 28 ноября 1785 г. за добропорядочную службу был награжден чином надворного советника. Менее чем через год, 13 октября 1786 г. он скончался. Опекуном двух его дочерей, Варвары и Софии, был назначен известный вологодский помещик, впоследствии крупный государственный чиновник Кирилл Степанович Рындин. С ним Афанасий Матвеевич особенно сошелся в 1784–1785 гг., когда Кирилл Степанович был председателем Архангельской гражданской палаты.

Самым причудливым образом переплелись в последующие годы родственные связи самих Брянчаниновых, а также Муравьевых, Полторацких и родственного им дома известного адмирала Семена Ивановича Мордвинова, женатого на одной из Муравьевых. Вернемся к первому браку Афанасия Матвеевича Брянчанинова с Ольгой Федоровной Муравьевой. Один из ее братьев, Александр Федорович Муравьев, был женат на Варваре Михайловне Мордвиновой, во втором браке она была за Павлом Марковичем Полторацким. Ее сестра, Александра Михайловна Мордвинова, была замужем за Николаем Николаевичем Муравьевым (старшим) — о его сыновьях речь пойдет ниже. Далее, дочь Афанасия Матвеевича Брянчанинова от его второго брака, Варвара Афанасьевна, как было сказано, вышла замуж за Федора Марковича Полторацкого. Обе сестры Федора Марковича Полторацкого сыграли свою роль в судьбе молодого Дмитрия Александровича Брянчанинова. Одна из них, Елизавета Марковна, была замужем за директором Публичной библиотеки, президентом Академии художеств Алексеем Николаевичем Олениным; вторая, Агафоклея Марковна, — за тайным советником Александром Дмитриевичем Сухаревым.

Если продолжить описание родственных связей этого переплетенного родственного клубка, то можно было бы назвать очень большое число исторических лиц, вошедших в него в конце XVIII — в XIX вв., но пока это не входит в нашу задачу. Однако следует отметить, что из тех, кто был связан с ним родством, можно составить целую пушкиниану. Например, одна из сестер Ольги Федоровны Муравьевой-Брянчаниновой, Анна Федоровна, была замужем за Иваном Петровичем Вульфом из Берново и стала бабушкой Анны Петровны Керн, урожденной Полторацкой...

Таковы были родственные связи, доставшиеся юному Дмитрию Александровичу от его деда Афанасия Матвеевича и встретившие его по его прибытии в Петербург в 1822 г.

Однако вернемся к нашей теме.

Сын Афанасия Матвеевича, Иван Афанасьевич Брянчанинов (второй) (23 ноября 1769 — 5 августа 1839), в год смерти отца был определен в лейб-гвардии конный полк, но прослужил недолго и уже в 1790 г. вышел в отставку в чине корнета «за болезнями», а вернее, чтобы, вступив в наследство, заниматься своим хозяйством: после отца и матери ему досталось довольно богатое по вологодским меркам имение в 900 душ мужского пола. В дальнейшем он служил по выборам и в 1817–1820 гг. был губернским предводителем дворянства.

В 1791 г. он женился на Варваре Григорьевне Бартеневой. В браке они имели шестерых детей: Ольгу (1794–1833), замужем за П. А. Межаковым, поэтом, приятелем К. Н. Батюшкова, Софью (28 ноября 1795 — ?), в замужестве Рындину, Екатерину (28 ноября 1795 — 26 апреля 1884), замуж не выходила, Николая (15 апреля 1800 — 15 сентября 1848), Афанасия (18 августа 1805 — 1870) и Анну (1807 — ?).

Похоронен Иван Афанасьевич в Москве на Лазаревском кладбище.

Не отметив свою жизнь никаким запомнившимся действием, Иван Афанасьевич Брянчанинов затерялся бы в памяти сородичей, если бы не подарил им труд, к которому они все обращались вновь и вновь вплоть до XX века. Труд этот есть описание родословного древа Брянчаниновых, многократно переписываемое представителями разных ветвей и разных поколений и потому сохранившееся во множестве списков в архиве Герольдии.

Заняться составлением родословия Ивана Афанасьевича вынудила необходимость доказать принадлежность фамилии Брянчаниновых к древнему роду для внесения ее в шестую часть Дворянской родословной книги. Возможно, что именно у него, как наследника старшей ветви, находились родовые документы. Но из-под его пера вышел не формальный документ, каким ограничивались в большинстве случаев представители других родов, а настоящее генеалогическое исследование с описанием начиная с XVII в. жалованных грамот, состава дач, перехода поместий к наследникам, их споров и т. д. Конечно, его в основном интересовали те ответвления сложного Брянчаниновского древа, которые просуществовали до его времени, но замечательно, что расписанные по ним имена совпадают с именами, названными Л. М. Савеловым в «Родословных записях», а также упоминаемыми в материалах Поместного приказа, опубликованных В. Н. Сторожевым, и в других документальных источниках.

Отныне всем представителям рода Брянчаниновых для доказательства своего права на внесение в шестую часть Дворянской родословной книги оставалось только сослаться на роспись, поданную, как они писали, «родственником моим лейб-гвардии корнетом Иваном Афанасьевичем Брянчаниновым».

Иван Афанасьевич, по-видимому, унаследовал милый, ровный характер своего отца. Косвенным свидетельством этого явилось возникновение теплых родственных чувств между ним и его знаменитым племянником. Во всяком случае, ни об одном из своих родных святитель Игнатий Брянчанинов не написал таких слов: «Сердце сердцу весть подает. Во время болезни приезжал ко мне дядя Иван Афанасьевич Брянчанинов, бывший прошлого года в Новоезерском и вам понравившийся, зашел разговор о вашем монастыре. Старик очень вас помнит, и как он вам, так и вы ему весьма пришлись по сердцу».

К сожалению, потомство самого Ивана Афанасьевича по мужской линии иссякло уже в третьем поколении. Его старший сын Николай имел двух детей: дочь Ольгу (21 октября 1824 – 5 июня 1854) и сына Николая (21 октября 1836 – 1876), последнего в этой линии Брянчаниновых. А второй сын, Афанасий Иванович, вообще в брак не вступал. Он жил помещиком, служил по выборам и в вологодском обществе запомнился тем, что в 1857–1860 гг., будучи почетным попечителем гимназии, настоял на введении там уроков танцевания, расходы за которые принял на себя.

Также скоро прекратилась линия и сводного брата Афанасия Матвеевича, Федора Матвеевича Брянчанинова (1765 – около 1835). Службу свою он начал 5 марта 1783 г. в том же Семеновском полку, где служил до него брат. С 1 января 1786 г. переведен капитаном в Апшеронский мушкетерский полк и 23 февраля 1787 г. уволен по болезни в чине секунд-майора. В 1783 г. он разменялся с братом поместьями, и ему досталось сельцо Гарицы Ухарской волости Романовского уезда Ярославской губернии. С 1788 г. он был заседателем Ярославского суда и запомнился в ярославском обществе тем, что подал на Высочайшее имя записку о противоправных действиях гражданского губернатора А. М. Безобразова. С 1801 по 1805 г. он служил в Комиссариатском штате, а затем снова по выборам от дворянства. При вступлении Наполеона в Россию он вернулся в армию и участвовал в Бородинском сражении.

Знавшие Федора Матвеевича современники отмечали его честность, благородство, великодушное отношение к своим крепостным. Это последнее его качество проявилось в двух неординарных поступках. В числе его дворовых людей был Иван Алексеевич Майков, увлекавшийся сочинением стихов. Федору Матвеевичу и самому, как его брату Афанасию Матвеевичу, не чуждо было стихотворчество, и он даже оставил свой поэтический след в «Аонидах» Н. М. Карамзина, напечатав там поэму «Мирза и Соловей». Поэтому он сочувственно отнесся к собрату по перу и в 1790 г. отпустил его «с годовым плакатным паспортом для обозрения российских городов и сочинения стихотворства». Пришед в Сарское Село, И. А. Майков «начал писать оды, стихи и подносил оные разным господам, получал от них вознаграждение, отчего и пропитание имел». Известно 28 его од. Но подписывал он свои стихи фамилией Розов, как того потребовал современный ему известный поэт Аполлон Александрович Майков, который, впрочем, оказывал ему покровительство. В 1793 г. Федор Матвеевич дал И. А. Майкову вольную, за что тот отблагодарил его на свой манер:

Эпистола Его Высокоблагородию
милостивому моему Государю Федору Матвеевичу Брянчанинову.
22 июня 1793 г. Покорнейшее приношение
от всеусерднейшего слуги Ивана Розова

В неволе я рожден, тобою я свободен,
Душой ты сердцем чист, твой образ благороден,
Ты пастырь стад своих, спокойствие вкушают
Крестьяне щастливы, в блаженстве обитают;
О ты! Сокровище для подданых людей.
Я в северной стране! Свободою твоей,
Тобой сподобился вниманием щедроты
Екатерину петь, Ея красы, доброты,
Премудрости Ея! во свете звучен плеск;
Обильная рука повсюду сыплет блеск.
Внимай, сосед твоих заимствует примеру;
Прославился тобой, воспел любовь и веру.
Рек Брянчанинов, долг Отечеству служить:
Екатерине в честь! усердие явить.
Твой малосильной плод, но дух мой веселится
Премудрой матере твой ум петь не вместится.
Дар Бог тебе влиял, доколе Майков был,
Свобода Розову, я к щастью путь открыл.
Ты правдою рожден, за правду умираешь,

Ты с нечестивыми во век не заседаешь;
Рек: славной Ярославль Отечества кто сын,
Что Брянчанинов есть усердной Гражданин,
Ко благу общему печется, как о друге.
Щастливой господин в рамановской округе;
Всем обществом любим, весь Град благодарит
Наместничество там блаженство утвердит.
Его спасением служитель бдит в Чертог,
Стихами славит там, где обитает Бог,
Свободу дал слуге, чтоб Лирой возгреметь
В приятной тишине! Премудрой славу петь.

Другой любопытный факт из биографии Федора Матвеевича относится к его женитьбе. Из его формулярных списков видно, что до 50 лет он был холостяком, а в этом возрасте пережил, по-видимому, сильное чувство к собственной крепостной дворовой девушке Настасье Семеновне, которая была на 30 лет моложе его. В 1815 г. 30 августа у них родился сын Александр. Через три-четыре года Настасья Семеновна получила вольную, была приписана к мещанскому сословию, и Федор Матвеевич оформил с ней официальный брак. В 1822 г. у них родился второй сын Иван и еще через два года — дочь Настасья. В 1826 г. Федор Матвеевич обратился с просьбой к Государю, чтоб ему было разрешено законным образом усыновить Александра и дать ему свою фамилию.

Просьба была удовлетворена, Александр Федорович был признан во всех правах фамилии Брянчаниновых. С 1832 по 1857 г. он служил в Пермском пехотном полку и вышел в отставку в чине штабс-капитана. Женат он был на Наталье Михайловне Островской. Его младший брат, Иван Федорович, женат был на Олимпиаде Ивановне. Сыновей оба они не имели.

Вторая ветвь Брянчаниновых, отпочковавшаяся в XVIII в., происходила от младшего сына Федора Ивановича, Александра Федоровича.

Об Александре Федоровиче Брянчанинове (р. 1728) известно, что он в 1764 г. получил патент от Екатерины II на чин губернского прокурора в ранге сухопутного подполковника, а в 1779 г. имел чин статского советника. По раздельному акту имения его старшего брата Матвея Федоровича, к нему в 1767 г. перешло в числе других недвижимостей сельцо Юрово, достававшееся в последующих поколениях всегда старшему сыну.

Женился Александр Федорович после выхода в отставку в 49 лет на Прасковье Андреевне, которая была моложе его на 28 лет, у них был один сын Петр. Последняя исповедная ведомость, в которой записаны они трое, относится к 1779 г.; по-видимому, около этого времени Александр Федорович скончался.

Петр Александрович Брянчанинов (15 июня 1777 — 19 мая 1829) службу начал в армейских полках и уже 1 января 1796 г. получил от Екатерины II патент на чин Армии капитана, с которым и вышел в отставку. С 1800 г. служил по выборам от дворянства, в 1802–1808 гг. был Вельским и в 1808–1814 гг. Грязовецким предводителем дворянства в Вологодской губернии. В 1819 г. он ротмистр в отставке, кавалер ордена Св. Владимира 4 степени, владелец 600 душ мужского пола.

Как и его двоюродные братья, Петр Александрович в юности увлекался литературными опытами: в «Полезных упражнениях юношества», изданных в 1789 г. питомцами Вольного благородного пансиона при Императорском Московском университете, напечатан его «Пример честности главного визиря» — перевод с французского. И хотя другие его опыты в этой области неизвестны, он до конца жизни вращался в писательской среде и, бывая в столицах, усердно посещал литературные салоны. По вологодским связям К. Н. Батюшков был с ним знаком настолько хорошо, что знал даже отдаленные его родственные связи. Так, в письме от 26 января 1811 г. Константин Николаевич писал своему другу Николаю Ивановичу Гнедичу: «Хочешь ли новостей? Межаков женится на племяннице Брянчанинова!» Речь шла об Ольге Ивановне Брянчаниновой, которая приходилась внучатой племянницей Петру Александровичу. Собственное стремление к изящному у Петра Александровича выразилось в строительстве усадебного дома в Юрово. «Композиция фасада дома, обращенного в сад, очень проста, но вместе с тем довольно необычна. Между двух пилонов, украшенных полукруглыми арками, — колоннада, покрытая общею кровлею и образующая чудесную террасу». Переживший все перипетии XX в., дом, «охранявшийся» как памятник архитектуры, сгорел в результате поджога местными ребятами в 1993 г.

Женой Петра Александровича была Елизавета Алексеевна Чулкова (15 августа 1778 — 16 декабря 1840). У них было семеро сыновей и три дочери: Софья (27 апреля 1802 — 6 января 1891), в замужестве Воейкова, Елизавета (1813 — ?) — Гревенс и Парасковья (1814 — ?) — Меркурова.

Брак средней дочери еще больше сблизил семейство Петра Александровича с литературной средой. Елизавета Петровна вышла замуж за Григория Абрамовича Гревенса, племянника К. Н. Батюшкова по его сестре Анне Николаевне (ум. 1808). Константин Николаевич дружил с племянником и со всей его семьей. Елизавета Петровна выполняла разные его небольшие поручения. Гревенсы были опекунами Константина Николаевича во время его продолжительной тяжелой болезни и до его кончины.

Старший сын Петра Александровича, Александр Петрович Брянчанинов (27 апреля 1798 –1 октября 1861), в 20-летнем возрасте был зачислен в лейб-гвардии Уланский полк, затем служил по Министерству внутренних дел в должности прокурора по корпусу жандармов и дослужился до чина генерал-майора. Его женой была Елена Павловна Волкова (14 апреля 1815 — 5 февраля 1857). У них было два сына — Анатолий и Леонид (р. 20 мая 1844 — умер молодым) и две дочери, которые воспитывались в училище ордена Св. Екатерины: Фаина (30 ноября 1841 — 1923), замужем за А. А. Межаковым, внуком П. А. Межакова, и Галина (8 ноября 1845 — ок. 1917), во втором браке за В. М. Родзянко, отцом Михаила Владимировича Родзянко — с 1911 г. Председателя Государственной думы.

С молодых лет Александр Петрович Брянчанинов был в дружеских отношениях с К. Н. Батюшковым. В печальные годы болезни в памяти Константина Николаевича мелькали воспоминания об их былых отношениях. В письме от 8 июля 1849 г., адресованном его внучатой племяннице, он писал: «Просите вашу маменьку (Елизавету Петровну) прислать мне духов; деньги на покупку может занять на мое имя у Ивана Андреевича Крылова. Он знает, как я честно плачу то, что беру взаймы. Прошу Елизавету Петровну не показывать моих новых стихов “Подражание Горацию” Александру Петровичу Брянчанинову, ибо он презирает мой бедный талант, обитая, яко Аполлон, посреди столь великих стихотворцев, в граде Св. Петра...».

Второй сын Петра Александровича, Никита Петрович Брянчанинов (2 марта 1801 — 14 апреля 1886), так же, как старший брат, в 20 лет был определен в лейб-гвардии Уланский полк и в дальнейшем служил в жандармерии, в 1831 г. — подполковник, в 1843 г. — полковник и кавалер и тоже дослужился до чина генерал-майора. Женат он был первым браком на княжне Елизавете Алексеевне Трубецкой (15 января 1810 — 17 февраля 1829), умершей вско-

ре после замужества; вторым браком на дочери генерал-лейтенанта Александра Александровича Волкова Вере (11 сентября 1813 — 23 июня 1891), и было у них три сына: Александр, Павел и Дмитрий и две дочери: Ольга (1836 — 18 февраля 1907), замуж не выходила, и Софья (1839 — ?).

О Никите Петровиче Брянчанинове сохранились воспоминания в связи с нашумевшим в свое время делом Иркутского архиепископа Иринея (Несторовича). В 1831 г. архиепископ Ириней из-за нелегкой ситуации, сложившейся в Иркутской епархии, пережил нервное потрясение. Некоторые его поступки сочтены были странными, и его решили удалить из Епархии, но он не пожелал ее оставить. Пришлось прибегнуть к силе. «Государь желал, чтобы это поручение было выполнено быстро, решительно и без огласки, и поинтересовался у Бенкендорфа, нет ли у него способных для этого людей. Бенкендорф указал ему на Никиту Петровича Брянчанинова, и когда последний явился пред Государем, тот остался удовлетворенным, заметив: "Этот вывезет". Местом жительства архиепископу Иринею был назначен Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологдой. При получении распоряжения о выезде архиепископ Ириней высказал сомнение и неудовольствие. «Тогда Брянчанинов, громадного роста (вершков 11), подошел к Иринею и что-то шепнул ему в ухо. Вдруг переменилась сцена. Ириней встал со смиренным видом, сложил руки на груди, поцеловал подпись Государя на рескрипте и покорился безусловно»[1]. 18 декабря 1831 г. он был благополучно доставлен в Спасо-Прилуцкий монастырь. Он нисколько «не держал зла» на Никиту Петровича, и последний, приезжая в Вологду, навещал его и беседовал с ним.

Из трех сыновей Никиты Петровича: Александр (21 июля 1834 — 10 февраля 1879) — штабс-капитан, в брак не вступал; Дмитрий (1843 — ?) — умер молодым и тоже не был женат; Павел (27 июля 1836 — 14 июня 1908) — имел одного сына Ореста, с которым прекратилась линия Никитичей.

Следующие сыновья Петра Александровича Брянчанинова это: Владимир (р. 1804) и Павел (р. 1809) — умерли молодыми, Петр (1808 — после 1855) — тоже скончался, не вступив в брак; Виктор (р. 1807) — гвардии капитан и кавалер, женат был на Софье Алексеевне Бобровской, скончался без потомства.

---

[1] Труды Императорской Духовной академии за 1914 г. № 9–12. Киев, 1914. С. 81.

Долгую жизнь прожил самый младший сын Петра Александровича, Николай Петрович Брянчанинов (26 февраля 1810 — 11 января 1894), бывший Вологодским уездным предводителем дворянства, гвардии подполковник в отставке. Окончив курс гвардейских подпрапорщиков, 2 июля 1828 г. вступил унтер-офицером в лейб-гвардии Измайловский полк и 18 января 1842 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана, чтобы заняться хозяйством, которое очень любил. Во время формирования ополчения в период Крымской войны в 1855 года командовал дружиной в чине подполковника. «Добрый и мягкий, без всяких затруднений установил новые отношения с крестьянами после реформы 19 февраля 1861 г. "Душевным барином" звали его мужики. Был почтительным сыном, нежным и любящим супругом». Женился он на дочери генерал-майора барона Остен, Елизавете Карловне (26 марта 1823 — 15 сентября 1858), и имел от нее четырех сыновей, но до зрелого возраста дожил только один — Валериан.

Таким образом, из семи сыновей Петра Александровича продолжили эту ветвь рода Брянчаниновых только двое: самый старший, Александр Петрович, через своего старшего сына Анатолия, и самый младший, Николай Петрович, через своего младшего сына Валериана.

Анатолий Александрович Брянчанинов (6 апреля 1839 — 4 августа 1918) окончил Николаевскую инженерную академию (там же учился его рано скончавшийся брат Леонид); с 1860 по 1862 г. служил в лейб-гвардии 1-м стрелковом батальоне и вышел в отставку поручиком. Затем служил по выборам в Вологодской губернии, в 1873–1875 гг. состоял в Департаменте таможенных сборов, в 1875–1881 гг. был директором Земельного банка в Орле. В последующие годы, вернувшись в Вологду, снова служил по выборам от дворянства, состоял членом разных комитетов и комиссий; был редактором неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей»; дослужился до чина действительного статского советника.

В первом браке Анатолий Александрович был женат на дочери вологодского помещика, Кадниковского предводителя дворянства Александра Михайловича Касаткина, Елене (6 мая 1846 — 21 апреля 1870). После ее ранней кончины у него остались две маленькие дочери Мария (р. 11 февраля 1867) и Вера (р. 10 августа 1868). Девочки воспитывались у своей тети Фаины Александровны Межаковой. Вторую жену Анатолия Александровича звали

Вера Александровна (1848 – 11 июля 1926), у них был один сын Владимир (р. 25 октября 1875).

Воспитанный в литературной среде, Анатолий Александрович, естественно, чувствовал тягу к писательству, и ему удалось в этой сфере добиться некоторой известности. В 20 лет он опубликовал свой первый рассказ «Счастье в тумане». Но на стихи, отосланные в это же время Ивану Сергеевичу Аксакову, получил следующий ответ:

«Милостивый Государь Анатолий Александрович.

Простите, что до сих пор я медлил ответом. Это замедление было совершенно невольное по множеству хлопот и занятий. – Стихи Ваши хороши, но не были мною напечатаны потому, что, как мне кажется, не представляют чего-либо оригинального. Мотивы и приемы старые и известные, а второе стихотворение “На бедных дрогах две кляченки” – напоминает Некрасова. Впрочем, везде есть искреннее чувство и стих сам по себе хорош, легок и послушен, но, по моему мнению, этого недостаточно. Вероятно, у Вас есть стихотворения, где Ваше дарование является с большей силой. В газете моей стихи помещаются не всегда, и потому я поневоле отношусь строже к присылаемым стихотворениям, чем другие журналы. Примите уверения в совершенном почтении и преданности

6 июня 1862 г. Ив. Аксаков

P. S. Я надеюсь, Вы извините мне мою откровенность».

Письмо это не охладило литературного пыла Анатолия Александровича. Он продолжал публиковать свои рассказы, а в 1870 г. выпустил сборник «Повести и рассказы» – из жизни дворянских усадеб. Ядовитая рецензия М. Е. Салтыкова-Щедрина и возникшие в связи с этим сомнения побудили Анатолия Александровича обратиться 23 сентября 1877 г. со следующим письмом к Ф. М. Достоевскому:

«Милостивый Государь Федор Михайлович.

Извините великодушно незнакомого Вам человека за смелость, с которою он посылает Вам свое произведение, не ищите в поступке этом ничего другого, кроме полнейшего уважения к Вам как к писателю и другу русского народа и горячего желания начинающего литератора услышать от Вас короткий ответ на мучительный для него вопрос: может ли он принести пользу родной литературе?

Смею надеяться, милостивый Государь, что Вы не сочтете назойливостию мое настоящее письмо и снисходительно примите уверение в чувствах глубочайшего уважения Вашего покорнейшего слуги А. Брянчанинова».

Каков был ответ Федора Михайловича — неизвестно. Зато И. С. Тургенев, к которому Анатолий Александрович обратился с аналогичной просьбой, отнесся к нему благожелательно и между ними даже завязалась переписка (известно 12 писем Тургенева к А. А. Брянчанинову).

Иван Сергеевич одобрительно отозвался о двух пьесах Анатолия Александровича, однако его рекомендательные письма издателю «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу не произвели на последнего впечатления. Позднее пьесы были напечатаны отдельным изданием. В 1878 г. состоялось личное знакомство Анатолия Александровича с Иваном Сергеевичем. В 1885 г. А. А. Брянчанинов выпустил книгу «Русские народные сказки в стихах» (переизданы в 1895 г.) с предисловием И. С. Тургенева: «Мысль г-на Брянчанинова переложить некоторые из них [сказок] в стихи мы считаем счастливой, тем более что он исполнил свою задачу с замечательным искусством и тактом, всюду сохраняя тон и колорит оригинала и разнообразием размера придавая ему более жизни и движения. Стихотворная форма имеет то преимущество, что она — если можно так выразиться — ближе придвигает содержание сказок к памяти и восприимчивости читателей, особенно молодых. Подобную же пользу приносят иллюстрации, исполненные в народном и сказочном духе. Они говорят зрению, как стихи слуху, и одинаково возбуждают эстетическое чувство».

В 1910 г. Анатолий Александрович повторил удачный опыт, переложив в стихи «Старины и былины Печорского края». Кроме этих стихотворных произведений, несколько его повестей были напечатаны в разных журналах. А в последние годы его жизни вышли в свет два романа — «В годину лихолетья (1905–1906)» и «В шестидесятых годах (1862–1863)». Хотя по некоторым отзывам романы эти «художественно не выразительны», но представляют несомненный интерес, так как без всяких иносказаний раскрывают отношение слоев общества, к которым принадлежал автор, к определенным явлениям того времени, так похожего на наше время: «Все эти крупные бюрократы, жаждущие чинов и отличий, которыми кишит Петербург, за небольшими исключениями, не революцио-

неры разве? Что им Россия, русский народ? Им не благо отечества нужно, а смута, чтобы в этом хаосе удобнее обделывать свои темные делишки! Им все равно, кто будет управлять Русью: поляк, немец или жид...

Этим выродкам Русской Земли не дороги ни честь, ни слава, ни процветание ея... Они не только совершенно равнодушны к бедствиям и страданиям своей измученной Родины, к ее уничижению и позору, — их не страшит даже ея гибель! Героизм лучших сынов ея они величают глупостью, патриотизм — нелепостию!»

Конец жизни Анатолия Александровича был печален: в 1915 г. (8 июня) в возрасте 39 лет от хронического воспаления легких скончался его сын Владимир, через несколько дней (23 июня) от паралича сердца умерла жена Владимира, 27-летняя Евгения Васильевна. После них осталось трое детей: Даниил (р. 1910), Ирина (р. 30 июля 1909) и Мария (р. 1914). 3 декабря 1915 г. Анатолий Александрович пишет, что внучата болеют тяжелой формой скарлатины и Маша уже скончалась. В 1918 г. снова тяжело заболел его восьмилетний внук Даниил. Наверное, это было последним испытанием: Анатолий Александрович скончался 4 августа. Даниил пережил его всего на десять дней.

После октября 1917 г. семья жила лишь на пенсию 163 рубля и сдавала часть квартиры жильцам. Все оставшееся у них имущество состояло из домашней обстановки и носильного платья. Средств на погребение умерших не было, и вдова вынуждена была просить помощи у новых органов власти. В последующие годы Вера Александровна с внучкой Ириной жили «с продажи вещей». Когда скончалась Вера Александровна (11 июля 1926), Ирине снова пришлось просить в Губоно средства на погребение.

Последнее известие об Ирине Владимировне относилось к 1927 г., когда она, в возрасте 17 лет, собиралась поступить в вуз. Однако недавно объявились потомки Ирины Владимировны. Сама она дожила до 80 лет и скончалась в 1990 г. В Ярославле живет ее внучка, Лариса Львовна Спасская (р. 1967) и у нее — два сына: Александр (р. 1990) и Иван (р. 1992).

Двоюродный брат Анатолия Александровича, Валериан Николаевич Брянчанинов (14 декабря 1845 — после 1915) несколько лет из-за болезни жены прожил за границей. По возвращении он служил по выборам, в 1899–1900 гг. был почетным мировым судьей в чине титулярного советника, а позже — членом дворянского

Земельного банка в Москве. Не сделав большой карьеры, Валериан Николаевич не был счастлив и в семейной жизни. Его первая жена, Наталья Борисовна Обухова, умерла 19 апреля 1875 г. в Сан-Ремо, оставив 11-месячного сына Николая. Вторым браком он был женат на французской гражданке графине Софье Денисьевне Гвидобини Висконти, урожденной Давыдовой, дочери Дениса Давыдова. От нее он имел сына Владимира, умершего в 11 лет (1879 – 14 января 1891). Софья Денисьевна скончалась спустя три-четыре года после их женитьбы. Вторичное вдовство тяжело отразилось на Валериане Николаевиче, он даже думал удалиться от мира и некоторое время прожил в монастыре, «опытно познавая высоту и трудность аскетического подвига».

Оправившись, однако, он снова женился. Его третья жена, Вера Павловна Кузнецова, происходила из вологодского мещанского сословия; она родила ему (1 декабря 1890) дочь Марию. Впрочем, Вера Павловна тоже не пережила мужа.

Единственный доживший до зрелого возраста сын Валериана Николаевича, Николай Валерианович Брянчанинов (14 марта 1874 — 28 мая 1943), большую часть своей сознательной жизни провел за границей. Уже в 1907 г. он издал в Париже свою первую книгу «Впечатления бытия». Книга охватывает несколько лет его жизни с 1900 г., когда он был посетителем Всемирной выставки и салонов известных художников в Париже, а затем путешествовал по Франции, Германии, Испании... Не о себе ли пишет автор в предисловии? «Гонимые каким-то бесом “ненасытности”, носимся мы по дорогам жизни, едва успевая запечатлеть в наших умах и сердцах десятую долю того, что мы видим и чувствуем. Не правда ли, что это какое-то недоразумение? Зачем мы спешим, куда мы спешим? Кого желаем мы обогнать, кого увидеть или что увидать такого, чего мы уже не видели?..»

Во второй книге, изданной в 1908 г. в Москве, названной «Скитания», он описывает свое экзотическое путешествие по Египту, Нубии, Судану, Палестине, Ливану. Читается книга легко и с интересом, так как он не мельчит, а обобщает свои впечатления. Например, после посещения храмов Абу-Симбел он записывает: «Все это поразительно, но нисколько не умиляет. Между этими божествами и человечеством не существует связующей нити. Они нас не притягивают и не говорят нам ни одного слова утешения и надежды. Сидя равнодушно в окаменелых позах, они только смотрят на наш «мир печали и слез». Книга снабжена великолепными фотографи-

ями, надо думать, авторскими. По поводу этой книги профессор И. И. Щукин написал: «Насколько мне известно, в русской печати не появлялось почти ничего, затрагивающего этот во многих отношениях любопытный край, а потому работа, ему посвященная лицем, на месте и самостоятельно изучившим положение тамошних дел, может представлять значительный интерес».

Уже с этого времени постоянным адресом Николая Валериановича был Париж. Последние годы он жил у своего друга, которому и оставил свои записи и воспоминания.

И наконец, самая младшая ветвь рода Брянчаниновых, идущая от младшего сына Бориса Кирилловича, Михаила.

Михаил Борисович Брянчанинов был намного, лет на 20–25, моложе своего старшего брата Афанасия Борисовича. Документы называют его Грязовецким помещиком. Имя его упоминается в раздельном акте имения его отца в 1676/77 гг. и в меновых записях с братом Афанасием Борисовичем. Жену его звали Пелагея Ивановна. О его службе известно, что он был комиссаром и погиб в Польше около 1700 г. У него было два сына. Старший, Афанасий, — артиллерии капитан, тоже погиб в сражении; в брак вступить он не успел.

Младший сын, Андрей Михайлович Брянчанинов, родился в 1694 г.; в службе он находился с 1713 г., за прилежность и ревность Указом Анны Иоанновны от 1 января 1735 г. переведен из квартирмейстеров в капитаны от артиллерии. 27 января 1754 г. он подал в главную канцелярию артиллерии и фортификации челобитную с просьбой об отставке, в которой написал, что «в службе-де он из дворян с 713 году и во время той своей службы был в разных командированиях и при порученных комиссиях, также и в походах, и сражениях, и атаках, и от той службы получил болезни и ныне имеет: в половине головы лом, и непрестанно бывает великой шум, и правым ухом мало слышит, и временем идет гортанью кровь, также беспрестанно лом в корпусе от сильной в нем находящейся скорбутихи, он же отягчен почечуем и иппохондрии и протчими многими припадки. А по осмотру артилерийских доктора Бахерахта и штабс-лекаря Риттера показано, что он, Брянчанинов, имеет почечуйную болезнь, от которой великие припадки бывают, а именно: в голове великой шум, обмороки, лом в крестце и во всем корпусе и великая одышка. И хотя долгое время пользован, однако мало пользы себе имеет и впредь иметь не будет,

ибо оные болезни застарелые, к тому же стар и, по мнению их, ни в какой службе и у дел быть не может...» «А скаскою в коллегии он, Брянчанинов, показал от роду себе пятьдесят шестой год в нынешнем 749 году апреля в 25 день. И служа был в походах в низовом корпусе и во многих партиях и сражениях: в Польше при атаке города Гданьска, и в турецкую войну посылан был на почте в Ачаков, и в походе к Днепровской экспедиции, и в протчих походах же, командированиях и комисиях беспорочно. Из помещан, в разных уездах мужеска полу за ним триста душ». Того ради определено об отставке его, Брянчанинова, с награждением за беспорочную службу бригадирским чином.

Беспрерывная служба, походы и сражения отрывали дворян от дома. Многие из них обзавестись семьей могли только при выходе в отставку или приближаясь к ней. Так и Андрей Михайлович: женился около своего 50-летия и имел только одного сына, Семена. Родился Семен Андреевич Брянчанинов около 1745 г. О его службе можно узнать из Указа Екатерины II об его отставке: «Объявитель сего армии порутчик Семен Брянчанинов служил сначала артиллерии во 2 фузелерном полку с тысяча семьсот шестьдесят пятого, в полку лейб-гвардии Преображенском — с семьсот семьдесят перваго, а сего семьсот семьдесят втораго года генваря в первый день по силе Высочайше Ея Императорского Величества (Указа) на поднесенном от полку докладе конфирмации по прошению ево за болезьми от воинской и статской служб и от всех дел из фурзеров отставлен с награждением за добропорядочную службу показанным от армии порутчичьим чином. Того ради жить ему в России свободно».

Таким образом, срок военной службы отца Семена Андреевича составил 40 лет, а он сам прослужил всего семь лет. Он был первым в этой линии Брянчаниновых, чье время службы проходило после Указа о даровании вольности Российскому дворянству. Как и многие его сверстники, он предпочел оставить тяготы военной жизни и, вернувшись в свое поместье, заняться хозяйством. Дальнейшая его деятельность на общественном поприще выражалась в участии во вновь созданных органах местного управления: в 1780–1790 гг. он был заседателем в Верхнем земском суде в Вологодской губернии.

Женат Семен Андреевич Брянчанинов был на дочери коллежского асессора (впоследствии действительного статского советника) Дмитрия Ивановича Волоцкого, Павле Дмитриевне. У них

было два сына — старший Александр, проживший долгую жизнь, и младший — Николай, родившийся 17 июля 1788 г. и не доживший до зрелого возраста.

Семен Андреевич был человеком широко образованным. Об этом свидетельствует собранная им библиотека, часть книг из которой (с владельческими записями и оттисками печати СБ) находится в Вологодской областной библиотеке. В их числе: «Кандид, или Оптимисм» Вольтера, список трактата Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» в переводе Кантемира, ряд драматических сочинений: «Комедии из театра» Мольера, трагедия «Синав и Трувор» Сумарокова и др., а также комическая опера Гретри по пьесе Фенцило де Фальбера «Двое скупых». Наличие именно этих книг в библиотеке Семена Андреевича не случайно: сохранились сведения об его серьезном увлечении театром и о том, что именно он являлся содержателем «вольного театра» в Вологде, спектакли в котором смотрели и городские обыватели, и приезжающие на них помещики. При этом Семен Андреевич по-видимому, был не только «содержателем» театра, но и постановщиком спектаклей. Об этом можно судить по надписи, сделанной им на трагедии Сумарокова: «В роли Гостомысловой — 304 строки, в роли Ильмениной — 431 строка».

Увлечение театром, однако, стоило дорого, к концу жизни он разорился и оставил своим наследникам одни долги.

Последний раз имя Семена Андреевича Брянчанинова в архивных документах встречается в 1798 г., когда он был восприемником пятоюродного правнучатого племянника, Александра Петровича Брянчанинова. Павла Дмитриевна пережила мужа и присутствовала при рождении внучат.

Сын Семена Андреевича, Александр Семенович Брянчанинов (7 мая 1784 — 19 апреля 1875), своим современникам запомнился прежде всего тем, что он был пажом при Павле Петровиче: «В 1797 г. по именному указу определен в Императорский Пажеский корпус пажом». Пажеский корпус был привилегированным учебным заведением, в котором дети из знатных семей воспитывались вместе с детьми императорской фамилии. Аристократический налет, который Александр Семенович приобрел в Пажеском корпусе, был его отличительной чертой на протяжении всей жизни.

Из Пажеского корпуса он был «выпущен в Александрийский гусарский полк корнетом в 1802 г. 10 августа; уволен от полевой службы по статским делам 1 октября 1803 г. в Вологодскую

милицию в Избранный полк, где по окончании получил Золотую медаль». В последующие годы служил в губернии. Затем «с 1812 по 1814 находился при сенаторе Хитрове в разных поручениях по Вологодской и Вятской губерниям; в 1814–1818 – предводителем дворянства Грязовецкого уезда, награжден орденом Св. Анны 3 ст. Уволен со всех служб в 1825 году». В 1826 г. исправлял должность Вологодского губернского предводителя дворянства.

Александр Семенович принадлежал к кругу высокообразованных людей своего времени, с широкими взглядами; по некоторым сведениям, он был масон, во всяком случае, он был близок О. А. Поздееву; его библиотека была одной из лучших в губернии. Современники называли его любителем просвещения. Понимая необходимость образования не только для дворянства, но и для крестьян, он первым в губернии открыл (19 мая 1814 г.) и содержал на протяжении всей жизни приходское двухклассное училище, где обучалось до 50 человек крестьянских детей. Унаследовав от отца поместье, обремененное долгами, он вынужден был выйти в отставку, чтобы заняться хозяйством. Он поселился в родовой вотчине — селе Покровском, которое было пожаловано Брянчаниновым еще в 1617 г. за Смоленское сидение и изгнание ляхов. «Воля его и вкус создали (из Покровского) маленький Версаль». Действительно, эта усадьба еще и сегодня, несмотря на все потери, поражает красотой старинного каменного дома в стиле раннего классицизма и парка с липовыми аллеями.

Он пережил почти всех своих детей. По воспоминаниям его внучки А. Н. Купреяновой [1], он «берег себя... Я знала деда в глубокой старости, но старости красивой и доброй: бывшая суровость его исчезла. В его ясных глазах светилась снисходительность, купленная ценою жизненного опыта. О наружности своей он заботился. Какое благородное спокойствие было в его лице, с тонкими чертами, в манере — важной, приветливой и старомодной! Как хороша была его изящная голова с густыми, серебристыми волосами, его прямой стан и неторопливая, милая, снисходительная речь!..»

«В полной памяти Александр Семенович дожил до 90 лет и умер без больших страданий от воспаления легкого». Похоронен он в Покровском, в семейном некрополе вблизи построенной им церкви.

[1] См.: С. 564–582 наст. изд.

Женой Александра Семеновича стала дочь Афанасия Матвеевича Брянчанинова, Софья Афанасьевна. В их браке соединились две ветви Брянчаниновых, разошедшиеся в середине XVII века. Софья Афанасьевна (1786 – 25 июля 1832), по воспоминаниям родных, была красивой светской женщиной. В Вологодской областной библиотеке хранится принадлежавший ей альбом, свидетельствующий, что она получила прекрасное воспитание – отлично владела и русским, и французским языками, увлекалась поэзией и хорошо знала современных ей поэтов, особенно французских. Остается, однако, неизвестным, кто был ее воспитателем, так как ее отец Афанасий Матвеевич скончался в год ее рождения.

У Александра Семеновича и Софьи Афанасьевны родилось 16 детей, в живых осталось девять. «В начале супружества у них родилось двое детей, но родители не долго утешались ими, оба детища умерли на первых днях младенчества, и юная чета пребывала долго бездетною. В глубокой печали о своем продолжительном бесчадии, молодые супруги обратились к единственной помощи – помощи небесной. Они предприняли путешествие по окрестным святым местам, чтобы усердными молитвами и благотворением исходатайствовать себе разрешение неплодия. Благочестивое предприятие увенчалось успехом; плодом молитв скорбящих супругов был сын, нареченный Димитрием, в честь одного из первых чудотворцев Вологодских – преподобного Димитрия Прилуцкого. Таким образом, очевидно, неплодство молодых Брянчаниновых было устроением Промысла Божия, чтобы рожденный после неплодства первенец, испрошенный молитвою, впоследствии сделался ревностным делателем и опытным наставником».

Следующим их ребенком была дочь Александра (р. 1808), в замужестве Жандр, затем самый близкий по духу старшему брату Петр (р. 1809), Софья (р. 1810) – Боборыкина, Михаил (р. 1811), Елизавета (р. 1813) – Паренсова, Александр (р. 1814), Семен (р. 1815), Мария (р. 1817) – Купреянова.

Александр Семенович, который сам отнюдь не придерживался аскетических правил в жизни, особенно после кончины жены, детей, однако, воспитывал в большой строгости. По воспоминаниям А. Н. Купреяновой, «настроение всей семьи Покровского Брянчаниновых было глубоко православное и церковное. Суровое воспитание детей сыграло для них роль тяжкого молота, который «дробя стекло, кует булат». Оно выковало из них людей строгой честности и серьезного отношения к жизни; в них не было ничего

пошлого, но не было, может статься, и достаточной мягкости характера, терпимости к чувствам и идеям других». Глубоко православное и церковное воспитание детей определенно сказалось на их судьбе: из пяти доживших до зрелого возраста сыновей Александра Семеновича лишь один — Семен Александрович — остался в миру до конца жизни, остальные братья закончили свой земной путь в монастырях.

О Дмитрии Александровиче (святителе Игнатии) Брянчанинове (5 февраля 1807 — 30 апреля 1867) имеется довольно обширная литература. Его Жизнеописание, составленное родными и близкими, помещено в настоящем томе; о том, как складывалась его судьба в молодые годы, можно прочитать в популярной повести Н. С. Лескова «Инженеры-бессребреники»; жизни его и трудам посвящена обширная двухтомная монография Л. Соколова «Епископ Игнатий (Брянчанинов)», изданная в 1915 г.; ряд публикаций о нем имеется в периодических изданиях Московской Патриархии 1960–1990-х гг.; наконец, в 2002 г. издательством при Храме Святого Духа сошествия было опубликовано «Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского» по рукописи, хранящейся в Российской Национальной библиотеке.

Но самое верное представление о нем, конечно, можно получить, лишь глубоко вникая в его сочинения: «Все сочинения вообще, а духовно-нравственные преимущественно, обладают тем свойством, что в них вполне точно выражается внутренняя жизнь их авторов... Чтобы в неложных чертах изобразить жизнь Преосвященного Игнатия, надлежит самому изучить и испытать нечто такое, что он изучал и испытывал...»

По воспоминаниям родных и близких, религиозное настроение Дмитрия Александровича обнаруживалось с самого раннего детства и с годами все более укреплялось. Поскольку он отличался выдающимися способностями, родители прочили ему блестящую карьеру, которой могло бы способствовать внимание к нему со стороны Государя Императора Николая I и его семьи. Поэтому, чтобы исполнить свое желание уйти в монастырь, Дмитрию Александровичу пришлось вступить в конфликт с родителями и проявить настойчивость для получения разрешения в высших сферах. По вступлении в монастырь он должен был пройти стадии нелегкого послушничества, которые тем более были тяжелы для него, что он имел слабое здоровье (во всю жизнь его одна болезнь за другой подтачивали его организм). В 1831 г. он постригся в монахи.

В 1834 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом. В 1857 г. хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского с кафедрой в Ставрополе. В 1861 г. по прошению, поданному Государю Императору Александру II, получил разрешение поселиться на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии.

Конечно, строгое воспитание, которое Дмитрий Александрович получил от отца, наложило на его характер определенный отпечаток. Но выдающееся литературное дарование, которое святитель Игнатий сумел претворить в средство к духовному назиданию ближнего, он, по-видимому, получил от матери и деда по материнской линии, Афанасия Матвеевича Брянчанинова. Его первые литературные опыты нашли свое признание в доме Алексея Николаевича Оленина — директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств, в который его «ввели родственные связи» его деда. В жизнеописаниях Святителя рассказывается, что на литературных вечерах в доме Олениных «он сделался любимым чтецом, а поэтические и вообще литературные дарования его приобрели ему внимание тогдашних знаменитостей литературного мира: Гнедича, Крылова, Батюшкова и Пушкина. Такое общество, конечно, благодетельно влияло на литературное развитие будущего писателя. Преосвященный Игнатий до конца жизни сочувственно отзывался о советах, какие ему давали тогда некоторые из этих личностей». К перечисленным здесь именам можно было бы добавить имена многих молодых литераторов того времени, потому что А. Н. Оленин был известен как меценат, оказывающий поддержку начинающим талантам, а его жена, Елизавета Марковна (урожденная Полторацкая), окружала их, можно сказать, материнской заботой, за что и они платили ей неизменной любовью. К. Н. Батюшков писал:

Есть дача за Невой,
Верст двадцать от столицы,

. . . .

Приют для добрых душ,
Где добрая Элиза
И с ней почтенный муж
С открытою душою
И с лаской на устах,
За трапезой простою
На бархатных лугах,

Без дальнего наряда,
В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут...

Несколько другая атмосфера была в доме сестры «доброй Элизы», Агафоклеи Марковны. Муж ее, Александр Дмитриевич Сухарев, был видный государственный чиновник, тайный советник, а сама она — весьма серьезная и уважаемая общественная деятельница, благотворительница, председательница женского попечительного совета о тюрьмах, более шестнадцати лет председательница Петербургского женского патриотического общества, возглавлявшая также и другие женские организации. В жизнеописаниях святителя Игнатия рассказывается, что когда его отец, Александр Семенович Брянчанинов, увидел, что училищное начальство не в состоянии отвлечь его сына от принятого решения уйти в монастырь, то он написал об этом родственнице своей Сухаревой. «Сухарева — особа влиятельная, озаботилась довести до сведения тогдашнего Митрополита Петербургского Серафима, что ее племянник Брянчанинов, любимый Государем Императором, свел знакомство с лаврскими иноками, что лаврский духовник Афанасий склоняет его к монашеству, и что если об этом будет узнано при Дворе, то и ему, Митрополиту, не избежать неприятностей. Митрополит призвал к себе духовника Афанасия и сделал ему строгий выговор, воспретив впредь принимать на исповедь Брянчанинова...»

Опубликованные жизнеописания святителя Игнатия Брянчанинова в настоящее время могут быть значительно дополнены сведениями, извлеченными из архивных материалов, в основном из сохранившихся писем самого Святителя, что придает этим сведениям особую ценность. Например, в жизнеописаниях подчеркивается некоторая отчужденность в отношениях между отцом и сыном, из писем же видно, что сын всегда с большой почтительностью относился к отцу и связь между ними не прерывалась. Показательны в этом отношении письма, написанные сразу же после перевода святителя Игнатия в Петербург[1]. «Почтеннейший Родитель! — писал он 12 декабря 1833 г. — Благодарение Милосердному Господу, прибыл я благополучно в Петербург 5-го числа вечером и остановил-

[1] Отдел рукописей Вологодского краеведческого музея. Ф. 11. Д. 6. Частично опубликованы: Христианство и русская литература. Сб. 2. СПб., 1996. С. 9–23.

ся на Троицком подворье. Причина моего сюда путешествия объяснилась — и подтвердила Ваши и мои догадки. Михаила и Семена видел. Александра надеюсь скоро видеть. Мое дело не получило еще настоящей развязки; ибо я еще не представлялся Государю. Оба митрополита, Петербургский и Московский, особливо последний, очень ко мне милостивы. Синодский обер-прокурор также, что далее происходить будет, о том Вас уведомить не замедлю. Любезнейшим сестрам усердно кланяюсь. За тем с искреннейшим высокопочитанием и преданностию честь имею пребыть

Ваш покорнейший сын игумен Игнатий»

Особенно интересно следующее письмо, от 1 января 1834 г.:

«Почтеннейший Родитель!

Поздравляю Вас с наступившим праздником Рождества Христова и с Новым Годом; желаю Вам всего благого, приятного и полезного!

12 числа сего месяца, вечером в шесть часов представлялся я Государю Императору наедине, в его кабинете. Трогательно было и интересно сие представление. Государь обнял меня, — я его, он повторял неоднократно: Друг мой! Друг мой! — я кричал:

Отец мой! Отец мой! — Изволил подробно расспрашивать о обстоятельствах моей жизни в монашестве, между прочим рассказал я ему о болезни и кончине Маминьки, что он изволил выслушать с большим соболезнованием. Спрашивал о братьях; я рассказал отдельно о каждом, он не знал, что Михайло и Александр мои братья. Наконец объявил мне свою волю, чтоб я оставался близ Петербурга в Сергиевской пустыне, находящейся в пятнадцати верстах от столицы по Петергофской дороге. (Сия пустыня есть второклассный монастырь, имеющий до семидесяти тысяч дохода; настоятелем в ней здешний викарный архиерей.) А для того чтоб дать мне время полечиться у доктора Арндта, Государь не открывал некоторое время воли своей Синоду.

Между тем продолжал я жить на Троицком подворье, пользуясь особенными милостями Митрополита Филарета, который есть редкость в нынешнее время. С решительною приверженностию к Православной Церкви соединяет он Христианскую деятельность и естественный проницательный ум. Каждый день, если куда не отозван, обедаю у него, и он бывает столько снисходителен, что весьма подолгу со мною беседует о духовных предметах. Арндт, очень добрый человек, посещает меня и пользует с хорошим успехом; дает мне слизегонительные порошки и холодный

чай из тысячелиственника, и, благодарение Господу, чувствую себя гораздо лучше.

Михайло бывает у меня довольно часто и служит довольно благополучно; Семен премилый, прерачительный, скромный и осторожный. Александра еще не видал, — хотя с первых дней моего приезда послал к нему известие и просил, чтоб он приехал ко мне для свидания, и денег 15 рублей на дорогу. Сухарева хлопочет. Я у нее однажды обедал, и она дважды у меня была. Александр Александрович вечерком сидел у меня довольно долго. Нередко является Павел Иоакимович.

31 числа декабря, приехав из Зимнего дворца, где представлялся Государыне, опять видел и Государя и вкруг их все семейство, — нахожу у себя письмо Ваше, извещающее меня о кончине сестры, Софии Александровны! Тоскуя невольно, не знаю, тосковать ли, ибо, сколько ни рассматривал, тем более уверялся, что она не на руки попалась, и со страхом опасался, чтоб не поразила слух мой печальная весть о неблагополучной развязке. И ей, бедной, как было трудно заглушать свои сердечные чувствования и беспрестанно себя насиловать, — что все она мне поверяла с полною откровенностию. Остается то в утешение, что она была от всего сердца привязана к Господу и к святым Его заповедям и пострадала довольно. — Он взял ее и в руках Его вернее ей будет. 31 декабря был у меня Михайло, а сегодня Семен, премилый юноша. От него получил письмо Ваше в ответ на первое мое: оно пролежало на почте лишнюю неделю.

Сего дня за обеднею по повелению Государя Императора произведен был в Казанском соборе в архимандрита в Сергиевскую пустыню; а викарному архиерею дано к содержанию его другое средство.

Хотел было сообщить Вам и других довольно новостей, — но весть, от Вас полученная, отнимает чувство писать об них. Простите! Почтеннейший Родитель! Не предавайтесь печали: ваша бодрость нужна для многих. Простите!

С искреннейшею преданностию, честь имею пребыть

Ваш покорнейший сын архимандрит Игнатий

P. S. Не велите продавать моих лошадей: я за ними пошлю; а за прокормление готов заплатить, и денег мне не присылайте, или получите от Геркулесова, благодаря Бога, здесь ни в чем не нуждаюсь.

Посылаю Вам книгу: “Путешествие в Иерусалим”. Примите благосклонно!»

К сожалению, из переписки отца с сыном сохранились лишь малые фрагменты. Так, 4 августа 1838 г. архимандрит Игнатий благодарит Александра Семеновича за исполненную просьбу.

«Христос Воскресе! Почтеннейший Родитель!

Имею честь поздравить Вас со всерадостным праздником Воскресения Христова. За нас пострадавший и нас с Собой совоскресивший Богочеловек да исполнит жизнь Вашу вечными благами.

Всепокорнейше благодарю Вас за милостивое внимание к моей покорнейшей просьбе. Люди прибыли сюда благополучно с лошадью и косулями и доставили записочку о количестве потраченных на сии предметы денег. С сестрой Александрой Александровной послал я 300 руб. асс., почему и прошу Вас всепокорнейше остальные деньги раздать домашним двум Васильям и Ивану Николаеву, каждым по равной части: они мне говорили, что им очень нужно для дома, для найма работников, а Ивану для покупки лошади.

Затем пожелав Вам доброго здравия, с истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть, Почтеннейший Родитель!

Ваш покорнейший сын А<рхимандрит> Игнатий»

В феврале 1839 г. Александр Семенович приезжал на две недели в Петербург, чтобы повидать сына «после пятилетней разлуки». Брат святителя Игнатия, Петр Александрович, писал об этой встрече: «...я приехал в Сергиевскую Пустынь в Среду часу во 2-м дня, застал брата здоровым, и, узнав от него, что мой батюшка в Петербурге, я, почти не успев еще опомниться от удовольствия свидания с любимым братом, поехал в город, где застал старика, очень обрадовавшегося моему приезду. Мы с ним пробыли (все братья и Архимандрит с нами) день и вечер Четверга, простившись, принялись каждый за свое дело...»

В последующие годы Александр Семенович выезжал куда-нибудь очень редко, предпочитая оставаться в своем любимом Покровском. Он редко переписывался с сыновьями, которые жили теперь каждый своей жизнью, — писем за этот период не сохранилось. Однако в архивных документах имеются известия о том,

что архимандрит Игнатий неоднократно хлопотал по разным его просьбам и поручениям.

Среди тех, кто в годы учебы Дмитрия Александровича Брянчанинова в Главном инженерном училище регулярно посещал дом Олениных, были и сыновья Николая Николаевича Муравьева (старшего): Александр — декабрист, участник Отечественной войны 1812 г., а также Крымской войны, генерал-лейтенант, сенатор, мемуарист, публицист; Михаил (Виленский) — граф, крупный государственный и военный деятель; Николай (Карский) — выдающийся военный деятель, участник Отечественной войны 1812 г. и Кавказских войн, в 1854–1856 гг. главнокомандующий и наместник на Кавказе, покоритель Карса, автор ряда военно-исторических книг; Андрей — духовный просветитель, публицист, поэт, мемуарист.

Несмотря на то что все четыре брата были старше Дмитрия Александровича, у него сложились с ними дружеские отношения. Причем для Михаила Николаевича и Николая Николаевича с годами святитель Игнатий стал не только другом, но и духовным наставником, к которому они обращались в трудные периоды их жизни. Особенно близкие отношения сложились у него с Николаем Николаевичем Муравьевым-Карским, свидетельством чего является их переписка, длившаяся 20 лет. Сохранившиеся письма святителя Игнатия раскрывают его внутренний мир с нескольконеожиданных сторон, не всегда отмеченных в его жизнеописаниях, и дополняют его биографию некоторыми неизвестными до сих пор подробностями.

Письма святителя Игнатия Брянчанинова Н. Н. Муравьеву-Карскому были опубликованы в 1998 г. в книге: *Святитель Игнатий Брянчанинов.* «Будущее России в руках Божественного Промысла». Они включены в третий том Полного собрания писем.

...13 октября 1861 г. святитель Игнатий прибыл в Бабаевский Николаевский монастырь Костромской епархии, ставший отныне местом последнего его пребывания в этой жизни. Он прожил там шесть с половиной лет. Современники отмечали, что его пребывание в монастыре оказалось чрезвычайно благотворным: «Своим высоким духовным авторитетом он поднял нравственность подчиненного ему братства до небывалой высоты, ... увеличилось количество богомольцев, притекавших сюда для поклонения чудотворному образу Св. Николая и для принятия архипастырского благословения Преосвященного Игнатия, ... увеличился приток материальных средств, что дало в 1865 г. возможность Владыке

приступить к сооружению обширного, величественного, прекрасного двухэтажного храма...»

Святитель Игнатий скончался 30 апреля 1867 г. и был похоронен в склепе больничной церкви Преподобного Сергия, Радонежского Чудотворца.

В 1920-х гг. монастырь был упразднен, главный храм его был взорван, а остальные помещения приспособлены под детский санаторий. Со временем они превратились в руины. Сквозь проемы в стенах алтаря больничной церкви можно было увидеть свисающие лохмотья обоев с веселыми картинками, которыми были заклеены фрески; над склепом, где был похоронен святитель Игнатий, размещалась спальня для детей.

Святитель Игнатий был прославлен Собором Русской Православной Церкви 1988 года. Его память празднуется 30 апреля / 13 мая.

26 мая 1988 г. было произведено перенесение мощей святителя Игнатия в Ярославский Толгский монастырь.

Второй сын Александра Семеновича и Софьи Афанасьевны, Петр Александрович Брянчанинов (1809 – 25 июня 1891), избрал военную карьеру. Окончив Военно-инженерное училище, он 20 ноября 1827 г. был выпущен в полевые инженеры и через год определен в 7-й пионерный батальон; 30 августа 1829 г. за отличие в сражении против турок переведен в подпоручики, через год — в поручики; 23 ноября 1834 г. — штабс-капитаном в Бородинский полк с назначением адъютантом к генерал-адъютанту Н. Н. Муравьеву.

В назначении Петра Александровича адъютантом к Н. Н. Муравьеву большую роль сыграл святитель Игнатий. «Писал я Вам также о Петре, — сообщал он отцу 23 июля 1834 г., — что хлопочу о помещении Петра в штабе первой армии; ибо хлопотать о переводе его в гвардию мне было б очень трудно. При сем открывается для него выгоднейший случай. В намерении поместить его в штаб 1-й армии писал я письмо к генерал-адъютанту Муравьеву вместе с его братом, здесь служащим в Синоде. Ответ Муравьева ко мне и к брату при сем прилагаю. Кажется, самая судьба представляет сему офицеру решительный оборот в службе и Вам случай довершить Ваши ему благодеяния. На короткое время усилив Ваши вспомоществования, Вы приведете его в состояние совсем не нуждаться в Вашей помощи. Притом, перевод его в гвардию и экипировка гвардейская никак менее бы не стоила. Муравьев

редкий человек, по своим правилам строгий христианин и по службе употребляется в важных обстоятельствах: например, послан был в Египет для переговоров с Пашою, потом командовал отрядом, посланным на помощь турецкому султану против Ибрагима. Что Вы относительно сего рассудите, сделайте милость, по первой же почте меня уведомить, дабы я мог соответственно Вашему предписанию распорядиться».

Совместная служба Петра Александровича с Николаем Николаевичем длилась недолго, но оставила отпечаток на всю их жизнь. До самой кончины Н. Н. Муравьева-Карского Петр Александрович испытывал к нему сыновнюю почтительность и любовь, чему свидетельством являются более 150 его писем. Через год Петр Александрович переводится в капитаны, затем в майоры, и в 1847 г. он подполковник. В марте 1848 г., устав от военной службы и разногласий с начальством, он выходит в отставку. Однако оставаться не у дел ему не позволяет материальная необеспеченность. Он пробует свои силы на разных поприщах и, наконец, 16 декабря 1852 г. Высочайшим указом назначается Костромским вице-губернатором; через три года его переводят на ту же должность в Ставрополь. 26 января 1856 г. он пишет Н. Н. Муравьеву: «По призыву старика родителя моего и брата О. Игнатия, освободившись от службы в Костроме 30 ноября, я заезжал в Вологду и Петербург проститься с ними и 25 декабря выехал из Костромы в Ставрополь». 1 августа 1859 г. Высочайшим Указом он назначается на должность Ставропольского губернатора. Вскоре после ухода святителя Игнатия на покой он также подает в отставку, переезжает к брату в Николо-Бабаевский монастырь и поселяется там в положении послушника.

Сохранившиеся письма Петра Александровича к Н. Н. Муравьеву-Карскому охватывают 30-летний период. Они так часты и так подробны, что позволяют в деталях проследить его жизненный путь, его участие в сражениях и смотрах, взаимоотношения с известными в нашей истории людьми, имена которых мелькают в его письмах, его личные радости и горести. К числу последних относится история его женитьбы, о которой очень мало знали даже его родные. 19 января 1841 г. он пишет Николаю Николаевичу: «Вы не ожидаете известия, которое несет Вам это письмо. Радость моя не может не быть услышана Вами без удовольствия, за это участие ручается мне сердце мое. Ваш Брянчанинов сосватался и, если Бог поможет, на днях будет играть свадьбу. Ольга Сер-

геевна Левшина, моя невеста, приезжала с отцом своим, уволенным от службы Артиллерии полковником, повидаться с дядей своим, нашим Левшиным, во время квартирования последнего в Алешнах. Как ближайший сосед, тогда я часто бывал там и, найдя в девушке наружность приятную, образование равное с моим, ум живой и, что дороже всего, твердые правила Православного исповедания, решился, помолясь, сделать предложение, принятое дочерью и утвержденное отцом».

В этот же день он пишет жене Николая Николаевича, Наталье Григорьевне: «...Я не останавливаюсь сделать Вам краткий очерк девушки, в которой сосредоточены теперь все мои надежды счастия, все ожидания мои. Ольга Сергеевна Левшина имеет от роду 20 лет, росту маленького, брюнетка, прекрасные глаза, лоб большой и римский нос; она не красавица, но для меня мила и даже кажется прехорошенькая, манеры не вычурные и вообще обращение простое, благородное...»

Через год у них родилась дочь Мария, но прожила она всего полгода. Еще через полтора года родился сын Алексей: «Жена у меня такая домоседка, что никуда, кормит сына и тем только и тешится».

Их брак длился менее пяти лет; 15 декабря 1845 г. Петр Александрович пишет: «...до сего времени не могу сам верить случившемуся, не могу вспомнить происшедшего в этот, по счислению человеческому, короткий срок; я — вдовец с двумя малолетками, из которых последнему 9 месяцев. Ольга кормила его последний раз 20-го ноября, за 5 дней до смерти, случившейся 26-го ноября в 6-м часу утра... потеря невозвратимая и неожиданная; ... умерла сном праведной, в воздаяние ее лишений и трудов, понесенных при кормлении детей, ей было 25 лет!.. я бежал из деревни».

Но беды продолжали преследовать Петра Александровича: «...Давно я получил письмо Ваше, — пишет он 27 марта 1846 г. из Ново-Георгиевска, — и до сих пор не отвечал, потому что, по пословице русской, беда не ходит одна, всегда сам третий.

В день получения письма Вашего я получил уведомление, что младший сын мой при смерти, на другой день весть о его кончине; разумеется, я бросил все и поехал взглянуть на умершего и взять к себе оставшегося.

Третья моя беда — прием округа поселенного; Вы знаете поселения по слухам, по взгляду на них; но надобно видеть очень близко, чтоб убедиться в горьком положении этих тружеников

земледельцев. Вообразите огромнейшее имение из 100 душ, в котором под влиянием прихотливого произвола главноуправляющего все прикащики тщатся наружным видом прикрыть внутреннее неустройство.

Не будь Лауница, Николай Николаевич, я бы не мог оставаться, да и теперь еще не уверен. Варпаховский (к которому я попал под команду) вороват и словом и делом, и возненавидел меня, старается выставить меня как человека дерзкого, а дерзость моя только правда. Все новейшие теории применяются к военному поселению, а хлеба мало. А главная беда — постройки экономические, они — подрыв благосостояния военных поселян и причина воровства и обмана, причина удаления контроля...»

Петр Александрович всегда был наиболее близким из всех родственников святителю Игнатию, являясь для него братом «не только по плоти, но и по духу, неизменным его жизненным спутником, особенно со времени совместного служения в Ставрополе».

В переписке между братьями святитель Игнатий всегда является руководителем, наставником и духовным покровителем. Например, в письме от 29 апреля 1853 г. он пишет: «Весьма благоразумно делаешь, что не сводишь близкого знакомства ни с одним духовным лицом: такое знакомство может очень легко послужить ко вреду и весьма, весьма редко к пользе. Советуйся с книгами Святителя Тихона, Димитрия Ростовского и Георгия Затворника, а из древних — Златоуста; говори духовнику грехи твои — и только. Люди нашего века, в рясе ли они, или во фраке, прежде всего внушают осторожность. Молитвы читай утром и вечером следующие: Трисвятое, Отче наш, 12 Господи помилуй, Псалом 50-й, Символ веры, Богородице и некоторые поминания; после сего клади 10 поясных поклонов с молитвою: *Боже, очисти мя, грешнаго*».

В свою очередь Петр Александрович всегда старался оказывать поддержку брату, выполняя различные его поручения, а во время своего губернаторства в Ставрополе помогал ему в делах по управлению епархией. Письма самого Петра Александровича ставропольского периода, под влиянием постоянного общения с братом, совершенно изменились. Из них исчезло личное, исчезли бытовые подробности, заполнявшие многие страницы в прежнее время. Теперь он больше сосредоточивается на общем ходе событий, свидетелем и участником которых ему приходилось быть. Для нас же в этих письмах особенно важно то, что относится к его брату. Дело в том, что святитель Игнатий в своих письмах, как прави-

ло, вовсе не касался своей деятельности ни в Сергиевской пустыне, ни теперь, на Кавказской и Черноморской кафедре, сосредоточивая внимание своих корреспондентов на «едином на потребу» — спасении человека. Из писем же Петра Александровича можно получить некоторые дополнения к сведениям об этой деятельности, приведенным в жизнеописаниях Святителя.

Так, в письме Н. Н. Муравьеву-Карскому от 2 октября 1858 г. он пишет: «Преосвященный Игнатий на днях возвратился из Кизляра; в пути своем, в Червленной Станице, имел продолжительную беседу со старообрядцами, в Моздоке — с черкесами, в Кизляре — с армянами. Ваше слово о влиянии веры — справедливо, но без покровительства ему со стороны мирских властей трудно бы было иметь успех значительный, хотя бы и при ревности со стороны главного духовного лица в крае».

Сразу же после ухода святителя Игнатия на покой и перемещения в Николо-Бабаевский монастырь Петр Александрович Брянчанинов начал хлопотать об отставке. 16 марта 1862 г. он пишет Н. Н. Муравьеву-Карскому: «Все обстоятельства, сопровождающие мое служение, сложились так, что лучшее, что я могу предпринять, — это отставка. По образу мыслей, по убеждениям о полезном, по понятию о добре и зле я так расхожусь с пониманиями и стремлениями большинства деятелей общественных, что или должен нарушить святость совестливых убеждений моих, или (большею частию безуспешно для дела) бороться и раздражать большинство. При этом напряженном состоянии я ощутительно старею́сь, утраты способностей с каждым днем делаются ощутительнее. В виду у меня жизнь с братом и сыном тем пенсионом, который я выслужил, прослужив более 35 лет Отечеству и обществу. Остальное не мое — отдаюсь в волю Божию и молю Господа даровать мне полезнейшее для приготовления к исходу; но искренно говорю Вам: тягощусь даже мыслию возможности оставаться среди среды, в которой стою — одинокий, по убеждениям и стремлениям, благодаря Бога за самую эту скорбь!» Получив отставку, он сообщает Николаю Николаевичу 1 июля 1862 г.: «Письмо Ваше от 26-го мая я получил уже на новом месте жительства моего, куда приплыл Волгою 22-го числа июня, после 17-ти дневного пути от Ставрополя.

...22-го июня приехал я к брату Преосвященному и сыну. Более близких людей в мире у меня нет, имения, собственно мне принадлежащего, у меня нет, а потому я намерен оставаться здесь на пра-

вах гостя, не стесняя себя ограничениями времени. Получаемая мною пенсия даст мне возможность в материальном отношении не быть в тягость ни Владыке, ни монастырю, а между тем, соединяя меня с сыном, доставляет мне самое существенно полезнейшее положение. ...Сегодня получил я уведомление от Буткова, что кроме узаконенной пенсии (860 р.), мне назначено Всемилостивейше, по представлению князя Барятинского, Орбелиани 1716 р. добавочной».

Приехав в монастырь, Петр Александрович поместился там «на правах гостя» с правом беспрепятственных отлучек из него, которые были ему необходимы для устройства разных дел. Ему часто приходится выезжать в Петербург. После нескольких лет, проведенных на Кавказе, его поражают изменения, происшедшие в столичном обществе: «Напрасно Вы думаете, — пишет он Николаю Николаевичу 11 октября 1862 г., — что я настолько остыл сердцем, что совершающееся вне стен моего жительства не касалось бы меня, было бы совершенно чуждо мне. Нельзя не внимать к происходящему пред глазами. Недостаток в добросовестных и правильно понимающих дело деятелях ощущается повсюду. Литература, такая, как она сложилась у нас, этому недостатку не помогает, да и не может помочь, потому что, с немногими исключениями, сами литераторы, пропитанные материализмом, а потому и полнейшей безнравственностию, посевают больше зла, чем искореняют его, мнимою пользою гласности, под покровом которой действуют часто (и даже по большей части) зависть, мщение, клевета и ложь. Правила же нравственныя, ими распространяемыя, способны только уничтожить то немногое добро, которое держится в народе его религиозными преданиями. ...Трудно предвидеть, какой исход готовится этой грозной борьбы, в которой в лице литературистов, сторонников прогресса, и прогрессистов нелитературы восстало злое начало, восстал ад, против начал добра — против веры Христовой, в ея необходимом приложении к жизни». Эти мысли сильно волнуют Петра Александровича. «13-го числа вечером я приехал сюда и отдыхаю от напряженной Петербургской жизни, — пишет он 24 декабря того же года, — где, при всем моем малом внимании к происходящему, нельзя было не видеть, а особенно не слышать о страшном развитии и цинизме разврата литературного и деятельного прогрессистов. Что разврат этот проникает всюду, что он выносится из столицы в провинции, из среды зараженных в среды незараженные и там разливает яд свой — это неоспоримо.

Но чем и когда может быть восстановлена нравственность в массе народа — когда она в ней будет потеряна? А религии — вере Православной — война объявлена открыто литературой и распространителями раскола — его защитниками, как явления политического. Цензура пропустила множество сочинений — изложения учений разных ересиархов — дала повод простому народу верить, что книги эти напечатаны по воле Государя, и раскол усиливается в необъятных размерах. Это явление близко сходством с явлением протестантизма на Западе — разница та, что оно образовывается в одном и том же Государстве. Спаси Господь от тех последствий, которые нам указывают примеры народов отживших или еще хуже — последствий беспримерных! — по беспримерности характера народа».

Известно, что и в Бабайках святитель Игнатий много и плодотворно трудился, благодаря чему захудалый прежде монастырь превратился в первоклассную обитель. Петр Александрович оказывал ему большую помощь, употребляя на нужды монастыря свою губернаторскую пенсию. Их племянница, А. Н. Купреянова, так описывает Петра Александровича в этот период его жизни: «Величественный с нами, Петр Александрович держался перед братом почтительно... Он жил в Бабайках при брате мирянином... все понимали, что он в душе монах и держит монашеское правило, хотя и не принимает пострижения, быть может, для того, чтобы ему удобнее было хлопотать по поводу сочинений Владыки. Он издавал их на собственный счет, и ему приходилось много возиться не из-за одной материальной стороны дела... он ездил объясняться с высокопоставленными лицами, пользуясь своим положением бывшего губернатора».

Труды по изданию сочинений святителя Игнатия можно считать главным делом последних лет жизни Петра Александровича. «С собою в Петербург, — писал он Н. Н. Муравьеву-Карскому 11 октября 1862 г., — я привез некоторые из сочинений Преосвященного Игнатия и намерен попытаться напечатать их. Удастся ли мне это — не знаю, но приложу старания, сколько смогу, чтоб исполнить. Трудно потому, что Преосвященный поставил условием, что не принимает никакой цензурной поправки, изменяющей или ослабляющей выраженную им мысль». О причине такого беспокойства святителя Игнатия можно узнать из его собственного письма брату от 30 сентября того же года: «Когда я жил в Сергиевой пустыне, тогда не благоволили, чтоб мои сочинения были

издаваемы печатно, имея на то свои причины. Может быть, эти причины существуют и доселе. ...Сначала мне не указывали прямо: на отказ употребляем был свой прием. Именно: так перемарывали рукопись и так изменяли сочинение, что рукопись делалась никуда не годною, а сочинение делалось чуждым мне и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешищем публики... Вообще, писания людей, проводивших аскетическую жизнь, гораздо удобнее печатать по смерти их...» Как известно, многолетние старания Петра Александровича не пропали даром. Можно смело сказать, что именно благодаря им мы имеем сейчас изданными почти все произведения святителя Игнатия Брянчанинова.

Размеренная жизнь в монастыре изредка нарушалась неожиданными событиями, об одном из них Петр Александрович сообщает Николаю Николаевичу в письме от 2 сентября 1863 года. Речь идет о встрече святителя Игнатия с Цесаревичем Николаем Александровичем, старшим сыном Александра II, объявленным Наследником, но умершим 12 апреля 1865 г. (после чего Наследником был объявлен будущий Александр III): «Вы спрашиваете, не был ли я в Нижнем в приезд Государя?— Нет — но видел преданность народа к Царственному Дому в приезд Наследника, который заезжал к нам на Бабайки 29 июня, слушал Литургию, по окончании которой Преосвященный поднес ему икону (копию с чудотворной) Святителя Николая, сказав: "Ваше Императорское Высочество! Святитель Христов Николай, преподававший душеспасительнейшие советы царям, да глаголет сердцу Вашему вся благая о Вас Самих и о Православном Русском народе". — Тысячи народа (простой народ, исключительно крестьяне, и все бывшие помещиков, потому что в нашем кутке и слухом не слыхать Государственных) собрались и с любовию приняли и глядели на Царственного Юношу.

Он заходил к Преосвященному, пил у него чай и завтракал и удивлялся, что он прежде никогда не видывал Преосвященного, хотя тот постоянно жил около Петербурга. Но Бабайки и теперь не были в маршруте, — а посещение это устроилось совершенно неожиданно».

Переписка Петра Александровича Брянчанинова с Н. Н. Муравьевым-Карским продолжалась до самой кончины Николая Николаевича. Из последних писем Петра Александровича видно, что жизнь в монастыре не сразу принесла ему умиротворение: «Что

отчизне нашей, по ее силе и особенности характера массы народа, предстоит иметь сильное влияние на дела материка Европейского, в этом тоже нет сомнения, но что выйдет из этих испытаний? какой плод принесут лишения, потери, сотрясения?..» Подобные предчувствия волновали многих его современников.

Но прошли годы, прошли десятилетия со времени кончины брата, Преосвященного Игнатия, со времени кончины друга, которому он поверял свои переживания чуть ли не всю сознательную жизнь... «Я поражаюсь, — писала А. Н. Купреянова, — думая о том, какая огромная внутренняя работа должна была совершиться в этих людях (Петре Александровиче и его младшем брате Михаиле Александровиче), чтобы их характер, согнувшись, подклонился под иго монашества, а монашество их было не наружное только.

Всю жизнь боролись в них две силы: врожденная сила гордости, страстности и самовластия и громадная сила несомненной веры и преданности Богу и Церкви. И последняя всегда побеждала».

После кончины брата Петр Александрович Брянчанинов оставался жить в Николо-Бабаевском монастыре, с которым его связывали воспоминания о брате, дружба с настоятелем архимандритом Иустином и желание оказать помощь в строительстве собора. Он продолжал работу по изданию трудов Преосвященного Игнатия и потому бывал в Петербурге и в Москве. Упоминание о нем имеется в недавно опубликованных дневниковых записях игуменьи Сретенского монастыря Евгении (в миру Евдокия Семеновна Озерова)[1]. 13 октября 1880 г. она записала: «Сегодня были в Алексеевском монастыре. Там встретила нового своего знакомого Петра Александровича Брянчанинова, брата известного епископа Игнатия (Брянчанинова), окончившего жизнь на покое в Бабаевском монастыре и проходившего подвиг умной Иисусовой молитвы.

Петр Александрович человек умный, старичок, был губернатором в Ставрополе, где епископствовал брат его, в одно время с ним. Человек начитанный и духовно направленный, много видевший, слышавший от разных лиц, весьма приятный.

Беседуя о книгах и о подвижниках, коснулась речь о. Серафима Саровского, его дивной жизни, необыкновенных подвигов, покровительства и по кончине Дивеевской обители.

Петр Александрович в бытность по делам в Петербурге встретил у своего брата, там служившего, сборщицу Дивеевской пустыни Елизавету Андреевну Татаринову (ныне игуменья Серафима Влахерн-

---

[1] Альманах «Дворянское собрание». М., 1997. № 6. С. 163–165.

ского общежительного монастыря) и ее келейную. Они пребывали у Александровых, но были знакомы с Брянчаниновыми. Зашли к ним тревожные и рассказали, что их зазвали в один дом, обещая подаяние, но когда они вошли, хозяин дома закрыл дверь и начал осыпать их ругательствами. Долго продолжалось его резкое обращение. Елизавета Андреевна расплакалась, а ее спутница, прежде стоя безмолвна и недвижима, наконец решительно сказала: "Долго же будет ругательство продолжаться?" Отперла дверь и увела плачущую Елизавету Андреевну. От напряжения у нее разболелась голова, ее уложили, к вечеру сделалось хуже. Они остались ночевать у Брянчаниновых, дав знать почтенным Александровым, что домой не будут по случаю болезни келейной. Те на другой день прислали лейб-медика, который объявил, что у больной горячка, а на 9-й день болезни решительно сказал, чтобы ее подготовили к исходу из сей жизни, ибо нет возможности ее спасти. Это было вечером. Наконец все разошлись, утомленная Елизавета Андреевна заснула.

Больная видит, что отворяется дверь и входит О. Серафим в белом балахончике, как он носил при жизни. В знак молчания держит перст на устах своих и, подойдя к больной, тихо говорит: "Пусть все уснут, я за тобой похожу". В течение ночи служил ей, даже поднимал, проводил для необходимой надобности, а когда стало рассветать, то сказал: "Теперь они все выспались, а ты здорова" — и скрылся.

Когда пришли к больной, она сидела на кровати и передала о виденном и испытанном ею, сказывая, что О. Серафим на какое место полагал свою руку, она чувствовала облегчение и что теперь болезнь ее миновалась. Утром зашел лейб-медик, спрашивает, жива ли больная, видит ее здоровою и прямо высказывает, что это чудо Божие. Он был лютеранин и, конечно, не верил ни силе праведников, ни сверхъестественным их явлениям.

Через несколько времени послушница заболевает холерой. Тот же врач ее пользует, находит состояние безнадежным, но уже не утверждает, что непременно умрет. Больная опять выздоравливает, а лейб-медик, пораженный силою веры и всего происходившего, принимает православие.

Много еще рассказывал Петр Александрович о Дивеевской пустыни и о предстательстве О. Серафима за дивеевских сирот, как он их называл. Много писали жизнеописаний О. Серафима, но самое справедливое о нем сказание иеромонаха Саровской пустыни отца Авеля. Но теперь его уже трудно найти, оно не было перепечатано.

День провели весьма приятно. Когда встречаешься с личностью серьезною и духовно направленною, отдыхает душа. Разговор ведется без осуждений, без пустоты, чувствуется, что беседуют христиане, возросшие уже, а не дети умом и расположениями. Ныне и в духовных мало или, лучше сказать, не находишь того, чего желает, ищет душа. Глад и хлеба, и духовной пищи слова Божия. Встречаешь или младенчество духовное, или вовсе пустоту. Рад, рад, как встретится человек, живший под духовным руководством и понимающий путь веры живой и действенной. После того, что в своей жизни видел и слышал великого, Святого, благочестивого, невольно сравниваешь и приходишь к грустному убеждению, что настало время не глада хлеба, но глада Слова Божия».

Последнее из обнаруженных в архиве писем Петра Александровича Брянчанинова написано 13 марта 1889 г.:

«Достопочтенная Матушка Игумения Антония! Милостивое письмо Ваше от 20 февраля я имел честь и утешение получить. Душевно благодарю я Вас за слово и чувство милости ко мне, выраженные как в доброжелательном привете, так и в назидательном примере истинном о Господе единении.

Примите мое почтительнейшее поздравление с наступающим храмовым праздником Святой Обители Вашей. Батюшка Отец Архимандрит Иустин поручил мне передать Вам его поздравление и искреннейшие благопожелания обретения радости утешения духовного. О. Иустин не нарадуется, что Господь послал нам Епископа монаха.

Поручая себя покрову Ваших святых молитв и испрашивая Вашего благодатного благословения, остаюсь с чувством искренней о Господе преданности Вашим неизменным послушником

П. Брянчанинов.

P. S. Всем Вашим присным сестрам усердно кланяюсь, прося их святых молитв.

P. P. S. Жива ли м. Паисия? Что-то замолкла или запостилась, или уехала, может, куда?»

Скончался Петр Александрович Брянчанинов в Бабайках 25 июня 1891 года. П. П. Яковлев писал: «Отпевание Петра Александровича совершено 29-го числа о. Ильею с приехавшим из Невской Лавры иеромонахом Вениамином.

Скончался 25-го в 11 ч. ночи.

Могила рядом с покойным Архимандритом Арсением — справа от него, если идти в Собор.

Сын Алексей Петрович один час не захватил его в живых.

Отпевание было монашеское с именем Павла (пострижен о. Архимандритом Иустином 6 лет назад).

Он постепенно в течение года угасал».

Упомянутый здесь иеромонах Вениамин в отрочестве был келейником святителя Игнатия Брянчанинова и им же был обучен грамоте. Петр Александрович хлопотал о назначении его настоятелем Николо-Бабаевского монастыря после смерти отца Иустина, случившейся незадолго до кончины самого Петра Александровича.

Сын Петра Александровича, Алексей Петрович Брянчанинов (11 июня 1844 — 27 мая 1907), в возрасте полутора лет остался без матери, на руках отца, очень к нему привязанного, но из-за служебных обязанностей не имевшего возможности заниматься его воспитанием. После неожиданной кончины жены Петр Александрович вынужден был оставить сына на попечении свояченицы, которая и занималась им почти до десятилетнего возраста. Своими тревогами о судьбе сына Петр Александрович делился с Н. Н. Муравьевым-Карским и был очень рад, когда Николай Николаевич предложил ему отдать сына в его семью, чтобы он воспитывался вместе с его дочерьми. «Весьма хорошо сделаешь, — писал по этому поводу Преосвященный Игнатий 11 июня 1856 г., — отдав Алешу в семейство Муравьевых и потому, что образовать его в Тифлисе гораздо удобнее, и потому, что тебе, вероятно, придется проводить много времени в разъездах. Кроме того, молодой человек, воспитываясь на чужих руках, лучше обтирается; семейство же Муравьева строгой нравственности». Святитель Игнатий с любовью относился к Алеше, и тот часто гостил у дяди. Пример дяди сильно действовал на юную душу, и постепенно у Алексея возникло и укрепилось желание стать монахом. Отцу это желание казалось естественным, и он поощрял его. Но дядя не торопил его с принятием окончательного решения, считая, что Алеша для этого слишком молод. Время показало, как прав был святитель Игнатий; 18 марта 1862 г.: «Всего более озабочивает меня Алексей. Дитя! Он желал быть постриженным в рясофор, но я отложил до твоего приезда. Время трудное! Далее еще труднее! Он этого не видит и никак не подозревает, что при действиях для настоящего надо очень серьезно думать о будущем. В нравственном отношении он утешает. Имеет очень мягкое сердце». 26 апреля 1862 г.: «Алек-

сей Петрович растет. Справедливо твое замечание, что к нему особенная милость Божия, приведшая его в монастырь в самое трудное время жизни в нравственном отношении. Особливо здешний монастырь драгоценен по уединению своему от предметов соблазна; к тому же юноша вступил в близкое и частое сношение с духовником своим, о. Феофаном, который и утешает его и побранивает: то и другое благотворно. Невозможно требовать с Алексея, чтоб он понимал современность, но моя обязанность, в особенности твоя: предохранить его от пропасти, в которую он легко может вринуться по слепоте своей. Милосердый Господь, начавший устроять путь его, да устроит и до конца». 10 февраля 1864 г.: «Монастырь принес Алексею несомненную пользу, дал ему благочестивое направление, которое обыкновенно остается на всю жизнь, иногда засыпает на время, но потом снова пробуждается.

Нисколько не смутись выходом Алексея из монастыря. Насильственному и фальшивому его положению в монастыре непременно должен был последовать какой-либо исход. Слава Богу, что исход устраивается разумный, а не комический или трагический. ...Я вижу, как и прежде видел, что Алексей нисколько не был приготовлен к монашеской жизни. ...Почему я признаю исшествие из монастыря Алексея необходимостью по неимению им произволения, а потому и нужных способностей к монашеской жизни».

А. Н. Купреянова пишет: «Алеша был наружно и внутренне похож на мать; веселая мягкость его характера и бьющая ключом жизнерадостность мешали ему сделаться в душе монахом. ...Достигнув совершеннолетия, он вышел из монастыря, сохранив, однако, на всю жизнь глубокую преданность православной вере».

По выходе из монастыря Алексей Петрович поступил на службу в канцелярию Вологодского губернатора. «Алексею необходимы опыты жизни, — писал святитель Игнатий. — Опыты всегда имеют свою горесть и свой труд. Но без них человек остается на всю жизнь свою куклою пустою. Опыты при жизни в Вологде будут наилегчайшие. Там нет таких бурь и пропастей, какие в шумном свете...» Вскоре Алексей Петрович переехал в столицу, сдал экзамен за университет.

Службу свою он окончил в должности товарища Управляющего делами Комитета Министров в чине тайного советника, в звании сенатора. Умер бессемейным.

Третьим сыном Александра Семеновича и Софьи Афанасьевны был Михаил Александрович Брянчанинов (р. 13 августа 1811),

женой его была Анна Модестовна Окулова (1810 – 11 июня 1837), детей у них не было. Службу свою Михаил Александрович начинал в Семеновском полку. О его дальнейшей судьбе рассказывает А. Н. Купреянова: «Михаил Александрович метался по Петербургу, оставив военную службу по недостатку средств. Благодаря связям брата, архимандрита Сергиевской пустыни, несколько раз получал хорошие места, но не удерживался на них. Купил в долг каретную фабрику, но прогорел на ней. Женился в Петербурге на достойной девушке, но простой и бедной; родня не признала ее. Наконец, отец выделил ему доходную усадьбу в северной глуши, впоследствии и там прожился по своей непрактичности, хотя сам вел хозяйство. Жена его там умерла. ...По широте своей натуры ни в каких общепринятых рамках он не умещался, говорил прямо о том, что есть самого задушевного, условность ненавидел, и всякая неправда возмущала его чуть не до припадка. Он был оратор "Божьей милостью". Много добрых чувств сеял в людские души. Живые, оригинальные мысли так и кипели в его умной голове. ...Лет через семь я увидела его уже тихим, слегка сгорбленным монахом, с осторожной речью и медленными движениями. Он, видимо, управлял собой каждую минуту...

Михаил Александрович умер в Оптине смиренным и молчаливым монахом...»

Следующим их братом был Александр Александрович Брянчанинов (1 мая 1814 — 7 апреля 1835), который служил военную службу и умер в молодых годах. Перед смертию был пострижен братом своим Игнатием в монахи и похоронен в Сергиевой пустыни.

Самый младший из братьев, Семен Александрович Брянчанинов (3 декабря 1815 — 7 декабря 1863), службу начинал там же, где и старшие его братья, в Семеновском полку. Оставив военную службу, вернулся в Вологду, жил при отце, служил мировым посредником 1-го созыва.

К Семену Александровичу прилепились определения «ненаглядный», «милый». Архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил, вспоминая свои вологодские встречи, вопрошал в письме архимандриту Игнатию: «Где ненаглядный Сенюша?» Сам архимандрит Игнатий в письме к отцу пишет: «Семен премилый, пречительный, скромный и осторожный» или: «Семен премилый юноша». А. Н. Купреянова: «Был у деда моего сын, Семен Александрович, непохожий на прочих, — добрый и веселый джентльмен, "дядя Сеня", каким и остался в моих воспоминаниях. Он любил

мою мать по-братски и как равный... Умер он еще молодым сравнительно человеком. Он не наводил на меня хмурого взгляда, но улыбался мне и баловал».

И отец, Александр Семенович, выделял этого самого младшего своего сына, который в конце концов стал главным его наследником, получив еще при жизни отца $^{3}/_{4}$ состояния.

Женат Семен Александрович был дважды. От первой жены, Надежды Петровны, имел двух сыновей — Александра и Николая. От второй жены, Анны Ильиничны, у него были сыновья Евгений (15 ноября 1862 –17 апреля 1891) и Дмитрий, умерший младенцем, а также дочь Евдокия.

Семен Александрович, единственный из братьев, оставшийся в миру до конца своих дней, воспитавший «двух доблестных слуг Церкви и Отечества», был убежден в праведности старшего брата. Отправляя своих сыновей-студентов в 1862 г. в университет, указал им заехать к дяде в Бабайки. По свидетельству младшего из сыновей, Николая Семеновича, их свидание со святителем Игнатием оставило на всю жизнь глубокое впечатление родственной сердечности, необычной простоты, духовной близости.

Старший из сыновей Семена Александровича, носивший имя деда, Александр Семенович Брянчанинов-младший (28 октября 1843 — 26 декабря 1910), поступил в Петербургский университет, но с третьего курса выбыл и в 1864 г. поступил в Николаевское кавалерийское училище, в 1866 г. окончил его первым и записан на мраморную доску, и определен корнетом в Кавалергардский полк. В 1868 г. назначен полковым казначеем, при чем не оставлял фронтовых занятий и на состязании офицеров гвардейской и армейской кавалерий в высшей офицерской езде получил в 1869 г. первый, а в 1870 г. Императорский призы. В 1872 г. в чине ротмистра оставил военную службу и посвятил себя местной общественной деятельности. В 1879 г. он был избран почетным мировым судьей Грязовецкого мирового округа, а с 1880 г., в течение восьми лет был Грязовецким уездным предводителем дворянства и с 1882 г. — председателем съезда мировых судей. В 1888 г. он был назначен Самарским вице-губернатором. Полный неурожай хлебов в 1891 г., выяснившийся в Самарской губернии, и только отчасти, в июле месяце, в связи с более или менее значительным недородом хлебов, на огромном пространстве средней полосы России; неподготовка местных сил для борьбы с таким стихийным бедствием; почти пустые хлебозапасные магазины; отсутствие сведений о существовании запасов

хлеба в пределах губернии у частных лиц; невозможность получения на местах, за недостаточной провозоспособностью железных дорог, хлеба, купленного распоряжением земства за пределами губернии; необходимость приведения в действие Высочайшего повеления, последовавшего 21 ноября 1891 г. и вызванного серьезностью положения, об изъятии в Самарской губернии из ведения земства продовольственного дела с передачей такового в распоряжение губернской администрации — вот условия, в которых находилась губерния, когда 19 декабря 1891 г. последовало Всемилостивейшее назначение А. С. Брянчанинова Самарским губернатором. С 1895 г. он состоял также председателем местного отделения Красного Креста и почетным попечителем школ церковно-приходских и грамоты в Самарской епархии. Он неоднократно вызывался в Петербург для участия в разных серьезных комиссиях при Министерстве внутренних дел. 6 мая 1892 г. он получил за особые заслуги звание гофмейстера. С 1904 г. он член Государственного Совета, сенатор. Он также был почетным пожизненным членом Самарского попечительства детских приютов, членом Высочайше утвержденного Особого Комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования, членом главной дирекции Императорского русского музыкального общества, членом многих благотворительных учреждений и имел звание почетного гражданина городов Самары и Ставрополя Самарской губернии и почетного мирового судьи по Бугурусланскому уезду. Награжден многими орденами до ордена Александра Невского включительно.

Скончался он в Петербурге, где его отпевали в церкви Кавалергардского полка, после чего прах его был перевезен в Покровское и похоронен в семейном некрополе.

Сохранилось сорок девять писем Александра Семеновича Брянчанинова к сенатору Александру Дмитриевичу Свербееву, с которым он был в дружеских отношениях. Письма написаны в бытность Александра Семеновича Самарским вице-губернатором и губернатором. В них он рассказывает о своей основной заботе — чуме в Бузулукском районе, особенно среди татар, об усугублявшей бедственное положение засухе и росте цен на хлеб. Касается он и личных, семейных новостей. Например, в письме от 22 февраля 1890 г. он пишет: «В Москве, к великому нашему удивлению, встретили брата Алексея Петровича, который поехал в Бабайки к своему больному отцу. На Петра Александровича весьма повлияла неожиданная кончина архимандрита Иустина». Напряжен-

ная работа этих лет явилась причиной начала тяжелой болезни: «В половине июня, — пишет он 20 мая 1892 г., — хотел бы побывать в Петербурге. Но не знаю, будет ли возможность. Недавно я доработался до обморока, доктора не велят так много заниматься; по их совету ездил в Ставропольский уезд, чтобы немного освежиться». И еще через год, 17 мая 1893 г.: «Собираюсь в Москву посоветоваться с Захарьиным и, конечно, проеду в Питер. Повторяющиеся обмороки заставляют меня немножко подумать и о себе».

Супругу Александра Семеновича звали Софья Борисовна. Их брак не был счастливым, в том смысле, что у них не было детей. Вероятно, это обстоятельство явилось причиной или поводом для связи Александра Семеновича с молоденькой компаньонкой его жены. Историю эту рассказала мне в Покровском Капитолина Васильевна Разина, слышавшая ее от своей матери, бывшей перед 1917 г. горничной Софьи Борисовны. Когда компаньонка забеременела, Александр Семенович повинился перед женой, но Софья Борисовна не простила ему неверности. Девушку прогнали, и, когда она около 1905 г. скончалась, ее дочка осталась сиротой и росла у родственников матери. Только незадолго до кончины Александра Семеновича Софья Борисовна простила мужа. Девочку взяли в дом и воспитали как барышню, а когда она подросла, ее выдали замуж за управляющего имением. В годы расправы над дворянством эта дочка Александра Семеновича оказалась единственной поддержкой старой, больной и совершенно ослепшей Софьи Борисовны. Она увезла ее в Вологду и несколько лет скрывала в своем доме, в темной комнате без окон. Но, как видно, в Покровском эту тайну знали...

Брат Александра Семеновича, Николай Семенович Брянчанинов (17 сентября 1844 — 1915), поступил на юридический факультет Петербургского университета и, когда последний был закрыт по причине происходивших в нем беспорядков, вступил в 1867 г. в службу унтер-офицером в Кавалергардский полк; в следующем году произведен в корнеты; в 1871 г. утвержден членом полкового суда, через два года прикомандирован к Главному штабу для письменных занятий; в 1874 г. назначен чиновником особых поручений VIII класса при начальнике Главного штаба, а в 1876 г. — VII класса; в том же году командирован в Тамбов и Ростов-на-Дону для наблюдения за отправкою по железным дорогам купленных для артиллерии Кавказского военного округа 3100 лошадей; в 1877 г. командирован для наблюдения за сплавом нижних чинов по рекам Каме и Белой, затем в тыл действующей армии в Фратешти и Зим-

ницу заведовать эвакуацией больных и раненых воинов. В 1882 г. причислен к Министерству внутренних дел; в 1885 г. откомандирован в распоряжение Петербургского губернатора; в следующем году избран на должность Великолукского уездного предводителя дворянства; в 1890 г. назначен Псковским вице-губернатором. 16 февраля 1893 г. Высочайшим указом был переведен на должность Рязанского губернатора — до 11 августа 1904 г., когда был назначен присутствующим в Правительствующем Сенате. В 1896 г. 14 мая пожалован в шталмейстеры Высочайшего двора. Награжден многими орденами до Александра Невского включительно; 22 августа 1913 г. награжден знаком отличия за 40 лет беспорочной службы; его последний чин — действительный тайный советник.

После кончины его двоюродного брата, Алексея Петровича, в 1907 г. и в 1910 г. — родного брата, Александра Семеновича, умерших без потомства мужского пола, Николай Семенович оставался последним представителем покровской линии рода Брянчаниновых, ответственным за сохранение памяти рода и достойное продолжение его. Именно ему Алексей Петрович передал документы и различные материалы святителя Игнатия, которые он предоставил Л. Соколову для работы над монографией о жизни и трудах Святителя. Также на нем одном лежала обязанность воспитания троих детей — сыновей Александра и Владимира и дочери Марии, так как овдовел он очень рано. Сохранившиеся фрагменты его переписки с Анатолием Викторовичем Половцовым свидетельствуют, что и к этой своей обязанности он относился очень серьезно.

Анатолий Викторович Половцов состоял на службе в Кабинете Его Императорского Величества, а также был известным историком и археологом. Поводом для начала переписки Н. С. Брянчанинова и А. В. Половцова явилось то, что первый был губернатором в Рязани, а второй — рязанским помещиком, принимавшим довольно активное участие в жизни рязанского общества. Личное их знакомство состоялось в 1893 г. и вскоре переросло в дружбу. Оба оказывали друг другу кое-какие услуги. Например, Николай Семенович оказывал содействие жене Половцова, Екатерине Николаевне, в постройке школы кружевниц в Борисовке и в получении ссуды для строительства еще одной школы. Выполнял он также поручения Анатолия Викторовича, касающиеся его взаимоотношений с местной рязанской властью. Сам же Николай Семенович просил Половцова, как человека близкого к Двору, похлопотать о посвящении его дочери Марии в фрейлины: чтобы «упрочить еще при

жизни моей общественное положение моей дочери Маруси, лишенной матери, и облегчить трудную обязанность, лежащую на ней, как дочери начальника губернии, не имеющего жены, — быть помощницею отцу при всех официальных общественных служебных приемах, в организации и руководстве дела благотворительности и по сплочению и объединению общества в целях подъема его духовных сил. Хотя Марусю все полюбили в Рязани и очень ее ласкают, но внешнее ее отличие значительно поможет молодой девушке занять то общественное положение, которое обыкновенно занимают супруги начальников губерний в провинциальном городе, и играть в обществе ту роль, которая выпала на ее долю тотчас по выходе из Института (Смольного)...» Это письмо писалось в феврале 1898 г. К началу следующего года Машу вызвали в Петербург, и она остановилась у Половцовых. 6 января 1899 г. Половцов сообщает Николаю Семеновичу, что «Барон Фредерикс был у Императрицы, рассказал, что Маше не во что было одеться (то есть не было придворного платья). Это рассмешило Императрицу, но назначений не было». 15 февраля он писал, что «Маша в восторге от приема у Императрицы» и 12 мая 1899 г.: «О том как мы рады за Марию Николаевну, нечего и говорить. Екатерина Николаевна выезжает (в Рязань) с копиею 15-го...»

С симпатией Половцов относился и к сыновьям Николая Семеновича, которые в это время находились в Петербурге: «Вашего милого сына мы видели», — пишет он 20 апреля 1895 г. о младшем сыне; 14 августа поздравляет Николая Семеновича с переводом старшего сына в гвардию; а 20 октября сообщает: «Вашего сына Александра Николаевича я видел несколько раз, другому дал с собою целую библиотеку, чтоб скрасить пребывание в Малороссии».

Николай Семенович и сам интересовался трудами Анатолия Викторовича по истории и археологии (которыми тот занимался вместе со своей женой): «Статьи Ваши в Московских ведомостях, — писал он ему 21 марта 1898 г., — не только с большим интересом читаются мною, но отмечаются цветным карандашом и высылаются в Париж старшему моему сыну, которому, я уверен, это доставляет большое удовольствие. Ожидаю продолжения описания музея Александра III. ...Какой слог, какая ерудиция — просто удивительно, как вы успеваете приобретать столько сведений, и Вашей способности передавать другим в интересном изложении и понятным языком...»

Вообще, письма характеризуют Николая Семеновича Брянчанинова как высококультурного человека, что проявлялось и в тех мероприятиях, которые он проводил в губернии. Так, в 1895 г. он организовал торжественное празднование юбилея Рязани. Об этом «незабвенном юбилее» Половцов написал две статьи, помещенные в столичных журналах. Для встречи Нового 1898 г. Николай Семенович пригласил в Рязань труппу Малого театра, о чем сообщал Половцову: «Перебывали все знаменитости Малого театра и ожидаем теперь Южина». А в 1899 г. организовал «Пушкинский праздник». Пользовался он и дружеским отношением Половцова, который по его просьбе выступал перед рязанским обществом со своими лекциями.

Служебное положение Николая Семеновича, культурная атмосфера, в которой он жил, не могли не отразиться на его сыновьях. Оба они получили прекрасное образование и с юности привыкли вращаться в аристократических кругах, близких к Двору. Однако их дальнейшие жизненные пути все больше расходились. По всей вероятности, причиной тому явился неустойчивый, увлекающийся характер старшего сына.

Александр Николаевич Брянчанинов (6 июня 1871 — 1960) несколько лет проучился в университете, потом поступил на военную службу. Из письма А. В. Половцова известно, что в 1895 г. он был переведен в гвардию. Но в 1897 г. уже вышел в отставку. О дальнейших его жизненных шагах можно узнать из его писем А. В. Половцову, с которым он также переписывался. Летом 1897 г. он в Лондоне (сообщает, что не может разыскать там роман, интересующий жену Анатолия Викторовича, а также о впечатлении от музыки Вагнера). С 1898 г. он в Париже. 15 апреля 1899 г. пишет: «Я ныне страшно занят своим сочинением по русской историографии, которого 17-ю часть собираюсь представить в виде диссертации в школу *(нрзб.)* другую работу, которую надеюсь издать до июля». Через год, 29 мая 1900 г. из Петербурга: «Зная Ваше горячее сочувствие к судьбе несчастных буров, я уверен, Вы отнесетесь хорошо к только что принятой мною инициативе общего протеста против открыто совершаемого беззакония». 24 июля 1900 г. советуется об установке памятника Александру III: «Лицем к вокзалу или Невскому?» И еще через некоторое время: «Оставляю Вам эту новую мою пьесу, помня, как любезно и тепло Вы всегда относились к моим литературным опытам».

Кроме того, он занимается музыкой, «которая меня все больше и больше захватывает (удалось составить у себя квартет, разбираем Шумана, Моцарта, Бородина)... Делаю все что могу здесь для русских артистов — познакомился, подружился с Брандуковым. Идея — показать русскую оперу и балет». Об его чрезвычайно интересной дружбе с А. Н. Скрябиным, об его материальной поддержке А. Н. Скрябина упоминается в книгах о композиторе, см., например, Л. Сабанеев «Воспоминания о Скрябине» (М.,1925).

Но больше всего его захватывает публицистика и общественная деятельность. Особенно активно он проявлял себя в период Балканской войны, начавшей Первую мировую войну. Он был одним из организаторов и членом редакционной комиссии, а с одиннадцатого номера и редактором-издателем «Церковно-общественного вестника», выходившего в 1912–1914 гг. Участие в нем принимали профессор-священник К. М. Агеев, С. Н. Булгаков, члены Государственной думы И. Н. Ефремов и Н. Н. Львов, профессор В. И. Экземплярский, Н. А. Бердяев, князь Е. Н. Трубецкой и другие. Главное содержание журнала составляли «вопросы религии и Церкви, как в их коренной постановке, так и в “применении” к историческим условиям жизни». Александр Николаевич напечатал в журнале ряд статей, содержание которых определяется их названием: «Балканская война», «Накануне войны», «Свершилось», «Какой мир нужен России», «Борьба Креста с позлащенным тельцом».

Также он был одним из инициаторов «совещания группы прогрессивных общественных деятелей, которая поставила своей задачей обсуждение вопросов, выдвигаемых на первый план балканской войной»: «18 января 1913 г., выслушав пространный доклад А. Н. Брянчанинова, только что вернувшегося из объезда западноевропейских столиц, собрание приняло следующую резолюцию: “...Грядущее возобновление военных действий на Балканах и факт серьезных военных приготовлений Австро-Венгрии и Румынии... требуют, чтобы теперь же Россия в полной боевой готовности встретила возможные будущие осложнения и агрессивные выступления держав, не участвовавших в Балканской войне... Мы желаем и требуем не европейской политики, а славянской, и только славянской”».

Несколько писем и телеграмм Александра Николаевича Брянчанинова сохранилось в архиве Вячеслава Ивановича Иванова:

24 января 1914 г. он приглашает В. И. Иванова принять участие в собрании, где будет «Болгарский доклад»; 19 мая 1915 г. просит его выступить в концерте памяти Скрябина; 17 ноября 1917 г. — приглашает посетить собрание — политическое. Новые идеи явились очередным импульсом для бурной деятельности Александра Николаевича: 29 мая 1917 г. он выступает с речью на открытии Всероссийского общества противодействия роскоши и расточительности, членом Совета которого является: «Революция низвергла царизм... но низвергла ли она столь дорого стоивший русскому народу бюрократизм? ...Банкрот и иностранная экономическая кабала неминуемы, если мы не сократим свой образ государственной и общественной жизни...»

В самом конце 1917 г. он в Париже, чтобы никогда уже не вернуться в Россию. Семья его жила в Париже уже с 1916 г.

За границей он продолжает свою деятельность: в 1926 г. (с 30 мая по 6 июня) по его инициативе и под его же председательством проходит Первый конгресс Psychosociologique Convoqué sur l'initiative de L'Internationale des Amis de l'Ordre Spirituel (L'Organisateur Responsable Briantchaninoff); а с 13 по 20 мая 1928 г. — Третий конгресс и т. д.; в 1927 году 4 сентября в Женеве собирается Association Nationale Russe Pour La Ligue des Nations. Le Presidant: Briantchaninoff, P. le President de la section de Geneve Prince A. Bagration-Mouhransky и т. д.

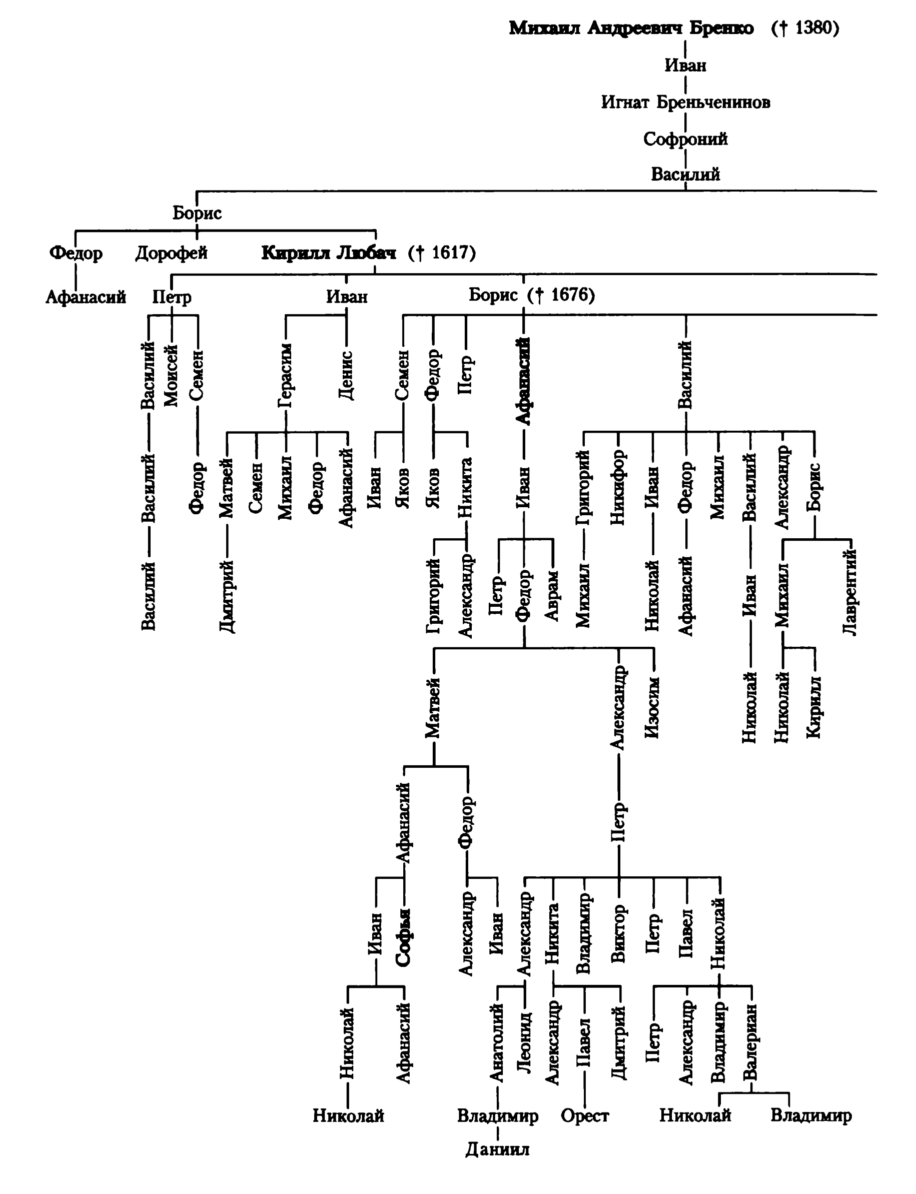
Александр Николаевич не стал последним владельцем родового гнезда — Покровского. Возможно потому, что в качестве приданного жены ему досталось прекрасное имение «Старые липы» в Псковской губернии. Впрочем, его семейная жизнь не сложилась. Хотя партию он сделал блестящую. Женат он был на внучке Государственного канцлера Александра Михайловича Горчакова, светлейшей княжне Марии Константиновне Горчаковой. Они разошлись вскоре после переезда в Париж. Мария Константиновна умерла 25 мая 1924 г., похоронена на кладбище Батиньоль. Их единственная дочь Татьяна — последняя Брянчанинова — родилась 22 сентября 1907 г., жила в Париже, скончалась в 2002 г. Она не любила говорить об отце, с которым почти не встречалась. Но в ее рассказах звучала ностальгия по счастливому детству в «Старых липах», а в воспоминаниях о прошлом упоминались самые блестящие фамилии Российской Империи.

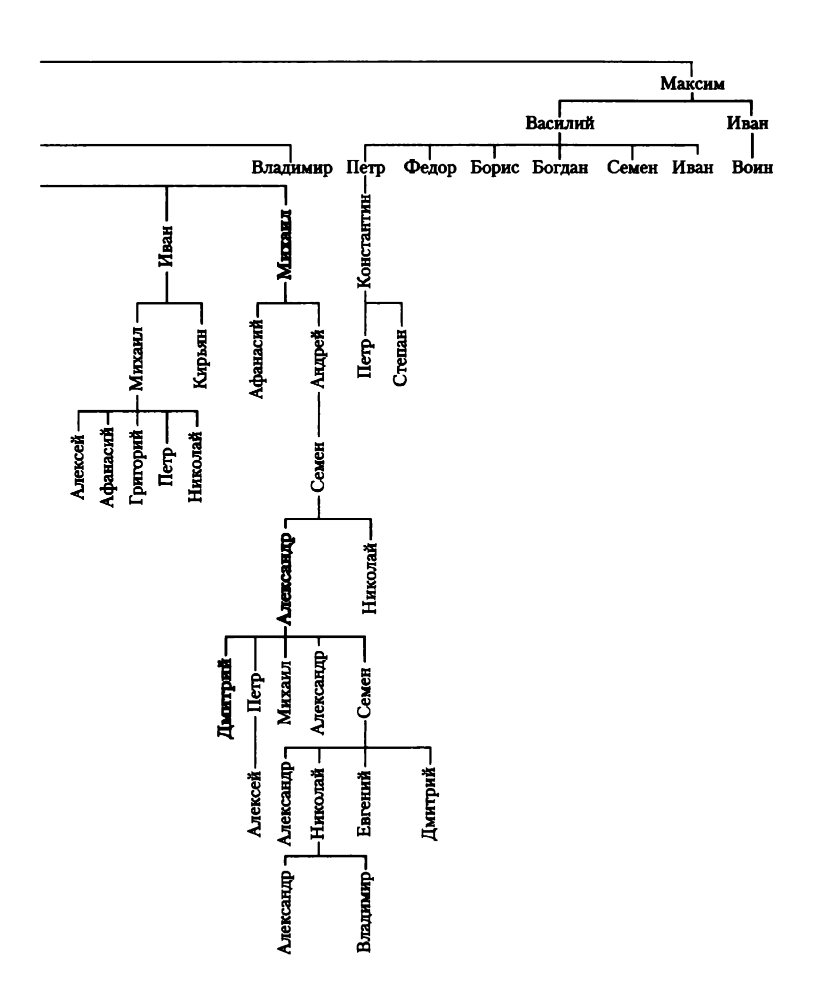
Последним владельцем Покровского был младший брат Александра Николаевича, Владимир Николаевич Брянчанинов (15 сен-

тября 1875 — 11 августа 1963). Он был достойным продолжателем традиций рода: учился в Университете, службу начинал в Кавалергардском полку, вышел в отставку в чине штабс-ротмистра, поступил на государственную службу, до 1917 г. он Архангельский вице-губернатор.

«За смертию Александра Семеновича и отсутствием у него наследников по мужской линии, имение (то есть Покровское), по соглашению с Софьей Борисовной, его вдовой, передано племяннику, сыну Николая Семеновича, Владимиру Николаевичу, ныне Архангельскому вице-губернатору», — писал Л. Соколов в 1915 г.

После 1917 г. Владимир Николаевич Брянчанинов с семьей эмигрировал во Францию. Умер он в Доме русских военных инвалидов в Монморанси. Там же, в Монморанси, похоронен. Его жена Софья Алексеевна, урожденная Татищева (30 апреля 1882 — 19 сентября 1966) похоронена рядом с мужем, в Монморанси. У них были две дочери: Наталья (23 февраля 1905 — 17 марта 1992, Италия), в Италии живет ее сын Алексей, и Екатерина (22 июня 1906 — 18 июля 1993, Перт, Западная Австралия); ее дочь, Татьяна Александровна, урожденная Шуберт (р. 24 марта 1934, Прага, Чехословакия), ныне живет в Австралии. У Татьяны Александровны муж англичанин D. Watson и дети: Петр (р. 16 ноября 1957), Сусанна (р. 6 января 1959), Иван (р. 20 сентября 1962) и Михаил (р. 11 октября 1964). Начиная с 1994 г. Татьяна Александровна с мужем ежегодно приезжает на родину своих предков, бывает в Москве, Санкт-Петербурге, Вологде и селе Покровском, где оказывала материальную помощь в восстановлении церкви, построенной ее прапрапрадедом Александром Семеновичем Брянчаниновым.


Михаил Андреевич Бренко († 1380)
Иван
Игнат Бреньченинов
Софроний
Василий
Борис
Федор
Дорофей
Кирилл Любач († 1617)
Афанасий
Петр
Иван
Борис († 1676)
Василий
Моисей
Семен
Герасим
Денис
Семен
Федор
Петр
Афанасий
Василий
Василий
Федор
Матвей
Семен
Михаил
Федор
Афанасий
Иван
Яков
Яков
Никита
Иван
Григорий
Никифор
Иван
Федор
Михаил
Василий
Александр
Борис
Василий
Дмитрий
Григорий
Александр
Петр
Федор
Аврам
Михаил
Николай
Афанасий
Иван
Михаил
Лаврентий
Матвей
Александр
Изосим
Николай
Николай
Кирилл
Афанасий
Федор
Петр
Иван
Софья
Александр
Иван
Александр
Никита
Владимир
Виктор
Петр
Павел
Николай
Николай
Афанасий
Анатолий
Леонид
Александр
Павел
Дмитрий
Петр
Александр
Владимир
Валериан
Николай
Владимир
Орест
Николай
Владимир
Даниил


Максим
Василий
Иван
Владимир
Петр
Федор
Борис
Богдан
Семен
Иван
Воин
Иван
Михаил
Константин
Михаил
Кирьян
Афанасий
Андрей
Петр
Степан
Алексей
Афанасий
Григорий
Петр
Николай
Семен
Александр
Николай
Дмитрий
Петр
Михаил
Александр
Семен
Алексей
Александр
Николай
Евгений
Дмитрий
Александр
Владимир

Содержание

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том I

Общая редакция
О. И. Шафранова

Оформление
Анна Любавина

Редактор
Александра Доброцветова

Корректор
Ольга Грецова

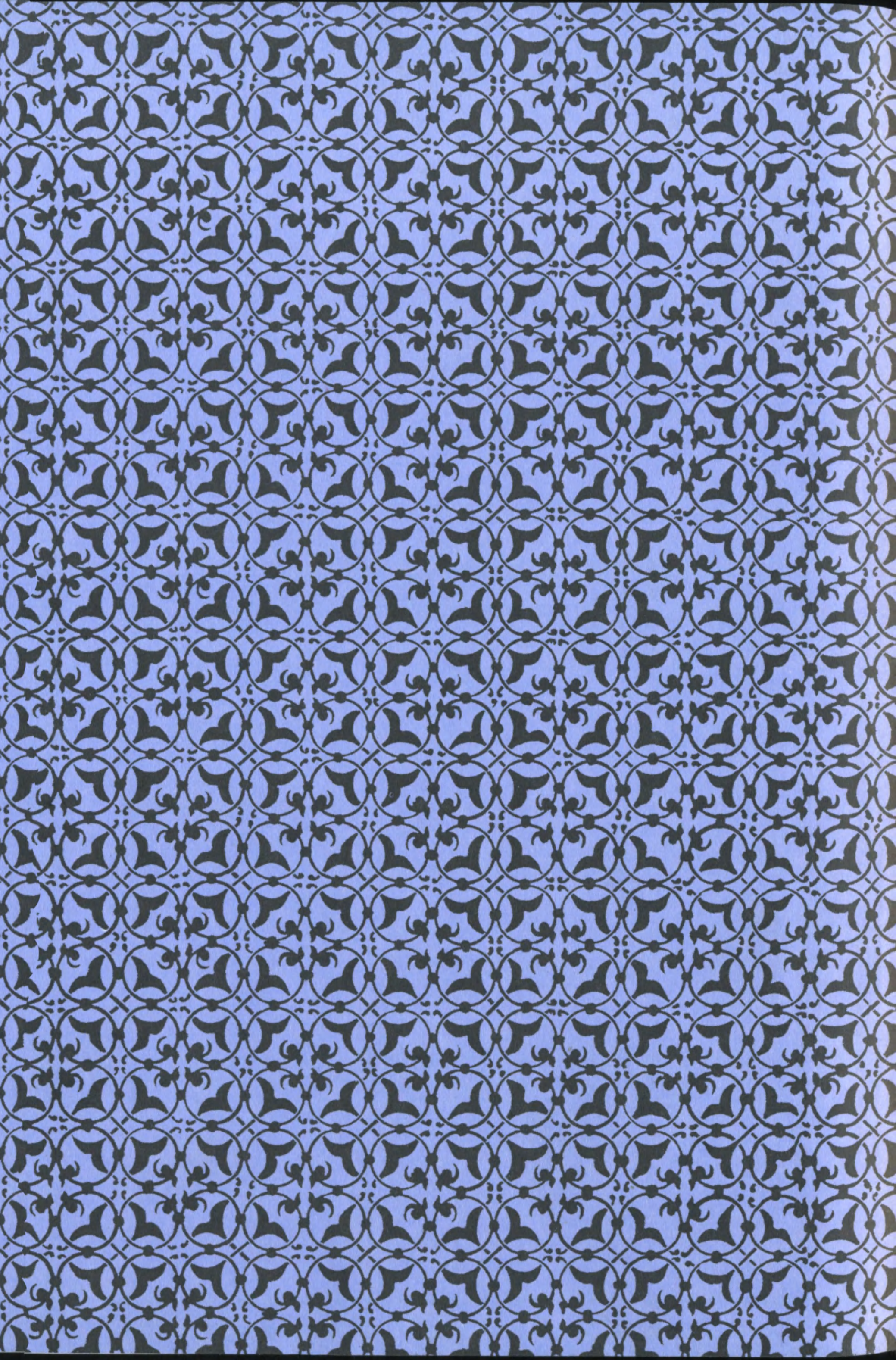
Верстка
Екатерина Белогорцева

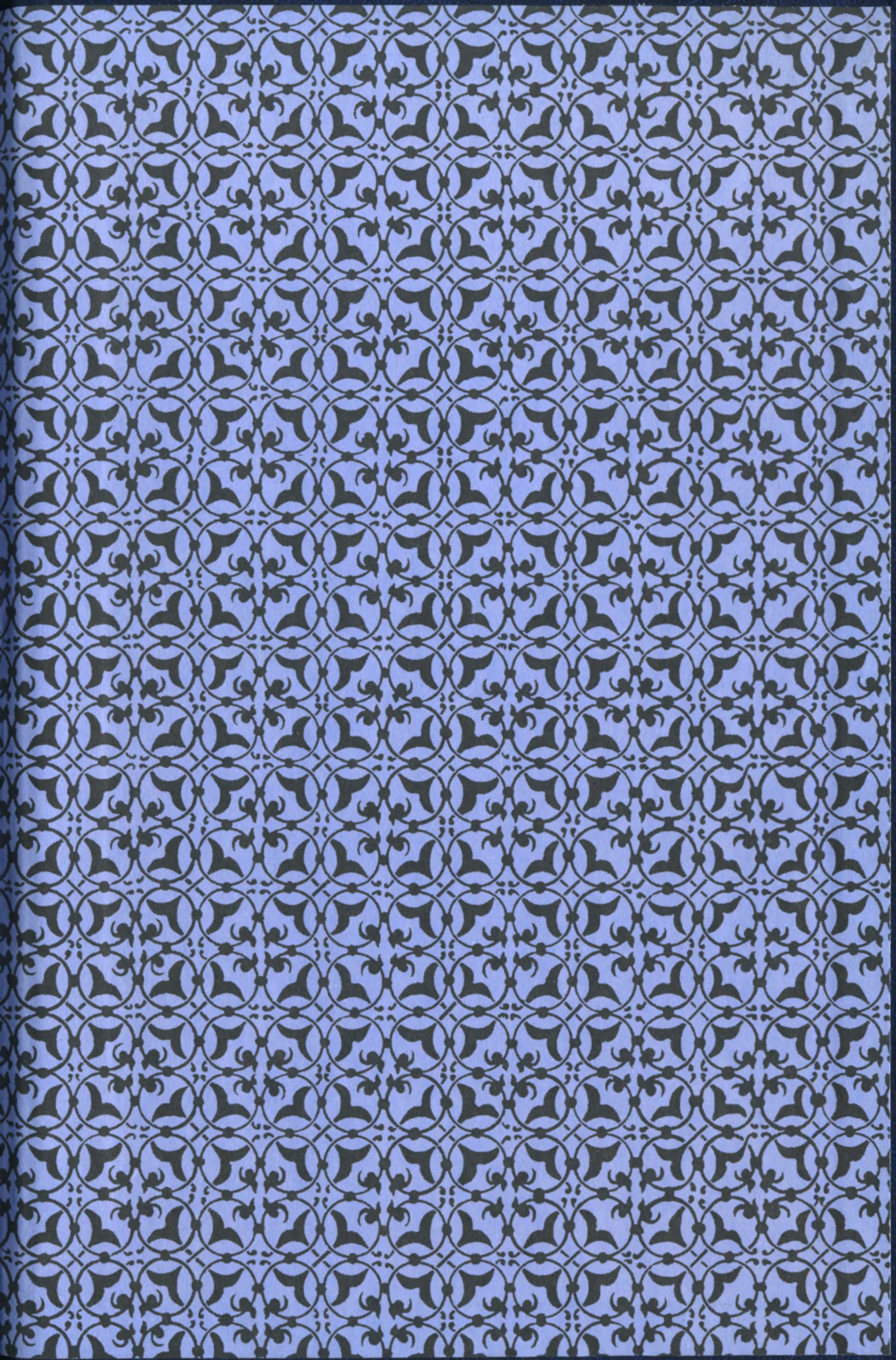
Подписано в печать 02.10.2013. Формат 60x90 1/16. Печать офсетная.
Объем 41 п. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 1312420.

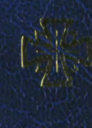
Издательство «Паломник»
111141, Москва, Плеханова, 15.

arvato ЯПК

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97







ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ
СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ

Том
I